

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Папкива Елена Алексеевна

Творчество Всеволода Иванова 1910–1920-х гг.:
текстология, биография, контексты

Специальность 5.9.1. — Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант —
доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН
Наталья Васильевна Корниенко

Москва
2022

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ТЕКСТОЛОГИЯ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА	
1.1. Сибирская биография и творчество Иванова 1915–1918 гг.....	26
1.2. 1919 год в жизни и творчестве Всеволода Иванова.....	52
1.3. Текстология повести, пьесы и сценария «Бронепоезд 14-69».....	73
1.4. Творческая история книги Иванова «Тайное тайных».....	108
1.5. История текста книги «Тайное тайных».....	136
ГЛАВА 2. ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ СИБИРИ В ПРОЗЕ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА	
2.1. Рецепция областнических идей в книге Иванова «Зеленое пламя. Рассказы и сказки».....	169
2.2. Постановка основных насущных «сибирских областных вопросов» в рассказах и очерках 1916–1919 гг.....	192
2.3. Всеволод Иванов и новокрестьянские писатели.....	213
2.4. Среди «серапионовых братьев» «восточной группы»: сибирские контексты петроградского периода.....	226
2.5. Постановка проблемы Восток – Запад в прозе Иванова начала 1920-х гг. Повесть «Возвращение Будды».....	250
ГЛАВА 3. ВСЕВОЛОД ИВАНОВ – СВИДЕТЕЛЬ И ИСТОРИК ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИБИРИ.	
3.1. Военный корреспондент фронтовой газеты «Вперед».....	272
3.2. От «Фарфоровой избушки» к «Партизанам».....	285
3.3. «Бронепоезд 14-69»: генетическое досье.....	304
3.4. Исторические и политические контексты повести, пьесы и сценария «Бронепоезд 14-69».....	330
3.5. Автобиографические рассказы Иванова 1920-х гг.....	359

3.6. Трансформация темы Гражданской войны в повести «Гибель Железной».....	369
ГЛАВА 4. КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССИЯ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА НА ПУТИ К СОЦИАЛЬНОМУ ИДЕАЛУ	
4.1. Странники и правдоискатели в книгах «Рассказы» и «Рогульки».....	385
4.2. Легенды о «далеких землях» и образ «пшеничного рая» в прозе Иванова 1921–1923 гг.....	401
4.3. Борьба за «новый быт» и «Тайное тайных».....	432
4.4. Всеволод Иванов и спор о мужике в литературе 1920-х гг.....	449
4.5. Историко-культурные и литературные контексты повести «Бегствующий остров».....	483
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	508
БИБЛИОГРАФИЯ.....	510

ВВЕДЕНИЕ

В диссертации рассматриваются несколько периодов творчества Всеволода Вячеславовича Иванова: сибирские годы (1915–1920), когда под влиянием масштабных исторических событий формировались мировоззренческие и творческие установки писателя; период 1921–1923 гг., в произведениях которого нашли отражение прежде всего пережитые им события революции и Гражданской войны; 1923–1927 гг., отмеченные созданием важнейшей книги писателя «Тайное тайных». Произведения этих лет анализируются с точки зрения их текстологии, представлены в контексте биографии писателя и широком историческом, политическом, культурном и литературном контекстах.

Актуальность диссертационного исследования определяется возросшим за последние два десятилетия научным и читательским интересом к русской литературе и истории советского периода, а также к творчеству Вс. Иванова, восприятие которого существенно изменилось. С одной стороны, этому способствовала серьезная источниковедческая и исследовательская работа начала 2000-х гг. В центральных и региональных архивах и сибирской периодике было выявлено и введено в научный оборот около ста неизвестных ранее произведений Иванова сибирского периода разных жанров и большое количество материалов к биографии писателя, которые вошли в издания: «Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества» (отв. ред. Е.А. Папкина; М.: ИМЛИ РАН, 2010), *Иванов Вс. Тайное тайных* (отв. ред. Н.В. Корниенко, подготовлено Е.А. Папкиной; М.: Наука, 2012. Серия «Литературные памятники»), *Иванов Вс. Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма* (сост. Вяч.Вс. Иванов, Е.А. Папкина; науч. ред. Н.В. Корниенко; Новосибирск: ИД «Свинын и сыновья», 2015), «Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы» (отв. ред. В.В. Полонский; М.: ИМЛИ РАН, 2017); «Всеволод Иванов “Бронепоезд 14-69”: Контексты истории» (отв. ред. Н.В. Корниенко, сост. Е.А. Папкина; М.: ИМЛИ РАН, 2018), а также включены в публикации

Ю.П. Зародовой, Н.И. Левченко, И.Е. Лоцилова, Е.А. Папковой, А.А. Штырбула¹ преимущественно в сибирских изданиях.

С другой стороны, новому пониманию творчества Иванова указанного периода способствовала «архивная революция» в России. Начиная с 1990-х гг. в научный оборот было введено большое количество неизвестных ранее архивных материалов и документов, в том числе и хранившихся под грифом «Секретно». Это материалы по истории Сибири 1910-х гг., в частности сибирского областничества², рецепция идей которого представлена в прозе Иванова, а также истории Гражданской войны, прежде всего периода 1918–1920 гг., когда на территории Сибири установилась власть сначала Временного Сибирского правительства и Директории, а затем власть Российского правительства адмирала А.В. Колчака³. Биография Иванова, как было установлено в результате источниковедческой работы, оказалась тесно связана и с сибирскими областниками, многие из которых являлись друзьями, знакомыми и соратниками писателя по литературному труду, и с политическими и партийными деятелями этого переломного исторического периода, и с «белым» движением, что проявилось в сотрудничестве писателя во фронтовой передвижной газете «Вперед» и в народной газете «Сибирский

¹ См.: Омский литературный авангард 1920-х годов. Поэты «Червонной тройки». Антология / ред. И.Г. Девятьярова, сост. Ю.П. Зародова. Омск: Изд-во Омского худож. музея, 2021. С. 30–35; Левченко Н.И. Леонид Степанович Ушаков – редактор газеты «Приишимье» // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 277–301; Лоцилов И.Е. Николай Анов об Андрее Платонове и Всеволодах Ивановых // III–IV Литературно-краеведческие Ивановские чтения. 2015–2016. Статьи, материалы, сообщения / сост. Н.И. Левченко. Новосибирск: Издательство «Наука», 2017. С. 28–53; Папкова Е.А., Лоцилов И.Е. Всеволод Иванов. Корреспонденции из газеты «Вперед» (август – сентябрь 1919 года) // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 7–38; Штырбул А.А. Всеволод Иванов в Сибири: Страницы творческой биографии в контексте истории (1917–1921). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2020.

² См.: Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск: «Наука». Сибирское отделение, 1991; Емельянова Т.Н. Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб.: Инфо-да, 2004; Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / сост. Т.Г. Черняева (при участии В.К. Корниенко и К.В. Анисимова). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2008; Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд. Дом. С.-Петербург. гос. ун-та, 2010; Головинов А.В. Идеология сибирского областничества: социокультурные ценности и политические смыслы. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2011.

³ См.: Шоловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003; Лосунов А.М. Омский адрес Верховного Правителя. Омск: Амфора, 2011; История Белой Сибири: сборник научных статей / под ред. С.П. Звягина. Кемерово: Изд-во Кемеровского университета, 2011; Штырбул А.А. Покушение на Колчака: историческое расследование. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012; Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922). Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2012.

казак». Неизвестные ранее стороны биографии Иванова этого периода по-разному отразились в творчестве писателя 1910–1920-х гг., определили ключевые направления его творчества указанного периода. Необходимым, закономерным и актуальным научным осмыслением этих неизвестных ранее фактов и является данное диссертационное исследование.

Степень разработанности проблемы. В последние годы жизни писателя и после его смерти, в 1960–1980-е гг., о периоде 1910–1920-х гг., в том его виде, в каком в это время были представлены в печати тексты Иванова и известна его биография, писали многие исследователи; см. статьи, выступления, главы монографий Е.И. Беленького, А.В. Галузо, Л.А. Гладковской, Л.Н. Ивановой, А.И. Клитко, Е.А. Краснощековой, М.В. Минокина, Л.А. Пудаловой, В.П. Скобелева, В.П. Трушкина, Е.Л. Цейтлина, Э.Г. Шика, Н.Н. Яновского. В те годы вышли и монографии Н.Н. Яновского, Н.В. Зайцева, М.В. Минокина, Л.А. Гладковской, Е.А. Краснощековой, Е.Л. Цейтлина, Л.А. Пудаловой, освещающие этот период творческой деятельности писателя⁴. В годы перестройки, несмотря на публикацию усилиями вдовы писателя Т.В. Ивановой романов 1930-х гг. «Кремль» и «У», интерес к творчеству Иванова, казалось, остыл: он воспринимался или как классик никому уже не интересного социалистического реализма, или как благополучный переделкинский дачник, избежавший гонений и репрессий. Особняком стоят написанные в это время и не потерявшие своей актуальности работы сына писателя, выдающегося ученого Вяч.Вс. Иванова, посвященные отцу: «Судьбы серапионовых братьев и путь Всеволода Иванова», «“И мир опять предстанет

⁴ Яновский Н.Н. Всеволод Иванов. Новосибирск: Кн. изд-во, 1956; Зайцев Н. Драматургия Всеволода Иванова. М.: Искусство, 1962; Минокин М.В. Путь Всеволода Иванова к роману (20-е годы). Орел: Орловский гос. пед. институт, 1966; Гладковская Л.А. Всеволод Иванов: очерк жизни и творчества. М.: Просвещение, 1972; Краснощекова Е.А. Художественный мир Всеволода Иванова. М.: Сов. писатель, 1980; Цейтлин Е.Л. Сколько дорог у «Бронепоезда 14-69». М.: Книга, 1982; Пудалова Л.А. Проза Всеволода Иванова и фольклор. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984); Гладковская Л.А. Жизнелюбивый талант. Л.: Худож. лит., 1988.

странным...» (К 100-летию со дня рождения Всеволода Иванова, 24 февраля 1895 г.), «О “Тайном тайных” Всеволода Иванова»⁵.

Новый этап изучения биографии и творчества Иванова 1910–1920-х гг. начался в 2000-е гг. В течение последних двух десятилетий исследования ведутся по нескольким основным направлениям. Прежде всего отметим существенное расширение источниковедческой базы произведений писателя. В 2006 г. под руководством члена-корр. РАН Н.В. Корниенко и при поддержке директора Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН академика А.Б. Куделина в ИМЛИ РАН была создана научная группа, включавшая ученых из Москвы, Санкт-Петербурга и Саратова, а также членов семьи писателя. Перед исследователями, вошедшими в группу: И.Н. Арзамасцевой, М.Е. Бабичевой, О.В. Быстровой, Вяч.Вс. Ивановым, М.А. Котовой, Е.А. Мазановой, Е.А. Папковой, Л.В. Суматохиной, Е.А. Тюриной, М.А. Черняк, – стояла прежде всего задача ввести в научный оборот не опубликованные при жизни произведения Иванова разных лет из семейного и других архивов. В разделе «Сибирский период творчества Всеволода Иванова 1915–1921 гг.» в издании «Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества» было републиковано более семидесяти не печатавшихся с 1910-х гг. стихотворений, рассказов, сказок, легенд, прозаических миниатюр и очерков начинающего писателя. Часть этих текстов, включенных в самодельные сборники Иванова «Зеленое пламя. Рассказы и сказки. 1916–1917 г. Курган – Омск», «Рассказы» (1919) и первую печатную книгу «Рогульки» (1919), исследователям, работавшим в семейном архиве, была известна, однако сами произведения до 2010 г. не переиздавались.

Началом нового этапа осмысления биографии Иванова периода Гражданской войны и прозы писателя, посвященной этому периоду, стала работа С.Н. Поварцова «Биография, автобиография, жизнь (К портрету

⁵ *Иванов Вяч.Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том II. Статьи о русской литературе. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 482–544.

Всеволода Иванова)»⁶. На основании выявленных материалов биографии полковника В.Г. Янчевецкого (будущего известного писателя В. Яна), бывшего главным редактором газеты «Вперед», в которой сотрудничал молодой Иванов в 1919 г., а также неопубликованных воспоминаний Б.Д. Четверикова Поварцов выдвинул свою «версию» этого эпизода биографии Иванова и свое объяснение участия молодого писателя в «белом» движении: «Теперь, когда нет нужды идеализировать большевиков и демонизировать Колчака, становятся как-то особенно понятны метания людей в страшную годину национальной катастрофы...»⁷. Последовавшее за публикацией тщательное обследование газетных фондов РГБ и РНБ, а также фондов ГАРФ, указания на которые содержались в книге И.В. Просветова «Десять жизней Василия Яна. Белогвардеец, которого наградила Сталин»⁸, привели к выявлению нами ряда новых источников прозы писателя о Гражданской войне – статей и корреспонденций Иванова в газетах «белой» армии «Вперед» и «Сибирский казак». Большая часть их вошла в издание «Всеволод Иванов. “Бронепоезд 14-69”: Контексты эпохи», подготовленное совместными усилиями филологов, историков и краеведов из Москвы, Омска и Новосибирска Ю.П. Зародовой, И.Е. Лоциловым, Н.В. Корниенко, Е.А. Папковой, А.А. Штырбулом. Наряду с классическим произведением русской литературы о Гражданской войне «Бронепоездом 14-69» Вс. Иванова, выполненным в жанрах повести (1921), пьесы (1927) и литературного сценария (1963; текст публиковался впервые), которые печатались в основном в искаженном редакторской правкой виде, в издание были включены неизвестные ранее «очерки фронта» «У черты» и политические статьи писателя 1919 г., а также неизвестные и малоизвестные эго-документы самого Иванова, сибирских писателей и политических деятелей,

⁶ Поварцов С.Н. Биография, автобиография, жизнь (К портрету Всеволода Иванова) // Вопросы литературы. 2008. № 6. С. 168–189.

⁷ Поварцов С. К биографии Всеволода Иванова // Поварцов С. Теплое течение. Страницы литературного дневника. Омск: Министерство культуры Омской области, 2014. С. 158.

⁸ Просветов И.В. Десять жизней Василия Яна. Белогвардеец, которого наградила Сталин. [Б.м.]: Изд. решения, 2016.

проясняющие эти страницы его биографии. Еще один блок материалов из газеты «Вперед», обнаруженный И.Е. Лоциловым в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета, включающий 14 статей, памфлетов, сатирических сказок, очерков и рассказов Иванова, был опубликован в журнале «Сюжетология и сюжетография»⁹.

Тогда же, в 2000-е гг. началась научная работа по установлению исторических, политических, культурных и реальных контекстов хорошо известных произведений Иванова. Кроме названных повести и пьесы «Бронепоезд 14-69», это прежде всего относится к подвергнутой жесткой критике в двадцатые и последующие годы XX в. книге «Тайное тайных» (1926). Результаты работы вошли в подготовленное в серии «Литературные памятники» переиздание книги¹⁰, освобожденной от редакторского искажения текста, и в монографию Е.А. Папковой «Книга Всеволода Иванова “Тайное тайных”: На перекрестке советской идеологии и национальной традиции»¹¹ и способствовали новому пониманию тематики и проблематики этих произведений писателя. В книгу «Тайное тайных» включены также неизвестные ранее материалы переписки Иванова и А.М. Горького 1920-х гг. из Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН, подготовленные к печати и откомментированные Л.А. Суматохиной¹².

Публикация неизвестных ранее текстов и републикация известных произведений определили направление и характер новых исследований, посвященных творчеству Иванова 1910–1920-х гг. В большинстве своем таковыми стали научные статьи о различных контекстах биографии и творчества писателя. Статья Е.А. Папковой «Сибирский период творчества Всеволода Иванова. 1915–1921 гг.» в издании «Неизвестный Всеволод

⁹ Папкова Е.А., Лоцилов И.Е. Корреспонденции Всеволода Иванова из газеты «Вперед» (август – сентябрь 1919 года) // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 7–38.

¹⁰ Иванов Вс. Тайное тайных / подготовлено Е.А. Папковой; отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: Наука, 2012 (Серия «Литературные памятники»).

¹¹ Папкова Е.А. Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных»: На перекрестке советской идеологии и национальной традиции. М.: ИМЛИ РАН, 2012.

¹² Переписка Вс. Иванова и А.М. Горького / подгот. текста и примеч. Е.А. Папковой, Л.В. Суматохиной. 1924–1928 // Иванов Вс. Тайное тайных. С. 320–344, 543–561.

Иванов: Материалы биографии и творчества» раскрывала новые факты биографии писателя, ставшие известными после обследования архивов Кургана и Омска – городов, где начинался путь Иванова в литературу, вводила его ранние произведения в региональный политический и литературный контексты 1910-х гг. В завершающей том аналитической статье «Всеволод Иванов – неведомый, полузабытый и известный» Вяч.Вс. Иванов отмечал: «Для выяснения достаточно сложного переплетения разных религиозно-философских увлечений и поисков молодого Всеволода Иванова эти первые его опыты драгоценны...»¹³ Укажем также на подготовленные к печати и откомментированные М.А. Черняк письма Вс. Иванова известному критику А.К. Воронскому, которые входят в названное издание и уточняют страницы биографии писателя начала 1920-х гг.¹⁴ Новое понимание места Иванова в «восточной группе» содружества «Серрапионовы братья» было представлено в статьях Вяч.Вс. Иванова и Е.А. Папковой, включенных в подготовленный по итогам международной научной конференции сборник научных материалов «Серрапионовы братья: Философско-эстетические и культурно-исторические аспекты. К 90-летию образования литературной группы»¹⁵. Непростые отношения Иванова и А.М. Горького нашли отражение в монографии Суматохиной «М. Горький и писатели Сибири»¹⁶, основанной на архивных материалах.

Творчество и биография Иванова 1910–1920-х гг. стали предметом рассмотрения на научных конференциях последних лет. К 120-летию со дня рождения писателя, в 2015 г., Институтом мировой литературы была организована международная научная конференция «Русская литература XX века и революция 1917 года». Один из разделов сборника материалов

¹³ *Иванов Вяч.Вс.* Всеволод Иванов – неведомый, полузабытый и известный // Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 715.

¹⁴ Письма Вс.В. Иванова А.К. Воронскому / вступ. статья, подгот. текста и примеч. М.А. Черняк // Неизвестный Всеволод Иванова: Материалы биографии и творчества. С. 680–691.

¹⁵ *Иванов Вяч.Вс.* Серрапионовы братья: Взгляд из 2011 года // Серрапионовы братья: Философско-эстетические и культурно-исторические аспекты. К 90-летию образования литературной группы. Саратов: Изд-во «Орион», 2011. С. 8–9; *Папкова Е.А.* Эстетика и идеология серрапионов «восточной группы» // Там же. С. 15–23.

¹⁶ *Суматохина Л.В.* М. Горький и писатели Сибири. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 71–92.

конференции, «"Попутчик революции" Всеволод Иванов: к 120-летию со дня рождения», включал статьи Вяч.Вс. Иванова, А.А. Штырбула, Е.А. Папковой, Л.Н. Анпиловой, О.Ю. Алейникова, Л.П. Якимовой, Д.С. Московской, А.В. Громовой, Р. Банерджи, О.В. Быстровой, Е.А. Тюриной, Т.М. Николаевой, Ю.Б. Орлицкого. Часть этих статей была посвящена рассматриваемому периоду творчества писателя. В статье Ю.Б. Орлицкого «Прозаическая миниатюра в творчестве Всеволода Иванова» анализировались произведения 1910-х гг.; в статьях Л.Н. Анпиловой «Между вечностью и бренностью: образ матери в рассказах о революции», Т.М. Николаевой «Нарративная техника Всеволода Иванова: рассказ "Полынья"» и др. – рассказы книги «Тайное тайных»; в статье Д.С. Московской «Вс. Иванов: отношение к революции (В оценках зарубежной критики)» – отклик критиков зарубежья на произведения 1920-х гг.; по-новому прочитанные произведения писателя встраивались в литературный контекст эпохи в статьях О.Ю. Алейникова «"Старый" и "новый" Восток в пропагандистском дискурсе большевистской печати и творчестве Вс. Иванова и А. Платонова» и А.В. Громовой «Революция и русский мир в прозе Вс.В. Иванова и Л.Ф. Зурова ("Цветные ветра" – "Поле")»¹⁷.

Введенные в научный оборот тексты Иванова вызвали новый этап внимания к творчеству писателя на его родине – в Сибири. По инициативе

¹⁷ См.: *Иванов Вяч.Вс.* Проблема отношения к партиям и другим объединениям в биографиях начинающих писателей революционного времени (Пример Всеволода Иванова) // *Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах* / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 311–321; *Штырбул А.А.* Из омских лет Всеволода Иванова: к вопросу об авторстве статьи «Под чужим флагом» // Там же. С. 322–329; *Папкова Е.А.* Пьеса Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69»: тексты и источники // Там же. С. 330–338; *Анпилова Л.Н.* Между вечностью и бренностью: образ матери в рассказах о революции // Там же. С. 339–348; *Алейников О.Ю.* «Старый» и «новый» Восток в пропагандистском дискурсе большевистской печати и в творчестве Вс. Иванова и А. Платонова // Там же. С. 347–355; *Якимова Л.П.* «Жизнь Смокотинина» как заглавный рассказ книги Всеволода Иванова «Тайное тайных» // Там же. С. 356–364; *Московская Д.С.* Вс. Иванов: отношение к революции (В оценках зарубежной критики) // Там же. С. 365–373; *Громова А.В.* Революция и «русский мир» в прозе Вс.В. Иванова и Л.Ф. Зурова («Цветные ветра» – «Поле») // Там же. С. 374–381; *Банерджи Ранджана.* Мир воображения героя в романе Всеволода Иванова «Похождения факира» // Там же. С. 382–389; *Быстрова О.В.* Участие Всеволода Иванова в горьковском проекте «История Гражданской войны» (По материалам Российского Государственного архива социально-политической истории) // Там же. С. 390–397; *Тюрина Е.А.* Две неизвестные комедии Всеволода Иванова // Там же. С. 398–405; *Николаева Т.М.* Нарративная техника Всеволода Иванова: рассказ «Полынья» // Там же. С. 406–411; *Орлицкий Ю.Б.* Прозаическая миниатюра в творчестве Всеволода Иванова // Там же. С. 412–420.

заведующей Городским центром истории Новосибирской книги Н.И. Левченко и при поддержке Новосибирского библиотечного общества и Новосибирской областной научной библиотеки в 2013 г. состоялись первые Литературно-краеведческие Ивановские чтения, посвященные сибирской литературе XX в. и писателям-сибирякам Вс.В. Иванову, В.Н. Иванову, А.С. Иванову и Е.Ф. Иванову. На протяжении ряда лет на Ивановских чтениях выступали с докладами о творчестве Вс. Иванова разных лет сотрудники Института филологии СО РАН Л.П. Якимова и И.Е. Лощилов, исследователи из Омска – Ю.П. Зародова, И.А. Махнанова и А.А. Штырбул, Новосибирска – В.Н. Яранцев и К.А. Осеев. В сборники материалов чтений вошли статьи о произведениях Иванова сибирского периода, книге «Тайное тайных», романах «Иприт», «У» и «Проспект Ильича»¹⁸. С 2014 г. издаваемые в Новосибирске научные журналы: «Сибирский филологический журнал» и «Сюжетология и сюжетография» – включают в свои номера статьи названных исследователей о творчестве Иванова 1910–1920-х гг., печатают выявляемые в процессе работы новые архивные материалы. К 120-летию со дня рождения Вс. Иванова вышел юбилейный номер «Сибирского филологического журнала», куда вошли статьи Вяч.Вс. Иванова, Е.А. Папковой, М.А. Черняк, Л.П. Якимовой, В.Н. Яранцева, И.Е. Лощилова¹⁹. Отметим важные для нашего диссертационного исследования статьи Якимовой: «Повесть Вс. Иванова “Возвращение Будды” в мотивном контексте русской литературы 20-х годов»²⁰, «Повести

¹⁸ См.: Якимова Л.П. Всеволод Иванов: вехи на творческом пути. От повести «Возвращение Будды» к книге «Тайное тайных» // Литературно-краеведческие Ивановские чтения: статьи, материалы, сообщения / сост. Н.И. Левченко. Новосибирск: Издательство НГОНБ, 2015. С. 4–24; Папкова Е.А. Золотой век Сибири в легендах Всеволода Иванова 1916–1917 гг. // Там же. С. 25–32; Яранцев В.Н. Роман «Иприт» как феномен творческой биографии Всеволода Иванова // Там же. С. 33–45; Левченко Н.И. Архив К.Н. Урманова как источник изучения литературы Сибири первой четверти XX века (Из фондов Городского Центра истории Новосибирской книги) // Там же. С. 65–74; Лощилов И.Е. К «сорокинаде» Всеволода Иванова // Там же. С. 75–80; Осеев К.А. Новый взгляд на роман Вс. Иванова «У» // Там же. С. 81–84.

¹⁹ См.: Иванов Вяч.Вс. Минералогия писателя (Всеволод Иванов) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 5–16; Папкова Е.А. Сибирские источники прозы Вс. Иванова начала 1920-х годов // Там же. С. 17–26; Черняк М.А. Литературный юбилей как форма культурной памяти в современной России: случай Всеволода Иванова // Там же. 27–36; Яранцев В.Н. Всеволод Иванов и Борис Пильняк: опыт творческого сосуществования (аспект «соборности») // Там же. С. 48–57.

²⁰ Якимова Л.П. Повесть Всеволода Иванова «Возвращение Будды» в мотивном контексте 20-х годов // Сюжетология и сюжетография. 2014. № 2. С. 82–92.

Всеволода Иванова “Возвращение Будды” и Леонида Леонова “Конец мелкого человека” в аспекте сопоставления²¹, «Рассказы Всеволода Иванова “Плодородие” и Константина Федина “Тишина”: Литературный диалог»²², «Рассказ Всеволода Иванова “Плодородие” в историко-литературном контексте мотивных концептов бедности-богатства»²³ и др., посвященные более всего поэтике, мотивно-сюжетному анализу названных произведений Иванова и установлению контекстных пересечений их с творчеством Л.М. Леонова, К.А. Федина, Б.А. Пильняка, М.А. Шолохова и других писателей XX в. Это направление изучения прозы Иванова наиболее полно нашло отражение в монографии Л.П. Якимовой «”При жизни произведен в классики”. Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20-х – 30-х годов XX века», где автор исследует «мотивные схождения и сближения», распространенность в литературе той или иной «мотивной модели»: мотивов невинности ребенка, бедности и богатства, теплушки, сплетения голода-холода и других в литературе первого пореволюционного десятилетия²⁴. Применительно к произведениям Иванова Якимова выдвигает на первый план идейно-эстетический концепт «тайное тайных», который «выходит за пределы проявления в рамках одной книги и предстает как общая почва развития творческой мысли писателя в целом»²⁵. О сибирских контекстах творчества писателя идет речь в статьях Лощилова: «К “сорокинаде” Всеволода Иванова», «“Пальма в Сибири не водится...”: к сибирским контекстам первой фразы рассказа Всеволода Иванова “Глиняная шуба”»²⁶ и др.

²¹ Якимова Л.П. Повести Всеволода Иванова «Возвращение Будды» и Л. Леонова «Конец мелкого человека» в аспекте сопоставления // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 37–48.

²² Якимова Л.П. Рассказы Всеволода Иванова «Плодородие» и Константина Федина «Тишина»: Литературный диалог // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 177–189.

²³ Якимова Л.П. Рассказ Всеволода Иванова «Плодородие» в историко-литературном контексте мотивных концептов бедности-богатства // III – IV Литературно-краеведческие Ивановские чтения. 2015–2016. Статьи, материалы, сообщения. Новосибирск: Издательство «Наука», 2017. С. 4–18.

²⁴ Якимова Л.П. «При жизни произведен в классики»: Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20–30-х годов XX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. С. 40–176.

²⁵ Там же. С. 85.

²⁶ Лощилов И.Е. «Пальма в Сибири не водится...»: к сибирским контекстам первой фразы рассказа Всеволода Иванова «Глиняная шуба» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 58–68.

Биография Иванова, текстология и историко-литературные контексты его произведений о Гражданской войне нашли отражение в аналитических статьях издания «Всеволод Иванов. “Бронепоезд 14-69”: Контексты истории». Рассматривая «время, отраженное в творчестве» Иванова омский историк А.А. Штырбул приходит к выводу: «Насыщенность и калейдоскопичность всего, происшедшего с Вс. Ивановым в бурный период 1917–1921 гг., вне сомнения повлияли на него как писателя. Именно опыт этих лет явился одной из главных составляющих в истоках его художественного творчества и несомненного мастерства»²⁷. Дополненный новыми материалами и расширенный вариант статьи Штырбула, посвященной политической биографии Иванова, вошел в его монографию «Всеволод Иванов в Сибири: Страницы творческой биографии в контексте истории (1917–1921)». Ю.П. Зародова и И.Е. Лоцилов в статье «Сибирский литературный круг Всеволода Иванова» делают сходный вывод относительно «темы военной и творческой интеллигенции», которая получила разработку в пьесе и сценарии «Бронепоезд 14-69»: «Нет сомнений, что именно эта тема в творчестве Иванова связана с памятью о самых ближних литературно-художественных контекстах: о его участии в печати, литературных кругах, “кружках” и “салонах” Сибири времен власти Колчака, в первую очередь – Омска»²⁸. «Специфику литературной эпохи первого советского десятилетия, автобиографизм созданных в эти десятилетия текстов»²⁹ отмечает Н.В. Корниенко в статье «“...Ах, как рассказать, как рассказать...”»: Революционная эпоха в литературе первых советских десятилетий». Аспектам источниковедения и текстологии были посвящены три статьи Е.А. Папковой³⁰.

²⁷ Штырбул А.А. *Время, отраженное в творчестве* // Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / отв. ред. Н.В. Корниенко, сост. Е.А. Папкова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 514.

²⁸ Зародова Ю.П., Лоцилов И.Е. *Сибирский литературный круг Всеволода Иванова* // Там же. С. 577.

²⁹ Корниенко Н.В. «...Ах, как рассказать, как рассказать...»: Революционная эпоха в литературе первых советских десятилетий // Там же. С. 677.

³⁰ Папкова Е.А. «Странна твоя дорога, бронепоезд 14-69...» // Там же. С. 7–40; Папкова Е.А. Из литературного наследия Всеволода Иванова 1919–1925 гг. // Там же. С. 231–258; Папкова Е.А. *Материалы к биографии Всеволода Иванова 1917–1921* // Там же. 340–361.

Блок статей, опубликованных в номере 2 журнала «Сюжетология и сюжетология» за 2020 г. представляет доклады и сообщения о творчестве Иванова, сделанные на международной научной конференции «Писатели-сибиряки и Сибирь в русском литературном процессе XX века», которая была организована совместно ИМЛИ РАН и Институтом филологии СО РАН и приурочена к 125-летию со дня рождения Вс.В. Иванова и В.Я. Зазубрина и 75-летию со дня смерти В.Я. Шишкова. Для темы нашего диссертационного исследования следует отметить статью французского писателя и критика Л. Базальжетта «На краю Сибири с Ивановым», переведенную и откомментированную Е.И. Погорельской³¹, и статью исследователя из Индии Р. Банерджи о символике названия повести Иванова «Возвращение Будды», где автор рассматривает «отношения Востока и Запада, представленные писателем как оппозиция» и отмечает: «Бурному движению Запада, приводящему к хаосу, он противопоставляет спокойствие и мерный внутренний распорядок Востока. Отпечаток этой коллизии ощущается и в самом герое, и в его путешествии-перемещении с Запада на Восток»³².

Диссертационные исследования начала 2000-х гг., посвященные произведениям Иванова рассматриваемого периода (см.: Ханинова Р.М. «Своеобразие психологизма в рассказах Всеволода Иванова: 1920–1930-е гг.» Ставрополь, 2004; Новокрещенова И.Л. «Концепты “путь”, “революция”, “вера” в прозе Вс. Иванова 1920-х гг.» Воронеж, 2007), представляют еще одно направление изучения творческого пути писателя. В силу времени их создания, авторы не имели возможности рассмотреть новые источниковедческие находки. Эти диссертации отличает использование современной научной методологии и терминологии, исследователи анализируют авторские приемы манифестации и активизации, область психопэтики и онтологической поэтики, базовые концепты,

³¹ Погорельская Е.И. «На краю Сибири с Ивановым». Статья в газете «Юманите» // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2. С. 53–62.

³² Банерджи Р. Повесть Всеволода Иванова «Возвращение Будды»: символика названия // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2. С. 66.

мифологизирование и демифологизирование в прозе Иванова и т.п. Так, Р.М. Ханинова увидела задачи своей работы в том, чтобы «рассмотреть концепцию личности в малой прозе Вс. Иванова в аспекте традиций и новаций психологизма в условиях новой антропоцентрической парадигмы XX века», «изучить функции психологизма в области психопэтики (“внутренний человек” и внешняя речь) и онтологической поэтики в дискурсе ивановского рассказа»³³ и т.п.

Таким образом, в течение двух десятилетий в результате разысканий Е.А. Папковой, И.Е. Лощилова, Ю.П. Зародовой, Л.В. Суматохиной, А.А. Штырбула, В.Н. Яранцева в центральных и региональных архивах и сибирской периодике существенно расширилась источниковедческая база биографических и творческих материалов писателя. Изучению прозы Иванова в контексте русской литературы первой трети XX в. посвящены работы Н.В. Корниенко, Л.П. Якимовой, В.Н. Яранцева, О.Ю. Алейникова, Л.Н. Ампиловой, А.В. Громовой. Сибирские литературные и исторические контексты творчества писателя раскрыты в исследованиях Ю.П. Зародовой, И.Е. Лощилова, А.А. Штырбула, В.Н. Яранцева. В работах Е.А. Папковой намечилось исследование текстологической истории центральных произведений Иванова этого периода. Однако следует признать, что практически все научные статьи о прозе Иванова первых десятилетий XX в. носят в целом локальный характер. Современных обобщающих работ о творчестве писателя нет. Между тем большое количество выявленного и накопленного материала требует обобщения и систематизации; публикация ряда важнейших текстов, освобожденных от цензурной правки, способствует привлечению внимания к текстологии произведений Иванова; принципиально иное представление о биографии писателя периода его становления, выявление новых исторических, политических и культурных контекстов прочтения как известных, так и неизвестных ранее произведений

³³ Ханинова Р.М. Поэтика малой прозы Всеволода Иванова: психологический аспект. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2006. С. 10–11.

дает возможность понимания сложного отношения его к главным историческим событиям XX в., анализа истоков и трансформации сквозных ведущих тем в творчестве Иванова с новых позиций.

В настоящем диссертационном исследовании выдвигается следующая **научная гипотеза**. Творческий путь Вс. Иванова начался за несколько лет до публикации в 1921 г. в Петрограде повести «Партизаны». Мировоззрение и художественные принципы писателя формировались в Сибири в период с конца 1915 до начала 1921 гг., ознаменованный крупнейшими событиями в истории России XX в. Источниками ключевых направлений творчества Иванова 1910–1920-х гг. во многом послужили неизвестные ранее факты биографии писателя: связь с областническим движением, непосредственное участие в Гражданской войне, общение с партийной и творческой интеллигенцией Сибири, с казаками и крестьянами Сибирского казачьего войска. Размышления политиков и писателей-современников 1910 – начала 1920-х гг. об идеальном общественном устройстве нашли отражения в прозе писателя, посвященной крестьянскому социальному идеалу. Контексты эпохи определили разработку важнейших тем, выбор типа героев, сюжетов и приемов поэтики в произведениях писателя, авторский замысел которых стал очевидным после освобождения их от цензурных искажений.

Объектом исследования является творчество Всеволода Иванова 1910–1920-х гг., совокупность известных и выявленных в последние годы текстов его художественных и документальных произведений, созданных в это время.

Материалом исследования послужили прозаические и драматургические произведения разных периодов творчества писателя. Достаточно подробно анализируются малоизвестные или совсем неизвестные ранние сибирские легенды, сказки, рассказы, как включенные автором в книги «Зеленое пламя. Рассказы и сказки. 1916–1917 г. Курган – Омск», «Рассказы», «Рогульки», так и печатавшиеся отдельно; статьи и очерки мирного времени; политические статьи, памфлеты, очерки периода

Гражданской войны. Из трех «партизанских повестей» Иванова наибольшее внимание уделено центральному произведению этого периода – повести «Бронепоезд 14-69», а также одноименным пьесе и сценарию; рассмотрены рассказы книги «Седьмой берег», автобиографические рассказы о Гражданской войне: «Рассказы о себе», «Егорка Хвощ» («Лощина Кара-Сор»), «Рассказы об Октябре», «Как создаются курганы», «Происшествие на реке Тун» и др.; повести «Возвращение Будды» и «Гибель Железной», роман «Голубые пески». Среди произведений середины 1920-х гг. наиболее подробно проанализирована главная книга Иванова – «Тайное тайных».

Предмет исследования – текстология, биография Вс. Иванова, исторический, политический, философский и литературный контексты прозы и драматургии писателя 1910–1920-х гг.

Цель исследования состоит в том, чтобы проследить, какие факты биографии Иванова 1910–1920-х гг., исторические, политические, культурные и реальные контексты определили выбор, понимание и трансформацию ключевых направлений и тем творчества писателя этого периода.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи:**

– описание источников и систематизация ранних сибирских произведений Иванова, определение их роли в становлении ключевых направлений творчества писателя;

– выявление первоначального авторского замысла центральных произведений Иванова 1920-х гг.: повести и пьесы «Бронепоезд 14-69» и книги «Тайное тайных» – на основе текстов, освобожденных от цензурного вмешательства;

– определение исторических, культурных и литературных контекстов произведений Иванова о прошлом, настоящем и будущем Сибири, обоснование обращения писателя к культуре Востока как ориентиру на историческом пути Сибири и страны в целом;

– характеристика группы произведений о Гражданской войне, выявление их биографических, исторических и политических контекстов, анализ трансформации темы в творчестве Иванова 1910 – второй половины 1920-х гг. и в позднем творчестве.

– описание прозаических произведений Иванова, посвященных социальному идеалу, анализ соотношения в них идеологических установок революционной эпохи и народного понимания идеального общества;

– классификация произведений 1920-х гг. с «беловодской» тематикой, которые образуют литературный контекст повести «Бегствующий остров», завершающей книгу «Тайное тайных», определение места повести Иванова в ряду этих текстов.

Научная новизна. В работе систематизирована и проанализирована совокупность неизвестных ранее сибирских произведений Иванова и фактов его биографии периода 1917–1919 гг., стоявших у истоков ключевых направлений и тем творчества писателя предреволюционных и пореволюционных лет. Произведения Иванова впервые рассматриваются в контексте исторических событий начала XX в., политической борьбы и военного противостояния в Сибири, философских споров о Востоке и Западе как возможных направлениях пути Сибири и страны в целом, социальных и духовных проблем периода нэпа. Определена одна из ведущих тем Иванова 1910–1920-х гг. – тема социального идеала, рассмотренная в контексте как политических концепций идеального общества того времени, так и традиций русских народных утопических легенд, а также созданных на их основе литературных произведений.

Методология. В работе использованы историко-биографический, историко-литературный, сравнительный методы, а также локально-исторический метод, научно обоснованный филологом-краеведом

Н.П. Анциферовым и основанный на изучении «художественной местнографии»³⁴.

Методологической базой стали труды по истории и теории литературы (в том числе и по творчеству Вс. Иванова), текстологии, истории и культуре Сибири, истории Гражданской войны К.В. Анисимова, Е.И. Беленького, Г.Н. Воронцовой, А.Г. Гачевой, И.Г. Девятьяровой, Вяч.Вс. Иванова, А.И. Клибанова, Н.В. Корниенко, И.Е. Лошилова, М.В. Минокина, Д.С. Московской, Д.Д. Николаева, С.Н. Поварцова, Е.И. Погорельской, Н.Н. Примочкиной, С.Г. Семеновой, Н.М. Солнцевой, С.И. Субботина, К.В. Чистова, М.В. Шиловского, В.И. Шишкина, А.А. Штырбула, Н.И. Шубниковой-Гусевой, Л.П. Якимовой и др.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии, с одной стороны, текстологического анализа художественных произведений советской эпохи, текст которых существенно искажался редакторской правкой, затемняющей или изменяющей авторский замысел. С другой стороны – в развитии контекстно-биографического подхода к пониманию творчества писателя, который позволяет через призму биографий активных участников политической, культурной и литературной жизни выявить некоторые общие закономерности в изучаемых исторических процессах и их отражении в художественных текстах.

Практическая значимость исследования. Материалы исследования могут применяться для написания комментария к научным изданиям произведений Вс. Иванова исследуемого периода, использоваться при дальнейшем изучении творчества писателя этих и последующих лет, а также в целом истории русской литературы первой половины XX в.; результаты исследования могут быть востребованы в лекционных и семинарских курсах филологических и исторических факультетов высших учебных заведений.

Основные положения, выносимые на защиту:

³⁴ *Московская Д.С.* Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 5.

1. Ранние сибирские произведения Вс. Иванова 1910-х гг., ставшие, с одной стороны, рецепцией областнических идей, а с другой – имевшие тесную связь с новокрестьянской литературой, а также отразившие реальные впечатления, полученные писателем в «белой столице» и на «красном» и «белом» фронтах, стали источниками для ключевых тем его творчества 1920-х гг.
2. Освобожденные от цензурных искажений центральные произведения Иванова 1920-х гг. открыли подлинный авторский замысел – показать правоту и заблуждения разных противоборствующих сил в период Гражданской войны, художественно представив их практически с равной степенью глубины и полноты («Бронепоезд 14-69»); раскрыть глубокий духовный кризис народной жизни, вызванный революцией, Гражданской войной и периодом нэпа («Тайное тайных»).
3. Произведения Иванова 1910–1920-х гг. показали внимание писателя к исторически значимому культурному прошлому Сибири, понимание раскола, слабости и задач ее «строителей» в настоящем, размышления писателя о будущем как Сибири, так и страны в целом, которое, по его мнению, предпочтительно должно быть ориентировано на ценности культуры Востока.
4. Непосредственными источниками образов и сюжетов произведений Иванова о Гражданской войне стали не только известные, но в основном неизвестные ранее факты биографии писателя 1917–1919 гг.: партийная работа в Кургане и Омске, сотрудничество в фронтовой газете «Вперед», «красный» и «белый» фронт, общение с представителями различных социальных слоев (мужиками-солдатами, казаками, творческой интеллигенцией), партий и политических направлений – от участников большевистского подполья до областников и убежденных сторонников «белой» идеи, которые нашли отражения в прозе этого периода.

5. Гражданская война в творчестве Иванова изначально была представлена противоречиво, отразив различие целей крестьянства, военной, творческой и демократической интеллигенции, отчасти рабочих и непонимание этих целей автобиографическим героем; на протяжении 1910–1920-х гг. тема претерпела существенную трансформацию: от показа борьбы за разрушаемую большевиками Россию, борьбы крестьянства за землю до осознания бессмысленности и трагедии братоубийственной войны.
6. Историко-политические, культурно-философские и биографические контексты во многом определили типологическое сходство героев, проблематику и поэтику ряда произведений Иванова: на протяжении 1910–1920-х гг. персонажами их часто становились странники и правдоискатели, мечтавшие о спасении мира, о далеких «спокойных» и хлебородных землях, утопические легенды о которых писатель создавал с опорой на фольклорные источники.
7. В 1920-е гг. русскими писателями, в том числе и Ивановым, был создан комплекс произведений с близкой поэтикой, опирающихся на народную утопическую легенду о Беловодье, которые были вызваны к жизни как непосредственно революцией, так и пореволюционными событиями, в частности – сомнениями в «правильности» реальной власти в стране и стремлениями к народной, прежде всего крестьянской власти. В повести «Бегствующий остров», завершающей книгу «Тайное тайных», Иванов предпринял попытку скорректировать два социальных идеала: утверждаемые новой властью социализм и коммунизм и русский народный утопический идеал праведной и справедливой земли.

Апробация работы состоялась на международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях, среди которых: Международная научная конференция «Исаак Бабель в историческом и

литературном контексте: XXI век» (23–26 июня 2014 г., Государственный литературный музей, ИМЛИ РАН), тема доклада: «“Попутчики революции” И. Бабель и Вс. Иванов в литературной критике 1920-х гг.»; вторые Литературно-краеведческие Ивановские чтения (16–18 октября 2014 г., Городской центр истории Новосибирской книги), тема доклада «Золотой век Сибири в легендах Всеволода Иванова 1916–1917 гг.»; Международная научная конференция «Русская литература XX века и революция 1917 года. К 120-летию со дня рождения Всеволода Иванова» (28–30 сентября 2015 г., ИМЛИ РАН), тема доклада: «Пьеса Всеволода Иванова “Бронепоезд 14-69”»: тексты и источники»; Всероссийская конференция с международным участием «“Мы будем человечеством крылатым...” Образ будущего в русской литературе XX–XXI вв.» (19–21 апреля 2016 г., ИМЛИ РАН, Литературный институт им. А.М. Горького, Мемориальный музей космонавтики, Музей-библиотека Н.Ф. Федорова при библиотеке № 180 г. Москвы), тема доклада «Грезы и сны о будущем в дневниках и прозе Всеволода Иванова 1920–1930-х гг.»; круглый стол «Историография Гражданской войны в России в памятниках литературы, эго-документах и публицистике» (6 июня 2017 г., ИМЛИ РАН), тема доклада: «Союзники и Россия: на материале сибирской периодики 1919 г. и “Бронепоезда 14-69” Всеволода Иванова»; Международная научная конференция «Русская интеллигенция и революция 1917 года в литературе XX века. К 125-летию со дня рождения К.А. Федина. К 100-летию Октябрьской революции» (10–12 октября 2017 г., Государственный музей К.А. Федина), тема доклада: «Почему не был снят фильм по произведению Всеволода Иванова “Бронепоезд 14-69”?»; VI Международные Московские Анциферовские чтения (9–10 ноября 2017 г., ИМЛИ РАН), тема доклада: «Сибирская биография Всеволода Иванова в воспоминаниях писателей-современников: факты и вымыслы»; Всероссийские Фединские чтения «Эго-документы XX века. Литература. Культура». История (26–27 февраля 1919 г., Саратов, Государственный музей К.А. Федина), тема доклада: «Автобиографии

Всеволода Иванова: степень достоверности»; Всероссийская научно-практическая конференция. Герценовские чтения «Литература VS История: Диалог в пользу читателя. 100-летию Д.А. Гранина посвящается» (22–23 апреля 1919 г., СПб. Государственный педагогический университет имени А.И. Герцена), тема доклада: «“Бронепоезд 14-69” Всеволода Иванова: правда, полуправда и вымысел»; Международная научная конференция «Писатели-сибиряки и Сибирь в русском литературном процессе XX в. К 125-летию со дня рождения Вс.В. Иванова, В.Я. Зазубрина, к 75-летию со дня смерти В.Я. Шишкова» (27–28 октября 2020 г., ИМЛИ РАН, Институт филологии СО РАН), тема доклада «Реальная и экзотическая Сибирь в повести Всеволода Иванова “Возвращение Будды”»; Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Литература Сибири в социокультурном пространстве», посвященная 100-летию со дня рождения литературоведа, критика, доктора филологических наук, профессора В.П. Трушкина (23–24 сентября 2021 г., Иркутский государственный университет, Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И.И. Молчанова-Сибирского), тема доклада: «Образ Беловодья в произведениях сибирских писателей 1920-х гг.»; Всероссийская научная конференция «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера» (22–23 ноября 2021 г., Институт филологии СО РАН, Сектор литературоведения), тема доклада: «Дальневосточные рассказы Всеволода Иванова 1921–1923 гг.»; Международная научная конференция «Фантастическое в литературе и культуре конца XIX – первой трети XX века» (3–5 марта 2022 г., ИМЛИ РАН), тема доклада: «Фантастическое в прозе Всеволода Иванова 1910–1920-х гг.».

Кроме того, результаты работы были представлены в публичных выступлениях: в библиотеке № 65 имени Вс. Иванова (2014–2022); библиотеке № 180 (музей-библиотека Н.Ф. Федорова) (17 июня 2015 г; 19 марта 2022 г.).

Основные положения диссертационного исследования отражены в целом ряде публикаций, в том числе в монографии: *Панкова Е.А.* Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных»: на перекрестке советской идеологии и национальной традиции (М.: ИМЛИ РАН, 2012), пяти подготовленных изданиях наследия Вс. Иванова; 16 статьях, опубликованных в журналах из списка ВАК и 45 статьях, напечатанных в других изданиях.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из Введения, четырех глав, каждая из которых включает несколько параграфов, Заключения и библиографии (362 наименования).

ГЛАВА 1. Источниковедение и текстология Всеволода Иванова.

1.1. Сибирская биография и творчество Вс. Иванова 1915–1918 гг.

Всеволод Иванов приложил много усилий, чтобы о сибирском периоде его жизни не вспоминали: не перепечатывал рассказы этого времени, снисходительно называя их слабыми, подчеркивал тот факт, что только после переезда из Сибири в Петроград благодаря Горькому и началась его деятельность как писателя. И началась «Партизанами», «Бронепоездом 14-69» и другими известными произведениями. В автобиографиях 1920-х гг. Иванов утверждал, что, в юности, живя в Сибири, он практически не занимался литературой. Самая первая, серапионовская автобиография Иванова 1922 г. заканчивалась анализом начала собственного творчества: «Пишу я с 1916 года, но мало печатал. Всю революцию не писал, разве статьи (очень глупые)»³⁵. Из дальнейших автобиографий следовало, что молодой Иванов «попробовал писать в газету», его напечатали, он «послал свои работы М. Горькому», который его «одобрил и советовал учиться». «Учиться я не умел, – замечает Иванов в автобиографии 1927 г., – и решил, что писателя из меня не выйдет, что у меня мало прилежания и много гонору, и я стал провинциальным, уездным политиком»³⁶. Эта информация перешла и в авторитетные современные издания, где речь идет об Иванове. Так, автор биографической статьи в словаре «Русские писатели 20 века» О.А. Казнина пишет: «Во время революции занимался революционной деятельностью, литература отошла на второй план»³⁷.

Несмотря на эти поздние уверения, вызванные к жизни, главным образом, нежеланием автора вспоминать о своем «белом» прошлом, произведения, созданные в период с 1916 до начала 1921 г., занимают важнейшее место в творческом наследии писателя и являются источником ключевых направлений и тем его дальнейшего творчества. В жанровом

³⁵ Цит. по: Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69!»: Контексты эпохи. С. 366.

³⁶ Там же. С. 368.

³⁷ Русские писатели 20 века. Биографический словарь / гл. ред. и сост. П.А. Николаев. М.: Большая Рос. энцикл., 2000. С. 298.

отношении они разнообразны. Это стихотворения, в том числе и сочиненные на основе казахского фольклора самокладки; сказки, основанные на фольклоре народов Сибири, символические легенды «Об ушедшей (умершей) Сибири», реалистические рассказы, шуточная пьеса, бытовые очерки из жизни предреволюционного Кургана, политические статьи и сказки, памфлеты, корреспонденции с фронта. К сожалению, практически все эти тексты известны нам по печатным источникам, рукописи практически не сохранились. Републикация сибирских произведений Иванова началась в 2010 г. и продолжается до сегодняшнего дня.

Благодаря разыскательской источниковедческой работе в сибирских архивах и библиотеках Кургана, Омска и Новосибирска были выявлены не только неизвестные ранее произведения Иванова, но и новые факты биографии писателя, а также уточнены известные прежде. Остановимся последовательно на различных этапах предреволюционного творческого пути Иванова, начавшегося в Сибири в 1915 г.

Официально годом рождения Всеволода Вячеславовича Иванова является 1895. Село Лебяжье Павлодарского уезда Семипалатинской губернии, родина писателя, находилось на Горькой линии – так назывался район казачьих поселков и станиц, основанных в XVIII в. вдоль Иртыша, который отделял русских от местного населения, главным образом киргизов (в то время так называли казахов). В начале 1900-х гг. семья переезжает в село Волчиха на Алтае, затем следуют Павлодар, Колывань, Барнаул и Томск. Сибирские просторы, казахстанские степи, традиции казачества и казахского народа, а также других народов Сибири, в том числе китайцев и японцев, причудливое соединение вер и обычаев старообрядцев, сектантов, шаманов – вся эта «азиатчина» найдет отражение в творчестве писателя. После обучения в сельской школе в Лебяжьем и церковноприходской школе села Волчиха, где одним из учителей был его отец, Вячеслав Алексеевич, молодой Иванов едет в Павлодар, где живет в семье дяди, Василия Ефимовича Петрова. В 1908–1909 гг. учится в низшем сельскохозяйственном

училище, затем работает в типографии наборщиком. Из Павлодара юноша отправляется в странствия по Сибири с цирком Коромыслова: зазывает зрителей, сочиняет антрэ – короткие сценки для клоунов, показывает фокусы, прокалывает себя булавками и подвешивает на них гири и т. п. Читает и изучает книги о магии, гипнозе и факирах. В результате чтения этих книг, а может быть, влекомый исконно свойственным русскому человеку стремлением к «духовному Граду» Иванов принимает решение идти в Индию, которая представляется ему страной высших проявлений человеческого духа и свободы. Выводы современного исследователя из Индии Р. Банерджи, сделанные на основе анализа повести «Возвращение Будды», романов «Похождения факира» и «Мы идем в Индию», показали, что юноша не просто стремился в некую воображаемую страну мечты: «...размышления Иванова, несомненно, свидетельствуют о его хорошем знании древнеиндийской философии жизни, глубоком понимании сущности аскетизма». Банерджи отмечает «разносторонние знания автора в области классических систем индийской философии», что отразилось «в упоминании о разных жизненных системах, таких как санкхья, адвайта-ведана и йога Патанджали»³⁸.

Не добравшись до Индии, молодой Иванов возвращается в 1915 г. в уральский город Курган и становится одним из шести наборщиков в типографии А.И. Кочешева. Об этом периоде его жизни и творчества нам удалось собрать некоторые новые материалы в музеях и архивах Кургана. Сначала Иванов квартирует у своего приятеля, тоже наборщика, Алеши Жулистова. «Манишку наденет, на нее пиджак, даже без рубахи. Бабушка Жулистова была религиозная, уйдет в церковь, а Всеволод рогожу на себя оденет, лампадку зажжет и начинает “службу” вести перед молодежью»,³⁹ – таким запомнила молодого Иванова Мария Васильевна Караваева, наборщица из курганской «Народной газеты». Позднее Иванов переезжает в

³⁸ Банерджи Р. Мир воображения героя в романе Всеволода Иванова «Похождения факира» // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах. С. 386.

³⁹ Курганский областной краеведческий музей (ГАКО). 15/46.

дом Марцинкевича (Кладбищенская, 42), затем в дом Новикова – угол Дворянской и Гостинодворского переулков⁴⁰.

Самые первые произведения Иванова, относящиеся к концу 1915– началу 1916 гг. выявлены в региональной печати, в изданиях Кургана: «Народная газета» и «День служащих» – и Петропавловска: газетах «Приишимье» и «Степная речь». Там печатались первые стихотворения Иванова «Зимой»⁴¹, «На Урале»⁴². Стихи «В грезах» и «Краски осени» были напечатаны в однодневной газете «День служащих» в феврале 1916 г., к сожалению, листы газеты с ними не сохранились. Однако в основных названных изданиях представлена проза начинающего писателя: рассказы «В Святую ночь»⁴³, «Защитник и подсудимый»⁴⁴, отрывок из повести «Мертвые петли» под заглавием «Сумерки жизни»⁴⁵, рассказы «Вертельщик Семен»⁴⁶ и «В зареве пожара»⁴⁷.

Появление в раннем творчестве Иванова поэтических произведений, возможно, отчасти связано с его участием в литературном кружке Кургана. На Троицкой улице в доме 52 жил друг Иванова – крестьянский поэт–самоучка и мастер вывесок Кондратий Кузьмич Худяков. Иванов познакомился с ним в 1912 или 1913 гг., близкие отношения их сложились в 1915 г. и продолжались вплоть до смерти Худякова в 1920 г. Заседания кружка проходили в домах и Худякова, и других поэтов: «Мы собирались у кого-нибудь из его знакомых, читали стихи или прозу. Сначала мы читали сборники писателей-самоучек. <...> Но сборники эти нам скоро надоели. <...> Тогда мы стали читать вслух Блока и стихи всей группы поэтов, которая была вокруг него, прозаические произведения Горького, Чапыгина»⁴⁸. Документальных материалов об этом литературном кружке

⁴⁰ Адрес Вс. Иванова дается по: ГАКО. Ф. р852. Оп. 1. Д. 18. Л. 25.

⁴¹ Приишимье. 1915. 29 нояб. С. 2.

⁴² Там же. 1916. 7 февр. С. 2.

⁴³ Народная газета. 1915. 26 дек. С. 681.

⁴⁴ День служащих. 1916. 19 февр. С. 5 // ГАКО. Ф. 4251к/4365.

⁴⁵ Там же. С. 2.

⁴⁶ Народная газета. 1916. 20 окт. С. 845–848.

⁴⁷ Там же. 25 дек. С. 1039–1043.

⁴⁸ *Иванов Вс.* Кондратий Худяков // *Иванов Вс.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.: Худож. литература, 1978. С. 276.

сохранилось немного. О членах кружка Г.Г. Утков, брат курганского поэта 1910-х гг. Антона Безродного, вспоминал: «В те же годы примерно публиковалась в местной курганской газете Лариса Коровина, дочь священника Коровина, по профессии, кажется, сельская учительница. <...> Стихи были неплохие». Утков называет имена еще двух крестьянских поэтов, возможно, также бывавших у Худякова: Аркадия Филиппова и некоего Комогорова – совсем еще мальчика из деревни Марковой Сычевской волости, писавшего стихи и рассказы⁴⁹. Поэт И.П. Малютин, также живший тогда в Кургане и до 1960-х г. оставшийся другом Иванова, писал ему 16 января 1952 г.: «И Курган город вспомянули. Дружбу мою большую с Кондратием Кузьмичом, который иногда засиживался у нас до другого дня (особенно, когда еще бывала Н. Аркадина, поэтесса), всю ночь читали да декламировали»⁵⁰.

Поскольку в доме Худякова собирались преимущественно молодые поэты, много внимания уделялось стихам. Кроме Блока, читали Н. Некрасова, И. Сурикова, новокрестьянских поэтов Н. Клюева, С. Есенина. О поэтических симпатиях молодого Иванова можно судить по такому факту его биографии: в 1917 г. он подарил Худякову сборник стихотворений С.Есенина «Радуница» с надписью: «Кондратию Худякову для поминовения Вс. Иванова»⁵¹. Однако в гораздо большей степени, чем в стихах, влияние Есенина и в целом новокрестьянской литературы чувствуется в прозе Иванова, особенно в легендах 1916–1917 гг., о которых речь пойдет далее.

Однодневная газета «День служащих» позволяет представить жизнь провинциальной литературной группы и восстановить широкий круг чтения ее участников. В статье «Война, военная среда и ее быт в художественной литературе» имеется указатель главнейших произведений по теме. Среди указанных имен – Л. Андреев, В. Брюсов, С. Городецкий, М. Горький,

⁴⁹ Заметки Янко М.А. о жизни и творчестве Безродного А. Переписка Янко М.А. с братом поэтом Утковым Г.Г. // Государственный архив социально-политической истории Курганской области. Ф. 6947. Оп. 1. Д. 34. Л. 24.

⁵⁰ НИОР РГБ. Ф. 673. К. 44. Ед. хр. 31. Л. 9.

⁵¹ Омский литературный музей. 29/21. Л. 26–27.

Б. Зайцев, В. Крестовский, А. Куприн, М. Лермонтов, В. Немирович-Данченко, Н. Лесков, А. Писемский, А. Ремизов, С. Сергеев-Ценский, Л. Толстой и другие, названы также имена малороссийских, польских, шведских, французских, немецких, английских писателей⁵². В круг чтения курганского объединения писателей, в том числе и Иванова, входила и периодика того времени: известно, что Иванов и Худяков посылали свои произведения в журнал «Сибирские записки», выходивший с 1916 г. в Красноярске и имевший областническую направленность. Один из своих первых рассказов, «Сын человеческий», молодой Иванов отправил в Петербург В.С. Миролубову в редактируемый им «Ежемесячный журнал» («Журнал для всех») ⁵³ – может быть, наиболее популярный массовый журнал того времени – своеобразное «зеркало» эпохи.

Перелистывая страницы первых номеров «Ежемесячного журнала» за 1915 г. – год, когда молодой сибирский писатель Всеволод Иванов вступает в большую литературу, – можно отметить характерные черты времени, которые нашли отражение в первых произведениях молодого автора. «В поисках новой России» – таково заглавие статьи П. Сурожского из раздела «По России» (№ 1). Статья начинается словами: «Что Россия обновляется, меняет свой облик и с внешней и с внутренней стороны, этого не видят только слепые»⁵⁴. «Ошеломляющий толчок», данный русской жизни первой русской революцией и русско-японской войной сдвинул ее с неподвижной, мертвой точки: «...она устремилась вперед. Вперед – не всегда к счастью»⁵⁵. В огромной степени перемены коснулись деревни: раскрестьянивание, отходничество, кризис общины, все увеличивающийся разрыв между различными социальными слоями – об этих и других реалиях второго года идущей мировой войны рассказывают разделы «Жизнь деревни» и «Письма из деревни», в которых печатались письма крестьян России. «Господа

⁵² «День служащих». Курган, 1916. 19 февр. С. 2 // ГАКО. Ф. 4251к / 4365.

⁵³ Хранится в фонде В.С. Миролубова: РО ИРЛИ. Ф. 185. Оп.1. Ед. хр. 1537.

⁵⁴ Ежемесячный журнал. 1915. № 1. С. 55.

⁵⁵ Там же.

книжки с музыкой для нас одумывают, а лучше бы землицы прибавили»,⁵⁶ – пишет, например, крестьянин Михаил Новиков.

Конец XIX – начало XX вв. – это время формирования русской религиозной философии. Вопросам духовной культуры России посвящены работы В. Соловьева, П. Флоренского, Н. Федорова, Н. Бердяева, И. Ильина, Л. Карсавина, В. Розанова, Г. Флоровского. Религиозные искания – характерная черта жизни интеллигенции на рубеже веков, о чем свидетельствуют поэзия, проза, публицистика, дневники Л. Толстого, А. Блока, А. Белого, Д. Мережковского, З. Гиппиус, А. Ремизова, М. Пришвина, И. Бунина, М. Горького. Сложные процессы изменения духовной жизни на рубеже веков затронули не только образованные сословия. Это было явление общенациональное⁵⁷. В 1915 г. в «Ежемесячном журнале» вопросы веры занимают едва ли главное место. В разделе «Религиозные искания» № 1 и 2 журнала помещена большая статья М. Саяпина «Общее (Русская коммунистическая секта)», посвященная реализации учения М.А. Попова «Общее упование». «Знают праведные, что они пребывают в убежище, в храмине, и храмина в них. Первая храмина – стан спасения, праведное село, вторая храмина – ваша душа»,⁵⁸ – учил «крестьянский царь» Михаил Акинтьевич (М. Попов), создатель учения об «Общем уповании». «Это какая-то “социальная евхаристия”, которая составляет святая святых русской народной души, – комментирует автор статьи. – Здесь мы наталкиваемся на <...> одну чисто русскую “идею”, воплотившуюся в удивительной легенде о граде Китеже».⁵⁹ Письма крестьян печатаются и в разделе «Письма о вере». «В Бога, как в любовь и добро жизни, пусть каждый верует по-своему и без всякого счета и регистраций»,⁶⁰

⁵⁶ Там же. С. 98–99.

⁵⁷ См. об этом: Владимир Соловьев и культура Серебряного века / отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи. М.: Число, 2009; Н. Федоров: proetcontra: антология. В 2 кн. / подгот. Гачева А.Г., Семенова С.Г. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2004; *Посадский А.В.* Историко-культурный путь России в контексте философии Г.В. Флоровского. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2004; *Муравьев В.Н.* Сочинения: В 2 кн. / сост., подг. текста, коммент. А.Г. Гачевой. М.: ИМЛИ РАН, 2011 и др.

⁵⁸ Ежемесячный журнал. 1915. № 1. С. 67.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 63.

– размышляет уже упоминавшийся нами Новиков. Иную, внецерковную религию стремительно меняющейся деревни пытается понять и объяснить П. Сурожский: «...у хуторян складывается своя религия – религия труда, преклонения перед силами природы, перед плодоносной и плодородной землей. В этом религиозном понимании какая-то странная смесь пантеизма и рационализма, запаха и власти земли»⁶¹. Вопросы веры занимают большое место в произведениях Иванова как сибирского, так и более поздних периодов. Не случайно в самых первых, рождественских рассказах, «В Святую ночь» (1915) и «В зареве пожара» (1916) уже намечен мотив богооставленности человека в мире, где бушует мировая война. Оба рассказа построены на принципе антитезы. Мольбы Ангела Мира: «В эту Святую ночь, когда родился Великий Искупитель, не нужно крови»⁶², – остаются неслышанными, торжествует Ангел Смерти («В святую ночь»). В рассказе «В зареве пожара» «весело перекликающиеся колокола», которые «поют о Рождении Светлого», слышит в своей каморке бедная солдатка Марья, потерявшая ребенка. «День торжественный и чистый в серебряном одеянии шествует по земле», и жестким контрастом звучат слова матери: «Коли мне дышать нечем, коли мне еще на двоих смотреть надо, как они с голоду...»⁶³. «Народ-то в вере колеблется»⁶⁴, – скажет мужик Каллистрат, герой повести Иванова «Цветные ветра» (1922), и его слова довольно точно определяют происходящее с русскими людьми в начале XX в., вне зависимости от уровня их культуры, социального положения и образования.

Уральский город Курган, где начинающий писатель сочиняет свои стихи, рассказы, сказки и статьи, – один из пограничных между Азией и Европой, Востоком и Западом, Сибирью и Россией. В 1915 г. он живет довольно замкнутой провинциальной жизнью, о которой рассказывают первые публицистические опыты писателя – статьи и заметки, которые он

⁶¹ Там же. С. 59.

⁶² Неизвестный Всеволод Иванов. С. 102.

⁶³ Там же. С. 115.

⁶⁴ *Иванов Вс.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Госиздат, 1928. С. 202.

периодически посылает в газету «Приишимье». Корреспонденции Иванова из Кургана печатаются в разделе «По краю». Выявлено четырнадцать таких статей-репортажей, которые посвящены разным событиям курганской жизни: открытию ремесленной школы, работе курсов маслоделия, продаже сахара, театральным постановкам и гастролям и др.

Часть этих очерков републикована в издании «Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества», главным образом те, которые посвящены «сценическим увлечениям» города Кургана и его «театральным гостям». К последним, которые в основном потчуют «провинцию, голодающую по разумным развлечениям, убивающую время в варке пива», и потому «жадно ловящую каждое слово приезжих гостей», театральной «требухой», относит корреспондент, например, неких неведомых «трагиков» Н.В. Борецкого и В. Фильгабера, искалечивших трагедию Софокла «Царь Эдип»⁶⁵ (1916. 5 мая). Другие очерки подробно рассмотрены в статье исследователя из Кургана Н.Ю. Толстых «Курганские корреспонденции Всеволода Иванова». Ему же принадлежит анализ псевдонимов Иванова, под которыми печатались очерки: «Сначала он подписывался “Вс. Савицкий” и даже “Всеволод Савицкий”. Выбор данной фамилии объяснялся просто: это была девичья фамилия матери Иванова. Затем последовал укороченный вариант – “В. С-кий”. Потом был “Всеволод-ов” и под конец появился “Вс. Шатун”». Последний псевдоним, где «чувствуется самоирония» использован при публикации очерка «В столовой с “парижанами”» (Приишимье. 1916. 26 ноября): «Вот, мол, любезные судари, в какие ситуации приходится порой попадать, шатаясь “меж двор” по городу...» Очерк «Полусонные», опубликованный 9 января 1917 г. в другой петропавловской газете – «Степная речь» – подписан новым псевдонимом: «Всеволод Пролетарий». Именно в том, что интеллигентская “группа передовых людей”, руководившая обществом “Народный Дом”, не привлекла рабочих и не

⁶⁵ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 108.

расширила свои ряды за счет трудящихся, – отмечает Толстых, – Иванов увидел главную причину торможения в его деятельности»⁶⁶.

По тематике очерков видно, что интересует молодого провинциала не только культура: польский цирк, кинематограф, городская библиотека, сад Общественного собрания и т. п., но и обычная бытовая жизнь горожан. «Все материалы начинающего писателя – критические, – отмечает курганский писатель и краевед А.Д. Кузьмин. – Он недоволен тем, что от мясной лавки Марии Ивановны Галяминой <...> дышит заразой весь квартал, в столовой общества трезвости пьянствуют и курят, а на улицах после дождя может потонуть даже лошадь»⁶⁷.

Добавим к упомянутым ивановским сюжетам еще те, которые посвящены крестьянской жизни – главной теме прозы писателя 1920-х гг. Так, передавая содержание беседы уполномоченных от Союза Сибирских маслодельных артелей, который, по замечанию Иванова, «есть союз крестьян», с тобольским губернатором, корреспондент не ленится подробно описать бытовые просьбы Союза. Крестьянам нужны поддержка в борьбе с торговцами – «мародерами тыла», аппетиты которых «возрастают все больше и больше»; избавление от реквизиции молочного и племенного скота; урегулирование чрезмерного налогового обложения артельных лавок; доставки соли, сахара и т. п. Несмотря на высказанное губернатором «внимательное и сочувственное отношение», из слов его явственно следует, что помочь он мало чем может. Третий год идет война, и, хотя непосредственно Сибири она не затрагивает, многие реалии, названные в беседе губернатора с крестьянами, связаны с рожденными ею проблемами⁶⁸.

Всецело поддерживает Иванов начинания, направленные на развитие просвещения: создание «при курганской испытательной лаборатории курсов

⁶⁶ Толстых Н.Ю. Курганские корреспонденции Всеволода Иванова // Тобол. 2015. № 2 (26). С. 126, 135.

⁶⁷ Кузьмин А. Огонь столетий: исторические очерки. Шумиха: Ком. по печати и СМИ Курганской обл., 2011. С. 174.

⁶⁸ Савицкий Вс. В Сибирском Союзе // Приишимье. 1916. 27 марта. С. 2.

маслоделения и курсов для подготовки к новой деятельности инвалидов»⁶⁹, общественного «Народного дома» как «орудия борьбы с пьянством и вырождением»⁷⁰, хотя не слишком верит в успех их благотворной деятельности: «Нельзя не пожелать новому Обществу успешной и плодотворной работы, а не закоснения в мертвой спячке, как, к сожалению, большинство общественных организаций г. Кургана»⁷¹. Очерки Иванова написаны в русле областнических идей времени. Сравним, например, статью главного редактора «Сибирских записок» Вл.М. Крутовского «История одной инициативы» в «Областном отделе» журнала, где речь идет об открытии в селе Старо-Бардинском Бийского уезда Народного дома с целью «отвлечь население села от разъедавшего его тогда пьянства». «Редкое для деревни далекого Алтая торжество» оборачивается хищением денег и беспорядками в отчетности. «Навязанные сверху, эти учреждения мертворожденны и нисколько не просвещают деревню»,⁷² – вынужден констатировать автор.

Показательно, что в очерках появляется характерная для будущей публицистики Вс. Иванова 1919 г. фигура автора-повествователя – молодого человека в очках, несколько отстраненно, но внимательно наблюдающего за происходящим, не пытающегося «вписаться» в окружающую жизнь, но и не чувствующего своего отчуждения от нее. В «Очерках фронта» (1919), «рассказах о себе» (1921–1925), в том числе таких блестящих новеллах, как «Как создаются курганы» (1924), «Смерть Сапеги» (1925), также появится аналогичный образ; критики конца 1920-х гг. будут сопоставлять его с гуманным интеллигентом Лютовым из «Конармии» И. Бабеля⁷³. В очерке 1916 г. молодой человек в очках случайно заходит в столовую Общества трезвости. Он слушает «ядреную ругань» подозрительных личностей – «парижанов», в том числе и в свой адрес, и исследует представившуюся ему

⁶⁹ *Всеволод-ов*. Курсы маслоделения и курсы подготовки новой деятельности инвалидов // Там же. 8 сент. С. 2.

⁷⁰ *Вс. Шатун*. Общество «Народный Дом» // Там же. 19 нояб. С. 3.

⁷¹ Там же.

⁷² *Сибирские записки*. 1916. № 4. С. 92.

⁷³ См.: *Горбачев Г.* Современная русская литература. Л.: Прибой, 1929. С. 226.

«оригинальную картину». Внешняя невозмутимость рассказчика в курганских очерках, как и в омских очерках 1919 г. «Отверни лицо твое», «Встреча» и др., не скрывает его внутренней боли и не способствует его общественному оптимизму и вере в областнические прожекты.

Редактором петропавловской газеты «Приишимье» (выходила с 1913 по 1916 г.), где Иванов вел раздел «По краю», посылая туда корреспонденции из Кургана, в 1916 г. был Л.С. Ушаков. На основании его писем, выявленных недавно Н.И. Левченко в фондах «Городского центра истории Новосибирской книги», можно представить себе личность «общественного деятеля, которому было безразлично экономическое и социальное развитие Сибири»⁷⁴. В письме от 26 февраля 1957 г., адресованном сибирскому писателю К.Н. Урманову, Ушаков вспоминает и Вс. Иванова: «...кто еще жив и работает в нашей литературной братии, ведь я Вам всем – родня, кажись, В. Иванов мой литературный крестник. Когда-то он работал в Кургане наборщиком, а я в Петропавловске был редактором, первый рассказ В. Иванова “Волк” [Имеется в виду рассказ «Хромоногий». – Е.П.] был напечатан у меня в газете»⁷⁵.

Февральскую революцию 1917 г. Иванов встречает в Кургане. В автобиографии 1925 г. он писал о своей политической неграмотности в то время: «...например, в марте семнадцатого я долго не мог выбрать, кто лучше – меньшевики или эсеры, – и сразу записался в обе партии»⁷⁶. К двум партиям мы еще вернемся, а вот в политической безграмотности автора позволим себе усомниться.

Известно, что на основе декрета Временного правительства Российской республики от 13 марта 1917 г. в разных уездах Сибири, в том числе и в Курганском, для руководства местными органами власти учреждается должность Уездного комиссара, в руках которого до выборов в

⁷⁴ Левченко Н.И. Леонид Степанович Ушаков – редактор газеты «Приишимье» // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 281.

⁷⁵ Цит. по: Там же. С. 288.

⁷⁶ Цит. по: Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 367.

Учредительное собрание сосредоточивается вся полнота власти. С 17 марта 1917 г. комиссар Курганского уезда М. Алексеев приступает к работе⁷⁷. После установления в Сибири в декабре 1917 г. Советской власти должность упраздняется. В Кургане это происходит в январе 1918 г. В это же время, в ночь с 28 на 29 января, в Томске проходит тайное заседание Сибирской Областной Думы, где принимается декларация Временного Сибирского Правительства. В ней Совнарком объявлен «врагом народа», посягнувшим на Учредительное собрание, а большевики – «изменниками революции». Вместе с тем, по Декларации, временно сохраняется существование Советов как организаций, которые должны участвовать в работе Всероссийского и Всесибирского Учредительного собрания⁷⁸. Основную часть образованного Временного Сибирского правительства составляют социал-революционеры (эсеры). Председателем избран правый эсер П. Дербер. К власти это правительство приходит 30 июня 1918 г.

Как же складывалась в это время жизнь Иванова? Утверждение, что в марте 1917 г. он вступил в две партии, требует конкретизации. Реально в Кургане в это время существовала партия социал-революционеров, одним из членов которой был друг Иванова Худяков (газета «Земля и воля», печатный орган партии, стала выходить в Кургане с 20 августа), и партия социал-демократов (печатный орган – «Известия Советов рабочих и солдатских депутатов», затем – «Новый мир»). Во время выборов в Курганскую Городскую думу в мае 1917 г. эти две партии выступают как «Группа объединенных социалистов», и одним из кандидатов в списке числится Вс.Вяч. Иванов (№ 25) – типографский рабочий. Под № 32 выдвигается в Думу К.К. Худяков – ремесленник, живописец⁷⁹. На выборах 1 июля 1917 г. оба кандидата проходят и становятся гласными Курганской городской думы. В программе «объединенных социалистов», помимо «самодержавия народа»

⁷⁷ См.: ГАКО. Ф. р852. Оп. 1.

⁷⁸ См.: Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. С. 184–186.

⁷⁹ ГАКО. Ф. р852. Оп. 1. Д. 18. Л. 25 (об).

взамен царского самодержавия, большое место занимает вопрос о земле, который по-прежнему не решается: земля, хоть и не принадлежащая уже помещикам, все равно остается для крестьян недоступной, так как ее надо выкупать у государства за деньги⁸⁰.

Насколько деятельным членом партий и гласным Думы был Иванов, сказать трудно – документальных материалов не сохранилось. В «Истории моих книг» он пишет, что на заседаниях больше молчал и поэтому газета «Курганский вестник» назвала его «великим молчальником». Возможно, это так и было, но тогда непонятно, почему не участвующий в жизни партии человек выдвигается ею в Думу. Рискнем предположить, что не только молчал, но и делал. Известно, что Иванов был активным членом Курганского профессионального союза печатников. Участвовал в издании однодневной газеты «День печатника». Боролся с «контрреволюцией», о чем сохранились свидетельства. В газете «Земля и воля» от 26 августа напечатан протокол общего собрания членов профсоюза, на котором ставился вопрос об участниках инцидента в типографии «контрреволюционной газеты» «Курганское свободное слово» (газета кадетской партии «Народной свободы») Судя по протоколу, группа типографских рабочих, в том числе и Иванов, затеяла драку и рассыпала набор газеты. Следствием этого, как сообщала «Земля и воля», было изгнание Иванова из Правления членов профсоюза⁸¹.

Осенью 1917 г. Иванов переезжает в Омск и знакомится с литературной жизнью большого сибирского города. Благодаря разысканиям сибирских ученых и краеведов нам довольно много известно о круге омских писателей 1917–1920 гг., среди которых оказался Иванов. Своеобразным центром его был Антон Сорокин – литературная легенда Омска. «Александр Грин Сибири, – называл его впоследствии Иванов. – Крайне интересный человек, страстно влюбленный в литературу, обожавший всех, кто ею

⁸⁰ Земля и воля. Курган, 1917. 20 авг. С. 1.

⁸¹ Там же. 26 авг. С. 3.

занимается»⁸². В доме Сорокина на Лермонтовской улице, 28 собирались писатели, поэты, художники. В написанном осенью 1917 г. письме Иванова Худякову упоминаются писатели П.П. Оленич-Гнененко, его «очень талантливый сын», поэт А.П. Оленич-Гнененко и М.П. Плотников⁸³. Кроме них, назовем А.Е. Новоселова – писателя, автора блестящей повести о старообрядцах «Беловодье» (1917), опубликованной Горьким в «Летописи», ученого-краеведа, члена Западно-Сибирского географического общества, много времени отдавшего изучению традиций жизни народов Сибири, в 1918 г. министра Временного Сибирского Правительства; П.Л. Драверта – ученого-минеролога, метеоролога, геолога, ботаника, археолога, путешественника, поэта, библиофила; К.Н. Урманова, писавшего в то время поэтические рассказы и, как впоследствии Иванов, занимавшегося обработкой алтайских сказок; молодых талантливых поэтов Ю. Сопова и И. Славнина.

Еще в Кургане в 1916 г. Иванов посылает свое первое письмо А.М. Горькому, начинается общение, продолжавшееся почти 20 лет. В текстах рассказов и пьесы, написанных в Омске, появляются упоминания произведений Горького, отсылки к ним. Несмотря на то, что о взаимоотношениях писателей исследователями сказано очень много⁸⁴, остановимся на этих текстах, уточняющих непростое отношение Иванова к своему «учителю».

К тому моменту, когда Иванов в 1916 г. начинает свою переписку с Горьким, продолжавшуюся в течение 20 лет, у сибирских писателей сложилось двойственное отношение к его деятельности и взглядам. С одной стороны, поддержка литературных сил областных окраин и писателей-самоучек из народа очень важна и привлекательна для сибиряков.

⁸² Копия письма Иванова С.А. Музалевскому от 30 нояб. 1960 г. Хранится в личном архиве Иванова.

⁸³ *Иванов Вс.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. С. 576.

⁸⁴ См.: *Гладковская Л.А.* Жизнелюбивый талант. С. 9–26; *Пудалова Л.А.* Проза Всеволода Иванова и фольклор. С. 21, 29, 40; *Миокин М.В.* Путь Всеволода Иванова к роману (20-е годы). С. 3–15; *Беленький Е.* На всю жизнь // Судьбы, связанные с Омском: Кн. 2 / сост. И.Ф. Петров. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. Ом. отд-ние, 1979. С. 177–210.

Начинающий писатель Иванов вместе с первым письмом посылает Горькому свой рассказ «Степная царевна» и книгу стихов Худякова «Сибирь», рассказывает о трудной жизни Худякова и своей собственной: «Однажды, в Тиоре, не имел ни копейки – есть никто не хотел мне дать, и работы не было»⁸⁵. Очевидно, что он надеется на поддержку Горького. Тот откликается почти сразу: два рассказа Иванова «По Иртышу» и «Дед Антон» и два стихотворения Худякова Горький включает во второй «Сборник пролетарских писателей» (1917). Не исключено, что вдохновило друзей послать свои произведения Горькому его предисловие к первому «Сборнику пролетарских писателей», в котором автор призывал собрать «бодрые силы пролетариата» и размышлял о том, что «хорошо бы создать для писателей-самоучек периодическое издание, которое поставит себе целью изучение литературной техники – главного, чего недостает писателю из народа»⁸⁶. Завершалась горьковская статья призывом: «Вперед, к культуре мировой!»⁸⁷.

С понятиями «культура» и «Запад» связана другая сторона неоднозначного отношения сибирских писателей, в том числе и Иванова, к Горькому. «...в историософской концепции Горького понятия Восток и Запад постепенно начали приобретать не только географический, политический, культурный смысл, но и этнологический, психологический»,⁸⁸ – делает вывод горьковед Н.Н. Примочкина. После начала Первой мировой войны, которую «писатель воспринял как крушение своих заветных идеалов и надежд на создание “Всемирного разума”, “планетарной культуры”, концентрации энергии всего мира <...>, Горький с тревогой следил за усилением национально-патриотических настроений в русском обществе»⁸⁹. Именно в этом контексте пишется программная статья «Две души» (1915), где Горький, доказывая идею о непримиримости Востока и Запада и

⁸⁵ *Иванов В.* Переписка с А.М. Горьким. Из дневников и записных книжек. Изд-е 2-е, дополн. М.: Сов. писатель, 1985. С. 6.

⁸⁶ Сборник пролетарских писателей. Пг.: Прибой, 1914. С. 11.

⁸⁷ Там же. С. 12.

⁸⁸ *Примочкина Н.Н.* Антиномия «Восток – Запад» в мировоззрении и творчестве М. Горького // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. Материалы и исследования. Вып. 9. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 53.

⁸⁹ Там же. С. 55.

объясняя пороки русской национальной психики азиатским влиянием, противопоставлял человека Востока – «раба и слугу своей фантазии» и европейца – «вождя и хозяина своей мысли»⁹⁰. Позиция Горького вызвала острую полемику; о его односторонности и максимализме писали Н. Бердяев, Л. Андреев, Д. Мережковский и др.

Мысль Горького о том, что русским людям нужно «бороться с азиатскими наслоениями в психике»⁹¹ и дорасти, наконец, до людей Запада, «коллективная воля» которых направлена «к созданию таких форм бытия, которые имеют целью <...> поработить силы природы интересам и воле человека»⁹², вряд ли находила полную поддержку у сибирских писателей, горячо любивших свою «азиатскую» родину. В частности, у членов того омского литературного кружка, к которому в 1917 г. присоединился Иванов. Подтверждением этому служит неопубликованная и хранившаяся в архиве Сорокина в Омске пьеса-памфлет «Гордость Сибири Антон Сорокин»⁹³ (1918). На титульном листе стоит имя Вс. Иванова, он же является одним из главных персонажей, но не исключено, что пьеса является плодом коллективного творчества писателей омского кружка: в незавершенном стихотворном фрагменте П. Оленича-Гнененко, с тем же заглавием,⁹⁴ есть строки, совпадающие с текстом Иванова. Одним из персонажей пьесы является Горький, в списке действующих лиц ему посвящена язвительная характеристика:

МАКСИМ ГОРЬКИЙ – Пророк с огненной глоткой и мозгом из персидских ковров. Мысли его, как осенние букеты цветов, без запаха. Любит лизать затылки у сопливых литераторов, склонен погрызть орешки культуры.

Базовое для Горького понятие «культура» представлено в тексте пьесы в ироническом ключе:

⁹⁰ Горький М. Две души // Летопись. 1915. № 1. С. 123.

⁹¹ Там же. С. 133.

⁹² Там же. С. 126.

⁹³ Впервые: Неизвестный Всеволод Иванов. С. 144–150.

⁹⁴ Хранится в РГБ.

Появляется Максим Горький, лижет его [Вс. Иванова. – Е.П.] в затылок, гладит по спине Сборником пролетарских писателей.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ. Ты куда на культуру – ША!

Марш туда, в конуру.

Прерия Сибири. Желтая иссохшая трава. Песчаные дюны. Иртыш. Стрекошет кузнечик. Александр Оленич издает боевой клич индейцев.

АЛЕКСАНДР ОЛЕНИЧ. Ни с места, сам Максим Горький

Изрек мудрые слова:

Дрожи и внемли,

Сибирь, убога и нема,

Но, вещей, знаю:

Засеют эти земли

Еще благие семена,

Философия и Клюева творения

Прочертят достойный след,

И даже (*Скромно улыбаясь.*),

Может быть, хотя берут сомнения,

Мой вдохновенный дерзкий бред⁹⁵.

Показательно упоминание новокрестьянского поэта Н.А. Клюева, влияние которого на писателей Сибири в тот период было значительным⁹⁶.

Диалог-спор вели сибирские писатели, и в том числе Иванов, с Горьким и о ключевом для него понятии – человек. «“Идея человека” пронизывает философию “серебряного века”, раскрываясь по-разному в творчестве русских писателей и мыслителей. Но при всем многообразии подходов к ее истолкованию, можно обнаружить две основные тенденции: христианскую традицию в изображении личности и гуманистически-просветительскую, идущую от традиций европейской культуры и, прежде всего, просвещения»⁹⁷, – отмечает ведущий специалист по творчеству М. Горького Л.А. Спиридонова, определяя место горьковской концепции

⁹⁵ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 144.

⁹⁶ Подробно см.: Папкова Е.А. Сибирские писатели и Н.А. Клюев в 1910-е гг. // Николай Клюев: Образ мира и судьба. Научный сборник. СПб.; Томск: Изд. Дом Томского гос. ун-та, 2013. С. 7–26.

⁹⁷ Спиридонова Л.А. Концепция личности в системе философско-эстетических взглядов М. Горького // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. С. 12.

личности в дискуссиях рубежа XIX–XX вв. Комментируя письмо Горького И.Е. Репину от 23 ноября 1899 г.: «Я не знаю ничего лучше, сложнее, интереснее человека. Он – все. Он создал даже Бога», – Спиридонова указывает, что в нем «звучит мысль, которая станет определяющей для писателя на многие годы: человек должен стать равным Богу»⁹⁸. Наиболее полно горьковскую концепция человека 1910-х гг. воплотила дидактическая поэма «Человек» (1904): «Я вижу его гордое чело и смелые глубокие глаза, а в них – лучи бесстрашной Мысли, той величавой силы, которая в моменты утомленья – творит богов, в эпохи бодрости – их низвергает»⁹⁹. Поэма вызвала возражения и у тех, кто воспринял ее «как проповедь ницшеанского толка», а ее героя как «сверхчеловека», и у тех, кто «видел спасение мира и человека в познании божественного Промысла»,¹⁰⁰ – отмечает Спиридонова, приводя полемические высказывания В. Короленко, Д. Мережковского, З. Гиппиус и др.

Во второй половине 1910-х гг. в спор о человеке включаются сибирские писатели омского кружка. Позиция их прямо противоположна основополагающей мысли Горького. Приведем несколько примеров.

1916 годом датированы «Три сонета» А. Оленича-Гнененко, объединенные общим заглавием «Человек»:

Любимый сын земли, среди могучих – первый,
Я прочь изгнал богов и в храмы их проник.
И вот теперь меня грызут больные нервы,
И смертью мне грозит ничтожнейший сквозник.
Хозяин всех богатств – образчик прозябанья,
Отринувший богов – трусливый суевер,
Вершина красоты, омега мирозданья,
Я сгорблен, как старик, безжизнен, худ и сер.
И служат мне, царю, торжественным дворцом

⁹⁸ Там же. С. 14.

⁹⁹ Горький А.М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения: в 25 т. Т. 6. М.: Наука, 1977. С. 35.

¹⁰⁰ Спиридонова Л. А. Концепция личности в системе философско-эстетических взглядов М. Горького. С. 17–18.

Приюты для калек и сумасшедший дом¹⁰¹.

Вс. Иванов свое стихотворение с таким же заглавием печатает в изданном им самим первом и единственном номере газете «Согры» в апреле 1918 г., включает в сборник «Зеленое пламя». Горьковская бесстрашная «Мысль – подруга Человека» лишена у Иванова величия:

Бледные лица,
Бледные лица калек.
Мысль – блудница
В чаду утех.
О, человек!
Одна многотысячная рука,
Один свистящий зев.
Не потому ль, что ты так жаден –
Так жалок.
И эта рука – не победителя.
А нищего?
Ты ль русалок
Сотворил бледным умом?¹⁰².

В рассказе «Шантрапа», также напечатанном в «Сограх» и включенном (первая часть) в сборник «Зеленое пламя. Рассказы и сказки» (в несколько измененном виде вошел в книгу «Рогульки»), переосмыслена еще одна из основополагающих философских и нравственных категорий горьковской концепции человека – свобода. «...человеку очень нужна свобода, и в свободе думать по-своему он нуждается более, чем в свободе передвижения. Никому не подчиняться – это счастье, не правда ли?»¹⁰³ – скорее утверждал, чем спрашивал Горький в письме к Репину от 23 ноября 1899 г. Сравним диалог о свободе, который ведут герои Иванова. «Свободен ветер, свободен я!..» – вопит Таежный. И слышит в ответ: «Полый ты человек, Таежный, взболтанный. <...> Дарование имеешь, а у забора сдохнешь. Почему? Нитей у

¹⁰¹ Сибирские записки. 1916. № 2. С. 2.

¹⁰² Неизвестный Всеволод Иванов. С. 55.

¹⁰³ Горький А.М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. Т. 1. М.: Наука, 1997. С. 377.

тебя внутри нет здоровых; ражий ты человек, а гнилой»¹⁰⁴. Свободный, вне родины и Бога идущий по свету человек, близкий герою молодого Горького, оценивается Ивановым по-другому «Объемисто округ, хорошо, и Бог будто тебе в уши шепчет ветрами степными, запашистыми: “Стоимость твоя, человеке, примерно – гриб, спихнутый тобой. Рос – ничего будто, а ткнули чуть – где ты, жизнь маленькая?”»¹⁰⁵.

Отнюдь не в «безумстве храбрых», увидит молодой писатель и «мудрость жизни»¹⁰⁶. Ироническая аллюзия к программному для молодого Горького произведению – «Песне о Соколе» (1895) – содержится в том же рассказе «Шантрапа». На пустынной дороге в грозу, упустив осла, несшего всю поклажу, включая паспорта, бродячий артист с горечью восклицает: «И что же, куда теперь? “Безумству храбрых!..” Черт бы тебя драл!»¹⁰⁷. «Мудрость» увидит молодой сибиряк в другом: «Тяжелую силою дышит океан, и кажется он сейчас воплощенной мудростью... И вот тогда, первый раз в жизни, мне захотелось поцеловать родную землю!»¹⁰⁸ («Над Ледовитым океаном»; 1917). В сатирическом рассказе «Спичка» (1919) ключевые горьковские слова вложены в уста сумасшедшего литератора Бочкова и также включены в иронический контекст: «Дыра, но не город. Не понимаю, как вы здесь живете. С завтрашнего дня курю сигары. “Безумству храбрых поем мы песню!” Славно пишет Горький, метко»¹⁰⁹. В своей иронии Иванов не одинок, да и направлена она, скорее всего, не столько на ранние горьковские призывы, сколько на его публицистику середины 1910-х гг. Комментируя в 1916 г. статью «Две души», критик С.Д. Лобанов, назвав имя Горького «всемирно известным и многими любимым», далее пишет: «“О, смелый Сокол!..” Неужто Горький, который прежде, куда ни глянет, везде, бывало, видит этих очаровательных птиц, – целые стаи буревестников и соколов, –

¹⁰⁴ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 62.

¹⁰⁵ Там же. С. 60.

¹⁰⁶ Горький А.М. Песнь о Соколе // Горький А.М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения: в 25 т. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 47.

¹⁰⁷ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 92

¹⁰⁸ Там же. С. 50.

¹⁰⁹ Там же. С. 133.

теперь нигде, ни на одном заборе окуровском, <...> не нашел хотя бы завалящего какого соколенка!»¹¹⁰. Позиция Горького оценивается критиком как ошибочная: «А теперь “Две души”, обе ничего не стоящие, обе не русские, выдуманные»¹¹¹; и причину он видит в том, что писатель «утратил веру в свой родной народ»¹¹²; «с мрачной решительностью отрекся вдруг Горький от себя и от народа»¹¹³.

Спустя почти 30 лет, 18 мая 1943 г., Иванов напишет в дневнике о Горьком: «...странное отношение к России, – будто он знает больше, чем она. И, вообще, гордыня неимоверная. Раньше мне нравились воспоминания его, а теперь они кажутся лапшой. Рассказы куда лучше, хотя система образов однообразна, а сентенции невыносимы. И все же человек великий – и дай нам Бог побольше таких! Я не встречал другого, кто бы с такой верой верил в невозможное: возможность перестроить мир и человека. Впрочем, вера тем и вера, чтобы верить в невозможное»¹¹⁴. Двойственность отношения Иванова к Горькому проявится уже в сибирские годы. Из историко-биографических литературоведческих исследований последнего времени наиболее точно эта мысль сформулирована в монографии Л.В. Суматохиной: «Можно предположить, что через самые разные этапы отношений с Горьким Иванов пронес два чувства: чувство глубокого уважения и человеческой привязанности к Горькому, с одной стороны, и внутреннее несогласие по ряду важных вопросов – с другой»¹¹⁵.

В Омске Иванов составляет первый сборник своих произведений – на титульном листе пишет от руки: «Всеволод Иванов-Тараканов. Зеленое пламя. Рассказы и сказки. 1916–1917 г. Курган – Омск». Самодельная книга представляет собой черную общую тетрадь с авторской пагинацией, куда вклеены вырезки из газет с текстами Иванова. Происхождение тетради

¹¹⁰ Ежемесячный журнал. 1916. № 3. С. 217.

¹¹¹ Там же. С. 219.

¹¹² Там же. С. 215.

¹¹³ Там же. С. 218.

¹¹⁴ *Иванов Вс.* Дневники / сост. М.В. Иванов, Е.А. Папкина; отв. ред. А.М. Ушаков. М.: ИМЛИ РАН, 2001. С. 311.

¹¹⁵ *Суматохина Л.В.* М. Горький и писатели Сибири. С. 71–72.

связано с участием его в проходившей в Омске в сентябре 1917 г. конференции рабочих печатного дела Западной Сибири. В 1950-е гг. Иванов вспоминал: «Просматривая сейчас тетрадку, куда сорок лет назад были вклеены узкие газетные столбики моих первых рассказов, я обнаружил протокол заседания конференции, написанный моей рукой. Конференция избрала меня секретарем Западно-Сибирского бюро печатного дела»¹¹⁶. На обороте листа 4 рукой Иванова перечислены участники конференции и записана часть чьей-то речи, а на обороте листа 3 крупными буквами написано слово «Дураки», дважды подчеркнутое. Рассказы и стихи в основном вырезаны из газет, некоторые тексты переписаны от руки (части рассказов «Рао», «Сны осени»). В вырезках зачеркнуты имя автора, город и год, в тексты в отдельных случаях внесена незначительная авторская правка, которая касается главным образом заглавий и посвящений.

В первом самодельном сборнике Иванова «Зеленое пламя» много следов влияния как писателей-предшественников (например, в рассказах «Писатель», «Черт», «Чайник» узнается стилевая манера А.П. Чехова), так и современников. Рассказ «Зеленое пламя» имеет посвящение А.Сорокину и, вероятно сознательно, написан Ивановым в близкой стилистике, с присущей «королю сибирских писателей» подчас чрезмерной мрачной образностью. В первом рассказе книги «Золото» прочитывается главная тема Сорокина – власть денег, название повторяет заглавие монодрамы Сорокина «Золото» (1914).

Большую часть самодельной книги составляют произведения, образующие своеобразный сибирский цикл. Указания на это имеются в подзаголовках к отдельным рассказам: «Рао» – «Из сибирских легенд»; «Нио» – «Из рассказов об ушедшей Сибири»; «Сон Ермака» – «Из легенд об умершей Сибири». К названным рассказам тематически и стилистически примыкают «Сны осени», «Хромоногий», «Сын человеческий», «Над Ледовитым океаном», «На горе Ык», а также обработанные Ивановым

¹¹⁶ *Иванов Вс.* История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 127.

сибирские и восточные предания и сказки: «Северные марева», «Мысли как цветы». Все они объединены общей темой – прошлое Сибири, композиционными особенностями и типом героя. Исследователи ранних произведений писателя возводили их проблематику и стилистику к Горькому. От Горького, как было принято считать, шел и основной композиционный прием сибирских легенд – рассказ в рассказе. Изучение региональной периодики 1910-х гг. показывает типичность такой композиции для многих писателей Сибири: в произведениях И. Тараканова «Баян-Сулу (В киргизских степях)» (Сибирские записки. 1916. № 1), К. Турумбаева «Зар-Тау» (Сибирские записки. 1917. № 4), Степняка-Кравчинского (псевдоним К. Худякова) «Степные огни» (Земля и труд. 1919. 18 июня) мудрые аксакалы рассказывали киргизские (казахские) легенды. Поэма М. Плотникова «Янгал-Маа» (работа автора над текстом велась с 1913 г., отдельные песни печатались в «Сибирских записках» в 1918–1919 гг.), в основу которой положен эпос народа манси, строится как рассказ шамана Куксы о «позабытом народе». И т.п. Думается, что легенды Иванова берут истоки именно в региональной традиции.

Ведущие темы легенд Иванова в целом также достаточно далеки от Горького. Одной из них станет тема «родной земли», которая тесно свяжет Иванова с новокрестьянскими писателями: Н. Клюевым, С. Есениным, С. Клычковым – и которая во второй половине 1920-х гг., в период работы над книгой «Тайное тайных», практически разведет с его учителем Горьким по вопросу о русской деревне. «Нужно нежно отнестись к земле, ибо это мать ваша...»¹¹⁷, – говорит завоевателю Ермаку старик Темирбей («Сон Ермака», 1916). Обратим внимание, насколько отлична здесь позиция Иванова от взглядов молодого М. Горького, герой которого, Макар Чудра, с презрением поучает: «Видишь, как человек пашет, и думаешь: вот он по капле с потом силы свои источит на землю, а потом ляжет в нее и сгниет в ней. Ничего по нем не останется, ничего он не видит с своего поля и умирает, как родился,

¹¹⁷ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 44.

дураком»¹¹⁸. В рассказе «Сон Ермака» прозвучит ивановское понимание истинного величия человека: оно не в гордости, а в покаянии и готовности человека к страданию и жертве. Раскаявшийся в убийстве старого киргиза, молящийся за свою душу и за свою родину Ермак; раздавший бедным деньги богатого хана мудрец, который говорит людям о добре и любви («Золото»); отдавшая жизнь ради спасения ребенка маленькая букашка Нио («Нио»); отрекшийся от своей миссии пророка Сын человеческий, смиренно помогающий строить жилища людей («Сын человеческий»), и другие герои – вот примеры истинного величия для молодого писателя.

В 1980-е гг. Л.А. Гладковская высказалась об этой первой книге Иванова достаточно сдержанно: в ней «...романтика душевных порывов к лучшему еще не нашла для себя реальной почвы. Человеческая зрелость, зрелость политическая, идейная, литературная еще впереди»¹¹⁹. Современные исследователи рассматривают эти ранние опыты Иванова в другом ключе. Характеризуя произведения писателя, в том числе и вошедшие в сборник «Зеленое пламя», Ю.Б. Орлицкий отмечает интерес молодого Иванова «к разным формам взаимодействия прозы и стиха», употребляя применительно к многим текстам писателя термин «прозаическая миниатюра»¹²⁰. В книгу вошли три стихотворения: в тексте «Красная чума миллиард» Иванов обращается к свободному стиху (верлибру); тексты «Человек» и «Рождение» написаны «народным раешным стихом, который тоже опирается на естественную речь, отличаясь от нее только наличием рифмы в конце строк»¹²¹. Обе эти формы, по мысли исследователя, «соотносимы с прозаической миниатюрой». Помимо стихотворений, Орлицкий анализирует прозаические миниатюры сборника, например цикл «Северные марева», где Иванов «активно пользуется метром и урегулированной строфикой». В целом исследователь отмечает «последовательное внесение в малую прозу

¹¹⁸ Горький А.М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения: в 25 т. Т. 1. С. 14.

¹¹⁹ Гладковская Л.А. Жизнелюбивый талант. С. 14.

¹²⁰ Орлицкий Ю.Б. Прозаическая миниатюра в творчестве Всеволода Иванова // Русская революция 1917 г. в литературных источниках и документах. С. 412–419.

¹²¹ Там же. С. 414.

стихового начала», характерное для многих русских прозаиков того времени: Пильняка, А. Толстого, Ремизова и др.»¹²²

Можно сказать, что произведения сборника «Зеленое пламя», написанные как в символической, так и в реалистической манере, являются осмыслением пережитого Ивановым до Кургана, отражением событий и дум предыдущих периодов жизни писателя: детства («Алешка»), ухода из родительского дома («По Иртышу»), странствий по Алтаю и Сибири и встреч с доживающими свой век старыми шаманами («Рао», «На горе Ык»). С реальной жизнью города и работой самого писателя тематически связан рассказ «Две гранки» о типографском рабочем.

Книга «Зеленое пламя» собиралась автором постепенно. Сначала в общую тетрадь были вклеены вырезки из газет 1916–1917 гг., подписанные в основном настоящим именем писателя – «Всеволод Иванов», и Иванов проставил на обложке эти даты. Затем в течение 1918 г. в книгу добавлялись новые рассказы: «Чайник», «Алешка» и другие. Практически все они были напечатаны в газете «Согры» (о ней речь пойдет далее) уже под псевдонимами: Вакула Кедров, Марк Ступин, Макс Жеекард, К. Тулупов, в сборнике срезанными. Псевдонимы были достаточно популярным явлением в тогдашней сибирской печати: на страницах газет встречались подписи: До-ре-ми, Шмель, Старожил, Неузнаваемый, Шерлок Холмс, Диез и т.п. К. Худяков также подписывался различными псевдонимами: Сибиряк – Тобольский, Черный бор, Степной ворон. В 1950-е гг. Иванов давал этому такое объяснение: «Подписывали мы псевдонимами не потому, что хотели спрятать свою фамилию, а для того, чтобы некоторая таинственность прикрывала нас, а иногда казалось, что под псевдонимами нас скорее поймут. Да действительно, кто бы мог понять лирические стихи, <...> написанные владельцем вывесочной мастерской или наборщиком типографии...»¹²³.

¹²² Там же. С. 417–419.

¹²³ *Иванов Вс.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. С. 279–280.

В книгу «Зеленое пламя. Рассказы и сказки» вошли не все произведения Иванова 1916–1918 гг. За ее пределами остались тексты других жанров: упомянутые ранее очерки 1916 г., рецензия на журнал «Сибирские записки» (1917), статья «Война и отражение ее в частушках» (1917), пьеса «Гордость Сибири Антон Сорокин» (1918). Не включил Иванов в свою первую книгу и рассказы этих лет, посвященные реальной жизни крестьян и казаков: «Защитник и подсудимый» (1916), «Вертельщик Семен» (1916), «В зареве пожара» (1916), «Дед Антон» (1917). Тематические они гораздо ближе к произведениям двух других самодельных книг автора – «Рассказы» и «Рогульки», собранных в 1919 г.

Систематизация и анализ комплекса новых материалов биографии и творчества Вс. Иванова 1915–1918 гг. позволяют реконструировать формирование мировоззрения и художественных установок писателя. Творческая деятельность Иванова начинается в курганском и омском кружках писателей, связанных как с сибирской традицией, так и с новокрестьянской литературой. Рассмотренные легенды и очерки Иванова во многом написаны в русле областнических идей; реалистические рассказы объединены крестьянской темой, включают мотив богооставленности человека. Уточнены некоторые факты биографии Иванова, которые раскрывают его деятельность после революции 1917 г. в качестве члена партии эсеров, взаимоотношения с А.М. Горьким. Своеобразным творческим итогом этого периода жизни Иванова становится его первый самодельный сборник «Зеленое пламя. Рассказы и сказки. 1916–1917 г. Курган – Омск».

1.2. 1919 год в жизни и творчестве Всеволода Иванова.

До недавнего времени исследователи творчества Вс. Иванова определяли 1919 год в его биографии и творчестве как время создания лучших рассказов сибирского периода, вошедших в книгу «Рогульки». В действительности в 1919 г. Иванов составил две книги: самодельный сборник

«Рассказы» и «Рогульки», ставшие его первой печатной книгой. Имя автора в двух сборниках заменено псевдонимом «Всеволод Тараканов». Почти сто лет они хранились в архиве писателя, в 2010 г. напечатаны в книге «Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества».

На титульном листе книги «Рассказы» типографским шрифтом набрано: «Всеволод Тараканов. Рассказы. Омск, 1919 г.». На остальные страницы с авторской пагинацией вклеены газетные вырезки с рассказами Иванова. Рукою автора в тексты рассказов внесены исправления карандашом и чернилами. В книгу вложены: два листа бумаги, на которых также типографским шрифтом набрано: «Всеволод Тараканов. По блоку» – вероятно, варианты обложки для предполагаемой книги рассказов; машинопись рассказа «Город ночью» с подписью: Всеволод Иванов; автограф стихотворения «Говорили: в вечерних зорях...». В книгу также вложена газетная вырезка со стихами К. Худякова 1917 г. «К малютке» и «Не пришла». Сборник включает рассказы Иванова о крестьянах-правдоискателях – «Купоросный Федот» и «Анделушкино счастье», а также автобиографические рассказы о его странствиях в поисках Индии – «Американский трюк», «Дуэн-Хэ – борец из Тибета», «Гривенник».

Сборник «Рогульки» стал первой печатной книгой Иванова – «Всеволода Тараканова». На титульном листе указано: «Омск: Тип<ография> Газеты “Вперед”. Д<ействующая> Армия. Вагоны № 216 и 521. 1919». Набрана она была в типографии фронтовой газеты «Вперед» либо самим Ивановым, либо его товарищами, наборщиками. Вышла тиражом в 30 экземпляров, которые Иванов подарил некоторым сибирским друзьям, а впоследствии в Петрограде – Горькому и Федину¹²⁴.

Можно предположить, что для этой книге Иванов отбирал лучшее из им написанного в предшествующие годы. Таковыми оказались рассказы «Шантрапа», «В степи» (в книге «Рассказы» напечатан под заглавием «Американский трюк»; вариант заглавия: «Алхимед. Из рассказов об

¹²⁴ *Иванов Вс.* История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 134, 140.

ушедшей Сибири») и «Купоросный Федот», напечатанные ранее в периодической печати. Вошли в книгу и новые произведения 1919 г.: «Рогульки», «Джут», «Три копейки», «Клуа – Лао», «Духмяные степи».

Книга «Рогульки» была известна исследователям, работавшим с архивом писателя: в посвященных Иванову монографиях 1980-х гг. она оценивалась как шаг вперед по сравнению с более ранними произведениями, печатавшимися в периодике. «В литературной манере Иванова наметились перемены, – указывала Гладковская. – Он начал постигать искусство черпать из жизни. Сделана заявка на характеры народных правдоискателей, крестьян-философов, а также вольных духом бродяг, независимых от “приличного общества”. Правдивы рассказы о детях, наивное, естественное сознание которых противостоит “нормальному” укладу жизни (“Рогульки”, “Три копейки”))»¹²⁵. Исследователь отмечает в книге «поэтическое восприятие жизни», «соединение фантастики с реальностью», умение передавать народную речь¹²⁶. Л.А. Пудалова подошла к «Рогулькам» более строго, упрекнув молодого писателя в том, что «тема классовой солидарности, по неопытности юного автора, не совсем четко раскрыта в его первой книге», «более четко выражается здесь идея национальной самобытности, бережно сохраненной в фольклоре»¹²⁷. «Лучшим рассказом во всей первой книге» Пудалова называет рассказ «Купоросный Федот», герой которой, крестьянин Федот, «первый в целой галерее любимых героев Вс. Иванова, неутомимых искателей, характерных для Руси вопрошателей, мечтателей, крестьян-философов, жаждущих совершить чудо. Таковы Каллистрат Ефимович из “Цветных ветров”, Кузьма из рассказа “Жаровня архангела Гавриила”, Ерма из “Синего зверюшки”, Аксинья из “Логов” и многие другие»¹²⁸.

¹²⁵ Гладковская Л.А. Жизнелюбивый талант. С. 25.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Пудалова Л.А. Проза Всеволода Иванова и фольклор. С. 33.

¹²⁸ Там же. С. 39.

Однако эти произведения Иванова отнюдь не главное, что принес в его творчество 1919 год, события которого, думается, и сделали из молодого провинциального литератора одного из крупнейших писателей XX века.

С целью восстановления событий биографии Иванова 1919 г. был обследован ряд источников, многие материалы которых впервые введены в научный оборот в 2018 г. Прежде всего это документы сибирских архивов: Исторического архива Омской области (ИАОО), Государственного архива Новосибирской области (ГАНО), а также архивов Москвы: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского Государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). В фондах библиотек Москвы и городов Сибири были рассмотрены коллекции сибирских изданий периода 1917–1920 гг.: «Земля и труд» (Курган), «Заря» (Омск), «Голос Сибирской армии» (Омск), «Сибирский казак» (Омск), журнал «Единая Россия» (Омск). С особым вниманием изучены сохранившиеся подборки номеров передвижной фронтовой газеты «Вперед», которая выходила в 1919 г. и в которой, как было известно еще с 1957 г., когда были напечатаны воспоминания «История моих книг», сотрудничал Иванов. Номера газеты «Вперед» отложились в ГАРФ, фондах РГБ, Российской научной библиотеки (РНБ), а также в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета. Помимо этих материалов, мы обращались к современным научным исследованиям, посвященным данному историческому периоду.

Изучение социальных катаклизмов 1917–1920-х гг. в России, в том числе и в Сибири, началось противостоящими сторонами еще в ходе Гражданской войны и сразу после нее¹²⁹. В эмиграции появились исследовательские центры, в 1920-е гг. и позднее занимавшиеся сбором и публикацией документов, воспоминаний и исследований по истории Гражданской войны в Сибири (сборники «Вольная Сибирь», «Сибирский архив»; Прага). Однако после конца 1920-х гг. эмигрантская литература стала

¹²⁹ См.: Турунов А.Н., Вегман В.Д. Революция и гражданская война в Сибири: Указатель книг и журнальных статей. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1928.

практически недоступной, да и нежелательной для советских историков. В СССР события Гражданской войны вплоть до конца 1980-х гг. изучались прежде всего в ключе интересов победившей стороны, хотя, безусловно, были серьезные комплексные исследования, не потерявшие своей научной ценности и в настоящее время¹³⁰. Начиная с 1990-х гг. историографическая ситуация изменилась: резко сократилось количество публикаций, посвященных деятельности большевистской партии в описываемый период, напротив, изучение антисоветских сил, понемногу начатое в 1960-е гг., было активно продолжено. Предметом научного внимания все более становились и продолжают являться «белые силы»¹³¹. Отметим также усиление внимания к персоналиям «белого движения» (работы, посвященные жизни и деятельности генералов А.А. Деникина, П.Я. Врангеля, Л.Г. Корнилова, адмирала А.В. Колчака и др.), а также к деятельности антибольшевистских партий: кадетов, эсеров, областников, анархистов (работы М.В. Шиловского, В.И. Шишкина, А.А. Штырбула и др.), отдельных социальных сил (напр., Сибирского казачьего войска; исследования В.А. Шулдякова). На протяжении конца XX – начала XXI вв. были опубликованы многочисленные документы и мемуары, посвященные событиям Гражданской войны, которые представили ее по преимуществу со стороны побежденных, т.е. сил, противостоявших Советской власти.

На современном этапе, в сравнении с 1990 – началом 2000-х гг., количество научных исследований по проблеме истории Гражданской войны в России, и конкретно – в Сибири, в целом несколько уменьшилось. Приоритетным по-прежнему остается изучение проигравшей («белой») стороны, см. монографии Бандурки В.Б., Раковой А.П., Бучко Н.П., Звягинцева С.П., сборники документов под ред. Шишкина В.И., указанные нами во введении работы А.М. Лосунова, Ю.Н. Ципкина, А.В. Гольцева, хотя

¹³⁰ См., напр.: Победа Великого Октября в Сибири / под ред. И.М. Разгона. Ч. 1, 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987.

¹³¹ См., напр., материалы трех конференций 1995–1999 в Кемерово и изданный там же указатель: Литература последних лет по истории Белой Сибири. Библиогр. указ. / сост. С.П. Звягинцев. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999.

появляются и работы противоположной направленности¹³², а также носящие комплексный характер¹³³.

Назовем, наконец, источники, непосредственно относящиеся к биографии Вс. Иванова. Среди них имеется документ – анкета, заполненная писателем в Омске 1920 г.; а также эго-документы, сведения в которых о периоде Гражданской войны различаются: автобиографии 1922, 1925, 1927 гг.; машинописная копия письма, написанного Ивановым 21 октября 1939 г. и адресованного И.В. Сталину; наброски воспоминаний «По тропинке бедствий. 25 лет. Воспоминания» (не ранее 1942 г.) и мемуары «История моих книг». Критически прочитаны также воспоминания А.С. Сорокина, А.П. Оленича-Гнененко, Г.Ф. Дружинина, К.Н. Урманова, Н.И. Анова (наст. фам. – Иванов), Г.И. Петрова, Б.Д. Четверикова. Анализируя с точки зрения исторической достоверности имеющиеся в нашем распоряжении эго-документы, надо иметь в виду целый комплекс обстоятельств. Прежде всего – цели создания этих текстов, которые могут быть связаны со стремлением авторов скрыть одни факты и придать большую яркость другим, что вполне понятно, когда речь идет о событиях Гражданской войны. Необходимо учитывать не только «стремление мемуариста создать собственный положительный образ перед читателем, утвердить свою правоту перед лицом истории»¹³⁴, но и нежелание бросить тень на другого человека в жестких условиях политического размежевания. Возможны, естественно, и неизбежные сбои памяти, и влияние одних текстов на другие. Во всех этих случаях степень независимости суждений и мнений авторов и степень достоверности приводимых ими фактов могут быть подвергнуты сомнению.

¹³² Семькин В.А. Основные направления деятельности политических органов и партийных организаций РКП(б) действующей армии в период фронтовой гражданской войны в России. [1918–1920]. Самара: Изд-во АСГАРД, 2015.

¹³³ Россия в Гражданской войне 1918–1922. Энциклопедия в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

¹³⁴ Мажара П.Ю. Мемуары и дневники участников Белого движения как источник по истории Гражданской войны на Северо-Западе России (1918–1920). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: Институт истории РАН, 2013. С. 7.

На основании этих материалов, некоторых других, ранее введенных в научный оборот, а также трудов современных исследователей этого периода жизни Сибири – историков, филологов, краеведов, историков искусства С.Н. Поварцова, И.Е. Лощилова, А.А. Штырбула, И.Г. Девятьяровой, Ю.П. Зародовой – мы попытаемся восстановить основные вехи биографии Вс. Иванова 1919 года.

Вторую половину и конец 1918 г. Вс. Иванов в автобиографиях, в воспоминаниях «История моих книг» и в письме его И.В. Сталину описывает примерно одинаково: 7 июля, после падения Советской власти и сдачи Омска чехам, он уезжает в родное село Лебяжье. Слабоумный брат Палладий из винтовки случайно убивает отца, и Иванов, так как о нем известно, что он красногвардеец, а отец – монархист, вынужден бежать из Лебяжьего. Какое-то время он прячется на острове на Иртыше, затем семья – мать, Палладий и Всеволод – воссоединяется в Омске, где Иванов начинает работать в типографии. Зимой брат заболевает холерой и умирает. Ирина Семеновна возвращается в родные места, а Всеволод Иванов остается в Омске.

По-прежнему посещает литературный кружок Сорокина. Кроме него в Омске создается литературно-художественный кружок «Единая Россия» (в периодике 1919 г. упоминается без названия), который существует «под крылом омского “Союза возрождения России”, имевшего целью борьбу с большевизмом»¹³⁵. И.Г. Девятьярова, много сделавшая для изучения истории «третьей столицы» в 1918–1919 гг., воссоздавая «эту интересную страницу омской культуры», рассказывает о проводимых «Союзом возрождения России» «Вечерах о России», где собирались представители местной и приезжей, столичной интеллигенции «звучала музыка русских композиторов, народные песни, стихи и проза молодых литераторов, беседы по искусству». Здесь выступали с лекциями об искусстве русской иконописи, скульптуры, об архитектурных памятниках Омска проф. Б.П. Деннике, историк искусства Н.М. Тарабукин, скульптор И.Д. Шадр и др. «Сюда приходили местные

¹³⁵ Девятьярова И.Г. Здесь мечтали о Единой России // Вечерний Омск. 1992. 3 марта. С. 3.

литераторы Г. Вяткин, Вс. Иванов, А. Оленич-Гнененко, Н. Подгоричани, а также “залетные” поэты и писатели Г. Маслов, И. Славнин, Ю. Сопов, В. Язвицкий. Б. Четвериков. <...> Неизменным участником всех заседаний кружка был А.С. Сорокин»¹³⁶. Издавался журнал «Единая Россия», в шестом номер которого под псевдонимом «Г. Тасин» был опубликован рассказ Иванова «Атаман Вершинин».

В 1919 г. в периодической печати Омска и Кургана стали появляться и другие тексты молодого писателя. Чаще всего они были написаны в жанре автобиографических очерков, печатались также статьи, памфлеты, политические сказки, стихотворение в прозе. В них еще не было глубокого осмысления событий этого времени, оно придет позднее. Короткие яркие зарисовки, в которых узнаются эпизоды и персонажи будущих произведений 1920-х гг., фиксировали отдельные факты действительности, увиденной Ивановым весной – осенью 1919 г. Можно выделить несколько групп таких текстов. Очерки Иванова, как это часто свойственно этому жанру документальной прозы, имеют автобиографический характер, автор в них «выступает и как лирический герой, и одновременно как герой-рассказчик, личность, которая объединяет разрозненные звенья живой действительности, наблюдаемой им»¹³⁷.

I. Прежде всего это омские очерки, ранее известные исследователям: «Моль» (Заря. Омск, 1919. 23 февр. С. 3) и «Письма из Омска» (Земля и труд. Курган, 1919. 22 марта. С. 3)¹³⁸, – подписанные «Всеволод Тараканов», а также недавно обнаруженный нами очерк «Господин Мартынов» (Вперед. Омск, 1919. 27 июля. С. 2. Подпись: *Иван Лыков*)¹³⁹. Они передают отдельные черты жизни интеллигенции «Третьей столицы» (подробно рассматриваются в 3.3).

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Журбина Е.И. Теория и практика художественных публицистических жанров. М.: Мысль, 1969. С. 41.

¹³⁸ Републикованы: Неизвестный Всеволод Иванов. С. 127–130.

¹³⁹ Републикован: Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты истории. С. 261–262.

К этим документальным произведениям Иванова примыкает с 1919 г. не печатавшийся текст, озаглавленный «Атаман Вершинин (Из Иртышских казачьих сказаний)»¹⁴⁰ (Единая Россия. Омск, 1919. № 6. С. 1–4. Подпись: *Г. Тасин*), который соединяет в себе типологические черты очерка и рассказа. Еженедельный военно-литературный иллюстрированный журнал «Единая Россия», где был напечатан «Атаман Вершинин» Иванова, выходил в Омске в 1919 г. Издавало его военно-экономическое общество, редактором являлся генерал-лейтенант С.А. Зубов. Печатался в Типо-литографии Штаба Верховного Главнокомандующего. В журнале принимали участие профессор Академии Генерального штаба генерал-майор А.И. Андогский, профессор Б.П. Денике, Н.В. Устрялов, военный инженер генерал-майор Г.И. Болбот, профессор Д.В. Болдырев, поэты С.А. Ауслендер, Г.А. Вяткин и др. Многие авторы использовали псевдонимы, криптонимы¹⁴¹. Из близких Вс. Иванову поэтов в журнале сотрудничали Г.В. Маслов и Б.Д. Четвериков. Как было заявлено создателями журнала «Единая Россия», стремлением редакции являлось «в тех произведениях, где это по характеру таковых возможно и уместно, дать своим читателям материал, проникнутый здоровой русской национальной государственной идеей»¹⁴². Текст «Атаман Вершинин», имевший подзаголовок «Из иртышских казачьих сказаний», открывал шестой – казачий – номер журнала, вышедший не ранее начала сентября 1919 г. Рассказу предшествовало слово редактора: «Всем известно, как велики заслуги казачества в борьбе за возрождение нашей Родины. Казаки различных войск, соперничая одни перед другими в доблести, неутомимости, подвигах, уже два года бьются за честь и величие России, стремясь вновь собрать воедино нашу необъятную Родину, ввергнутую в пучину горя, отчаяния и раздробления. Редакция “Единой России” сочла своим долгом, ввиду всего сказанного выше, посвятить номер журнала полностью

¹⁴⁰ Републикован: Там же. С. 266–269.

¹⁴¹ Сообщено Зав. Сектором редких книг Омской государственной областной научной библиотеки имени А.С. Пушкина Л.Н. Старовойтовой.

¹⁴² Единая Россия. 1919. № 2. С. 1.

казачеству и предоставила свои страницы казакам писателям и поэтам, отдавая дань исторической роли казачества в судьбах Родины»¹⁴³.

О рассказе «Атаман Вершинин», подписанном псевдонимом «Г. Тасин» и опубликованном в журнале «Россия» (Омск, 1919. № 6), впервые заговорил в 1960-е гг. исследователь творчества Иванова М.В. Минокин, по понятным причинам изменив реальное название журнала «Единая Россия» на нейтральное «Россия» и прокомментировав текст в духе времени: «Легенда о казачьем атамане Вершинине, который бросил богатую и спокойную жизнь, и о его знаменитом предшественнике атамане Селезневе, ставших с оружием в руках защищать трудовой народ, изложена писателем в форме сказа»¹⁴⁴.

II. Вторая группа – «антисоветские статьи» и рассказы, о которых Иванов писал Сталину и которые выходили под псевдонимами «Иван Лыков», «Вс. Тараканов» или были подписаны настоящим именем писателя – Вс. Иванов. В результате розыскательской работы выявлено 18 публикаций Иванова в газете «Вперед»: «Петропавловск (Стихотворение в прозе)» (Вперед. 1919. 22 авг. С. 1. Подпись: *Вс. Иванов*), «Живая легенда (Разговор в вагоне)» (Там же. 24 авг. С. 2. Подпись: *Вс. Тараканов*), «Жизнь и смерть» (Там же. 27 авг. С. 1. Подпись: *Всеv. Иванов*), «Глухомань» (Там же. 3 сент. С. 1. Подпись: *Всеv. Иванов*), «Четыре подвига: Живые картины» (Там же. 6 сент. С. 2. Подпись: *Иван Лыков*), «Как они коммуны устроили: Сказка» (Там же. 7 сент. С. 2. Подпись: *Иван Лыков*), «Одичавшие: Рассказ» (Там же. 9 сент. С. 2; 10 сент. С. 2. Подпись: *Всеv. Тараканов*), «Ждут!» (Там же. 13 сент. С. 1. Подпись: *Всеv. Тараканов*), «Однажды осенью...» (Там же. 14 сент. С. 2. Подпись: *Иван Лыков*), «Накануне» (Там же. 17 сент. С. 1. Подпись: *Всеv. Тараканов*), «Царь-Голод» (Там же. 19 сент. С. 1. Подпись: *Всеv. Тараканов*), «Цепи страдания» (Там же. 20 сент. С. 1. Подпись: *Всеv. Тараканов*), «Антипка (Сказка)» (Там же. 20 сент. С. 2. Подпись: *Иван*

¹⁴³ Единая Россия. Омск, 1919. № 6. С. 1.

¹⁴⁴ Минокин М. К предыстории повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» // Русская литература. 1966. № 1. С. 196.

Лыков), «Земское Совещание» (Там же. 21 сент. С. 1. Подпись: *Всеv. Тараканов*), «Узы дружбы» (Там же. 26 сент. С. 1. Подпись: *Всеv. Тараканов*), «Предзимнее» (Там же. 12 окт. С. 2. Подпись: *Ив. Лыков*), «Они же» (Там же. 14 окт. С. 2. Подпись: *Иван Лыков*), «”Ходи” и “капитана”» (Там же. 16 окт. С. 2. Подпись: *Иван Лыков*).

В жанровом отношении эти произведения Иванова разнообразны: заметки, очерки, рассказы, сказки, памфлеты, – однако почти все они так или иначе связаны с произошедшей в 1917 г. революцией, в результате которой к власти пришли большевики, – ее истоками, настоящим и будущим.

Работа в типографии военной газеты «Вперед» – вероятно, самый значимый эпизод биографии Иванова 1919 г.

Передвижная фронтовая газета «Вперед» («Вперед!») выходила с 4 марта 1919 г. под девизами: «Верьте в Россию!», «Все для спасения Родины!», «Честь бойцам, смерть врагам» и др. Это был поезд, в разных вагонах которого помещалась типография и жили редактор, полковник В.Г. Янчевецкий, с семьей, а также сотрудники, военные корреспонденты и наборщики. Печаталась, как явствует из издания, то в Омске, то в Екатеринбурге, то в Петропавловске. В советских и зарубежных библиотеках (РГБ, РНБ, Научная библиотека ТГУ) и архивах (ГАРФ, Архиве министерства внутренних дел в Праге¹⁴⁵) сохранился неполный комплект номеров за 1919 г. – только газеты за апрель – середину октября. Начиная с 17 октября и до первой декады ноября, когда газета перестала выходить (14 ноября в Омск вошли красные войска), номера «Вперед» не выявлены.

О направленности издания можно судить по редакционным статьям, печатавшимся на первой странице без подписи или с подписью «В.Я.» (Василий Янчевецкий). Приведем несколько примеров. «Растерявшемуся обывателю, озирающемуся, за чью фалду ухватиться, ищущему повсюду варягов, которые бы им руководили, конечно, кажется слишком энергичным

¹⁴⁵ См.: Библиография газетных собраний русского исторического архива за годы 1917–1921. В. 1. New-York, 1994. С. 15.

тон того русского, который желает стоять на собственных ногах. <...> Не бойтесь быть русскими и заявлять это». «Тот русский» здесь – это адмирал Колчак, который в издании сопоставлен с «великими подвижниками и патриотами земли русской: Иваном Калитой, Дмитрием Донским, Александром Невским, Петром Великим, Столыпиным, Корниловым»¹⁴⁶. «Сила воскресающей России – в национальном самосознании, в чувстве любви ко всему русскому, поруганному и оскорбленному бандами большевиков и их приспешников в эти трагические для Родины дни»¹⁴⁷. В номере от 21 июня было напечатано открытое «Письмо на фронт солдату Андрею Березину», подписанное: «Твой любящий тебя бывший твой учитель В. Янчевецкий», которое раскрывает тогдашнее понимание его автором русской революции: «...наша великая страна, где мы родились и живем, наша родина Россия нуждается <...> в братстве ее граждан, которые сами должны защищать родину от врагов – большевиков с их латышами, мадьярами и китайцами, которые делают одни беспорядки, грабежи и убийства. Сами граждане должны созвать Учредительное Собрание, которое решит, как устроить нашу жизнь по-новому. <...> Почему мы сами должны это сделать? Потому что после революции у нас начался новый строй – раньше граждан не было, был твой отец Иван Березин, крестьянин, или Семен Петров, мещанин, и другие сословия. И всякий должен был делать только свое дело – как управлялась страна, куда расходовались казенные деньги – это его не касалось. <...> А теперь должно пойти по-другому, по-лучшему»¹⁴⁸. И еще о революции, отчасти отсылающее к «Интеллигенции и революции» А.А. Блока: «Напрасно приписывать все ужасы русской революции, все ее жертвы и жестокости тому, что русский народ дик, зол, жесток по своей природе. Революция всюду и во все века одна и та же. <...> Она может повернуть колесо истории и двинуть народ по широкому пути

¹⁴⁶ Вперед. 1919. 3 мая. С. 1.

¹⁴⁷ Там же. 8 мая. С. 1.

¹⁴⁸ Там же. 21 июня. С. 3.

прогресса и культуры, и она же может его бросить в ад страданий, грабежей, убийств...»¹⁴⁹.

Долгое время не было ответа на вопрос, была ли газета «Вперед» «махрово-белогвардейской», как характеризовал ее впоследствии большевик и поэт А.П. Оленич-Гнененко¹⁵⁰, или сотрудничество ее редактора с адмиралом было вынужденным, а «симпатии к сибирскому революционному подполью искренними»¹⁵¹. Поварцов, автор наиболее аргументированной статьи о сибирской биографии Вс. Иванова, выдвигал такую версию: «Интеллигент и писатель, полковник Янчевецкий оставался верен долгу офицера, он был военным агентом, выполнявшим за границей поручения российского МИДа и VII отдела Генерального штаба под “крышей” аккредитованного журналиста СПТА [Санкт-Петербургского телеграфного агентства. – *Е.П.*]. В 1918–1919 годах исход борьбы, победа той или другой стороны оставались проблематичными. Но военная агентура обязана была сохранить себя на будущее вопреки всем жизненным испытаниям. <...> К началу 1920 года финал борьбы стал очевиден, и Янчевецкий полностью посвятил себя общественной работе и литературному творчеству»¹⁵². В изданной в 2016 г. монографии «10 жизней Василия Яна: Белогвардеец, которого наградила Сталин» И. Просветов на основе анализа материалов газет «Республиканец» и «Вперед», которые издавал в 1917–1919 гг. В.Г. Янчевецкий, и архивных документов из ГАРФ и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) убедительно доказал, что Янчевецкий «поступил на службу к Колчаку добровольно», получил от него благодарность; средства на расходы по изданию газеты «Вперед» выделялись из Особой канцелярии штаба Верховного Главнокомандующего¹⁵³. Цитируя статьи Янчевецкого из «Вперед»,

¹⁴⁹ Там же. 14 марта. С. 1.

¹⁵⁰ Оленич-Гнененко А. Суровые дни // Сибирские огни. 1958. № 12. С. 123.

¹⁵¹ Воспоминания сына В. Янчевецкого, М. Янчевецкого, цит. по: Поварцов С. К биографии Всеволода Иванова. С. 145–146.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Просветов И. Десять жизней Василия Яна. Белогвардеец, которого наградила Сталин. С. 130–135.

дневники и мемуары полковника И. Ильина («Мы с ним [Янчевецким] много говорили о Колчаке, которому он очень симпатизировал, но на положение смотрел мрачно. Очень критически говорил о чехах, которые, по его мнению, играют в руку большевиков, и не менее критически отзывался о союзниках...»¹⁵⁴) и другие документы, автор монографии стремится реконструировать изменение взглядов Янчевецкого на ситуацию в армии и в стране в целом, его постепенное разочарование в возможности осуществления «идеи, которую декларировал Колчак, — строительство новой государственной жизни на началах свободного участия всего народа, всех классов и сословий...»¹⁵⁵

Понятно, что в своих автобиографиях Вс. Иванов не упоминал газету «Вперед». В тексте, опубликованном в 1922 г. в журнале «Литературные записки», он рассказывал, что в 1919 г., когда «удалось мобилизовать, его прикомандировали как наборщика, к передвижной типографии Штаверха»¹⁵⁶. Эта информация попала в первую биографическую книгу об Иванове, написанную Л.А. Гладковской (1977). В автобиографиях последующих лет ни о какой типографии речь не шла.

О газете «Вперед» оставили свои воспоминания разные сибирские писатели. В мемуарах тех, которые сотрудничали в издании, в том числе и Иванова, прослеживается стремление представить его как несерьезное, бутафорское. Сам Иванов с иронией рассказывает в «Истории моих книг», что и на фронт-то газета не выезжала, а стояла в Омске в тупике, и солдаты-то ее не получали, т.к. все пачки он сам обнаружил в глубине пакгауза товарной станции, и т.п. Типографские рабочие, в том числе и он, там «отдыхали от войны», под звуки рояля, доносившиеся из салон-вагона¹⁵⁷. В том же ключе повествует о «Вперед» Б.Д. Четвериков в мемуарах «Стежки-дорожки», а также в автобиографическом романе «Навстречу солнцу» (1967).

¹⁵⁴ Там же. С. 142.

¹⁵⁵ Там же. С. 144–178.

¹⁵⁶ Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 364.

¹⁵⁷ Там же. С. 385.

Сведения из воспоминаний Иванова и Четверикова о том, что газета «Вперед» на фронт не выезжала, опровергаются документами. В ГАРФ отложились материалы переписки редакции газеты о высылке информации РТА (Российского телеграфного агентства), указывающие маршруты передвижения поезда «Вперед», из которых следует, что 25 мая 1919 г. газета-поезд выехала из Омска в Екатеринбург, куда должна была прибыть 1 июня¹⁵⁸. 14 июля Янчевецкий телеграфирует в Омск: «Типографию “Вперед” перевожу в Томск временно для разгрузки пути. Прошу посылать <в> Тюмень телеграммы Осведверха. Прошу передать телеграмму агентству РТА <об> отправке их телеграмм для “Вперед” <в> Тюмень»¹⁵⁹. 24 июля газета возвращается в Омск¹⁶⁰, а 19 августа выезжает в Петропавловск¹⁶¹, где и находится с 23 по 31 августа, после чего вновь отправляется в Омск¹⁶². Какой-то период времени она выходит в Омске, а номера от 16 и 17 октября печатаются с указанием места выхода «Действующая армия». В это время Иванов, сотрудник и типографский работник, наблюдает за ходом военных действий – Петропавловской военной кампанией, печатает в газете от 22 августа стихотворение в прозе «Петропавловск». А в сентябре – ноябре в другом периодическом издании – народной газете «Сибирский казак – публикуются его «очерки фронта» «У черты». Из последнего, от 5 ноября, явствует, что во время написания их Иванов находится в поезде «Вперед»: рядом с ним «молодой поэт Ч.» – Борис Четвериков, а ставят в Ишиме пьесу В. Янчевецкого «Митрий-комиссар», – эта «драматическая пьеса» упоминается в номере «Вперед» от 16 октября в составе «Библиотечки “Вперед”».

Самой ранней из публикаций второй группы является текст «Петропавловск», опубликованный во «Вперед» с подзаголовком «Стихотворение в прозе» 22 августа и подписанный «Вс. Иванов».

¹⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р 952. Оп. 1. Ед. хр. 245. Л. 1.

¹⁵⁹ Там же. Л. 4 об.

¹⁶⁰ Там же. Л. 6.

¹⁶¹ Там же. Л. 10.

¹⁶² Там же. Л. 9, 7.

Тематически и стилистически стихотворение близко военному очерку «Осень» (Сибирский казак. 1919. 13 сент.), но отличается от него отсутствием автобиографического героя-рассказчика. По вопросу авторства его нет единой точки зрения.

Известно, что в Омске летом 1919 г. находилось два Всеволода Иванова: Вс.Вяч. Иванов и Всеволод Никанорович Иванов (1888–1971) – прозаик, поэт, журналист, философ, культуролог, рассказавший об этом периоде своей жизни в книге «В гражданской войне: из записок омского журналиста» (Харбин, 1921) и других. Выпускник историко-философского факультета Санкт-Петербургского университета, участвовавший в Первой мировой войне, он приезжает в Омск в мае 1919 г. из Перми, вместе с Н.В. Устряловым и Д.В. Болдыревым и активно включается в культурную жизнь колчаковской столицы: становится заведующим газетным отделом в Русском бюро печати, главным редактором «Нашей газеты» – органа партии кадетов, печатается в омских периодических изданиях. В ноябре 1919 г. уезжает на восток, долгое время живет в Харбине. Если верить автобиографии Вс.В. Иванова 1922 г., путаница с фамилиями едва не стоила ему жизни зимой 1919 г.¹⁶³. Путаница продолжалась и после смерти писателя, о чем писал в 1972 г. Н.И. Анов¹⁶⁴, опровергая факт из воспоминаний Г.Ф. Дружинина, где Вс.В. Иванов назывался в числе людей, сопровождавших адмирала Колчака на фронт осенью 1919 г. и опубликовавших очерк об этой поездке. Анов категорически утверждал, что «Всеволод Вячеславович – ни в коем случае» не «мог быть автором очерка»: «любая охрана не допустила бы его на пароход, на котором Колчак отправлялся в инспекционную поездку». Напротив, «Всеволод Никанорович Иванов, в то время возглавлявший Прессбюро Верховного правителя, по долгу службы был обязан освещать поездку Колчака на фронт»¹⁶⁵. Современные исследователи истории литературы периода Гражданской

¹⁶³ Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 363.

¹⁶⁴ Там же. С. 442.

¹⁶⁵ Там же. С. 443.

войны не столь категоричны в противопоставлении двух Ивановых. Так, С.И. Якимов пишет об общении в Омске в 1919 г. представителей интеллигенции, «несмотря на разницу формировавшихся тогда их общественно-политических позиций»¹⁶⁶. Теперь, когда нам известны военные публикации Вс.В. Иванова в газетах «Сибирский казак» и «Вперед», становится очевидно, что разница позиций писателей не была так уж велика. Стихотворение в прозе «Петропавловск» Якимова в своей монографии рассматривает как произведение Вс.Н. Иванова, отмечая, например, «метафорический смысл» эпитета «серый»: «Серые тучи, серая пыль, серая борода ветра, серые глаза людей – один эпитет “обнимает” целый мир, вбирая его в себя. Мироздание, истинные человеческие ценности заволочло туманом, мглой, покрыло серостью. Люди утратили ориентиры в жизни. <...> И только природа не изменяет себе, законам своего естества, по-прежнему помнит о высоком», – указывает на созвучие его стихотворению А. Ахматовой «Все расхищено, предано, продано...» (1920)¹⁶⁷.

Думается, однако, нельзя однозначно утверждать, что «Петропавловск» принадлежит перу именно Вс.Н. Иванова. Живя в Сибири, Вс.В. Иванов, кроме псевдонимов, пользовался своими настоящими именем и фамилией – «Вс. Иванов» или «Всеv. Иванов»; из текстов 1919 г. так подписаны статьи «Жизнь и смерть» и «Глухомань». Напротив, Вс.Н. Иванов не подписывал свои произведения «Вс. Иванов» – а именно так подписан «Петропавловск», – а ставил только первую букву имени: «В. Иванов». Так подписаны его публикации в газете «Сибирская речь» августа – сентября 1919 г.: «Политические чистюльки» (14 авг.), «Мирное житие» (17 авг.), «О Горькой истине» (26 авг.), «Вошь» (6 сент.), «Похвала филистерам» (11 сент.), «Дешевка» (25 сент.) и др. С газетой «Вперед» Вс.Н. Иванов не сотрудничал, произведений своих в ней не печатал. Отметим также, что стихотворение в прозе «Петропавловск», судя по его содержанию, написано человеком,

¹⁶⁶ Якимова С.И. Всеволод Никанорович Иванов: писатель, мыслитель, журналист. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2013. С. 44.

¹⁶⁷ Там же. С. 43.

находящимся на фронте и реально наблюдающим, как едут на маленьких конях казаки с шашками, как подпрыгивает таратайка извозчика. Именно Вс.В. Иванов, сотрудник газеты «Вперед», находился в это время в Петропавловске, куда «Вперед» выехала из Омска, судя по документам, 19 августа¹⁶⁸; 23 августа датирована телеграмма ее редактора В.Г. Янчевецкого в Русское телеграфное агентство из Петропавловска¹⁶⁹. Тематика текста военная, в то время как содержание указанных публикаций Вс.Н. Иванова этого периода ничем не подтверждает, что автор находится на фронте. Статьи Вс.Н. Иванова показывают широкое гуманитарное образование автора – историка, философа, некоторое время учившегося в Германии и знакомого с европейской культурой. Он цитирует стихи А.А. Блока, комедию «Ревизор» Н.В. Гоголя, эпиграмму Ф. Шиллера на кантианцев, его «Песню о колоколе» и другие стихотворения, басню И.А. Крылова и пьесу А.Н. Островского «Гроза», немецкие газеты, упоминает «краткую, но выразительную формулу» императора Вильгельма 1900 г., «Русскую Марсельезу», включает в тексты слова на немецком языке и т.п. Ничего подобного нет в стихотворении «Петропавловск». На авторство Вс.В. Иванова указывает, наконец, прямое совпадение в текстах стихотворения в прозе «Петропавловск» и очерка «Осень», напечатанного 13 сентября 1919 г. в газете «Сибирский казак». Сравним. «Петропавловск»: «Видишь: ртутью брызнули в небо шашки – солнце целует сталь»¹⁷⁰. «Осень»: «Точно ртутью в небо брызнуло! Это шашки»¹⁷¹. Однозначно признать авторство Вс.В. Иванова мешает, пожалуй, только лирическая часть текста, включающая образы, не типичные для этого писателя: «Каким плачем плакать мне, о Господи! Прекраснейшему цветку моему как поклонюсь? Как расскажу о его муках, о его страданиях – не могу»¹⁷².

¹⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р952. Оп. 1. Ед. хр. 245. Л. 10.

¹⁶⁹ Там же. Л. 9.

¹⁷⁰ Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 289.

¹⁷¹ Там же. С. 271.

¹⁷² Там же. С. 289.

III. Составляющие третью группу военные очерки – «Очерки фронта. У черты» (Сибирский казак. Омск, 1919. 13 сент. – 5 нояб.), подписанные «Вс. Тараканов», – передают события Петропавловской военной кампании осени 1919 г. и восприятие Гражданской войны солдатами и офицерами Сибирского казачьего войска. До 2012 г. об этих текстах не было известно ни семье писателя, ни исследователям его творчества.

О пребывании на фронте в мемуарах самого Иванова ничего не сказано. В воспоминаниях его друзей-сибиряков: К. Урманова, Г. Дружинина и Н. Анова – речь о фронте идет, но по-разному. Урманов связывал эту поездку с газетой «Вперед»:

Я плохо верил в то, что предстоящая его поездка на фронт – писательская прогулка по местам боевых действий и что редактор газеты не попытается извлечь из нее свою выгоду. За какие же труды, Всеволод, тебе будут выписывать гонорар? Ведь ты едешь не наборщиком, а литературным сотрудником? <...> Никакого литературного багажа Всеволод не привез с фронта. События развивались быстро, и газета не нужна была фронту: армии Колчака отступали, а впереди их лавиной катились беженцы¹⁷³.

Г. Дружинин, наоборот, писал о публикации Иванова по результатам поездки:

Летом 1919 года адмирал Колчак собрался в инспекционную поездку на пароходе в низовья Иртыша, где Красная Армия все более теснила белых <...>. Поездка адмирала была обставлена помпезно, в ней приняли участие и представители интервентов, штабисты ставки Колчака, журналисты. Не знаю, какими судьбами, кто его упросил, но Вс. Иванов оказался в числе журналистов, сопровождавших Колчака в этом вояже. И вот в результате этой поездки в одной из газет Омска вскоре появился очерк Вс. Иванова о положении на фронте войны с большевиками. Надо сказать, что очерк произвел впечатление грома среди ясного неба. Во всяком случае власти предрержащие ждали от Вс. Иванова другого: картин мужества и отваги со стороны освободителей России от «красных захватчиков», описания патриотических чувств и самопожертвования населения, которое, мол, ждет, не дождется часа, когда большевики окончательно будут разгромлены и наступит если не старое доброе время, то хотя бы какое-то успокоение разбушевавшейся революционной волны. А тут – правда, тонко и как бы мимоходом в

¹⁷³ Там же. С. 421.

оброненных скупом фразам – рассказывалось о гуманизме красных, проявленном ими в районах, где они успели побывать, когда эти места переходили из рук в руки, о том теплом приеме, который оказывали при этом им сибиряки¹⁷⁴.

Н. Анов в докладе «Сколько было Всеволодов Ивановых», как мы уже указывали, дает третью версию событий: на фронт ездил не Всеволод Вячеславович Иванов, а его литературный двойник – Всеволод Никанорович Иванов, глубоко чтивший Колчака, и очерк принадлежал именно ему.

Реально поездка А.В. Колчака на фронт состоялась с 7 по 14 октября 1919 г. В это же время на фронте находился сотрудник газеты «Вперед» Вс. Иванов, о чем свидетельствуют «очерки фронта» «У черты», напечатанные в другой газете – «Сибирский казак».

«Народная газета» «Сибирский казак» издавалась в Омске Осведомительным отделом Сибирского казачьего войска с 10 сентября по 12 ноября 1919 г. Редакционная статья первого номера газеты содержала обращение «К нашим читателям» – «родным станичникам» и «братьям-крестьянам»¹⁷⁵: «Мы начинаем выпускать в свет свою казачью газету <...>, давая вам правильные и правдивые сведения о том, что происходит сейчас на русской земле и как идет наша великая и святая борьба с врагами нашими и вашими на всем русском фронте» (10 сент.). В разделах казачьей газеты: «На фронте», «Казачья жизнь», «Из жизни деревни», «В большевистском раю» и др. – печатались статьи, очерки, песни, частушки, листовки, подписанные как именами известных сибирских литераторов (Г. Вяткин, Т. Баженова и др.), так и псевдонимами («Русский», «Сибирский казак», «Старый казак», «Дед Еремей» и др.) или просто инициалами.

По основным политическим направлениям газета поддерживала Правительство Колчака. «Взаимоотношения между Колчаком и лидерами белоказаков Сибирского войска сложились далеко не сразу и не были безоблачными, – отмечает исследователь истории сибирского казачества

¹⁷⁴ Там же. С. 408–409.

¹⁷⁵ Сибирский казак. 1919. 10 сент. Далее очерки Иванова и другие публикации издания цитируются в тексте главы с указанием в скобках даты выхода номера газеты.

В.А. Шульдяков. – У сибирцев сначала имелся свой кандидат в диктаторы: войсковой атаман Иванов-Ринов. И в последующем эти отношения не всегда были равными. Весной 1919 г., в период высоких надежд <...>, они были почти идиллическими. Позже, во время поражений, белоказаки позволяли себе достаточно резко критиковать курс Омского правительства. <...> Но, несмотря на все шероховатости, сделав в ноябре 1918 г. ставку на адмирала, Сибирское казачье войско – в лице своих руководителей – более уже не колебалось и до самого конца являлось одной из основных опор колчаковского режима»¹⁷⁶. Сибирские коммунисты осенью 1919 г. не скрывали, что «единственная опора Колчака – казаки», а не союзники-иностранцы, и на практически полной «исчерпанности» этой силы строили свои планы: «Все условия на Восточном фронте таковы, что разгром Колчака неизбежен и обеспечен. Если нам удастся прогнать колчаковскую армию за Иртыш, вся его живая сила будет разгромлена. За Иртышом кончается казачья полоса, черпать новые силы, кого бы то ни было мобилизовать Колчаку не удастся»¹⁷⁷.

Почему Иванов никогда ни в воспоминаниях, ни в автобиографиях не упоминал газету «Сибирский казак»? Ответ может быть не один. Возможно, молчание писателя связано с дальнейшей судьбой издателя газеты – двадцатилетнего учителя В.И. Ильина, – отличавшейся от судьбы редактора газеты «Вперед» В.Г. Янчевецкого, с которой связана биография Иванова 1919 г. Служивший в Сибирском казачьем войске до 1917 г. Ильин, как и Иванов, вступил в феврале в партию эсеров, после провала идеи Учредительного собрания – в партию кадетов. В 1917–1918 гг. работал в Омске в Совете рабочих и солдатских депутатов, «при Колчаке был заведующим отделом хроники в газете “Заря” (беспартийная кооперативная газета, выражавшая взгляды правых эсеров, партии “Единство”, части правых меньшевиков и кооператоров), потом – газеты “Русь”, а с момента

¹⁷⁶ Шульдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. Кн. 1. М.: Центрполиграф, 2004. С. 272–273.

¹⁷⁷ Беседа с членом Сибревкома // Правда. 1919. 25 окт. С.1. Б.п.

создания газеты “Сибирский казак” возглавил ее». В ноябре 1919 г. он не захотел уезжать из Омска и вернулся к своей прежней профессии учителя. 17 ноября начинает свою работу Сибирский революционный комитет, а ровно через месяц, 17 декабря, СибЧК постановляет за сотрудничество в белой прессе подвергнуть Ильина высшей мере наказания¹⁷⁸. Каким образом очерки Иванова появились в газете «Сибирский казак» – это еще подлежит документированному исследованию. О судьбе Ильина Иванов, скорее всего, знал. Во всяком случае, ему было известно, что 2 декабря 1919 г. приказом № 1 Сибревкома было расформировано и уничтожено Сибирское казачье войско.

Тексты, написанные в 1919 г., оказали существенное влияние на последующие произведения Иванова. Омские очерки, статьи из газеты «Вперед», прежде всего посвященные «союзникам» России в Гражданской войне, и военные очерки «У черты» составили генетическое досье «Бронепоезда 14-69», в разной степени определив проблематику и поэтику повести, пьесы и сценария.

1.3. Текстология повести, пьесы и сценария «Бронепоезд 14-69»

«Для людей моего поколения он остался водителем “Бронепоезда”»,¹⁷⁹ – писал о Всеволоде Иванове французский писатель Л. Арагон. Думается, что для себя Иванов на протяжении своей биографии во многом был если не водителем, то пассажиром того фронтового поезда Гражданской войны, путь которого начинался в Сибири в 1919 г. Не случайно долгие годы, вплоть до смерти в 1963 г., писатель возвращался к тексту «Бронепоезда». Повесть, напечатанная в журнале «Красная новь» в начале 1922 г., не раз редактировалась сначала автором, а потом идеологически бдительными редакторами. В 1927 г. на основе ее Иванов написал пьесу, с огромным

¹⁷⁸ См.: Якушин Ю. Ответственный редактор // Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области / ред.-сост. Г.Н. Орлов. (Т. 3) Д – И. Омск: Ом. кн. изд-во, 2001. С. 435–437.

¹⁷⁹ Большой художник, певец революции. Зарубежные друзья о Всеволоде Иванове / подг. Л. Копелевым // Интернациональная литература. 1963. № 10. С. 271.

успехом шедшую на сценах советских и зарубежных театров. Пьеса имела свои редакции и варианты. Наконец, с середины 1950-х гг. началась работа над сценарием «Бронепоезд 14-69» для разных киностудий (ни один фильм снят не был): в 1955 г. – для киностудии им. А.М. Горького, а в 1963 г. – для киностудии «Мосфильм».

Вяч.Вс. Иванов, сын писателя, считал, что «Бронепоезд» как бы «заслонил» собой остальное творчество Иванова: «Одну его вещь <...> продолжали переиздавать <...>, ставить в театре <...>, оставляли в школьных и университетских программах для изучения»¹⁸⁰. Это и верно, и неверно. Неверно потому, что сам Иванов на разных этапах жизни возвращался к этому знаковому произведению, вкладывая в него свое изменяющееся с годами понимание масштабных событий в истории России XX в. – революции и Гражданской войны. Как показывают разыскания последних лет в сибирских архивах и региональной периодике 1917–1919 гг., выявленные новые факты сибирской биографии Иванова, «Бронепоезд» имеет очень значительную автобиографическую основу. Причем с течением времени, перерабатывая текст, писатель все более вносил в него факты и детали своей сибирской биографии.

Рукописи повести и пьесы «Бронепоезд 14-69», как практически всех произведений Иванова 1920-х гг., не сохранились. Автограф лишь одной из глав – «Чужой земли» – отложился в архиве ленинградского коллекционера Ф.В. Грошикова – заместителя редактора журнала «Красный командир», куда в мае или начале июня 1921 г. Иванов принес рукопись¹⁸¹. Зато во множестве имеются переиздания этого произведения, выполненного Ивановым в 1921, 1927, 1955 и 1963 гг. в разных жанрах: повести, пьесы и литературного сценария. В начале 1920-х гг. правку в текст «Бронепоезда» вносил сам писатель, начиная с 1932 г. – эту работу выполняли редакторы в соответствии с идеологическими установками времени. Исследователи

¹⁸⁰ Иванов Вяч.Вс. Вместо вступительной статьи // Неизвестный Всеволод Иванов. С. 3.

¹⁸¹ См.: Минокин М.В. О раннем варианте повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» // Русская литература. 1970. № 1. С. 153–157.

творчества Иванова в 1980-е гг. не рассматривали редакторские изменения текста, ограничиваясь анализом стилистической авторской правки¹⁸². Из всех многочисленных смысловых изменений текста Цейтлин укажет лишь на одно – на трансформацию в редакции повести 1948 г. образа Васьки Окурока. В 1922 г. этот крестьянин-кержак, ставший партизаном, не смог преодолеть себя («Не могу-у!.. душа-а!..»¹⁸³), остаться на рельсах и ценой своей жизни остановить бронепоезд. В редакции 1948 г., отмечает исследователь, «Васька Окорок был лишен внутреннего движения, естественной противоречивости. Герой уже не испытывает никаких терзаний, когда ложится на рельсы, ожидая бронепоезд. С рельсов его поднимал приказ Вершинина: “Иди сюда, Василий!.. Я тебе другое, тоже сильное дело найду. Твоя жизнь потребуется”»¹⁸⁴. При этом нигде не указывается на цензурный характер этой правки, а причины «обилия вариантов» повести и пьесы объясняются «творческой психологией писателя»¹⁸⁵.

Впервые проведенное нами сравнение всех вариантов и редакций повести, пьесы и сценария показывают, как в действительности менялся текст знаменитого «Бронепоезда», который стал, по верному замечанию Цейтлина, «литературной “эмблемой” времени»¹⁸⁶.

Большая дорога «Бронепоезда 14-69» в русской литературе XX в. началась с публикации в 1922 г. в № 1 (5) первого «толстого» литературного журнала Советской России «Красная новь» нового произведения молодого автора, уже получившего некоторую известность в литературных кругах благодаря повести «Партизаны». Появление «Бронепоезда» приветствовали ведущие политические деятели, писатели и литературные критики.

¹⁸² Об этой работе писателя см. также: *Великая Н.И.* Повесть Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» и проблема мировоззрения, художественного метода и стиля // Всеволод Иванов. Труды межвузовской конференции, посв. 70-летию со дня рождения писателя. Март 1965 г. Омск: [б.и.], 1970. С. 69–70; *Тимина С.И.* Проблема жанровых трансформаций в рамках единой творческой истории // В кн. *Жанры в советской литературе*. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1973. С.3–32; *Краснощечкова Е.А.* Художественный мир Всеволода Иванова. С. 22, 37–42; *Цейтлин Е.Л.* Сколько дорог у «Бронепоезда 14-69». С. 29–31.

¹⁸³ Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 81. Далее редакция повести 1922 г., пьесы – 1927 г. и сценария 1963 г. цитируются по данному изданию с указанием страниц в скобках.

¹⁸⁴ *Цейтлин Е.Л.* Сколько дорог у «Бронепоезда 14-69». С. 38.

¹⁸⁵ Там же. С. 40.

¹⁸⁶ Там же. С. 26.

«Бронепоезд» расценивается среди коммунистов очень высоко. Скоро появится ряд рецензий. В восторге Сталин и прочая именитая публика. <...> Да, это не “лампадка”¹⁸⁷, — сообщал редактор «Красной нови» А.К. Воронский Иванову 22 марта 1922 г. «Молодой писатель Всеволод Иванов дал прекрасную повесть “Бронепоезд 14,69”, — отмечал один из ведущих партийных критиков В. Полянский. — Эстетическую критику мы оставляем в стороне. Нас интересует идеологическая сторона. Мы прежде всего ценим и глубоко ценим стремление писателя дать коллективную психологию, психологию массы, связанной единым стремлением; массы, в которой каждый человек необходим, как камушек в мозаике. <...> И эта масса наша, трудовая, рабоче-крестьянская»¹⁸⁸. Журнал «Бюллетень книги» советовал: «Некоторые страницы должны стать хорошо известными каждому читающему, войдут во все школьные хрестоматии; таковы сцены с “человеком чужой земли”, смерть китайца Син-Бин-У, картина митинга у партизан. <...> “Бронепоезд 14,69” должен быть во всех библиотеках, читаться во всех школах»¹⁸⁹. «Мы уже привыкли от Всев. Иванова получать одну прекрасную вещь за другой: “Бронепоезд 14,69” — одно из его лучших творений, — восхищался Д. Фурманов. — Этот бронепоезд у белых; его задача курсировать на определенном участке, сокрушать красных партизан... Но пришло и ему время — партизаны осилили бронепоезд: обрызгали его своею кровью и мозгами, а все-таки взяли... Эпизоды в повести неподражаемы, особенно один — с американцем, попавшим в руки партизан.<...> Сцена великолепная»¹⁹⁰.

Однако было в произведении нечто, что с самого начала его, казалось бы, триумфального шествия останавливало восторженные голоса советских критиков. Комментируя статью П. Пильского в рижской «белогвардейской» газете, И. Садофьев отмечал, что тот ругает всех советских писателей, кроме

¹⁸⁷ Серапионовы братья в зеркалах переписки / вступ. ст., сост., коммет. Е. Лемминга. М.: Аграф, 2004. С. 27.

¹⁸⁸ Полянский В. Заметки о журнале «Красная новь». № 4 и № 5 // Печать и революция. 1922. № 2. С. 381. Номер бронепоезда в заглавии повести вплоть до конца 1920-х гг. писался через запятую.

¹⁸⁹ Бюллетень книги. 1922. № 5–6. С. 49.

¹⁹⁰ Политработник. 1922. № 3. С. 115. Подп. *Най*. Разыскание И.Е. Лощилова.

Иванова: «Иванов Пильскому любезнее потому, что “он остерегся от слишком явных проявлений своей вражды к белому капитану Незеласову, начальнику колчаковского бронепоезда № 14,69”. А это для Пильских самое главное. Вс. Иванов больше всего, разумеется, заслужил себе у Пильского <...> снисхождения и внимания <...>. Что же, – ласковый теленок двух маток сосет»¹⁹¹. Действительно, критик русского зарубежья П. Пильский в рецензии на номера 1–2 журнала «Красная новь», давая характеристику «лучшим рассказам»: «Недавние дни» А.Аросева, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Голый год» Б. Пильняка, – особо выделял «объективность» Иванова: «Как ни вуалирует автор [Аросев. – *Е.П.*] своих симпатий к чекисту Бертеневу, они угадываются. Как ни старается он быть объективным, это не достигается... В искусстве есть нечто более сильное, чем воля и намерение, и эта сила – искренность. <...> Вс. Иванов – тоньше. <...> Он и объективней.<...> ...он умеет быть экономным, остерегаясь неосторожной грубости, тщась остаться только живописующим наблюдателем. <...> Точно так же остерегся он от слишком явных проявлений своей вражды и к этому белому капитану Незеласову, начальнику колчаковского бронепоезда № 14,69. <...> Во всех рассказах <...> вопреки желанию, целям, даже основным темам, слышится н а д р ы в. Больное. Надлом. Упадочность. <...> У Всеv. Иванова она говорит всеми фигурами белого бронепоезда, но проступает и в “товарище Пеклеванове”, начальнике подпольного революционного комитета, и в деревенском парне Ваське»¹⁹². Отметим, что Пильский, а впоследствии Роман Гуль обратили внимание на общую для всех персонажей ивановской повести «тоску» и «упадочность». Гуль, в составе Добровольческой армии сражавшийся на фронтах Гражданской войны, участвовавший в Ледяном походе генерала Корнилова, в то время еще незнакомый с Ивановым, отмечал: «Изумительно верно и тонко передал Иванов т о с к у этой войны и в капитане Незеласове, и в Никите Вершинине,

¹⁹¹ Садофьев И. Пролетарская литература в обстановке нэпа // Красная газета. 1922. 9 сент. С. 3.

¹⁹² Пильский П. Пегая новь // Сегодня. Рига, 1922. 10 авг. С. 2.

в Обабе, в солдатике “в голубых обмотках”, в беженке, “подпоясанной бечевкой”»¹⁹³.

Стремление Иванова в художественном изображении столкновения разных сил в Гражданской войне «оставаться только живописующим наблюдателем», которое он сохранял, создавая новые редакции и варианты «Бронепоезда», более всего раздражало и редакторов, и режиссеров, и театральные цензоры, и работников киностудий, которые по мере своих сил и возможностей, в разное время по-разному, старались сделать текст более однозначным, четко расставляя политические оппозиции: «свой» / «чужой», «красный» / «белый», «идеологически грамотный» / «идеологически заблуждающийся». ПРАВКА «Бронепоезда» в этом направлении определила его судьбу на протяжении более сорока лет.

История текста «Бронепоезда 14-69» включает несколько этапов: с 1922 по начало 1930-х гг. – это авторская правка, в более поздний период – и авторская, и цензурная – редакторская и режиссерская.

За редактирование своей повести Иванов берется практически сразу после выхода «Красной нови», готовя «Бронепоезд» к первому отдельному изданию (М.: Госиздат, 1922). 24 февраля 1922 г. (в день своего рождения) он пишет А.К. Воронскому: «Не хочет ли московский Госиздат издать мой Бронепоезд... Но только не по журналу, а по рукописи, которую я пришлю, – я его переделал»¹⁹⁴. А уже 10 марта сообщает ему: «Посылаю исправленный экземпляр Бронепоезда»¹⁹⁵.

О работе писателя над текстом при подготовке отдельного издания 1922 г. мы можем судить на основании сопоставления его с журнальным вариантом. Прежде всего обращает на себя внимание измененный вариант экспозиции повести. Приведем начальный фрагмент в динамической

¹⁹³ Гуль Ром. Вс. Иванов. «Бронепоезд № 14,69». Повесть [Рецензия.] // Новая русская книга. 1922. № 11–12. С. 11.

¹⁹⁴ Иванов Вс. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. С. 585.

¹⁹⁵ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 685.

транскрипции: курсивом обозначен текст «Красной нови», полужирно – текст издания 1922 г., обычным шрифтом – текст, оставшийся без изменений

[Бронепоезд «Полярный» под № 14-69 охранял железнодорожную линию от партизанов.]

[Остатки колчаковской армии отступали от Байкала: в Манчжурию, по Амуру, на Владивосток.]

Цифры блестели перед глазом: 85,64 и еще 000... как снежные четки... На дверях купе, на рамах окна, на ремне – кобуре револьвера. И точно огромная мясистая цифра – 8, на койке, упавая короткостриженной головой в огромные, как степные дороги, плечи: прапорщик Обаб, помощник капитана Незеласова.

[Капитан Незеласов, начальник бронепоезда, сидел у себя в купе вагона и одну за другой курил манчжурские сигареты, стряхивая пепел в живот расколотого чугунного китайского божка.]

Даже на сигаретах, которые одну за другой курил капитан и пепел которых мягко таял в животе расколотого чугунного китайского божка: тоже цифры и английские поджарые – словно галеты – буквы.

[Капитан Незеласов сказал:

– Мы стекаем... как гной из раны... на окраины, а? Затем в море, что ли?]

– Что ж?.. «Стекаем: гной из раны... на окраины... Мы!.. Все – и беженцы, и утонувшие в снегу правительства». Но-о!.. Я ж говорю вам, прапорщик? Потом куда? В море¹⁹⁶ (с. 75/3)

Характеризуя эту правку, Е.А. Краснощекова отмечала: «...снимая повествовательность, он боролся за экспрессивность стиля, образную насыщенность слова»¹⁹⁷. Но, кажется, мы имеем здесь дело не со стилевой, а со смысловой правкой, и притом не авторской. Легко заметить, что первоначально присутствовавшие в начале журнального варианта сухость и упрощенность речи совершенно исчезают после нескольких первых абзацев текста той же публикации, для которого в целом характерны и образность, и экспрессия. Поэтому можно высказать предположение, что начало повести, возможно, было, по согласованию с автором, сознательно изменено главным

¹⁹⁶ Текст цитируется по: Красная новь. 1922. № 1 (5) С. 75–124 и *Иванов Вс.* Бронепоезд 14,69. М.: Гос. изд-во, 1922. 79 с. Далее при цитировании двух изданий страницы указываются в виде дроби: в числителе – страницы «Красной нови», в знаменателе – страницы издания 1922 г.

¹⁹⁷ *Иванов Вс.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. С. 611.

редактором и видным партийцем Воронским, дабы с первых строк ввести актуальную тему борьбы партизан с белой армией.

Готовя текст к отдельному изданию, Иванов возвращает первоначальные первые строки, дает названия главам (в журнале они были обозначены цифрами), переставляет некоторые (третью и четвертую) местами, много работает над языком. Отметим смысловую правку, более всего направленную на уточнение и расширение характеристики тех сил, которые противостояли друг другу в Гражданской войне. Главной революционной силой в «Бронепоезде», как и до этого в повести «Партизаны», были мужики, сибирские крестьяне. Это отметили и политики, и писатели, и литературные критики. Не случайно Иванов, как и Б. Пильняк, С. Есенин, Н. Клюев и некоторые «серапионовы братья», был назван главным идеологом страны Л.Д. Троцким всего лишь «художественным попутчиком революции». Согласно Троцкому, революция у Иванова – «мужицкая, окраинная, чолдонская», «мужицкий мятеж», который «вспыхивает внезапно, от мелкой искры, разрозненно, нередко жестокий в своей беспощадности, – и не видать, почему он вспыхнул, куда ведет?»¹⁹⁸. «Как и Антон Селезнев из “Партизанов”, Вершинин тоже земляной человек, гнев его лезет из земли, которую японцы могут отнять, дальше пахоты мысли его не развертываются, – писал в 1923 г. писатель А.С. Неверов. – Создается впечатление, что главная пружина мужицкого движения только земля, только интересы собственников. Если же это так, то к чему тут Октябрь, большевики?»¹⁹⁹ «Мужицкую» линию Иванов в отдельном издании еще усиливает по сравнению с журнальным вариантом: в конец подглавки X третьей главы «В городе», где матрос и Знобов обсуждают подготовку восстания в городе, писатель вставляет образную характеристику Вершинина, указывающую на значимость его роли в происходящих событиях:

¹⁹⁸ Троцкий Л.Д. Литература и революция. М.: Красная новь: Главполитпросвет, 1923. С. 52.

¹⁹⁹ Неверов А. В кругу заколдованном // Корабль. 1923. № 7–8. С. 3.

– <...> Придется нам, **однако**, в город наступать.

[– *Надо.*]

– **Валяйте. Вершинин как мыслит?**

– **Вершинин – туча, куда ветер – там и он с дождем. Куда мужики – значит, и Вершинин** (с. 93/26).

Добавлена автором фраза, характеризующая работу председателя подпольного ревкома Пеклеванова. К весьма ироничной его характеристике в главе шестой «Рельсы», где герой, как гоголевский Подколесин, готов лезть в окно, так как жена не пускает его на митинг, в главу седьмую вставлено предложение: «Партизаны отступили. **На рассвете приехал Пеклеванов**» (87), из которой следует, что во время сражения он находится рядом с партизанами. Правда, ни о каком его руководстве речь не идет.

По сравнению с журнальным вариантом в первом издании усилена роль союзников Российского правительства адмирала А.В. Колчака в Гражданской войне: помимо общих сообщений об участии в событиях японцев и американцев, в подглавку III главы первой введены как самостоятельные персонажи японский поручик Танако Муццо (впоследствии в первой редакции одноименной пьесы – Танака Муцци), выкрикивающий «Уничтожит!.. Уничтожит!..» (47), и чиркающий карандашом американский корреспондент, который появится и в заключительной главе. Вставлена также фраза о главных врагах народа: «Японец да американка все может. Погибель наша явилась, Егорыч, – говорит старик в деревне. – Народ-то, как урожай под дождем, гниет...» (52).

Следующая группа смысловых поправок, внесенных в текст повести, относится ко второй половине 1920-х гг. Иванов, как автор книги «Тайное тайных», уже назван советскими критиками разных лагерей «крупнейшим из наших молодых писателей», который наделен «великим талантом» и который сумел «подойти вплотную к “вечным”, к “проклятым” вопросам: о жизни и смерти, о судьбе человека, о месте его в космосе» (А. Воронский)²⁰⁰; и

²⁰⁰ Воронский А.К. О книге Всеволода Иванова «Тайное тайных» // Ленинградская правда. 1926. 5 дек. С. 3.

одновременно писателем, «не верящим в путь города, т.е. в путь пролетариата», создавшим книгу, где звучит «довольно отчетливое осуждение всего нового» (А. Зонин)²⁰¹. Характеризуя период 1924–1926 гг. в творчестве Иванова, критик русского зарубежья Марк Слоним отмечал:

В то самое время, когда критики провозглашали его одним из лучших изобразителей той большевицкой динамичности, которая пришла на смену прежней интеллигентской расхлябанности, в молодом писателе наметился резкий перелом. <...> Он вдруг почувствовал то, в чем упрекали его наиболее вдумчивые критики за рубежом: он изобразил человека без души. <...> ...все действующие лица его новых творений оказались отравленными тоской и раздумием. Иванова стали интересовать не победители с крепкими мускулами и безошибочными рефлексамми, а мечтатели, раздавленные историей, или же люди действия, усомнившиеся в необходимости и смысле своих усилий. <...> Точно тень упала на творчество Иванова, и он заговорил о том, что жизнь, за которую шли умирать и убивать его могучие партизаны, не заслуживает ни восторгов, ни подвигов²⁰².

Именно в это время Иванов готовит повесть «Бронепоезд 14-69» для первого тома собрания сочинений (вышел в 1928 г.). Может быть, писатель вспомнил слова критика Р. Гуля: «Есть одно темное, совсем не сделанное место в этой яркой книжке. Говорю о конце, о смерти капитана Незеласова. Перо Иванова здесь ослабло. <...> Смерти Незеласова не чувствуешь, она художественно не передана. И не плохо было бы “серапиону” вспомнить здесь каренинскую “сумочку”. Яркий во всем крестьянско-бытовом, Иванов с психологическим моментом не справился»²⁰³, а может быть, сказалась параллельная работа писателя над пьесой «Бронепоезд 14-69», которая велась в 1927 г. Так или иначе, более всего правке подвергается эпизод смерти капитана Незеласова, куда Иванов включает текст, направленный на раскрытие его внутреннего мира. Если в журнальном варианте и издании 1922 г. белый офицер Незеласов вспоминает перед смертью лишь «котлеты из свиного мяса» в ресторане Олимпия, то в результате авторской правки

²⁰¹ Зонин А. На перепутье // На литературном посту. 1927. № 4. С. 13.

²⁰² Слоним М. Всеволод Иванов // Слоним М. Портреты советских писателей. Париж: Парабола, 1933. С. 71.

²⁰³ Гуть Ром. Вс. Иванов «Бронепоезд 14,69». С. 12.

после слов о ресторане появляются слова: «**Благодарю тебя, Россия... мир... все славянство... за тишину...**»²⁰⁴.

Подредактирована была заключительная фраза, касающаяся второстепенного, а на самом деле очень важного для «Бронепоезда» персонажа – «солдатику в голубых обмотках и английских бутсах»: «И было [ему] **солдатику** непонятно стыдно не то за себя, не то за американца, не то за Россию, не то за Европу»²⁰⁵.

Еще в начале 1920-х гг. критик В. Правдухин осудил «поразительно безвкусный <...> конец о тщедушном солдатику»²⁰⁶. Пересматривая после выхода «упаднической» книги Иванова «Тайное тайных» его раннее творчество, М. Гельфанд через несколько лет уже увидел в солдатику «отчаянное сопротивление биологического человека неумолимым требованиям социальной обстановки»: «Вспомним хотя бы <...> композиционно второстепенный, но сам по себе весьма значительный образ “тщедушного солдата в голубых обмотках”, который во всей этой катавасии только и делает, что пассивно, но радостно ощущает свое бытие и наивно улыбается всяким житейским пустякам, никак не осмысливая происходящих на его глазах грозных событий». И в «Бронепоезде» критик усмотрел «местами нотки скептического отношения к смыслу события»: «...характерна концовка повести. Тщедушный солдатик несет караульную службу в очищенном от белых городе. Кругом еще кипит борьба, на улицах медленно высыхает свежепролитая кровь, в календарь революции внесен еще один значительный факт, но у солдата, как мы видели, своя позиция: “...И было солдатику *непонятно стыдно*, не то за себя, не то за американца, не то за Россию, не то за Европу”» (курсив Гельфанда)²⁰⁷.

²⁰⁴ Иванов В. Собр. соч.: в 7 т. 1928–1931. Т. 1. М.;Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 88.

²⁰⁵ Там же. С. 99.

²⁰⁶ Всеволод Иванов [Сборник]. М.: Кооп. изд-во писателей «Никитинские субботники», 1927. Библиотека современных писателей для школы и юношества / под ред. Е.Ф. Никитиной. Критическая серия, 3. С. 100.

²⁰⁷ Гельфанд М. От «Партизан» к «Особняку»: К характеристике одной писательской эволюции // Революция и культура. 1928. № 22. Цит. по: Папкова Е.А. Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных»: на перекрестке советской идеологии и национальной традиции. С. 474–475.

Уже после первой публикации повести Воронский высказал предположение, что солдатик – образ автобиографический: «В. Иванов в своих вещах очень напоминает этого солдатика. Он как будто в стороне, ко всему присматривается, но читатель как будто чувствует, что каждой написанной своей страницей автор говорит любовно и со скрытой радостью: “Житьишко!”...»²⁰⁸ По воспоминаниям брата Алхимика (В.А. Каверина), сам Иванов приходил к серапионам в солдатских английских ботинках с зелеными обмотками²⁰⁹. Слова солдатика: «Земли я прошел много и народу всякого видел много...»²¹⁰ – также совпадают с фактами биографии Иванова. Ни один из критиков не обратил внимания на то, что солдатик изначально – «белый»: во второй главке повести он отдает честь капитану бронепоезда Незласову. Судя по тексту, «он устал и привык к манифестациям»²¹¹, как и Иванов, за короткий срок пережив несколько правительств в Сибири: Советскую власть, Временное Сибирское правительство, Временное Российское правительство (Директорию), Российское Правительство адмирала Колчака и вновь Советскую власть.

Тщедушный солдатик в американских ботсах, видя труп белого генерала, в новом варианте текста повести «сентиментально» думает, что **«хорошо б красной подкладкой шинели прикрыть труп героя. Но герои закопаны в гаюлянах»**²¹². Впервые в революционном «Бронепоезде» прозвучала мысль, усиленная в дальнейшем в пьесе и особенно в киносценарии: среди «белых» тоже могут быть герои.

Одновременно с подготовкой повести для собрания сочинений писатель создает по мотивам ее пьесу. Сохранилось несколько писем Иванова, посвященных этой работе. 17 июня 1927 г. он пишет в Сибирь писателю Г.А. Вяткину: «Я совершенно замотался, написал пьесу

²⁰⁸ Воронский А.К. Всеволод Иванов // Всеволод Иванов [Сборник]. С. 14.

²⁰⁹ Всеволод Иванов – писатель и человек. Воспоминания современников. Изд. 2-е, доп. М.: Сов. пис., 1975. С. 29.

²¹⁰ Иванов Вс. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. С. 96.

²¹¹ Там же. С. 101.

²¹² Там же. С. 97.

“Бронепоезд”, которая пойдет в Художественном к 10-летию Октября. Писание пьесы и переделки, требуемые режиссерами, измотали. Кроме того, готовлю собрание сочинений (80 печ. листов), из которых – по здоровом размышлении – необходимо переписать и переделать листов 50»²¹³. О двойственном отношении Иванова к своей пьесе свидетельствуют его признания в письмах А.М. Горькому: «Главрепертком запретил пьесу как недостаточно революционную, что им еще революционнее может быть – Бог их знает»²¹⁴ (6 сентября 1927); «Я боюсь только одного, чтоб это не было настолько патриотично и фальшиво, что через год и смотреть будет невозможно»²¹⁵ (28 октября 1927). «На пьесе моей, “Бронепоезде”, люди зело умилялись и плакали, и я сам был растроган, а теперь присмотрелся – и оказывается, пьеса еле-еле скроена и надо было б ее переписать заново, а нет желания и времени нет. Так, видно, и пойдет»²¹⁶ (10 января 1928 г.).

Автограф пьесы «Бронепоезд 14-69» на настоящий момент не выявлен. Из воспоминаний самого Иванова и режиссеров МХАТ П.А. Маркова и И.Я. Судакова известно, что в конце 1926 г. писатель принес в театр, искавший в это время революционную пьесу к 10-летию Октября, две картины – «Колокольню» и «Насыпь», написанные на основе повести «Бронепоезд 14-69»; после «огорашивающего – по новизне материала, и по блеску языка и силе образов» – впечатления²¹⁷ представил в театр еще несколько картин, а затем и пьесу целиком. Существует целый ряд воспоминаний о том, как после запрещения пьесы Главреперткомом в августе 1927 г. Судаков в отсутствие автора, бывшего тогда за границей, вносил изменения в текст, усиливая «роль партии в партизанском движении на Дальнем Востоке»²¹⁸. Однако, судя по неавторизованному машинописному экземпляру текста пьесы, который был отдан театром в Главрепертком и датирован 20 июня

²¹³ Газетчик. Пособие для журналистов. Новосибирск. 1927. 15 июля. С. 2. Разыскание И. Лошилова.

²¹⁴ *Иванов Вс.* Тайное тайных. С. 338.

²¹⁵ Там же. С. 339.

²¹⁶ Там же. С. 342.

²¹⁷ Всеволод Иванов – писатель и человек. С. 150.

²¹⁸ Там же. С. 156.

1927 г. (хранится в РГАЛИ), изменения в этом направлении вносились еще раньше, и кем – неизвестно.

По свидетельству самого Иванова, наиболее соответствует его первоначальному замыслу текст пьесы, который напечатан в подготовленном писателем шестом томе Собрания сочинений, вышедшем в 1931 г.²¹⁹. Этот текст является первой редакцией «Бронепоезда 14-69», никогда не ставившейся на сцене и сохранившей представление о Гражданской войне, которое сформировалось у писателя к 1927 г. В центре внимания по-прежнему оставалась мужицкая армия Вершинина, а тема земли, за которую она сражается, была еще более подчеркнута; незначительно усилена линия подпольного ревкома, но самые большие изменения претерпел «лагерь контрреволюции». С пьесы «Бронепоезд 14-69» начинаются раздумья Иванова о роли и судьбе интеллигенции в Гражданской войне. И хотя внесенные уже в 1927 г. режиссерами, цензорами и редакторами изменения были весьма существенны, основные авторские идеи были прочитаны и поняты и театральными критиками, и зрителями конца 1920-х гг.

Премьера прошла с успехом во МХАТе в дни празднования 10-летия Октябрьской революции – 8 ноября 1927 г. Рецензии на мхатовский спектакль в целом были восторженные (Правда. 1927. 18 нояб.; Рабочая Москва. 1927. 19 нояб.; Вечерняя Москва. 1927. 26 нояб. и др.), но встречались и иные. «Октябрьских спектаклей» в Москве поставили немало – около двадцати: «Разлом» Б. Лавренева (Театр Вахтангова), инсценировки повестей А. Гладкова «Цемент» («Реалистический театр») и Д. Фурманова «Мятеж» (Театр МГСПС); «1917 год» А. Суханова-Платонова (Малый театр), «Окно в деревню» Р. Акульшина (Театр Мейерхольда) и другие. И хотя многими театральными критиками отмечалось, что «в серии <...> октябрьских постановок – “Бронепоезд” является одной из самых больших и глубоких»²²⁰, – с пьесой Иванова все оказалось далеко не просто. Так,

²¹⁹ Иванов В. Почему и как появился «Бронепоезд 14-69» // Театр и драматургия. 1934. № 3. С. 27.

²²⁰ Волков Н. «Бронепоезд 14,69» в МХАТе // Новый мир. 1928. № 1. С. 269.

например, критик В. Павлов в статье «Два поколения», сопоставляя «Разлом» и «Бронепоезд», указывал, что в Театре Вахтангова «активные строители пролетарской культуры рассматривают старое с точки зрения победившего класса, а старый МХАТ <...> упорно стремится выразить в своем творчестве <...> то, что упирается в тупик, беспомощно барахтается и отмирает»²²¹. К 10-летию Октябрьской революции тем, что «барахтается и отмирает», оказались крестьянство и интеллигенция.

Список действующих лиц первой редакции открывался именами «стариков Вершининых», Егора Иваныча и Лукитишны, – родителей будущего командира партизанской армии; включал также его жену Настасьюшку (в повести героиня была безымянной), Михаила – друга Вершинина, крестьянина деревни Смолиной и его жену. Отметим, что уже в июне 1927 г. при редактировании текста режиссерами из этих введенных персонажей-крестьян уцелела одна Настасьюшка. И хотя состав членов ревкома был расширен за счет Филонова, матроса Семенова и двух безымянных рабочих, непосредственно в событиях они по-прежнему участвовали мало. Председатель ревкома Пеклеванов появлялся в картине 2 первого действия: после получения известия о его бегстве из крепости член ревкома Знобов уговаривал хозяйственного мужика Вершинина спрятать его в тайге и слышал в ответ: «Не пойду я на вашу войну, никого прятать не буду. И не жалко мне вас, гибните, пропадайте, если против генеральской и японской власти идете. Не знаешь ты нашу душу крестьянскую. <...> Если мимо заимки бродяга какой пойдет, или странник божий, пожалею, пущу, кормить и жалеть буду» (44). Лишь узнав о том, что его дом сожгли японцы, а дети погибли, сам став «странником, боговым человеком», Вершинин понимает неизбежность собственного непосредственного участия в Гражданской войне. Через несколько лет, в 1936 г., постановщика пьесы А.В. Турцевича в Красноярском краевом театре драмы имени А.С. Пушкина,

²²¹ Павлов В.А. Два поколения («Бронепоезд 14,69» в МХАТ-1 и «Разлом» в Театре им. Вахтангова) // Новый зритель. 1927. № 47 (202). С. 4–6.

и, видимо, не его одного, будет смущать как раз случайность «прихода» Вершинина «в революцию»²²².

В городе Пеклеванов и ревком, вооруженные «наукой о том, как делать революцию и как побеждать помещиков и буржуазию» (113), готовят восстание, но не оно является смысловым и композиционным центром пьесы. «Сейчас нам необходима ваша помощь», – обращается Пеклеванов к Вершинину (113), и именно борьба мужиков-партизан за захват белого бронепоезда более всего показана автором.

Третье действие начинается с того, как из разных волостей который день идут к Вершинину крестьяне: «Тысяч пятнадцать, поди, пришло», «Не меньше, как миллион» (125). И хотя, казалось бы, перед ними с призывом: «В городе, товарищи, восстание. Крой!» (125) – выступает член подпольного ревкома матрос Знобов, в дальнейшем ни ревком, ни рабочие в действии пьесы не участвуют. Остановку и захват белого бронепоезда осуществляет мужицкая армия, лишь в конце последнего, четвертого действия труп председателя ревкома Пеклеванова несут к бронепоезду (в повести герой оставался жив). «Братцы, броневик в город уйдет, – призывает Вершинин. – Весь путь человечьим мясом загородить, чтобы в крестьянском мясе броневик спутался. Эх, не хватает народу, мало волостей вызвал, Никита Егорыч! Не хватит ведь крестьянского тела. Господи ты боже мой, как я перед городом отвечу... А надо остановить. Ну, качай, мужики, к насыпи! Митинг закрываем – помирать пора» (131). Как и в повести, Вершинина в пьесе мучают сомнения в оправданности «страданий», которые «народ принимает» (131): «Миру побьют много. <...> Кабы настоящие ключи были... а вдруг, паря, не тем ключом дверь-то открыть надо» (127).

Крестьяне-партизаны и рабочие во главе с ревкомом вроде бы составляют в пьесе одно целое, однако интересы и цели их существенно отличаются. Мужики воюют за землю против тех, кто ее отнимает, – прежде

²²² Всеволод Иванов. Бронепоезд 14-69. К постановке в Красноярском краевом театре драмы имени А.С. Пушкина. Красноярск, 7 ноября 1936 г. С. 17.

всего японцев: « – Зачем идешь? – Землю жалко, японец отымет» (127); «Главное, не давай, мужики, землю японцам» (127). «Землехранителями» иронически называет Знобов партизан. В эпилоге пьесы Вершинин высказывает ту горькую мысль, которая уже после окончания Гражданской войны мучила вернувшихся в свои деревни крестьян – «упадочных» героев книги «Тайное тайных» и ее автора: «...другая стала земля. Не песня, а мука. <...> Крови-то сколько я выпил, и своей и чужой, из-за этой земли» (141).

В свою очередь рабочие борются за «свержение власти генералов и помещиков» (117). В первой редакции пьесы объединения интересов сторон так и не происходит. Слова о «большевистской правде», пролетариате и Ленине, которые произносил рабочий владивостокских доков Знобов в знаменитой сцене «упропагандирования», в отличие от повести, в пьесе доверены партизану Ваське Окороку, что должно, видимо, свидетельствовать о возросшем политическом сознании крестьянской армии. Однако в эпилоге по-прежнему акценты были сдвинуты в сторону земли и покушающихся на нее интервентов: «В войне – главное генералы и японцы. Японец замучил – вот и встал мужик...» (138) – говорит отец Вершинина.

Эпилог, действие которого происходило в крестьянской избе, сохранился только в первой редакции. Ни рабочие, ни члены ревкома в этой сцене не участвовали, а разговор шел между Вершининым, его родителями, женой и мужиками. И не ревком благодарил Вершинин за помощь, а родителей: «Спасибо! Родили, вскормили, доволен я вами, лучшую жизнь где бы я прожил...». Завершалась же пьеса вполне определенной репликой отца, Егора Иваныча: «Не давай, главна, землю, Никита!» (141).

В июне 1927 г., как показывают материалы, отложившиеся в РГАЛИ в фонде Главреперткома, театр передает туда текст «Бронепоезда» уже с другим финалом и другими акцентами. Разговор Вершинина с родителями перенесен в сцену 8, и приведенные выше реплики отчеркнуты на полях

красным²²³. Далее в этом варианте следует сцена 9 «У ворот депо», отсутствовавшая у Иванова и представляющая восставших рабочих. Заканчивался новый вариант пьесы словами Вершинина перед трупом Пеклеванова: «Грозно ты меня встретил, Илья Герасимович <...> А я тебе огромные земли привез... Занавес»²²⁴. Однако и этот вариант вызвал возмущение Главреперткома. Ф.Н. Михальский, инспектор МХАТ, 11 августа 1927 г. сообщал К.С. Станиславскому: «Вот новости из Реперткома: “Турбины” категорически не допускаются. В “Бронепоезде” необходимы поправки во всех действиях и полная переработка последнего акта. В нашей же редакции его не пропускают»²²⁵. В итоге в финале цензурованного экземпляра пьесы, разрешенной к постановке только в МХАТе²²⁶ и датированной 13 августа 1927 г., после слов Вершинина о землях говорил ревкомовец Знобов: «Товарищи. Город занимаем. Пеклеванов здесь? Пеклеванов первым в город войдет. <...> Толпа обнажает головы. Поднимают труп Пеклеванова. Траурный марш. Распахиваются ворота депо. Виден город. Толпа идет в ворота»²²⁷.

Материалы истории МХАТ сохранили факты борьбы Иванова за текст своей пьесы, который менялся непосредственно в ходе репетиций: сокращались части картин, отдельные сцены, герои, писались новые слова персонажам. На репетиции 27 сентября Станиславский внес существенные предложения по переработке последней картины: «...очень хорошо, если выбросить беженцев. Оставим рабочих депо. И сцену, когда приносят убитого Пеклеванова. Беженцев – вон! <...> Смерть начальника штаба Пеклеванова – вот что здесь самое главное»²²⁸. Вспоминая эти репетиции, Иванов комментировал: «На моем лице, по-видимому, отразилось

²²³ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 1264. Л. 54.

²²⁴ Там же. Л. 64.

²²⁵ *Виноградская И.Н.* Жизнь и творчество К.С. Станиславского. Летопись: в 4 т. 1863–1938. Т. 3. М.: Всерос. театр. о-во, 1971. С. 558.

²²⁶ Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 93. Ед. хр. 1179. Л. 1.

²²⁷ Там же. Л. 51.

²²⁸ *Виноградская И.Н.* Жизнь и творчество К.С. Станиславского. С. 565.

отчаяние»²²⁹. 31 октября 1927 г. состоялся общественный показ пьесы, на котором присутствовали представители Главреперткома, театральной общественности, члены правительства. Видимо, вследствие замечаний, за четыре дня до премьеры финал вновь изменили: теперь «под звуки “Интернационала” выезжал вперед бронепоезд»²³⁰.

Далеко не всех зрителей убедил новый финал пьесы. Сравнивая «прекрасную повесть Иванова, очень эпичную и революционно стихийную», и мхатовский спектакль, критик Павлов недоумевал: «...непонятно, почему председатель ревкома Пеклеванов превращен в вождя?! В то время как в повести Вс. Иванова он только эпизодическая фигура, один из помощников Вершинина»²³¹. Критик Волков, сопоставив разных персонажей пьесы: партизан, рабочих, белых, беженцев, – делал вывод с полным пониманием авторского замысла: «Все это дает основание говорить о “Бронепоезде” как пьесе крестьянской с установкой на апологию партизанщины»²³².

Рядом с этими двумя силами, крестьянами и рабочими во главе с ревкомом, практически с той же глубиной представленная, дана писателем и третья, противостоящая им сила. В пьесе «Бронепоезд 14-69» это не генералы и не солдаты «белой» армии, а интеллигенция, изображая которую Иванов вводит в текст реалии эпохи: персонажи говорят об Учредительном собрании, дружинах Святого Креста, надеждах на поддержку союзников. О будущем этой интеллигенции в тексте размышляет капитан Незеласов, читая «энциклопедический словарь для справок о том, что думали о жизни российские интеллигенты» (107): «Евганеи – племя, обитавшее в глубокой древности в северо-восточной части Аппенинского полуострова и вытесненное оттуда венетами» (101). Слова о евганеях повторены в пьесе дважды. Переходя от символики к реальности, капитан скажет проще: «Мы одиноки, Обаб, не нужны России» (122).

²²⁹ *Иванов Вс.* Почему и как появился «Бронепоезд 14-69». С. 29.

²³⁰ *Виноградская И.Н.* Жизнь и творчество К.С. Станиславского. С. 580.

²³¹ *Павлов В.А.* Два поколения. С. 4–6.

²³² *Волков Н.* «Бронепоезд 14,69» в МХАТ-1ом // Новый мир. 1928. № 1. С. 270.

Относительно выведенного на сцене «лагеря контрреволюции» в критике также высказывались большие сомнения. Так, Павлов отмечал, что симпатии зрителей в постановке неминуемо должны были вызвать «чистенькие», «интеллигентные», «истеричные, но обаятельные белые», очень напоминающие героев пьесы М.А. Булгакова «Дни Турбиных», а не «типичный Сусанин» – народный вождь Вершинин, «расслабленный, старый студент» – председатель ревкома Пеклеванов и прочие «красные» персонажи²³³. Первый акт, где представлена семья капитана Незеласова, «взят напрокат» из «Трех сестер» и «Дней Турбиных», а Незеласов «даже гримом напоминает Алексея Турбина»²³⁴. К такому же мнению пришли и зрители. «Прудкин – Незеласов – все тот же Алеша Турбин, только Алеша в некотором роде герой, мученик, а Незеласов слякоть, кокаинист, но суть у них одна»²³⁵, – утверждал клубный работник тов. Панин.

Иванов знал пьесу Булгакова «Дни Турбиных», видимо, присутствовал на открытом общественном просмотре 23 сентября 1926 г., после которого писал Горькому: «“Белую гвардию” разрешили. Я полагаю, пройдет она месяца два-три, а потом ее снимут. Пьеса бередит *совесть*, а это жестоко. <...> Естественно, что коммунисты Булгакова не любят. Да и то сказать – если я на войне убил отца и мне будут каждый день твердить об этом, приятно ли это?»²³⁶. Но, думается, основные источники линии «белых» в «Бронепоезде» были не литературные, а реальные, сибирские.

Кроме капитана Незеласова, героя повести, на сцене появляются другие представители «белой интеллигенции»: его мать Надежда Львовна, невеста Варя, ее брат Сережа и дальний родственник Семен Семенович. Картина 1 первого действия показывает дом Незеласовых в городе – в бывшем цветочном магазине. Введя в текст семейное окружение Незеласова, Иванов противопоставляет различных представителей интеллигенции.

²³³ Павлов В.А. Два поколения. С. 6.

²³⁴ Там же. С. 5.

²³⁵ Отзывы зрителей // Современный театр. 1927. № 12 (23 нояб.). С. 13.

²³⁶ Иванов Вс. Тайное тайных. С. 332.

Молодые люди, Варя и Сережа, воодушевленные идеей создания дружины Святого Креста, говорят о спасении России, поют: «Марш вперед! Россия ждет / Счастья и отрады. / Марш вперед, трубят в поход. / Красным нет пощады» (104), – при этом практически одновременно обсуждают и новое платье у мадам Фанни, и задачи «доблестной армии». Они находятся постоянно в гостях у генерала Спасского, судя по ироническим репликам Незеласова («...вчера ангорского кота с хивинской кошкой спаривали <...>. А генерал переплетом увлекся, книжки сшивает. И это тогда, когда тайга наполнена партизанами поезда с беженцам спускаются под откосы, обещанная американцами и японцами помощь не идет» – 102), – человека пустого и не понимающего происходящих событий. На этом фоне Незеласов выглядит гораздо сдержанней, к новым крестоносцам относится скептически: «...пейте чай, молитесь с епископом Макарием о здравии христоролюбивого воинства» (104), однако его реплика: «Я могу вскочить в город, объявить себя диктатором и спасти Россию» (124) – показывает, что и ему не чужды мысли о «спасении» Родины.

В первой редакции пьесы Незеласову 30 лет, как и в повести, хотя в повести он кажется взрослее: там у него уже есть сын Валька. Перерабатывая повесть в пьесу, Иванов делает героя моложе: вводит образы невесты и матери, которая зовет его «Сашенька». Одновременно автор убирает из текста естественно возникающее при чтении повести уничижительное сравнение капитана с визжащим беспомощным щенком: «Щенок тихо взвизгнул, неуверенно перебирая серыми лапками по полу... – Вот бедный, – проговорил Незеласов. <...> Он заплакал» (71); «...солдатам казалось, что визжит не щенок, а капитан. И не удивляло то, что визжит капитан» (83) и т.п. В пьесе этот мотив приглушен, и Незеласов представлен просто молодым человеком, который свистит домашней собаке: «Марсик, Марсик! Куда проклятый щенок скрылся?!.. (Убегает.)» (109). Укрупняя образ, автор вводит в пьесу другой символический образ – щепы: «Варя, я сейчас был у моря, оно кидалось к моим ногам, ревело, и в тот момент, когда я думал о

тебе, ты знаешь, что оно выбросило к мои ногам? – Щепу» (106). Образ беспомощной щепки в волнах водоворота, передающей положение людей в вихре эпохи, появится не в одном произведении Иванова. «Щепа» – заглавие рассказа, вошедшего в книгу Иванова «Тайное тайных» под названием «Жизнь Смокотинина» (1925), в первой его публикации в журнале «Пламя» (Харьков. 1926. № 5–6); со щепой сравнивает свою жизнь накануне гибели император Павел I в пьесе «Двенадцать молодцев из табакерки» (1935) и др.

Обратим внимание также на сюжетный поворот в тексте первой редакции, не включенный в последующие редакции и поднимающий тему предательства союзников. Среди действующих лиц пьесы присутствовал «представитель японского командования», по имени Танака Муцци (100). В первом действии пьесы Танака, полный «любви к русскому народу», сообщает Незеласову, что японцы отомстили красным партизанам за гибель своего отряда и сожгли крестьянские селения. Но, как правильно понимает Незеласов, японское командование боится партизан и под предлогом «предотвратить пролитие лишней крови», хочет направить его бронепоезд против них, «чтобы безопасно вывезти генералов». Незеласов не соглашается: «Мой бронепоезд защищает семью». В ответ Танака обещает: «Японско-американское командование берет вашу семью под свою защиту...» (107–108) – хотя руки Незеласову при прощании не подает. По ходу действия пьесы – во время сражений с партизанами – никакой поддержки ни японское, ни американское командование не оказывает. В последнем действии, уже после смерти Незеласова и перехода бронепоезда к красным, тот же представитель японского командования заявляет командиру партизан Вершинину, что «в борьбе русских армий за овладение городом оно решило соблюдать нейтралитет». Вершинин удивлен, партизан Васька Окорок запекает известную частушку о Колчаке: «Табак английский, / Мундир российский, / Погон японский, / Правитель Омский...» (138).

При непосредственном представлении на сцене разных политических сил Иванову, возможно, уже не нужна была фигура наблюдающего со

стороны и дающего комментарий солдатику. На смену ему в пьесу введен иной персонаж – играющий на флейте на протяжении всего действия студент Миша, имя которого, как обозначение Жандарма – персонажа, символизирующего «царскую расправу» в «Ревизоре» Н.В. Гоголя, – отсутствовало в списке действующих лиц первой редакции «Бронепоезда». Миша ни за что не сражается и находится как бы в стороне от идущей схватки разных правд и стремлений. «Непристроенным» называет его Вершинин, слыша краткие реплики Миши: «Конечно, тоска», «Конечно, тяжело» (114) и т.п. Все, что он делает: идет в тайгу с партизанской армией, рассказывает, как остановить бронепоезд «по железнодорожной инструкции», ведет захваченный партизанами бронепоезд: ведь «в техническом учился», – в сущности, происходит случайно. Для сравнения отметим, что в изданной в 1934 г. отредактированной пьесе, как и в отредактированной в 1932 г. повести, Миша в финале запекает: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»²³⁷

Редакторская, режиссерская, цензурная правка текстов повести и пьесы Иванова началась уже в 1920-е гг., но в наибольшей степени развернулась в следующее десятилетие. «Когда я думаю о смерти, то самое приятное – думать, что уже никакие редакторы не будут тебе досаждать, не потребуют переделки, не нужно будет записывать какую-то чепуху, которую они тебе говорят, и не нужно дописывать»²³⁸, – с горькой иронией признавался Иванов (запись в дневнике от 20 октября 1939 г.). С этого времени и до конца жизни писателя первые редакции «Бронепоезда» все более уходили на второй план, а читатели и зрители узнавали о произведении из новых, в основном не автором исправленных текстов. Как вспоминала вдова писателя Т.В. Иванова, особенностью его творческой работы было то, что он не мог вносить в текст небольшие изменения. Садясь править, Иванов в 1930–1950-е гг. просто переписывал заново все произведение, учитывая

²³⁷ *Иванов Вс.* Бронепоезд 14-69 [Пьеса. В 4 действиях]. М.: Цедрам, 1934. С. 40.

²³⁸ *Иванов Вс.* Дневники. С. 48.

многочисленные требования, предъявляемые временем, издательством, театром: «Чаще всего он был уверен в тот момент, что не портит, а улучшает. Но бывало и так, что с уверенностью говорил: / – Первый-то вариант останется. Потом разберутся. / Он был убежден, что это потом настанет»²³⁹.

Подтверждая, что Иванов «считал первые варианты, не подвергавшиеся редактуре, единственными достойными произведения», Т.В. Иванова приводит фрагмент из его письма 1963 г. сибирскому писателю и другу В.Г. Никонову: «... слава Богу – хоть это вышло после всех манипуляций редакторов. Надеюсь, у Вас сохранился первый вариант, который и будет напечатан когда-нибудь...»²⁴⁰

Остановимся кратко на отдельных текстах, искаженных редакторской и вынужденной авторской правкой.

Десять лет повесть печаталась по тексту первого издания (1922).

В 1932 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышел «Бронепоезд 14-69» с подзаголовком: «Повесть переработана автором для юношества». Насколько правка в повести действительно была авторской, судить трудно: ни рукописи, ни машинописи не сохранились. Советской молодежи предлагался текст, упрощенный и стилистически, и идеологически. Приведем начало и конец этой редакции:

Бронепоезд «Полярный» № 14,69 остановился в тайге на станции Никольской, неподалеку от города Тбищенска, связь с которым была прервана. Бронепоезду было дано задание: рассеять партизанские шайки под командой Вершинина²⁴¹.

<...>

На автомобиле впереди ехал Вершинин. Рядом с шофером сидел Пеклеванов. Лицо у него было озабоченное, он раздумывал: «Куда же вместить эту огромную мужицкую массу? Город и без того перенаселен». А к манифестациям и к крикам толпы он привык; он понимал, что это все важно, но есть другое, еще более важное: это то, чтобы уметь направлять эту манифестацию и быть самому направленным с ней и не сбиться с настоящего пути.<...> он даже не расслышал слов Вершинина, сказавшего: «Сидеть мне

²³⁹ Иванова Т.В. Мои современники, какими я их знала. Очерки. М.: Сов. писатель, 1984. С. 48.

²⁴⁰ Там же. С. 183.

²⁴¹ Иванов В.с. Бронепоезд № 14,69 [Повесть переработана автором для юношества]. М.;Л.: Молодая гвардия, 1932. С. 3–4.

завсегда в городе и быть мне завсегда при городе, Знобов. Полезно или нет, как ты думаешь, товарищ Пеклеванов?» <...> А к концу 1920 года вся, за исключением южной части, Приморская область была очищена от белогвардейцев и японцев. Почетную роль в этом сыграл бронепоезд «Полярный»^{14,69} под командой Никиты Вершинина, и по настоящее время стоит он, всегда приготовленный к бою и защите СССР²⁴².

В очередной раз повесть была отредактирована автором в 1934 г. Это было сделано «под знаком тех требований к языку художественной литературы, которые с убедительностью прозвучали в выступлении М. Горького во время дискуссии о языке на страницах советской печати в начале 30-х гг.»²⁴³, – комментировала Е.А. Краснощекова.

Наиболее серьезная смысловая правка была внесена автором в 1957 г. первого тома второго собрания сочинений в восьми томах (1958). Тема земли не только по-прежнему занимала в ней центральное место, но вышла на первый план и как бы обрамляла действие. В начале повести Вершинин говорил о пашне: «Пахать бы да пахать <...>, боронить бы да боронить, сеять бы да сеять»²⁴⁴, и к этой мысли возвращался после успеха восстания, в финале: «...повторяя слово “благодать”, которое ему в последнее время очень полюбилось, сказал, что, пожалуй, можно еще успеть вспахать и посеять озимые...»²⁴⁵. Правда, видимо, не без вмешательства редакторов, вводится новый для Иванова мотив о необходимости «исправить землю», которая «попорчена» богатыми²⁴⁶. В новой редакции Вершинина также мучают сомнения, но другие: в отличие от первой редакции, где герой размышлял, «теми ли ключами двери открыть надо», здесь он уверен, в победе, но «боится того, как мы такой страной будем править». «Научимся», – отвечает ему член ревкома Семенов²⁴⁷. В этом контексте представлена и

²⁴² Там же. С. 102–103.

²⁴³ *Иванов Вс.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М.: Худож. литература, 1973. С. 611–612.

²⁴⁴ *Иванов Вс.* Собр. соч.: 8 т. 1958–1960. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1958. С. 552.

²⁴⁵ Там же. С. 708.

²⁴⁶ Там же. С. 554.

²⁴⁷ Там же. С. 623.

дальнейшая судьба Вершинина: он уезжает учиться, как постановил ревком, в составе «первой же дальневосточной делегации к Ленину»²⁴⁸.

Четко обозначенные и в новой редакции «Бронепоезда» цели участников боевых действий по-прежнему различны, как и в редакции 1922 г. Пеклеванов (заметим, в этой редакции – в прошлом гимназист и офицер) мечтает о «великом мире труда и социализма», который «придет через большие битвы»²⁴⁹, в то время как Вершинин стремится к другому: «За землю буду стоять, за Расею»²⁵⁰.

Лагерь «белой» интеллигенции в редакции 1957 г. еще более расширен по сравнению с пьесой 1927 г. Герои много говорят о России, но по-разному. Среди действующих лиц появляется отец Маши, будущей жены Пеклеванова, городской врач Сотин, который сочувствует революционерам: «Я горжусь Пеклевановым. Он – действительно за Россию. Все политические партии, кроме большевиков, лижут сапоги интервентам»²⁵¹, в то время как жена его готова проклясть и мужа, и дочь за связь с «беглым каторжником». О России думают и невеста Незеласова Варя («Власть должна быть в руках истинно русских людей»²⁵²), и юнкер Сережа – крестоносец, готовый спасти ее от большевиков. Несмотря на то что в целом «белгвардия» представлена в этой редакции в негативном ключе: и жестокий генерал Сахаров (в текст Иванов вводит реальное историческое лицо), и комендант крепости Катин, готовый заживо сжечь арестованных, так как патронов не хватит, чтобы их расстрелять, и другие, – автор наделяет некоторых ее представителей чувством чести. При известии о том, что «высшее командование предало <...> и убежало» и «союзники на помощь не идут»²⁵³, юнкера и многие офицеры сдаются, но пятеро офицеров стреляются, перед смертью поднимая трехцветное знамя.

²⁴⁸ Там же. С. 662.

²⁴⁹ Там же. С. 562.

²⁵⁰ Там же. С. 582.

²⁵¹ Там же. С. 580.

²⁵² Там же. С. 686.

²⁵³ Там же. С. 704.

Незеласов (в этой редакции он полковник) здесь воплощает собой едва ли не верховную власть («Я диктатор! Я спасаю Россию! Я!»²⁵⁴), но не такую, как показал ее автор в пьесе 1927 г. Это безнравственный человек (распускает слух о том, что Вершинин предал Пеклеванова), готовый на предательство: «Вы проспали Россию, – я отдам ее американцам, японцам, тому, кто дороже заплатит»²⁵⁵.

Солдатик в голубых обмотках в этой редакции появится ближе к финалу. Теперь он поэт, но так как во время Гражданской войны «свободного времени было <...> мало», то написал немного. Заключительная фраза повести по-прежнему о нем, но как она изменилась:

Смотрел он на американца поверх проходивших людей и пытался удержать американца в памяти. Но тот был гладок, скользок и неуловим, как рыба в воде, и это раздражало солдатика – он был поэт, и ему страстно хотелось запомнить все удивительное и высокое, что произошло в эти дни²⁵⁶.

При публикации повести «Бронепоезд 14-69» в Собрании сочинений 1970-х гг. подготовителями было принято решение печатать не первую и не последнюю редакции, а редакцию 1934 г., которая «являет собой результат наиболее последовательной и доведенной до конца работы автора над стилем»²⁵⁷. Так повесть публиковалась и в посмертных изданиях.

Похожая судьба ожидала и пьесу «Бронепоезд 14-69». В 1930–1940-е гг. текст воспроизводился по изданию: *Иванов Вс.* Бронепоезд 14-69. М.: Цедрам, 1934. Он существенно отличался от текста, вошедшего в собрание сочинений в 1931 г. Здесь уже не было ни родителей Вершинина, ни представителя японско-американского командования Танака Муцци, а финал выглядел так:

В е р ш и н и н. Ну, вали, мужики, к крепости. Хватай, пахота-беднота, все крепости на земле. Правильно, Илья Герасимович. Заснуло твое сердце... Не слышит, не чувствует, как мы в тебя веруем. Пуццай Илья Герасимович первым в крепость войдет.

²⁵⁴ Там же. С. 641.

²⁵⁵ Там же. С. 682.

²⁵⁶ Там же. С. 709.

²⁵⁷ *Иванов Вс.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. литература, 1973. Т. 1. С. 613.

Перед собой на руках его понесем. Как знамя наше боевое. (*К Знобову.*) Командуй, распоряжайся! Броневи́к – к бою!

Миша (*запевает*). «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Оркестр подхватывает. Шум. Тревога. Несут носилки с трупом Пеклеванова²⁵⁸.

Принципиально новая редакция пьесы «Бронепоезд 14-69» появляется в 1952 г. Здесь акценты расставлены предельно просто. Партизаны о земле особо не вспоминают, на реплику Вершинина: «Как же я Россией-то управлять буду? <...> Кто меня поведет?» – Знобов отвечает: «Партия. Большевики»²⁵⁹. Бьются «товарищи партизаны» вместе с рабочим классом Дальнего Востока «за вольный народ, за Советскую власть»²⁶⁰. Пеклеванов (вовсе не гимназист и не бывший офицер) живет «по указаниям партии, по указаниям Ленина», даже с «дорогой, замечательной» женой он беседует о том, что «всегда нужно помнить о Ленине»²⁶¹. Никакой «белой гвардии» здесь нет, а присутствует семья Незеласова, впечатление о которой можно составить уже по началу первой картины. Если в редакции 1927 г. героев окружали цветы: «Веранда цветочного магазина, дверь внутрь открыта, видны громады цветов, пальмы», звучали «радостный звон колоколов» и солдатская песня «Соловей, соловей, пташечка...» (101), то в редакции 1952 г. цветы отсутствуют, а вдоль стен стоят «широкие пустые полки, на которых везде валяются вставленные один в другой цветочные горшки с продырявленными донышками. <...> Изредка у витрины кто-нибудь остановится, посмотрит тупыми мертвыми глазами и затрусит дальше»²⁶² – которые, видимо, призваны подчеркнуть образ «ничтожных и никчемных <...> людей, еще пытающихся быть хозяевами жизни», «беснующегося стада, которое метла революции мела и сбросила в море...»²⁶³. Так о них напишет в режиссерском комментарии И. Судаков. Эти люди не

²⁵⁸ Иванов В.с. Бронепоезд 14-69 [Пьеса. В 4 действиях]. С. 40.

²⁵⁹ Иванов В.с. Бронепоезд 14-69. Пьеса в 4-х д., 8-ми карт.: Новая редакция. М.: Искусство, 1952. С. 37.

²⁶⁰ Там же. С. 36.

²⁶¹ Там же. С. 55.

²⁶² Там же. С. 5.

²⁶³ Там же. С. 76.

беспомощные щепки (Варя: «Я – щепка? <...> вы скоро услышите, что щепато эта строит вам дом и счастье»²⁶⁴), а злобные враги, с самого начала готовые на предательство. В первой же картине Варя говорит Незеласову: «Саша! Ты на пороге счастья! Союзники вспомнили твои подвиги. Разве генерал Спасский посылает тебя в тайгу? Американцы. Сибирь будет принадлежать не генералу Спасскому, а им. Помоги им раздавить партизан...»²⁶⁵ В итоге это и происходит, и, в отличие от первой редакции пьесы, где союзники предают Незеласова, не выполняя своих обещаний, здесь предателем становится он сам: «...я отдаю Россию американцам в колонию! Нет больше России! И не нужна она никому! <...> А сейчас я открою дверь, и во тьме и в тишине проберусь по насыпи к американцам»²⁶⁶. Напомним, что в первой редакции пьесы о России герой говорил иначе. После истерических слов о спасении Родины: «Мы недоступны! Мы разгромим...» – капитан хватался за голову и опускался на скамейку. А в ответ на реплику Обаба: «Лечиться надо, Александр Николаевич...» – отвечал: «Сталь не лечат. Я всю жизнь убежден был! И ошибся, оказывается. А об ошибке-то хорошо перед смертью, в старости догадаться...» (124). В редакции 1952 г. слова об ошибке отсутствуют.

В этой редакции пьеса и шла в театрах Советского Союза и за рубежом, начиная с 1950-х гг.

Работа над произведением «Бронепоезд 14-69» продолжалась и в 1950-е – начале 1960-х гг. 20 января 1955 г. Вс. Иванов и директор Киностудии имени А.М. Горького Г.И. Бритиков подписывают договор, срок сдачи сценария – не позднее 15 мая 1955 г.²⁶⁷. Текст, представленный автором 13 ноября, не раз дорабатывался, но экранизирован не был. За основу Иванов взял редакцию повести, опубликованную впервые в 1958 г. Трудно сказать, что было написано первым – сценарий или новая редакция

²⁶⁴ Там же. С. 12.

²⁶⁵ Там же. С. 13.

²⁶⁶ Там же. С. 50.

²⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 1088. Л. 3–4.

повести. Финал этого сценария напоминает заключительную сцену повести Иванова «Цветные ветра» (1922) и также акцентирует тему земли:

Легкий туман стелется над полями.

Он открывает поле, вспаханное и взбороненное. По полю, с лукошком зерна, идет Вершинин. На груди его два ордена. Ноги босы, штаны высоко закатаны. Лицо его счастливо. Он разбрасывает широко золотые зерна.

– Благодать – шепчет Вершинин²⁶⁸.

Трудно представить себе советский фильм 1955 г. о гражданской войне с подобным финалом.

Проходит почти десять лет, и Иванов, уже для киностудии Мосфильм, создает совершенно непохожий сценарий. Текст его хранится в РГАЛИ в фонде «Мосфильма». За четыре месяца до смерти, в апреле 1963 г., Иванов отослал сценарий в журнал «Простор» (Алма-Ата), где он был напечатан посмертно, с подзаголовком «киноповесть»²⁶⁹.

История неосуществившейся постановки этого фильма показательна. Когда в феврале 1963 г. киностудия «Мосфильм» предложила Иванову экранизацию «Бронепоезда», он откликнулся сразу: «...думаю, что нужно написать *новый* сценарий, по-творчески, по-новому отнестись к повести <...> как к делам давно минувшим, – в свете дня нынешнего»²⁷⁰. Заключается договор на «исполненный романтики фильм», который «будет напоминать о героических традициях коммунистической партии, руководившей народом в борьбе за осуществление социалистической революции» (из аннотации от 8 марта 1963 г.²⁷¹). Картина включается в Государственный план 1963 г.

24 апреля Иванов передает на киностудию готовый сценарий, в ответ получает письмо, подписанное художественными руководителями VI-го творческого объединения А.А. Аловым и В.Н. Наумовым и его директором П.М. Данильянцем. Оценив высокие достоинства сценария: «...много новых интересных эпизодов, таких как бегство Пеклеванова, пожар в тайге

²⁶⁸ Там же. Ед. хр. 1086. Л. 89.

²⁶⁹ Простор. 1965. № 3. С. 3–43.

²⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 4. Ед. хр. 2509. Л. 58.

²⁷¹ Там же. Л. 56.

(колокола), белогвардейский бал и т.д.», – авторы письма замечают: «Однако <...> рукопись <...> не соответствует требованиям, предъявляемым к киносценарию. <...> Перед нами, в сущности говоря, прозаическое произведение высокого качества...». Одной из главных причин несоответствия назван большой объем: 127 страниц вместо положенных 70–80 и 109 отдельных сцен и эпизодов вместо нужных 30, что удорожает стоимость фильма²⁷². Однако, судя по дальнейшим действиям киноработников, возникшие затруднения были связаны отнюдь не с объемом сценария, а с его содержанием. Без согласования с автором к работе над текстом привлечен литературный консультант М.Ю. Блейман, с ним заключен договор – как впоследствии признавались режиссеры, незаконный²⁷³. Под предлогом, что Иванову «не удалось преодолеть трудности экранизации своего же произведения»²⁷⁴, Блейман пишет свой сценарий, вставляя в текст новые сцены и убирая авторские. Начинаться фильм о Гражданской войне должен был, например, с разговора двух пьяных проституток: «Американцы не то, что японцы, они до баб охочие»²⁷⁵.

Главное же в будущем фильме, по Блейману, полнота изображения работы партийного Ревкома, в отличие от авторского образа «гражданской, преимущественно крестьянской войны». Линия ревкома усилена новыми эпизодами и персонажами. По сценарию Блеймана А.М. Файнциммер делает режиссерский сценарий. Однако Иванов его не принимает. Оскорбленный Блейман, не получивший положенных ему выплат, заваливает киностудию письмами с обвинениями и требованием денег. Опасаясь скандала, сотрудники «Мосфильма» поручают Файнциммеру вернуться к авторскому варианту, над которым работает тяжело больной Иванов. Наконец, в июне сценарий одобрен автором, утвержден и начинаются съемки, которые ровно через месяц останавливаются приказом Генерального директора киностудии

²⁷² Там же. Л. 36–37.

²⁷³ Там же. Л. 16.

²⁷⁴ Там же. Ед. хр. 2500. Л. II

²⁷⁵ Там же. Л. 1.

«Мосфильм» В. Зурина: «Работа <...> была непозволительно затянута <...>. Привлечение <...> литературного консультанта без согласования с автором сценария привело к осложнениям <...> Нереально сдать картину в 1963 г.» Данильянцу и Файнциммеру объявлены выговоры, съемочная группа временно расформировывается²⁷⁶. Предполагается возвращение к съемкам в ноябре, но 15 августа умирает Иванов, а его вдова выдвигает «категорический протест <...> против того, чтобы режиссер-постановщик А. Файнциммер продолжал работу над фильмом <...>, а также против приглашения каких-либо авторов для доработки литературного материала, представленного покойным Вс. Ивановым»²⁷⁷.

Причина, по которым фильм по сценарию Иванова не был снят, отчасти кроется в оттепельной установке на подачу историко-революционного материала в искусстве. Характеризуя фильм-трилогию о Максиме Г. Козинцева и Л. Трауберга, М. Блейман особенно отмечал фильм «Выборгская сторона», который, в отличие от большинства фильмов об Октябре, завершающихся моментом взятия власти, рассказывает о дальнейшем «рождении пролетарского государства»: «Ему мешают <...> и учредительное собрание, вокруг которого группируются силы контрреволюции, и военные заговорщики, <...>, и бандиты...»²⁷⁸. Мало того, что «силы контрреволюции», верящие в Учредительное собрание, в сценарии Иванова оказались на первом плане, они еще и представлены были не так, как того требовали идеологические установки времени.

Центральная сюжетная линия «Бронепоезда 14-69» – захват крестьянской армией белого бронепоезда – в сценарии не изменилась, однако автор сократил количество персонажей – членов партийного Ревкома и ввел новых – представителей интеллигенции, среди которых были не только корыстные «бандиты», но и настоящие русские офицеры, имевшие свою «правду», пусть и опровергнутую историей. Это Блак, Кемизов и Пылеев –

²⁷⁶ Там же. Ед. хр. 2509. Л. 67.

²⁷⁷ Там же. Л. 2.

²⁷⁸ Блейман М. Революционное прошлое живет. Заметки киносценариста // Искусство кино. 1963. № 6. С. 23.

«офицеры, друзья Незеласова» (144). По-другому, чем в пьесе, показано и религиозное движение – создание дружин Святого Креста, на которые летом и осенью 1919 г. адмирал Колчак возлагал большие надежды. В текст сценария введен образ священника Серафима Полонского, «зачисленного в дружину святого креста» и обязанного отправиться в город, но желающего, вместо этого, остаться в действующей армии, «сражаться, а равно наставлять молодых крестоносцев» (174). Наконец, вводится еще один новый мотив. Отец невесты Незеласова Вари становится редактором газеты «Белое знамя» (ни в одной из предшествующих редакций «Бронепоезда» ни о какой газете речь не шла), а сама Варя – секретарем редакции и поэтессой.

«Белая» интеллигенция в сценарии по-прежнему неоднородна. Есть командующий, генерал Спасский, для которого «истинные сыны России» (176) – малопонятные слова, лавирующий между союзниками и «неудобным» капитаном Незеласовым и при известии о победе восстания в городе торопящийся на пароход в Йокогаму. Есть лже-крестоносцы, грабящие богатого «гуся» и мечтающие часть денег отдать «папе и маме», другую – «епископу Макарию на дружины святого креста», а третью потратить на «кутежи, когда займем Москву» (188). Но есть и наивные юноши, вроде Сережи, вступившие в дружины Святого Креста и погибающие «за Русь Святую», как читатель узнает из текста. «Старинные русские восьмиконечные белые кресты» (201) нарисованы на вагонах белого бронепоезда, те же «восьмиконечные кресты на шапках и на груди» были осенью 1919 г. у отправляющихся добровольцами в армию крестоносцев²⁷⁹.

Те, против кого они воюют, – крестьянская армия Вершинина, рабочие и ревком во главе с Пеклевановым – в этой редакции «Бронепоезда» тоже представлены как русские люди, и это подчеркнуто автором. По-иному, чем в предыдущих редакциях, дан в сценарии «Бронепоезд 14-69» образ Пеклеванова. Прежде всего отметим, что он абсолютно лишен авторской иронии. Впервые Пеклеванов назван «народным комиссаром» (так о нем

²⁷⁹ Смотр дружинам Святого Креста // Наша газета. 1919. 21 сент. С. 2.

говорят партизаны), реально действующим (агитирует солдат в крепости). Мотивы его деятельности обозначены очень конкретно: слова о «великом мире труда и коммунизма», к которому надо стремиться, сохранены Ивановым, но первые серьезные слова героя при его появлении в тексте – о другом: «Воевать надо, иначе родину отнимут» (159). В его речи, адресованной солдатам крепости, слова «Октябрь», «Россия» и «родина» стоят рядом: «Я пришел для того, чтобы вы могли помочь приближению Октября, помочь уничтожению интервентов и буржуазии! Помочь и словом и делом России, нашей родине» (172). Думается, здесь сказалось то понимание преемственной связи исторической России с Советским Союзом, к которому пришел Иванов во время Великой Отечественной войны и о котором писал в рассказах и повестях книги «На Бородинском поле» (1943) и в статье «Русский народ – опора славянства», опубликованной в журнале Всеславянского комитета «Славяне». Рассматривая события истории XIII в. – неудавшийся «объединенный план татар и тевтонов <...> уничтожить русских», приводя высказывания чеха Яна Коллара, словака Людвиг Штура и других славянских историков и философов, Иванов приходит к выводу: «Новая, Советская Русь приняла на себя и все те благородные и высокие задачи, которые несла Россия в лице ее лучших сынов и мыслителей, в лице ее лучших воинов и героев. И не только приняла, но и приумножила»²⁸⁰. Мысль о преемственной связи исторической России и Советского Союза в сценарии 1963 г. как бы заслоняет собой центральную для «Бронепоезда» 1920-х гг. идею «мужицкой революции». И хотя белый бронепоезд по-прежнему остановлен «всем мужичьим телом, всеми волостями, уездами, селами» (202), власть земли здесь показана иначе, чем в повести и пьесе. Родная земля в сценарии – это не только мужицкое поле, но вся Россия, которую защищает и крестьянский богатырь Вершинин (введенная в текст новая сцена, где Вершинин на руках переносит через реку испугавшегося коня, еще больше подчеркивает его былинную силу), и член ревкома матрос

²⁸⁰ Славяне. 1944. № 6. С. 3–5.

Хмаренко («...вон их сколько, разных-то народов сюда понаехало. Думают, Расея муравейник, пхнем солдатским сапогом, она и рассыплется. Разевай рот шире» – 158), и вся народная армия.

Авторский голос в тексте сценария и наиболее значимые мысли, вложенные в уста разных персонажей, по замыслу Иванова, должны были передаваться «дикторским текстом». Так даны, например, не произнесенные вслух размышления Незеласова о союзниках, мечты Вершинина о встрече с семьей и важным для него человеком – Пеклевановым, сомнения генерала Спасского и его попытки понять, кто же такие «истинные сыны России», и др. Ближе к финалу – авторские слова о международной солидарности трудящихся, о легендарной храбрости Пеклеванова. На фоне последних, исполненных восхищения и веры в «светозарный восход», некоторым диссонансом звучит невеселая дикторская реплика об идущей Гражданской войне и своеобразном символе ее – бронепоезде 14-69 (обозначена полужирным шрифтом):

На бронепоезде – красный флаг.

На стенах вагонов намалеваны старинные русские восьмиконечные белые кресты.

А внутри крики:

– Сдавайся, белая сволочь!

– Иди к черту, красная скотина!

<...> Идет он уже от станции к станции, прямо к городу, и все вокруг дивятся, хотя немало дивного уже видывали за последние месяцы. Флаг – алый, кресты – белые, а внутри – пальба и смерть, потому что время от времени из окон выбрасывают трупы, а то вдруг вылетит шальная граната и разорвется на путях.

Странна твоя дорога, бронепоезд 14-69 (202).

Надо ли говорить, что все названные образы и размышления интеллигенции были сняты при редактировании сценария или переделаны. Незеласов в сценарии Блеймана предает родину американцам и японцам: «Пусть владеют Россиюю. Нет ее больше, и не нужна она никому»²⁸¹. Варя уезжает с американцем на корабле «союзников». В режиссерском сценарии

²⁸¹ РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 4. Ед. хр. 2500. Л. 90.

отношение интеллигенции к родине столь же оскорбительное: Варе Файнциммером передоверены цитированные выше циничные слова о России генерала Спасского²⁸², а к реплике Незеласова еще добавлено: «Забирайте ее!.. Американцы, японцы! И вы, красная шваль!..»²⁸³

В контексте установки на приоритет классового над национальным, заданной Н.С. Хрущевым в докладе на Пленуме ЦК КПСС 29 июня 1963 г.²⁸⁴, фильм с такими смысловыми акцентами, очевидно, не мог быть показан на советских экранах.

Начиная в феврале 1963 г. работу над очередной редакцией «Бронепоезда 14-69», Вс. Иванов как будто знал, что она будет последней. 19 апреля 1963 г. датирована запись в его дневнике:

Пробую писать Бронепоезд, пробую, преодолевая не то чтоб усталость, а нехотенье. Все-таки в нашей работе самое главное – ожидание, а тут теперь чего ждать? И раньше-то не ахти сколько перепадало, а теперь... Хотя, исторически, это хорошо: путь должен где-то кончаться²⁸⁵.

Высказанные в сценарии «Бронепоезд 14-69» 1963 г. мысли Иванова о преемственности исторической и современной России, о Гражданской войне, трагедия которой была в том, что одни русские люди по-разному, но искренне стремились защитить будущее России, а другие, часто тоже русские люди, в это же время думали о своей выгоде и смотрели за ее пределы; об ответственности, которая лежит на интеллигенции, виновной в развязывании Гражданской войны; о причинах победы Советской власти и народной армии, которая воевала за свою землю-страну против интервентов, стали неким итогом его творческого пути. Пути, совпавшего с одним из самых трагических периодов русской истории XX века.

1.4. Творческая история книги Иванова «Тайное тайных».

«Говорят, мать из всех своих детей наиболее любит самого уродливого.

²⁸² Там же. Ед. хр. 2501. Л. 106.

²⁸³ Там же. Л. 89–90.

²⁸⁴ Литературная газета. 1963. 29 июня. С. 2.

²⁸⁵ *Иванов Вс.* Дневники. С. 454.

Если верить критике, самой уродливой моей книгой была “Тайное тайных”, – и я очень любил ее»²⁸⁶, – писал Вс. Иванов в «Истории моих книг». Опубликованная в конце 1926 г., она подверглась разгромной, истребительной критике, обвинившей писателя в грехах буржуазности, фрейдизма, мистицизма, есенинщины и т. п., и никогда больше не переиздавалась.

В 1970–1980-е гг. в филологической науке определились две основные трактовки книги «Тайное тайных», восходящие к полемике 1920-х гг. В обстоятельных работах наиболее авторитетных исследователей творчества Иванова, Л.А. Гладковской и Е.А. Краснощековой, главная – крестьянская – тема «Тайное тайных» представлена почти в духе первых советских десятилетий. Краснощекова рассмотрела книгу Иванова в одном ряду с произведениями других писателей 1920-х гг. о пореволюционной деревне («Трансвааль» К. Федина, «Барсуки» и «Необыкновенные рассказы о мужиках» Л. Леонова), которые, по ее словам, на основании «впечатлений сильных, но во многом неглубоких (процесс изменения деревни не останавливался ни на минуту))» дали облик «консервативной, “ощетинившейся” (в направлении всего нового) и “заснувшей” деревни»²⁸⁷ (курсив везде наш). Примерно так же писала о «Тайное тайных» и Гладковская: «...большинство героев <...> связано с деревней, но специально проблемами послереволюционной деревни со всеми ее вопиющими социальными противоречиями, многоукладностью писатель не занимается. В крестьянской среде его сейчас интересуют люди, жизнь которых в большой степени подчинена физическим импульсам, чем духовному началу. Это как бы вариант “примитивного” человека, стихийного, с неразвитым сознанием, без твердой нравственной опоры»²⁸⁸. На чуждость «Тайное тайных» традиционной крестьянской культуре указывала исследователь фольклорных корней творчества Иванова

²⁸⁶ Иванов Вс. История моих книг // Наш современник. 1958. № 1. С. 159.

²⁸⁷ Краснощекова Е.А. Художественный мир Всеволода Иванова. С. 143.

²⁸⁸ Гладковская Л.А. Жизнелюбивый талант. С. 100.

Л. Пудалова: «В произведениях второй половины 1920-х годов (сборник рассказов “Тайное тайных” и другие) стилевые искания Вс. Иванова лежат в стороне от фольклора»²⁸⁹.

В работах названных исследователей, а также М. Минокина, В. Бузник, В. Кампанейца и др. на первый план выходили психологические, а иногда сексуально-патологические аспекты, также восходящие к обвинениям критиков 1920-х гг. Кампанеец, например, так прочитал книгу «Тайное тайных»: «...почти во всех рассказах этого цикла сменяемостью мыслей и чувств действующих лиц движут не столько те или иные сигналы внешнего мира, социальной действительности, сколько неуловимые и необъяснимые импульсы бессознательного, выраженного в самых различных формах: в виде биологического инстинкта жизни и смерти, эротических побуждений и т. п.»²⁹⁰. Подобная трактовка возобладала и в исследованиях 1990–2000-х гг. Г.А. Белая, в ключе концепций группы «Перевал», отмечала в «Тайное тайных» Иванова «акцент на *общечеловеческих* чувствах <...> персонажей, на их непознанности и вязкости»²⁹¹, упрекая при этом автора в «гипертрофии физиологии»²⁹². Не был услышан тогда голос Вяч.Вс. Иванова, казалось бы задавшего новое направление исследования книги «Тайное тайных»: «В рассказах этого цикла Иванов попытался глубже проникнуть в психологию своих героев, соединив приемы традиционной новеллистики, перенятые у его любимых прозаиков – Чехова и Бунина, и оригинальность ему одному присущего взгляда на мир и поэтических образов, выявлявших подспудные чаяния и метания героев»²⁹³. В начале XXI в. Р.М. Ханинова художественные достижения писателя увидела в раскрытии психо- и сексопатологии: «Вытеснение любви ненавистью вызвало у Тимофея [герой

²⁸⁹ Пудалова Л.А. Проза Всеволода Иванова и фольклор. С. 68.

²⁹⁰ Кампанеец В.В. Художественный психологизм в советской литературе (1920-е годы). Л.: Наука, 1980. С. 82.

²⁹¹ Белая Г.А. Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений: синкретическое исследование русской литературной критики и эстетики 20-х годов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. С. 409.

²⁹² Там же. С. 410.

²⁹³ Иванов Вяч.Вс. О «Тайном тайных» Всеволода Иванова // Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том II. Статьи о литературе. С. 513.

рассказа «Жизнь Смокотинина. – Е.П.] деструкцию деяния – неудачную попытку убийства Катерины (выстрел в плечо), а затем деструкцию деструктивного – собственное разрушение нарушенной жизни»²⁹⁴. Сходная трактовка дается и в современных справочных изданиях: так, библиографический словарь «Русские писатели 20 века» представляет книгу «Тайное тайных» как сборник, «отмеченный сосредоточенностью на биологическом начале человека»²⁹⁵.

Подобная интерпретация «Тайное тайных» приводила к тому, что фактически исключалась связь книги с породившей ее эпохой жизни Советской России 1924–1926-х гг. и реалиями периода нэпа. В 2007 г. по инициативе член-корр. РАН Н.В. Корниенко началась работа по подготовке «Тайное тайных» к изданию в серии РАН «Литературные памятники». Без этой работы настоящее исследование не могло бы состояться. В процессе подготовки издания были просмотрены страницы периодики 1925–1926-х гг., где публиковались вошедшие в книгу рассказы; сопоставлены разные варианты, показывающие работу писателя над текстом, выявлены сквозные темы и мотивы, написан реальный комментарий. Изучение новых документальных архивных материалов, проясняющих историю создания книги, дало основание для нового понимания «Тайного тайных». «История книги Вс. Иванова “Тайное тайных” в литературной жизни XX–XXI вв. – отдельная и, может быть, не только филологическая проблема, – отмечает Л.П. Якимова. – Вышедшая в свет в 1927 г., сегодня она предстает как объект и переиздания на основе восстановленного авторского текста, и новой научно-исследовательской рецепции»²⁹⁶.

Опора исследователей на поздние, во многом вымышленные воспоминания Иванова «История моих книг» (1956) привела к тому, что многие факты его биографии предстали в искаженном свете. Это относится и к 1923–1926 гг. – началу московского периода его творчества, главным

²⁹⁴ Ханинова Р.М. Поэтика малой прозы Всеволода Иванова: психологический аспект. С. 22.

²⁹⁵ Русские писатели 20 века: Биографический словарь. С. 299.

²⁹⁶ Якимова Л.П. «При жизни произведен в классики». С. 121.

художественным достижением которого стало «Тайное тайных». На основании выявленных в последние годы документов постараемся реконструировать этот период биографии писателя.

Сначала никакого постоянного дома у Иванова в Москве не было: он живет в общежитии газеты «Правда» в Брюсовом переулке, в комнате Л. Шмидта – секретаря журнала «Прожектор». В этом же доме находилась квартира Г. Бениславской, где некоторое время жил С. Есенин. Несколько раз Иванов меняет место жительства, наконец, устраивается в одной из комнат издательства «Круг» (Б. Успенский пер., д. 5, кв. 36). Лишь осенью 1925 г. хлопотами Анны Павловны Ивановой-Весниной, жены писателя в период с 1922 по 1927 гг., семья получает квартиру на Тверском бульваре, 14.

Московская жизнь Вс. Иванова протекает в двух измерениях: внешняя – веселая, шумная и внутренняя – иная, черты ее запечатлелись в произведениях и письмах этого времени.

В 1980-е гг. сложилось представление, что Иванов приехал в Петроград, а затем в Москву робким учеником, чувствовавшим себя младшим в «молодой, но уже великой Советской литературе»²⁹⁷, не понимающим происходящего вокруг. Письма Иванова в «Красную новью» и «Круг», рассказывают нечто иное. Так, достаточно дерзкое письмо от 19 августа 1923 г. в издательство «Круг» по поводу повести «Возвращение Будды» дает ясное представление о том, что Иванов приехал в Москву уже состоявшимся писателем, уверенным в себе, знающим, что его будут издавать и что ему будут платить: «Что значит – “будет принято”? Я и без вас знаю, что будет принято – или Вы намерены меня, как Буданцева, скажем, редактировать. Бросьте. <...> Нужен я Вам или нет? – иначе идите Вы ко всем чертям со своей вашей волынкой»²⁹⁸. К этому времени у Иванова уже сложились отношения с влиятельным Воронским, с которым он ведет переписку об издании своих произведений в Москве. Действительная

²⁹⁷ Иванов Вс. История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 151.

²⁹⁸ Архив А.М. Горького. П-ка Кр. Новь. 1-27-1.

московская литературная жизнь, в гуще которой оказался в 1923–1925 гг. писатель, далеко не всегда совпадала с тем, как она была представлена им более 30 лет спустя.

Например, Иванов пишет в «Истории моих книг»:

Мы часто собирались у Воронского в его двойном номере гостиницы «Националь», называвшейся тогда не то первым, не то вторым Домом Советов. Купив вскладчину бутылку красного вина, мы за этой бутылкой просиживали целый вечер, широко и трепетно разговаривая о литературе. Здесь читал Есенин свои стихи, Пильняк – «Голой год», Бабель – «Конармию», Леонов – «Барсуки», Федин – «Сад», Зощенко и Никитин – рассказы. Сюда приходили друзья Воронского, старые большевики и командармы – Фрунзе, Орджоникидзе, Эйдеман, Грязнов²⁹⁹.

Или вспоминает вечер в издательстве «Круг», где А. Фадеев, Д. Бедный, В. Маяковский, Д. Фурманов, Б. Пильняк, А. Толстой, Б. Пастернак, А. Безыменский дружески обсуждают вопросы искусства и слушают стихи Есенина³⁰⁰.

Реальные картины жизни московских литераторов отнюдь не были столь идиллическими: за «трепетными» разговорами о литературе зачастую стояли конкретные политические причины и цели. Опубликованные в последнее десятилетие документы свидетельствуют, что стремление попутчиков к объединению наиболее талантливых московских и петроградских писателей, реализовавшееся летом 1922 г. в создании артели писателей «Круг», было вызвано идеологическими задачами³⁰¹. В протоколе первого заседания «Комиссии по организации поэтов и писателей в самостоятельное общество» от 11 июля 1922 г., на котором присутствовали Я.А. Яковлев – зам. Заведующего Агитпропа, Н.Л. Мещеряков – председатель редакционной коллегии Госиздата и Воронский, записано, что «учет писателей будет носить отчасти и политический характер»³⁰².

²⁹⁹ Иванов В. История моих книг // Наш современник. 1958. № 1. С. 157.

³⁰⁰ Там же // Наш современник. 1957. № 3. С. 148–150.

³⁰¹ См.: Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: Демократия, 2002. С. 36–42.

³⁰² К истории «артели» писателей «Круг» / публ. К. Поливанова // De visu. 1993. № 10. С. 7. Подробнее см.: Динерштейн Е.А. А.К. Воронский: В поисках живой воды. М.: РОССПЭН, 2001. С. 101–120.

Известно, что Иванова, как «беспартийного, но советски настроенного», Сталин в письме в Политбюро от 3 июля 1922 г. предлагал поставить во главе общества, создававшегося для «завоевания близких к нам молодых поэтов путем материальной и моральной их поддержки»³⁰³. В архиве Иванова сохранились записи, рассказывающие о начале его работы в «Круге»:

Я получил телеграмму за подписью Каменева, который предлагал мне приехать в Москву. Я не знал никакого Каменева и, пожав плечами, отложил телеграмму в сторону. Через несколько дней была получена вторая телеграмма, в которой говорилось, что дорога будет оплачена, а гостиница предоставлена. И вспомнил, что есть какой-то видный военный с фамилией Каменев. Я пришел к Федину, который сидел в своей неизменной комнатке Государственного издательства и правил какую-то рукопись. Я показал ему телеграмму и сказал:

– Какой-то Каменев телеграммы шлет, не объясните ли Вы?

Он рассмеялся и сказал:

– Да ведь это председатель Моссовета. Он мне тоже прислал телеграмму.

Так возникло издательство «Круг»³⁰⁴.

Датировать этот фрагмент можно приблизительно июлем 1922 г.: 7 июля Каменеву было поручено «представить в Политбюро предварительный набросок плана» создаваемого художественного издательства³⁰⁵. На заседании 11 июля 1922 г. имя Иванова было названо среди предполагаемых членов организационного бюро создаваемого общества – будущего «Круга» (вместе с Н. Асеевым, А. Воронским, А. Толстым, Б. Пильняком и др.) как представителя от группы «Серапионовы братья». Из серапионов должны были также войти К. Федин, Н. Никитин, Е. Полонская³⁰⁶. Для писателей цели «Круга» не остались непонятными. «В Москве есть “Круг” – для “заманки” (мужики у нас зовут

³⁰³ Цит. по: Власть и художественная интеллигенция. С. 38.

³⁰⁴ Архив Вс. Иванова.

³⁰⁵ Власть и художественная интеллигенция. С. 40.

³⁰⁶ См.: De visu. 1993. № 10. С. 7–15.

“кругом” облаву)»,³⁰⁷ – писал И.С. Соколов-Микитов Я.С. Яценко 25 декабря 1922 г.

Еще одна неопубликованная запись писателя озаглавлена: «Перед “Кругом”. Чтение “Дите” на даче Каменева». Из присутствующих указаны Сталин, Дзержинский, Енукидзе, скрипач Блиндер, пианист Шор. На том же листе ниже написаны фамилии: «А. Воронский, Пильняк, Федин, Никитин»³⁰⁸. В целом эти документы еще нуждаются в прояснении и комментировании.

В архиве Иванова также отложились записи, передающие его подлинное отношение к ситуации в литературе начала 1920-х гг., которые не вошли в дважды опубликованный текст «Истории моих книг»:

Я мог испытывать восхищение перед всеми этими замечательными писателями, которых я видел, но надо было здраво смотреть на вещи. <...> Это, быть может, был из тех последних счастливых дней, когда на литературу можно было смотреть с восхищением.

Есть поговорка: «не один кулак бьет, а бьет и козырь». Эти люди готовились бить и кулаком, и козырем. Кулак известно что такое, и особенно уж его описывать нет надобности, а козырем в их руках являлась та идейная якобы чистота, прямота, которая была свойственна только им, которой другие не хотели понимать и, следовательно, подлежали удару кулака. Эти блюстители принесли основательный вред литературе, но, повторяю, мы этого тогда никак не понимали³⁰⁹.

В том, что действительно не понимали, позволим себе усомниться. Подпись Иванова стоит под знаменитым документом 1920-х гг. – письмом писателей-попутчиков в отдел печати ЦК РКП (б) от 9 мая 1924 г.³¹⁰ Признавая, что «пути современной русской литературы, – а стало быть и наши, – связаны с путями Советской, пооктябрьской России», – писатели заявляли: «Но мы протестуем против огульных нападок на нас. Тон таких

³⁰⁷ Цит. по: *Пильняк Б.* Письма: в 2 т. / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. К.Б. Андроникашливи-Пильняк и Д. Кассек. Т. 2: 1923–1937. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 10. Об отношении Пильняка к «артели» см., напр., его письмо к Воронскому от конца сентября 1923 г. // *Пильняк Б.* Указ соч. Т. 2. С. 97–98.

³⁰⁸ Архив Вс. Иванова.

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ Письмо подписали: И. Бабель, М. Волошин, С.Есенин, М. Зощенко, С. Клычков, О. Мандельштам, М. Пришвин, Б. Пильняк, Н. Тихонов, А. Чапыгин и др. Текст письма был написан Б. Пильняком (подробно см.: *Пильняк Б. А.* Письма. Т. 2. С. 158–163).

журналов, как “На посту” и их критика, выдаваемые притом ими за мнение РКП в целом, подходят к нашей литературной работе заведомо предвзято и неверно. Мы считаем нужным заявить, что такое отношение к литературе не достойно ни литературы, ни революции и деморализует писательские и читательские массы»³¹¹.

Приведем также ироническую реплику Иванова о происходящем в московской литературной среде полгода спустя из письма К. Федину от 11 января 1925 г.:

Собрались тут пролетарские писатели со всей России. Напостовцы нагнали на всех такого страху, что аж Луначарский потек с докладом. Пильняк, трепеща сердцем, отправился взглянуть – действительно ли так страшно.

А мне скучно, я сижу дома и играю с женой в подкидного дурака и убежден, что никаких пролетарских писателей нет и не будет.

Да и все в этом убеждены, а в дурака играют другими мастями³¹².

Маска ироничного наблюдателя, сохраняющего независимость от власть предержащих, характерна для писем Иванова 1922–1923 гг. двум его постоянным корреспондентам – А.М. Горькому и К.А. Федину. Но уже письма 1924 и особенно 1925 г. этим же адресатам показывают, как постепенно менялся взгляд молодого писателя и на смену иронии приходили тяжелые, невеселые раздумья. Вот еще в январе 1923 г. Иванов так комментирует свое пропавшее письмо к Горькому: «...я там восторженные разные штуки о молодежи писал <...>: рабфаки там и прочее. Ежели читали, особо не верьте, я и сам теперь многому из написанного не верю»³¹³. И здесь же задает присокровенный вопрос: «Может, в эпоху широких замыслов надо человеку создавать маленькое?»³¹⁴. Однако в целом все пока благополучно. Иванов собирается за границу. Рассказывает Горькому о своих приятелях – В. Шкловском, Б. Пильняке. Именно они, а также И. Бабель и Л. Леонов, составляют в начале московского периода его круг общения. С Пильняком он

³¹¹ К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. М.: Красная новь, 1924. С. 106–107.

³¹² *Иванов Вс.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. С. 590.

³¹³ *Иванов Вс.* Переписка с А.М. Горьким. С. 16.

³¹⁴ Там же. С. 17.

редактирует стихи и прозу, присылаемые в издательство «Круг», выступает на вечерах, путешествует. В марте 1924 г. писатели совершают поездку по южным городам России с лекциями, правда, очень скоро ее приходится прервать из-за бегства импресарио. С В. Шкловским «делает», как это говорили тогда в среде формалистов, авантюрно-приключенческий роман «Иприт» (1924). Но уже в письмах Горькому конца 1924 г. появляются новые, тревожные ноты: «Живут людишки скудно, тесно и грязно. Я к человеческому горю привык, но такое ненужное горе даже и меня пугает»³¹⁵ (4 декабря 1924 г.); «В Москве совершенно работать нельзя. Телесно я совершенно здоров, но чувствую себя больным»³¹⁶ (7 октября 1925 г.). «Я все собирался за границу, а Россия манит да манит, – возьму, глядишь, и уеду в какой-нибудь городишко. Жизнь теперь необычайно сложная, очень лживая и часто пустая»³¹⁷ (30 ноября 1925 г.).

Все чаще в письмах 1924–1925 гг. появляется имя человека, ставшего тогда, по признанию самого Иванова, самым близким, – Сергея Есенина. Впоследствии в неоконченном «портрете» Есенина, предназначенном для цикла «Портреты моих друзей», Иванов вспоминал: «Я переехал в Москву. Почему-то мне кажется, что в первые же дни своего приезда познакомился с Есениным»³¹⁸. Судя по «Летописи жизни и творчества С.А. Есенина», это могло произойти 10 ноября 1923 г.³¹⁹ Мемуарная литература, созданная после смерти поэта, представляла самого Есенина и его ближайшее окружение в виде сумасбродов и буянов нэпманской Москвы: драки, пьянство, кутежи. Так, в воспоминаниях М. Ройзмана «Все, что помню о Есенине» можно прочитать о хулиганском походе в Малый театр Есенина и Иванова в апреле 1924 г. и учиненной ими там драке, за которую поэт был отведен в милицию,

³¹⁵ Там же. С. 21.

³¹⁶ Там же. С. 24.

³¹⁷ Там же. С. 28.

³¹⁸ *Иванов Вс.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. С. 297.

³¹⁹ Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. / гл. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. Т. 4. 3 августа 1923–1924. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 128.

а Иванов его «вызволял» оттуда³²⁰. В. Мануйлов вспоминал, как на квартире у жены Есенина Софьи Андреевны Толстой поэт рассказывал о своем детстве, И. Бабель передразнивал его, а Вс. Иванов дремал на диване после вчерашнего кутежа и затем заснул³²¹. И т.д., и т.п. Бесспорно, сама эпоха нэпа, да и молодость действующих лиц располагали к подобному веселому времяпрепровождению. Но бесспорно и то, что связывал Есенина и Иванова не только легкомысленный стиль жизни.

Весной 1924 г. рождались планы совместной издательской работы: Есенин предполагал привлечь Иванова к сотрудничеству в задуманном им журнале «Вольнодумец». А в марте 1925 г., как вспоминали В. Наседкин и сам Иванов, возник замысел еще одного совместного издания – литературного альманаха «Поляне» (в опубликованных воспоминаниях Иванова – «Москвитяне»), в состав редакции которого должны были войти С. Есенин, Вс. Иванов, И. Касаткин, В. Наседкин. «По замыслу Есенина, – вспоминал Наседкин, – альманах должен стать вехой современной литературы с некоторой ориентацией на деревню»³²². Понятно, почему Есенин видел в Иванове единомышленника и помощника в издательских делах: близким было понимание современной литературы и ее задач.

Ярким свидетельством внимания Есенина к творческим поискам Иванова являются размышления поэта в неоконченной статье, условно озаглавленной публикаторами: «О писателях-“попутчиках”» (1924):

Про Всеволода Иванова писали тоже достаточно как в русской, так и в заграничной прессе. Его рассказ «Дите» переведен чуть ли не на все европейские языки и вызвал восторг даже у американских журналистов, которые литературу вообще считают, если она не ремесло, пустой забавой. Об Иванове установилось мнение как о новом бытописателе сибирских и монгольских окраин. <...> В рассказах его и повестях, помимо глубокой талантливости автора, на нас веет еще и географическая свежесть. Иванов дал Сибирь по другому рисунку, чем его предшественники Мамин-Сибиряк, Шишков и

³²⁰ С. Есенин в воспоминаниях современников. В 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. Т. 1. М.: Художественная литература, 1986. С. 394–395.

³²¹ Там же. С. 184–185.

³²² *Наседкин В.* Последний год Есенина. М.: Никитинские субботники, 1927. С. 18.

Гребенщиков, и совершенно как первый писатель показал нам необычайную дикую красоту Монголии. Язык его сжат и насыщен образами, материал его произведений свеж и разносторонен. Наряду с своими рассказами и повестями он дал ряд прекрасных алтайских сказок³²³.

Не без диалогов с Есениным возникает тема национальной России в письмах А.М. Горькому: «...мне кажется, что литература наша в ближайшие годы будет сугубо национальной, не только по языку, как это происходит теперь, но и по духу. Я – о России. Пролетарская литература будет литературой чиновного человека. Ибо ее цель – борьба с капитализмом, а какой же у нас капитализм» (7 октября 1925 г.)³²⁴.

Близким было и видение многих реалий современной жизни. «Мне скучно в Москве, а уехать удастся не раньше 15-го, безденежье... и даже не то – безлюдье. <...> Москва наполнена нищими, бездомными и презрением»³²⁵, – писал Иванов Федину 2 июля 1924 г. О бездомных, главным образом бездомных детях, – одной из проблем Советской России 1920-х гг. – расскажут в своих произведениях оба писателя: Есенин – в стихотворении «Папиросники» (1923) и в поэме «Русь бесприютная» (1924), Иванов – в повести «Бегствующий остров» (1925).

На фоне общего отсутствия Дома, в его традиционном для русской культуры значении, Дома-очага, человек естественно еще больше ценит семью, близких людей. В архиве Иванова хранятся письма матери из сибирского села Лебяжье. В бесхитростных строках, написанных братом матери Вс. Иванова (Ирина Семеновна была неграмотной), предстают страшные подробности жизни сибирской деревни 1925 г.:

Сообщаю, что я и мое семейство здорово, а о житье своем и не буду писать, а одно лишь скажу, что пролетариату ни коня и ни возу. Что делать и как жить дай совет. <...> У нас житье хорошее лишь тем людям, которые имели состояние при Николае, а пролетария погибает, а почему, потому что это Гр<ажданская> война убила до конца пролетариат, а у

³²³ Есенин С. Полное собрание сочинений: в 7 т. 9 кн. Изд-е второе Т. 5. Проза / сост., подгот. текстов и коммент. А.Н. Захарова, С.П. Кошечкина, Е.А. Самоделовой, С.И. Субботина, Н.Г. Юсова; отв. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 244.

³²⁴ Архив А.М. Горького. КГ-П 30-1-13.

³²⁵ Государственный музей К.А. Федина. № 35853.

богатого все же таки осталось, и в настоящее время, как уладилась жизнь, они в пять раз стали богаче, а мы беднее, решившись [так в тексте. – *Е.П.*] последней клячи, ни запрячь и не выехать, а пеший не посеешь и не заработаешь³²⁶.

С болью пишет Ирина Семеновна о своих внуках. Первая дочь Иванова, которую крестили еще в Петрограде в 1921 г., умерла в 1922 г., в 1924 г. умерла вторая дочь; сын Юлий, родившийся летом 1925 г., прожил всего несколько месяцев. О смерти детей Иванов скупно сообщал Горькому. Можно представить себе, какой непростой была атмосфера в доме писателя.

В доме Есенина спокойствие и уют были столь же непрочными, как и в ивановском. По воспоминаниям сестры С. Есенина, А.А. Есениной, Иванов в 1925 г. был частым гостем в их доме, на квартире Галины Бениславской. Иванов позднее вспоминал:

Гонимый какой-то страстью он [Есенин. – *Е.П.*] ходил по знакомым из квартиры в квартиру всю ночь, читал стихи, пил, напивался, возвращался на рассвете, и в то же время сознание, как ни странно, не переставало работать. Много раз я был свидетелем, как он на краешке стола своим ровным почерком, точно вспоминая, без особой усталости, точно давно известное, записывал свои стихи. Записав стихотворение, он читал его иногда два-три раза подряд, как бы сам удивляясь самому себе. Тут он любил рассуждать, особенно об издательской деятельности. <...> К концу завтрака этот великолепный разговор кончался. Есенину приносили еще бутылку красного вина, он не спеша выпивал ее, и передо мной снова возникал тот «черный человек», который ночью так легко сливался с темнотою города³²⁷.

Ирония и бесшабашное веселье (или бесшабашное отчаяние) к концу 1925 г. все больше сменяются тоской. Особенно усилится она после смерти Есенина (декабрь), о которой ни одному из своих близких-корреспондентов, ни Горькому, ни Федину, Иванов ничего не напишет.

Внутреннее состояние Иванова почувствовали Л. Леонов и С. Буданцев, в то время также близкие, хотя и не в такой степени, как Есенин, ему люди. Леонов вспоминал о прощании с Есениным в Москве: «Мы стояли у гроба вместе: Всеволод Иванов, я и Сергей Буданцев. Молча

³²⁶ Архив Вс. Иванова.

³²⁷ С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 76.

мы спрашивали друг у друга глазами: “Как же это?..” Общительный Буданцев не выдержал, наклонился ко мне и шепнул: “Кто у нас следующий?” И поискав глазами, украдкой кивнул на Всеволода. У Иванова была тогда большая слава, завидная жизнь: денежно и шумно жил он тогда на Москве»³²⁸. Предчувствие каких-то трагических перемен в судьбе Иванова отразилось в словах Буданцева, не удививших Леонова и запомнившихся. Несмотря на большую славу и завидную жизнь, именно он мог бы стать следующим.

События 1923–1925 гг. не могли не отразиться в творчестве писателя. В 1923 г. Иванов заканчивает работу над своим первым крупным произведением – романом о гражданской войне в Сибири «Голубые пески». Роман, несмотря на восторженный, по воспоминаниям современников, отзыв Есенина³²⁹, расценивался в 1920-е гг. как творческая неудача автора. Так, Г. Горбачев отмечал: «Ряд <...> описаний, сказовых повествований, остранных диалогов, отступлений, связанных между собой довольно вялой и разорванной интригой и личностью героя, представляет собой композиционно неудавшийся роман Вс. Иванова “Голубые пески”»³³⁰. Причиной неудачи романа, по мнению Вяч. Полонского, стало появление «новых мотивов», знаменовавших «новые задачи» автора: «Именно в “Голубых песках”, где розовых красок еще было хоть отбавляй, впервые прозвучали пессимистические ноты. “А здесь каждый день – как рана. И плод ли созревший люди?”»³³¹. Пессимистических нот, если внимательно прочитать ранние произведения Иванова, было там уже достаточно много, но, пожалуй, впервые именно в романе «Голубые пески» с такой четкостью будет сформулирован дostoевский вопрос нового времени: «Все придется с

³²⁸ Цит. по: *Лысов А.* Березовый меридиан: Леонид Леонов и Сергей Есенин. Ульяновск: УлГТУ, 2005. С. 41–42.

³²⁹ *Грузинов И.В.* Есенин // С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 375.

³³⁰ *Горбачев Г.* Современная русская литература. С. 220.

³³¹ *Полонский Вяч.* Очерки современной литературы. О творчестве Всеволода Иванова // Новый мир. 1929. № 1. С. 222.

начала учить. Параллелограмм... ромб... И насчет смерти: убивать имеем право или нет... И насчет жизни»³³².

Тогда же, в 1923 г., выходит повесть «Возвращение Будды», о которой петроградская «Литературная неделя» напишет: «Вс. Иванов, формально примыкающий к “Серапионам” (сюжетникам), но идеологически не имеющий с ними ничего общего, написал удивительную для него психологическую повесть “Возвращение Будды”. Повесть эта вообще говорит о каком-то завершающемся крупном переломе в творчестве художника. <...> Живопись, сюжет и этнография, уходя, уступили место психологизму»³³³.

Однако путь к человеку у Иванова оказывался непростым. В 1923–1924-е гг. он много пишет в новых для себя жанрах: авантюрно-приключенческую повесть «Чудесные похождения портного Фокина», которую критики определили как вещь, сделанную по-Шкловскому; гротескную комедию «Алфавит», рассказы. На новые произведения писателя критика откликнется так: «...впечатление первых его вещей быстро смеркло: как будто он сразу же пошел со всех своих козырей, и на руках у него остались для дальнейшего одни двойки. <...> Всеволод Иванов, видно, все дальше отходит от прямой, подлинной – жизненной дороги – в закоулочек “писательства”». ³³⁴ А вот некоторые оценки «братьев». 7 мая 1924 г. Каверин пишет Лунцу: «Всеволод стал забулдыгой и пьет»³³⁵.

То, что переживал в 1923–1924 гг. Иванов, вероятно, можно было бы определить как творческий кризис. Некоторые критики русского зарубежья уже готовы были «похоронить» писателя. «Выдыхающимися» назвал Б. Пильняка и Вс. Иванова М. Осоргин³³⁶. Особенно резкие слова произнес об Иванове один из ведущих критиков русского зарубежья Г. Адамович. «Пять лет тому назад Всеволод Иванов считался самым талантливым из

³³² Иванов Вс. Голубые пески. М. ; Пг.: Круг, 1923. С. 168.

³³³ Литературная неделя. 1923. № 1. С. 2.

³³⁴ Книга о книгах. 1924. № 78. С. 65.

³³⁵ Серапионовы братья в зеркалах переписки. С. 291.

³³⁶ Осоргин М. Российские журналы // Современные записки. 1924. № 22. С. 426.

“Серапионов”, – в 1926 г. писал Адамович в статье «Три прозаика». – Надежд Всев. Иванов не оправдал, и это признают самые горячие его поклонники. <...> Хоронить его как писателя еще рановато. Но его новые вещи кажутся каждый раз все более разжиженными, все менее значительными».³³⁷ Последние книги писателя: повести «Чудесные похождения портного Фокина» и сборник рассказов «Гафир и Мариам», по мнению Адамовича, по сравнению с первыми рассказами «тусклее и мертвеннее». В целом приговор выносился весьма суровый: Всеволод Иванов «не писатель, а “описатель”, не художник, а только декоратор»³³⁸. Более снисходительным по отношению к Иванову оказался Д.П. Святополк-Мирский. Характеризуя молодых писателей в статье «О нынешнем состоянии русской литературы» и последовательно оценивая творчество Л. Леонова, М. Зощенко и других, критик выделяет группу «талантливых бытописателей, более или менее погубленных успехом, некультурностью и пр.»: Б. Пильняка, Н.Никитина, Вс. Иванова: «Всеволод Иванов <...> самый талантливый и самый способный к тому, чтобы выбраться...»³³⁹.

Направление, в котором Иванов мог бы «выбраться», критики определили просто: на Запад и в город. В 1924 г. В. Шкловский выстраивал путь Иванова так: «Всеволод движется сейчас стремительно на запад – к сюжету, к Уэллсу, и это движение не случайно, а подготовлено с первых вещей»³⁴⁰. Близкую точку зрения высказывал критик русского зарубежья Р. Гуль: «Большому писателю В. Иванову надо идти в город, художественно воевать с ним, взять его в плен. Не знаем, что даст “Северосталь”. Может быть – победу?»³⁴¹.

Победу роман о городе Иванову не приносит. Несмотря на то, что отрывки из «Северостали» – фантастическом романе о производстве –

³³⁷ Звено. 1926. № 173. 23 мая. Цит. по: Адамович Г. Собрание сочинений. Литературные беседы: в 2 кн. / редкол. О.А. Коростелев и др. Кн. 1. «Звено» 1923–1926. СПб.: Алетейя, 1998. С. 474–476.

³³⁸ Там же.

³³⁹ Благонамеренный. 1926. № 1. С. 93.

³⁴⁰ Шкловский В. Современники и синхронисты // Русский современник. 1924. № 3. С. 235.

³⁴¹ Гуль Р. Всеволод Иванов // Литературная неделя (Литературное приложение к газете «Накануне»). 1924. № 81. С. 4.

появляются в периодической печати³⁴², работа идет трудно и вяло. 12 октября 1923 г. Иванов пишет из Ялты своему харьковскому знакомому, писателю и архитектору П. Жаткину: «Холодно тебе? А мне гнусно, не пишется, не купаюсь. Написал все же несколько рассказов, а роман кончать не хочется»³⁴³. Весьма жестко оценивает Иванов в 1925 г. «состряпанный» вместе со Шкловским авантюрный роман «Иприт»: «В эти месяцы, – пишет он Горькому 20 декабря 1925 г., – я убедился во многих простых истинах, <...> что – авантюрный роман сейчас России и русскому читателю – не нужен. <...> Жизнь, Алексей Максимович, у нас в России достаточно тяжела, авантюрный же роман <...> жизнь не украшает, не романизирует, что ли, а *обесмысливает*»³⁴⁴.

В том же письме он делился с Горьким замыслом еще одного романа – «Казачки». Исследователи творчества писателя не обратили особого внимания на этот факт его творческой биографии.

В процессе разыскательской работы в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН нами был восстановлен полный текст письма Иванова Горькому от 20 декабря 1925 г., в котором он делился замыслом будущего романа «Казачки»:

Кончаю я еще – в феврале, в конце – роман «Казачки» – если угодно, я пришлю его Вам в рукописи. Тема там приблизительно такова: казачья станица, разваленная войной, революцией – начинает подниматься... появляются то, что у нас сейчас в моде – «кулаки» (тоже беднота, так ведь, слово одно); в семьях от нервности, от неудовлетворения жизнью и оттого, что жизнь-то обещана, да и надеялись – хорошая, а она отвратительна – в семьях развал, самый пустяковый блуд – этикие, черт знает какие девки появились с алиментами, со стриженными волосами. Хозяйство если и налаживается, то как-то боком, будто у себя же воруеть.

³⁴² Из романа «Северосталь» // Красная новь. 1924. № 5. С. 44–62; Поповка (Отрывок из романа «Северосталь» // Рупор. 1924. № 6. С. 12–13; Из ЦК РКП (Отрывок из романа «Северосталь») // Зори. 1924. № 9. С. 2–3; Нарком в Париже (Гл. из романа «Северосталь») // Рабочий путь. Омск, 1924. 8, 10, 13 авг.; Автомобиль и человек (Отрывок из романа «Северосталь») // Зори. 1924. № 11. С. 1–2; Жена (Отрывок из романа «Северосталь») // Зори. 1924. № 12. С. 24.

³⁴³ РГАЛИ. Ф. 2576. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 9.

³⁴⁴ *Иванов Вс.* Переписка с А.М. Горьким. С. 13.

Рассказывая Горькому сюжетную линию: историю приемыша приходского старшины девки Маринки, одетой по случаю приезда епископа в уральский сарафан и превратившейся в красавицу из «старины», – Иванов пишет:

Дальше начинается соревнование казаков из-за нее: из-за погибающего идеала *матери и утешительницы* скорбей, тихой семьи, кротости. О ней создаются легенды, она гибнет зря, – не подняв и не венчав – былой – казацкой удали.

Мне хочется показать мужицкую тоску по семье, по дому, по спокойному хозяйству, – а на казаках мне это легче всего выявить, потому что они наиболее всех пострадали от войны и революции³⁴⁵.

Работе над романом предшествовала поездка Иванова на Урал, которая также нашла отражение в письмах Горькому: «Я проехал от “славного города Гурьева” до Уральска по Яику тысячу верст. <...> Хлеба же на расстоянии тысячи верст купить нельзя, потому – его там не едят»³⁴⁶.

К моменту написания нового романа изменилось отношение Иванова к организации повествования. Первый роман, «Голубые пески», созданный в стилистике начала 1920-х гг., с рваным, взвихренным ритмом, с размашисто очерченными фигурами казаков, не удовлетворил автора. Уже в тексте романа Иванов намечает для себя иной подход к материалу и иную стилистику: «Крестьянское сердце любит речь медленную, спокойную – так движется лошадь в полной клади. И как конь даже в буран найдет свой дом, так к скирдам, к пашням, к воде – внушительно, великоросло нужно двигать свое слово и дальше: о разбое, грабежах, белых виселицах, о мужицкой, вдогад, справедливости»³⁴⁷. Новый роман Иванов пишет с учетом и «очерков фронта» «У черты», запечатлевших эпизоды похода Сибирского казачьего войска.

В начале 1926 г. в первом номере журнала «Новый мир» печатается двухчастный рассказ «Яицкие притчи», видимо, являющийся фрагментом будущего романа, а впоследствии вошедший в книгу «Тайное тайных».

³⁴⁵ Иванов Вс. Тайное тайных. С. 327–328.

³⁴⁶ Там же. С. 322.

³⁴⁷ Иванов Вс. Голубые пески. С. 274.

Повествование строится как рассказ казачки Аграфены Петровны о своей семье («Про двух аргамаков») и семье Федосеевых из того же поселка («О казачке Марфе») и по сути представляет собой двухчастный плач о беде, пришедшей на родную землю. Первая часть – «Про двух аргамаков» – о двух братьях-казаках, Егоре и Митьше, геройски воевавших на германской войне и ставших врагами, когда «пришла наемднись воля», содержат знаковый для пореволюционной русской литературы сюжет и имеет истоки в том числе и в «очерках фронта»: «...у нас один брат своего расстрелял. <...> Попали в плен красные, пошли ребята смотреть, ну, а один видит, среди красных брат его. <...> Этот ему и говорит: выходи, мол. Вывел его одного из всех и убил»³⁴⁸. В притче Иванова спор братьев: «Царя, мол, отдаю, а веру мою не тревожь! В церквах, грит, не позволю конюшни доспевать» – «Я тебя за бунт против народной власти арестую»³⁴⁹ (67–68) – слышит мать-казачка: «Я поплачу, поплачу, свечку перед образом зажгу: «Утиши, господи, их сердца – молю» (68). Но сказанное материнское слово не останавливает «злодейства» – так оценивают казаки произошедшее братоубийство. Плачу матери в финале рассказа, как это свойственно фольклору, вторит природа: «Сердце-то у меня с того времени будто полынью обросло... Все-то времечко на нем горечь, все-то времечко на нем слеза не высыхает... Месяц подымался в розовато-синей тишине пустыни. Месяц блестел, как слеза»³⁵⁰.

Вторая притча более всего близка к замыслу романа «Казаки», как он описан в цитированном выше письме Иванова Горькому. Текст ее, как и текст общей вступительной части к «Яицким притчам», полон аллюзий к предреволюционному и первому послереволюционному времени: «Наши-то степи уральские – еройские степи. Разин тут и Пугач гуляли, Маринка, жена Гришки, жила, тут Цапаев с атаманом Толстовым сражался и в Яике

³⁴⁸ Сибирский казак. 1919. 23 сент. С. 2.

³⁴⁹ Произведения Вс. Иванова из книги «Тайное тайных» в диссертации цитируются по изданию: *Иванов Вс. Тайное тайных / подгот. Е.А. Папковой, отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: Наука, 2012 (Серия «Литературные памятники») – с указанием страниц в скобках.*

³⁵⁰ Новый мир. 1926. № 1. С. 13. При включении в книгу «Тайное тайных» Иванов дал двум рассказам общий финал, где также появляется образ плачущего месяца.

потонул» (70), – но более всего к реалиям нэповской эпохи. Так, слова старой казачки о старой и новой сказке: «Воронят ей в сказку вставить нельзя, – ноне в сказках-то ароплан подавай, в кавер-то самолет не верят...» (70) – отсылают к масштабной государственной кампании борьбы с русской сказкой³⁵¹. С районированием казачьих территорий связана реплика казачки о родных местах: «В нашем поселке Лещинском (это его в прошлом году – для смеха, должно – хоть и назвали городом, так ты не верь) строй глинобитный...» (70). «Горькая дорога» казачке Марфе, ушедшей воевать за Советскую власть ради спасения одного из сыновей, которых «ерой-Цапай <...> приказал судить-истреблять без пощады, как комара», выпадает именно в 1920-е гг. Надежда на «хорошую жизнь»: «Народ про семена начал думать», – отрицается в притче описанием земли, на которую смотрят мужики: «...страшная какая-то земля была: багровым бурьяном заросла, корни какие-то в ней ползут, толще руки». Рассказ о Марфе, ушедшей из дома с нищенской сумой, как и притча о двух братьях, завершается описанием плачущего месяца: «А месяц блестел, как слеза» (71–73).

Второе упоминание о романе содержится в письме Горькому от 22 января 1927 г., в котором Иванов сообщает, что «пожег свои рукописи, в том числе роман “Казачки”, листов этак пятнадцать...»³⁵². Судя по тексту письма, это произошло в декабре 1926 г.

По воспоминаниям сына, Вяч.Вс. Иванова, Вс. Иванов, жалея о сожженном романе «Казачки», в котором «была реализована в полной мере степень его знания крестьянского языка и крестьянского быта», упоминал его в одном контексте с романом М.Шолохова «Тихий Дон»³⁵³. Встречи Шолохова и Иванова на дорогах русской литературы – отдельная большая и очень непростая тема, к которой историки литературы еще обратятся. Здесь отметим лишь, что художественные поиски Иванова, мечтавшего в романе

³⁵¹ См.: Корниенко Н.В. «Сказано русским языком...» Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 71–75.

³⁵² Иванов Вс. Тайное тайных. С. 335.

³⁵³ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 729.

«Казачи» рассказать о «погибающем идеале матери и утешительницы скорбей», находятся в русле отмеченной Н.В. Корниенко тенденции в русской пореволюционной литературе: «В 1920-е гг. в поэзии – Н. Клюев, в прозе – Платонов и Шолохов внесут в развитие вечной для литературы темы “отцов и детей” и “блудного” сына как центральный ее эстетический и этический центр образ матери»³⁵⁴. Как и у названных писателей, у Иванова слово матери «обращено к искалеченным войной детям, которых война развела по разным дорогам, сделала врагами и толкнула к братоубийству, обращено прежде всего к их сердечной памяти и христианскому знанию»³⁵⁵.

Роман «Казачи» не был закончен, но многие его темы и образы вошли в создававшиеся в это же время рассказы, которые и составили книгу «Тайное тайных». Приведенный фрагмент письма Горькому дает возможность увидеть, как пристально всматривался Иванов в жизнь и проблемы послереволюционной России, и понять, почему на фоне «денежной и шумной» московской богемы он писал книгу, поразившую современников своим трагическим, «висельным», по выражению одного из критиков, пафосом и безысходностью.

Произведения, составившие «Тайное тайных»: рассказы «Жизнь Смокотинина», «Полынья», «Ночь», «Поле», «Плодородие», «Смерть Сапеги», «Яицкие притчи», «Пустыня Тууб-Коя» и повесть «Бегствующий остров» – до включения в состав книги были опубликованы Ивановым в течение 1925–1926 гг. и не один раз. Печатались рассказы в основном в журнале «Красная новь». Ни одна из этих публикаций не вызвала каких-либо серьезных возражений тогдашней критики. Лишь объединенные в книгу «Тайное тайных» они оказались зарядом потрясающей силы. То, что общий замысел книги существовал и произведения не были включены в нее случайно – а именно так старались представить это некоторые критики 1920-х гг., противопоставляя рассказы о гражданской войне («Яицкие притчи»,

³⁵⁴ Корниенко Н.В. «Сказано русским языком...» С. 227.

³⁵⁵ Там же. С. 225.

«Смерть Сапеги» и др.) более поздним по времени написания «Ночи», «Плодородию» и др., – можно с уверенностью утверждать, анализируя отношение писателя к своим книгам. Так, в письме М. Слонимскому он размышлял по поводу другой книги (письмо датируется приблизительно началом ноября 1926 г.): «Книжку рассказов – “Дыхание пустыни” – я пошлю в понедельник. Не могу сегодня, потому что, во-первых, нет одного рассказа – он будет напечатан в “Ниве” завтра, а раньше я его не могу у них взять, т.к. с “Нивой” поссорился; во-вторых – дописываю крошечный ¼ листа бухарский рассказик, без коего книжка как-то мне кажется пустой»³⁵⁶.

Документальных материалов к истории создания книги «Тайное тайных» сохранилось не так много. Переписка Иванова этих лет с серапионовым братом и другом Фединым дает некоторое представление о том, как складывался ее общий замысел.

Письмо К. Федину 27 ноября 1925 г. из Москвы: «Москва такая же, как в прошлом году, – только прибавилось очередей за спиртом. Литераторы по-прежнему сплетничают и, завидуя бог весть кому, – жалуются, что нет литературы. Есенин по-прежнему пьет и разводится, а Пильняк становится степеннее и степеннее. <...> Я, например, не пью два месяца, пишу рассказы и думаю – о Вечности, смысле Жизни – и В ЧЕМ СЧАСТЬЕ!»³⁵⁷.

Федин – Иванову из Ленинграда 30 ноября 1925 г.:

До чего скучно! От скуки – страшная злоба. Со злобы задумался я до... альманаха «Серапионовы братья». <...>. Рассказы должны быть «вообще», по возможности необычные (т.е. без Кремля, без социологии, без всех узаконенных и приятных ослам и львам аксессуаров), но очень хорошие. <...> Посему – пиши, согласен ли, присылай рассказ, такой, который «никуда не подходит», но тебе нравится. Если такого нет – напиши³⁵⁸.

Ответ Вс. Иванова от 2 декабря 1925 г.:

³⁵⁶ Иванов Вс. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. С. 606.

³⁵⁷ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 698.

³⁵⁸ Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 284.

Дорогой Костя, получил твое письмо, воодушевился! Очень рад. – Именно теперь, как никогда, необходимо выпустить такой сборник. Расплодилась такая непереносимая гнусь – как я слышал от одной казачки – Гнилой дух пошел от человека по земле.

Ну! Достал я свою тетрадь, где всякие проекты записаны, начал искать... Впереди, конечно, революция и прочие благородные масла. – И, нашел, – ну, знаешь – будет весело.

Работаю я теперь много. Правда, и заказов-то много, – но полагаю, что самое позднее – через две недели оный рассказ будет готов. Думаю, втисну все – деревню без коммунистов, героев без партии – листа 1^{1/2}.

Как относятся к этому остальные серапионы, – в частности, Никитин и Каверин, – особенно последний – не боятся ли потерять честный красногазетный паспорт? Спроси их – от моего сомнения.

Посоветовал бы ты Кольке Никитину халтуру бросить. Я на этом обжегся, теперь года полтора-два исправлять надо. Оказывается литература-то – вещь настоящая... <...> К февралю у меня будет том рассказов. Новых, свежих, не вошедших ни в одну Универс<итетскую> библиотеку. Листов 15-ть. Но-о!..³⁵⁹.

И еще о планируемом альманахе в письме от 14 декабря 1925 г.:

...я дал два рассказа размером 1 ¼ п. листа, объединенные одной «идеей». Рассказы – настоящие, и такие, что один из них я дал, для пробы, в одну из редакций – так там от ужаса завыли. Мрак, безысходность – и еще многое: где тут их печатать. Я не хвастаюсь, но у меня, действительно писательские мои настроения очень попортились, и веселость – прошлогодняя – отошла прочь³⁶⁰.

Написанным в это время рассказам также посвящено письмо Иванова В.А. Регинину, в то время редактору журнала «30 дней»: «На тот рассказ, что отдал я Воронскому, – не обижайтесь. В нем – психология, мир-р-овая проблема, убийства»³⁶¹. Датировать письмо можно концом ноября 1925 г.: в следующем письме, отправленном Ивановым 4 декабря 1925 г., он сообщает Регинину, что посылает ему другой рассказ.

Приведенные письма позволяют говорить о повороте в творчестве Иванова, который приходится на 1925 г. Меняется отношение к литературе в

³⁵⁹ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 698–699.

³⁶⁰ Государственный музей К.А. Федина. № 35849. Серапионовский альманах, о котором шла речь, не вышел. В архиве К. Федина текстов, возможно присланных Ивановым, нет.

³⁶¹ РО ИРЛИ Р. 1. Оп. 24. Ед. хр. 503. Л. 4.

целом: это — «вещь настоящая»; рассказы, над которыми идет работа в упомянутый промежуток времени, — философские и в то же время непосредственно связаны с современностью; общий пафос рассказов — трагический; интересует автора — человеческая душа («психология»); стилистически произведения отличаются от тех, что писал Иванов раньше.

Трудно сказать, на каком этапе работы над книгой возникло заглавие «Тайное тайных». Первоначально Иванов озаглавил так напечатанный в «Красной газете» от 14 марта 1925 г. рассказ, впоследствии переименованный им в «Жизнь Смокотинина» и под этим названием включенный в книгу. Для 1920-х гг., когда под знаком утверждения идеи «нового человека» повсеместно шла борьба с религией и самим понятием «душа», заглавие книги было вызывающе дерзким. Об истоках заглавия известно немного. Сам автор в 1950-е гг. комментировал его так:

Подобно книге «Седьмой берег» я нигде ни одним словом не разъяснил название новой книги «Тайное тайных». Это была ошибка. А, впрочем, разъясни я, вряд ли это помогло бы мне, перед рапповцами я находился в том состоянии, которое превосходно объяснено в одной басне Крылова: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». <...> Если бы мои герои умели говорить о себе правду вдобавок еще и по-газетному, все было бы, пожалуй, отлично, — хотя бы для меня самого.

Герои «Тайного тайных» страдали от бессловесности, — и поэтому их посчитали врагами. Наше время не любит тайн и не без основания относится ко всем тайнам подозрительно³⁶².

В книге выражение «тайное тайных» не будет употреблено ни разу.

Вяч.Вс. Иванов, сын писателя, высказал предположение, что «заглавие книги заимствовано с небольшим изменением языковой формы, у Иванова осовремененной, из переведенной с древнееврейского древнерусской мистической книги “Тайная тайных” (что означает “самое тайное”, как “святая святых” — самое святое)»³⁶³. Относительно этого восходящего к арабскому оригиналу VIII–IX вв. древнего памятника, получившего широкое

³⁶² Архив Вс. Иванова.

³⁶³ Иванов Вяч.Вс. О «Тайном тайных» Всеволода Иванова // Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II. Статьи о русской литературе. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 513.

распространение в средневековой Европе и известного там под названием «*Secretum Secretorum*»), долгое время велись научные споры, очередной этап которых пришелся как раз на 1920-е гг. Первоначальный текст представлял собой собрание наставлений по разным вопросам – от политики до алхимии, которые якобы были преподаны Аристотелем его ученику Александру Македонскому. В Древней Руси с конца XV или начала XVI вв. был известен перевод, сделанный, по мнению исследователей, с древнееврейского списка книги XII–XIII вв. и включавший в себя некоторые части, отсутствовавшие в оригинале. Большинство ученых считают, что именно «Тайная тайных» называется в Стоглаве «Аристотелевыми вратами» и упоминается в числе еретических книг (вопрос 17-й, 22-й)³⁶⁴.

Однако уже в 1920-е гг. неоднократно высказывались сомнения по поводу отождествления «Тайная тайных» и «отреченной книги» «Аристотелевы врата», основанные на том, что в книге «ничего запретного не было, т.к. это произведение представляет собой своего рода Домострой в соединении с лечебной книгой»³⁶⁵. Исследователь и публикатор книги М.Н. Сперанский, после того как он обнаружил другой древний текст – «Врата Аристотеля премудрого», предположил, что речь идет о двух разных книгах: одной, чисто гадательной, которая и была внесена в список «отреченных книг», и другой, именно «Тайная тайных», которую он определяет как «своего рода “Царственный Домострой”»³⁶⁶.

Неизвестно, что читал Иванов – научные исследования или саму книгу. Возможно, внимание писателя привлекло ее заглавие как отвечающее замыслу его собственной книги. Но если предположить, что читал, то его могли заинтересовать как политические советы, которые давал (или якобы давал) мудрый Аристотель своему ученику Александру, так и его

³⁶⁴ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси 2-ой половины XIV–XVI вв. Ч. 2. Л-Я. / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние., 1989. С. 427–430.

³⁶⁵ Карский Е.Ф. Белорусы. Т. 3. Очерки словесности белорусского племени. Пг.: 12-я Гос. тип., 1921. С. 55.

³⁶⁶ Сперанский М.Н. «Аристотелевы врата» и «Тайная тайных» // Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 16.

нравственно-философские аксиомы. Так, среди наставлений Аристотеля имелись следующие: «Лучше царствуй над ними [народами. – *Е.П.*], делая им добро, так как согласная с законом доброта укрепит царство, а жестокость повредит этому. <...> ...не обойтись ни одному царю без двух вещей: из них первая – кротость душевная»³⁶⁷. Если вспомнить высказывание мужика Каллистрата в споре с комиссаром Никитиным («Цветные ветра», 1922) о жалости и жестокости: «...не надо кровопролития-то <...>. Любовь надо для люду. Без любви не проживут»³⁶⁸, то можно понять, чем привлекла писателя древняя книга. Приведем также фрагмент текста 4 главы книги VIII–IX вв., явно перекликающийся с книгой «Тайное тайных», написанной в XX в.: «Александр, знай, что прежде всего другого сотворил Бог сущность духовную и совершеннейшую, и основательнейшую и создал в соответствии с ней всю природу и назвал ее умом. А из этой сущности он создал самовластную подданную ее, называемую душой. <...> И если постигнет гибель душу, то погибнет разум и плоть»³⁶⁹.

Как бы ни трактовали «Тайное тайных» Иванова его защитники и обвинители, они не могли не признать, что в эпоху социальной борьбы и утверждения классовых ценностей писатель заговорил о тайнах человеческой души. И заговорил в то время, когда в цене была «атака на душу» (определение А. Залкинда). В 1926 г. в популярном журнале «Безбожник» утверждалось: «...как принять понятие о бессмертной душе – частице духа божьего, если мы знаем, что наши душевные проявления неразрывно связаны с веществом мозга, и самую душу можно расписать по клеточкам, как географическую карту»³⁷⁰. Образ души, расписанной как географическая карта, стал своего рода проектом нового человека. В рассказе Иванова «Глиняная шуба» (1921) от лица дьякона Полугодье прозвучит упрек в адрес

³⁶⁷ Цит. по: Памятники литературы Древней Руси: в 12 вып. / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева; вступ. статья Д.С. Лихачева; подбор илл. О.А. Белобровой. Вып. 6. Конец XV – первая половина XVI вв. М.: Художественная литература, 1984. С. 537–539.

³⁶⁸ *Иванов Вс.* Цветные ветра. М.: Эпоха, 1922. С. 99, 121.

³⁶⁹ Памятники литературы Древней Руси. С. 559.

³⁷⁰ *Новикова М.* Мозг и душа // Безбожник. 1926. № 16. С. 5.

продкомиссара: «...у вас и душа-то разграфленная»³⁷¹. А.П. Платонов в повести «Сокровенный человек» (1927) скажет о том же самом: «...нигде человеку конца не найдешь и масштабной карты его души составить нельзя»³⁷².

На изменение художественной манеры Иванова в «Тайное тайных» критики обратили внимание сразу. А. Лежнев писал в марте 1927 г.:

Он отбрасывает удивительную свою декоративную и орнаментальную пышность, свое изощренное и чрезмерное богатство красок и оттенков. Его фраза становится проста и обнажена. Он рассказывает простыми словами о простых вещах. <...> Несмотря на свою видимую ясность, новые вещи Всеv. Иванова не сразу раскрываются читателю. Под видимой жизнью сюжета течет в них другая, подземная и неслышная жизнь. Внешние факты жизни героев, события не так уж важны. Важна именно подсюжетная тайная жизнь, те неоформленные и сильные движения, чувства, страсти, которые наполовину только осознаются людьми. И Всеv. Иванов часто не договаривает, старается дать понять о том, что происходит в его героях, намеком. Он боится нарушить правду этих сильных, но смутных чувств чрезмерной договоренностью³⁷³.

Об Иванове начала 1920-х гг. не раз писали, что в его творчестве «нет человека». Одна из статей 1924 г. так и называлась «Писатель без человека». Прочитав повесть «Партизаны» – «У каждого человека есть внутри свой соловей», критик резюмировал: «Свой соловей – это знали и Достоевский, и Л. Толстой. <...> Не знает, не чувствует этого только один: Всеволод Иванов. Что такое для него человек? Тень, коряжина, пыль, ничто – об этом постоянно напоминает нам писатель»³⁷⁴. Об отсутствии «человека» в творчестве Иванова 1-й половины 1920-х гг. писал и Г. Адамович в статье «Три прозаика»³⁷⁵. Но он же после появления «Тайного тайных» возражал самому себе: «Мне Всеволод Иванов казался до сих пор этнографическим бытописателем, “фольклористом” – довольно способным, но вялым и не особенно умным. Казалось, у него нет никакого понимания человека.

³⁷¹ Иванов Вс. Седьмой берег. С. 62.

³⁷² Платонов А.П. Сокровенный человек. Повести. М.: Молодая гвардия, 1928. С. 75.

³⁷³ Лежнев А. Путь к человеку: О последних произведениях Вс. Иванова // Проектор. 1927. № 3. С. 22.

³⁷⁴ Свентицкий А. Писатель без человека // Зори. 1924. № 8. С. 11.

³⁷⁵ Адамович Г. Собрание сочинений. Литературные беседы. Кн. 1. С. 475.

Опишет монгольские унылые степи, поход какой-нибудь или бунт, вообще “массовые сцены” – неплохо, <...> как только дело дойдет до людей и их отдельных существований – конец, тупик и беспомощность. Но, по-видимому, Всеволод Иванов только удерживал себя, или он очень медленно рос, – как знать? Книга “Тайное тайных” более всего “человечна”, какой-то очень тонкой, застенчивой, неназойливой человечностью»³⁷⁶.

На самом деле, Иванов не столько «удерживал себя», сколько на время – особенно в 1923–1924 гг. – уходил от себя. Ранние рассказы писателя – тому подтверждение. Главные темы, прозвучавшие в книгах молодого сибирского писателя «Зеленое пламя», «Рассказы», «Рогульки», вернутся в его творчество спустя десятилетие и станут ключевыми в книге «Тайное тайных». Раскрестьяниванию деревни был посвящен рассказ «Вертельщик Семен» (1916); о материнской правде размышлял автор в рассказе «В зареве пожара» (1916); поисками «древлей» истинной веры, праведной земли, сокровенного Слова озабочены были герои рассказов «Рао» (1916), «Сон Ермака» (1916), «На горе Ык» (1917), «Анделушкино счастье» (1919). Ранние рассказы неотделимы от исканий тогдашней сибирской литературы, но в них уже ясно звучал оригинальный голос Иванова, для которого каждый его герой, чаще всего крестьянин – тоскующая, ищущая правды и веры одинокая человеческая душа.

С момента создания Ивановым первых рассказов прошло несколько лет. За это время Россия пережила две революции, гражданскую войну, голод, разрушение самих основ национальной жизни. Вместе со своей страной все это пережил и писатель. Бывают в жизни периоды, когда негодование и тоска, переполняющие душу, придают человеку, даже достаточно сдержанному, смелость отчаяния. Такими стали для Иванова 1925–1926 гг. В дискуссии «О критике» 1926 г. писатель признавался: «А так, со стороны, мне кажется, нервность, вызванная революцией и войной,

³⁷⁶ *Адамович Г.* «Тайное тайных» Вс. Иванова // Звено. 1927. 27 февр. Цит. по: *Адамович Г.* Собрание сочинений. Литературные беседы. Кн. 2. С. 123.

породила в россиянах обилие образов и необходимость их высказать»³⁷⁷. В художественной биографии Иванова эта «необходимость» привела к появлению книги «Тайное тайных».

1.5. История текста книги «Тайное тайных»

История текста книги Всеволода Иванова «Тайное тайных» может быть восстановлена лишь отчасти – по предшествовавшим книге публикациям отдельных произведений в периодической печати 1920-х гг. Неизвестно, когда именно возникла у писателя мысль объединить рассказы и повесть «Бегствующий остров» в книгу, как неизвестны точные даты написания произведений, составивших «Тайное тайных». К сожалению, автографы текстов не сохранились. Об их судьбе можно высказать несколько предположений. Либо – что наименее вероятно – Иванов сжег их в конце 1926 г. вместе с незаконченным романом «Казачки» и другими текстами. Либо, разосланные писателем по редакциям газет и журналов в 1925–1926 гг., они хранились там, а впоследствии были утрачены. Можно также предположить, что автографы и другие материалы книги остались на квартире Иванова на Тверском бульваре, 14, где он в 1925–1928 гг. жил вместе со своей женой А. Ивановой-Весниной. Анна Павловна прожила там вплоть до окончания войны. Естественно, что в 1930–1940-е гг. с рукописями могло произойти все что угодно. В семье дочери, Марии Всеволодовны, ничего из рукописного наследия Иванова не осталось. Известно также, что Анна Павловна ничего не сдавала в государственные архивы.

Так или иначе, ни рукописей, ни каких-либо других авторизованных источников произведений, составивших «Тайное тайных», нет, поэтому датировать тексты можно лишь приблизительно – по первым публикациям. Самым ранним являлся, видимо, рассказ «Пустыня Тууб-Коя». Первая публикация состоялась в № 4 альманаха «Круг» за 1925 г. То есть рассказ мог быть написан в конце 1924 г. или начале 1925 г. Далее, исходя из факта

³⁷⁷ Журналист. 1926. № 4. С. 22.

первой публикации, следовал рассказ «Поле». Он был напечатан в № 19 за 1925 г. двухнедельного журнала «Шквал» (Одесса). Номер вышел в октябре 1925 г. В январе 1926 г. печатаются «Яицкие притчи» (Новый мир. № 1) и «Плодородие» (Красная новь. № 1). «Жизнь Смокотинина» публикуется в «Красной газете» в марте 1926 г. и практически одновременно в журнале «Красная новь» (№ 3), «Полынья» – в журнале «Красная новь» в мае 1926 г. (№ 5). Тогда же, в мае 1926 г., в журнале «Молодая гвардия» напечатан первый фрагмент из повести «Бегствующий остров». Целиком повесть опубликована в литературно-художественном альманахе «Пролетарий» (Харьков, 1926). Летом 1926 г. печатаются еще два рассказа: «Ночь» – в июньском номере журнала «Красная новь» (№ 6) и «Смерть Сапеги» – в июле, журнал «Красная нива» (№ 14).

Из хроники публикаций не следует, разумеется, что именно в таком порядке рассказы писались. С уверенностью можно сказать только одно: все произведения, составившие «Тайное тайных», были созданы в конце 1924 г. – 1-й половине 1926 г. Если 28 января 1926 г. Вс. Иванов, подписывая договор с Госиздатом, уже представлял себе объем книги – 10 п.л., то можно предположить, что к этому моменту все произведения уже были закончены.

История текста книги «Тайное тайных» включает два этапа:

1) работа писателя над отобранными им рассказами и повестью, печатавшимися в периодике 1925–1926 гг., с целью объединения их общим замыслом книги;

2) изменения текста в изданиях 1929–1963 гг.

Книга «Тайное тайных» издавалась два раза. Первое издание вышло в свет в декабре 1926 г.³⁷⁸ в Государственном издательстве в Москве, тиражом 4 000 экземпляров. Обложка выполнена Л. Титовым. Второе издание – в июне 1927 г., там же, тиражом 7 000 экземпляров. Обложка 2-го издания

³⁷⁸ Книжная летопись. 1927. № 1. С. 45.

оформлена Б.Б. Титовым³⁷⁹. В текстах двух изданий есть несколько незначительных разночтений.

Художественное воплощение авторского замысла и становление поэтики «Тайное тайных» осуществлялось как в процессе написания отдельных произведений, так и, на более позднем этапе, при объединении их в книгу и, соответственно, при внесении в них определенной – содержательной и стилистической – правки.

Десять произведений, составивших книгу «Тайное тайных»: «Жизнь Смокотинина», «Полынья», «Новь», «Поле», «Плодородие», «Смерть Сапеги», «Яицкие притчи» («Про двух аргамаков» и «Про казачку Марфу»), «Пустыня Тууб-Коя» и «Бегствующий остров», – расположены автором в последовательности, имеющей глубокую внутреннюю мотивировку. Важную роль играет в книге категория времени.

В начале первого рассказа «Жизнь Смокотинина» имеются два указания на время: «после долгих войн» и «топоры за революцию иступились – голов много порубили ими; <...> осины им [мужикам. – *Е.П.*] теперь, разучившись, не отличить от сосны» (7). Можно предположить, что это 1921 г. – начало нэпа. Тема революции с первых строк книги заявляется как трагическая, но наступившее «стоящее время» связано с надеждами: строиться, работать, жить.

Во 2-м рассказе, «Полынья», время рассчитывается автором по православному календарю: упомянуты конец масленой, прощенное воскресенье (13). При этом именно в прощенное воскресенье герой впервые кладет за голенище нож – «резаться» с другом.

Действие в рассказе «Ночь» происходит примерно тогда же, когда в «Жизни Смокотинина», но приметы времени даны гораздо четче. Если в «Жизни Смокотинина» деревня, в сущности, живет по прежним законам (тайная милостыня, похороны по православному обряду), то в рассказе «Ночь» уже точно обозначены два мира: свадебный поезд едет сначала в

³⁷⁹ Там же. 1927. № 26. С. 1811.

совет, затем в церковь. Более явственно начинает звучать и тема войны: причина смерти Филиппа, по мнению мужиков, «порча от войны, <...> на войне у всех солдат снарядами сердца отбиты» (27).

Следующий рассказ «Поле» вводит в книгу время гражданской войны: мирный труд крестьян в «святое время», когда, по крестьянскому календарю, надо сеять, противостоит «моменту напряженной борьбы с врагом» (32). Описанные в начале рассказа события, вероятно, происходят весной 1919 г. Размышления Милехина о «святом времени» не случайны: приближается Пасха, она в 1919 г. приходилась на 7 (по новому стилю – 20) апреля. Понятны и появление на страницах рассказа плаката «Колчак дает колбасу, а Советы – свободу», и эпитет «напряженный» по отношению к моменту времени: 12 апреля 1919 г. печатаются «Тезисы ЦК РКП (б) в связи с положением Восточного фронта», написанные В.И. Лениным, где сказано: «Победы Колчака на Восточном фронте создают чрезвычайно грозную опасность для Советской республики. Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака»³⁸⁰. Тезисы завершались словами: «Надо напрячь все силы, развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит»³⁸¹.

«Плодородие» содержит два указания на время: первое – по православному крестьянскому календарю («на Флора и Лавра почти совсем закончилась уборка» – 54), а упоминание о Ленине «в склепе» (47) отсылает к моменту захоронения тела Ленина в мавзолее – январь 1924 г.

С рассказом «Смерть Сапеги» входит в книгу еще один временной пласт – предреволюционное время (жизнь Аники в имении у помещика). Центральное событие рассказа совершается в конкретный временной промежуток: от момента Октябрьской революции до декабря 1918 г. (упомянуто восстание при Куломзине против Колчака). Есть в тексте и указание на некое будущее время – «через несколько лет», связанное с темой

³⁸⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5. 1958–1965. Т. 38. М.: Госполитиздат, 1963. С. 271.

³⁸¹ Там же. С. 274.

материнства, детей. В этом рассказе маркировано отношение новых людей – красноармейцев и комиссаров – к прошлому: «...я всех этих притчей о прошлом-то и не люблю» (60); «Если помирать, так помирать – приложившись к кресту не по-отцовски!» (64). При включении рассказа в «Тайное тайных» автор внес в текст правку, усиливающую звучание темы отцов и детей: «Папаша-то мой похвастаться любил. **Говорил же вон твой папаша, что отец-то его – туркестанский генерал-губернатор**» (60).

Начиная с «Яицких притчей» в «Тайное тайных» включается историческое время, представленное как «геройское»: упоминаются «герой Радко Дмитриев» (67), имя которого связано с Первой мировой войной, и «наши-то степи уральские – еройские степи. Разин тут и Пугач гуляли, Маринка, жена Гришки жила, тут Цапаев с атаманом Толстовым сражался и в Яике потонул» (70).

Рассказ «Пустыня Тууб-Коя» вновь соединяет революционную эпоху и православный календарь: комиссару отряда вспоминается среди «чужих гор» Пасха – «куличная ночь» (84).

Наконец, заключительная повесть «Бегствующий остров» построена так, что в ней противоречиво сочетаются историческое время – 1685 г., когда введены законы против раскольников (94); неопределенное фольклорное – сказочное время (история Галкина обозначена в тексте как «сказка» – 94); в рассказе о Запус упомянуто, что «распоряжение вождя Ильича об нэпе еще не произошло» (101), т.е. события совершаются вроде бы до 1921 г., при этом сам Запус утверждает, что «в России скоро десятилетие советской крестьянской власти» (108), т.е., следовательно, 1926–1927 гг. Временной алогизм усиливается указанием еще на одно событие: в конце повести сообщается, что раскольник Пономарев «помер потом под Кронштадтом» (127) – видимо, во время восстания в Кронштадте в марте 1921 г. В целом современность охарактеризована в повести как «великое да расстрельное время» (102).

Последовательность расположения рассказов, с нарастающим гулом времени, один из ключей к пониманию замысла книги. Иванов, с одной стороны, показывает читателю «расплеснутое время» (заглавие книги Б. Пильняка, 1927) современной жизни, а с другой – постепенно, по ходу книги, восстанавливает историческое время в его сложности и многослойности, включая революцию и Гражданскую войну в ряд других переломных событий национальной истории: царствование Лжедмитрия I; восстания Разина и Пугачева; Петровская эпоха и раскол церкви.

Порядок расположения произведений в «Тайное тайных» по-своему проясняет ключевые темы книги. Одна из важнейших – это тема утраты пути и евангельский мотив блудного сына, тесно связанные друг с другом.

В той или иной степени всех героев «Тайное тайных», можно назвать блудными детьми XX века. Герой рассказа «Жизнь Смокотинина» Тимофей, сын подрядчика, охваченный непонятной тоской, покидает отцовский дом, становится извозчиком, попадает в тюрьму, пьет, крадет коней, соглашается на убийство... «Жизнь казалась легкой, невсамделишной, все думалось: надо прийти к отцу, поклониться в ноги и сказать, а что сказать – он и сам еще не знал» (12). Лишь после смерти возвращается он в отцовский дом: «И вот Тимофей последний раз лежал дома, под образами, в горнице» (12). Из родительского дома в тюрьму отправляется за убийство странницы Афонька («Ночь»). Уходит из дома в горы Мартын, и там, в горах, в финале рассказа его убивают жители родного села («Плодородие»). Давно покинули родительский дом красноармеец Сапега и рассказчик и умирать собираются, «приложившись к кресту не по-отцовски» («Смерть Сапеги»). И т.д.

На углубление темы утраченного пути ориентирована правка, вносимая в текст книги. Так, в конец 1-й главы рассказа «Плодородие» после фразы: «Облепиха путалась в коленях, громадная паутина с жирным пауком посередине села ему на лицо», – указывающей на блуждания Мартына в горах в поисках реальной дороги, добавлен почти экзистенциальный текст, отсутствовавший в «Красной нови»: **«Жизнь свою, казалось ему, знал он,**

знал все свои нужды, знал все, что ему нужно делать, и все же долго бежал в гору, пока по крыльцам за ошкур штанов густо не потек липкий и словно связывающий ноги пот» (37).

Художественное пространство в рассказах книги трансформируется. Оно одновременно и расширяется – знакомые места становятся незнакомыми, чужими, герой плутает в известных ему местах («Овражек показался ему незнакомым. <...> То, что тут тек ручей, казалось ему большим беспорядком <...> Откуда ручей? <...> Да заплутал я, што ли? <...> Чисто наважденье... и Серко не могу найти <...> было такое чувство, словно он идти-то шел, а – словно часы – не сходил места» – «Плодородие». 37–38); и сужается— делается однообразным, человек постоянно возвращается в одну точку пространства, это вызывает у него страх, кажется наваждением («И вновь, не успев отойти десятка шагов, сбился с ледка дороги <...> и опять попал в уброд <...> Он уже и сам понимал, что не дойти ему теперь ни до Данилова, ни до дому, сблудит; сдохнет – и все-таки пошел в Данилово. И верно – сразу же он спутался, упал, сразу очутился в убродах, и вот снова перед ним – полынья» – «Полынья». 16–17). Сбившийся с дороги человек – один из лейтмотивов книги.

Еще один сквозной мотив «Тайное тайных» – мотив материнского слова – проясняет правка, внесенная в рассказ «Ночь» при включении его в книгу. В варианте «Красной нови» слово матери, которая лучше других чувствует глубинную неправду жизни, создающейся на новых духовных основах, звучало камерно, как реплика к происходящему: «О, *восподи...* жисть-то как переключилась». В книге просторечное слово заменяется на литературное, и реплика превращается в Слово матери, звучащее громко, «будто на весь мир»: «О, **господи**, жисть-то как переключилась. **И ты туда же**» (23).

Финал «Тайное тайных» кажется неожиданным для книги «висельных рассказов» (определение критика 1920-х гг. К. Рыжикова). На заключительных страницах повести «Бегствующий остров» появляется

символический для русской культуры образ Дома-очага – нового дома, который, возможно, создадут комиссар Запус и раскольничья девушка Саша. В этот дом приходит мать девушки – кроткая старица Александра – и заводит речь о детях. Включая повесть в «Тайное тайных», Иванов внес изменения в финал. В первой публикации повесть завершалась словами: «Старуху я отлично понимаю, а все остальное – ерунда и мокрятина. *Дети!..*»³⁸². В тексте «Тайное тайных» слово «дети» снято автором, и финалу книги придан характер размышления над вечными вопросами: **«Мука-то не отсюда начинается, мука начинается с другого... Поживешь, поездишь, посвистит тебе ветер в уши, ну, глядишь, и поймешь»** (130).

Объединяя общим замыслом разные рассказы, Иванов в некоторых случаях подвергает изменению их заглавия. Открывающий книгу рассказ «Жизнь Смокотинина» в первых публикациях печатался под названиями: «Тайное тайных» (Красная газета. 1926. 14 марта); «Жизнь Тимофея Смокотинина, сына подрядчика» (Красная новь. 1926. № 3); «Щепа» (Пламя. 1926. № 5). Рассказ «Поле» в первой публикации (журнал «Шквал». 1925. № 19) имел заглавие «Посев», а «Смерть Сапеги» – «Жизнь Аники Сапеги» (Красная нива. 1926. № 14). В итоге заглавие «Тайное тайных» было перенесено на всю книгу, как определяющее ее замысел. «Жизнь Аники Сапеги» Иванов меняет в книге на «Смерть Сапеги», возможно, чтобы избежать повтора и вывести на первый план вторую из важнейших составляющих бытия человека.

Авторская работа над заглавиями характеризуется тем же стремлением к глубине и простоте, которые свойственны книге в целом, и в этом смысле является «возвращением» Иванова к простоте своих первых вещей. Сравним заглавия рассказов 1916–1919 гг.: «Анделушкино счастье», «Сын человеческий», «Ненависть» и др. – и периода переиздания книги «Седьмой берег», 1923 г.: «Шо-Гуанг-Го – амулет Великого Города», «История Чжень-Люня – искателя корня шень-жень» и др. Лишенные

³⁸² Пролетарий. Художественно-литературный альманах. Харьков, 1926. С. 264.

цветистой метафоричности, сдержанные и краткие заглавия книги «Тайное тайных» воскрешали в сознании читателя вечные категории: «жизнь», «смерть», «счастье» («Счастье епископа Валентина», «Счастье» – один из вариантов заглавия рассказа «Комендант» – оба этих рассказа написаны в манере «Тайное тайных») и др.

Изменения коснулись и экспозиционных структур рассказов. В «Тайное тайных» рассказы «Полынья» и «Ночь» начинаются с ритмических зачинов, напоминающих пословицы: «Жизнь, как слово – слаще и горче всего» («Полынья») и «Любовь да тоска на крови стоят» («Ночь»)³⁸³. В рассказе «Ночь» зачин появится только в книге «Тайное тайных», в первой публикации он отсутствовал. Оба зачина фольклорного типа, однако реальных аналогов им нет, более того, в русском фольклоре слова «жизнь» и «слово», «любовь» и «тоска» не соединяются внутри одной пословицы.

В свете темы фольклорной образности в «Тайное тайных» обратим внимание и на работу писателя над языком и стилем. Практически во всех рассказах при включении их в книгу наблюдается единое направление авторской правки: нейтральным словам и конструкциям литературного языка придается свойственная народной словесности поэтичность и образность.

Сравним:

Первые публикации	«Тайное тайных»
<i>...стружки, рассыпавшиеся медовым запахом по всем сням</i> («Жизнь Смокотинина»)	Рассыпавшиеся по всем сням медовые запахом стружки
Глафира, его невеста, была близко, и тогда он ушел в город («Ночь»)	Глафира, его невеста была близко – у самого сердца – и тогда он ушел в город
<i>...ноздrevатый хрупкий, как</i>	<i>...ноздrevатый да хрупкий,</i>

³⁸³ При переизданиях рассказов они были оформлены как эпиграфы.

соты, лед показался («Бегствующий остров»)	как соты, лед показался
...или недолгие, но хрушкие дожди («Поле»)	...падали недолгие, но хрушкие дожди
Они <i>поднимались</i> в густое синее небо («Плодородие»)	...они подымались в густое синее небо высотой в пять наивеликих сосен
Судить <i>и стрелять</i> их без пощады («Яицкие притчи»)	Судить – истреблять их без пощады

В рассказе «Полынья» отметим правку на страницах, где перед Богданом появляется «большой сизоголовый селезень» (15), символический образ которого соединяет в себе две идущие из древности традиции: птица – душа («Народный язык и предания говорят о душах, как о существах крылатых»³⁸⁴) – и птица – смерть («Народные загадки <...> представляют смерть птицею <...> Из того же воздушного океана, оттуда ниспосылаются семена жизни <...>, прилетала и грозная птица смерти»³⁸⁵). Было: «...клюв селезня, *словно* уцелевший лепесток»; стало: «...клюв селезня, **подобный** уцелевшему **осеннему** лепестку» (15).

Одновременно идет замена диалектизмов и просторечий в газетных и журнальных публикациях на слова литературного языка в основном тексте книги. Вот лишь несколько примеров: вместо «по-обидному» – «обидно» («Ночь»); вместо «не вылазя» – «не вылезая» («Поле»); «охота на горносталя» – «охота на горностая», «шибко пойдет в сети» – «хорошо пойдет в сети», «мастак по плотам» – «мастер по плотам», «морукует он» – «думает он», «разе» – «разве» («Плодородие»); «какой ни на есть набсекомой» – «какой ни на есть насекомой» («Яицкие притчи») и т.п.

³⁸⁴ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. Т. 1. М.: Индрик, 1994. С. 219.

³⁸⁵ Там же. С. 528.

К финалу книги возрастает количество слов новой революционной эпохи, особенно это чувствуется в рассказе «Пустыня Тууб-Коя» и повести «Бегствующий остров». В «Бегствующем острове» смешение стилей – к названному выше добавляется еще уголовная речь – производит впечатление некой языковой вакханалии. Вот характерный пример из текста:

Зыряне все в барнаульских длиннеющих тулупах, красными кумачовыми опоясками перетянуты, шапки с плисовым верхом.

– Эх, вы щетки-гребенки, граждане, что же вы налогу не вносите?! Знаете – идет борьба не на живот, а на смерть на всех фронтах за социальное отечество... а с вас надо старабачить каких-нибудь пять тысяч белок. За такие дела-то... да со мной «не картавь», я по херам говорить могу.

И понес он, завяжи горе веревочкой (102).

Раскрывая «тайное тайных» человеческой души, Иванов много внимания уделяет проработке характеров персонажей. Правка идет в двух направлениях. С одной стороны, писатель снимает фразы и целые фрагменты текста, убирая физиологизм, натурализм, однозначность характеристик, конкретность, с другой – расширяет текст, нюансирует тонкость и невнятность для самих героев их чувств и мыслей. Типы превращаются в характеры. Так, из рассказа «Жизнь Смокотинина» изымается «бытовой» текст³⁸⁶: *«Он хотел было сказать ей (Катерине): «возьми, пошутил, мол, но ему стало жаль удачного поступка – как он быстро и умело залез ей в кофту, как успел хватить (охватить) половину твердой и прохладной груди. Да если б и сказал возьми, что бы ему делать с другими бабами в подобных случаях».*

В рассказе «Плодородие» сокращаются воспоминания Мартына о детстве: *«И еще мельком, как этот ствол, мелькнувший под ладонью, вспомнилось ему, как обидно обманули его в детстве: отец дал медный новый грош, и сказал: золотой, иди купи, Мартын, на это пуд пряников.*

³⁸⁶ Цитируется по публикации в «Красной газете» (1926. 14 марта. № 60), в скобках – вариант из журнала «Пламя» (1926, № 5).

Приказчику в лавке было жарко и скучно и долго – до трех слез – издевался он над мальчонкой!»³⁸⁷.

В отличие от физиологически-бытовой конкретности сокращенных фрагментов, слова и фразы, добавленные на разных этапах работы (если журнальных публикаций было несколько, изменения в текст вносились автором и после первой, но чаще – перед включением произведения в книгу), наполнены сложным психологическим и эмоциональным содержанием. Раскрывая диалектику души своих героев, автор добавляет текст, указывающий на стихийность чувств, неподвластность их разумной воле человека.

«Полынья»: «Он присел на столбик, скрутил папиросу, и, **когда между колен в полушубке зажигал спичку, ветер дернул, вырвал кисет, обидно помахал им в воздухе и швырнул его к полынье, в снега. Богдану стало так тяжело, что он даже не обрадовался тому – на таком сильном ветру, закуривая папиросу, не испортил ни одной спички» (17).**

В рассказе «Ночь» при включении в «Тайное тайных» появляется портрет героя: **«...приехал и Афонька – младший сын, конопатый, с растерянной походкой, в синем новом картузе и толстых пуховых перчатках» (21).** Отметим и другие характерные изменения, внесенные в текст после 1-й публикации. Было: «Афонька *прокричал...*» – в «Тайное тайных» стало **«Афонька с веселой тоской крикнул...**» (25); к словам: «И он спросил...» – добавлена авторская характеристика: **«И снова зависть и непонятное томление охватили его, и он спросил» (25);** к словам «все утешал мать, да и за отцом нужно было следить» добавлена авторская ремарка: **«И самого умучали непонятные мысли» (26).**

В рассказе «Плодородие» после слов: «Турукай запел песню», – добавлено: **«Кому тут говорить о мутном своем сердце» (42).**

Работа Иванова над эпизодами произведения, раскрывающими мир души человека, характеризует стремление автора «Тайное тайных» найти

³⁸⁷ Красная новь. 1925. № 1. С. 73.

максимально простые слова для передачи сложных чувств и мыслей. Так, в рассказе «Плодородие» фраза: «*И показалось ему – в нем, как и на этих камнях – высох поток. Глотку словно забили нитками, а ноги в икрах заныли и напряглись*», – заменяется более простой: «**И Мартыну почудилось, будто он закричал – и испуганно и насмешливо**» (48).

Для художественного утверждения тайных мыслей и чувств героев Иванов использовал язык, названный критиком Лежневым «стилем намеков и недоговоренности»³⁸⁸. Вот лишь некоторые типичные примеры авторской правки:

Первые публикации	«Тайное тайных»
<i>Видя ее, стоявшую неподвижно со щепами...даже какое-то умиление почувствовал Тимофей («Жизнь Смокотинина»)</i>	Ее, стоявшую неподвижно со щепами... даже какое-то умиление почувствовал Тимофей
– ...креста-то на тебе нету, – строго сказал ему Митрий Савин. – И не будет! – закричал Мартын. – Всю деревню переверну, легче <i>без креста</i> («Плодородие»)	– ...креста-то на тебе нету, – строго сказал ему Митрий Савин. – И не будет! – закричал Мартын. – Всю деревню переверну, легче. Мне ради такого дела... никого не жалко! У меня душа горит! Я на все согласен...
– Пали! Считаю до двух. Кто убьет – тому <i>баба</i> («Пустыня Тууб-Коя»)	– Пали! Считаю до двух. Кто убьет – тому

В каждом примере сокращенная фраза напоминает вершину айсберга, основная часть которого скрыта под водой. В первой публикации рассказа

³⁸⁸ Лежнев А. Человек и его горести // Печать и революция. 1927. № 2. Цит. по: Всеволод Иванов. Критический сборник. С. 174.

«Плодородие» реплика героя «легче без креста» напрямую отсылала к поэме «Двенадцать» А. Блока («Эх-эх, без креста!»). Двенадцать красноармейцев идут «без имени святого», они «ко всему готовы, ничего не жаль!» Поведение ивановского Мартына, испытываемое им смутное чувство тоски и жалости в начале рассказа говорит о том, что живы в его душе и жалость, и вера в Бога. Он не произносит: «Легче без креста», – и в тексте «Тайное тайных» остается одно слово «легче».

В 1 и 3 примерах речь идет о тоске по женщине. Тимофей («Жизнь Смокотинина») испытывает непривычное для него умиление не столько «видя», сколько чувствуя рядом Катерину. Комиссар из «Пустыни Тууб-Коя», втайне мечтающий о «песенной» любви, не произносит вслух слово «баба».

Раскрывая смысл заглавия «Тайное тайных», многие критики 1920-х гг. связывали его с «мгновенно возникающей» в жизни человека любовью: «Каждому из них [героев “Тайное тайных”. – Е. П.] повстречается в жизни женщина, у которой “длинные каштановые ресницы” и “единственное движение рук”, “словно реки хлынут в сердце”. Человек уже не владеет собой, он теряет свой рассудок и близок к гибели»³⁸⁹. Такой женщиной, «олицетворяющей судьбу, рок, фатум», чаще всего называли Катерину Шепелову из рассказа «Жизнь Смокотинина»: «Таинственная Катерина молча выполняет свою роль на протяжении всего рассказа, она только два раза произносит “темное слово”: “полно”»³⁹⁰. Критика рассматривала чувства ивановских героев преимущественно в духе тогдашнего «разрешения полового вопроса». В «новых условиях советской общественности» и в литературе («Цемент» Ф. Гладкова, 1925 и др.) утверждались вполне рациональные «новые социальные чувствования». «Не дыхание, замирающее от влюбленного созерцания <...>, а естественное впитывание свободными от дурмана легкими свежего воздуха. <...> Не движение, кокетливо или

³⁸⁹ Смена. 1927. № 3. С. 7. Подпись: Б.Л.

³⁹⁰ Якубовский Г. Литературные блуждания. Психологические приключения трех писателей // Журнал для всех. 1929. № 3. С. 120

“властно” пленяющее тот или иной пол, а свободные естественные двигательные проявления организма³⁹¹, – так противопоставлял чувства «больного человека» (заглавие рассказа С. Малашкина) и здоровую природу любви новой личности – любви «без черемухи» (заглавие рассказа П. Романова) известный психолог 1920-х гг. А. Залкинд. На этом фоне «ушибленные любовью» Тимофей, Афонька, Мартын и другие ивановские герои виделись критикам вызывающе несовременными, не знающими «своего места в жизни»³⁹².

Иррациональную природу внутреннего мира своих героев Вс. Иванов раскрывает прежде всего на любовных сюжетах, тщательно прописывая портреты героинь рассказов. Сравним:

Первые публикации	«Тайное тайных»
Легкие руки ее таким знакомым, единственным движением скрылись у нее под платком («Жизнь Смокотинина»)	Легкие руки ее таким знакомым, единственным движением скрылись у нее под платком, походка ее была единственная, тоскливая
Елена лежала на кровати, и пухлые руки ее свешивались до полу, словно ловя <i>свою тень</i> («Плодородие»)	Елена лежала на кровати, и пухлые руки ее свешивались до полу, словно ловя косы
Губы алые, а поверх легким ледком покрыты, будто лаком, Говорит, а лед сыплется <i>с губ</i> <...> Косы ей голову назад оттягивали, <i>лицо-то, как церковь на пригорке</i> («Бегствующий остров»)	Губы алые, а поверх легким ледком покрыты, будто лаком. Говорит, а лед сыплется. <...> Косы ей голову назад оттягивали, лицо-то на пригорке – как церковь

³⁹¹ Залкинд А.Б. Половой вопрос в условиях советской общественности. Л.: [Б.и.], 1926. С. 12.

³⁹² Нович И. Критика и библиография // Молодая гвардия. 1927. № 4. С. 207.

Критики 1920-х гг. отмечали отличие героев-«эротоманов» (выражение Вяч. Полонского) от поэтических женских образов книги «Тайное тайных». Например, в рассказе «Смерть Сапеги» Иванов создает образ красноармейца, резко полемичный и по отношению к типичным для пореволюционной литературы бойцам, храбро сражающимся и готовым умереть за лучшее будущее народа, и по отношению к собственным прежним – начала 1920-х гг. – партизанам и комиссарам. О «культе Красной Армии» писал Залкинд, называя ее таким воинским коллективом, в котором «в худшем случае мы сталкиваемся с неполным осознанием своего трудового происхождения и своего общетрудового назначения»³⁹³. Среди писателей, в книгах которых показана «интеллектуальная, эмоциональная и даже общефункциональная жизнь коммуниста» в армии, Залкинд называет и Иванова: «Лишь во вторую очередь он [коммунист. – *Е.П.*] просто человек, таким мы его знаем в жизни, таким его изображает и новая художественная литература: Либединский “Неделя”, Тарасов-Родионов “Шоколад”, отдельные образы у Пильняка, Иванова и др. “Рефлекс революционной цели” не угасает и во сне (прорываясь сквозь сновидения)...»³⁹⁴. Подобная оценка, еще возможная по отношению к «Партизанам» и «Бронепоезду 14-69», принципиально расходилась с произведениями, созданными Ивановым на тему гражданской войны в середине и во второй половине 1920-х гг. Г. Горбачев, характеризуя рассказы 1924–1925 гг. «Долг», «Пустыня Тууб-Коя», «Как создаются курганы», справедливо отметил: «...исчезла стихийная мощь восстающей и хозяйничающей сибирской деревни, сменившись портретами военных полуавантюристов, полуреволюционеров и обработкой частных примеров власти инстинктов и предрассудков над людьми. <...> В “Пустыне Тууб-Коя” и “Смерти Сапеги” идея подчиненности человека слепым страстям выдвинута уже резко и четко на первый план»³⁹⁵.

³⁹³ Залкинд А.Б. Очерки культуры революционного времени. Сборник статей. М.: Работник просвещения, 1924. С. 81–82.

³⁹⁴ Там же. С. 108.

³⁹⁵ Горбачев Г. Современная русская литература. С. 230–231.

При работе Иванова над текстом рассказа «Смерть Сапеги» в характеристику героя – красного командира Аники Сапеги – добавлено описание ночных ощущений и снов: «Ну и замучали (в первых вариантах – «начались») эти запахи. **Валяются ночью на соломе, по колодцам, по телегам, – скрип и гам не меньше чем днем. Днем лошади в хомутах ходят, а ночью бабы**» (41); «...ну, а после такого случая – хи да ха, да изгалянье... **У меня от того случая судороги начались, и на теле рябь выступила. На бабу посмотрю, и вдруг вид из себя стану такой иметь – ну, хоть в тулупе ходи. И сны замучили, и чудные все сны: голые бабы все и все зря, никакого поражения им не было... И кончались сны таким образом, что быдто я, бревно, и везут меня в жару по тряской дороге. Мученье страшное! Я в одну ночь чуть было передок телеги зубами не перегрыз, ладно – в рот деготь попал**» (41).

Одновременно исправлению подвергся эпизод, описывающий жертву девушки во имя спасения отца:

«И тогда я решился на ложь.

– Аника! – закричал я. – Аника, зачем [*девку обманом берешь?*] **ее обманываешь?..** [*Там наши*] Генерала бьют... ребята генерала бьют... [*Не обманывай девку-у!*]

*И тогда, должно быть, поняв свою ненужную жертву – завизжала за дверьми женщина. Скоро ей неистовый визг пересилил мой, теперь уже ненужный, крик, – и визг ее походил на звон бьющихся стекол]*³⁹⁶.

Эпитет «ненужный», дважды повторенный («ненужная жертва», «ненужный крик»), исключен автором из текста рассказа. Авторская правка в данном случае проясняла противопоставление, заложенное в системе образов: «буржуазная» девушка, готовая на жертву ради отца, и «новый человек», красный командир, отрекшийся от предков.

В том же ключе решены контрастные образы героев – красного командира Палейки, комиссара Омехина и героини – сестры бандита,

³⁹⁶ Красная нива. 1926. № 14. С. 5.

пленницы Елены Канашвили в рассказе «Пустыня Тууб-Коя». В характеристике Палейки ослаблен мотив «песенной» романтической любви: во фразе: «Чудак Палейка, *песенная* синяя твоя душа!» – слово «песенная» заменено автором на «**весенняя**» (77), оно же снято во фразе: «К дверям мазанки <...> был прибит гвоздиком синий шелковый *песенный мадьярский* платок Палейка» (88). Напротив, из портрета девушки Иванов убирает снижающее сравнение: «Глаза наездничьи, разбежные, *такой водяной мохнатый паучок несетя по воде его сонных степных озер. Лапки, словно иголки, и паучка зовут – “мзя”*»³⁹⁷ и одновременно в речь ее добавляет слова, раскрывающие подлинные причины отказа от помощи со стороны Палейки: «И притом, надо же понимать. **Кто служит, вообще как-то действует в жизни вместе с хамами, сам теряет благородство. А у лишенных этого достоинства я услуг не принимаю. Уйдите**» (82). Отметим, что в первой публикации рассказа Палейка предлагал пленнице венчание: «Мы, в крайнем случае, где-нибудь и *попа* наскребем», – впоследствии, уже в других вариантах, из 2-х слов получилось одно – «**понаскребем**», что сделало фразу непонятной. В некоторые эпизоды рассказа введено слово «комиссар», уточняющее характер красного комиссара: в плач Елены Канашвили: «Изверги, палачи! **Сегодня комиссар кидался, а теперь** стаей хотят» (85); реплики часовых: «Баба нету <..> Завтра стрелять все равно, **комиссар щупал**, надо нам мало-мало прижимать» (85); «...Закия говорит – бежим, все равно **комиссар** расстрелят» (87).

В процессе работы над текстом книги Иванов усиливает в рассказах мотив жалости. Сравним:

Первые публикации	«Тайное тайных»
Когда Афонька, рассматривая	Когда Афонька, рассматривая

³⁹⁷ Там же.

его, наклонился, человечек сказал что-то («Ночь»)	его, наклонился, человечек сказал что-то. Афонька не разобрал – что, но понял, какую-то тоскливую жалобу
Крутая шея и затылок с жирной складкой <i>пониже уха словно перетирали одежду его икр</i> («Плодородие»)	Крутая шея и затылок с жирной складкой, склонившиеся к его ногам, словно зывали о жалости, а о какой и к кому, он и думать не мог

Вопрос о жалости – «контрреволюционной добродетели» 1920-х гг., как определит ее помещик Манюкин из романа Л. Леонова «Вор» (1927), – не раз возникнет перед внутренним взором героев «Тайное тайных». «А не зажалеешь?» (10) – совершенно некстати «вдруг» спрашивает Тимофей («Жизнь Смокотинина»). «С точки зрения человеческой целесообразности любовь вызывает жалость к себе» (75), – утверждает комиссар из «Пустыни Тууб-Коя». Далее в первых публикациях рассказа шел текст: «...и я *выходит против*», – снятый автором, возможно, опять-таки потому, что чувство жалости, несмотря на пропаганду классового подхода к человеку, не исчезло из памяти крестьянина, ставшего комиссаром отряда.

Страницы воспоминаний Иванова о Есенине сохранили разговор с поэтом о жалости:

- Жалко тебе его [знакового поэта. – *Е.П.*].
- Жалко.
- Стихи его любишь?
- Стихи-то средние. А просто жалко – из соседней губернии он. Жалость необъяснима³⁹⁸.

Не здесь ли истоки этого мотива в книге «Тайное тайных»?

³⁹⁸ Иванов В. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. С. 301.

Усложняя тайную внутреннюю жизнь своих героев – простых мужиков, Иванов ставит их перед вечными, проклятыми вопросами человеческого бытия, на которые искали ответы герои классической русской литературы – интеллигенты Толстого и Достоевского, мужики Чехова и Бунина. Может быть, формулировки ивановских мужиков, не умеющих словами выразить свою внутреннюю тревогу и тоску, были слишком просты, но несли они все те же вечные вопросы русской литературы.

Так, в рассказе «Ночь» деревенский парень Афонька убивает старуху. Сколько возмущенных слов написали критики, сравнивая героя Иванова, который убил «просто так», с Раскольниковым из романа Достоевского, которому понадобилась целая теория, чтобы оправдать убийство процентщицы³⁹⁹. Между тем и Афонька убивает не «просто так». Описывая старуху: «большие добрые глаза», «ласковый взгляд», «Афонские истории рассказывает», – Иванов отсылает читателя к исконно русской традиции – странничества человека по земле в молитвенном покаянии и служении Богу, – традиции, всячески разрушаемой в безбожные 1920-е гг. Характерным примером может послужить рассказ Н. Алексиевского «Божий человек» из журнала «Безбожник», в котором герой, поведав о святых местах, лезет в постель к деревенской девке и крадет новую кофту⁴⁰⁰. В сознании Афоньки, живущего в мире поколебленных ценностей, где председатель Совета готов перекричать любого попа (или в изменившейся реальности?), странница предстает злобной, похотливой ведьмой, вызывающей желание столкнуть ее с поезда. Услышав же от матери рассказ старухи о кондукторе – «ласковой душе», который «чаем напоил и полтинничек на дорогу дал», Афонька задает вопрос, отсутствовавший в журнальной публикации и появившейся только в «Тайное тайных»: «Ласковая, говоришь, душа?» (28). Афонька знает (или думает), что старуха лжет, и нет, значит, в мире никакой «ласковой души», и

³⁹⁹ Гроссман-Роцин И. Без мотивов и без цели («Ночь» и «Особняк» Всеволода Иванова) // На литературном посту. 1928. № 20–21. С. 46.

⁴⁰⁰ Безбожник. 1927. № 4. С. 11.

после этого открытия одного из законов новой жизни, ему, как пишет автор, сразу становится веселей, «и мир словно полегчал, словно оперился» (28).

Серьезная работа велась Ивановым над начальными строками и финалами рассказов. Первый рассказ книги «Жизнь Смокотинина» в варианте «Красной нови» открывался следующим текстом: «*Журавли блуждают в небе осенью, журавли теряют путь – выйдешь вечером, на землю ложится иней, тоска идет с неба – где же человеку с его земным сердцем знать все пути, если летящая к небу птица и та тоскует*»⁴⁰¹. Повторенное дважды слово «путь», данное в контексте «утерянный путь», несмотря на его очевидную важность для автора, уходит из начала книги: текст был снят. Начало становится предельно конкретным и связанным с эпохой: «Когда впервые после долгих войн...» (7).

Последние строки рассказа «Жизнь Смокотинина» менялись несколько раз.

«Красная газета»: «Она [Катерина. – Е.П.] туго, чтобы не *слезал* с плеч, затянула платок узлом на груди – склонилась *ко гробу*».

Никто теперь не помешал бы ей набрать *щепок*».

«Пламя»: «Она туго, чтобы не *слезал* с плеч, затянула платок узлом на груди – склонилась *ко гробу*».

И никто теперь не помешал ей набрать *щеп*».

«Тайное тайных»: «Она туго, чтобы не **скользил** с плеч, затянула платок узлом на груди – склонилась **к полу**».

И никто теперь не помешал **бы** ей набрать **щеп**» (13).

Похороны Тимофея происходят в послереволюционной России в соответствии с христианским обрядом. Заменяя слова «склонилась ко гробу» на «склонилась к полу», Иванов придает финалу двойственность: Катерина, в соответствии с традицией, отдает земной поклон, прощая Тимофея, и/или наклоняется к полу, чтобы вновь взять щепку. Напомним, что рассказ начинался с нарушения Тимофеем старинного обычая, по которому плотники

⁴⁰¹ Красная новь. 1926. № 3. С. 52.

могут давать щепы кому захотят. После смерти Тимофея никто не мешает Катерине – значит, обычай сохраняется. Так заканчивался первый рассказ книги.

В работе над финалом рассказа «Полынья» акцентировалась еще одна сквозная тема книги – тема сокровенного Слова. Сравним:

«Красная новь»: «Не *от слов* же быть мне такому храброму».

«Шквал»: «Не *со слов* же быть мне такому храброму».

«Тайное тайных»: «Не **со слова** же быть мне такому храброму» (20).

В окончательном варианте заключительная фраза перекликается с зачином: «Жизнь, как слово – слаще и горче всего», – и позволяет рассматривать «Полынью» как рассказ о тайном Слове, вспомнившемся герою и повлиявшем на его перерождение.

С самого начала повествования о Богдане автор роняет, что тот не умеет найти нужного душевного слова: «...часто надо бы сказать заказчику ласковое слово, а у него получалась брань» (14). Первые слова, обращенные к селезню, тоже брань: «Замучаю, курва» (15). Однако в страшный момент близости смерти со дна души Богдана всплывают другие слова: «Богдан остановился. “Господи!” – прокричал он приказывающе» (17). И далее: «И стало ему до слез обидно на Степку, пригнавшего Богдана на такую обидную смерть к срубам. “Господи!” – опять приказал он» (17). Эта первая часть молитвы, обращение к Богу – «имя, идущее от человека к Богу», – писал о. Павел Флоренский: «Это – зов. Обращаясь, – именуя, – мы актом воли открываем свою уединенность Именуемому, утверждаем себя как бытие вторичное, усматриваем перед собою высшее себя... Зов – это значит мое признание, что не я один существую и что не я – последнее основание всего бытия».⁴⁰² Может быть, именно потому, что вспоминает Богдан истинное Слово, и происходит его перерождение: огромная злость сменяется кипящим теплом, небывалая доброта овладевает им. Открытый в своей

⁴⁰² Флоренский П. Словесное служение (молитва) // Флоренский П. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). Философское наследие. Т. 133. М.: Изд-во «Мысль», 2004. С. 392.

неоднозначности финал рассказа указывает на возможность восстановления связи с Небом – вертикали – в душе человека.

Отмеченные изменения текста рассказов на пути их включения в «Тайное тайных», проясняющие главные темы и мотивы книги, способствовали углублению характеров и созданию того «стиля ясной простоты» (Лежнев), к которому стремился Вс. Иванов.

Ко второму этапу творческой истории книги относится правка вошедших в нее текстов при переизданиях. После разгромной критики 1927–1929 гг. книга «Тайное тайных» была разрушена и больше никогда при жизни писателя не переиздавалась. Отдельные ее рассказы в иной последовательности включались в собрания сочинений писателя и различные сборники, добавлялись к текстам других произведений, а некоторые практически исчезли из круга переиздаваемых или приобрели совершенно иное, подчас противоположное первоначальному звучание.

Рассматривая принципы издания произведений книги «Тайное тайных» важно разделить цензурно-редакционные изменения, внесенные в текст, и те, что вызваны реализацией собственно авторских установок писателя.

Проведенная сверка прижизненных изданий позволяет говорить, что в 1928–1929 гг. Иванов сам вносит изменения в текст произведений книги. Подготовка к печати 3 тома собрания сочинений (1928–1931), куда войдут шесть рассказов «Тайное тайных», видимо, происходит до начала 1928 г., то есть до публикации рассказов «Особняк» и «Подвиг Алексея Чемоданова», которые окончательно утверждают тогдашнюю критику во враждебном революционному характеру творчества писателя (эти рассказы не войдут в собрание сочинений). Формируя состав третьего тома, Иванов включает в него произведения из двух книг – «Тайное тайных» и «Дыхание пустыни», а также некоторые рассказы, печатавшиеся в периодике («Комендант», «Счастье епископа Валентина» и др.), объединяя их общим заглавием – «Счастье епископа Валентина». Этот рассказ – единственный, где появляется сочетание слов «тайное тайных»: «И как тяжело жить, если счастье человека

состоит в том, что ты не смеешь судить мир, не имеешь силы убежать от мира и должен подчиняться *тайному тайных земли, малую каплю которого знают мужики*⁴⁰³ (курсив наш). Приведенный фрагмент текста отсутствует в первых публикациях рассказа и вводится именно при включении его в 3 том собрания сочинений. Рассказы этого тома в основном посвящены деревне середины 1920-х гг. Возможно, в замысел автора входило посредством такого раскрытия смысла понятия «тайное тайных» прояснить одну из главных мыслей уничтоженной книги, противопоставив ее трактовкам, которые давали в печати как рапповцы, так и перевальцы. Приведенный пример дает основания утверждать, что в 1928 г. Иванов логику своего творчества видел в дальнейшем раскрытии того понимания мира и человека и тех идеалов и ценностей, к которым пришел в «Тайное тайных». В реальности, однако, все сложилось иначе.

К концу 1929 г. обличительный пафос статей об Иванове достигает своего апогея. Итог этой антиивановской кампании представлен в «Литературной энциклопедии» 1930 г., где творчество писателя названо «чуждым социалистической революции»⁴⁰⁴. С этого момента начинается «новый поворот Всеволода Иванова», когда писатель, с одной стороны, сам публично признает рассказы «Тайное тайных» ошибочными, вызванными «сугубо личными настроениями»⁴⁰⁵, с другой – последовательно настаивает на включении «ошибочных» рассказов в издания своих произведений, соглашаясь на различного рода исправления.

Если проанализировать частотность публикаций рассказов из книги «Тайное тайных» в период с 1930 по 1963 гг., то можно увидеть, что одни («Жизнь Смокотинина», «Полынья»), естественно с исправлениями, включались в издания разных лет, другие, наиболее крамольные, практически не публиковались. К последним относятся «Поле» – переиздан

⁴⁰³ Иванов Вс. Собр. соч.: в 7 т. Т. 3. С. 16.

⁴⁰⁴ Литературная энциклопедия. М.: Изд-во Коммунист. акад., 1929. Т. 4. С. 403.

⁴⁰⁵ Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов, 1917–1956 / сост. Л.В. Максименков. М.: Материк: Демократия, 2005. С. 189.

при жизни писателя один раз в 1934 г. в сборнике с характерным названием «Дикие люди»; «Ночь» – одно переиздание в двухтомнике 1938 г. и «Смерть Сапеги» – переиздан только в 1963 г. Что касается двух последних рассказов книги, то здесь причины запрета крылись, скорее всего, в их так называемой «фрейдистской направленности», о которой много писали в 1920-е гг. С рассказом «Поле» ситуация была иная. Он продолжал в творчестве Иванова линию, идущую от ранних рассказов о земле как источнике жизни человека и народа к повести «Цветные ветра» и далее к не публиковавшимся при жизни писателя произведениям 1940-х гг.: роману «Проспект Ильича»⁴⁰⁶ (1942), пьесе «Запевало» (1944)⁴⁰⁷, которые продолжали ту же тематику. Образовалась странная ситуация. Зоркая прижизненная критика всегда называла Иванова среди новокрестьянских писателей. В начале XXI в. в силу разных причин, в числе которых назовем и отсутствие переизданий рассказа «Поле», об авторе «Цветных ветров» и «Тайное тайных» напишут: «Запах хлеба, исконно опозитизированный фольклорной культурой, исполнен для Всеволода Иванова угрозой революционному состоянию мира»⁴⁰⁸.

Дальнейшие издания рассказов книги «Тайное тайных» все больше вводили читателей и исследователей от ее проблематики. Произвольной стала последовательность расположения текстов. Архитектоника «Тайное тайных», как уже отмечалось, исполнена высокой и трагической логики. Ни в одном из последующих прижизненных и посмертных изданий авторская логика не сохранялась: рассказы включались в разные тома (Избранное. 1937–1938), или разные разделы (издание 1963 г.). Изменение последовательности расположения произведений книги привело к тому, что перестали прочитываться ее главные сокровенные темы.

Со 2-й половины 1930-х гг. в работу над рассказами включились редакторы. Редакционная правка шла в нескольких направлениях:

⁴⁰⁶ Впервые: Сибирские огни. 2016. №№ 7–12. Подготовка текста и предисл. И. Махнановой.

⁴⁰⁷ Впервые: Неизвестный Всеволод Иванов. С. 397–414.

⁴⁰⁸ История русской литературы XX в. (20–50-е гг.) Литературный процесс / под ред. А.П. Авраменко и др. М.: Изд-во Московского ун-та, 2006. С. 24.

стилистическом – унификации подверглась изумительная метафоричность Иванова; условно говоря, «этическом» – снимались эпизоды, носящие, по мнению редакторов, излишне натуралистический характер, и главное – идеологическом. Откровенно идеологическими причинами было вызвано изъятие в издании 1937 г. из текста рассказа «Плодородие» истории, которую рассказывает мужик Турукай, комический двойник главного героя. По своей роли в произведении – переосмыслении через язык народной смеховой культуры «серьезных» идеологических категорий жизни 1920-х гг. – этот персонаж, брехняк и враль, предтеча знаменитого шолоховского деда Щукаря. Сокращается следующий замечательный фрагмент:

...мне тот же скопец говорил: Ленина-то, говорят, в склепе-то нет, заместо его какой-то солдат лежит, а сам Ленин сейчас по России ходит, надежных людей выбирает, чтоб всему миру войну объявить. Тыщу, грит, начальников набирает, а набрал только пятьсот. Ведь, очень просто, может и в наше село зайти, скажет: а почто Турукаю не быть у меня главкомандующим, если он у меня в партии. Надевай на Турукаю ордена и давай ему коня арапской породы, а... (47).

История Турукай пародийна по отношению к многочисленным «народным сказам о Ленине», появившимся после смерти вождя. Безусловно, в конце 1930-х гг. она не могла быть напечатана.

Тотальным искажение текста рассказов Иванова становится в 1950-е гг. Именно в изданиях этих лет варварски правился язык писателя. Вот несколько примеров унификации языка: «каверза» вместо «заполошная события», «неужто и впрямь» вместо «взаболъ», «шли покачиваясь» вместо «зыбались чреслами» («Плодородие»), ресницы «доходили до бровей» вместо «хватали до бровей», «улыбнулась легко» вместо «улыбнулась тягостно-легко», «партизан в кафтане» вместо «кафтоносец» («Пустыня Тууб-Коя») и т.п. По стилистическим и идеологическим соображениям опускались части фраз и целиком фразы: «грудь у нее не вместились бы в крынку, она сонно, медленно качалась» («Плодородие»), «В такое-то великое да расстрельное время», «Игумны, матушка, все сбежали, а то и пристрелены», «Все топи и болота мелиорирую, леса повырублю, больше

широва, тем склешилее» («Бегствующий остров»). В последней фразе опущены слова, придающие ироническую окраску эпохальным проектам продкомиссара. И т.п. На фоне борьбы с ивановской метафоричностью откровенной издевкой выглядит на полях рядом с фразой: «...ослы, как известно, были задраны волками за отсутствием стадности и наблюдений», – редакторская пометка: «Оставить – стилизация речи»⁴⁰⁹.

Рецензируя подготовленные писателем в 1946 г. «Избранные сочинения», редактор П. Крекотень выступал категорически против произведений книги «Тайное тайных»: «Вся эта группа рассказов, различных по своей тематике, соединена общей идеей, идеей ложной и фальшивой. Она <...> безусловно, не может быть рекомендована к переизданию»⁴¹⁰.

В 1958 г. началась подготовка второго собрания сочинений Иванова. Итогом мучительной работы писателя с редакторами стало то, что 3-й том, включающий книгу «Тайное тайных», был рассыпан. Защищая дорогую для себя книгу, Иванов пишет 3 сентября 1958 г. письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву, в котором, ссылаясь на авторитет А.М. Горького, настаивает на публикации многострадальных произведений:

Основанием для решения Трегубова [в то время заведующий отделом современной художественной литературы Гослитиздата. – *Е.П.*], приведшего к рассыпке 3-го тома, послужила рецензия В. Друзина, редактора «Литературной газеты», которому этот том был послан на рецензию, – уже после подписания к печати. Рецензент был выбран с умыслом, т.к. широко известно, что Друзин не может мне простить того, что я решительно выступал во время моей работы в редколлегии «Литер<атурной> газеты» против беспринципности и бездарности Друзина. «Рецензия» Друзина, в которой одним росчерком пера из уже набранного тома вычеркивается большая часть входящих в него произведений, не нуждается в комментариях⁴¹¹.

Рецензия В. Друзина, в 1926 г. одного из одиозных критиков С. Есенина, действительно носила уничтожительный характер: «...некоторые

⁴⁰⁹ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 8. Ед. хр. 573. Л. 288.

⁴¹⁰ Там же. Оп. 7. Ед. хр. 343. Л. 24, 28.

⁴¹¹ Цитируется по машинописной копии. Хранится в архиве Вс. Иванова. Впервые опубликовано: Текстологический временник. Русская литература XX в.: вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 131–133.

рассказы и повести Вс. Иванова выглядят как полностью неприемлемые в наши дни и по форме, и по содержанию»⁴¹². Далее последовательно разъяснялось, почему тот или иной рассказ «не следует печатать». «Повесть “Плодородие” <...> утверждает незыблемость извечных законов бытия – попытки отдельных бунтарей изменить жизнь бессмысленны и никчемны. Плодородие земли возможно лишь при старых, устоявшихся формах жизни». «Сумбурен и пессимистичен рассказ “Полынья”». «Рассказ “Жизнь Смокотинина” изображает человека как безвольную игрушку слепых страстей»⁴¹³. И т.п. Показательно, что Друзин еще 30 лет назад высказался о «Тайное тайных» в связи с вставшей проблемой учебы у классиков. Формулируя «основную идею» романа Л. Толстого «Война и мир»: «...неизменность, непоколебимость исконного бытового уклада», – критик под «торжеством быта» у классика понимал «торжество подсознательного, стихийного над случайными якобы доводами рассудка». «У Толстого учился Всеволод Иванов, когда писал свою книгу “Тайное тайных”, – констатировал Друзин. – Получились вещи решительно враждебные основным устремлениям революционной литературы»⁴¹⁴.

Сохранившиеся в фонде издательства «Художественная литература» РГАЛИ материалы представляют драматическую историю борьбы Иванова за книгу «Тайное тайных», завершившуюся поражением автора. На машинописях рассказов книги видны следы двух правок: предварительной, «щадающей» и окончательной, искажившей произведения до неузнаваемости. Так, из текста рассказа «Пустыня Тууб-Коя» изымаются строки со страшными подробностями гражданской войны: «*По челку утонула в груди человека конская нога*»; «*Серые шинели слились в один матерно мечущийся растрепанный ворох...*». Но этого редактору показалось мало, и вместо слов:

⁴¹² РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 1380. Л. 178.

⁴¹³ Там же. Л. 177.

⁴¹⁴ Друзин В. Задачи пролетарского поэтического молодняка (К вопросу об усвоении культуры прошлого) // На литературном посту. 1928. № 8. С. 43.

«Тут надо про *смерть*» – вписывается: «Тут надо про **борьбу**»⁴¹⁵. Изменяется и сюжетная коллизия рассказа. В книге «Тайное тайных» комиссары Омехин и Палейка, разыгрывая, кому достанется пленница, сестра белогвардейского офицера, стреляли в мышь. В редакторском варианте Омехин благородно отказывается стрелять, демонстрируя революционную стойкость, а затем убивает недостойного комиссара Палейку. Из текста вычеркнут также один из ключевых его фрагментов о ветре пустыни.

Рассказ «Пустыня Тууб-Коя», как и «Жизнь Смокотинина», уже изымался в 1946 г. из проекта издания «Избранных произведений Вс. Иванова». Тогда в «Заключении об “Избранном”» от 19 октября 1946 г. старший редактор отдела современной русской литературы А. Воинов писал: «В этих рассказах поступки всех героев подчинены безудержной, болезненной плотской страсти. <...> Появление пленницы в отряде сделало его совершенно небоеспособным, превратило его в отряд животных, истекающих похотью. В “Жизни Смокотинина” та же одуряющая болезненная тяга к женщине. Темные силы живут в людях и приводят их к гибели, к маразму»⁴¹⁶. Оценки редакторов 1940-х гг., как видим, не уступали злобным вердиктам критиков 1920-х гг. Рассказы из «Тайного тайных» тогда так и не были включены в состав «Избранных произведений Вс. Иванова». В 1958 г. это все же произошло, но какой ценой.

Еще более радикальной правке подвергся рассказ «Плодородие», в новой редакции превратившийся в повествование о напряженной борьбе партийца Мартына со злобными кулаками-староверами. Предлагая издательству «Художественная литература» рассказ, не публиковавшийся 20 лет, Иванов предварительно вносит в него исправления. В РГАЛИ хранится текст «Плодородия», который представляет собой разрозненные страницы из третьего тома собрания сочинений 1928 г., наклеенные на листы большого формата, с вложенными в них машинописными страницами,

⁴¹⁵ Иванов Вс. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М.: Худож. литература, 1959. С. 218.

⁴¹⁶ РГАЛИ. Ф. 643. Оп. 7. Ед. хр. 343. Л. 14.

содержащими ряд авторских исправлений. Снято посвящение Ф. Богомильскому. В рассказе Турукая о девке (3 гл.) опущена часть фразы: «Ногами машет, вертит, дрыгат, *в конец-то... в дождь ударило...*» (42); в этой же главе сокращено: «Кое где <...> истошно охали, *и тогда сразу тяжелеет живот у Мартына*» (42). Вместо: «...но времена дикие: если не партия, сожжет еще, а потом такие законы отыщет, погорельцев же судить и будут» (48), – напечатано: «...но времена такие пришли: тут ему и партия, голытьбе только и лафа, такие законы отыщет, еще и судить тебя будут». В 6 главе сокращен разговор Мартына с мужиками о партии: «Тюменец замахал руками ~ и мордой в канаву не летит» (71) и заменен словами «**Мартын визгливо закричал: – Какой ты указчик. Сам в партию не хошь и нам не указывай**». Однако сатирическое описание поездки в город во 2 части 6 главы (после звездочки – *) в этом варианте еще сохранялось целиком, лишь в конец главы было добавлено: «**Потом выяснилось, что сто рублей-то дали старики не подрядчикам, а мошенникам. Те задание получили и по службе взрывать были обязаны**». Количество напивших инженеров в 7 главе сократилось с трех человек до двух. Помимо указанных исправлений и сокращений, наиболее существенным моментом правки стала переделка Ивановым в 8 главе любовного сюжета на политический: вместо сцены насилия над Еленой введены фразы: «– **А будешь, будешь слушать, когда тебе говорят... – кричал Мартын. – Я тебе про хорошее. В город тебе надо. К настоящему делу тебе надо. Эка краля! Господи... Мужик-то у тебя последняя...**» И т.п. Последующий текст сцены избиения сокращен. Вместо абзаца: «*Мартын заревел ~ рев еще не прекращался*» (58), –напечатано: «**Мартын пытался объяснить, что ни в чем не виноват – и бабу не тронул и для общества старался. Но никто ничего не слышал и не понимал, били Мартына не только богатеи, но и науськанные ими, ослепленные, озверевшие мужики, били сначала кулаками, затем подхватили и, подкидывая в**

воздух, бросали спиной на гальки»⁴¹⁷. Однако и этих исправлений оказалось недостаточно для переиздания.

В результате в собрание сочинений 1950-х гг. вошел вторично переработанный текст, созданный уже после того, как отчаявшийся писатель обратился с письмом к Н.С. Хрущеву. Основная задача редакторов состояла в том, чтобы окончательно сделать из Мартына и Турукая достойных партийцев, мужиков-староверов превратить в озверевших кулаков, а трагический финал по возможности сделать оптимистическим. В 6 главе к репликам Мартына: «Говорят вам, – в город надо ехать. В Совете помощи просить», – после слов одного из мужиков, что надо предложить городской власти золото, добавлено следующее возражение героя: «– **Эк тебя. Ты все по старинке меряешь! Ан теперь советская власть!**»; а репликам других мужиков даны яркие оценочные характеристики: «**ехидничал Скороходов**», «**опять поддакнул ему Любашкин**», «**опять заорал Скороходов**»⁴¹⁸ и т.п. Эпизод поездки мужиков в город (6 гл.) в новой редакции подвергся практически полному сокращению, начиная от сцены приготовления к поездке: «*Пиджаки надели погрязней, долго разучивали, как вначале нужно хвалить советскую власть, как благодарить за благодеяния, за агрономов, за школы, за свободу религий...*» (51). Но добавлено было, что «**Тюменец успел с одним из инженеров снюхаться – золото ему сунул**». Этот-то недостойный инженер как раз и «устроил пьянку» и «собрал девок», а не трое, как в «Тайное тайных». Вместо сцены помощи односельчан семье Мартына, который в «Тайное тайных» «так на поле и не заглядывал» (54), герой трудится сам, размышляя при этом: «**Как объединить мужиков победнее и батраков, когда они все еще побаиваются богатеев? Не миновать в волость идти – там-то ячейка есть и знакомец умный есть – посоветует, как приступиться**», – думал Мартын, нарубая сухостойных

⁴¹⁷ Там же. Ф. 613. Оп. 8. Ед. хр. 574. Л. 476–512.

⁴¹⁸ *Иванов Вс.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. С. 422–423.

дров для сушки в овине»⁴¹⁹. Облагородили редакторы и Турукая: из мужика «никчемного», «пустого» он превратился в мужика «веселого нрава», стал мыслить нужными классовыми категориями; к словам Турукая добавлено: **«Богатеи-то о своем брюхе только и думают, на общество им наплевать»**⁴²⁰. Исчезают из текста характеристики: *«Турукай был каждый день пьян»* и *«Турукай блевал, нехорошо ругаясь...»* (53). Елена в новой редакции рассказа превращается в женщину, стоящую на пороге пробуждения к новому. Финал рассказа в итоге приобрел следующий вид: **«Мартына не стало, может быть именно поэтому слова его о городе, о настоящем деле зазвучали в ней с необычайной силой и не пускали домой в долину»** То, что Елена идет не домой, а **«вверх к приискам»**⁴²¹, очевидно, символически передавало ее готовность к новой жизни.

Рассказ «Про двух аргамаков», развивающий знаковый в 1920-е гг. сюжет о братьях, оказавшихся в красных и в белых, в 1950-е гг. выправили так, что был абсолютно утрачен его истинный смысл – трагедия братоубийственной гражданской войны. Читаем в «Тайное тайных»: «Через всех казаков проскакал Егор к брату. “Эх, грит, Митьша, прощай”. И вдарил его шашкой в самые глаза. Потом-то? Напугались казаки *такого злодейства, сдались*» (69). Сравним исправленный вариант: «Через всех казаков проскакал Егор к брату. ”Эх, грит, Митьша, прощай, **изменник. Стыдно мне за тебя и за все семейство наше казацкое! Помирай от моей руки**”. И вдарил его шашкой в самые глаза. Потом-то? **Ну, напугались генеральские казаки. Уж коли брат своего брата не пожалел, значит за Егором правда. А с правдой как воевать? Она победит**»⁴²². Такой идеологически выверенный текст вошел во все дальнейшие прижизненные и посмертные издания, включая и последнее собрание сочинений Иванова 1970-х гг.

⁴¹⁹ Там же. С. 426.

⁴²⁰ Там же. С. 417.

⁴²¹ Там же. С. 432.

⁴²² Там же. С. 157–158.

Приведенные примеры различных изданий текстов рассказов «Тайное тайных» показывают, как на протяжении многих лет делалось все, чтобы стереть память об «ошибочной» и «позорной» книге писателя. Изменялись и сокращались как отдельные части текстов – слова, фразы, целые эпизоды, так и целиком тексты; с целью разрушить структуру книги, менялся порядок их расположения, наконец, некоторые рассказы целиком исключались из изданий. И надо сказать, что цель была достигнута. Книга как целое на целые десятилетия перестала существовать.

Подводя итоги, отметим, что источниковедческая работа последних лет по выявлению новых биографических и творческих материалов прежде всего наименее известного сибирского периода, систематизация текстов Вс. Иванова 1910-х гг., а также изучение истории текста двух центральных произведений 1920-х гг. – повести и пьесы «Бронепоезд 14-69» и книги «Тайное тайных», имеющее целью восстановить их первоначальный авторский замысел, дает возможность по-новому представить первые полтора десятилетия творчества писателя, проследить становление его мировоззрения и художественных установок.

ГЛАВА 2. Прошлое, настоящее и будущее Сибири в прозе Всеволода Иванова.

2.1. Рецепция областнических идей в книге Иванова «Зеленое пламя. Рассказы и сказки».

В течение долгого времени тема сибирского областничества как направления общественной и научной мысли, обосновавшего свою историко-культурную концепцию и политическую программу, была практически закрыта. За последние почти два десятилетия в Петербурге, где областничество сформировалось в 1860-е гг. в среде историков-федералистов – Н.И. Костомарова, А.П. Щапова, К.Н. Бестужева-Рюмина, Н.В. Павлова и студентов, впоследствии выдающихся ученых и общественных деятелей – Г.Н. Потанина (1835–1920), Н.М. Ядринцева (1842–1894) и других, и в крупных городах Сибири: Томске, Омске, Красноярске, Барнауле – опубликованы исследования и проведены научные конференции и чтения, направленные на изучение социокультурной программы областников⁴²³ и, в меньшей степени, их роли в политической борьбе в Сибири в 1917–1919 г. В 2000-е гг. изучение областничества как «малоизвестного движения в среде провинциальной интеллигенции России» введено в программы философских факультетов Санкт-Петербургского и Алтайского университетов⁴²⁴. К 125-летию первого университета Сибири, создание которого входило в число важнейших задач областников Потанина и Ядринцева, был приурочен выход первого сборника статей «Сибирский текст в русской культуре». Работы литературоведов, историков и лингвистов, составившие сборник, «посвящены актуальным вопросам сибиреведения, в первую очередь – самосознанию Сибири не только как провинции, но и как особого региона

⁴²³ См., напр.: *Шиловский М.В.* «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: биографический очерк. Новосибирск: Сова, 2004; Первые Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева (1842–1894). Омск.: Изд-во Омского гос. историко-краеведческого музея, 2012 и др.

⁴²⁴ См. учебные пособия: *Головинов А.В.* Идеология сибирского областничества: социокультурные ценности и политические смыслы. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2011; *Малинов А.В.* Философия и идеология областничества. СПб: Интерсоцис, 2012.

планеты»⁴²⁵. В 2010 г. поддержанная Институтом истории и археологии УрО РАН вышла коллективная монография «Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве», в которой на основании произведений русских писателей и этнографов, а также с привлечением новых архивных материалов исследованы «этапы сложного процесса осмысления русского Востока, вхождения его в национальную картину мира, формирования спектра его культурно-исторических ролей»⁴²⁶. Представляя разные ракурсы проблемы понимания сибирского текста русской литературы, редактор издания К.В. Анисимов приводит точку зрения, в соответствии с которой «областничество XIX – начала XX в. и его рефлексии в советской словесности и культуре диаспоры» названы катализатором к формированию сибирского текста⁴²⁷.

Среди имен писателей 1-й половины XX в., названных в издании: Г.Д. Гребенщикова, В.Я. Шишкова, А.Е. Новоселова и др., – нет имени Вс.В. Иванова, что вполне понятно: его сибирские произведения 1915–1920 гг. вплоть до 2010 г. не были ведены в научный оборот.

Значение областничества для творческой молодежи, в начале XX в., как и Иванов, входившей в литературу, определил сибирский писатель и журналист Г.Д. Гребенщиков, вспоминая в 1923 г., уже будучи в эмиграции, о «неслыханном всесибирском торжестве» – 80-летию Потанина в 1915 г.: «Не было сколько-нибудь порядочного русского печатного органа, который бы не посвятил горячих или теплых слов, чаще страниц, сибирскому гражданину, сыну простого казака, олицетворявшему собой все лучшие стремления российских ста племен... <...> Потанин верил, что Сибирь, бедная людьми, но богатая чистым воздухом и чистыми идеями, посеянными в свое время лучшими изгнанниками из России, воздвигнет на своих

⁴²⁵ Сибирский текст в русской культуре: К 400-летию Томска и 125-летию первого университета Сибири / под ред. А.П. Казаркина. Томск: Сибирика, 2002. С. 2.

⁴²⁶ Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / под ред. К.В. Анисимова. Красноярск: СФУ, 2010. С. 2.

⁴²⁷ Речь идет об издании: *Серебрянников Н.В.* Опыт формирования областнической литературы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004 // Там же. С. 3.

просторах бессмертные храмы истинной Свободы, Любви и Красоты, перед которыми чистосердечно склонятся запальчивые головы, огнем и мечом добывающие ныне общечеловеческое счастье»⁴²⁸. Делая попытку осмыслить сегодня масштаб личности выдающегося ученого, Почетного гражданина Сибири Г.Н. Потанина и возглавляемого им общественного движения – областничества, историки отмечают: «Географ, ботаник, историк, литератор суть частные проявления его неистощимого интереса к жизни. <...> Отсюда его желание найти и понять связи общества и природы, Востока и Запада, прошлого и будущего. <...> Самый больной вопрос – областничество Потанина. <...> Исходные положения “сибирского патриотизма” просты и неоспоримы. Самое же трагичное в том, что они ничуть не устарели. <...> Мысли Потанина, противника сверхцентрализации <...>, сегодня звучат неожиданно современно, что, впрочем, не делает нам чести»⁴²⁹.

Юбилейный для Потанина 1915 год – это год, с которого начинается путь Вс. Иванова в литературу: в 1915–1920 гг. в региональной печати он публикует свои первые стихи, сказки, рассказы, статьи и очерки. Очевидно, что молодой писатель не мог пройти мимо идей, которыми наполнено было общество и которые сформировали целое направление в литературе и публицистике. Важно определить, что он вынес из этих идей и каковы были художественные формы, в которых отразилось его восприятие.

Слово «областничество» в исследовательской литературе об Иванове не появлялось никогда, хотя в рассказах самого писателя «Происшествие на реке Тун» (1925), «Смерть Сапеги» (1926) не раз упоминается (без отрицательной коннотации) бело-зеленое сибирское знамя, поднятое впервые в Томске в мае 1917 г., – символ областнической Сибири. Умалчивание филологов понятно: с 1920-х гг. и на протяжении многих лет Потанин и его единомышленники, не признавшие ни в 1917 г., ни позднее власти большевиков, участвовавшие в 1918 г. в создании Временного Сибирского

⁴²⁸ Гребенщиков Г.Д. На склоне дней его // Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений. С. 122.

⁴²⁹ Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности. С. 221–223.

правительства, по многим вопросам поддерживающие правительство А.В. Колчака⁴³⁰, назывались представителями мелкобуржуазной контрреволюции, «социалпредателями», «прихлебателями черного адмирала» и т.п.⁴³¹. «Отсутствие решения и даже корректной постановки вопроса о литературном областничестве, – отмечает К.В. Анисимов, – осложнялось распространившимися в 10–20-е гг. в связи с рядом исторических обстоятельств вульгарно-политизированными оценками сибирской культурной среды. Удар был нанесен прежде всего по структурному ядру этой среды – формировавшимся в течение всего XIX столетия областническим воззрениям, никак не вписывавшимся в концепцию классовой борьбы. Изъятие наследия областников из контекста литературного развития края закономерно провинциализировало его самобытную литературную традицию...»⁴³²

В разные периоды своей жизни Иванов откликался на областнические философско-культурные идеи и общественно-политические требования по-разному. Что-то принимал, с чем-то активно спорил, что-то, принимая, трактовал по-своему.

Отношение к областничеству в среде сибирской демократической интеллигенции в 1910-е гг. сложилось неоднозначное. Как уже отмечалось, в 1916 г. Иванов регулярно печатает свои рассказы и сказки в Петропавловской газете «Приишимье» и ведет там рубрику «По краю. Курган». Написанные очерки посвящены конкретным событиям народной, прежде всего крестьянской жизни. Материалы издания показывают, что в целом его авторы, отдавая должное лидерам областничества, Г.Н. Потанину и Н.М. Ядринцеву, как выдающимся ученым – этнографам и фольклористам, весьма критично оценивают их общественно-политическую программу –

⁴³⁰ См.: Шоловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. С. 62–330.

⁴³¹ См.: Круссер Г. Сибирские областники. [От 1864 г. до эпохи Колчака.] Новосибирск: Огиз. Зап.-Сиб. отделение, 1931. С. 32. Цит по: Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений. С. 136.

⁴³² Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Томского университета, 2005. С. 6.

теорию, «не считающуюся с действительными требованиями и нуждами страны». Комментируя выражение Потанина, что будущая Сибирь – это «рай мужиков», «мужицкое царство», некто, подписавшийся «В.Е.», замечает: «...чисто утопическая мысль, что Сибирь при данных экономических и политических условиях может явиться примером для политических опытов в европейской России, свидетельствует лишь о том, что областническая идеология построена исключительно на отвлеченных началах». Отсюда естественно следует вывод автора, что «областничество как таковое не увлекло и не удовлетворило трудовые массы»⁴³³.

Непростое отношение к областникам молодого Иванова прочитывается в его рецензии на один из номеров литературного, научного и политического журнала областнического направления «Сибирские записки», издававшегося в Красноярске в 1916–1919 гг. Вл.М. Крутовским, будущим министром Временного Сибирского правительства. В тексте ивановской статьи (опубл.: Степная речь. Петропавловск, 1917. 15 февр.) есть понятная категоричность молодости: беллетристический отдел, по мнению рецензента, «должен преследовать чисто художественную обрисовку жизни и быта прежде всего Сибири», тем неуместнее выглядит «бездарно подчеркнутая “сибирская тенденция”». Рассказ В. Бахметьева «У земли» плох «избитым “областническим” сюжетом: теснят переселенцы вольных сибиряков, а эти последние бьются за свою “землю”... И больше ни абзаца». При этом нельзя не заметить, что автор с вниманием всматривается в крупнейшее общественное движение Сибири: «Насколько удастся успешная разработка и освещение этого вопроса – покажет будущее»⁴³⁴.

Выходивший с 1916 до 1919 г. журнал «Сибирские записки» – в то время единственный «толстый» журнал Сибири, и понятно, что начинающие писатели читают его и стремятся опубликовать в нем свои первые работы. Анализируя литературный отдел «Сибирских записок», можно увидеть, что

⁴³³ Областники и областничество // Приишимье. 1916. 18 дек. С. 3. Подпись: В.Е.

⁴³⁴ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 116.

некоторые образы, стилистика и ритмика ранних творческих опытов Иванова, составивших его самодельный сборник «Зеленое пламя. Рассказы и сказки», куда вошли произведения, опубликованные в газетной периодике Кургана, Петропавловска и Омска 1916–1918 гг., навеяны содержанием областного журнала. Не исключено, что и свой первый псевдоним – Вс. Тараканов – Иванов позаимствовал отсюда: в № 1 за 1916 г. опубликована «киргизская легенда» И.А. Тараканова «Баян-сулу», в основе которой лежит композиционный прием «рассказ в рассказе»: старый Нурпеис в степи, «пропитанной жарким голубым светом», поет для своих слушателей о красавице Баян-сулу и ее женихе Козь-Курпеш, и «если и для их ушей была облекалась в форму легенды, – для наших она звучит старинной сказкой»¹⁴. Сказания и песни народов «ушедшей Сибири» передают герои и первых произведений Иванова – «Рао» (1916), «Нио» (1916), «Сны осени» (1916) и др., а стиль этих его «сибирских легенд» и их образная система близки легенде И. Тараканова.

Кроме произведений региональной литературы, начинающий писатель знакомится в «Сибирских записках», позднее – в журнале «Сибирский рассвет» (Барнаул), с публикациями по истории, этнографии, фольклору народов Сибири. В № 3 за 1916 г. в статье «Чернь (Природа и человек горной тайги)» Н. Козьмин размышляет над проблемой древних обитателей «черни» – горной тайги: «Какого этнического происхождения были эти йышкизи, горнотаежные обитатели? <...> Основы этого мирозерцания уходили в темные, мрачные ущелья, в холодные туманные долины. А религиозный порыв поднимал человека к освещенным ярким солнечным светом горным вершинам и к самому живительному источнику света и тепла – Матери Солнцу. <...> Н.М. Ядринцев прозревал в черни колыбель цивилизации и, по-видимому, чутье его не обманывало»⁴³⁵. Тот же автор в № 3 за 1917 г. рассказывает о загадочном народе «чудь», «возраст культуры» которого «измеряется четвертым – пятым тысячелетием до Р. Х.», а в

⁴³⁵ Сибирские записки. 1916. № 3. С. 96, 106.

древних письменных памятниках упоминается о посольствах, посылавшихся в Тибет и Китай⁴³⁶. Б. Семанов в этнографическом очерке «Енисейские остяки», напечатанном в № 5 журнала «Сибирский рассвет» за 1919 г., рассматривая духовную жизнь и обычаи остяков, отмечает: «Этот народ считается остатками могучего племени, населявшего когда-то Сибирь до прихода монголов. <...> Кажется, что те предания, которые остяки сохранили, существовали давно-давно»⁴³⁷. Показательно, что в этом же номере помещено стихотворение поэта К. Худякова «Йыш-кизи». Среди постоянных авторов журнала «Сибирские записки» – Г.Н. Потанин, в приложении к номерам за 1918 г. печатаются письма Н.М. Ядринцева Потанину 1870-х гг.

Художественные и публицистические произведения, созданные Ивановым в 1916–1919 гг., передают его понимание историко-культурной концепции областников. Более всего близко молодому писателю их стремление сохранить древнюю культуру народов Сибири, их бережное отношение к фольклору разных народов региона. Население азиатской России в начале XX в. было крайне разнообразным. Описывая в 1916 г. этнический состав Сибири, член Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества, писателя и будущий министр Временного Сибирского правительства А.Е. Новоселов, которого хорошо знал Иванов, выделял «урало-алтайцев тюркской группы – якуты, телеуты, алтайцы, татары черневые, тобольские и т.д.; финно-угорской группы – остяки, вогулы; самоедской – юраки, енисейские самоеды, тавийцы, остяки-самоеды, камасинцы; монгольской – монголы, буряты, калмыки тунгусской групп – мангуны (ольчи), ороки, дауры, манчжуры, гольды и др. Палеазиатов представляют айны, гиляки, камчадалы, чукчи, азиатские эскимосы и др.»⁴³⁸.

⁴³⁶ Там же. 1917. № 3. С. 85.

⁴³⁷ Сибирский рассвет. 1919. №.5. С. 94, 98.

⁴³⁸ Доклад А.Е. Новоселова «Задачи сибирской этнографии» на юбилее Г.Н. Потанина // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Т. XXXVIII. Омск, 1916. Цит. по: ГАНО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 267. Л. 3об.

Наиболее полно тема сибирских инородцев, их верований и обрядов, уходящей культуры народов Сибири представлены в книге Иванова «Зеленое пламя. Рассказы и сказки». В первую самодельную книгу Иванова вошло много произведений, основанных на региональном фольклоре: «Золото», «Северные марева» (подзаголовок: «киргизские сказки»), «Мысли как цветы» (подзаголовок: «сибирские сказки»), а также рассказы «Рао», «Нио», «Сны осени», «Сон Ермака» и др., опубликованные с подзаголовками: «Из сибирских легенд», «Из легенд об умершей Сибири», «Из рассказов об ушедшей Сибири». Областнические идеи в своей первой книге Вс. Иванов представляет по-своему – не как общественный деятель или ученый, а как поэт, зачарованный музыкой народного слова и тайнами уходящей древней жизни.

Восточные стилизации из книги «Зеленое пламя»: рассказы «Золото» и «Кыздари-Коз» из цикла сказок «Северные марева» – частично проанализированы в книге Л.А. Пудаловой «Проза Всеволода Иванова и фольклор». Это не первые стилизации писателя. Самую раннюю сказку Иванова, «Завещание», опубликованную в газете «Приишимье» (1916. 3 янв.) с авторской пометой «Запись в Бухаре летом 1914 г.», Пудалова характеризует как «первый шаг на пути к освоению нерусского фольклора». Записав «распространенный сюжет об умирающем отце и трех сыновьях, которые должны выполнить волю отца, какой бы странной она ни казалась», Иванов еще далек от «собственного осмысления услышанного: запись преобладает над элементами обработки». Зато в цикле «Киргизские сказки», по мнению исследователя, «уже чувствуется авторский отбор»⁴³⁹. Из этого цикла в книгу «Зеленое пламя» Иванов включил сказки «Кыздари-Коз» и «Великая река», сказка «Откуда происходит табак» о пророке Магомете и укусившей его змее переиздана только в 2010 г.⁴⁴⁰.

⁴³⁹ Пудалова Л.А. Проза Всеволода Иванова и фольклор. С. 19–20.

⁴⁴⁰ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 108.

Пудаловой принадлежит также наблюдение о том, что имя горного духа Ори из рассказа «Рао», возможно, восходит к имени духа гор Йер в алтайской мифологии⁴⁴¹. Дух Йер действительно упоминается в этнографических материалах, прежде всего Потанина: «Дух земли, которому приносят жертвы весной, когда расцветают цветы, в призываниях называется Йер еези или Йезим пий...»⁴⁴², – но в 1910-е гг. имя его приобретает новое значение: «Когда в июле 1917 г. в Бийске открылся съезд инородцев Алтая, позади президиума стояло красное знамя с надписью “Дьер-су хан Алтай”. Это обозначение родины, как совокупности земель и вод (“Дьер-су” – земля-вода, мать сыра земля), было заимствовано из алтайского фольклора. Председателем Горно-Алтайской Думы стал Г.И. Гуркин – <...> соратник Потанина»⁴⁴³.

Укажем еще на некоторые поэтические фольклорные источники произведений Иванова из книги «Зеленое пламя». В «Кыздари-Коз» (девичьи глаза) и несколько измененном варианте этой сказки, вошедшем в рассказ «На горе Йык», воспроизведен часто встречающийся в фольклоре сюжет. Бедный и незнатный юноша вылечил дочь хана Бокчалыка Кыздари-Коз от тяжелой болезни, но не смог жениться на любимившей его красавице: хан приказал умертвить лекаря. «Одиннадцать дней на могиле его плакала царевна, а на двенадцатый – расцвел голубой цветочек Кыздари-Коз. <...> Одиннадцать дней цветет Кыздари-Коз, а на двенадцатый увядает»⁴⁴⁴, – рассказывает русским путникам старый шаман. Голубой цветок, куда переселяется душа, выросший на месте смерти человека, появляется также в сказке Иванова «Рао» и имеет истоки в сибирском фольклоре. В народной песне «Плач о потере сына», записанной в конце XIX в. исследователем протоиреем В.И. Вербицким, он вырастает в «месте неизведанном» как

⁴⁴¹ Пудалова Л.А. Проза Всеволода Иванова и фольклор. С. 22.

⁴⁴² Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению Императорского русского географического общества. Вып. 4. Материалы этнографические. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. С. 70.

⁴⁴³ Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности. С. 198.

⁴⁴⁴ Там же. С. 52.

напоминание о сыне, «ушедшем в страну, не имеющую сообщения»: «Прелестный голубой цветок, / Вышел ты в месте оттененном. / Дитя старости единородное, / Ушел ты туда, где нет свидания»⁴⁴⁵. Сказки Иванова «Сын человеческий» о новом пророке, молившемся солнцу, и «Сны осени», где упоминается «жрец, вставший в предзакатный час на кровлю храма солнца и молящийся какому-то неизвестному, но близкому Богу»⁴⁴⁶, возможно, имеют отношение к «солнцепоклонничеству» сибиряков, которое называл Потанин среди духовных и физических особенностей сибирского населения, обосновывая идею автономии⁴⁴⁷. Еще одна восточная сказка из цикла «Северные марева», не имеющая заглавия и обозначенная в публикации цифрой – III, которая построена как разговор Аллаха с ангелами, пророком и дьяволом о том, «что нужно сделать, чтобы были величайшие сердца любви, ума и злобы»⁴⁴⁸, своими сюжетом и композицией восходит к казахской сказке «Как избежать зло»⁴⁴⁹. В отличие от народной сказки, ивановская стилизация заканчивается тем, что Аллах, захотевший видеть «величайшее», создает золото. Происхождение восточных сказок Иванова, в частности об испытании человека золотом, Пудалова объясняет не устремлением молодого писателя «в далекую Азию», а желанием, как близкий ему сибирский литератор А. Сорокин – автор монодрамы «Золото», выразить протест против «социального устройства, обожествившего золото и обесценившего человека»⁴⁵⁰. Думается, было у Иванова и романтическое устремление в далекую Азию (вспомним его поход в Индию), рожденное не без влияния отца – Вячеслава Алексеевича Иванова, закончившего Лазаревский институт в Петербурге, знавшего несколько восточных языков и

⁴⁴⁵ *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований. Издан Этнографическим отделом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М.: Скоропеч. А.А. Левенсон, 1883. С. 182.

⁴⁴⁶ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 36.

⁴⁴⁷ *Потанин Г.Н.* Нужды Сибири // Сборник к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск: Типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1915. С. 55–56.

⁴⁴⁸ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 36.

⁴⁴⁹ Казахские сказки: в 3 т. / сост. В.М. Сидельников. Т. III. Алма-Ата: Казахское гос. изд-во худож. лит-ры, 1964. С. 261–262.

⁴⁵⁰ *Пудалова Л.А.* Проза Всеволода Иванова и фольклор. С. 19.

занимавшегося переложением народных сказаний. Один из таких текстов – «Халиф Гезед (перевод с арабского)», датированный 2 марта 1917 г., отложился в омском архиве А. Сорокина. История о коварстве багдадского халифа и гибели любимого народом полковника Гафы, написанная изысканным восточным стилем, с характерными цветистыми афоризмами: «Жизнь дороже всех других сокровищ, – желудок подо мной, а не надо мной, а потому, друзья, веселитесь, жизнь дана для веселья»⁴⁵¹, возможно, послужила основой для позднего романа Иванова «Эдесская святыня» (1946).

Важной темой книги «Зеленое пламя. Рассказы и сказки» является тема «золотого века» Сибири. Поэтические легенды Иванова об ушедшей Сибири имеют истоки не только в фольклорной традиции, но и в региональной литературе, созданной с опорой на народные источники. По наблюдениям известного исследователя народной утопии К.В. Чистова, «исторические предания о “золотом веке”», особенность которых состоит в том, что «социально-утопические идеалы проецируются в прошлое и тесно переплетаются с социальной или поэтической идеализацией его», «в русской фольклорной традиции не получили значительного развития»⁴⁵². В фольклоре народов Сибири, напротив, были распространены сказания и песни об ушедшей или уходящей вольной жизни на своей земле, представленной как идеальная. Потанин в одном из своих путешествий по Сибири летом 1913 г. обращает внимание на элегические, ностальгические песни поэта из средней части Каркараминского уезда Семипалатинской области: «...этот поэт являлся представителем течения, названного в казахской литературе “Зар Заман – эпоха скорби”. Представители его, озабоченные все более ухудшающимся положением казахского народа, тоскуют о прошедших временах»⁴⁵³. Стихи и рассказы современных Иванову писателей, созданные в русле этого течения, публиковались в «Сибирских записках». Назовем,

⁴⁵¹ ИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 1.

⁴⁵² Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функция социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 35–36.

⁴⁵³ Потанин Г.Н. На притоке реки Токрау // Потанин Г.Н. Избранные сочинения: в 3 т. Т. 3. Павлодар: ЭКО, 2005. С. 477.

например, стихи друга Иванова К.Н. Тупикова (в 1910-е гг. печатался под псевдонимом «К. Урманов») «Намаз (Из цикла “Алаш”» [Алаш – киргизский народ. – *Е.П.*]: «Широко развернулись поля, / Дышат жизнью степные просторы. / Здесь Алаша родная земля: / И леса, и долины, и горы!.. / В каждом шелесте нежной березы / Чую сказки о жизни отцов, / Их надежды и чистые грезы... / Было счастье – окутал туман, / Была радость и воля земная, / Но родился в степях зар-заман / И блуждает от края до края...». «Зар-заман» здесь переводится как «время печали»⁴⁵⁴. В том же номере был опубликован рассказ К. Турумбаева «Зар-Тау» о народном певце Улонгши, который поет «песни тоски и печали» о том, что «настанет время, когда все прекрасные леса исчезнут с лица земли, а на лугах, где алаш целое лето отдыхал на воле, будут стоять мрачные хижины других людей и черными лентами пашен будет чернеть степь»⁴⁵⁵.

Наиболее часто встречающееся у Иванова понимание «золотого века» восходит как раз к представлению об уходящем в прошлое гармоничном общении человека с природой, одушевлении ее сил, явившихся опорой для древней веры в природных богов и духов. Легенда «Нио» начинается с описания времени, «когда властвовал тайгой гордый лесной Царь Таэ, древний, как и царство его. Подданными его были звери, птицы и духи векового бора...» И не было «ровных, как скатерть, полей» и людей, которые «жгли без нужды тайгу и врывались в заповедные чащи»⁴⁵⁶. Об утраченном «золотом веке», который закончился с приходом переселенцев, еще в одной легенде Иванова, «На горе Ыык», рассказывает старый шаман: «...народ не уважает шаманов – прибежали “от арба” [железные дороги. – *Е.П.*], привезли новых жрецов с длинными волосами и одеждами, да... Жрецы дали новых богов и водку, а старых богов съели... <...> Дух Тазылган бежал из

⁴⁵⁴ Сибирские записки. 1917. № 4–5. С. 23.

⁴⁵⁵ Там же. С. 25.

⁴⁵⁶ Там же. С. 37–38.

Амыньской тайги... Захромал его буро-синегривый конь, шелковый чембар отвалился и потонул в болоте... Горе нам, потерявшим веру... да...»⁴⁵⁷

В региональной периодике середины 1910-х гг. встречаются близкие по тематике стилизованные легенды, созданные сибирскими писателями – предшественниками и современниками Иванова. Так, А. Сорокин в 1914 г. печатает в журнале «Ленские волны» рассказ «Тынду-Тунта – трава стона» с подзаголовком: «По канве алтайской легенды», герой которой, старый алтаец Сыры-Баш, рассказывает о прежних счастливых временах: «Мир и счастье когда-то были на земле. <...>. Все создания были прикреплены корнями к земле. Каждому детищу отдавала мать-земля необходимую пищу, и только восходило солнце, просыпалось все живущее и посылало благодарность своей матери. Самая маленькая трава и самые большие деревья каждый восход солнца благодарили за жизнь и пищу, слышала земля с радостью шелест листьев, движение каждой веточки, и радовалось материнское сердце». Разрушение «золотого века» наступает тогда, когда дети земли начинают роптать, почему не все они равны: «Дай нам всем одинаковую жизнь и пищу». В ответ на отказ земли, которая не может этого сделать, происходит бунт ее созданий – и «впервые наполняется земля зловонием смерти». Плач земли передает трава тынду-Тунта, растущая из ее сердца⁴⁵⁸.

Встречается у Иванова и другое понимание «золотого века», также восходящее к фольклорной традиции. Легенда «Рао» повествует о «старых годах», «когда Сибирь была могущественным царством народа, который теперь вымер и не оставил по себе следов. Находят порой у Иртыша скульптурные произведения – богов... Искусные руки ваяли эти статуи и – говорят старожилы, – что вымывает Иртыш их из засыпанных песком развалин городов “чуди” – неведомого народа»⁴⁵⁹. Фольклористы отмечали, что у некоторых народов Сибири, в частности у алтайцев, «золотой век» чаще всего связан с периодом военного могущества их царства.

⁴⁵⁷ Там же. С. 51.

⁴⁵⁸ Ленские волны. Иркутск, 1914. № 9. С. 3–6.

⁴⁵⁹ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 31.

В.И. Вербицкий еще в конце XIX в. писал об образовавшемся в 1367 г. сильном союзе чжунгарских монголов, которые, «объявив главою своего союза Чороского князя Махмуда, <...> появились на политическом поприще под названием Ойротов. Могущество этого союза держало в страхе Китайскую империю более трех с половиной веков. Внук Махмуда <...> вступил в пределы Китая. <...> ...со смертью его умерло могущество ойротов и кончился блистательнейший период Чжунгарского общества, обломки которого <...> перешли в начале XVII столетия из Тибета на Север, за Алтайский и Саянский хребты, и признали над собой власть России»⁴⁶⁰. Современный исследователь культуры, истории и религиозных верований народов Алтая Л.И. Шерстова, комментируя появление в начале XIX в. на Алтае нового религиозного учения – бурханизма, отмечает, что одной из ведущих идей в нем стала вера в возвращение исчезнувшего в незапамятные времена героя – Ойрот-хана – правителя могущественной державы ойротов: «Ойрот-хан <...> не только <...> собирательный образ правителей Джунгарии. Это персонификация идеализированного прошлого вообще. <...> Новому этносу (алтай-кижи) на заключительном этапе сложения (начало XX в.) необходимо было путем обращения к прошлому утвердиться в настоящем и будущем. Для того и понадобился образ спасителя Ойрот-хана, с возвращением которого вновь вернется “Золотой век”»⁴⁶¹. Крупнейшее сказание алтайцев – героический эпос «Маадай-Кара» – представляет «золотой век» так: «Все – от высот Чемет-Чемет / До склонов Чеметен-Туу, / Где злых снегов и ливней – нет, / Где круглый год земля в цвету, – / Владенья Маадай-Кара, / Вместилище его добра. / Здесь, у слиянья синих вод, / В стоуглой юрте он живет. / Неисчислим его народ, / Несчитан разномастный скот»⁴⁶². Условием спокойной, счастливой жизни народа здесь, как и в легенде об Ойрот-хане, является власть могущественного правителя. К

⁴⁶⁰ Вербицкий В.И. Алтайские инородцы: Сборник этнографических статей и исследований. С. 6.

⁴⁶¹ Движение ак-jang [белая вера] – бурханизм на Алтае: взгляд через столетие. Горно-Алтайск: [Б.и.], 2004. С. 42.

⁴⁶² Алтайские героические сказания / сказитель А. Калкин. М.: Современник, 1983. С. 12.

такому пониманию золотого века Иванов в «Рао» добавляет важную для него деталь: в период могущества народа происходит и небывалый взлет его искусства (скульптуры).

Думается, однако, что мотивы горестных рассказов аксакалов и шаманов из легенд Иванова об умершей Сибири не столько имеют своими источниками фольклор какого-либо конкретного народа Сибири или творчество региональных писателей, сколько являются авторским художественным обобщением, созданным на основе эпических сказаний и песен разных сибирских народов. Пытаясь выявить источники легенд писателя и его «Алтайских сказок», созданных несколькими годами позднее, в 1919 г. горноалтайский писатель и исследователь Г. Кондаков отмечал, что Иванову, «писателю, пришедшему в литературу из народа», в целом «близка поэтика фольклора народов Средней Азии и Сибири», и поэтому его «Рао» и «Алтайские сказки» «выходят за пределы алтайского фольклора, опираются на восточную традицию народной поэзии, питающую специфический стиль Вс. Иванова: цветистость, мозаичность, национальную орнаментовку». Более всего в этих ранних произведениях писателя исследователь видит «примет, истоки которых в жизни казахского и киргизского народов»⁴⁶³. В казахском фольклоре, как указывал знаменитый казахский ученый-этнограф и путешественник Ч.Ч. Валиханов (чуть измененная фамилия его встретится нам в романе Иванова «Голубые пески»), «золотой век» также присутствует и связан с временами, «когда две родные орды ногаев и казахов жили вместе». Это время «воспеваётся в киргизских поэмах как “золотой век”»⁴⁶⁴.

Помимо стремления к сохранению культуры народов Сибири, ее древнего и прекрасного прошлого, областники обращались в своих философско-культурных размышлениях к ее будущему, связывая его, в

⁴⁶³ Кондаков Г.В. Стилизация и алтайский фольклор // Ученые записки Горноалтайского НИИ истории, языка и литературы. 1971. Вып. 10. С. 112.

⁴⁶⁴ Валиханов Ч.Ч. Киргизская родословная // Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / под ред. Н.И. Веселовского. СПб.: Типография главного управления уделов, 1904. С. 304.

частности, с мыслью о сибирской автономии. В вопросе о будущем Иванов гораздо чаще будет спорить с областниками, чем разделять их взгляды.

В сентябре 1915 г. томский ежемесячный журнал «Сибирский студент», в котором сотрудничали писатели Вл. Бахметьев, Г. Гребенщиков, А. Оленич-Гнененко, А. Сорокин, В. Шишков и др., публикует подборку материалов к юбилею Потанина (в частности, статьи известных областников В. Анучина, А. Щапова), среди которых отметим рассказ В. Шишкова «Скала» с посвящением Потанину. Автор-повествователь любит «голубой лунной сказкой», ждет от Алтая чуда – и чудо свершается. Филин, а на самом деле дух, «хозяин Алтайских гор», предлагает герою взять его на крылья и отнести к месту, где на скале живет «Аксакал», который «обрек свое сердце и разум на благо народа». У подножия скалы собрались народы Сибири: «киргизы и калмыки, телевнгиты и татары, якуты, тунгусы, китайцы <...>. Впереди же всех стояли монголы <...>. Было много и русских». Поодаль стоят люди, лица которых «утратили кровные черты свои и усвоили отпечаток чуждый». Быль, которую рассказывает якут, близка ивановским «Легендам об ушедшей Сибири»: «Мы жили в горах и лесах... И с нами жили олени... И с нами жили сохатые... И вся земля была наша. <...> Взял чужой народ нашу землю... <...> Стали мы мереть. Стали мы скучать. А чужие люди дали нам огненной воды <...> ...земли совсем маленько, могил много...». Свою печаль народы несут Аксакалу, умоляют о защите. «Ждите до времени... Вот придет на землю правда», – отвечает дедушка («Дедушка-товарищ» – заглавие статьи Г. Гребенщикова о Потанине, 1910 г.; «Большой сибирский дедушка» – заглавие его же статьи, 1915 г.), а на просьбу спуститься к ним предлагает: – «Идите ко мне. Подымайтесь». Люди начинают подниматься, держась за скалы, а герой просыпается. В горах холодно, стоит туман⁴⁶⁵.

Рассказ молодого Иванова «Рао», написанный через несколько месяцев, возможно не без отсылки к аллегории Шишкова, имеет сходную

⁴⁶⁵ Сибирский студент. 1915. № 1–2. С. 4–6.

композицию и мотивы. Автор-повествователь, наблюдающий, как «священные пики гор Абакана тонут в золоте заката», слышит от шамана историю молодого мудреца Рао, жившего в те старые годы, «когда Сибирь была могущественным царством народа, который теперь вымер и не оставил по себе следов». Вещая птица, сидящая на скале (у Иванова это орел), поднимает Рао, мечтающего узнать «тайны природы», ввысь. Кроме чудес земли, он видит «злобу людскую», видит, как «человек преследовал человека, животных и птиц и чаще по злобе и прихоти, нежели из-за нужды лилась кровь». Так же, как и у Шишкова, появляется великий и могущественный горный дух, символ родины, но, в отличие от Шишкова, Гребенщикова, Бахметьева, воспитанных в 1910-е гг. на областнических идеях, Иванов уже принадлежит к следующему поколению сибирских писателей, мировоззрение которых формируется в годы Первой мировой войны. В его сибирской легенде, где отсутствует образ мудрого Аксакала, дух Ори, поднимая человека над землей, как бы дает ему возможность увидеть не только народы Сибири, но и всех страдающих людей. Отсюда и иная формулировка высокой цели: «тайное слово» духа родины должно слить «души людей воедино... Не будет каждый иметь свой храм – храм их будет один и многомиллионен». Создание такого храма возлагается на самого Рао, который ради того, чтобы на земле «вечно помнили заветы любви», должен умереть, и на неведомого певца: он придет и передаст людям «тайное слово». За сложной символикой рассказа (голубой цветок – душа Рао, который долгие годы напрасно ждет «своего певца»; тайга, превратившаяся в мертвое поле; люди, ставшие машинами, и т.п.) прочитывается сомнение молодого писателя в возможности избавить землю от несправедливости и страданий⁴⁶⁶.

Мотив легенды «Рао» – высшая сила поднимает героя над землей, увиденное определяет его жизненный путь – появится у Иванова в 1919 г. в одной из «Сказок инородцев» (известны как «Алтайские сказки»), «Как

⁴⁶⁶ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 31–32.

Аянгул согрешил». Молящийся за грехи людей на горе мудрый старец Аянгул слышит слова бога Кутая (верховное божество в алтайской мифологии): «Напрасно молился, Аянгул. Мало у людей грехов, да если и делают какие – по незнанию, по неразумию своему. Тяжело им жить. Поживи ты с ними, и ты согресишь. <...> Ступай к людям, Аянгул, холодно на горе Тау». Не верит старец, и тогда поднимает его Кутай ввысь над землей, где творят беззаконие люди. Конец сказки: «Иди к людям и скажи: Кутай верит вам. Когда-нибудь упадет скорлупа – и можно будет увидеть чистый и вкусный плод... Иди...»⁴⁶⁷ – перекликается с заключительными словами легенды «Рао»: «Подождите, подождите...»

Идея сибирской автономии у областников во многом базируется на их философско-культурной концепции: «Сибирь для областников лежит на “перекрестке” цивилизации и рассматривается ими как особая геокультурная часть не только России, но всего континента Евразии в целом, где Восток и Запад не два противоборствующих полюса, а части <...> “единого и неделимого” национально-регионального культурного пространства. И в этом смысле Сибирь с их прогностической позиции, может в будущем стать потенциальной сферой плодотворного взаимодействия двух цивилизаций»⁴⁶⁸. Будущее Сибири в понимании областников можно представить себе по символической «сибирской фантазии» «Экспресс», которая открывала первый номер журнала «Сибирские записки» в 1916 г. Экспресс «Панорама», сорвавшийся с уральских высот, пересекает всю Сибирь, и перед читателем разворачивается величественная картина преображенной родины. Обращают на себя внимание более всего старые и новые города Сибири – «растущий памятник человеку, его движению, его воле». Курган – «кухня мира», великий город, созданный тысячами кооперативов, «город масла, хлеба, мяса». Сталь-город, бывший Ново-Николаевск, – «с тысячью заводских труб», «новая человеческая симфония огня и железа». Красноярск – «мозг

⁴⁶⁷ Возрождение. Омск, 1919. № 7–8. С. 15–16.

⁴⁶⁸ Головинов А.В. Идеология сибирского областничества. С. 37.

Сибири», с центральным сибирским музеем, университетом, «известным всему миру своими открытиями», обсерваторией и сейсмографом. Флаги всего мира подняты в Красноярске над Домом международных научных конгрессов, где ученые ищут способ «улучшения человеческого типа». Иркутск – «город транспортных сооружений, оптовой торговли, финансов, синдикатов, трестов, биржи». Новые города – Энергия, где «жар земли <...> собирается и переводится в энергию», город Беринга, знающий только два лозунга «К полюсу!» и «В Америку!». И т.п. Все в этих ультрасовременных городах принадлежит кампаниям и синдикатам, «голому капиталу», но уже зреют социальные бури: создан интернационал – рабочий международный съезд, заседания которого ведутся на «международном языке – комбинации русского с американо-английским». Свершения человеческой воли стоили тысячи жизней, ценою их стали «стоны, крики, смерти», но – «светлый экспресс летит. Его дорога бесконечна». Ничто в этом преображенном мире «не говорит о прежних столетиях, о их раздолжных, но ленивых песнях, о их сладостных, но пассивных молитвах»⁴⁶⁹. Смелая утопия подписана: Дозоров, автором являлся поэт, революционер, в 1921 г. директор Центрального института труда А.К. Гастев.

Однако, рассматривая концепцию «новой цивилизации», соединяющей культуры Запада и Востока, авторы «Сибирских записок» вынуждены поверять ее реальной жизнью. Результаты, к которым они приходят, далеко не утешительны. Комментируя письма Ядринцева, Н. Козьмин писал:

Ядринцеву мечталось, что Сибирь, покрытая высшими учебными заведениями, культурная, экономически сильная, с развитой гражданской жизнью, не только займет подобающее место, но явится посредницей между Востоком и Западом, носительницей начал цивилизации, прогресса. <...> В статье «Крестовый поход науки на Восток» Ядринцев доказывал, что «сближение с инородцами и культурные задачи в Азии – наша историческая задача. <...> Чем более наши университеты будут распространяться вглубь на Восток, тем будет лучше и влияние на Восток наше обширнее». <...> В статье «Возрождающаяся Азия» <...> Ядринцев останавливался уже не на том влиянии, какое

⁴⁶⁹ Сибирские записки. 1916. № 1. С. 3–12.

Запад окажет на Восток, а, наоборот, на последствиях для Запада от приобщения к мировой жизни Востока. «Если открытие Америки, с ее дикими и полуварварскими народностями, отразилось громадными результатами в истории, то, без сомнения, несравненно большее значение будет иметь приобретение в духовную среду народностей, когда-то, на восходе человеческой жизни, клавших первые камни культуры, выдвинувших массу сил в другие страны» и т. д. И Ядринцев выдвигает величавую проблему. «Чем явится, – говорил он в заключение статьи, – слитие нового мира Европы с древним миром Азии, какая *новая цивилизация* вытечет из обмена цивилизаций столь разнообразных и какое оригинальное здание водружится под влиянием объединения народов, когда-то разлученных в среде мира – вот вопросы, достойные остановить внимание философа-историка» <...>. И сибирскому патриоту рисовалась головокружительная мечта, что Сибирь может сделаться ареной взаимодействия двух цивилизаций...⁴⁷⁰.

Но, замечает автор статьи, «сибирская действительность представлялась далеко не соответствующей будущим возможностям. <...> Ведь это был только “непокрытый балаган”, как в своих фельетонах любовно и грустно Ядринцев называл часто свою родину. Вот сделать из этого балагана жилое здание, превратить его в дворец, в храм, с мраморными колоннами и светлыми богами – и должно стать задачей патриота»⁴⁷¹.

В наибольшей степени диалог-спор молодого Иванова с областниками нашел отражение в рассказе «Сон Ермака», построенном на традиционном для сибирской литературы сюжете о Ермаке. В монографии К. Анисимова «Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX вв.» Ермакову сюжету посвящена отдельная глава «Типологический и функциональные аспекты сюжета о Ермаке». Рассмотрев трактовку сюжета в фольклоре, древнерусской книжности и литературе XIX в., исследователь приходит к выводу: «В фольклоре Ермаков сюжет стоял у основ формирования исключительно важной в контексте народной культуры темы вольницы, демократического протеста. Древнерусская книжность обогатила исходную структуру сюжета мотивами христианского подвижничества. Поэзия романтизма нашла в Ермаке романтического героя, способного в

⁴⁷⁰ По поводу писем Н.М. Ядринцева // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 72–73. Подпись: *Ландарма*.

⁴⁷¹ Там же. С. 73.

противостоянии роковой воле проявить качества выдающейся исторической личности»⁴⁷². Особая роль принадлежала сюжету о Ермаке в региональной словесности. По мнению исследователя, образ Ермака стал «своего рода “первомоделью” сибиряка – отважного и независимого авантюриста». В то же время, «обращаясь к получившей всероссийскую известность теме завоевания Кучумова ханства, сибирский автор мог видеть в ней знак неповторимости истории русского Востока»⁴⁷³. В ближайшем окружении Иванова Ермаков сюжет разрабатывался по-разному. В 1916 г. петропавловская газета «Приишимье» в течение месяца печатала рекламу «исторической кинопьесы», кинобоевика «Ермак Тимофеевич – покоритель Сибири» (автор В.М. Гончаров, исполнители – артисты московских театров)⁴⁷⁴. Ермакову сюжету посвящены стихотворения Худякова «Ватага Ермака» (Народная газета. Курган, 1916. 3 дек.) и «Не шумите вороны...» (Сибирский рассвет. 1919. № 5). В них образ покорителя Сибири восходит к фольклорной традиции, представляющей Ермака вольным разбойником-освободителем: «Заиграет силушка, отомкнутся веки, / Соберу ясачную звонкую казну... / В знак признанья братнего, чрез луга и реки / Атаману Разину руку протяну...»⁴⁷⁵. В стихотворении Худякова «Дедушка Ермак», напротив, представлена литературная традиция: ощущается влияние мотивов баллад М.Ю. Лермонтова «Воздушный корабль» («Но Ермак, припомнив прежнее, на бой / Кличет вновь свою дружину удальцов... / Нет дружины... Спят под схимой снеговой...»⁴⁷⁶) и А.К. Толстого «Илья Муромец» («Эх, да что там, пусть померяюсь один – / Не впервой мне это старому, с руки!» / И... растаяли средь мертвенных долин / Темным облаком Кучумовы полки...»⁴⁷⁷).

⁴⁷² Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX начала XX веков. С. 94–95.

⁴⁷³ Там же. С. 95.

⁴⁷⁴ См. об этом: Гладковская Л.А. Жизнелюбивый талант. С. 12.

⁴⁷⁵ Сибирский рассвет. 1919. № 5. С. 5.

⁴⁷⁶ Возрождение. Омск, 1919. № 2–4. С. 5.

⁴⁷⁷ Там же.

«Сон Ермака» Иванова нами датируется 1916 г. по сообщению в иркутском журнале «Багульник», куда автор послал рассказ. В разделе «Беседы с авторами» было напечатано: «“Сон Ермака” не подошел. Напыщенно»⁴⁷⁸. Впервые рассказ опубликован в петропавловской газете «Степная речь» 29 января 1917 г. Здесь начинающий автор полемизирует и с областнической идеей отважного и независимого сибиряка-авантюриста, и с концепцией будущего Сибири, соединившей в себе черты двух цивилизаций – Востока и Запада. Средствами художественной образности Иванов передает одну из центральных культурологических идей областников, споры о которой велись на рубеже XIX–XX вв. и продолжают до сих пор.

Покоритель Сибири Ермак, представляющий цивилизацию Запада, у Иванова видит непонятный сон и просит аксакала Тимирбея – представителя культуры Востока, пришедшего «с дружбой и дарами» к «мудрому и храброму человеку из далекой умной страны», – растолковать его. Трактовка первой части сна: «...дикарь – это народ сибирский, звезда – это то, что вместе с вашей силой и нашим умом, воспитанным на долгом размышлении о Божьем мире, воплотилось в новый путь, по которому пошел народ сибирский. Народ сибирский породил нового человека, которого еще не видел мир»⁴⁷⁹, – наиболее близка областнической философско-культурной концепции. Однако дальнейшие слова аксакала у Иванова содержат полемику с областниками и пророчества о гибели народа Сибири: «Вы растерзаете вашу родину и нас затемните, и погибнет народ сибирский, не сделав великое. <...> Захватят землю вашу, отнятую от нас, чужеземцы, и вы будете рабами, как и мы сейчас». Покоритель Сибири в гневе убивает посланца, его предсмертное пророчество: «Будь проклят ты, и будь очищен ты, сгубивший народ наш и будущее наше...» – сбывается в тексте легенды. Слезы раскаявшегося Ермака образуют родник, к которому приходит мальчик, и перед ним раскрывается душа родины. С обретенным

⁴⁷⁸ Багульник. Иркутск, 1916. № 4. С. 18.

⁴⁷⁹ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 44.

сокровенным знанием мальчик, готовый «пожертвовать собой для счастья Сибири», отправляется в путь, но – теряет в тайге дорогу⁴⁸⁰. Символический мотив потерянной дороги в наиболее открытом к областнической концепции рассказе Иванова «Сон Ермака», вероятно, имеет истоки в его собственном знании сибирской действительности.

После февральской революции мечта Н.М. Ядринцева о Сибири – «арене взаимодействия двух цивилизаций» – «нового мира Европы» и «древнего мира Азии»⁴⁸¹ – еще более привлекает внимание сибирских политиков, общественных деятелей, ученых и поэтов, чьи проекты и фантазии широко представлены в журнале. В № 4–5 за август – октябрь 1917 г. «Сибирские записки» публикуют «Опыт схематического построения будущей Сибирской федерации». На основании «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо, «Государства» В. Вильсона, «Политики» Аристотеля, работ М. Бакунина о государстве и других трудов областники предлагают проект документа «Опыт Основных Положений Сибирского Союза Вольных Штатов», включающего, помимо разделов об «автономном самоуправлении федеративных *областей*, округов, вольных городов, волостей, общин, коммун» (раздел 3 параграф 1) и «бесплатном общественном образовании» (раздел 3 параграф 3), пункт 8, разрешающий один из центральных вопросов – земельный: «Объявление земли всенародным достоянием и право пользования ею для всех трудящихся на уравнительных началах»⁴⁸². Мечты Потанина и других областников о Сибири как «стране будущего», о «счастливой будущности нового девственного края, подобно Америке и Австралии», «царице Азии»⁴⁸³, где «цивилизация даст выход наружу скрытым богатствам народного духа»⁴⁸⁴, отчасти воплотились в документах, как оказалось, также утопических, Временного Сибирского Правительства.

⁴⁸⁰ Там же. С. 44–45.

⁴⁸¹ Сибирские записки. 1917. № 2. С. 72–73.

⁴⁸² Там же. № 4–5. С. 137–138.

⁴⁸³ Адрианов А.В. К биографии Г.Н. Потанина // Сборник к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина. С. XIII.

⁴⁸⁴ Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Там же. С. 57.

4 июля 1918 г. автономное правительство, власть которого формально распространялась на всю территорию от Урала до Тихого океана, принимает декларацию о государственной независимости Сибири, тем самым юридически оформляется «Сибирская республика» как автономная часть единой России.

Судя по «лирической потрясающей трагедии, а может быть, и памфлету» «Гордость Сибири Антон Сорокин», молодой Иванов в 1918 г. не верит в предложенное областниками идеальное государственное устройство, реально просуществовавшее всего несколько месяцев – до ноября 1918 г. «Беспитательная трава, употребляемая как потогонное средство»,⁴⁸⁵ – охарактеризует он Сибирское правительство.

Интерес Иванова к историко-культурной концепции областников сохранится на всю жизнь, о чем свидетельствуют дневниковые записи и рукописные наброски последних лет. В семейном архиве хранятся наброски к начатому в 1958 г. роману Иванова «Внутри шаманского бубна», в связи с работой над ним возникали размышления писателя о «восточной гипотезе» Г.Н. Потанина – миграции фольклорных и мифологических сюжетов с востока на запад, о свободе ученого и поэта. Приведем несколько записей от 1, 3 и 5 января 1958 г.:

Читал днем Потанина и думал над романом «Внутри шаманского круга». А почему эпос где-то должен был складываться и расходиться кругами? Он мог возникнуть всюду.<...>

...шаман возникал постепенно, но одно дело в голове, другое – на бумаге. Да и нужен ли шаман? Хотя ужасно соблазнительно описать камлание. Я, кстати сказать, видел это в Омске...<...>

Писал сценарий «Внутри шаманского бубна». – После сценария, м.б., легче будет писать роман. И читал удивительно поэтичные шаманские заклинания – в поэзии главное, свобода, а шаман ли не свободен?⁴⁸⁶

2.2. Постановка основных насущных «сибирских областных вопросов» в рассказах и очерках 1916–1919 гг.

⁴⁸⁵ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 144.

⁴⁸⁶ Иванов Вс. Дневники. С. 399–400.

Среди главных насущных «сибирских областных вопросов», помимо вопросов об отмене «ссылки уголовных в Сибирь», «экономической зависимости Сибири от московского мануфактурного района» и др., Потанин вслед за Ядринцевым выделял «инородческий вопрос» – «вопрос об улучшении быта инородцев и о борьбе с вымиранием некультурных племен»⁴⁸⁷. Еще одной «важнейшей потребностью Сибири» он считал «широкое распространение просвещения»⁴⁸⁸. В рамках решения этого вопроса предполагалось развитие местной печати. В 1910-е гг. созданные Ядринцевым «три патриотических газеты прекратили свое существование или превратились в партийные, перейдя в руки не-сибиряков. Теперь нет ни одной патриотической газеты»⁴⁸⁹, – отмечал Потанин. Именно эти вопросы более всего привлекали внимание молодого Вс. Иванова.

На протяжении всего сибирского периода для Иванова, типографского работника и начинающего писателя, чрезвычайно важным было издательское дело. В 1916–1920 гг. он принимает активное участие в выпуске газет и журналов, задумывает собственные проекты – от создания рубрики в региональной газете и выпуска поэтического альманаха до образования целого кооперативного издательства. Эту деятельность Иванова лишь отчасти можно рассматривать в контексте областнических идей. Хотя именно в 1910-е гг. в статьях Иванова ненадолго появится «Великая Сибирь», думается, задачи, которые ставил перед собой молодой писатель, касались не только региона.

В феврале 1916 г., еще живя в Кургане, типографский наборщик Иванов принимает участие в выпуске однодневной газеты «День служащих» (хранится в ГАКО). От этого издания сохранилось несколько страниц, по которым видно, насколько большую роль играл там Иванов: в содержании указаны его стихи «В грезах» и «Краски осени», рассказ «Защитник и

⁴⁸⁷ Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири // Сборник к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина. С. 103–105.

⁴⁸⁸ Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Там же. С. 76.

⁴⁸⁹ Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири // Там же. С. 101.

подсудимый», отрывок из повести «Мертвые петли» под заглавием «Сумерки жизни». В последнем тексте воспроизведена атмосфера литературного кружка, прообразом которого, очевидно, послужило собрание молодых писателей и поэтов в доме Худякова. Лейтмотивом размышлений автора-повествователя является «дело»: «Мне бы хотелось, чтобы <...> эти люди были одушевлены одной верой, объединены одним делом, за которое боролась бы их мысль». Поэт Иван Гребнев, о котором сказано, что «он был моим портретом в юности», просит «указать ему путь, по которому надо идти, тех людей, <...> с которыми он отдал бы свои силы на служение одному великому делу». Отчаявшись найти «дело», Гребнев кончает жизнь самоубийством, и повествователь чувствует свою вину в этом: «Я не объяснил ему, <...> что вместе делать свое дело легче, но если нельзя, пусть работает один – и один в поле воин!»⁴⁹⁰. Для молодого Иванова таким делом становится издательское дело.

В Кургане и Омске Иванов занят изданием стихотворений и рассказов своих друзей. В 1916 г. он набирает книгу стихов Худякова «Сибирь». Переехав в Омск, молодой писатель вновь стремится к издательской деятельности, которая находит поддержку прежде всего у А. Сорокина. Г.Ф. Дружинин вспоминал, что Иванов собирался «выпустить альманах молодых поэтов и писателей города. Подбил Антон Сорокин. Отобрали кое-что». «Мы, – комментирует мемуарист, – было сказано из скромности. Редактором-издателем, как оказалось, наборщиком и корректором задуманного альманаха был, собственно, Вс. Иванов». Новый альманах он предполагал назвать «Багульник»⁴⁹¹. Републикованные в 2010 г. статьи Иванова 1918 г. показывают, насколько серьезно относился он к издательской деятельности: «Труд этот должны исполнить те, кому более всех дорога, близка, кому более всех необходима книга, – демократия», – так Иванов напишет в статье «О кооперативном издательстве писателей-

⁴⁹⁰ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 105–106.

⁴⁹¹ Дружинин Г. Его молодость. Из воспоминаний о Всеволоде Иванове // Цит. по: Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 406.

рабочих»⁴⁹². Насмешливый протест автора против бульварных журналов, где вместо «Великана Книги» выступает на сцену «пинкертоно–похабный Хам»⁴⁹³, отразился в памфлете «Как я сотрудничал в “Женском журнале”»⁴⁹⁴.

Издательская деятельность Иванова раскрывает перед нами новые грани мировоззрения писателя сибирского периода. В статьях 1918 г. (и никогда позднее) он называет себя «писатель-рабочий», размышляет о пролетарской культуре и пролетарской религии. Собственно, с 1917 г. он во многом и является писателем-рабочим. В черновых записях к первой главе ненаписанных воспоминаний «По тропинке бедствий» Иванов сообщает: «Летом 1918 года я переехал в Омск в качестве наборщика типографии “Земля и воля”, будучи в то же время избранником типографщиков – секретарем Западно-Сибирского Бюро рабочих Печатного дела»⁴⁹⁵. А.А. Штырбул справедливо отмечает ошибку писателя: «Речь, несомненно, идет о лете 1917 года»⁴⁹⁶. В марте 1918 г. эсеровская типография «Земля и воля» «переходит в подчинение экономического отдела Омского Совета – Омского Совнархоза», но, замечает исследователь, «этот факт никак не отражается на Иванове»⁴⁹⁷. В анкете 1920 г. Иванов, отвечая на вопрос: «Какую должность и где занимал во время октябрьской революции», называет только «Типографию Центросоюза – метранпаж»⁴⁹⁸. Известно, что Центросоюз, созданный в 1896 г., после Февральской революции становится Всероссийским центральным союзом потребительских обществ, с 1918 г. в него включены все союзы потребительской кооперации. Возможно, молодой писатель и переходит на работу в типографию Центросоюза на должность метранпажа, но это происходит уже после 1918 г. или в самом начале 1919 г., как писал в своих воспоминаниях «В незабываемые дни» Г.И. Петров⁴⁹⁹.

⁴⁹² Дело Сибири. Омск, 1918. 26 сент. Цит. по: Неизвестный Всеволод Иванов. С. 125.

⁴⁹³ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 125.

⁴⁹⁴ Там же. С. 123–124.

⁴⁹⁵ Цит. по: Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 373.

⁴⁹⁶ Там же. С. 519.

⁴⁹⁷ Там же. С. 526.

⁴⁹⁸ Там же. С. 363.

⁴⁹⁹ Там же. С. 435.

Впечатления от жизни наборщиков какой-то из названных типографий нашли отражение в рассказе Иванова «Две гранки»⁵⁰⁰.

О разных сторонах издательской деятельности Иванова в Омске, куда он приезжает в июне 1917 г. написано подробно в 1980-е гг. Е.И. Беленьким, В.П. Трушкиным, М.В. Минокиным и другими, а в 2000-е гг. – А.А. Штырбулом. Сам Иванов в воспоминаниях «История моих книг» посвятил отдельную главу газете «Согры» и созданному им «Цеху пролетарских писателей и художников Сибири». Обратимся к этому факту биографии и творчества писателя, в основном публицистического, с целью ввести в научный оборот новые источниковедческие материалы, выявленные в сибирской региональной периодике и архивах, и уточнить некоторые политические моменты, которые представляют известный и малоизвестный материал несколько в ином свете.

Круг литераторов, с которыми Иванов общается в 1917–1920 гг., известен. Почти все они в той или иной степени разделяют областнические идеи, несмотря на то, что имеют разные политические взгляды, которые, кажется, не мешают членам кружка и гостям воодушевленно говорить о литературе и строить издательские планы. Показательно письмо, с которым в 1920 г., когда за руководство Бюро обзоров Отдела печати Омского правительства А.В. Колчака был арестован поэт Г.А. Вяткин, Сорокин обратился к большевику А.П. Оленичу-Гнененко (бывшему эсеру), К. Попову (бывшему социал-демократу-интернационалисту) и другим «писателям всей Сибири»: «...когда дело касается судьбы писателя, художника, я сделаю все возможное, чтобы освободить от лишних унижений того, кто и так терпит слишком много унижений... <...> Жизнь каждого из вас я знаю. Не сразу родились вы большевиками. Было время, вы шли и сами против большевизма и постепенно после долгих раздумываний поменяли свои убеждения»⁵⁰¹. Вяткин тогда был освобожден, впоследствии вновь

⁵⁰⁰ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 38–39.

⁵⁰¹ ИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Ед. хр. 410. Л. 1.

арестован и в 1938 г. расстрелян. Вне зависимости от своей партийной принадлежности омские писатели и в 1918–1919 гг., и после установления в Сибири советской власти стремились защищать друг друга. Так, Н.И. Анов (Иванов), который в 1932 г. подвергся аресту как писатель, в 1919 г. поддерживавший правительство А.В. Колчака, и как член антисоветской группы «Памир», отбывший ссылку в Казахстане, уже после смерти Вс. Иванова пишет роман «Интервенция в Омске», где представляет своего друга горячо поддерживающим большевиков-подпольщиков. Такой же образ он создает, ссылаясь на слова коммуниста А.П. Оленича-Гнененко, в воспоминаниях, вошедших в издание «Всеволод Иванов – писатель и человек»⁵⁰². Сам Иванов о служившем в охране Колчака и погибшем при взрыве в его резиденции поэте Ю. Сопове говорил, что тот был близок большевикам и готовил покушение на Верховного Правителя⁵⁰³. Документально это предположение ничем не подтверждено, и «весь поэтический строй его [Ю. Сопова. – *Е.П.*] произведений <...> не располагает к такому выводу»,⁵⁰⁴ – справедливо отмечает Е. Беленький. Большевиком ни в 1917–1919 гг., ни потом не был и Вс. Иванов.

На партийной принадлежности молодого писателя следует остановиться особо. Как уже говорилось, в автобиографию Иванова 1925 г. и в воспоминания вошла версия о двух партиях, которой он впоследствии придерживался. В письме к И.В. Сталину от 21 октября 1939 г. Иванов назовет еще одну партию: «...в 1918 году я был членом партии с<оциал>-<демократов> интернационалистов (группа “Новая жизнь”) в гор<оде> Омске»⁵⁰⁵. Возможно, он вступил в эту партию раньше – еще летом 1917 г., когда переехал в Омск. Штырбул отмечает, что фракция меньшевиков-интернационалистов Омской организации РСДРП была наиболее влиятельной в Сибири весной – осенью 1917 г. В ноябре-декабре четко

⁵⁰² См.: Всеволод Иванов – писатель и человек. С. 57.

⁵⁰³ Там же. С. 59.

⁵⁰⁴ Беленький Е. Из сибирской тетради. Очерки и портреты. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. С. 52.

⁵⁰⁵ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 369.

обозначилось идейно-политическое кредо ее значительной части: «...отрицание социалистического характера Октябрьской революции, отрицание пролетарского классового характера советской власти, <...> отстаивание идеи однородного социалистического правительства, <...> идеи созыва Учредительного собрания, критика деятельности Совнаркома и местных (сибирских) Советов». Постепенное «левение» сибирских организаций, групп и отдельных сторонников РСДРП (и) началось лишь с января 1918 г.⁵⁰⁶ В Омском Совете рабочих и солдатских (военных) депутатов, созданном в марте 1917 г., меньшевики-интернационалисты и эсеры более полугода составляли большинство. Документы передают настроения членов партии, в которой состоял молодой Иванов. Резолюция Омского Совета от 22 марта 1917 г.: «...предоставить товарищам делегатам свободу действий на Петроградском совещании, поручив лишь им отстаивать мысль о скорейшем созыве Учредительного Собрания»⁵⁰⁷. Из письма Иванова А.С. Неверову известно, что еще во время Директории, т.е. летом 1918 г., он «мечтал об Учредительном собрании для русского народа»⁵⁰⁸. Протокол № 27 общего собрания Омского Совета от 22 июля 1917 г. о декрете, восстанавливающем смертную казнь: «Принять резолюцию: <...> принцип смертной казни непримирим с народовластием. <...> Омский Совет рабочих и солдатских депутатов выражает уверенность, что среди сознательной демократии новой России не найдется ни судей, способных выносить смертные приговоры, ни палачей для их исполнения»⁵⁰⁹. Резолюция Общего собрания Омского совета от 2 сентября 1917 г.: «...контрреволюционное восстание генерала Корнилова – угроза революции. <...> ...в настоящий критический момент революции не может быть иной власти как в центре, в лице Временного Правительства, так и на местах,

⁵⁰⁶ См.: *Штыбрул А.А.* Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX века). Омск: Омск. гос. пед. ун-т, 2003. С. 256–257, 259.

⁵⁰⁷ ИАОО. Ф. Р-622. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 52.

⁵⁰⁸ *Иванов Вс.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. 1978. С. 583.

⁵⁰⁹ ИАОО. Ф. Р-622. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 27.

кроме однородной власти революционной демократии, опирающейся на органы – Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁵¹⁰.

«Для Иванова особенно значима была позиция М. Горького, с чем связано вхождение в горьковскую (по мнению Всеволода Иванова) партию меньшевиков-интернационалистов»⁵¹¹, – отмечал Вяч.Вс. Иванов. Взгляды Вс. Иванова как члена РСДРП (и) группы «Новая жизнь» в 1918 г. можно также отчасти представить себе по материалам общественно-литературной социал-демократической газеты «Новая жизнь», в которой в 1918 г., как известно, печатались очерки А.М. Горького «Несвоевременные мысли», а также газеты Омского комитета социал-демократов-интернационалистов «Пролетарий». Это сибирское издание защищало интересы рабочих и носило в целом антибольшевистский характер: «Всем известно, что с очень давних пор обещали большевики, а именно: мир, хлеб и свободу и в виде бесплатного приложения ко всему этому ни больше ни меньше, как социализм. Мир заключен. <...> Но вырвался ли хоть у одного сознательного рабочего <...> вздох облегчения по поводу прекращения бойни? Нет, каждый знает, чем этот мир пахнет... Полную экономическую кабалу революционной страны – вот что дает действительно позорный и действительно несчастный мир. Хлеб? <...> Целые губернии голодают, во многих местах вспыхивают голодные бунты. <...> Свобода? <...> Она ютится на задворках. <...> Печать удушается. Социализм? Смешно говорить о социализме, <...> когда мы должны платить восьмимиллиардную контрибуцию, когда руда <...> будет беспошлинно переправляться в Германию, когда <...> хлеб <...> пойдет в Берлин... Неужели мы предали интересы рабочего класса и революции, <...> выдаем нашу страну <...> на поток и разграбление?..»⁵¹²

⁵¹⁰ Там же. Ед. хр. 1 . Л. 20, 52 об.

⁵¹¹ *Иванов Вяч.Вс.* Проблема отношения к партиям и другим объединениям в биографиях начинающих писателей революционного времени (Пример Всеволода Иванова) // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах. С. 314.

⁵¹² *Т-снгов А.* О врагах и предателях // Пролетарий. 1918. 22 марта. С. 2.

К маю 1918 г. отношение к большевикам еще ухудшается: «Большевистские лозунги: хлеба, мира, свободы, хотя и упрощенные до крайней степени, тем не менее выражали истинные стремления широких масс демократии и пролетариата. <...> И вот волею пролетариата и крестьянства большевики получают в свои руки бразды правления. Это была весна большевизма, <...> дальше была уже трагедия революции. Брест, голод, разложение, единое хозяйственное целое превратилось в клочья, разрушение промышленности. <...> когда подводишь итоги деятельности советской, по существу же, коммунистически-большевистской власти, приходишь к выводу, что уже большевизм потерял всякую связь с октябрьской революцией, что большевизм вырождается в какие-то чрезвычайно уродливые формы политического ублюдка. Создается бюрократический “советизм”, а антонов огонь продолжает пожирать одну отрасль хозяйства за другой...»⁵¹³.

В контексте материалов газеты «Пролетарий» несколько иначе, чем о них писали исследователи творчества Иванова, выглядят учрежденный им в апреле 1918 г. «Цех пролетарских писателей и художников Сибири» и его предполагаемый орган – ежедневная газета «Согры», вышедшая в количестве только одного номера. Не случайно издание Иванова подверглось такой истребительной критике со стороны советской печати. Единственный номер газеты «Согры» хранится в Государственном архиве Новосибирской области, и есть возможность по-новому прочитать все публикации издания.

В связи с этим изданием возникает больше вопросов, чем ответов. Прежде всего неясно, кто был членом цеха, учредителем издания и автором программных статей. Сам Иванов вспоминал, что в цех входили шахтер Сеницын и «два поэта – по профессии слесарь и гробовщик»⁵¹⁴, но, думается, это не соответствует реальности: подобные персонажи нигде не упоминаются в газете «Согры». Беленький называет предположительно двух учредителей

⁵¹³ *Тверской А.* Октябрьская революция и большевистский коммунизм // Там же. 1–5 мая. С. 2.

⁵¹⁴ *Иванов Вс.* История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 129.

Цеха – Вс. Иванова и А. Сорокина⁵¹⁵. Это подтверждают воспоминания М. Минокина, который, со слов Иванова, записал, что «о выходе газеты был поставлен в известность М. Горький. Вс. Иванов выслал ему экземпляр “Согр”, и в петроградской газете “Новая жизнь” появилась информация: “По инициативе известных сибирских писателей Всеволода Иванова и Антона Сорокина основан ‘Цех пролетарских писателей’ в Омске”»⁵¹⁶. Но ниже Минокин, основываясь на удивленной реплике Иванова в 1961 г. по поводу оказавшегося в «Сограх» рассказа Сорокина, замечает, что в это время у двух писателей были «серьезные расхождения», и пишет: «Видимо, Сорокин не принимал участия в подготовке еженедельника»⁵¹⁷. В тексте «Согр» в качестве адреса цеха указан реальный адрес Иванова – Омск, Проломная, 119⁵¹⁸. Вызывает вопросы и информация в «Новой жизни». Подробно изучив это издание за период зимы – осени 1918 г., мы не нашли упоминания о цехе пролетарских писателей Омска. Более того, если Горький действительно получил экземпляр газеты «Согры», это издание, и прежде всего вторая программная статья «Новая религия», утверждающая необходимость создания «пролетарской религии» и обновления церкви, никак не могли бы вызвать его поддержку. В одном из очерков «Несвоевременные мысли», печатавшемся в то время в «Новой жизни», Горький писал: «Надо вспомнить, что народ века воспитывался угнетающим волю суровым и безотрадным учением церкви», – и утверждал необходимость скорейшего отказа от этого учения, погружающего «человека в темную пропасть сознания им своего ничтожества перед Богом», и внесения в «фантастически дикую современность всех высочайших достижений творцов науки, искусства, всего ценного мира...»⁵¹⁹

Однозначный ответ на вопрос об учредителях и составе «Цеха пролетарских писателей и художников Сибири», главной задачей которого

⁵¹⁵ Бельский Е. Из сибирской тетради. С. 36.

⁵¹⁶ Минокин М.В. Всеволод Иванов и Сибирь // Простор. 1965. № 2. С. 111.

⁵¹⁷ Там же.

⁵¹⁸ ГАНО. Ф. Р-272. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 19.

⁵¹⁹ Новая жизнь. 1918. 5 июня. С. 1.

было «объединить тружеников пера и кисти для тесной и сплоченной работы и помочь им в исполнении просветительной работы»⁵²⁰, дать трудно еще и потому, что большая часть материалов «Согр» подписана псевдонимами. Под собственными именами напечатаны только рассказ А. Сорокина «Смех угрюмого человека», стихотворения К. Худякова «Шайтан» и «Еще полны твои лачуги...», стихотворение Александра Добролюбова «Рука всесильного страданья...» (автограф хранится в фонде А. Сорокина в ИАОО), рассказ Вс. Иванова «Шантрапа» (ч. 1) и рецензия преподавателя омской гимназии А. Образцова на «Сборник пролетарских писателей» (Пг., 1917), где были напечатаны рассказы Иванова. Образцовым же подписана информационная заметка о выходе ежемесячного журнала сибирских писателей «Словосвет». Несколько произведений Иванова, известных нам по другим печатным источникам, сибирские сказки «Мысли как цветы», рассказы «Алешкина кооперация» и «Чайник», стихотворение «Рождение человека», а также юмореска «Ангел мира» даны под псевдонимами: «К. Тулупов», «Вакула Кедров», «Никон Шатунов», «Макс Жеекард». Без подписи напечатана передовая статья, посвященная вопросам строительства новой пролетарской культуры и отчасти перекликающаяся со статьями петроградского журнала «Грядущее» 1918 г. Статья «Новая религия», представленная также на первой странице и носящая программный характер, подписана «Керженцев». Среди известных нам работ П.М. Керженцева (Лебедева), последовательного сторонника программ Пролеткульта и сотрудника газеты «Новая жизнь», такая статья не выявлена. Беленький предполагал, что это псевдоним Сорокина, происходившего из старообрядческой семьи. «Содержание номера свидетельствует о добрых намерениях создателей еженедельника и в то же время об их весьма путаных идеологических взглядах», – характеризовал газету Беленький. Оценивая издание в целом как «выражение пролеткультовских тенденций в области строительства новой культуры» (отрицание культуры прошлого и «мещанской морали буржуазного

⁵²⁰ ГАНО. Ф. Р-272. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 19.

искусства» и требование от пролетарской культуры «исключительной силы и исключительной талантливости»⁵²¹), он крайне резко отзывался о статье «Новая религия»: «...несовместимая с пролетарской идеологией сектантская проповедь, очевидной целью которой является стремление приспособить религию к задачам революции. <...> не удивительно, что в рецензии на “Согры” в “Известиях Омского совета” (1918. № 79) содержалась убийственная оценка издания Вс. Иванова»⁵²². Как показали републикация рецензии, впервые осуществленная в 2017 г. Штырбулом, и комментарий исследователя, причины резкой оценки были связаны не только с данной статьей.

В разговоре с Минокиным в 1961 г. Иванов утверждал, что «его перу принадлежат передовица и статья “Новая религия”»⁵²³. Но даже если спустя более сорока лет после выхода газеты писателя подвела память, очевидно, что изложенные в обеих статьях идеи не противоречили его собственным. Подтверждений тому, что статья «Новая религия» полностью или частично написана Ивановым, а не Сорокиным, несколько. В огромном омском архиве Сорокина (более 600 ед. хр.), где представлены практически все его рукописи, иногда в нескольких экземплярах, хранятся только первая и вторая страницы газеты «Согры», но нет ни автографа, ни машинописи статьи «Новая религия». Ни в одном из своих многочисленных пасквилей на Иванова, написанных в 1920-е гг., в которых утверждалось, что чуть ли не все написанное его «учеником» Ивановым принадлежит Сорокину, он не вспоминает о «Сограх» и «Новой религии». Именуя себя «национальным гением», «красой и гордостью Великой Сибири», «кандидатом Нобелевской премии» и т.п., Сорокин, происходивший из зажиточной купеческой семьи, никогда не называл себя «пролетарием», тогда как обе статьи – и передовая, и «Новая религия», написанные в одном стилевом ключе, – утверждают именно идеи пролетарской культуры и пролетарской религии, восходящие к

⁵²¹ Там же. Л. 15.

⁵²² Бельский Е. Из сибирской тетради. С. 37–38.

⁵²³ Минокин М.В. Всеволод Иванов и Сибирь. С. 111.

богостроительству А. Луначарского, А. Богданова и др. В отличие от Сорокина, Иванов был знаком с их трудами. Перекликаясь со многими тезисами теоретиков Пролеткульта о труде как «создателе новой религии»⁵²⁴, статья в омском журнале «Согры» имеет существенные отличия. Автор ее не отменяет ни христианскую религию («Я расскажу о пролетарской религии. Конечно, религия остается христианской, так как Христос был учителем и защитником бедных и обездоленных»), ни христианскую церковь («...новая, обновленная церковь» должна «засверкать живым духом христианства и милосердия», из нее «все набранное обманом должно быть возвращено народу: в сверкающем золоте пролетарская религия не нуждается»). Он призывает пролетариат отринуть «религию богачей» и обратиться к первым векам христианства: «Пусть иконы не сверкают золотом, пусть кресты будут деревянными. <...> Архиереям, римским папам вместо золотых, украшенных драгоценными камнями митр и тиар, надо <нрзб> венки из терновника, чтобы <нрзб> знали, что значат раны человеческие». Статья завершалась призывом к пролетариату создать новую веру: «В тяжкую годину кровавых мук народ русский в сердцах своих несет в храмы новую веру, не купленную на деньги, а выплаканную, выстраданную нечеловеческими, почти христовыми страданиями»⁵²⁵. Мысль о страданиях, как источнике истинного понимания жизни, безусловно, была близка молодому Иванову: об этом он еще в 1916 г. напишет Горькому⁵²⁶. Вопросы новой веры будут поставлены Ивановым в ряде произведений 1920–1921 гг.: «Из рабочих недр», «Цветные ветра» и др.

На странице четыре приведена Выписка из «Устава Цеха», свидетельствующая о масштабных планах его учредителей:

О задачах Цеха:

1) Дать возможность пролетарским писателям сорганизоваться совместно с художниками Сибири для более тесного сплочения сил.

⁵²⁴ См., напр.: *Луначарский А.В.* Религия и социализм. Ч.1. СПб.: Шиповник, 1908. С. 94.

⁵²⁵ ГАНО. Ф. Р-272. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 15.

⁵²⁶ *Иванов Вс.* Переписка с А.М. Горьким. Из дневников и записных книжек. С. 7.

- 2) Организовать при цехе «Согры» библиотеку книг и читальню пролетарских писателей.
- 3) Организовать художественную выставку и «базар».
- 4) Организовать издание журналов, газет и вообще трудов пролетарских писателей.
- 5) Организовать труппу артистов для постановки пьес пролетарских писателей.
- 6) Открыть кассу взаимопомощи нуждающимся писателям и художникам⁵²⁷.

Наиболее известный отклик на «Согры» был напечатан 21 или 22 апреля 1918 г. в газете «Известия Западно-Сибирского и Омского областных исполнительных комитетов Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Омского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Называлась она «Под чужим флагом (Цех пролетарских писателей и буржуев Сибири)» и подписана была «М. Югович». Несмотря на многопартийность, существовавшую при первой советской власти в Сибири весной 1918 г., рецензент не оставил от публикаций «Согр» камня на камне: иронизировал над поспешностью авторов, сдавших объявления в газеты «Дело Сибири» [издание партии эсеров. – *Е.П.*] и «Омский вестник» и сразу приступивших к строительству новой культуры, над «бледной» и «вялой» статьей «Новая религия», «нагло-рекламным рассказом Антона Сорокина», «безотрадным впечатлением», которое произвела постановка «ходульной, деланной, совершенно несценичной» пьесы Иванова «Черный занавес», и т.п. «Бледная» и «вялая» статья «Новая религия» особенного возмущения автора не вызвала, зато передовой статье досталось за пренебрежение к революции: «Старые боги умерли, нужно создавать новых, – гордо заявляет передовица, и мимоходом, окрестив русскую революцию “высыхающим болотом”, – поражает буржуазное искусство...». «Завершалась статья «Под чужим флагом» предсказанием: «Недалеко уплывут по бурному морю народных настроений жалкие самозванцы, поднявшие на своем маленьком, грязном

⁵²⁷ Там же. Л. 19.

суденышке гордый флаг нового пролетарского творчества, мощной созидательной работы»⁵²⁸.

Напрямую Иванов нигде не дает такой оценки революции, но открывается статья следующей образной характеристикой пореволюционного времени: «На высыхающих болотах, там, где были бездонные глубины, – вырывается кверху молодая, буйная поросль – согры. Пройдет время, вместо тонких прутиков поросли вырастут могучие деревья и будет новая, пышная жизнь». «Согры» здесь представляют пролетариат, за которым, по мнению писателя, будущее. «Интеллигенция симпатизировала грядущим творцам жизни, но душу их не поняла», и задача народа отбросить ненужную часть созданного ею миропонимания, «отбросить, поняв его дряблую духовную сущность». Пролетариат сам должен выполнить «необычайно трудную работу» по созданию новой культуры, должен «прорваться чрез ту плотину, что составляется на сердце пролетариата из программ различных партий»⁵²⁹. Очевидно, к моменту выпуска «Согр» Иванов уже разочаровался в партиях, к которым принадлежал, подтверждением чему служит их сатирическая характеристика в пьесе «Гордость Сибири Антон Сорокин»:

СОЦИАЛ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ – рыбоподобные люди с головами сирен, хвост золотой с надписью «Земля и воля» почти всегда в воде, в критические минуты закрывают хвостом глаза, отчего попадают не туда, куда нужно.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ – быки с головами Петра Великого, на рогах чемодан, в котором лежит пузо, указывающее им землю обетованную. Красный цвет их очень раздражает⁵³⁰.

Думается, что отразившиеся прежде всего в передовой статье политические взгляды молодого Иванова и вызвали такое негодование рецензента «Известий...»

⁵²⁸ Цит. по: *Штырбул А.А.* Из омских лет Всеволода Иванова: К вопросу об авторстве статьи «Под чужим флагом» // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах. С. 326–327.

⁵²⁹ ГАНО. Ф. Р-272. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 15.

⁵³⁰ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 144.

В «Истории моих книг» Иванов назвал автором статьи поэта Ю. Сопова. А.А. Штырбул убедительно доказал, что член кружка Сорокина и товарищ Иванова никак не мог написать данную статью, а принадлежала она К.М. Молотову – журналисту, члену РКП(б), члену Западно-Сибирского областного и Омского городского Советов, весной 1918 г. – главному редактору газеты «Известия...», в августе 1918 г. на Первой Сибирской нелегальной конференции РКП(б) избранному председателем Сибирского областного комитета РКП(б) первого состава⁵³¹. Возможно, называя автором Сопова, Иванов не ошибся, как считает исследователь, а сознательно не хотел приводить имя принадлежащего к партии большевиков главного редактора советского издания. Очевидно, что после такой жесткой критической оценки выпуск газеты «Согры» остановился. В мемуарах Иванов указывает другую причину, по которой издание не было продолжено: он не зарегистрировал газету «Согры» в Совете. «Крайне прискорбно, – отмечает Штырбул, – что у омских большевиков и, в первую очередь, у одного из ведущих левых интеллектуалов города и региона К. Молотова, не нашлось такта и слов поддержки в отношении творческого порыва группы Сорокина – Иванова. Возможно, большевиков насторожило и оттолкнуло от мероприятия то, что в своем проекте группа “Согры” и “Цех” опирались, в том числе, и на некоторое содействие антисоветской Омской организации ПСР, а именно на одного из ее лидеров П.Н. Дорохова, (поддержавшего “Цех” и его начинания), и на ее газету “Дело Сибири”, напечатавшую на своих страницах объявления-анонсы о “Сограх” и “Черном занавесе”»⁵³².

«Сограм» было посвящено еще несколько статей в сибирской периодике. Газетные вырезки хранятся в архиве Сорокина, источники их не установлены. Приведем некоторые выдержки из этих рецензий, которые существенно отличаются от оценки «Известий...» и, вероятно, были опубликованы в демократических органах омской печати:

⁵³¹ Там же. С. 327–328.

⁵³² Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 533.

«Согры» – еженедельник цеха пролетарских писателей и художников Сибири № 1.

Приветствуя выход в свет № 1 еженедельника цеха пролетарских писателей и художников, отмечаем великолепно подобранный материал, ярко оправдывающий цель издания. В передовой статье коллектив бодро обращается к читателям: «Пролетариатом строится новая культура. Старая культура, к которой с жадностью бросились новые, идущие из народа творческие силы – эта культура давала много духовных наслаждений, но откликов на те чувства, что бушуют в пролетариате, тех фундаментов, на которые он должен опереться при новых взглядах на мир – ничего этого он в старой культуре не находил и не найдет, пока не выдвинутся свежие силы из его среды». Из отдельного материала отметим сильную статью г. Керженцева – «Новая религия», трактующую об отделении церкви от государства. <...> Хорош рассказ Иванова. <...> Остается пожелать новому пролетарскому органу дальнейшей плодотворной работы.

В.⁵³³

Мы не думаем, как думают редакция «Согры», что пролетариат уже усвоил современную культуру, созданную усилиями величайших гениев, в том числе и лучших людей России <...>. Именно незрелостью пролетарского восприятия культуры и объясняется развязное пренебрежение некоторых пролетарских писателей, в том числе и сотрудников «Согры» к языку и духу старой литературы. <...> Отметим, как исключение, свежий, душевно хороший рассказ «Алешкина кооперация» и недурные сибирские сказки Никона Шатунова. Забавна юмореска Макса Жеекарда «Ангел мира». В своем роде любопытна статья Керженцева «Новая религия». Она показывает, что даже среди пролетариев России сильно еще религиозное чувство, которое столько лет оскорблялось и заглушалось официальным православием, но и пишущий пролетарий, как т. Керженцев, не усвоил еще, что человечество переросло христианство, даже в его чистом виде, и что социалист, стремящийся все понять и свободно взвешивающий в глаза жизни, не нуждается ни в какой религии. <...> Рекомендуем сибирским рабочим читать «Согры». Пишут там как-никак рабочие. А по делам их осудим их⁵³⁴.

Датировать тексты рецензий можно не позднее 7 июня 1918 г., так как впоследствии интересами сибирских рабочих мало кто уже был озабочен: Советская власть в Омске была свергнута.

⁵³³ ИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Ед. хр. 370. Л. 12.

⁵³⁴ Там же. Л. 57об.

Власть автономного Временного Сибирского правительства, которая формально распространялась на всю территорию от Тихого океана до Урала, была крайне недолгой и сделано ею было для Сибири очень немного. 23 сентября создается Директория – Временное Всероссийское правительство, а 18 ноября 1918 г. в результате военного переворота к власти приходит Омское правительство А.В. Колчака. Основные сибирские вопросы по-прежнему оставались нерешенными и продолжали привлекать к себе внимание партий, политиков и региональной интеллигенции, но с учетом изменившейся политической ситуации теперь формулировались по-другому. Летом 1918 г. формируется движение под лозунгом: «Через свободную Сибирь к возрождению великой России», поднятое под бело-зеленым флагом⁵³⁵. Газета «Земля и труд», куда не перестает посылать свои произведения Вс. Иванов, 9 сентября публикует лозунги времени: «Да здравствует Свободная Сибирь!», «Да здравствует Всесибирское Учредительное собрание!», «Да здравствует Всероссийское Учредительное собрание!»⁵³⁶

Вне зависимости от того, какое правительство находится у власти, Иванов в 1918–1919 гг. также продолжает в своих статьях привлекать внимание к главным сибирским вопросам. Еще в мае 1918 г. выходит подготовленный Ивановым и Сорокиным первый номер журнала «Словосвет», редакционная статья посвящена драматическим судьбам писателей «Великой Сибири, с 35-миллионным населением»⁵³⁷. В сентябре Иванов в печати отстаивает идею создания кооперативного «Издательства писателей-рабочих»: «Здоровую книгу необходимо возрождать и возрождать немедленно, возрождать всем силами. <...> Тем более нужна книга Сибири: оторванная благодаря происходящей кровавой мистерии от центров, Сибирь,

⁵³⁵ См.: Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. С. 206–207.

⁵³⁶ Земля и труд. Курган, 1918. 9 сент. С. 2.

⁵³⁷ ИАОО. Ф. 1073. оп. 1. Ед. хр. 393. Л. 42.

с ее 30-миллионным населением, не имеет своих книгоиздательств...»⁵³⁸. Газета сибирских кооператоров «Заря» в феврале – марте 1919 г. публикует многочастную статью В. Кирьякова «Гибель и возрождение книги», в которой утверждается: «...нам, сибирякам, надо восстанавливать разрушенную культуру», а для этого наладить в Сибири книжное дело: «...в противовес разного рода пинкертоновщине <...> теперь, как никогда, необходимо нужна идейная, так сказать, учительная, образовательная, словом “здоровая книга”»⁵³⁹. На той же газетной странице печатается очерк Вс. Тараканова «В деревне», где автор приводит письма земляков из родного поселка: «Почему книг не продают таких, каких надо? Полезных и в объяснение жизни. Ты об этом в газетах напиши, чтобы услышали, а то у народа стихия такая пошла, чтобы учиться»; «Никаких книг здесь нету, газеты не шлют, не получаем, да газеты нам читать и несходственно – много не понимаем. Учиться надо». «Слов не поняли! Может ли что быть ужаснее этого? Люди, не понимающие *русских слов*, кем-то, когда-то призывались творить социальную революцию»,⁵⁴⁰ – комментирует автор.

Еще одним демократическим изданием, где в конце 1918 – середине 1919 г. печатал свои произведения Иванов, становится журнал «Возрождение», издававшийся Союзом сибирских маслодельных артелей и Центральным продовольственным комитетом Омской железной дороги. Печатались в нем знакомые Иванову поэты Г. Вяткин, К. Худяков, И. Малютин. Будущее России «скрыто туманом, и тяжело ее настоящее, – говорилось в редакционной статье первого номера (декабрь 1918). – Но мы не впадаем в отчаяние. Мы видим, что русский народ, Россия погибнуть не могут. <...> Мы не идем ни вправо, ни влево, нам одинаково чужды как гибельные пути реакции, так и гибельные пути большевизма⁵⁴¹. Мы идем

⁵³⁸ Дело Сибири. 1918. 26 сент. С. 1.

⁵³⁹ Заря. 1919. 1 марта. С. 3.

⁵⁴⁰ Там же.

⁵⁴¹ Фраза, практически повторяющая слова А.В. Колчака в его воззвании по поводу вступления в должность «Верховного правителя»: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности». Цит. по: *Штырбул А.А.* Покушение на Колчака: историческое расследование. С. 53.

прямо – дорогой свободы, права, законности, демократизма и труда», – утверждали беспартийные кооператоры – «созидатели единения на почве труда и распределения, созидатели народной мощи»⁵⁴². Журнал носил областнический характер: 2-й Всесибирский съезд кооператоров в январе 1918 г. поддержал будущую Сибирскую областную думу⁵⁴³, в задачи которой входило привести «Сибирь в согласии со Всероссийским Учредительным собранием ко всеобщему демократическому миру, утверждение начала самоопределения всех народов Сибири»⁵⁴⁴.

В «Возрождении» в 1919 г. Иванов печатает свои «Сказки инородцев» (известны под заглавием «Алтайские сказки»; опубликованы: Красная новь, 1921. № 2, как принято считать исследователями, впервые), в социал-демократической газете «Заря» в это же время – статьи о реальном их положении.

Инородческий вопрос назывался Потаниным одним из трех «главных сибирских вопросов». Горечью от осознания трагической судьбы сибирских инородцев проникнут очерк Иванова «Отверни лицо твое»: «Весь народ степей вымирает <...>. Толпами бродят у станиц и поселков, просят, голодные, больные, завернутые в рваные тряпки и овчины. <...> А по вечерам зимой, летом собираются по несколько человек в юрты, прижимают руки к груди своей и медленно, тоскливыми голосами повествуют про смерти. <...> О чем ином им говорить? <...> Смерть успокаивает»⁵⁴⁵. В написанном от первого лица очерке фигурирует герой, встречающийся в рассказе «Духмяные степи» из книги «Рогульки», – дувана⁵⁴⁶ Огюс. Судя по строкам очерка: «Сегодня получил из станицы письмо. Дядя, большой шутник и рыболов, пишет: “А Огюска подох. За поселком в навозах нашли.

⁵⁴² Возрождение. Омск, 1918. № 1. С. 5–6.

⁵⁴³ Шоловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. С. 119–120.

⁵⁴⁴ Постановление Чрезвычайного общественного съезда в Томске 6–15 декабря 1917 г. Цит. по: Сагалаев А.М., Крючков В.М. Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности. С. 206.

⁵⁴⁵ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 126.

⁵⁴⁶ Слово «дувана» («диуана») в переводе с казахского означает: «дервиш, мудрец, странник, юродивый», этим же словом могли называть шамана.

<...> Замерз, должно. Их, бритоголовых, нынче беда сколько подошло с тифу и с голодухи”» – он имеет автобиографическую основу. Иронический финал очерка: «Сейчас мы купим сигаретку и встанем в очередь за билетом на новую интересную пьесу. / – Отверни лицо твое! Уйди!»⁵⁴⁷, – еще более подчеркивает горечь, которую испытывает автор-повествователь.

Мысли и общее настроение этого очерка Иванова близки идеям и пафосу очерка Г.Н. Потанина «На притоке реки Токрау» (1914): «Недавно в газетах было напечатано, что какое-то племя на севере Сибири, почувствовав полное равнодушие к его судьбе окружающего мира, пришло к мысли о поголовном самоубийстве». Но если Потанин в 1914 г., цитируя тоскливые киргизские песни об уходящих прежних устоях, которые грозят заменить европейскими «институтами буржуазного порядка», и называя безучастие «пороком державной расы», еще призывает: «Культурное общество обязано принять меры, чтобы избавить несчастные племена от грозящей им гибели»⁵⁴⁸, то Иванов в 1919 г. уже знает, что это невозможно: «Придут в степь люди, бросят “от арбы”, народ Ветхого Завета исчезнет. В степи будут иллюзионы, велосипеды и газеты»⁵⁴⁹.

Судьбам инородцев Иванов посвящает также рассказ «Джут», включенный им в книгу «Рогоульки». Герой рассказа, казах Тертень, беден. Чтобы семья не голодала, он вынужден отдать «толстому, брюхатому» русскому свою дочь – маленькую черноглазую Кызымилль. Повествование о «хитром» Тертене ведется спокойно, местами даже с юмором, лишь в финале автор при помощи детали передает боль своего героя: он не может есть хлеб, испеченный из муки, которую получил за дочь⁵⁵⁰.

Работу в газетах и журналах Вс. Иванов будет продолжать и в 1920-е гг. В Омске по приглашению А.П. Оленича-Гнененко примет участие в издании газет «Рабочий путь» и «Советская Сибирь», в 1921–1922 гг. в

⁵⁴⁷ Там же.

⁵⁴⁸ Потанин Г.Н. Избранные сочинения: в 3 т. Т. 3. С. 287.

⁵⁴⁹ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 127.

⁵⁵⁰ Там же. С. 85–87.

Петрограде будет работать в пролеткультовских журналах «Грядущее» и «Перевал». Думается, что когда в сентябре 1927 г. после изгнания А. Воронского из журнала «Красная новь», он ответит согласием на предложение сотрудничать в обновленной редакции и останется в журнале вплоть до его закрытия в 1942 г., это во многом станет продолжением юношеских стремлений «объединить тружеников пера» и «помочь им в исполнении просветительской работы»⁵⁵¹.

2.3. Всеволод Иванов и новокрестьянские писатели.

Помимо некоторых вопросов областной программы, идей Пролеткульта, помимо партийной идеологии в творчестве молодого Иванова сибирского периода нашла отражение новокрестьянская литература.

О близости ряда сибирских авторов к новокрестьянским писателям, прежде всего Н.А. Клюеву, Иванов написал сам в пьесе 1918 г. «Гордость Сибири – Антон Сорокин». Среди действующих лиц писатели различных творческих устремлений: А.С. Сорокин, Г.Д. Гребенщиков, А.Е. Новоселов, Г.А. Вяткин, П.П. Оленич-Гнененко и его сын А.П. Оленич-Гнененко, М.П. Плотников, П.Н. Дорохов, И. Славнин, К. Худяков и сам Вс. Иванов. Споря с А.М. Горьким о необходимости «культуры» для невежественной Сибири, поэт А. Оленич-Гнененко произносит: «Ни с места, сам Максим Горький / Изрек мудрые слова: / Дрожи и внемли, / Сибирь, убога и нема. / Но, вещий, знаю: / Засеют эти земли / Еще благие семена. / Философия и Клюева творенья / Прочертят достойный след...»⁵⁵². Как видно из этого текста, Н. Клюеву и философии (не исключено, что речь идет о «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова, которой Иванов интересовался, что нашло отражение в его поздней повести «Генералиссимум»⁵⁵³), предназначена роль тех, кто будет способствовать пробуждению и воскрешению Сибири, за кем

⁵⁵¹ ГАНО. Ф. Р-272. Оп.1. Ед. хр. 212. Л. 18.

⁵⁵² ИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 36. Цит. по: Неизвестный Всеволод Иванов. С. 148.

⁵⁵³ Подробно см.: Папкова Е.А. Идеи Н.Ф. Федорова в мировоззрении и творчестве Вс. Иванова // Литературоведческий журнал. 2011. № 29. С. 196–206.

пойдет молодая сибирская литература, которая как раз складывалась в 1910-е гг.

В 1913 г. в барнаульской газете «Жизнь Алтая» Л. Шумиловский утверждал, что если «не так давно нельзя было даже ставить вопроса о литературе Сибири», то сейчас картина принципиально изменилась: «Ряд беллетристов и поэтов выступил за последние годы в различных газетах с живыми очерками и прочувствованными стихами, и, несомненно, мы стоим перед крупным литературным явлением, которому по всей справедливости может быть дано название “Молодая Сибирь”»⁵⁵⁴. С 1914 г. сибирских писателей начинает печатать петербургский «Ежемесячный журнал» («Журнал для всех») В. Миролубова. Известный критик В. Львов-Рогачевский в статье «Великое ожидание» указывал: «Я хочу сказать о таких ярких поэтах, как С. Клычков. Н. Клюев, С. Есенин, <...> о таких больших и серьезных художниках, как бывший рабочий А. Чапыгин, автор лучшей книги из напечатанных за эти годы (“Белый скит”), о таких, как Г.Д. Гребенщиков – сын алтайского горнорабочего и крестьянки»⁵⁵⁵. Из знакомых Иванову писателей в «Ежемесячном журнале» печатались А. Оленич-Гнененко, Дорохов и Дружинин. Так, в № 5 за 1917 г. стихи Дружинина и Дорохова напечатаны рядом со стихотворениями С. Есенина и А. Ширяевца, в № 9–10 одновременно со стихами Клюева «Смерть деда» напечатан очерк сибирского писателя Вл. Бахметьева «Алтай», в № 11 – продолжение очерка Бахметьева и стихи Есенина и Оленича-Гнененко. Очевидно, что авторы одного журнала читали произведения друг друга. Обратим внимание, что в № 1 за 1917 г. печатается стихотворение Клюева «Новый псалом» (другое заглавие – «Поддонный псалом»), а в № 5–6 – одно из самых известных стихотворений Оленича-Гнененко «Калики переходные» (1916), в котором явно прочитываются мотивы лирики Клюева 1914–1916 гг.. «Шли калики переходные / От двора и до двора. / Золотые и погожие /

⁵⁵⁴ Жизнь Алтая. 1913. 20 сент. С. 3.

⁵⁵⁵ Ежемесячный журнал. 1916. № 1. С. 158.

Половели вечера. / Пали щедро росы синие / На душистую гречу. / Кто-то
тепил в Божьей скинии / Воску ярого свечу», – так начинается
стихотворение о странниках, которые, стремясь уничтожить зло в мире –
«бесово семя», – зажигают огромный костер – и встает «неоглядная стена»
пламени: «Лижет буйно вихорь полымя / Косогоры да яры», «вода, как кровь,
красна». На защиту «цветущей Матери-Земли» приходит Богородица. Она
молит о жалости к земле, калики склоняются перед ней, и льется
благодатный дождь: «И костер, шипя, погас, – / Оттого что землю кроткую /
Возлюбил кротчайший Спас»⁵⁵⁶.

На знакомство Иванова с материалами «Ежемесячного журнала»
указывает тот факт, что в архиве В. Миролюбова в РО ИРЛИ РАН
сохранился текст рассказа Иванова «Сын человеческий», вероятно
посланный автором редактору-издателю в 1916 г. В «Ежемесячном журнале»
рассказ не опубликовали, но напечатали в петропавловской газете «Степная
речь» 1 января 1917 г. «Степная речь» – ежедневная общественно-
политическая и литературная газета – начала издаваться с января 1917 г. и
ставила своей задачей «разработку местных и краевых вопросов и нужд,
которые будут освещаться с точки зрения интересов трудящихся»⁵⁵⁷. Газета,
в свою очередь, публиковала материалы столичной печати. В номере от
15 января на первой странице перечислялись сибирские писатели, которые
примут участие в газете. Среди них – К. Худяков и Вс. Иванов. А в номере от
24 июня было опубликовано известное стихотворение Клюева «Красная
песня», вероятно перепечатанное из петроградской газеты «Земля и воля» от
26 мая 1917 г.

Молодым писателям и поэтам Кургана, одним из которых был и
Вс. Иванов, по многим причинам, в том числе и в силу особенностей их
биографий (К. Худяков и И. Малютин – выходцы из крестьянских
старообрядческих семей, Иванов не раз упоминал в своих автобиографиях об

⁵⁵⁶ Там же. 1917. № 5–6. С. 36–37.

⁵⁵⁷ Степная речь. 1915. 1 янв. С. 1.

общении со старообрядцами) и политических взглядов (К. Худяков – член партии эсеров, секретарь курганской газеты «Земля и воля»; Иванов в 1917 г. выдвинут в Курганскую думу от партии «объединенных социалистов», ядро которой составляли эсеры⁵⁵⁸), традиции новокрестьянских писателей, заявивших о себе в начале 1910-х гг., оказались очень близки. Мы уже упоминали о сборнике стихотворений С. Есенина «Радуница», который в 1917 г. Иванов подарил Худякову. На связь Худякова с новокрестьянскими поэтами указал сибирский критик Ю. Вест: «Лучше всего у Худякова его пейзажи, его подход к природе. Правда, чувствуется – и порой настойчиво чувствуется – влияние Н. Клюева, но нельзя же предъявлять к поэту начинающему требования быть совершенно свободным от влияния “старших братьев”»⁵⁵⁹. В стихотворении Худякова «Покосы» (1916): «В сентябре дарит нас осень / Золотыми вечерами, – / Птичий хор многоголосен, / Словно клиры в древнем храме... // Раскидало щедро за день / Солнце золота запасы. / Дальний лес, как медный складень / Над резьбой иконостаса»⁵⁶⁰ – явления природного мира соотносились с религиозной символикой. Возможно, «Покосы» своей ритмикой напомнили рецензенту стихи Клюева: «Радость видеть первый стог / Первый сноп с родной полоски, / Есть отжиночный пирог / На меже в тени березки. // Знать, что небо ввечеру / Над избой затеплит свечки, / Лики ангелов в бору / Отразят лесные речки»⁵⁶¹ (стихотворение печаталось в «Ежемесячном журнале». 1914. № 1). Далее критик указывал: «Интересны и совсем неожиданны у г. Худякова религиозные мотивы (тоже общая черта его с Клюевым) – неожиданны, как для поэта Сибири, страны духа рационалистического. Но строки –

Далека кремнистая дорога,
Без конца изменные пути,

⁵⁵⁸ Особое отношение новокрестьянских поэтов к эсерству отметила Н.М. Солнцева: «Возрождение России новокрестьяне увидели в нем, верили в его силу, в его будущее» // *Солнцева Н.М.* Китежский павлин. М.: Скифы, 1992. С. 156.

⁵⁵⁹ Багульник. Иркутск. 1917. № 5. С. 12.

⁵⁶⁰ Народная газета. Курган. 1916. № 30–31. С. 683.

⁵⁶¹ *Клюев Н.* Сердце единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 1999. С. 197.

Тяжело и радостно до Бога

Одиноким странником брести –

убеждают, что религиозные искания для г. Худякова не случайны»⁵⁶².

Близость молодого Иванова к названным поэтам проявилась прежде всего в его прозе 1916–1917 гг., о которой можно, как нам представляется, говорить как о «новокрестьянской», с учетом местной – сибирской – специфики, естественно нашедшей в ней отражение. Описывая феномен новокрестьянской прозы, Т.А. Пономарева отмечает воплотившиеся в ней «идеи целостности и гармонии бытия, всеединства (“дома-космоса”), обожествление природы, сакрализацию земли, утопизм национального сознания, мифологическую поэтику»⁵⁶³. В прозе Иванова можно отчетливо проследить названные черты, дополненные рядом важных тем и мотивов, появление которых обусловлено реалиями сибирской жизни. Иванову, как и другим писателям Сибири, предстояло осмыслить местные религиозные движения: шаманизм, бурханизм – в их взаимосвязи с православной верой; утопические представления об Ойротии, Золотом веке сибирского народа, – в соотношении с созданной старообрядцами легендой о Беловодье; наряду со своей сокровенной родиной Сибирью разглядеть и понять «поддонную», «тайную» Русь.

Близость Иванова к новокрестьянским писателям видна и в его первой книге «Зеленое пламя», куда вошли легенды о Сибири, и в реалистических рассказах о крестьянской жизни, не включенных автором в нее. С.Г. Семенова в качестве «художественных констант» новокрестьянской поэзии называет «любовное, мягкое обожествление земли и природы», а также «глубоко переживаемое фольклорно-лирическое уподобление жизни природы в ее тварях и состояниях – чувствам и пониманиям самого поэта»⁵⁶⁴. Со временем, особенно после революции, «на одно из важных мест в их

⁵⁶² Багульник. 1917. № 5. С. 12.

⁵⁶³ Пономарева Т.А. Новокрестьянская проза 1920-х гг.: в 2 ч. Ч. 1. Череповец: ГОУ ВПО Череповецкий гос. ун-т, 2005. С. 6–7.

⁵⁶⁴ Семенова С.Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. С. 41.

творчестве выходит осознание огромной опасности: на натурально-природный, крестьянско-христианский, традиционный уклад жизни наступает тяжелой, стирающей поступью городское, с его всепоглощающей техникой «Железное царство»⁵⁶⁵. «Город и его детище – технический прогресс – разрастается в представлении новокрестьянских поэтов, особенно Н. Клюева, до масштабов всесветного зла»⁵⁶⁶, – отмечал А.И. Михайлов, рассматривая общую поэтическую концепцию новокрестьянских поэтов, отражающую исторические судьбы русского народа.

В Сибирь «Железное царство» происходит даже раньше, чем в центральную Россию. Земля и железо (заглавие цикла стихотворений Н. Клюева 1916 г.) – одна из ведущих тем сибирской литературы 1910-х гг. В это время города Сибири переживают технический подъем. Активно строятся железные дороги. «Новую эру для сибирских городов надлежит, без сомнения, считать проведение великой сибирской магистрали. Ни один российский город не обнаружил такого стремительно-бурного роста, как города Сибири, в особенности из тех, которые расположены по линии железной дороги. Население Сибирского Чикаго – Новониколаевска возросло с 5 тысяч человек до 75 тысяч в 1915 году. <...> Население Омска с 37 тысяч в 1897 году возросло до 150 тысяч в 1915 году»,⁵⁶⁷ – сообщал журнал «Сибирские записки». Сибирские писатели восприняли «новую эру» менее восторженно. Трагически разрешается символический конфликт живого и железного в рассказе сибирского писателя Г. Гребенщикова «Змей Горыныч» (1913), предвосхитившем есенинский «Сорокоуст». Видит ямщик Спиридон, как «из тайги навстречу выползает что-то черное, огромное и многоногое и красными громадными глазами из огня, не моргая, смотрит вперед. И бесстрашно, быстро и неумолимо мчится прямо на остановившуюся, попятившуюся тройку... И тройка ошалела, храпнула, метнулась вбок и вихрем помчалась назад... <...> страшное чудовище, гремя железными

⁵⁶⁵ Там же. С. 56.

⁵⁶⁶ Михайлов А.И. Пути развития новокрестьянской поэзии. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1990. С. 109.

⁵⁶⁷ Сибирские записки. 1916. № 2. С. 109.

ногами, пронеслось...»⁵⁶⁸. Как богопротивное дело воспринимает машину-сноповязку дед Аким – крестьянин из рассказа В. Бахметьева «Машина», вошедшего в «Алтайский альманах», собранный Г. Гребенщиковым и изданный в Петербурге в 1914 г.: «...сомутилась жизнь, вихрем вскружилась, непонятная стала... Раньше совсем по-другому жили, попросту... И крепкий народ был, упористый... По весне, бывало, за соху возьмутся – земля-то – цель дернистая. <...> все под рукой Божией, и не ему, старому, судить о путях Его... Только все же... что такое пошло по земле?»⁵⁶⁹.

Противопоставление земли и железа, природы и технического прогресса, воплощенного чаще всего в образе железной дороги («от арба», «огненные телеги»), – одно из ведущих в творчестве молодого Иванова. В рассказе «На горе Ык» (1917) старый шаман Турк повествует о гибели прежней, природной Сибири: «Голубые кони бросили шамана и не слушаются его, и дух, благословляющий их, ушел от Белого хребта гор Абакана, ушел от отдыха в тени березы с червонными листьями. И подножие его – седые облака – застыли и пали на землю снегом»⁵⁷⁰. Вину за происходящее шаман возлагает на пришельцев – «людей железа»: «...сглодало железо ваших ружей нашу свободу, а духи скрылись... И никто, никто не верит уже старому шаману, а он слышит, как плачет кедр под топором чужеземца – и слезами ли растопить камни? И грудь гор Абакана прорежут огненные телеги, да... <...> Кровь побежала, земляная кровь – отняли у нас землю – хотят пустить огненные телеги...»⁵⁷¹.

Строки Клюева: «Сын железа и каменной скуки / Попирает берестяной рай...», – удивительно близки молодому сибирскому писателю Иванову, с той разницей, что вместо берез он рассказывает о плачущих кедрах, а вместо православных храмов – о старых шаманах. Мотивы «земли и железа» едва ли не ведущие в легендах молодого сибиряка. Шаман Апо, маленький и

⁵⁶⁸ Гребенщиков Г. Змей Горыныч. Повести, рассказы. Пг.: Огни, 1916. С. 39.

⁵⁶⁹ Алтайский альманах / под ред. Г.Д. Гребенщикова: Жизнь Алтая. СПб., 1914. С. 198.

⁵⁷⁰ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 51.

⁵⁷¹ Там же.

дряхлый, кажется «предсмертной судорогой вымирающего племени шептов, задавленным железными пальцами цивилизации»⁵⁷² («Рао»). У людей города, куда приходит Сын человеческий, «машины поглотили <...> истинно человеческое»⁵⁷³ («Сын человеческий»). «Невидимыми железными чудовищами»⁵⁷⁴ режет покорную землю гордый человек («Сон Ермака»). И т.д. Символом жизни и души предстает в произведениях молодого Иванова земля. «Нужно нежно отнестись к земле, ибо это мать ваша; но вы не сыны ее, и не может быть она матерью вам, потому что вы – люди-волки, люди – пасынки земли...»⁵⁷⁵ – говорит покорителю Ермаку старый киргиз Тимирбей («Сон Ермака»). «Воплощенную мудрость» видит рассказчик Клуао в желании человека «целовать свою землю»⁵⁷⁶ («Над Ледовитым океаном»).

Для Иванова в сибирских легендах конфликт земли и железа настолько важен, что он допускает в описании шаманов искажение алтайской мифологии, без сомнения, хорошо ему известной. О наступлении железа на мир духов с горечью говорит шаман, который, в соответствии с урало-алтайской мифологией, имеет родственную связь с железом: он рождается в железной колыбели под священной березой или из яйца, которое сносит «мать-зверь в облике орла с железными крыльями»⁵⁷⁷; «в шаманских текстах телеутов говорится о трех железных листовницах», во владениях шаманов «растут железные ели»⁵⁷⁸.

Рассказы Иванова о деревне, написанные в реалистическом ключе, также включают противопоставление природного, крестьянского и железного, городского. В рассказе «Вертельщик Семен» крестьянин Семен, ставший типографским рабочим, после выпивки с «товарищами» становится калекой: он отморозил пальцы рук, которые пришлось срезать.

⁵⁷² Там же. С. 30.

⁵⁷³ Там же. С. 42.

⁵⁷⁴ Там же. С. 44.

⁵⁷⁵ Там же.

⁵⁷⁶ Там же. С. 50.

⁵⁷⁷ Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: символы и архетипы. Новосибирск: Наука : Сиб. отд-ние, 1991. С. 89.

⁵⁷⁸ Там же. С. 89–90.

Управляющий в конторе объявляет Семену, что «теперь он не нужен». Несбывшиеся мечты мужика о счастливой деревенской жизни отражает сон:

...мерещилась всякая всячина; то будто деревня горит, и его упавшей горячей крышей придавило; то будто вторая жена старшему сынишке ухватом голову разбила; то ему почудится, что он дома лежит на печи, а жена спит на лавке...<...> Душно... Рожь, рожь-то какая — на одной соломинке по два, по пяти, по двадцати колосьев!!! Только коси? Эх, матушка, держись!.. Берет Семен косу, она упала, опять взял — выронил, нешто без пальцев косить можно!.. Холодным потом обдало Семена, он бросился на пол, схватил метлу и хочет ею косить, но скоро одумался, садится на лавку и грустно, грустно смотрит в пространство...⁵⁷⁹.

Еще более зловещий сон видит солдатка Марья, проводившая мужа на войну и оставшаяся с тремя детьми (рассказ «В зареве пожара»):

Большая трава, росистая... Идут они в воскресенье с мужем гулять... Так и несет от реки чем-то сильным да крепким, так бы взял, закрыл глаза руками да побежал бы далеко-далеко... <...> Проходят мимо большого серебристого тополя... И вот поползли будто бы его ветки в поле так скоро, скоро, как живые... Стоит Марья с Алексеем — онемели от страха... Железные такие ветки, похожие на рычаги машин, — ползут ... Заняли все поле, серое оно стало, стальное... А тут большой снежный ком медленно катится, похожий на матовую тучу... Ползет по этим железным лапам, давит их, ломает... Прямо на ребятишек, на Алексея, на Марью... Попал Алеша под него... и не стало...⁵⁸⁰.

В мире, где «люди превратили горы в машины... И люди стали как машины...»⁵⁸¹ («Рао») герои ивановских легенд мечтают достичь всеобщего спасения. Мы не располагаем данными о том, была ли в Иванову в 1917 г. известна «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова, но многие идеи, высказанные им в рассказе «Рао», позволяют предположить, что писатель был знаком с взглядами выдающегося русского философа-космиста. Возможно, что, живя в Сибири, Иванов, много и жадно читавший, мог знать и изданные в Верном (Алма-Ата) в 1906 и 1913 гг. сочинения Федорова. На близость новокрестьянской литературы, особенно поэзии Н. Клюева,

⁵⁷⁹ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 112.

⁵⁸⁰ Там же. С. 115.

⁵⁸¹ Там же. С. 32.

федоровским идеям указывала С. Семенова⁵⁸². Федоровская тема открытия «землянину» «небесного пространства» ради спасения людей звучит и в рассказах молодого сибирского писателя. Юный мудрец Рао, увидевший, «как человек преследовал человека, животных и птиц и чаще по злобе и прихоти, нежели из-за нужды лилась кровь», стремится «обнять своей мыслью вселенную, зреть ее как тело свое» во имя великой цели – «слить души людей воедино». Преображенный мир предстает в рассказе могущественного духа гор Ори: «Не будет каждый иметь свой храм – храм их будет один и многомиллионен... Огонь сердец их сольется в бушующее пламя – и это пламя прорежет небо такими лучами, которые поглотят солнце, как море поглощает корабль. И клич радости будет таким, который донесется до отдаленнейших созвездий, – до тех звезд – око человека коих не видит». Все это произойдет, когда будет произнесено на Земле «тайное слово»: «Придет человек – он будет способен сказать слово, – он передаст людям его в письмах, – так, что они никогда не забудут его, ибо слово это вечно...»⁵⁸³.

Мотив сокровенного слова – еще один, сближающий сибирских писателей, и в частности молодого Иванова, с творчеством Клюева. Слово героя – одно из тех «“зарочных”, “покаянных”, “отпускных” слов бытового народного колдовства (я бы сказал народного факиризма), которыми народ говорит со своей душой и природой», – писал Клюев в 1914 г. Миролубову, посылая ему «Скрытный стих». – Эти слова «держатся крепко <...> во всей Северной России и Сибири»⁵⁸⁴.

Однако финал и этой легенды Иванова («тайное слово» не было передано людям), и других легенд близкой тематики («Нио», «Сон Ермака») показывает, что уже в предреволюционные годы он слабо верил в возможность спасения для человечества. Вспомним сюжет рассказа «Сон Ермака», который включает еще одну ведущую тему молодого писателя –

⁵⁸² Семенова С.Г. Русская поэзия и проза 1920 – 1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. С. 58–60.

⁵⁸³ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 30–32.

⁵⁸⁴ Клюев Н. А. Словесное древо. СПб.: Росток, 2003. С. 217.

Бога и гордого Человека. В ночном сознании покорителя Сибири Ермака вспыхивает «золотая звезда». В этом символическом образе узнается многое: традиционный цвет алтайской мифологии (Алтын-Кель – золотое озеро, Алтын-Туу – золотая гора и др.⁵⁸⁵), золотой век культуры человечества, поэтика литературы начала XX в., в том числе и новокрестьянской («Родишь сына-звезду, алый песенный сад. / Где не внятны забвенье и дней листопад...»⁵⁸⁶ – Н. Клюев) и т.п. Золотые лучи освещают человека-дикаря, с которым происходит преображение:

Увидев звезду, он пал на колени и поклонился ей... И луч озолотил его одежду и лук; он осветил сознание дикаря, с появлением света понявшего, что нельзя вечно бегать с луком и стрелами и бить лосей... И бросил он оружие – оглянулся вокруг и увидел богатства земли... И появились у него невидимые железные чудовища – резал он ими землю... И рос он выше и выше, и не был это уже дикарь в звериной шкуре – это был кто-то светлый, и сильный, и гордый. Был он выше облаков, и молотом, больше всех гор, какие видел Ермак, бил в небо, ибо земля уже была покорна ему, и небо стонало и содрогалось и осыпало его голову слезами бриллиантами. А высоко над ним блестела золотая звезда...⁵⁸⁷

Воспетый Горьким на заре XX в. гордый и смелый Человек у сибиряка Иванова несет в мир не свет, но зло. Однако он не всемогущ:

Вдруг из темноты, доселе незримые, выбежали косматые грязные люди с волчьими зубами в стальных шлемах – кинулись на звезду, рвали ее волчьими зубами, брызгала золотая кровь... И упала на землю золотая звезда, и была это девушка-красавица, умирала она, и в груди ее торчал громадный волчий зуб, похожий на кинжал. А близ нее лежал в пыли большой, и гордый, и красивый человек, но был он теперь хуже, чем дикарь, был жалкий труп...⁵⁸⁸.

Как и в других сибирских легендах и рассказах Иванова, железное здесь побеждает.

В некоторых легендах прослеживается еще один мотив, имеющий истоки в реальной жизни Сибири начала XX в. и одновременно тесно

⁵⁸⁵ Легенды и мифы седого Алтая / сост. В.Ф. Хохолков. Горно-Алтайск: Горноалтайская респ. тип., 2008. С. 14–15.

⁵⁸⁶ *Клюев Н.* Сердце единорога. С. 67.

⁵⁸⁷ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 43–44.

⁵⁸⁸ Там же. С. 44.

связанный с мировоззрением и поэзией новокрестьянских писателей, прежде всего Клюева: вспомним его «Песнь Солнценосца» (<1917>). Герой-рассказчик в «Снах осени» (1916) предстает «древним жрецом, вставшим в предзакатный час на кровлю храма Солнца и молящимся какому-то неизвестному, но близкому Богу... А невнятный гул бора – была песнь народа, благословлявшего своего избранника на общение с тайной...»⁵⁸⁹. Упоминание о солнцепоклонниках, вероятнее всего, аллюзия к сибирскому религиозному движению, возникшему в самом начале XX в. и ставшему предметом осмысления в региональной литературе спустя десятилетие. Речь идет о движении бурханистов – сторонников Белой веры. В 1904 г. после разгрома первого выступления алтайцев, руководимых пророком из народа – пастухом Четом Челпановым, это религиозное движение, ставшее выражением этнического самосознания алтай-кижи и впоследствии названное «народным буддизмом», продолжает распространяться и становится предметом размышления и анализа. В 1914 г. в «Алтайском альманахе» публикуется повесть малоизвестного сибирского писателя А. Семенова «Белый Бурхан». О новой народной вере рассказывает В. Шишков в очерках «По Чуйскому тракту» (1914). «Ежемесячный журнал» в № 9–11 за 1916 г. печатает очерки Вл. Бахметьева «Алтай» и «У последней воды», где значительное место уделено распространению новой веры в забытого древнего Белого бога: «Начали складываться новые песни, песни ожидания. Взоры всего народа тянулись к солнцу <...>: “Спаси ты, солнечный, белый, согревающий... Приди из ночи столетий, прими плоть и кровь... Возвратись, возвести...”». Устами отроковицы, приемной дочери Чета Челпанова, Белый Бог зовет к себе народ, готовый отказаться от прежней веры – от кровавых жертв, шаманов и идолов: «Нет бога злого, кроме доброго – меня. Нет Эрлика, нет его власти. Я и Ульгень – одно нераздельное. Я – солнце! Я ваша сила! На мне почиет счастливое прошлое

⁵⁸⁹ Там же. С. 33.

ваших предков. Я – Бурхан»⁵⁹⁰. И душа автора, давно принявшего цивилизацию, готова отречься от «людей города», от самих «городов, их храмов искусству и науке» и в древнем восторге воскликнуть: «Это я, мой Бог!»⁵⁹¹

Свое прочтение сюжета об «алтайском мессии» предлагает и Иванов в рассказе «Сын человеческий». Пророк, пришедший в горящий город издалека, «с засохшей кровью на босых ногах»⁵⁹², силою «тихого слова» потушил пламя и спас людей. Он обращается к людям, которые думают «только о покорении земли, о машинах»:

Я тот, кого вы ждали. Я – жизнь! Я пришел из той страны, где редко закатывается солнце, когда приходит ночь – северные дивные мосты лучей покрывают небо! И ночь не бывает ночью. Я узнал, что вы день превратили в ночь и не поднимаете глаз к солнцу – и вот япришел к вам... Я семью свою бросил, я родину бросил – и одинокий пришел сказать вам про солнце – прекрасное, лучезарное, волшебное, миллионоликое солнце!..⁵⁹³

Люди-машины сначала слушают в восторге Сына человеческого, вводят его в свои храмы, восхищаются им, но проходит время – и они забывают сокровенные слова. Тот, кто осмелился звать «из каменных глыб – к солнцу», брошен в тюрьму. И вновь в художественном мире Иванова торжествуют силы зла: ненависть рождается в душе пророка, заставляет убивать, делает «сыном тьмы». Путь к спасению, каким его видит молодой писатель, – только один: смирение и любовь. Это понимает Сын человеческий, видя, как кормит маленькая девочка больную мать, отказывая себе в пище. «Солнце» находят Иванов и его герой в бедной комнатке, и только это солнце – любовь – может открыть путь к возрождению «младенцев человечества».

Размышляя о близости сибирской литературы 1910-х гг. к литературе новокрестьянской, можно также вспомнить по-разному владевшую умами ученых и писателей мысль о складывании в Сибири со временем особых

⁵⁹⁰ Ежемесячный журнал. 1916. № 11. С. 82.

⁵⁹¹ Там же. С. 90.

⁵⁹² Неизвестный Всеволод Иванов. С. 42.

⁵⁹³ Там же.

форм жизни, правления, искусства и религии, которая имела в своей основе идею синтеза двух культур: европейской – Западной и азиатской – исконной, тесно связанной с буддийским Востоком. Как близкие своим собственным восприняли молодые сибирские писатели, которые не могли не поддаться обаянию этой идеи, ведущие мировоззренческие положения Клюева. «Сердце Клюева соединяет пастушечью правду с магической мудростью, Запад с Востоком, соединяет воистину вздыхания четырех сторон Света»,⁵⁹⁴ – так отозвался А. Белый о «Песни Солнценосца». Писатели Сибири, которую Клюев в «Песни» называл в одном ряду с Белой Мерей, Ладужской ширью, сжигающей Индией и волжским лугом, как воплощение своих устремлений читали пророческие слова поэта: «Китай и Европа, и Север, и Юг / Сойдутся в чертог хороводом подруг, / Чтоб Бездну с Зенитом в одно сочетать: / Им Бог – восприемник, Россия же – мать»⁵⁹⁵. В отличие от областников, часто подразумевавших под Западом железную цивилизацию, например американскую, новокрестьянские поэты имели в виду духовные ценности разных культур, соединение которых в будущем приведет к «гармоничному сосуществованию народов»⁵⁹⁶. Об этом соединении будет размышлять Иванов в Петрограде, куда он приедет в самом начале 1921 г.

2.4. Среди «серапионовых братьев» «восточной группы»: сибирские контексты петроградского периода.

В самом начале 1920-х гг. Всеволод Иванов вступил в большую литературу. Его сразу ждал успех. В 1922–1923 гг. повести и рассказы молодого писателя издавали и читали в Советской России и за границей. В 1924 г. вышло первое собрание сочинений – пока в двух томах.

Главной особенностью произведений Иванова критики и на родине, и за рубежом единодушно признали его «открытие Сибири». «...о сказочной

⁵⁹⁴ Скифы. Сб. № 2. СПб., 1918. С. 10.

⁵⁹⁵ Клюев Н.А. Сердце единорога. С. 363.

⁵⁹⁶ Солнцева Н.М. «Песнь Солнценосца» Н. Клюева как скифская поэма // Сергей Есенин в контексте эпохи: коллективная монография / отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 318.

яви поет он нам, – восхищался В. Львов-Рогачевский, – и впервые читатели почувствовали Сибирь, и впервые Сибирь дождалась своей эпопеи...»⁵⁹⁷. Один из ведущих советских критиков, А.К. Воронский, в 1924 г. сравнивая произведения молодых писателей-сибиряков, отмечал: «...у Всеволода Иванова Сибирь экзотична. О ней и людях ее читаешь, как об Австралии. В Сибири Всеволода Иванова преобладает Восток, Азия, сопки, пески, степи, ковыль, его Сибирь глядит узкими раскосыми глазами, у нее желтое лицо, крепкие выделяющиеся скулы. Она разноцветная и пестрая, дикая и первобытная, приключенческая и романтическая»⁵⁹⁸.

Далеко не все, особенно не все сибиряки, принимали такую художественную манеру. Современник Иванова, известный сибирский писатель В.Я. Зазубрин, не без иронии отмечал: «Всеволод Иванов из Сибири вывез целые пушные сокровища. В Москве он из вывезенного нашёл себе таких шуб, что сибиряк, встречаясь с ним, только руками разводит. Люди же российские, и притом не искушенные по части этнографии, ему верят безоговорочно, верят, что в Сибири только такие шубы и носят. Не будем и мы опровергать своего земляка. Ведь то, что считается недопустимым в этнографии, допускается в литературе. На этот счет придуманы даже специальные оправдательные термины – экзотика, романтика и т. д.»⁵⁹⁹.

Сибирь в произведениях петроградского периода представлена не только ведущими темами Иванова – Гражданской войны и обетованной земли, о которых речь пойдет в главах 3 и 4 диссертации, но и отдельными мотивами, образами, иногда просто переключкой новых произведений с написанными в Сибири: мысли и образы прежних лет будут осмыслены в новых исторических, политических и культурных контекстах.

Приехавший в начале февраля 1921 г. из Омска в Петроград Иванов сначала сотрудничает с Петроградским Пролеткультом (группа «Космист»),

⁵⁹⁷ *Львов-Рогачевский В.* Новый Горький (Всеволод Иванов) // Современник. 1922. № 1. С. 159.

⁵⁹⁸ *Воронский А.К.* Лидия Сейфуллина // *Воронский А.К.* Искусство видеть мир. М.: Сов. писатель, 1987. С. 258.

⁵⁹⁹ *Зазубрин В.* Литературная пушнина // Сибирские огни. 1927. № 1. С. 198.

куда его вводит знакомый по Омску поэт И. Ерошин. Печатается в журнале «Грядущее» и входит в его редколлегию. Этот период жизни и творчества писателя, еще недостаточно документированный, отчасти отражен в письмах Иванова сибирскому писателю К.Н. Урманову⁶⁰⁰.

В марте 1921 г. Иванов появляется среди «серапионов», и с этого момента на три года его творчество тесно связано с литературной группой «Серапионовы братья». Отношение Иванова к братству было непростым. Позднее, в 1950-е гг., уже после партийного постановления 1946 г., он в «Истории моих книг» писал о серапионах очень нежно, называя серапионовские собрания «литературной школой мастерства»⁶⁰¹. С одной стороны, вероятно, так и было. В то же время Л. Лунц в письме к Горькому подметил очень точно: «Он добрый, редкий товарищ, но он *не брат*, он может отпасть»⁶⁰².

Раскол среди серапионовых братьев обозначился с самого начала. К. Федин вспоминал: «...мы разделяли серапионов на веселых “левых”, во главе с Лунцем, и серьезных “правых” – под усмешливым вождением Всеволода Иванова»⁶⁰³. Как известно, различие между «левыми» и «правыми» определялось тем, что первые устремлялись «на Запад», считая традиции русской классической литературы неприемлемыми в новую эпоху, определяющими в литературе называли острую занимательность, фабулу и вслед за Шкловским и формалистами воспринимали искусство как создание новых вещей. В свою очередь «правые» – К. Федин, М. Зощенко, Н. Никитин, Вс. Иванов – ориентировались на классическую традицию и на народную речь – сказ. Разделение серапионов на две группы носило не столько теоретико-литературный, сколько мировоззренческий характер. Как отметила Н.В. Корниенко, «движением литературы к сюжетно-фабульной революции обозначается стирание национальных различий и

⁶⁰⁰ Иванов Вс. Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма. С. 303–395.

⁶⁰¹ Иванов Вс. История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 142–145.

⁶⁰² «Серапионовы братья» в зеркалах переписки. С. 64.

⁶⁰³ Федин К.А. Горький среди нас. Картины литературной жизни. М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1967. С. 73.

космополитический вектор здания новой культуры»⁶⁰⁴. Лозунг «На Запад», открывая новые направления для экспериментов в прозе, одновременно утверждал разрыв литературы с «“общественнической”, “учительной” традицией, которая стоит за русским романом XIX в.»⁶⁰⁵.

Споры между «западниками» и «восточниками» велись на серапионовских встречах, особенно остро разгорелись они вокруг статьи Лунца «На Запад!», которую не все братья соглашались принять как декларацию группы; споры отразились и в переписке серапионов, далеко не всегда с дружескими оценками оппонентов. «Всеволод Иванов среди “серапионовых братьев” был, пожалуй, наиболее сложившимся человеком и писателем, – писал об Иванове один из известных критиков русского зарубежья М. Слоним. В характеристике, которую давал критик произведениям писателя начала 1920-х гг., относя их первому периоду творчества, акцентированы именно «восточные мотивы»:

Действие рассказов и повестей Вс. Иванова первого периода его творчества развертывается постоянно на русском Востоке: в Сибири, в Монголии, на границах Китая, в азиатских степях и равнинах. Он точно задался целью описать этот полудремлющий мир, в котором встретились под русским влиянием Азия и Европа. Он именно к Евразии обращен, этот писатель, у которого нет даже настоящих героев: всегда живет и действует у него та стихийная масса, та многоголовая и однородная толпа, которая поражает всякого европейского путешественника, когда он после индивидуалистического Запада окунается в многомиллионное море Востока. У Вс. Иванова неизменно выступают киргизы, китайцы, монголы, бурята. В его рассказах проходит все пестрое население Сибири: приисковые рыбаки с Зейских озер, пастухи хребта Сихоте Алин, тонкогубые монголы с реки Хора. У него Русь, как говорил Блок, обертывается азиатской рожей⁶⁰⁶.

Мы уже отмечали, что «азиатская экзотика» с самого начала творческого пути Иванова не была определяющей тематической и стилевой тенденцией, тому свидетельство, например, рассказы 1910-х гг. о деревне. В начале 1920-х гг. она становится сознательным художественным выбором

⁶⁰⁴ Корниенко Н.В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 97.

⁶⁰⁵ Там же. С. 95.

⁶⁰⁶ Слоним М. Портреты советских писателей. С. 63.

писателя. Особенно очевиден контраст жесткого, сдержанного стиля и стиля орнаментального при сопоставительном анализе двух вариантов рассказа, вошедшего в книгу «Седьмой берег» (изд. 2-е) под заглавием «Рассказы о себе». Впервые он был напечатан в пролетарском журнале «Грядущее» (1921. № 9–12) и назывался «В дни бегства»; позднее опубликован в «Красной газете» (1922. 21 мая), под заглавием «Рассказ о себе», и в литературном приложении № 15 к газете «Накануне» (Берлин. 1922), под заглавием «Отец и мать». Сравним первый вариант рассказа и текст из книги «Седьмой берег».

Рассказ состоит из двух частей. В журнале «Грядущее» первая его часть напечатана как единый текст, в книге «Седьмой берег» она разбита на пять подглавок, щедро снабженных лирическими отступлениями, и имеет посвящение: «М. Горькому». Вот начало текста в журнале (курсивом обозначен измененный текст):

Семь лет не видал я отца.

И в дни бегства увидал.

Вышел он за ограду встречать меня – *загорелый и худой, в штанах из серого мешка*– и заплакал.

И такое у него было лицо, *точно* сотни лет плакал⁶⁰⁷.

В книге «Седьмой берег» (полужирно обозначен добавленный текст):

Нет горя большего, как говорить о себе.

Нет радости большей, как любить.

Над Каракорумскими камнями (была некогда там ставка Батыева и Чингиз-хана) ныне песок да ветер. Шел туда с ветром и я. Прошел мимо.

– Все пройдет мимо, но цветом неохватным расцветает за горами радость. Каждую весну трава, каждую осень журавли летят в Египет.

II

Семь лет не видал я отца и летом 1918 года – увидал. Вышел он за школьную ограду встречать меня, **загорелые губы улыгнулись над худым костлявистым телом.**

⁶⁰⁷ Грядущее. 1921. № 9–12. С. 49.

Жалобно потрогал штаны из мешка и заплакал. Было у него такое лицо, **словно** сотни лет плакал⁶⁰⁸.

На неизбежно возникающий вопрос о причинах такого авторского «раскрашивания» текста однозначно ответить трудно. Возможно, что Иванов вел себя в Петрограде так, как это делал несколько лет назад Есенин, появившийся в Петербурге в 1915 г. на вечере общества «Краса» и во время других своих публичных выступлений в облике деревенского пастушка, создавая таким образом определенное впечатление о себе. Иванов, ходивший в Омске в белой блузе с вышитой змеей, став в Петрограде 1921 г. «братом Алеутом», поражал видевших его громадной медвежьей шубой. В одном из своих писем, посланном 22 марта 1921 г. в Сибирь Сорокину, писатель иронически замечал: «...на меня, в моем полушубке и заячьей шапке, смотрят здесь как на медведя, который вдруг заговорил человеческим языком»⁶⁰⁹.

Критики указывали на разные источники стилевой манеры Иванова. «Самый стиль его – крепкий, многоцветный имажинистский стиль, так же, как и стиль Чапыгина, Есенина, Клюева – чисто мужичий стиль»,⁶¹⁰ – отмечал критик журнала «Сибирские огни» Я. Браун. В статье «Литература в стране большевиков» (1922) Д. Святополк-Мирский высказал парадоксальную на первый взгляд мысль об истоках в литературе революционной эпохи «мужичьего стиля». Характеризуя «подлинный интернационализм», «откровенное презрение к России» и «совершенно дикое отношение к русской нации как только к материалу для универсальной планетарной работы»⁶¹¹, которое роднит М. Горького с большевиками, Святополк-Мирский отмечал: «Неожиданным продуктом революции явился негодующий и исключительный национализм»⁶¹². В 1924 г. А. Воронский писал: «У нас, как, вероятно, и всюду, писатели делятся на национальных и

⁶⁰⁸ *Иванов Вс.* Седьмой берег. Пг.: Круг, 1923. С. 37.

⁶⁰⁹ ИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 282. Л. 14.

⁶¹⁰ *Браун Я.* У синего зверюшки в лапах // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 180.

⁶¹¹ *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи / сост., подгот. текстов, примеч. и вступ. статья В.В. Перхина. СПб.: Алетейя, 2002. С. 43.

⁶¹² Там же. С. 50.

интернациональных. Сейчас у нас национальны Пильняк, Вс. Иванов, Есенин, Сейфуллина, Леонов и др.»⁶¹³ Близкий серапионам В. Шкловский, рассматривая орнаментальную русскую прозу, в которой «образ преобладает над сюжетом», справедливо отметил: «Некоторые орнаменталисты, как Замятин и Пильняк, зависят от Андрея Белого непосредственно, некоторые, как Вс. Иванов, не зависят...»⁶¹⁴. По мере изучения сибирских источников прозы писателя, все более очевидным становится, что истоки «орнаментализма» Иванова лежат не в литературной, а в народной традиции – преимущественно в сибирском фольклоре, а также в отчасти основанной на фольклоре региональной литературе 2-й половины 1910-х гг.

Исследователями М. Минокиным, Л. Пудаловой, Г. Кондаковым, С. Мамаевой и др. в 1960–1980-е гг. написан ряд работ, посвященных особенностям фольклоризма в творчестве Иванова петроградского периода. Подробнее всего рассмотрены с этой точки зрения «Алтайские сказки», напечатанные в 1921 г. в журнале «Красная новь» (№ 2)⁶¹⁵. Давая анализ «Алтайских сказок», в основном написанных и опубликованных еще в Сибири в 1919 г., все авторы указывают на один источник, который использовал Иванов, – «Аносский сборник» произведений алтайского фольклора, записанных Н.Я. Никифоровым от кайчи (сказителя) Чолтыша и изданных в 1915 г. в Омске с предисловием Г.Н. Потанина. Из сказок разных жанров: волшебные, бытовые, сказки о животных, топонимические легенды и предания, – представленных в сборнике, Иванов, как указывает Пудалова, «отдает предпочтение черчекам» (маленьким прозаическим сказкам и легендам), «причем создает черчеки новые, оригинальные, сугубо индивидуальные – пример чрезвычайно самобытного подхода к

⁶¹³ Воронский А.К. Искусство видеть мир. С. 161.

⁶¹⁴ Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Изд-во «Федерация», 1929. С. 216.

⁶¹⁵ См.: Минокин М.В. Путь Всеволода Иванова к роману: 20-е годы). С. 9–19; Мамаева С. «Алтайские сказки» Вс. Иванова // В сб. Всеволод Иванов. Труды межвузовской конференции, посв. 70-летию со дня рождения писателя. Омск: [Б.и.], 1970. [Уч. зап. / Ом. пед. ин-т. Вып. 47.] С. 109–118; Пудалова Л.А. Особенности фольклоризма в раннем творчестве Вс. Иванова // Фольклор и литература Сибири. Омск: [Б.и.], 1974. С. 100–116 и др.

фольклору»⁶¹⁶. Отсутствие текстуально зафиксированных обращений к фольклору будет присуще и «Партизанам». Рассматривая присловья – «Столяры да плотники от бога прокляты, за то их прокляли, что много лесу перевели»⁶¹⁷, шутки – «Крякнула утка, когда ее съели»⁶¹⁸ и пословицы, Пудалова отмечает, что они «живут в этой повести по-особому: не столько сами по себе, сколько в вариантах, созданных самим писателем»⁶¹⁹.

Отметим дополнительно еще некоторые сибирские народные источники, по-своему использованные писателем в повести «Партизаны». Реплики персонажей – жителей алтайской деревни Онгедай – содержат характерные для говоров некоторых областей Сибири, в частности Омской области, и вошедшие в фольклорные жанры глагольные формы, в которых происходит «стяжение гласных»⁶²⁰: «Гармошку покупат», «В день много работашь?», «Сами знам, что делать» и т.п. Такую глагольную форму содержит и фраза деревенского плотника Кубди, имеющая не бытовое, а бытийное содержание и содержащая авторское сравнение из крестьянской жизни: «Народ нынче бойко умирает. Будто пал по траве идет»⁶²¹.

В начале повести Иванов описывает престольный праздник в деревне (по контексту это конец лета 1919 г.): жители пекут блины и шаньги, мужики в новых рубашках сидят на скамейках у ворот, парни ходят под гармошку по деревне. «...девки в ярких кашемировых платках проголосно пели:

Я иду-иду болотинкой,
Машу-машу рукой,
Черноглазый мой миленочек,
Возьми меня с собой⁶²².

Этот же текст был включен Ивановым в рассказ «Дед Антон» (1917), описанные события происходят в казачьем поселке на реке Лебяжке – судя

⁶¹⁶ Пудалова Л.А. Особенности фольклоризма в раннем творчестве Вс. Иванова. С. 110.

⁶¹⁷ Иванов Вс. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. С. 71.

⁶¹⁸ Там же. С. 55.

⁶¹⁹ Пудалова Л.А. Проза Всеволода Иванова и фольклор. С. 46.

⁶²⁰ Палашенков А.Ф. Памятные места Омска // ИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 28.

⁶²¹ Иванов Вс. Партизаны. Пг.: Космист, 1922. С. 3–5.

⁶²² Там же. С. 34.

по всему, родном селе Иванова Лебяжье. Тем же годом датируется статья Иванова «Война и отражение ее в частушках», где «поэзия нашей деревни – частушки» представлена как едва ли не единственная сила, поддерживающая народ в тяжелые времена: «Из бездны страдания пытаются окрылиться при помощи хотя этой музыкальной силы как частушка»⁶²³. В тексте статьи приведено десять частушек, последняя – та, что использована в рассказе и повести, – дается с авторским комментарием: «Провожая милого на войну, Матаня поет, и в голосе ее звенят слезы всех женщин России». Среди изданных сибирских частушек мы не нашли тождественных, но обнаружили близкие. Частушки о Матане (Матанечке) у Иванова: «Ты Матанечка моя, / Молися Богу за меня, / От солдатчины останусь, / Возьму замуж за себя»⁶²⁴ – перекликаются с текстами, записанными в Омской области известным сибирским краеведом и собирателем фольклора Н. Черноковым: «Ты матанюшкина мамонька, / Напой меня водой, / Три я годичка ухаживал / За дочь твою» (записано в 1921 г.)⁶²⁵; «Ты матанечка моя, / Кожурочка орехова, / “До свиданья” не сказала, / Сяла да поехала»⁶²⁶; «Ты матанечка моя, / Холера куроносая, / Заморозила меня / В одной рубашке босова»⁶²⁷ (записано в 1956 г.). Одно из отличий ивановских частушек от записанных фольклорных в том, что образ Матани (любимой), являющейся персонажем народных частушек о любви, переходит в частушки о войне. Известная из фольклорного источника первая часть солдатской частушки: «Некруты-некрутики / Ломали в поле прутики / У дороги ставили, / Поминочки оставили»⁶²⁸, – у Иванова в статье имеет другие 3 и 4 строки: «Прутики остаточки. / Матанечки солдаточки»⁶²⁹. Слово «болотинка» из частушки, включенной Ивановым в повесть «Партизаны», встречается в фольклорных

⁶²³ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 117.

⁶²⁴ Там же.

⁶²⁵ Омский музей краеведения. 10437/252. № 55.

⁶²⁶ Там же. № 20.

⁶²⁷ Там же. № 60.

⁶²⁸ Там же. № 58. Некрут – рекрут (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский яз., 1981–1982. Т. 2. С. 251).

⁶²⁹ Неизвестный Всеволод Иванов. С.117.

записях известного омского краеведа и собирателя фольклора А.Ф. Палашенкова: «Милый мой, милый мой, / тебя в болото головой, / В самую болотинку / Зачем завлек молодиньку?»⁶³⁰. Указывая, что частушки «отражают местную природу», Палашенков отмечает, что подобное ее отражение «меньше встречается в песнях. Видимо, это объясняется устойчивостью формы песни, ее текста и ритмического строя. Большинство старинных песен было занесено в Сибирь переселенцами, у которых, конечно, возникали новые впечатления от жизни. Последнее не могло не отразиться в народном творчестве, но не в уже устойчивых текстах песен. Вторжение новых деталей, слов и т.д. могло бы нарушить рифму, общий стиль песни. Поэтому вполне закономерно и естественно “вторжение” сибирской природы во вновь создаваемые песни <...> и частушки»⁶³¹. Однако у Иванова есть сибирская песня с описанием природы, фрагмент ее дан эпиграфом к сборнику «Сопки. Партизанские повести» (1923): «Из долины вверх на сопку погляжу, / Погляжу, пойду по камню побродить... (Сибирская песня)»⁶³². Возможно, текст песни принадлежит самому Иванову.

Песни и вообще фольклорные образы у Иванова сопровождают описание народной жизни. Но – и это, на наш взгляд, показатель определенного авторского отношения – встречаются и в образной характеристике тех, применительно к которым в лексике пореволюционной литературы и критики употреблялись слова: «белые», «каратели», «бандиты». Так, в рассказе «Киргиз Тимирбей» (1921) казак из отряда атамановцев, совершивший казнь красноармейцев, поет «Волга матушка широка...»⁶³³

На протяжении 1910 – начала 1920-х гг. Иванов также включал в свои произведения сочиненные им стихи-самокладки, стилизованные по образцу

⁶³⁰ ИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 26.

⁶³¹ Там же. Л. 26–27.

⁶³² Иванов Вс. Сопки. Партизанские повести. М.; Пг: Гос. изд-во, 1923. С. 3.

⁶³³ Иванов Вс. Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1974. С. 45.

казахских народных песен. «Джатаки (рассказ из киргизского быта)»
замечателен вошедшей в него одной из таких самокладок:

Э – э – э – й...
Хорошо по дороге ехать.
Песни петь.
Обо всем:
Об тальнике,
Об лошади,
Об хозяине Чарумбае,
Об матери моей,
Об тамыр Баскэ...
А еще лучше
Ехать по дороге и петь
Об жене молодой да красивой...
Э – э – й...
Жены у меня нет,
Потому что калым большой,
А денег семьдесят рублей –
Когда калым накопишь
Да жену найдешь?
Э – э – й...
Хорошо по дороге ехать.
Песню петь обо всем:
Об тальнике,
Об пароходе,
Об тамыр Баскэ...⁶³⁴

В 1921 г. в первом пореволюционном сибирском «толстом» журнале «Искусство. Журнал искусств, литературы и техники» были напечатаны «Самокладки киргизские» – четыре стихотворных импровизации в духе казахских сказителей⁶³⁵. В Омском государственном краеведческом музее в фонде П.Л. Драверта, выдающегося ученого и поэта, нами была обнаружена рукопись стихотворений Вс. Тараканова. Ученическая тетрадь в линейку, где

⁶³⁴ Тараканов Вс. Джатаки // Друг кооператора. Курган, 1919. № 5–6. С. 28. Разыскание Н.И. Толстых.

⁶³⁵ Републикованы: Неизвестный Всеволод Иванов. С. 28–29.

молодой писатель записал свои импровизации, не позднее 1920 г. была подарена им Драверту. Помимо опубликованных в журнале «Искусство», в тетрадь вошли неизвестные ранее стихи Иванова «Юрта» и «Жаурын-кора» – заглавие обозначает «гадание на бараньих лопатках, на которых, по преданию, Магомет написал Коран» (примечание автора):

Кизяк пахнет вкусно-вкусно,
А в котле айран кипит.
– Кызымил, ты, вижу, грустна,
Хочешь, будем ворожить.
Вот лопатку от барана
Положи в костер.
Как страница Ал-Корана
Будет вещь узор.
Наш пророк – святое слово
Начертал на них.
Ветер дунет – в сердце снова
Вспыхнет зовый стих.
– Ну, вынимай!
– Не обожгись.
Внимай
Аллаха мысль.
Трещёны [так в тексте. – *Е.П.*] не пересекаются,
Трещёны прямые, как тракт.
– Кызымил, я говорил так.
Будет хороший знак. – Завари китайского чаю!⁶³⁶

Источником стихотворения является обряд – реальный факт религиозной жизни у некоторых народов Сибири. «Гадание по лопатке у Аларских бурят, – отмечал Г.Н. Потанин, – производит обыкновенно шаман, но он передает их старикам, которые также разбирают черты. Одна сторона лопатки считается холодной, другая теплою. <...> Ответы, даваемые лопаткой, вроде следующих: кражу совершил халунхун, теплый человек, то есть однодворец, или хар-хун, черный человек, то есть чужеродец»⁶³⁷.

⁶³⁶ Омский музей краеведения. Архив П. Драверта. 8513/3436. Л. 4–4об.

⁶³⁷ Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. С. 135.

История возникновения обряда рассказана в бурятском предании о ламе, имевшем много книг, раскрыв которые он узнавал все. Во время одной из ночевок в степи он положил книги на землю, и их съели овцы, пасшиеся неподалеку. «Когда вы съели мои книги, пусть мое книжное ведение войдет в ваши тонкие кости, – сказал лама. – Я же обойдусь и без книг»⁶³⁸.

Описание подобного гадания вводится Ивановым в текст романа «Голубые пески», охватывающего события 1917–1920 гг. – от установления Советской власти до мятежа чехословаков, периода правления адмирала Колчака и восстановления Советской власти в родных для писателя местах – селе Лебяжьем и Павлодаре. В романе упоминаются реальные исторические лица: атаман Семенов, барон фон Унгерн и др., но действуют вымышленные герои: комиссар Василий Запус, казачий атаман Артемий Трубычев и монгольский хан Чокан Балиханов, имена которых представляют собой немного измененные имена реальных, известных Иванову людей. Ближе к финалу романа, когда во 2-й половине 1919 г. белые терпят поражение, Трубычев и Балиханов ведут разговор о родине:

– Какая вам нужна родина. Чокан?

– Вы свою родину, атаман, почувствовали давно. Я до тридцати пяти лет жил в Петербурге и думал: моя родина – Россия. А теперь я растерян, мне так легко объяснить – да вот хотя бы беям – что степь должна быть нашей родиной, а не русских. Они очень легко соглашаются со мной и говорят, им не нужно идти с казаками в Россию, если степь их родина. Казаки захотят большего и вернуться сюда.

Чокан бросил в костер баранью лопатку.

– Я сейчас гадать буду. Если трещины пересекаются, к зиме мы придем в Россию.

– Зачем? <...>

Чокан, внезапно гикнув, вонзил шашку в баранью лопатку. Кинул кость на землю и наклонился.

– Э! Трещины прямые, как тракт. В России мы не будем, атаман. Я уйду со своими стадами в Индию.

– Вам география знакома?

⁶³⁸ Сказания бурят, записанные разными собирателями. Записки Восточно-Сибирского отделения Императорского русского географического общества. Т. 162. Иркутск: на средства Д.Г. Гамбоева, 1899. С. 87.

– По географии я в Индию не попаду. Но стада доведут. Мы пойдем за стадами. Вы же раскаетесь перед советским правительством, и, когда тысячи дураков с красными флагами в день Октябрьской революции пойдут гадить на улицы, вам, полковник, будет пожалована амнистия.

– Чокан!

– Я же учился в Петербурге. Там не верят бараньим лопаткам. Не верьте и вы... Я завидую людям, нашедшим родину, ибо, полковник, существует родина, похожая на текст «Слова о полку Игореве», читать можно, а попробуйте разговаривать на таком языке⁶³⁹.

За именем персонажа романа Чокана Балиханова – инженера из рода монгольских ханов, учившегося в Петербурге, – легко узнается реальное лицо. Это первый казахский ученый, член Императорского русского географического общества, выдающийся этнограф, фольклорист, знаток восточной культуры, путешественник Чокан Чингисович Валиханов (1835–1865), учившийся в юности в Сибирском кадетском корпусе в Омске, а впоследствии посещавший лекции в Петербургском университете. Блистательно начавшаяся научная биография его после 1861 г. – возвращения из Петербурга на родину по болезни – сменилась тяжелыми годами жизни в отцовском ауле: «Непонимание, неприятие и откровенная травля со всех сторон»⁶⁴⁰.

В романе Иванова Чокан Балиханов стремится к национальному возрождению Монголии. Цель, с которой он обращается к древнему гаданию, – узнать судьбу народа, соответствует смыслу, вложенному в обряд, как он описан у прототипа героя – Ч. Валиханова: «...баксы говорят, что лопатка всегда показывает полную судьбу семи народов: смерть царей этих народов, смерть людей <...> и судьбы путешественников»⁶⁴¹.

Живя в Сибири, Иванов не мог не знать имени такого уважаемого человека, как Ч.Ч. Валиханов. Не исключено, что личность ученого послужила также прототипом инженера Янусова из рассказа «Духмяные степи» (1919), долго жившего за границей и вернувшегося на родину. На

⁶³⁹ Иванов В.с. Голубые пески. М.;Пг.: Круг, 1923. С. 249–251.

⁶⁴⁰ Лейфер А. Подвиг Чокана // Судьбы, связанные с Омском. Кн. 2. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1974. С. 42.

⁶⁴¹ Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. С. 279.

вопрос Янусова, зачем он едет в родную станицу: «Взыскующий града или ипохондрия?» – отвечает помнивший его с детства старик – дувана Огюс: «Прошел ты, я знаю, большие каменные города и, как путник, видящий марево, не освежит гортани, так ты не напился там жизни. И в степь возвратился». Янусову, не помнящему истории своего рода, Огюс напоминает о предке – хане Кий-Оглы: «Заплакала в тебе кровь Кий-Оглы, последнего хана из рода Ангения, вот ты и пришел в степь. Принес ей новое слово, которого не знают даже самые старые шаманы Абаканских гор, чтобы не было джута, чтобы не умирали киргизы, как саранча, от сырости». Дувана, как явствует из его слов, ждет от человека, впитавшего знание европейской цивилизации, «нового слова», несущего спасение родному народу. Однако, исходя из художественной логики рассказа молодого писателя, обретенное человеком Востока европейское знание не только не прибавляет мудрости, но и не сохраняет души. Единственное, на что решается Янусов, это пойти ночью на могилу предка, где его охватывает древнее, из детства знакомое знание-чувство: «...предтеча сильной, влекущей к жертвам мысли», он видит «баушкины глаза» и слышит слова о некой странной благословенной земле, где «пашни... без счету – духмяные да тучные, а в ночные часы ходят стены пучеглазые да клыкастые». Страх, охвативший Янусова, он прогоняет словами из мира цивилизации, сказанными «внесознательно»: «Угол падения равен...» – и той же ночью уезжает из родных мест⁶⁴².

О том, благотворно ли влияет приобщение человека к другой культуре, конкретно – человека Востока к культуре Запада, – Иванов, судя по его произведениям, размышляет много. Возможно, в этих размышлениях есть и автобиографический мотив. Показателен приведенный нами пример с двумя формами использования фольклорного мотива – гадания на бараньей лопатке. В самокладке и лирический герой, и девушка Кызымил, к которой он обращается, находятся внутри одной культурной парадигмы и «вещий узор» прочитывается ими одинаково, не вызывая ни размышлений, ни

⁶⁴² Неизвестный Всеволод Иванов. С. 98–99.

сомнений. Герой романа «Голубые пески» Балиханов, рожденный в казахской степи, уехал в европейский город Петербург, отсюда его замечание: «Там не верят бараньим лопаткам, – не верьте и вы...» Сомнение в мудрости «языка степи», языка своей культуры, возникшее при соприкосновении с чужой культурой, как следует из слов героя, приводит к утрате чувства родины: «Я завидую людям, нашедшим родину...»⁶⁴³

К образу человека Востока, не сумевшего с приобщением к европейской культуре подняться на более высокую ступень духовного развития, а, напротив, утратившего духовность и вернувшегося к примитивным инстинктам, Иванов еще раз обратится в повести «Возвращение Будды» (1922). Монгол Дава-Дорчжи из аймака Тумуту-хана учился в кадетском корпусе в Омске, был белым офицером. После окончательной победы Советской власти он приезжает в голодный Петроград и рассказывает профессору Сафонову легенду о воплощении Будды, затем описывается их поездка в Монголию, которая осуществляется по приказу наркома по национальностям с целью вернуть народу Монголии национальную святыню – статую Будды. Восторженные слова, с которыми Сафонов обращается к Дава-Дорчжи, практически повторяют слова Огюса из рассказа «Степь духмяная»: «Ваше героическое стремление со статуей, вашей родовой святыней – оно является, скорее всего, голосом крови, непонятным зовом ее на Восток. <...> Вы, опьяненный взрывом шестидесятитонных снарядов, танками, разрушающими города, <...> опьяненный тридцатиэтажными домами и радио, вы метнулись туда, куда позвала Европа. Но дух веков заговорил перед вами, когда Европа скинула свое покрывало и – пока на Россию только – выпустила своих волков. Вы вспомнили, что вы, воплощение Будды, гыген, повезли через мрак и огонь, сам претерпевая мучения – очищая себя...»⁶⁴⁴ Иллюзия Сафонова развеивается во время пути на Восток: Дава-Дорчжи, «глубоко испорчен

⁶⁴³ Иванов Вс. Голубые пески. С. 251.

⁶⁴⁴ Иванов Вс. Возвращение Будды. М.: Мосполиграф, 1924. С. 51–52.

цивилизацией»⁶⁴⁵, он, потерявший во время болезни человеческий облик, заросший волосами, голодный, страшный, отказывается от своей миссии.

Три названных нами типологически близких героя (инженер Янусов, Чокан Валиханов и Дава Доржчи), созданные Ивановым в разные периоды творчества, подтверждают его позицию, занятую в давнем споре с областниками. Впрочем, сам Ядринцев, в теории утверждая возможность приобщения человека Востока к культуре Запада, при рассмотрении явлений реальной жизни приходил к обратным выводам. Так, размышляя над судьбой Чокана Валиханова, он писал:

Выйдя из детской колыбели в киргизской юрте, даровитый киргиз перед смертью возвращается к своему очагу и его окружает та же торжественная тишина степи. Это не первая судьба инородца, испившего чашу цивилизации, получившего образование и под конец опять возвратившегося к своим пенатам и сородичам, как бы испугавшись этой цивилизации. В этом разочаровании после ослепительного блеска, в этой боязни и трепете инородца вообще за судьбу своей народности, сказывается недоверие инородца к чужой культуре и вспыхнувшее чувство самосохранения. Под влиянием этого инстинкта, вероятно, и Чокан Валиханов сделал последний шаг назад, опять в родную юрту. Старая среда, привычки, привязанности, дом, старое отечество не отрываются от сердца легко. Чокан оставался любящим свой народ, свое племя. В его мечтах было совместить европейское просвещение и сохранить свою народность.

Причину, по которой эти мечты пока не осуществились, Ядринцев видит в том, что «мы еще не подготовили почвы, чтобы инородец вступил в нее смело»⁶⁴⁶.

В 1921–1923 гг. Иванов создает ряд произведений, действие которых происходит не собственно в Сибири, а на Дальнем Востоке. Это повесть «Бронепоезд 14-69», рассказы 1922 г. «История Чжен-Люня, искателя корня шень-жень» и «Амулет» (другое название – «Шо-гуанг-го, амулет Великого Города»), впоследствии включенные автором в книгу «Седьмой берег», некоторые главы романа «Голубые пески». Все они так или иначе посвящены

⁶⁴⁵ Там же. С. 33.

⁶⁴⁶ Ядринцев Н. Воспоминания о Чокане Валиханове // Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. С. XXXIX.

революции, Гражданской войне, происходящему коренному сломену жизни и его последствиям, в том числе и для народов Сибири и Дальнего Востока.

Если задаться вопросом, почему писатель в этих текстах делает местом действия Дальний Восток, мы не получим точного ответа. В Дальневосточном крае Иванов, если верить одному из разделов плана его воспоминаний «По тропинке бедствий»: «Поездка на Д<альний> В<осток>. – 50 000 миллионов золотом и корабли в “Золотом роге”»⁶⁴⁷, был крайне недолго, в 1918 г. Глава воспоминаний «История моих книг», где речь идет о замысле повести «Бронепоезд 14-69», сообщает противоположное: «...я никогда не был на Дальнем Востоке...»⁶⁴⁸.

Дальневосточная тема в начале 1920-х гг. была актуальна. Центральные газеты с мая 1921 г., когда во Владивостоке произошел военный переворот и внешняя и внутренняя политика Дальневосточной Республики (ДВР) перестала напрямую зависеть от руководства РСФСР, посвящали ей много внимания. «Ликвидация владивостокской авантюры неизбежна»⁶⁴⁹, – утверждала «Петроградская правда» 18 июня 1921 г. 22 июня в Москве открылся Третий Конгресс Коминтерна, в повестке дня которого стоял восточный вопрос. Реальную угрозу для буферного государства ДВР представляла Япония, которая, как сообщала «Петроградская правда», не желая допустить, «чтобы весь Дальний Восток стал коммунистическим», оккупировала Приморье и «пробует раздуть затихший огонь Гражданской войны»⁶⁵⁰. 14 декабря газета печатала «Обращение ДВР к народам и правительствам всего мира»: «Народное собрание ДВР – полномочный представитель всего населения русского Дальнего Востока – с глубоким возмущением вынуждено высказать свой решительный протест против захватнической политики Японии на русском Дальнем Востоке. Уже четвертый год продолжается вооруженное вмешательство иностранных сил в

⁶⁴⁷ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 370.

⁶⁴⁸ Иванов В. История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 144.

⁶⁴⁹ Петроградская правда. 1921. 18 июня. С. 1.

⁶⁵⁰ Там же. 10 дек. С. 3.

наши дела. Уже четвертый год японский штык насилует волю русского народа». Япония «фактически владеет всем русским побережьем Тихого океана», она захватила низовья Амура, русский Сахалин. «Японские войска четвертый год хозяйничают <...> во Владивостоке». «Народ русского Дальнего Востока неоднократно, при разных обстоятельствах и в разных местах, поднимал свой голос протеста против всего зла и против политики насилий, творимых Японией. До сих пор никто не откликнулся на наш протест»⁶⁵¹. Здесь имеет смысл обратить внимание на следующий факт: несмотря на всю важность дальневосточного вопроса в начале 1920-х гг. и внимание к нему центральной печати, возможно, прав в своем утверждении историк В.И. Шишкин: «Как показало заключение Брестского мира, в своем стремлении во что бы то ни стало сохранить Советскую власть в центральных районах России, большевики согласны были пойти на утрату части территории страны. Аналогичные намерения прослеживались в большевистских верхах в конце 1919 – начале 1920 г. по отношению к Восточной Сибири и Дальнему Востоку»⁶⁵².

Таким образом, реальное положение Дальневосточного региона в начале 1920-х гг. было двойственным: эта пограничная территория оказалась тогда для новой власти важна не сама по себе, а как «буфер», не допускающий непосредственного военного противостояния РСФСР и интервентов. Такая двойственность, на наш взгляд, давала возможность Иванову в 1922 г. продолжить инородческую тему и высказать свои сомнения в том, что произошедшая революция принесет благо народам Сибири и Дальнего Востока. Рассказы отличает пристальное внимание автора к культуре и традициям региона.

Сосредоточим наше внимание на двух текстах. При публикации в журнале «Сибирские огни» (1922. № 3) рассказ «Амулет» был датирован

⁶⁵¹ Хищническая авантюра Японии // Там же. 14 дек. С. 3.

⁶⁵² Шишкин В.И. Дальневосточный регион как геополитический фактор в начале 1920-х гг. // Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции «Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему». Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии Дальнего Востока ДВО РАН, 1996. С. 30.

автором «январем 1922 г.». «История Чжень-Люня» написана примерно тогда же: в письме К.Н. Урманову от 15 января 1922 г. Иванов сообщает: «Да, я написал рассказ – “Чжень-люнь, искатель шень-жень”»⁶⁵³. В сборнике «Седьмой берег» 1922 г. рассказы имели заглавие «История Чжень-Люня» и «Амулет», при переиздании в 1923 г. Иванов удлинил и изменил названия: «История Чжень-Люня, искателя корня шень-жень» и «Шо-гуанг-го, амулет великого города».

В названных рассказах с самого начала присутствует указание на место действия: «Теплые горы – Сихотэ-Алинь, как перстень на руке моря. А море за тайгой, а тайга между горами и морем. / В тайге тигр и барс и красный волк. А в душных и темных падах – сердце земли – корень шень-жень»⁶⁵⁴ («История Чжень-Люня»); «Ту-юн-шан вспотел... <...> море вокруг лодок желтое, клейкое, потное. <...> Руки над водой, как цветы. Желтое море, золотые руки и над хребтом Сихоте-Алинь великой бронзы небо...»⁶⁵⁵ («Шо-гуанг-го, амулет Великого города»). Горы Сихоте-Алинь находятся на Дальнем Востоке, хребты их вытянуты вдоль Японского моря.

Центральные персонажи рассказов представляют собой инородцев Дальнего Востока – китайцев и корейцев-каули, о которых Иванов повествует с этнографической точностью. Трудно сказать, что явилось источником этнографических подробностей в этих произведениях писателя – личные наблюдения или книжные источники. К моменту написания рассказов уже были совершены путешествия Н.М. Пржевальского и В.А. Арсеньева, изданы книги «Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869» и «В делях Уссурийского края», где описаны путешествия 1906 и 1907 гг. Более всего Иванов точен в описании быта и традиций корейцев в рассказе «Шо-гуанг-го, амулет великого города». В портретах персонажей он подчеркивает их белые одеяния: «Надел Хе-ми белый халат, закрывающий

⁶⁵³ Иванов В. Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма. С. 352.

⁶⁵⁴ Иванов В. Бронепоезд 14-69. М.: Вече, 2012. С. 272.

⁶⁵⁵ Там же. С. 304.

ногти ног»⁶⁵⁶, «Поспешил далее посланный. Точно белый цветок повисла на кустах его кофта»⁶⁵⁷, «Люди в белых одеждах, с широкими, подвязанными под бородами шляпами, собирались к фанзе Хе-ми»⁶⁵⁸. Как сообщает Н.М. Пржевальский, корейцы, с середины XIX в. эмигрировавшие в пределы России и образовавшие здесь новые колонии, живут в фанзах. «В своем домашнем быту корейцы, или, как они себя называют, каули, отличаются трудолюбием, особенно чистотой <...>. Само одеяние их белого цвета уже указывает на любовь к чистоте. Обыкновенная одежда мужчины состоит из верхнего платья вроде халата с чрезвычайно широкими рукавами, белых панталон и башмаков»⁶⁵⁹. Еще одна точная деталь. Обращаясь к жене сына, старик Хе-ми говорит: «Ты, не имеющая имени, не мешай гореть огням...»⁶⁶⁰, «Тебе, жена Ту-юн-шана, женщина не имеющая имени, говорю. <...> Я, Хе-ми, знающий, говорю: первой тебе, женщине-каули, даем имя не мужа, а свое»⁶⁶¹. Отсутствие имен у корейских женщин отмечено Пржевальским: «Замечательно, что женщины у корейцев не имеют имен, а называются по родне, например: мать, тетка, бабушка и пр.»⁶⁶². Точен Иванов и в описании веры корейцев. «Собственно в Корее две религии: буддийская и религия духов, состоящая в поклонении разным божествам и гениям»⁶⁶³, – пишет Пржевальский. На поклонение духам указывает и Иванов: «И пока ловцы спускали вилы в воду, – четырем духам: севера, востока, юга и запада – возносил Хе-ми заклинания. Седые, древние молитвы, верные»⁶⁶⁴.

История Чжень-Люня, как и другие китайцы, бежавшего «к русским, в тайгу», потому что «Китай плохо... Китай совсем кушать... нету... Китай беги, беги-мало-мало»⁶⁶⁵, также имеет реальную, историческую основу. В

⁶⁵⁶ Там же. С. 306.

⁶⁵⁷ Там же. С. 307.

⁶⁵⁸ Там же. С. 310.

⁶⁵⁹ *Пржевальский Н.М.* Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869. Владивосток: Дальне-Вост. кн. изд-во, 1990. С. 134.

⁶⁶⁰ *Иванов Вс.* Бронепоезд 14-69. С. 327.

⁶⁶¹ Там же. С. 328.

⁶⁶² *Пржевальский Н.М.* Путешествие в Уссурийском крае. С. 135.

⁶⁶³ Там же.

⁶⁶⁴ *Иванов Вс.* Бронепоезд 14-69. С. 306.

⁶⁶⁵ Там же. С. 276.

редакторском примечании к книге Пржевальского указано, что эксплуатация, усилившаяся после завоевания Китая маньчжурами, приводила к побегам от хозяев: «Эти беглецы находили убежище на территории современного Приморского края. <...> Основная масса китайцев появилась в Приморье в 70-80-х гг. XIX в. Это были китайские отходники, которые шли в пределы России в поисках заработка. Это население не было постоянным. Значительная часть его регулярно мигрировала за границу, как только зарабатывала средства, необходимые для приобретения на родине участка земли»⁶⁶⁶. Так и Чжень-Люнь мечтает уехать в Шанхай, «купить фанзу, жену, много опиума...»⁶⁶⁷. Средство для того, чтобы разбогатеть, он находит подобно многим другим китайцам: он ищет шень-жень. Драгоценный корень герой Иванова именно ищет, а не сажает на грядках, как насадил рис. Пржевальский, рассказывая о богатствах Уссурийского края, называл среди прочего «дорогой корень женьшень, ценимый в Китае на вес золота», причем отмечал, что дикорастущий корень стоит значительно дороже, чем выращенный на плантациях⁶⁶⁸. Имеется в рассказе Иванова и отсылка к реальному топониму: город Никольск, куда идет китаец продавать женьшень, очевидно, образован от двух реальных топонимов, которые называет Пржевальский, – станицы Нижне-Никольской и деревни Никольской⁶⁶⁹. Точен Иванов, описывая встречу Чжень-Люня с тигром: писатель подчеркивает, что перед героем «священный тигр, нельзя такого тигра бить»⁶⁷⁰ и, соответственно, китаец не может этого сделать, хотя тигр находится именно там, где растет женьшень.

Этнографическая точность в рассказах Иванова не удивительна: начиная с творчества сибирского периода, писатель уделял много внимания быту, верованиям, традициям народов, населяющих Сибирь. Однако, в отличие, например, от написанного в реалистической стиливой манере

⁶⁶⁶ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. С. 106.

⁶⁶⁷ Иванов В.с. Бронепоезд 14-69. С. 273.

⁶⁶⁸ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. С. 106–107.

⁶⁶⁹ Там же. С. 314, 316.

⁶⁷⁰ Иванов В.с. Бронепоезд 14-69. С. 274.

рассказа Урманова «Жень-шень» (Искусство. 1922. № 2), точность описания сочетается у Иванова с приемами условно-символической поэтики. Рассказы отличает яркая образность: красочные, неожиданные сравнения, эпитеты, особенно цветные, метафоры, олицетворения. Преобладает стилистика ритмической прозы, особенно ярко проявляющаяся в лирических отступлениях: «Эх вы, камни теплого моря, ноздреватые и легкие, как раковина. И волны – голубые раковины и небо – шумящая морем зеленая раковина!.. ... / А руки мои – водоросли по голубому песку. Нет, песок мои руки – теплый, пахучий и легкий, как волны... По колени, по колени ступайте, люди – теплый и мягкий, как губы, песок! / Живу!..»⁶⁷¹

В рассказе «Шо-гуанг-го, амулет Великого города» в таком же ключе написано «Славословие травам и водам»⁶⁷².

Несмотря на жизнеутверждающую радость лирических отступлений, сюжеты обоих рассказов трагичны: надежды героев сменяются крахом, а затем и гибелью самих героев. В обоих случаях эти сюжеты связаны с революцией и Гражданской войной. Встреченный русский («капитана», называет его Чжень-Люнь; как свидетельствует книга Арсеньева, так вообще обращались к европейцам представители инородцев и разных туземных племен) рассказывает китайцу, надевавшемуся продать драгоценный корень и разбогатеть, о разрушении на Востоке привычного уклада жизни: «Нет капитанов, манза. Нет русских, шень-жень не покупают. Китаю нет, бежит народ – бьет друг друга, бежит»⁶⁷³. Впоследствии и сам Чжень-Люнь видит «уголь, пни от изб» вместо поселков, «на полях дикий, страшный хлеб», а вместо города «уголь и травы»: «Кирпичные толстые трубы, где были раньше железные клетки, свалились. От железных клеток уцелела затянута травами печь»⁶⁷⁴ (железные клетки – это, судя по всему, вагоны поезда).

⁶⁷¹ Там же. С. 280.

⁶⁷² Там же. С. 311.

⁶⁷³ Там же. С. 276.

⁶⁷⁴ Там же. С. 281.

Интересно, что почти апокалиптическую картину Иванов рисует тем же языком, каким пел о радости бытия:

Раньше были в море шаланды и джонки. Китайцы и корейцы длинными крючками ловили морскую капусту.

Заросло море водорослями, как теленок шерстью.

Шаланды сгорели, нет шаланд.

И больших шаланд с трубами в кедр нету. Должно быть, сгорели большие шаланда.

Потому что море кругом – водоросли. И волна лохматая, как таежная кочка. Пахнет с моря гнилью⁶⁷⁵.

Мысли Чжень-Люня носят столь же апокалиптический характер: «А зачем Чжень-Люню шень-жень?.. Чжень-Люнь в Китай не попадет... Может, и Китая нет, может, как русская кумирня, сгорел Китай!.. И Шанхай сгорел... Может, никого на земле нету, один Чжень-Люнь»⁶⁷⁶.

Героям рассказа «Шо-гуанг-го, амулет Великого города», корейцам, добывающим для японцев («круглоголовых») морскую капусту, революция представляется в столь же причудливых, полуфантастических образах. Они ждут «русского», на груди у которого пятихвостый амулет (имеется в виду красная звезда), «из Великого города... дал ему самый большой русский – Ле-и-но...» Русский говорит, что круглоголовых людей с островов (т.е. японцев) в Корею не будет, «будут люди с широких земель, с широкими, как у медведя, сердцами»⁶⁷⁷. Русского убивают японцы, и надежды рушатся. Вдохновленные мечтой о Великом городе, «сладком городе»⁶⁷⁸, каули отправляют сына старейшины, молодого Ту-юн-шана, с амулетом, снятым с одежды русского, искать других русских, но он погибает во льдах. Описание гибели выполнено опять-таки в той же стилистике, что и славословие травам: «Льды выходят с гор, как тучные, синие коровы. Прут широкими животами в скалы – поет-жалуется камень. А Ту-юншан на льдах, как пыль. <...> Загнуть

⁶⁷⁵ Там же. С. 282.

⁶⁷⁶ Там же. С. 283.

⁶⁷⁷ Там же. С. 306–307.

⁶⁷⁸ Там же. С. 317.

этого человека в кольцо, подхватить под полы и по льдам. Звенят льды, поют. Звенят скалы, поют»⁶⁷⁹.

Возможно, писатель подобным способом как бы маскирует трагический сюжет и свою тревогу о судьбах народов Сибири и Дальнего Востока, их культуры и традиций, которые неизбежно окажутся под угрозой исчезновения, но это будет связано уже не с цивилизацией и техническим прогрессом, как Иванов писал в произведениях сибирского периода, а с произошедшей революцией. Финал рассказа открытый. Гадает у фанзы ночью старик Хе-ми, и древний обряд предсказывает каули счастье. А на следующее утро на промыслах морской капусты появляются японцы. Не трудно угадать, как они поведут себя с мечтавшими о Великом городе корейцами-каули.

2.5. Постановка проблемы Восток – Запад в прозе Иванова начала 1920-х гг. Повесть «Возвращение Будды».

Своеобразие постановки проблемы Восток – Запад в художественном творчестве Вс. Иванова заключается в том, что идеи и образы появлялись в произведениях писателя в те исторические периоды, когда представители научной, философской, политической и эстетической мысли активно обсуждали эти вопросы. В 1910-е гг., когда Иванов входит в литературу, это были областники, в конце 1910-х – начале 1920-х гг. уже в Советской России добавляются новые контексты. Оппозиция Восток – Запад, Азия – Европа рассматривается и новыми идеологами страны, и их оппонентами – мыслителями и поэтами группы «Скифы»; русскими философами – «шпенглеринцами», как их тогда называли; обосновывавшими свою концепцию евразийцами. Трудно сказать, являлись ли тексты Иванова рецепцией существовавших идей, или были результатом его оригинального мышления, формировавшегося на евразийском пространстве родины. Думается, присутствовало и то, и другое: общественные контексты укрепили

⁶⁷⁹ Там же. С. 324–325.

собственные его размышления, дали им новые, более широкие горизонты. В разной форме евразийская проблематика нашла отражение в трех произведениях писателя, стоящих несколько в стороне от магистральной линии его творчества 1920-х гг. – Гражданской войны в Сибири. Оппозиции Европа – Азия, Запад – Восток, цивилизация и культура Иванов попытается по-своему представить в не переиздававшемся с 1921 г. рассказе «Пегий берег» (Современное обозрение. 1922. № 1), романе «Голубые пески» и повести «Возвращение Будды». О двух из них он напишет в письме к А.Н. Толстому в Берлин 15 мая 1922 г.: «С № 7 “Красной нови” будет печататься мой роман – “Голубые пески”, в четырех книгах. Монголия. Сибирь. Снега. 40^о. Поленницы трупов. Тифозные поезда и революции. Широколобий Восток и узкозадый Запад. <...> Устройте мне высылку “Накануне”, а я вам на днях вышлю для печати рассказ “Пегий берег”»⁶⁸⁰.

Из современников Иванова в 1920-е гг. обращенность писателя к проблемам Востока и Запада отметил перевальский критик С. Пакентрейгер:

Иванов <...> останавливает свое исключительное внимание на сопоставлении людей Азии и Европы. Он присматривается к перерождению человека Европы. И хочет доказать и показать, что перерождение это идет через зверя, через Азию к иной высокой культуре, которую он только предчувствует. На этом пути перерождения одни люди европейской складки часто гибнут, ничего не достигнув, как профессор Сафонов из рассказа «Возвращение Будды», а другие приходят к порогу новой цивилизации, может быть, и социалистической, как представитель текстильного треста Горчаков из «Ферганского хлопка». <...> Иванов, конечно, не философ, но он принадлежит к тем художникам, которые наделены *чувствами философского восприятия* жизни, именно чувствами, глубина которых ищет внешнего мудрого выражения. <...> Он ищет согласованного, ясного сочетания полученных от востока чувств с новым смыслом новой истории, в которой массы *переоценивают действием* старую цивилизацию Европы. Иванов своим путем подходит к новой цивилизации масс. Этот трудный путь он начал как сибирский областник, расширивший это областничество до пределов Азии, скидывающих со своего хребта всех богов угнетения. Иванов – художник не русский, не монгольский, не

⁶⁸⁰ «Я глубоко верю в Россию...» (письма Всеволода Иванова Алексею Толстому) / вступ. заметка, публ. и коммент. Е. Погорельской // Вопросы литературы. 2007. № 2. С. 339.

китайский, но именно потому, что он близко, глубоко и непосредственно подошел и подходит к туркмену, к якуту, к тунгусу, к китайцу, к русскому и к европейцу, освещая их преображающиеся лица, – он художник пробужденной Азии, борющейся в муках и тяготах за создание у себя новой Европы⁶⁸¹.

Новым «художественным обобщениям» Иванова немало способствовали философско-литературный и историко-политический контексты рубежа 1910–1920-х гг.

Прежде всего назовем группу «Скифы» – литературное объединение, которое возглавил Р.В. Иванов-Разумник, в 1917–1918 гг. вышли два сборника. Своеобразным манифестом скифства стало одноименное стихотворение А. Блока. Как указывают исследователи, среди основных тем, которые разрабатывало скифство, важное место занимал вопрос о «месте России между Востоком и Западом»⁶⁸². Из писем Иванова 1921 г. следует, что он общается в Петрограде со «скифами» Ивановым-Разумником и Е. Замятиным⁶⁸³. Высоко почитает поэзию А. Блока, еще с сибирских времен знает и ценит поэзию С. Есенина и Н. Клюева. О проблематике, интересующей «скифов», Иванов мог в 1921 г. в Петрограде беседовать и с поэтом И. Ерошиным, по рекомендации которого он оказался в Пролеткульте⁶⁸⁴.

В том же 1921 г. в Софии выходит книга, с которой начинается история евразийства, – «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», включающая статьи П. Савицкого, П. Сувчинского, кн. Н. Трубецкого и Г. Флоровского. Возможно, и она не прошла мимо пытливого ума молодого сибиряка, жадно скупавшего и читавшего в Петрограде издания по интересующей его тематике. В предисловии к изданию авторы утверждали: «Мы чтим прошлое и настоящее

⁶⁸¹ *Пакентрейгер С.* По следам зверя (Всеволод Иванов) // Печать и революция. 1927. № 3. С. 65–66.

⁶⁸² *Хоффман С.* Есть ли место «скифским» мотивам в современном идеологическом спектре // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Публикации и исследования. Вып. 1. СПб.: «Глаголь», 1996. С. 129.

⁶⁸³ *Иванов Вс.* Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма. С. 318, 340, 353.

⁶⁸⁴ См. об этом: *Леонтьев Я.В.* «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М.: АИРО-XXI, 2007. С. 16.

западноевропейской культуры, но не ее мы видим в будущем. <...> мы чувствуем вместе с Герценом, что ныне “история толкается именно в наши ворота”. Толкается <...> для того, чтобы в великом подвиге труда и свершения Россия также раскрыла миру некую общечеловеческую правду, как раскрывали ее величайшие народы прошлого и настоящего. <...> мы знаем, что историческая спазма, отделяющая одну эпоху мировой истории от следующей, – уже началась. Мы не сомневаемся, что смена западноевропейскому миру придет с Востока»⁶⁸⁵. Размышляя о грядущих судьбах России и не принимая «бесчеловечности и мерзости большевизма», евразийцы, как они себя назвали, видят для страны один путь – это «стихийный и творческий национализм российский, понимаемый не как “стеснительные” рамки “национализмов” западноевропейского масштаба», а в широком этническом смысле: «...свой национализм мы обращаем не только к “славянам”, но к целому кругу народов “евразийского мира”, между которыми народ российский занимает срединное положение. Такое приобщение целого круга восточно-европейских и азиатских народов к мыслимой сфере мировой культуры Российской вытекает, как нам кажется, в одинаковой мере из сокровенного “сродства душ”, – делающего русскую культуру понятной и близкой этим народам и, обратно, определяющего плодотворность их участия в русском деле, – и из общности экономического интереса, из хозяйственной взаимообращенности этих народов»⁶⁸⁶. Открывающая издание статья П. Савицкого «Поворот к Востоку» проясняет историческую закономерность такого пути России. «...в процессе войны и революции “европейскость” России пала, как падает с лица маска. И когда мы увидели облик России, не прикрытый тканью исторических декораций, – мы увидели Россию двуликой... Одним лицом она обращена в Европу <...>. Но другим ликом она отвернулась от Европы...», – пишет Савицкий и, комментируя слова Уэллса о страхе Горького перед поворотом России к

⁶⁸⁵ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев / П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, кн. Н.С. Трубецкой, Г. Флоровский. София: Рос.-Болг. книгоизд-во, 1921. С. IV.

⁶⁸⁶ Там же. С. VII.

Востоку, задает вопрос: «Но сама Россия не есть ли уже Восток?». Доказательствами служат этнический состав, черты национального характера, своеобразие религиозной жизни: «Россия поистине является православно-мусульманской, православно-буддистской страной»⁶⁸⁷. В предчувствии будущего Савицкий вопрошает: «...не уходит ли к Востоку богиня Культуры, чья палатка столько веков была раскинута среди долин и холмов Европейского Запада?»⁶⁸⁸ Вопросам культуры целиком посвящена статья кн. Н.М. Трубецкого, который еще перед Мировой войной в Московском университете вел исследовательскую работу в области этнографии народов России. Тогда начала складываться его «концепция о глубоком духовном сходстве всех восточноевропейских (а позже оказалось – и многих сибирских и центрально-азиатских) народов, с которыми искони <...> контактировал русский народ»⁶⁸⁹. В статье, включенной в сборник «Исход к Востоку», Трубецкий противопоставлял «русские культурные верхи», всегда жившие «культурными традициями, рецепированными сначала от Византии, потом – от романо-германского запада», и «русскую народную культуру», которая «по целому ряду вопросов <...> примыкает именно к востоку», обосновывая свой вывод анализом особенностей русских песен, танцев, которые, в отличие от романо-германских, «носят скорее характер состязания в ловкости и в ритмической дисциплине тела», области орнамента, народной словесности, материальной культуры⁶⁹⁰. Именно «своеобразие психологического и этнографического облика русской народной стихии», как считает ученый, «должно быть принято во внимание при всяком построении новой русской культуры»⁶⁹¹.

Новый виток обсуждения проблемы культуры будущей России, ее места между Востоком и Западом приходится на начало 1922 г. Весной в

⁶⁸⁷ Там же. С. 1–2.

⁶⁸⁸ Там же. С. 3.

⁶⁸⁹ См. об этом: *Широков О.С.* Проблема этнолингвистических обоснований евразийства // Исход к Востоку. Философия евразийства. М.: Добросвет: КДУ, 2008. С. 6.

⁶⁹⁰ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. С. 96–100.

⁶⁹¹ Там же. С. 101.

центральной печати Советской России разворачивается бурное обсуждение книги русских философов «Освальд Шпенглер и “Закат Европы”». Ф. Степун, С. Франк, Н. Бердяев, Я. Букшпан, рассматривая «центральную мысль книги Шпенглера» о цивилизации и культуре: «культура религиозна, а цивилизация – безрелигиозна», «культура национальна, а цивилизация – интернациональна», «цивилизация есть мировой город», – писали: «Нас, русских, нельзя поразить этими мыслями. Мы давно уже знаем различие между культурой и цивилизацией»⁶⁹². Книгу Шпенглера 1917 г. русские религиозные философы комментируют в 1921 г., оценивая происходящее в Советской России: «Цивилизация через империализм и через социализм должна разлиться по поверхности всей земли», которой угрожает, по Бердяеву, «цивилизованное варварство среди машин, а не среди лесов и полей»⁶⁹³. Уповать можно лишь на появление в России «нового типа культуры»⁶⁹⁴.

Мысли философов в 1922 г. были поняты как контрреволюционные. Известно, что философская дискуссия была переведена в плоскость политики: 30 августа «Правда» сообщила об арестах антисоветской интеллигенции и о грядущей высылке, в конце сентября ушел «философский пароход»⁶⁹⁵. А уже 5 октября в газете «Правда» в статье о «мужиковствующих» писателях Л. Троцкий скажет: «Революция означает окончательный разрыв народа с азиатчиной, <...> со Святой Русью, <...> приобщение всего народа к цивилизации»⁶⁹⁶.

Несмотря на то, что и Ленин, и особенно Троцкий в 1921–1923 гг. постоянно употребляют слово «культура», речь, конечно, идет именно о «цивилизации». «Гигантская всемирно-историческая культурная задача»⁶⁹⁷,

⁶⁹² Освальд Шпенглер и «Закат Европы» / Н.А. Бердяев, Я.М. Букшпан, Ф.А. Степун, С.Л. Франк. М.: Берег, 1922. С. 64–65.

⁶⁹³ Там же. С. 69–70.

⁶⁹⁴ Там же.

⁶⁹⁵ Подробнее см.: *Корниенко Н.В.* «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики. С. 17–22.

⁶⁹⁶ Правда. 1922. 5 окт. С. 3.

⁶⁹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. С. 367.

по Ленину, заключалась в том, чтобы «сделать население <...> цивилизованным, избавиться от той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор»⁶⁹⁸. В Советской России оппозиция Шпенглера неожиданно получила иное звучание: антонимом «цивилизации» и «культуре» стала «азиатчина», т.е. традиционный уклад русской жизни.

В конце 1922 – начале 1923 гг. в диалог с евразийцами, русскими религиозными философами и новой властью включаются писатели. Свое слово скажут о проблеме А. Платонов в статье «Симфония сознания» (1922), А. Толстой в повести «Рукопись, найденная под кроватью» (1923) и др. Тему своего сборника «Львиный хлеб» Н. Клюев определит так: «Львиный хлеб это в конце концов – судьба Запада и Востока. <...> обретение родиной-Русью своей изначальной родины – Востока и есть “Львиный хлеб”»⁶⁹⁹. Одна из важнейших антитез книги: «смертоносный железный край», «угольный ад» Вашингтонов и Чикаго – и Китеж-град, «дебри пшеничные», «словесное жито», «избяная сказка». В 1922 г. Клюев противопоставит истинной культуре ложную: «Примеряет мадам Культура / Устьсысольский яхонт-платок, / Костромские зори-сережки, / Заонежские сапожки»⁷⁰⁰.

Эта проблематика: поиск основ для создающейся в России новой культуры, антиномии Европа–Азия, Запад–Восток – прямо и опосредованно отразилась в творчестве Иванова и более всего – в повести «Возвращение Будды», в прямых высказываниях автора и диалогах его героев, в художественных образах и параллелях.

Об истории создания повести Иванов рассказывал по-разному. Вечером 31 декабря 1946 г. вспоминал в дневнике: «О Коране Османа я услышал впервые в 1923–24 году от библиотекаря Гребенщикова, бородатого собирателя книг и гравюр, работавшего в Публичной библиотеке. <...> Гребенщиков сказал мне, что Коран отправили в 1919 году в Среднюю Азию, чтобы привлечь мусульман на нашу сторону. Затем где-то я прочел, что

⁶⁹⁸ Там же. С. 364.

⁶⁹⁹ *Клюев Н.* Словесное древо. С. 53.

⁷⁰⁰ *Клюев Н.* Сердце единорога. С. 482.

Коран был похищен – было нападение на поезд в степи, и Коран раздали по листочку, разбойникам. // Я захотел написать об этом повесть. Но если написать о Коране, то будет слишком фотографично... так возникло “Возвращение Будды”. А. Воронскому повесть не понравилась, он ее напечатал в каком-то альманахе и не стал печатать в “Красной нови” – считая эту повесть слабой. Я ему поверил, но все же издал повесть отдельно»⁷⁰¹. Даты в этой записи, очевидно, сдвинуты, история Корана Османа могла быть рассказана Иванову Гребенщиковым не позднее января 1923 г. Здесь же Иванов приводит и один из откликов на свое произведение: «Повесть затем, позже, была переведена на польский, и помню, К. Радек сказал мне как-то: “Вы, Всеволод, написали плохую контрреволюционную книжку. Я читал ее по-польски”. Это и было “Возвращение Будды”. Я не понял Радека, я не понимаю его слов и сейчас. Чего в повести контрреволюционного? Политика есть политика, и профессор, который везет Будду, понимает это, хотя и смутно. Жаль, что написано сжато, надо было написать роман, но я побоялся, что роман выйдет экзотическим, так как у меня не хватало ни мыслей, ни наблюдений: я не был в Монголии и монголов видел только на перронах железных дорог. Повесть успеха не имела»⁷⁰². Другой вариант замысла «Возвращения Будды» изложен Ивановым в автобиографическом произведении «История моих книг». Писатель вспоминал, как «в 1921 году, бродя по окраинам Петрограда, наткнулся на буддийский храм, о существовании которого никогда и не подозревал. Двери храма были открыты. Я вошел. Стены храма были белые, алые ломаные орнаменты оттеняли эту белизну, и мягко, матово сияла среди этой белизны большая золоченая статуя Будды. Три монгола в солдатских шинелях и бараньих шапках, скрестив ноги, сидели неподвижно перед статуей. <...> Я сел у дверей на табуретку. Сидел я час, два и, быть может, три. <...> Затем, когда я устал и в глазах зарябило, а рот пересох, мне это ожидание показалось

⁷⁰¹ Иванов Вс. Дневники. С. 366.

⁷⁰² Там же. С. 367.

смешным и наивным. Я ушел». Через некоторое время в Батуми собрался съезд этнографов. Иванов встретил на улице писателя В. Тана-Богораза, который познакомил его с монгольским этнографом: «Лицо его показалось мне знакомым. // – А не видел ли я вас года два-три тому назад в буддийском храме в Петрограде? – спросил я. // – Возможно, – ответил монгол, – я бывал там не однажды: ламы через меня хотели выхлопотать разрешение на отправку в Монголию ценной, по их мнению, буддийской статуи, а я в обмен за хлопоты записывал с их слов монгольские сказки». В разговор вмешался Тан-Богораз: «Как бы с вашей статуей не произошло того, что произошло с кораном Османа?» – и рассказал ту же историю, которая записана в дневнике Иванова со слов Гребенщикова. Монгол признался, что «слышал другой вариант этой истории. <...> ...а если есть два варианта, значит вообще вся эта история сомнительна». «То, что сомнительно для истории, то бывает порой несомненным для беллетристики, – резюмировал Иванов. – Так возникла повесть “Возвращение Будды”»⁷⁰³.

В «Возвращении Будды» о гибели Европы и основах грядущего спасения размышляет главный герой, профессор Сафонов:

Библиотекой профессора топят буржуйку какой-нибудь красноармеец, и придет время, когда будут топить манускриптами и Остромировым Евангелием здания на углу Невского и Садовой. Темные полчища, одетые в кожу и меха, несутся на остатках поездов вдоль и поперек России. Жгут, томят мором и режут. Будут так же носиться они по опустошенной Европе и тухлой кониной по пайкам кормить лордов Англии и миллиардеров Америки...

На неизбежно возникающие вопросы: «Будет же что-нибудь выдвинуто в противовес этой неорганизованной тьме, этому мраку и буре? Неужели же кровь и смерть? Неужели такое же убийство, как и у них? Генералы будут расстреливать, грабить коммунистов!.. Коммунисты будут восставать и расстреливать генералов, и колокола будут звонить все меньше и меньше...»⁷⁰⁴ – ответ профессору, да и автору, хотелось бы видеть на

⁷⁰³ Иванов Вс. История моих книг // Наш современник. 1958. № 1. С. 72–74.

⁷⁰⁴ Иванов Вс. Возвращение Будды. С. 35–36.

Востоке. И в ивановском тексте Восток противостоит Западу как культурный мир, приблизившийся к некой историко-философской истине: «Двигаясь все время, не размышляя о смысле движения, Европа пришла в тьму. Восток неподвижен, и недаром – символ его – лотосоподобный Будда»⁷⁰⁵.

Однако Восток представлен в «Возвращении Будды» неоднозначно. О.Ю. Алейников, рассмотревший «пропагандистский дискурс о старой и новой жизни Востока, реализованный в печати первых лет советской власти», убедительно показывает его художественное переосмысление Ивановым. Слова заместителя нарком Цвиладзе, обращенные ко всем угнетенным «трудящимся Востока»: «Мы, пролетарии, умеем уважать не только принципы национальности, но и искреннее религиозное чувство. <...> Нельзя же так с бухты-барахты от ханского феодализма перейти к организованному социализму. Мы желаем, чтобы из полной темноты, из духовной нищеты складывались национальные типы – киргиз, туркмен, монголов... Однако, товарищи, помощь выявлению национального лица не значит помощь церковникам, ламам и монахам», – Алейников соотносит со «словами В.И. Ленина, убеждавшего делегатов II конгресса Коминтерна, что “в пропаганде и агитации коммунистических партий” необходима “гарантия прав национальных меньшинств” и борьба с “панисламизмом и подобными течениями, пытающимися соединить освободительное движение против империализма с укреплением позиций ханов, помещиков, мулл и т.п.”»⁷⁰⁶. Отклик Иванова на политику партии в отношении Востока, на стремление создать коммунистический «новый Восток» исследователь показывает на примерах завязки повести – передачи статуи Будды как национальной культурной ценности народу Монголии, а также образа юного мусульманина, который переводит на киргизский язык «Коммунистический манифест», и его диалога с профессором о смене прежней письменности на новый, кириллический алфавит и др. «Нельзя не заметить, – отмечает Алейников, –

⁷⁰⁵ Там же. С. 57–58.

⁷⁰⁶ Алейников О.Ю. «Старый» и «новый» Восток в пропагандистском дискурсе большевистской печати и в творчестве Вс. Иванова и А. Платонова. С. 348–349.

что повесть в нелепом свете высвечивала важнейшие положения секретного «Меморандума» Л.Д. Троцкого, призывающего перенести костер революции из Европы в Азию: пропагандистский дискурс большевистской печати, формирующей образ «угнетенного Востока», отсталого и «темного», но весьма восприимчивого к идеям марксизма и русской революции, в повести «Возвращение Будды» является объектом критического внимания писателя»⁷⁰⁷. О «старом» Востоке, образ которого создан в повести, Алейников практически не пишет, отмечая только, что «подлинный Восток, открывающийся петроградскому ученому на евразийском пространстве, охваченном Гражданской войной, слишком сложен, значителен, наполнен метафизическими религиозными и культурными смыслами, чтобы измеряться бюрократическим и/или пропагандистским лекалом, соответствовать заданной политической схеме»⁷⁰⁸.

Рассмотрим различные художественные средства, при помощи которых Иванов создает притягательный образ огромного, загадочного мира «старого» Востока, куда входят и Сибирь, и Монголия, и Китай. Этот мир не лишен противоречий, однако писатель прежде всего выделяет главное в нем: древний Восток – это мир высокого духа, подвижничества, веры и обретенной человеком свободы.

Отправиться в путь на Восток и увидеть Сибирь профессора Сафонова побуждает исполненный экзотики рассказ пришедшего к нему в петроградскую квартиру некоего монгола, по имени Дава-Дорчжи. Действие легенды, которую слушает профессор, происходит в одном из аймаков (территориальных единиц, близких губернии и уезду) Монголии. Создавая легенду о трехсотом пробуждении Будды, Иванов не жалеет красок. Загадочные названия: аймак Тушуту-Хана, город Ху-Ху-Хото, скала Дунгу-Хода, река Усуту-Голо – сменяются необычно звучащими для русского слуха именами: отшельник Цаган-лама Раши-чжамчо, его ученики Цагай-дайчи,

⁷⁰⁷ Там же. С. 350.

⁷⁰⁸ Там же. С. 351.

Чахар-дайчи, Эрдени-дайчи и т.п. Известно, что в Монголии писатель не был и, как он признавался в дневнике, «монголов видел только на перронах железных дорог»⁷⁰⁹. Сведения о стране Иванов, работая над повестью, скорее всего, почерпнул в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1890), который, кстати, назван среди книг, хранящихся у профессора. Некоторые имена и географические названия в повести представляют собой измененные автором реальные имена, топонимы и гидронимы, упомянутые в этом известном словаре. Так, имя «Тушуту-хан» – возможно, образовано от «Тушету-хан» – «...такой титул носят потомки Абатая, внука Брэсэнцзы, владевшие центральной частью северной Монголии, или Халхи, в пределах так называемого Тушетуханского аймака»⁷¹⁰. На период рубежа XIX–XX вв. об этом аймаке в «Энциклопедическом словаре» сообщалось, что он находится «в северной Монголии, граничащей с Севера с Россией. Северная часть его представляет солонцевато-глинистые травяные степи, расположенные в глубоких горных долинах, в которых протекают рр. Селенга, Орхон и правые его притоки: Хода-сын, Тола, Хара-гол, Иро и др. <...> Центр управления аймаком – в городе Урге, где каждые три года собирается сейм местных князей. <...> Через аймак <...> проходят почтовые и торговые пути... <...> Близ западной границы аймака, на р. Орхоне, расположен известный буддийский монастырь Эрдени-цзу, построенный на развалинах монгольского Каракорума»⁷¹¹. Упомянутая в повести река Усуту-Голо содержит часть «гол», что по-монгольски означает река⁷¹². Называя «год Красноватого зайца», автор, очевидно, имеет в виду китайский двенадцатилетний календарный цикл, который включает в себя Год огненного зайца (кролика).

Первая часть имени отшельника в повести, «Цаган», означает «белый», «белая»; при помощи этого слова образованы названия двух горных хребтов

⁷⁰⁹ Иванов В.с. Дневники. С. 367.

⁷¹⁰ Энциклопедический словарь / сост. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.: В 86 т. Репринтное воспроизведение издания 1890 г. Т. 67. М.: Терра, 1993. С. 260.

⁷¹¹ Там же. С. 260.

⁷¹² Там же. Т. 73.

в Забайкальской области – Цаган-до и Цаган-хунтей, а также названия пресноводного озера в Забайкальской области – Цаган-ихе и поселка в Калмыкии, где в 1798 г. был построен Орчи-ламой первый храм в калмыцкой степи, – Цаган-Алан⁷¹³. Вторая часть, Раши-чжамчо, возможно, восходит к имени буддийского святителя Чжанчжа-хухухта, который «считается воплощением одного из грозных божеств-хранителей – И-дам Демчог – и проживает в Пекине»⁷¹⁴. Имена учеников образованы при помощи слова «дайтья», что обозначает «нечто вроде индийских титанов». Эти «демоны-гиганты ведут войну против богов»⁷¹⁵.

Детали сюжета созданной Ивановым легенды, которую передает профессору Дава-Доржчи, а также рассказанной им собственной биографии отсылают к религиозным, представлениям монголов о перерождении. По легенде, благочестивый отшельник, «сотворив умеренное количество чудес в городе, ушел в горы», там он «проводил время, постоянно читая номы, помогая людям изучать правила буддизма и ревнуя о совершенствовании своего духа». Ради «испрошения блага» для «всех одушевленных существ» он замуровал себя в скалу и «в этом положении прожил семь лет, претерпевая свой трудный подвиг». Размуравив после смерти отшельника его келью, ученики нашли не останки, «они обрели там бронзовую золоченую статую – бурхан Сиддарты [так в тексте. – *Е.П.*] Гаутамы, прозванного Буддой... Так совершилось трехсотое пробуждение на земле высочайшего ламы Сакья, вечного спасителя существ и подателя всякой добродетели»⁷¹⁶.

В поезде, идущем к границе Монголии, Сафонов и Дава-Доржчи беседуют, и выясняется, что и собственная жизнь монгола, как и жизнь упоминаемого им отшельника, являет собой следующий после перерождения этап:

– Политруку неизвестно, какое отношение имеее вы к статуе Будды... когда,

⁷¹³ Там же. Т. 74. С. 786.

⁷¹⁴ Там же. Т. 86. С. 803.

⁷¹⁵ Там же. Т. 19. С. 37.

⁷¹⁶ *Иванов Вс.* Возвращение Будды. С. 9.

насколько я понял вас, вы – гыген...

– Разве я виноват в том, что священнейший и благословеннейший Будда в очередном воплощении своем избрал мое грешное тело...⁷¹⁷

К слову «гыген» дается, видимо авторская, сноска: «Гыген – настоятель ламаитского ордена, живое воплощение Будды или одного из буддийских святых»⁷¹⁸.

Значение слова «гыген» раскрывается Ивановым, иначе, чем оно дается в «Энциклопедическом словаре»: «Ху-тухта (монгольское слово “святой”) – один из титулов, который жалуются буддийским хубилганам, или перерожденцам китайских императоров, преимущественно за усердную деятельность на пользу буддизма, тогда как другой титул – гэгэн (светлый, блестящий) жалуются обыкновенно за гражданские доблести»⁷¹⁹. О гыгенах Иванов мог знать еще из одного источника – книги Г.Н. Потанина «Очерки Северо-западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 г. по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником одного Г.Н. Потаниным» (Вып. 1–4. СПб., 1881–1883). Некоторые материалы издания вошли в юбилейный «Сборник к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина» (Томск, 1915).

Во втором выпуске очерков Потанина рассказывается о «монастырях, служащих резиденциями гыгэнов»: «Гыгэнов в северо-западной Монголии в пределах наших разъездов и расспросов насчитывается восемь, именно: Илгы-сэн-гыгэн – резиденция его в вершинах р. Этера; Джахын-дзэ-гыгэн – резиденция на р. Шаргын-гола, притоке р. Тельгира; Нарбанджин-гыгэн – резиденция на р. Дзабхыне <...>, Номохан-гыгэн – резиденция к в<остоку> от горы Бурхан-олы, в восточном Алтае. Все эти гыгэны имеют церковные земли с приписанными к ним людьми...» Потанин передает монгольские поверья о том, что «гыгэны по смерти вновь возрождаются», описывает рождение гыгена и знамения, которые этому предшествуют, «процедуру

⁷¹⁷ Там же. С. 24.

⁷¹⁸ Там же.

⁷¹⁹ Там же. С. 781.

замещения умерших гыгэнов»; рассказы монгольского простонародья: «Одни монголы верят, что гыгэны не едят ничего, кроме небольшого количества сахара и чая; другие не только знают, что они едят и пьют, как другие люди, но не отрицают за ними и пороков вроде пьянства, сожительства с женщинами и т.п., что, впрочем, не лишает их святости...»⁷²⁰. Из этого издания Иванов, возможно, почерпнул фонетическое оформление имени персонажа (Дава-Дорчжи), рассказ о его имущественном положении (в повести упомянуты три тысячи голов скота), детали характера и поведения. В книге Потанина упоминается также город Хухухото⁷²¹, в который, по легенде Иванова, приходит отшельник Цаган-лама Раши-чжамчо.

Образ Востока создается в «Возвращении Будды» и при помощи эпитафий, ими Иванов щедро снабжает главы произведения, которые и сами по себе имеют развернутые заглавия. Показательно, что названия глав преимущественно рассказывают о реальных событиях в Петрограде и Сибири, а эпитафии, кроме одного, к главе седьмой, представляют собой цитаты из произведений древних китайских поэтов, древних сказаний или надписи на камнях. Например, глава первая называется «История мытья посуды и рассказ Дава-Дорчжи о трехсотом пробуждении Сиддарты Гаутамы, прозванного Буддой» и имеет эпитафию: «“...Один Будда являлся в бесчисленных видах и в каждом из бесчисленных видов является один Будда”. (Камень, поставленный близ Пекина 1323 года 10 числа Третьей Луны)»⁷²². К главе второй «Вязаные изделия, некоторые речи об археологических изысканиях и о российской Красной армии» дается такой эпитафия: «“...Важные пути тем дальше, чем укромное шествие становится медлительней”. (Сыкун-Ту)»⁷²³. Цитата представляет собой неточные строки из «Стансов» китайского поэта Сыкун Ту (837–908): «Важные пути – тем

⁷²⁰ Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии... // Сборник к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина. С. 23–24.

⁷²¹ Там же. С. 22.

⁷²² Иванов В.С. Возвращение Будды. С. 7.

⁷²³ Там же. С. 13.

дальше; / Укромное шествие становится медлительнее» (Станс XIV)⁷²⁴. Третья глава «Мундиры итальянцев и французов, павлиньи хвосты, а также разговор о клозете великого князя Сергея Михайловича» открывается эпитафией: «“Мысль живет раньше кисти. / Очарование пребывает вне картины. / Подобно звуку, гнездящемуся в струне, / Подобно дымке, делающейся туманом” (Ху-Ан-Юе “Категория картин”))»⁷²⁵. Эпитафия взята из поэмы «Двадцать четыре категории картин» китайского поэта и художника Хуана Юэ (даты жизни неизвестны, XVIII–XIX вв.): «Мысль живет прежде кисти, / Очарование пребывает вне картины...» (Станс 1)⁷²⁶. Поэма написана как подражание поэме Сыкун Ту. Главе пятой «Металл, распространяющий и благоухающий спокойствием» предпосланы сразу два эпитафия. Первый: «“Конфуций над рекой говорил: уходящее, – оно подобно этому, ведь не перестает ни днем, ни ночью”. (Лунь-Юй, IX, Эб))»⁷²⁷, где цитируются немного измененные строки китайского поэта Луньюя из его книги «Изречения»: «Конфуций над рекой говорил: “Уходящее” – оно подобно этому ведь! Не перестает ни днем ни ночью» («Из Конфуция» // Луньюй, IX, 17). По мнению китайского ученого Чжу-си, «здесь имеются в виду космические эволюции (“метаморфозы”) Неба – земли (тяньдичжухуа). Таким образом, стихи все время обновляются так же, как уходящие в вечность творения природы»⁷²⁸. Второй эпитафия тоже взята из древней китайской поэзии: «“Колокол толст, – непременно не звонок: / Ухо заложено, – непременно глухо”. (Юань-Мэй))». Иванов цитирует здесь первую строфу станса XVII «Движение в пустотах» китайского поэта XVIII в. Юань-Мэя, автора продолжения поэмы Сыкун Ту «Категории стихотворений»: «1. Колокол толст – непременно не звонок; / Ухо заложено – непременно глухо. /

⁷²⁴ *Алексеев В.М.* Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908): перевод и исследование с приложением китайских текстов. М.: Вост. лит., 2008. С. 293.

⁷²⁵ *Иванов В.* Возвращение Будды. С. 23.

⁷²⁶ *Алексеев В.М.* Китайская поэма о поэте. С. 447.

⁷²⁷ *Иванов В.* Возвращение Будды. С. 37.

⁷²⁸ *Алексеев В.М.* Китайская поэма о поэте. С. 459.

2. Тысячелетней древностью не разрушаемо – / Только пустотно – воздушное»⁷²⁹.

Для эпиграфов к главам «Возвращению Будды» Иванов, скорее всего, использует издание, возможно купленное им в начале 1920-х гг. в Петрограде, – книгу известного ученого В.М. Алексеева «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908). Перевод и исследования с приложением китайских текстов» (Пг., 1916). Близким «попутчику революции» (определение Л. Троцкого) Иванову, очевидно, оказывается и личность китайского поэта, жившего в IX–X вв., в свою эпоху войн и революций, – времена распада политического единства Китая, мятежей, захвата столицы, казни лучших людей страны и гибели царского рода. Как отмечал Алексеев, Сыкун Ту было свойственно «вечное колебание между желанием служить государству <...> и желанием бежать от мира в свое горное имение, прекращая всякие счеты с прошлым, непреклонная верность династии, приведшая его к самоубийству, и полное к ней презрение как к вырождающейся и ведущей страну к гибели, <...> горделивость в отношении к людям и полное смирение наедине с самим собой»⁷³⁰.

Последней главе, седьмой, в названии которой упомянуты реальные персонажи повести: «Что думал Хизрет-Нагим-Бей и что мог бы думать красноармеец Савоська. Степь весной, суслики и (как всюду у меня) пестрые травы и ветры», – дан следующий эпиграф: «“...В дымке, в дымке села далеких людей. Люблю свой дымок на пустыре. На дверях и на дворе нет мирской пыли, в пустом шалаше живет в довольстве свобода. Я долго был в клетке”. (Тао – “Свой сад”»⁷³¹. В скобках Иванов приводит имя китайского поэта IV и V вв. Тао Цяня. Таких в точности строк у этого автора нет, хотя подобные мотивы встречаются часто. Сыкун Ту писал о Тао, которого, очевидно, считал своим учителем и образцом личности: «У Тао [Цяня] пять ив густели перед его убогой хижинкой... К тому же он имел высокое чувство

⁷²⁹ Там же. С. 20, 457.

⁷³⁰ Там же. С. 88.

⁷³¹ Иванов В.с. Возвращение Будды. С. 56.

любви к “этому господину” (т.е. к бамбуку. – *В.А.*)... Какое другое место прибавит красоты [к этой] обстановке?.. Молодые цикады кричат в изголовье: их все время прежде всего слышу»⁷³². Мотивы свободы в уединении типичны и для поэзии самого Сыкун Ту: «Здесь (в горной долине Чжунтяо. – *В.А.*) – обстановка для смывания суеты и чистого упоения»; «Только здесь (вдали от мира, на лоне природы. – *В.А.*) уготовано гнездо в обители мне [по ту сторону] “пыли” [мира]»; «...3. Строю хижину под соснами; / Снимаю шапку; читаю стихи. / 4. Только знаю: утро, вечер – не различаю, какая пора. / 5. Если же удовлетворена мысль, / Зачем непременно иметь деяние? / 6. Что до той небесной свободы, / В подобном этому достигаю ее» (Станс XV)⁷³³. Алексеев комментирует: «Картина, рисуемая этой строфой, наиболее полно представлена в поэзии Тао Цяня, которого Сыкун Ту, несомненно, имеет в виду повсюду»⁷³⁴. В данном случае вынесенные в эпиграф к главе строки принадлежат, видимо, самому *Вс. Иванову* и сочинены им на основе текстов китайских поэтов.

Этот эпиграф сообщает о той духовной вершине, которую достигает профессор Сафонов во время своего путешествия по Сибири. О том, что личность героя повести и тексты эпиграфов связаны напрямую, свидетельствуют его слова в главе шестой, в отличие от других имеющей эпиграф: «”Жизнь человека есть продолжение его детства”. / (Из записной книжки профессора Сафонова)»⁷³⁵. По роду своих занятий Сафонов – профессор истории литературы: «В Центральном Педагогическом Институте профессор Сафонов читает историю всемирной литературы, текущая его работа: “Как скандинавская сага отразилась на русской былине”»⁷³⁶. Из слов героя понятно, что только по пути на Восток он смог «прочитать мудрые

⁷³² Алексеев *В.М.* Китайская поэма о поэте. С. 19.

⁷³³ Там же. С. 306.

⁷³⁴ Там же. С. 320.

⁷³⁵ Иванов *Вс.* Возвращение Будды. С. 48.

⁷³⁶ Отметим, что при подготовке своего собрания сочинений в 1927 г. Иванов редактирует повесть и меняет род занятий героя: здесь он профессор уголовного права. В изданиях 1950-х гг. Сафонов назван профессором истории Востока.

строфы Сыкун-Ту или его учеников...»⁷³⁷, тем самым открыв для себя новое предназначение человека, новое понимание его роли в мире: «Цивилизация, наука, с ревом разрывающие землю... от пустой мысли, что являюсь одним из властителей земли... это – глупая, гордая мысль, может быть – самое важное, от нее труднее всего оторваться... Это блестящий, бесцельный, глупый колпак на голове. Укрепление же – там, подле стад и кумирен, – укрепление одной моей души будет самая великая победа, совершенная над тьмой и грохотом, что несется мимо нас – и мы с ней, по-своему, разрезая ее. Спокойствие, которое я ощущаю, все больше и больше... чтоб сердце опускалось в теплые и пахучие воды духа...»⁷³⁸. Профессор, как явствует из сюжета повести, не достигает ни Монголии, ни Китая, действие не выходит за пределы Сибири 1918 года⁷³⁹, в то время как прельщающие его стихи и легенды отнесены во времени в глубокое прошлое. В настоящем же – война, восстания, грязная теплушка, мешочки, «мужики скребут мелкие – до пояса, могилы и валят туда трупы, утаптывая, чтобы больше вошло. Весной трупы растаивают, разбухают, лопаются и прут из могил. И далеко смердит земля»⁷⁴⁰. Однако страшная картина охваченной Гражданской войной Сибири не мешает герою (и автору) задавать себе вопросы, не имеющие, кажется, никакой связи с реальностью: «Необходимо подумать, насколько повлияла на Сибирь восточная культура»⁷⁴¹, – и выбрать окончательно свой жизненный путь: несмотря на все трудности и препятствия, Сафонов не собирается возвращаться в Петроград, «он обязан доехать. Он довезет Будду»⁷⁴². Вслед за Сыкун Ту, который в страшное для страны время выбирал свой путь: «Он разверзает свою душу, опустошая ее от сложного и

⁷³⁷ Иванов В. В. Возвращение Будды. С. 51.

⁷³⁸ Там же. С. 52.

⁷³⁹ В повести мы сталкиваемся с весьма характерным для произведений Иванова о Гражданской войне смещением и одновременно наложением событий разных лет. Так, экспедиция со статуей Будды должна по логике проезжать Сибирь и Омск где-то в конце 1918 г., когда в Омске и во всей Сибири уже у власти находится А.В. Колчак. Однако мы видим там Советскую власть и реалии весны – начала лета 1918 г. с отдельными штрихами весны 1920 г. Отмечено профессором ОмГПУ, д-ром ист. наук А.А. Штырбулом.

⁷⁴⁰ Там же. С. 59.

⁷⁴¹ Там же. С. 52.

⁷⁴² Там же. С. 58.

ненужного. <...> Он копит в себе чистоту и мощь. <...> Он окончательно отрешается от повседневности, он презирает золото, покупающее людям счастье»⁷⁴³, профессор проходит свой путь духовного пробуждения.

Современные исследователи по-разному прочитали «Возвращение Будды». Рассматривая отражение буддийской философии в повести Иванова, исследователь из Индии Р. Банерджи пишет: «Сафонов как бы странствует по пути Нирваны в ходе этой поездки. Исчезает его индивидуальное Я – *анатма*. В нем появляются покой и терпимость. Если в начале поездки хорошо видны некоторые страсти и привязанности (к еде, к женщине), то к концу он становится равнодушным ко всему мирскому, освобождается от всяких пристрастий. Он становится человеком с полным самоконтролем. Целью его жизни теперь является работа на благо других»⁷⁴⁴. Известно, что Иванову, с юных лет стремившемуся в Индию, была близка философия буддизма. Как отмечает Банерджи, «буддизм, вероятно, привлекал Иванова, жившего в бурный период истории России, всепрियाтием и все терпимостью, умением справиться с внутренней бурей, страданием и корыстью». Анализируя смысл заглавия «Возвращение Будды», исследователь приходит к выводу: «Статуя Будды в повести олицетворяет мудрую философию буддизма, распространение которой, по мысли писателя, могло бы спасти разлагающийся Запад и разоренную Россию от огня революционного движения и гражданской войны»⁷⁴⁵.

Другое прочтение предложила Л.П. Якимова. По ее мнению, «под прикрытием буддизма Вс. Иванов, с ранних лет питавший интерес к восточному мудрствованию, обретает возможность иносказательным способом защитить постулаты национального верования, и поругание Будды читается местами как отвержение христианской истины»⁷⁴⁶. Буддийским текстом, считает исследователь, «маркируются в повести актуальные для 20–

⁷⁴³ Алексеев В.М. Китайская поэма о поэте. С. 018–019.

⁷⁴⁴ Банерджи Р. Повесть Всеволода Иванова «Возвращение Будды»: символика названия // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2. С. 67.

⁷⁴⁵ Там же. С. 65, 69.

⁷⁴⁶ Якимова Л.П. «При жизни произведен в классики». С. 94.

30-х годов идеологемы, в числе которых проблема русского выбора “Восток–Запад” занимает по-прежнему важное место. Отринув национальные ценности и святыни, <...> советская Россия сделала однозначный выбор в пользу соревнования с Европой по принципу “догнать и перегнать”, <...> и Иванов предпринимает творческую попытку осмыслить горькие плоды избранного страной курса»⁷⁴⁷.

Так или иначе, проблематика повести указывает некое направление пути развития России, да и человечества в целом, – на Восток, а слова профессора: «Он довезет Будду» – и заглавие повести символически означают, что высокая духовность возвратится к людям. Однако самоотверженный путь европейца, интеллигента, как показывает Иванов, становится для него дорогой смерти. Как явствует из сюжета повести, лживый гыген Дава-Дорджи бросает профессора Сафонова в пути, а современные жители Востока, прельстившись золотом, которое, возможно, хранится внутри статуи Будды, убивают его за Семипалатинском. Именно после своего духовного прозрения профессор Сафонов на реальном Востоке погибает, а оскверненная статуя Будды остается в пустой степи.

Финал повести неоднозначен. С одной стороны, именно Восток может открыть путь развитию духа человека и способствовать спасению человечества в страшную эпоху войн и революций. В то же время автор показывает, что возвращение Будды не состоялось, создание новой, высшей культуры, соединяющей в себе Восток и Запад, невозможно. Можно принять и такое прочтение финала: «Погибает Сафонов, искалечена, ободрана и ограблена статуя Будды. Однако мы не можем считать это символом гибели цивилизации. Если соотнести эти события с жизнью Сафонова, то их можно рассматривать как следствие, карму – возмездие за некоторые проступки (Сафонов снимает со статуи Будды золотую проволоку, чтобы обменять на еду)»⁷⁴⁸. Такое прочтение находится в русле размышлений Иванова 1910–

⁷⁴⁷ Там же. С. 94–95.

⁷⁴⁸ *Банерджи Р.* Повесть Всеволода Иванова «Возвращение Будды»: символика названия. С. 68.

1920-х гг.; мысли писателя о духовном несовершенстве человека, которое, в частности, препятствует достижению праведной земли, будут рассмотрены нами в четвертой главе диссертации.

Советская критика 1920-х гг. увидела в повести лишь «удешевленный (как известно, нынче уж испошленный до “чижика-пыжика”) шпенглеровский мотивчик о крушении цивилизации и банкротстве Запада...»⁷⁴⁹

К проблеме взаимоотношений культур Востока и Запада Иванов будет возвращаться не раз. В 1920-е гг. создавая третью редакцию романа «Голубые пески», в 1940-е – работая над романом «Эдесская святыня» и рассказами «Фантастического цикла». 23 марта 1943 г. он записывал в дневнике: «Восток, раньше всех народов, нашел смысл жизни. Движение – зло. Неподвижность – добро. Чем быстрее движение, тем оно опаснее для человека. Самолет принес бомбу в 3,8 тонны»⁷⁵⁰.

Подводя итоги, отметим, что многие темы, мотивы и образы произведений петроградского периода творчества Вс. Иванова вырастают из текстов сибирского периода, обретая новое звучание в новых исторических, политических и культурных контекстах. Произведения 1910–1920-х гг. показали внимание Иванова к исторически значимому культурному прошлому Сибири, понимание раскола, слабости и задач ее «строителей» в настоящем, размышления писателя о будущем как Сибири, так и страны в целом, которое, по его мнению, предпочтительно должно быть ориентировано на ценности культуры Востока.

⁷⁴⁹ Браун Я. У синего зверюшки в лапах // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 175.

⁷⁵⁰ Иванов Вс. Дневники. С. 296.

ГЛАВА 3. Всеволод Иванов – свидетель и историк Гражданской войны в Сибири.

3.1. Военный корреспондент фронтовой газеты «Вперед».

В газете «Вперед» Иванов опубликовал восемнадцать статей, заметок, очерков, рассказов, фельетонов и памфлетов, и это только в тех номерах издания, которые удалось разыскать.

Трудно однозначно ответить на вопрос, почему Иванов, летом 1918 г. защищавший Советскую власть в Омске в составе Красной гвардии, спустя немногим больше года окажется в рядах не просто типографских наборщиков, куда его устроил А. Сорокин, спасая от мобилизации, но и сотрудников белогвардейской газеты. Вряд ли причины кроются в разочаровании начинающего писателя и журналиста, чье только что рожденное детище – «Согры» – в разгромной статье, опубликованной в «Известиях...» в апреле 1918 г. было названо «Цехом пролетарских писателей и буржуев Сибири», а авторы – «жалкими самозванцами»⁷⁵¹. Еще одним «горчайшим разочарованием», если верить «Истории моих книг», стал для Иванова день 7 июня 1918 г., когда он с оружием в руках стоял на посту в Омской крепости и готовился защищать Советскую власть от мятежного Чехословацкого корпуса, а товарищи, забыв о нем, уплывали из Омска на пароходе «Андрей Первозванный»⁷⁵². «Кратковременный отход» Иванова от революции А.А. Штырбул объясняет тем, что «впервые после многих предшествующих месяцев неустроенности, голода, неблагополучия и отчаяния, он, попав в условия редакции военной газеты и ощутив что-то вроде уюта, вероятно, увидел хоть какую-то жизненную и творческую перспективу»⁷⁵³.

Возможно, на такой поворот жизненного пути повлияла и партийная принадлежность Иванова – членство в 1917–1918 гг. в партии меньшевиков-интернационалистов группы «Новая жизнь», не поддержавшей октябрьскую

⁷⁵¹ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 530–531.

⁷⁵² Подробно см.: Там же. С. 379.

⁷⁵³ Там же. С. 556.

революцию. Лишь при известии о мятеже чехословацкого корпуса и под угрозой свержения Советской власти партийные разногласия отходят на второй план. Об этом периоде Иванов напишет: «...в 1918 году, при наступлении чехов, я вступил вместе с членами с.-д.-интернационалистов в Красную гвардию и сражался до отхода советских войск из Омска»⁷⁵⁴. Действительно, «в боях, начавшихся в конце мая и продолжившихся в Западной Сибири в июне – июле <...> 1918 г. левые – большевики, левые эсеры, эсеры-максималисты, анархисты-коммунисты, беспартийный советский актив, значительная часть левых социал-демократов – выступили единым фронтом. <...> В условиях военного положения и непосредственной опасности в некоторых районах имели место партийные мобилизации...»⁷⁵⁵ – комментирует А.А. Штырбул. Отметим, что именно слово «мобилизация» использует Иванов в своих воспоминаниях, как неопубликованных («Приход чехов. <...> Меня мобилизуют и я охраняю арт<иллерийские> пороховые склады»⁷⁵⁶), так и опубликованных («Красногвардейцы мобилизованы! В казармы! <...> К Омску двигаются бело-чехи»⁷⁵⁷). Так что вряд ли стоит так уж удивляться тому, что Иванов нашел свое место среди сотрудников газеты «Вперед».

До сих пор остается нерешенным вопрос, с какого месяца 1919 г. Иванов начинает работу во фронтовой газете.

Важные данные дает план воспоминаний «По тропинке бедствий»:

III.

<...> Восстание. Смерть провокатора. Я боюсь разоблачений, и иду за помощью к Ант. Сорокину. Он направляет меня к полк<овнику> редактору «Вперед».

IV.

«Вперед» – и назад.

Отступление. Бегство. Моя жена и Спасский.

Наши статьи. Ее стихи. «Рогульки».

⁷⁵⁴ Там же. С. 369.

⁷⁵⁵ Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX века). С. 322–323.

⁷⁵⁶ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 371.

⁷⁵⁷ Там же. С. 377.

<...> ...искусство. Я начал в 1918 г. – не вышло. Через год, в 1919 г. я начал по-другому, – это принесло мне необычайные несчастья, от которых я не избавился и поныне. <...> Я написал роман исторический – «Пархоменко». <...> Я пытался быть общественником, – но грех 19 года влек меня на дно⁷⁵⁸.

Не все реалии в этом тексте удалось откомментировать. Какое восстание имеется в виду, уточнено в «Истории моих книг», где также идет речь о газете «Вперед». «Вскоре после неудачи восстания, которое тогда называлось Куломзинским, так как оно началось на железнодорожной станции Куломзино», Иванов встречает в Омске журналиста Татарина из газеты «Курганский вестник» (в реальности – «Курганское свободное слово»). Тот, помня о разгроме типографии издания, учиненном молодыми работниками профсоюза печати, в том числе и Ивановым, угрожает ему разоблачениями, после чего последний и идет за помощью к Сорокину⁷⁵⁹. Куломзинским называлось Омское восстание, охватившее левобережный железнодорожный район-пригород Омска Куломзино и произошедшее 22–23 декабря 1918 г. Из этой записи следует, что работать во «Вперед» Иванов начинает весной 1919 г.

Упоминание в воспоминаниях «По тропинке бедствий» имени Спасского также указывает на весну 1919 г. Художник Е.Д. Спасский участвовал с Д.Д. Бурлюком и молодым поэтом Б.Д. Четвериковым в футуристическом турне по Востоку России и Сибири (1918–1919). В Омске был призван в армию, служил в типографии военной газеты «Вперед». По сообщениям в омских газетах, лекция Бурлюка о футуризме в помещении Омского политехнического института была назначена на 2 марта, 4 марта предполагался поэзовечер⁷⁶⁰. Март Бурлюк провел в Омске, где познакомился с Сорокиным, в котором увидел «крупное литературное дарование», а в апреле 1919 г. был уже в Томске⁷⁶¹. Исходя из этих фактов,

⁷⁵⁸ Там же. С. 371–372.

⁷⁵⁹ Там же. С. 384.

⁷⁶⁰ Заря. Омск, 1919. 28 февр. С. 3.

⁷⁶¹ См.: Бурлюк Д.Д. Художественная жизнь Сибири (письмо первое) // Театр и искусство. Чита, 1919. № 34. С. 35–36. Цит. по: Третья столица. Омск 1918–1919. Изобразительное искусство. Литература / отв. ред. И.Г. Девятьярова. Омск: Омский обл. музей изобразительных искусств, 2011. С. 33–42.

стоит подвергнуть сомнению даты в воспоминаниях Четверикова «Стежки-дорожки» о начале его работы во «Вперед»: он пишет, что 11 июня 1919 г., пытаясь избежать мобилизации в армию Колчака, обратился за помощью к Бурлюку, тот отказался, а «спас» Четверикова встреченный им случайно на выставке картин В.Г. Янчевецкий. Придя к поезду «Вперед», Четвериков знакомится там с сотрудниками и наборщиками, в том числе с Вс. Ивановым⁷⁶². Так как в июне эти события никак не могли происходить: Бурлюка уже давно не было в Омске, приходится признать, что Четвериков работал во «Вперед» с марта 1919 г., о чем, кстати, свидетельствуют публикации его (статьи, очерки, стихи, собранные антибольшевистские частушки) в издании, начиная с апреля: первая выявленная нами публикация – стихотворение «Великая пашня»⁷⁶³. А в газете от 26 апреля стихотворение «Два старика» подписано: «Воен. корресп. газ. “Вперед” Борис Четвериков». Если это так, то, возможно, и Иванов работает во «Вперед» с весны 1919 г. Если же допустить, что Четвериков познакомился с Ивановым в поезде «Вперед» позднее, следует указать на лето 1919 г.: первые публикации Иванова во «Вперед» датируются июлем 1919 г. Можно также предположить, что Иванов весной начинает свою работу как наборщик, а позже становится военным корреспондентом.

Сам Иванов, однако, в письме к И.В. Сталину от 21 октября 1939 г. называет началом этого сотрудничества осень 1919 г. Запись в воспоминаниях о «грехе 19 года», стоящая рядом с записью о романе «Пархоменко» (1938) и «попытке быть общественником», видимо, отсылает именно к этому письму. Написание его было вызвано тем, что в октябре 1939 г. при заполнении в парткоме Союза писателей анкеты для выбора в Моссовет Иванов указал, что в 1918 г. «был членом партии с.-д.-интернационалистов (группа “Новая жизнь”) в гор. Омске»⁷⁶⁴, после чего на

⁷⁶² Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 447–450.

⁷⁶³ Вперед. 1919. 13 апр. С. 1. Подпись: *Борис Четвериков*.

⁷⁶⁴ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 369.

него подозрительно посмотрели и больше разговаривать не стали. Далее Иванов повествует о событиях 1919 г. и о газете «Вперед»:

Однажды, уже осенью 1919 года, ровно, пожалуй, двадцать лет назад, меня на улице Омска встретил типографщик и редактор кадетской газеты в Кургане Татаринов, у которого я когда-то конфисковал типографию, схватил меня за руку и кликнул полицейского. Я ударил его слегка по уху, он упал. Я скрылся. Я пошел к своему знакомому, сибирскому писателю А. Сорокину, и тот предложил мне поступить в типографию «Вперед», выпускавшую такую же, под таким же названием, колчаковскую газетку. Я поступил туда, будучи представлен редактору как писатель-наборщик. <...> редактор попросил написать ему рассказ, затем статью. Я не хотел показывать ему, что не хочу или что я бывший красный, да и по совести говоря, я устал и замучился. К тому же и семейная моя жизнь была не сладка. Словом, я написал в эту газетку несколько статей, антисоветских, и один или два рассказа. Позже, в этой же типографии, я сам набрал и напечатал книжку своих рассказов...»⁷⁶⁵

Происхождение указанного здесь времени начала работы во «Вперед» – осень – можно объяснить: если работал с осени, то всего один или два месяца, т.к. в середине ноября Колчак и его правительство уже покинули Омск. Все остальное точно. Имени редактора в письме Сталину Иванов не называет, как не называет его и в «Истории моих книг», указывая лишь, что, по словам Сорокина, «начальник типографии полковник – человек либеральный, журналист, любящий литературу и охотно принимающий литераторов, которым почему-либо не нравится мобилизация. “С Колчаком они на ножах”. Туда, в его типографию, уже поступило несколько омских литераторов, да и сам Антон Сорокин, если возникнет опасность мобилизации, тоже поступит в типографию “Вперед” корректором»⁷⁶⁶. Статьи А.С. Сорокина также печатались во «Вперед» (Флаг земли русской (Из легенд алтайских староверов) // Вперед. 1919. 14 марта и др.).

В опубликованных воспоминаниях Иванова и Четверикова сотрудничество в издании представлено как некий случайный эпизод, не имеющий отношения к политике и Гражданской войне. Например,

⁷⁶⁵ Там же. С. 369–370.

⁷⁶⁶ Там же. С. 385.

Четвериков пишет о «молодежной компании», куда входили Иванов и его жена М.Н. Сеницына: «...мы собирались где-нибудь в уголке, а чаще всего на свежем воздухе около вагона. Мы пели, шутили, смеялись...»⁷⁶⁷ Подтверждением воспоминаний Иванова и Четверикова о праздном их времяпрепровождении в газете «Вперед», казалось бы, является выявленная в номерах издания, хранящихся в Томске, заметка «Ишим», принадлежащая, скорее всего, писателю Н.И. Анову, где рассказывается о вечере, устроенном 29 октября 1919 г. Осведомительным Отделом Штаба 1 Сибирской Армии в пользу Егерской бригады»:

Силами драматического кружка прифронтовой газеты «Вперед» была поставлена пьеса В. Янчевецкого-Кременец «Митрий Комиссар» и шарж в 1 действии Б. Четверикова «Демон». / Хорошая агитационная пьеса г. В. Янчевецкого шла второй раз и имела большой успех у публики. Нужно отметить игру г-жи Таракановой, сумевшей овладеть зрительным залом, а также г. Спасского, давшего верный образ представителя деревенской бедноты пьяницы Антипки. <...> Несколько шаржировали, но умело и смешно г. Тараканов и г. Буреев в роли красноармейцев. <...> Шарж «Демон», в котором принял участие сам автор Борис Четвериков, понравился публике не менее первой пьесы. Нужно отметить игру г. Спасского (Демон), хороши были также г. Тараканов и г. Буреев. Недурно играла Тамару г-жа Георгиевская. <...> Закончился вечер кабаре, в котором отличался фокусник-любитель прапорщик Иванов. Деятельное участие также приняли сотрудники военной фронтовой газ. «Вперед». Очень понравился публике прочитанный сибирским писателем Вс. Таракановым рассказ «Рогулька» и басни, рассказанные Борисом Четвериковым⁷⁶⁸.

Упомянутые в тексте актер «г. Тараканов» и «фокусник-любитель прапорщик Иванов» – это Всеволод Иванов. Остальные описанные артисты: Четвериков и Спасский, работавший во «Вперед» иллюстратором, – тоже легко узнаваемы. Госпожа Тараканова – первая жена Иванова Мария Николаевна Сеницына, актриса. Сочинение Янчевецкого «Митрий–комиссар (Драматическая пьеса)» упомянуто в числе других вышедших из печати

⁷⁶⁷ Там же. С. 450.

⁷⁶⁸ Вперед. 1919. 30 окт. С. 2.

изданий газеты «Вперед»: посмертно изданной книги произведений Ю. Сопова «Егерь» и оперетты Б. Четверикова «Красный бантик»⁷⁶⁹.

Очерк представляет сотрудников газеты «Вперед» в минуты отдыха, но, как показывают «очерки фронта» «У черты», которые Иванов печатал в газете «Сибирский казак» в сентябре – ноябре 1919 г., а также другие материалы, такие минуты были не часты. Шла война, перед глазами сотрудников издания разворачивалась сложная картина взаимоотношений Российского Правительства адмирала А.В. Колчака, союзников, крестьян, казаков, большевиков-подпольщиков и неуклонно подступающей к «Третьей столице» Красной армии. Картина, которую надо было осмыслить и которая поневоле заставляла задуматься о том, что же будет дальше. Стремился понять это и молодой Всеволод Иванов. На территории Сибири и в его биографии это было уже пятое правительство.

В жанровом отношении произведения Иванова, опубликованные во «Вперед», разнообразны, однако большая часть их так или иначе связана с произошедшей в 1917 г. революцией, в результате которой к власти пришли большевики, – ее истоками, настоящим и будущим. Более всего, кажется, молодой писатель размышляет о том, что послужило причинами революции. Здесь и «наша темнота и некультурность» («Глухомань»), и неумение любить и защищать Родину («Жизнь и смерть»), и изнурительная война, окончить которую и принести долгожданный мир обещали большевики («Накануне»). Здесь и отсылка к известному высказыванию П. Верховенского из романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: «Откровенным правом на бесчестье всего легче русского человека за собою увлечь можно» («Антипка»). И мысль о том, что среди «предателей, проповедующих большевизм», «слепцов, его распространяющих», немало и тех, кто «желает под флагом революции» просто пограбить («Жизнь и смерть»)⁷⁷⁰.

⁷⁶⁹ Там же. 16 окт. С. 1.

⁷⁷⁰ См.: Папкова Е.А., Лоцилов И.Е. Всеволод Иванов. Корреспонденции из газеты «Вперед» (август – сентябрь 1919 года). С. 16–38.

Иванов показывает, что революция разделила Россию на два мира. В одном – красный террор, заложники в Петрограде («Накануне»), голод в Центральной России («Царь-голод»), «диктатура коммунистов, а не пролетариата» («Цепи страдания»). В другом – постепенно осознающие ложь большевистских Советов рабочие Ижевского завода, которые создают свой, народный Совет («Живая легенда»), пробуждение народа к борьбе за новую великую Россию («Жизнь и смерть»).

Отдельный рассказ, «Одичавшие», посвящает Иванов будущему революции. Авторская сноска к заглавию рассказа указывает на время действия: «В день предложенного вашему вниманию происшествия исполнилось ровно 75 лет со дня объявления Всемирной Коммунистической Республики, провозглашенной Всемирным Съездом Советов в Нью-Йорке, в 1920 г. 9 сентября»⁷⁷¹. То есть на 1995 год. Описывается «приют последних остатков человечества», которое выродилось и одичало в результате мировой революции. В «полуразрушенных стенах какого-то здания», расположенного недалеко от «железного языка» (так одичавшие люди называют железную дорогу), – жилище семьи, вернувшейся в первобытное состояние. Сын Бонек находит в ящике непонятные ему предметы, когда-то принадлежавшие людям: баночку с чернилами и перо, старинную книгу, компас, еще ряд мелких вещей. О назначении их отец его, одетый в звериную шкуру, вспоминает с трудом: «Писали, ну, писали. Было на чем, писали... А теперь не знаю. Раньше, говорят, по воздуху летали»⁷⁷². Найденный красный флаг с вышитыми золотыми буквами «Всемирная Федеративная Республика Советов» позволяет повествователю сделать экскурс в историю: «Они не знали, конечно, что впервые мысль об этом флаге возникла в России; отсюда перекинулась в Китай, Индию и Германию. Под предводительством германских офицеров кровавой волной прошли народы Востока, фанатично ослепленные учением красного пятиугольника, по Европе, смели Францию,

⁷⁷¹ Там же. С. 24.

⁷⁷² Там же. С. 25–26.

Англию, Италию. Оттуда красный пятиугольник проник в Америку. Началась Всемирная Гражданская война. В этой войне были разрушены до основания Рим и Лондон, взорваны на воздух сталелитейные центры Северной Америки, и в три месяца этой войны половина населения Англии умерла с голода, настолько сократился привоз пищевых продуктов. / Они не знали, конечно, что это флаг существовавшей десять лет Всемирной коммуны, повлекшей за собой гибель культуры и крушение цивилизации, более страшной, чем гибель культуры Вавилонии и Египта»⁷⁷³. Драка, возникшая из-за флага между отцом, матерью и сыном, приводит к отцеубийству. В перспективе автор рисует «заросшие бурьяном развалины городов», «остатки заводов – гнезда крыс и мышей», «спокойно блестящие реки», «мертвенно-бледные уста гор»: «Человека здесь не было. / Земля отдыхала»⁷⁷⁴. Мотив отцеубийства в этом рассказе и еще в одном фантастическом произведении Иванова «Происшествие на реке Тун», написанном спустя 6 лет, возможно, восходит, с одной стороны, к пореволюционной риторике статей газеты «Вперед»: «Мы не позволим никакого презрения по отношению к старому строю, созданному могучей рукой императорского самодержавия и дошедшему до перелома, как сын, вставший на ноги, достигший зрелости, не позволит никакому упреку или неуважения к своему отцу... Но сын вырос, у него крепкие руки и смелая голова на плечах. Он хочет н а ч а т ь свою новую самостоятельную жизнь. <...> Так молодой русский народ, перешагнув через ужасы революции, еще израненный, и с своей молодой женой – бесприданницей свободой, залитый кровью, поет – вперед – к новой жизни, к восходящему солнцу»⁷⁷⁵. Этому достойному сыну противопоставлены сыны недостойные – большевики. С другой стороны, можно увидеть здесь и автобиографический подтекст: в 1918 г. отец Иванова, монархист по убеждениям, был случайно убит

⁷⁷³ Там же. С. 26–27.

⁷⁷⁴ Там же. С. 27–28.

⁷⁷⁵ Вперед. 1919. 27 июля. С. 1.

полубезумным братом писателя Палладием из ружья, которое оставил без присмотра Всеволод – в то время красногвардеец.

Тематически и стилистически рассказ «Одичавшие» сопоставим с фантастическими картинами будущего, данными в первые пореволюционные годы писателями русского зарубежья (за исключением «Аэлиты» А. Толстого), где, как отмечает Д.Д. Николаев, «большевистский переворот» расценивался «как катастрофа – причем катастрофа не просто национальная, но мировая»⁷⁷⁶. «В прозе русского зарубежья фантастика сочетается с публицистическим элементом, с памфлетом»⁷⁷⁷, – указывает исследователь. Особенно близок рассказ Иванова произведению А. Аверченко «Отрывок будущего романа», впервые опубликованному позднее – в сборнике Аверченко «Нечистая сила» (Севастополь, 1920; Константинополь, 1921). У Аверченко «в тысяча девятьсот таком-то году большевики наконец завоевали всю Россию». Нетрудно заметить переклички между описанной Ивановым землей и картиной предоставленной самой себе Совдепии Аверченко, отгороженной от других государств высокой стеной: «...бывшая Россия как-то заросла дремучими лесами, высокой травой, и в лесах и в траве развелось неисчислимое количество волков и медведей, лосей, зубров, лисиц и оленей...» Население России будущего состоит из «племени совнаркомов, племени исполкомов и племени трудообязанных», шьющих одежды из звериных шкур⁷⁷⁸. Одичавшие, вернувшиеся в первобытное состояние и дошедшие до людоедства герои второй части рассказа близки персонажам Иванова, хотя у последнего одичанию население земли подверглось тотально, без выделения в особую группу правящих верхов. В других рассказах Аверченко, «Фокус великого кино» и «Вверх тормашками», как и у Иванова, показаны вещи, «что сохранили теплоту жизни, теплоту рук и души человеческой. Это и книги, и старый порыжевший фрак, <...> и старая

⁷⁷⁶ Николаев Д.Д. Русская проза 1920–1930-х гг.: авантюрная, фантастическая и историческая проза. М.: Наука, 2006. С. 239.

⁷⁷⁷ Там же.

⁷⁷⁸ Цит по: Николаев Д.Д. Русская проза 1920–1930-х гг. С. 241–242.

шкатулка палисандрового дерева, выложенная по крышке инкрустацией, и монетница белого металла с пружинками, и многое, многое другое»⁷⁷⁹. В отличие от Аверченко, некоторые выжившие герои которого «сохранили воспоминания о том, каким надлежит быть миру и человеку»⁷⁸⁰, Иванов в 1919 г. склонен с большим пессимизмом смотреть в будущее: у его героев потеряна память.

Исходя из такого видения революции в стране, Иванов дает свое понимание начавшейся Гражданской войны. В корреспонденции «Живая легенда (Разговор в вагоне)» речь идет об антибольшевистском восстании рабочих Ижевского завода (состоял из двух отделений – оружейного и сталелитейного) 7 (8) августа 1918 г., к которому 17 августа присоединились рабочие Камско-Воткинского судостроительного завода. Вскоре восстала вся южная часть Вятской губернии. Руководители восстания собрали под свои знамена до 25 тысяч человек, сформировали из них части (Ижевская и Воткинская Народные армии) и сражались в окружении 100 дней. Очерк «Живая легенда» построен в форме диалога: собеседник автора-повествователя рассказывает о причинах восстания: «Пришли они значит с войны. Живут, работают, раз советская власть – пусть, выбрали совет. Ну да ненадолго. Большевики, сам знаешь, народ до власти жадный – распустили вожжи. Ижевцы, те и понесли...»⁷⁸¹. Члены Союза фронтовиков Ижевска, выступившие против начатых большевиками «реквизиций» и «обысков» (очевидно, с целью изъятия оружия), названы «контрреволюционерами» и «белогвардейцами», посажены в тюрьму. В ответ на это рабочие, руководимые «офицерами своими – из рабочих», отказываются сдавать большевикам сделанные за день винтовки, и начинается восстание⁷⁸². Показательно, что Иванов описывает ситуацию, где против большевиков выступают представители не дворянства и буржуазии, а рабочих, которые, в

⁷⁷⁹ Там же. С. 243.

⁷⁸⁰ Там же.

⁷⁸¹ Папкина Е.А., Лоцилов И.Е. Всеволод Иванов. Корреспонденции из газеты «Вперед» (август – сентябрь 1919 года). С. 16.

⁷⁸² Там же. С. 16–17.

сущности, не отвергают Советской власти: после бегства противника они «выбрали Совет новый, давай опять за работу приниматься»⁷⁸³. К событиям этого восстания писатель вернется в рассказе «Зверье», где упомянет, что «Ижевский и Воткинский полки колчаковской армии состояли из рабочих, согласившихся покинуть Урал вместе с белыми, и что среди красных имелось невысказанное соглашение: не брать пленных из этих полков»⁷⁸⁴.

Отвечая на вопрос о причинах столь откровенного антибольшевизма, который свойственен многим публикациям Иванова в газете «Вперед», можно отметить влияние на молодого писателя общей направленности издания и мировоззрения его главного редактора, В.Г. Янчевецкого. Оценка революции в статьях Иванова близка статьям на ту же тему Янчевецкого: «Большевики – болезнь русского народа, выросшая на русском невежестве, отсутствии государственной обязательной школы, отсутствии семейных крепких основ, при упадке веры и необязательности нравственности и честности и при нездоровых экономических условиях. Всем этим и воспользовались и фанатики социализма, и демагоги, и преступники, и просто жулики, выплывшие на поверхность взбаламученного революцией русского моря»⁷⁸⁵. Критическое отношение Иванова к иностранному происхождению революционных вождей, Ленина и Троцкого, их связям с границей, возможно, также окончательно сформировалось благодаря Янчевецкому, писавшему: «...пока мы в пьяном виде доламываем неповинную соху, Вильгельм нам прислал Ленина, Троцкого, латыша, мадьяра, немца и всякую шушеру, которая стала Россией править и насильно мобилизовать крестьян...»⁷⁸⁶. В том же номере газеты Иванов повторит слова Янчевецкого в статье «“Ходи” и “капитана”»: «Вначале Вильгельм II-й плюнул – Лениным. / С его почтенного плевка и началось. Сколь много

⁷⁸³ Там же. С. 17.

⁷⁸⁴ *Иванов В.* Тайное тайных. С. 193.

⁷⁸⁵ Вперед. 1919. 18 июня. С. 1.

⁷⁸⁶ Там же. 16 окт. С. 1. Подпись: В.Я.

появилось плевков, что лица русского не стало видно»⁷⁸⁷. Вероятно, и персонаж с именем Антипка, который «ждал, когда с неба манна падет или конек-горбунок явится» («Антипка»), появился у Иванова не без влияния пьесы Янчевецкого «Митрий-комиссар», где присутствует тот же герой – пьяница Антипка.

Бликие отношения Иванова с Янчевецким продолжались и годы спустя после окончания Гражданской войны. По свидетельству Вяч.Вс. Иванова, отец часто в довоенные и послевоенные годы встречался с Янчевецким, они подолгу разговаривали⁷⁸⁸. Многое сближало этих людей. Молодой Янчевецкий, окончив историко-филологический факультет Петербургского университета, как и молодой Иванов, «отправился бродить пешком по России, изучая фольклор, быт, язык и нравы народа». Путь его лежал на Восток, через Хиву и Бухару, «до границ Индии»⁷⁸⁹. Примерно тем же маршрутом шел к вожделенной Индии Иванов в 1913–1915 г. Судя по словам Вяч.Вс. Иванова, его отец разделял и некоторые политические взгляды Янчевецкого, особенно в отношении России. С цитированными выше статьями из «Вперед» перекликаются собранные сыном писателя, М.В. Янчевецким, размышления «из дневников и записей» отца (не датированы):

Россия окружена врагами, которые ведут войну постоянно. <...> Война идет ежедневная и незаметная на первый взгляд – война экономическая. Если бы не страх перед нашей миллионной армией, если бы Россия была бы так же дезорганизована, как Индия или Китай, Россию залили бы всевозможные иностранные полчища, предприниматели, промышленники, колонисты, рудокопы, и, конечно, при нынешнем образовании русского юношества – русским людям пришлось бы сделаться только батраками у победоносных западных завоевателей⁷⁹⁰.

Под влиянием ли Янчевецкого, или опасаясь преследований за сотрудничество в колчаковской газете, Иванов в ноябре 1919 г. отправляется

⁷⁸⁷ Там же. С. 2.

⁷⁸⁸ См. об этом: *Иванов Вяч.Вс.* Проблема отношения к партиям и другим объединениям в биографиях начинающих писателей революционного времени (Пример Всеволода Иванова). С. 316–317.

⁷⁸⁹ *Янчевецкий В.* Творческая автобиография (1953) // РГАЛИ. Ф. 2557. Оп. 1. Ед. хр. 585. Л. 4–5.

⁷⁹⁰ Из дневников и записей. Янчевецкий о России // Там же. Л. 10.

в поезде «Вперед» на восток, вслед за отступающей белой армией, а не дожидается в Омске прихода Красной армии и возвращения Советской власти. И так же, как и Янчевецкий, в итоге не покидает родины. Сын Янчевецкого писал, что когда в конце 1919 г. при взрыве и пожаре погиб эшелон с походной типографией, отец отказался направиться дальше на восток вместе с откатывающимися другими эшелонами: «Надо быть со своим народом. А народ – за Советскую власть. Останемся со своими на родине»». При других обстоятельствах, видимо, такое же решение принимает и Всеволод Иванов. Через пять лет он подарит Янчевецкому том своих «Партизанских повестей» с надписью: «В память сибирских наших дней»⁷⁹¹.

Завершая рассказ о Вс. Иванове – военном корреспонденте газеты «Вперед», приведем еще один эго-документ – запись из дневника писателя от 23 июля 1942 г.: «Сегодня вспомнил, что перед падением Колчака полковник Янчевецкий, в поезде коего “Вперед” и газете такого же названия я работал наборщиком и писал статьи, представил меня к “Георгию третьей степени”». Комментируя эту запись, И. Просветов отмечает: «Янчевецкий мог ходатайствовать о награждении своего сотрудника солдатским Георгиевским крестом только за военный подвиг (что именно случилось при отступлении типографии вместе с армией – можно только гадать)»⁷⁹².

3.2. От «Фарфоровой избушки» к «Партизанам».

Отношение к революции, правительству адмирала Колчака, Гражданской войне и роли союзников в ней, сформировавшееся у молодого Иванова во время сотрудничества в газете «Вперед», он предполагал, видимо, воплотить в первом своем крупном произведении – повести «Фарфоровая избушка».

Впервые о ранней повести Иванова, под заглавием «Фарфоровая избушка», которая была написана, скорее всего, в 1920 г. и в печати не

⁷⁹¹ Янчевецкий М.В. Писатель-историк В. Ян. Очерк творчества. М.: Дет. лит., 1977. С. 37–39.

⁷⁹² Просветов И. Десять жизней Василия Яна. С. 197.

появлялась, написал исследователь М.В. Минокин⁷⁹³. Рукопись повести до настоящего времени не обнаружена, однако сохранились письма Иванова, свидетельствующие о том, что работа над ней была практически завершена. О повести Иванов сообщал А.М. Горькому 16 января 1921 г. из Омска: «Окончил недавно и теперь отделяваю большую повесть (величиной в 200–300 страниц) “из современной жизни”, как говорят – “Фарфоровая избушка”»⁷⁹⁴. Повесть упоминается и в письмах А.С. Сорокину: «...“Фарфоровую избушку” придется, наверное, в исправленном виде печатать за границей»⁷⁹⁵ (22 марта 1921 г.). Друг Иванова художник В.И. Уфимцев, в 1920 г. живший в Омске, тоже вспоминал о существовании повести: «Однажды в 1921 году у меня в студии, в кругу друзей, Всеволод прочитал свою “Фарфоровую избушку”. Я не помню содержания этого рассказа. Помню только, что автора очень хвалили, находили очень талантливым и кто-то даже сказал: “Не хуже Достоевского”. Вскоре мы проводили Всеволода в Питер»⁷⁹⁶.

Как предполагал М.В. Минокин, ряд текстов, опубликованных и неопубликованных, в которых отражено именно это время, являются сохранившимися фрагментами утраченной повести Иванова «Фарфоровая избушка». Повести посвящены несколько трудов исследователя, где он обосновывает свою концепцию. В статье «К предыстории повести Вс. Иванова “Бронепоезд 14-69”» и монографии «Путь Всеволода Иванова к роману. 20-е годы» «кусками одного и того же произведения» Минокин называет напечатанный в издании «Наш журнал» (1921. № 1) и впоследствии при жизни не переиздававшийся рассказ Иванова «В снегу», несколько раз напечатанную в разных изданиях в 1925–1927 гг. и позднее тоже не переиздававшуюся его повесть «Происшествие на реке Тун», а также

⁷⁹³ См.: Минокин М. К предыстории повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» // Русская литература. 1966. № 1. С. 192–196.

⁷⁹⁴ Иванов Вс. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. 1978. С. 536.

⁷⁹⁵ Письма Вс.В. Иванова / публ. Ю.П. Зародовой // Омский литературный музей. Тексты. Материалы. Исследования. Вып. 2. Омск: Издатель-Полиграфист, 2015. С. 135.

⁷⁹⁶ Всеволод Иванов – писатель и человек. С. 81.

выявленные в фонде А.С. Сорокина в ИАОО и им подписанные два рассказа-фрагмента «По-прежнему стоял поезд» и «Вагон № 12.442»: все эти тексты «связаны между собой не только тематически и стилистически, но и авторской оценкой изображаемого. Это, несомненно, части одного и того же произведения – неопубликованной повести “Фарфоровая избушка”»⁷⁹⁷. В другой, более поздней и, видимо, неопубликованной своей работе (хранится в фонде литературоведа Н.Н. Яновского в ГАНО) Минокин называет в качестве фрагмента «Фарфоровой избушки» еще один рассказ Иванова – «Как создаются курганы» (1926): «...Сорокин иногда путает “Бронепоезд 14-69” с “Фарфоровой избушкой”, и в то же время утверждает, что отрывки последней появились в печати. Так как нам известна тема утраченной повести, то есть основание предполагать, что речь идет прежде всего о рассказе “Происшествие на реке Тун”, а также о рассказах “В снегу” и “Как создаются курганы”. Все они в свое время печатались, хотя и не принадлежат к самым известным ивановским произведениям. Но после смерти писателя найдены и другие отрывки из повести, переработанные также в рассказы»⁷⁹⁸. В 1965 г., с изменением заглавия архивного текста «Вагон № 203125» на «Вагон № 14.442», эти фрагменты были напечатаны Минокиным в сибирских газетах «Молодой Сибиряк» (Омск) и «Забайкальский рабочий» (Чита) к 70-летию Иванова, хотя ни один из них не подписан именем писателя или его псевдонимом. Републикован Минокиным был в 1965 г. и рассказ «В снегу» («Молодой сибиряк»).

Аргументы исследователя и его выводы не всегда убедительны. Так, в монографии Минокин утверждает, видимо на основании письма Иванова Горькому о «повести в 200–300 страниц», что Иванов «оставил один экземпляр своей большой повести, насчитывающей около 300 страниц», Сорокину⁷⁹⁹. Может оказаться случайным и совпадение имен персонажей в пьесе «Бронепоезд 14-69» и повести «Происшествие на реке Тун», на

⁷⁹⁷ Минокин М.В. К предыстории повести Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69». С. 193–194.

⁷⁹⁸ ГАНО. Ф. Р-272. Оп. 1. Д. 202. Л. 23–24.

⁷⁹⁹ Минокин М.В. Путь Всеволода Иванова к роману. С. 26.

основании которого Минокин делает свои выводы: «Первоначальные картины и образы беженцев из повести “Фарфоровая избушка” органически вошли в повесть и пьесу “Бронепоезд 14-69”. В рассказе “Происшествие на реке Тун” упоминается невеста героя Варя и его отец Елисей Семеныч, имя невесты затем переходит в повесть “Бронепоезд 14-69”, а в пьесе возникает уже целая картина, в которой наряду с Незеласовым появляются Варя, Семен Семеныч и Мария Львовна»⁸⁰⁰. Отметим, кстати, что в повести 1921 г. этих имен нет, они появляются в более поздних редакциях ее, где на текст повести оказала влияние одноименная пьеса.

Реконструируя по найденным фрагментам содержание «Фарфоровой избушки», М. Минокин, а впоследствии Е. Цейтлин сходились в одном: «Очевидно, в “Фарфоровой избушке” звучала лишь одна тема будущего “Бронепоезда 14-69”. Тема мечущегося в отчаянии интеллигента: вместе с колчаковской армией, он обреченно движется в бездну. В рассказе “Вагон 203125” мы слышим голос белого офицера и, кажется, узнаем в нем капитана Незеласова Офицер лежит в дальнем углу вагона, рядом с трупами людей <....>; у него тиф, он кричит “вдохновенно громко”: “Еще смелее, еще смелее, мы победим, смотрите, там стоит сама великая Россия в боярском костюме, с мечом в руках, она зовет нас...”»⁸⁰¹ «В повести “Фарфоровая избушка” было много автобиографического материала», – аккуратно отмечает Минокин и в духе времени комментирует «размышления» Иванова об «интеллигенции, которая не нашла в себе сил порвать с колчаковщиной, бредовыми идеями “Великой России”»⁸⁰². Смысл заглавия повести Минокин объяснял следующим образом: «Становится понятным и название этого произведения: интеллигенция, которая вольно или невольно связала свою судьбу с Учредительным собранием, а потом с омским “правительством”, переживает разочарование, разделяет с армией ужасы отступления, а с беженцами – все мытарства дороги и кошмары теплушек. <...> Революция

⁸⁰⁰ Минокин М.В. К предыстории повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». С. 195.

⁸⁰¹ Цейтлин Е.Л. Сколько дорог у «Бронепоезда 14-69». С. 19.

⁸⁰² Минокин М.В. К предыстории повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». С. 192–196.

безжалостно разрушает интеллигентские иллюзии, своим мощным потоком сносит хрупкий “фарфоровый домик”»⁸⁰³.

На основании напечатанных текстов и архивных документов, которыми мы располагаем, трудно однозначно сказать, что это была повесть об интеллигенции и вообще, что мы имеем дело с одним произведением. К сожалению, материал повести «Фарфоровая избушка», которым мы располагаем, и слишком незначителен по объему, и вызывает много чисто текстологических вопросов, поэтому на сегодняшний день вряд ли можно строить какие-либо концепции содержания этого утраченного произведения.

Тем не менее в издание «Всеволод Иванов. “Бронепоезд 14-69”: Контексты эпохи» включены названные выше тексты, объединенные общим условным заглавием «Фрагменты повести “Фарфоровая избушка”». Три из них – «В снегу», «Как создаются курганы» и «Происшествие на реке Тун» – были в 1920-е гг. опубликованы под именем Иванова. Вопрос об авторстве других текстов, разысканных Минокиным, остается открытым. Скорее всего, Сорокин использовал черновой автограф повести «Фарфоровая избушка» Иванова, оставленный ему (см. письмо Иванова Сорокину из Петрограда от 26 марта 1921 г.: «Вы, поди, мою “Фарфоровую избушку” искромсали. Но Бог с Вами, я человек мирной»⁸⁰⁴), отредактировав его по-своему и, возможно, собираясь частично печатать под своим именем. Сорокин, известный как человек, склонный к литературным мистификациям и присваивающий себе чужие произведения⁸⁰⁵, вполне мог это сделать.

Один из опубликованных Минокиным рассказов – машинописный текст с заглавием «Вагон 203125» (ед. хр. 270), подписан Сорокиным и датирован «4 мая 1921 г. Омск» (в это время Иванов был уже в Петрограде). Текст является или фрагментом «Фарфоровой избушки», или

⁸⁰³ Там же. С. 195.

⁸⁰⁴ Молодой сибиряк. Омск, 1965. 10 февраля. С. 4. Публикация Е. Беленького.

⁸⁰⁵ Настолько успешно, что неточность проникла и в современные издания. Рассказ Вс. Иванова «Две гранки» (1917 или 1918), который, как и некоторые другие ранние рассказы писателя, хранится в омском архиве в фонде Сорокина, включен в самодельный сборник его рассказов (ИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Ед. хр. 512.), и в сборнике произведений Сорокина «Хохот желтого дьявола» (Иркутск, 1987) напечатан под его именем.

самостоятельным произведением, которое Иванов предполагал публиковать за границей, о чем сообщал 15 апреля 1921 г. Урманову: «И еще один рассказ “Вагон № 14.442” будет напечатан в Берлине месяца через 2–2 ½»⁸⁰⁶. Опубликованная Минокиным машинопись, вероятно, была сделана Сорокиным с рукописи Иванова, или вовсе не редактированной автором, или редактированной самим Сорокиным.

Второй фрагмент из фонда Сорокина (ед. хр. 210), опубликованный Минокиным под именем Иванова, – это незаконченная рукопись с правкой (Л. 1) и машинопись (Л. 2–4), имеющие сходное, но не одинаковое начало. Из сопоставления текстов видно, что в рукопись при перепечатке внесены сокращения, в основном снята образность, переставлены местами слова. Неподписанная рукопись, судя по почерку, могла принадлежать Иванову, машинопись приписывал себе А. Сорокин и, видимо, предполагал напечатать под своим именем. В верхней части первого листа машинописи написано: «А. Сорокин. Из книги “Сказок революции”». Дата: 11 февраля 1921 г. Омск – проставлена в конце машинописи. На обороте листа 2 от руки написано заглавие: «По-прежнему стоял поезд». В машинописный текст внесена правка зелеными и красными чернилами. Последняя, судя по характеру, принадлежит редактору: текст разделен на абзацы, зачеркнуто вступление Сорокина о книге «Сказки революции» и большой фрагмент текста – до диалога. В правом верхнем углу на первой странице машинописи, похоже, что рукой Иванова, написано: «Рассказ пойдет, если выбросить случай с Орденом почетного легиона (нрзб). “Поезд с золотом”». Однако под заглавием «Поезд с золотом» в архиве Сорокина хранится другой, его собственный текст – повесть, датированная 13 января 1926 г., куда включен переделанный и сильно расширенный сюжет рассказа «По-прежнему стоял поезд».

Не уезжавший из Омска Сорокин, видевший, в отличие от Иванова, только эвакуацию колчаковской столицы, в 1924–1926 гг. задумает не одно

⁸⁰⁶ *Иванов Вс.* Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма. С. 313.

произведение на сюжет отступления: «Поезд с золотом». «Наполеон 1919 года». «Гибель годовалого царства (трагедия о Колчаке)», «Глаза страха». Законченные и незаконченные тексты их хранятся в архиве писателя. Ни одно из них не увидело света. Хотя, возможно, Иванов, по крайней мере в 1921 г., не возражал против публикации сорокинских текстов, пусть и с использованием фрагментов его собственных рукописей. Не исключено, что о подобном издании идет речь в письме Иванова Урманову от 28 декабря 1921 г.: «А. Сорокин – мерзавец и жулик.<...> Но я человек не злой и серьезно могу напечатать книжку его рассказов на 5–6 листов. Если они про революцию (хотя бы и контрреволюционны). Скажи и отбери вместе с ним рассказы»⁸⁰⁷.

Вставки из рукописей Иванова в сорокинских текстах выделить не сложно. И в машинописи, и в рукописи не принадлежащими Иванову являются слова, тематически относящиеся к сфере живописного искусства (например, сравнение с «графикой Обри Бердслея»⁸⁰⁸): Сорокин был художником. Стиль Иванова отличается от повествовательной манеры Сорокина, или излишне подробной, полной растянутых диалогов, или близкой к сатирической публицистике. Эта стилевая манера, имитирующая балаганный стиль рассказов скандалиста и связанная с «эстетикой искусно конструируемого примитива эпохи модерна», наиболее полно воплотилась в итоговой книге писателя «Тридцать три скандала Колчаку» (1928)⁸⁰⁹. Так написана, например, повесть Сорокина «Ресторан Модерн» (ед. хр. 105). Перед нами вновь поезд, идущий зимой 1919 г. на Восток из Омска. Пассажиры вагона первого класса – чешский генерал Р. Гайда; министр внутренних дел, впоследствии – Премьер-министр Омского правительства В.Н. Пепеляев, ехавший в одном поезде с Колчаком и расстрелянный вместе с ним; умерший во время эвакуации от тифа в 1920 г. поэт Г.В. Маслов,

⁸⁰⁷ Там же. С. 339.

⁸⁰⁸ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 293.

⁸⁰⁹ *Лоцилов И., Рапопорт А.* «Это не литература, это вне литературы. Тем хуже для нее...» // *Сорокин А.* Тридцать три скандала Колчаку. 2-е изд., доп. Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2014. С. 15.

редактор газеты «Вперед» В.Г. Янчевецкий, писатель Б.Д. Четвериков и – Всеволод Иванов – в реальности никак не могли бы оказаться вместе. Все пьют, и Иванов читает отрывок из повести «Бронепоезд 14-69», «которая потом, перекрашенная, появилась в “Красной нови”»⁸¹⁰. Отметим, что, в отличие от Сорокина, активно вводившего в повествование фигуры реальных современных писателей, политических и военных деятелей периода 1917–1919 гг., Иванов подобным приемом не пользовался.

Судьба «Фарфоровой избушки» показательна. В конце 1920 – начале 1921 гг. Иванов, если судить по его письмам Сорокину и Горькому, предполагал, что его творчество будет развиваться в этом русле: впечатлений, полученных им от увиденного в третьей столице и по пути на восток, могло бы хватить надолго. Никто, в том числе и Сорокин, не помешал бы ему напечатать ту же «Фарфоровую избушку» или «Вагон № 12.442». В 1921 г. это было вполне реально сделать и в Советской России, и за ее пределами, что Иванов, видимо, считал более реальным. Однако довольно скоро Иванов принимает другое решение. Об этом свидетельствует письмо Урманову от 30 марта 1921 г.: «Повесть пока отложил – не буду ни печатать, ни читать нигде. Нужно многое переделать. Это про “Фарф<оровую> избушку”»⁸¹¹.

В результате дебютирует Иванов в Петрограде другими повестями – партизанскими, куда входят «Партизаны», «Бронепоезд 14-69» и «Цветные ветра», видимо понимая, что односторонняя картина такого масштабного исторического события, каким стала Гражданская война в России, будет неверной.

Рассказ (при переизданиях – повесть) никому тогда не известного писателя из Сибири Всеволода Иванова «Партизаны» был напечатан в первом номере за 1921 г. первого советского «толстого» журнала «Красная новь». Рассказ в журнал предложил А.М. Горький.

⁸¹⁰ ИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 15.

⁸¹¹ *Иванов Вс.* Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма. С. 303.

Повести «Партизаны» посвящены работы многих исследователей⁸¹². Обратим внимания на исторические, политические, литературные и биографические контексты изображения Гражданской войны, которые не были отмечены в литературоведческих трудах.

После публикации произведение было замечено, не замедлили последовать и отзывы. Известные критики В. Львов-Рогачевский и А. Воронский прочитали «Партизан» не с точки зрения достоверности показа партизанской борьбы во время Гражданской войны, видимо считая, как Воронский, что раз Иванов – непосредственной участник этой войны, «из Красной Армии»⁸¹³, он должен быть точен. Их интересовало другие, более общие проблемы. Так, в статье Львова-Рогачевского слово «партизаны» становится синонимом слов «крестьяне», «мужики» и в целом «народ»; мужики-партизаны выступают, по наблюдению критика, частью «шестивия разноязычных племен и разноликих групп в годину исторического половодья»⁸¹⁴. Воронский смотрит на мужиков-партизан еще шире: они часть огромного природного мира, в одном ряду стоят у критика «тайга, степи, сопки, ветры, партизаны»⁸¹⁵. По поводу роли большевиков в партизанском движении критик замечает: «Большевизм сумел соединить себя с этим могучим и мощным потоком жизни, с этой миллионной первобытностью»⁸¹⁶. Ни Львова-Рогачевского, ни Воронского не смущают «земляные корни» партизан Иванова, наоборот, в изображении этих народных корней революции критики видят ценность произведений молодого советского писателя, его верность правде жизни. В статье Воронского «тяга к земле», на которой «не дают робить» японцы, Колчак, атамановцы – это непосредственный источник партизанщины, причина того, что мужики идут

⁸¹² См.: *Ревякина А.А.* Вс. Иванов «Партизаны»: Опыт стилистического анализа // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-т имени В.И. Ленина. № 298. Вопросы советской литературы. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1968. С. 200–216; *Краснощечкова Е.А.* Художественный мир Всеволода Иванова. С. 14–21; *Новокрещенова И.Л.* Концепты «путь», «революция», «вера» в прозе Всеволода Иванова 1920-х гг. Дисс. ... канд. фил. наук. Воронеж, 2007.

⁸¹³ *Воронский А.К.* Всеволод Иванов // *Воронский А.К.* Искусство видеть мир. С. 207.

⁸¹⁴ *Львов-Рогачевский В.* Новый Горький. С. 167–168.

⁸¹⁵ *Воронский А.К.* Всеволод Иванов. С. 202.

⁸¹⁶ Там же. С. 205.

в партизаны⁸¹⁷. Отсюда и положительные отзывы критиков о начальнике партизанского отряда Антоне Селезневе: «Крепкий мужик Антон Селезнев уносит из деревни в чернь свою хозяйственность и домовитость, а выбранный в начальники отряда распоряжается деловито и спокойно, ничему не удивляясь. Он делен и в своем праздновании “престола”, и в своем смертном бое»⁸¹⁸; «Селезнев – самый “справный” хозяин, богатый церковный староста, а его вынуждают обстоятельства сделаться начальником партизанского отряда»⁸¹⁹. Случайные обстоятельства, в которых мужики становятся партизанами, совершенно не смущают первых критиков произведений Иванова и кажутся им вполне убедительными.

Возражения последовали довольно скоро. В статье «В кругу заколдованном (О “Партизанах” Вс. Иванова)», опубликованной в журнале «Корабль» (Калуга, 1923. № 7–8), писатель А.С. Неверов рассматривает « всю литературу наших дней, в разной степени художественности отобразившую великую эпоху», как раз с точки зрения преобладания «стихийности» и «случайности»: «Если поверить этой литературе, то Октябрьская революция дала только разнообразные пятна, путаницу, расплеснула по селам крики, поставила на дыбы мужиков, а идеи-то, движущей лесные черноземные силы, как будто бы и нет. Просто какая-то стихийность, выпирающая из болотных кочек, избыток залежавшихся сил. Прорвались эти силы и понесли, полыхнули огнем, кровью... <...> Чувствуется внешняя причина, случайность, и Красный Октябрь как будто ни при чем тут». Особенно это заметно в повести «Партизаны». Писателю непонятно, что связало мужиков в партизанский отряд – только «гнев за пролитую кислушку» (самогон)! Оценки партизанского вожака у Неверова принципиально иные, чем у Львова-Рогачевского и Воронского: Селезнев «живет не в идее октябрьской революции, а в земле, в хозяйской сметке. Гнев его – гнев хозяина, потерпевшего убыток». Для богатого мужика Селезнева Советская армия –

⁸¹⁷ Там же.

⁸¹⁸ Львов-Рогачевский В. Новый Горький. С. 163.

⁸¹⁹ Воронский А.К. Всеволод Иванов. С. 206.

«заслонка от колчаковских карательных отрядов». Идею же советской крестьянской власти он, вероятно, видит в чем-то путаном, полуанархическом, позволяющем варить самогонку, в уничтожении запретов». Вся сущность восстания, стоящего в центре повести «Партизаны», «лежит в своих интересах, в личном покое» мужиков, а не «в элементах социального порядка»⁸²⁰, – к такому выводу приходит писатель.

К критическому отзыву Неверова примыкают отклики реальных сибирских партизан. 3 августа 1924 г. в газете «Известия» печатается статья крестьянина по происхождению, организатора партизанского движения в Сибири, наркома земледелия РСФСР с 1922 г., в 1924–1925 гг. – члена ЦКК РКП(б) В.Г. Яковенко «Партизанское движение и художественная литература», в которой автор выступает категорически против таких произведений о партизанском движении, как «Ватага» Вяч. Шишкова (вышла в 1923 г.) и «Партизаны» Вс. Иванова: «...если бы Вс. Иванов хоть немного был знаком с партизанским движением в Сибири, он бы знал, что всюду это движение возникало не случайно и что оно имело определяющую идею – вести организованную борьбу за советскую власть против белогвардейцев»⁸²¹.

В том же 1924 г. появляется еще один отзыв о «Партизанах» Иванова и «Ватаге» Шишкова. Автор его тоже партизан и один из первых сибирских писателей – П.П. Петров. Выходец их крестьян, он так же, как и Яковенко, в период Гражданской войны руководил партизанским движением против колчаковщины, создал партизанскую армию, являлся одним из организаторов Степно-Баджейской партизанской советской республики, председателем ее «Совета рабочих, крестьянских и партизанских депутатов».

14 июля 1929 г. Петров пишет А.М. Топорову – учителю, создателю коммуны «Майское утро», автору знаменитой книги «Крестьяне о писателях»: «Кстати о работе “Партизаны” Иванова, в 1924 году я писал

⁸²⁰ Неверов А. В кругу заколдованном. С. 3.

⁸²¹ Яковенко В. Партизанское движение и художественная литература // Известия. 1924. 3 авг. С. 3.

Зазубрину, что “Ватага” Шишкова и “Партизаны” Вс. Иванова – памфлет на партизанщину, что авторы не знают настоящих партизан. Среди руководителей Манско-Минусинского повстанчества были эсеры, правые и левые, были анархисты и большевики, но не церковные старосты и старообрядческие фанатики»⁸²².

Свою поэму «Партизаны» (впервые: Сибирские огни. 1927. № 6) Петров создает во многом как полемический ответ Иванову и Шишкову. Как и у Иванова, в начале поэмы описана пьющая самогон сибирская деревня, разговоры о Колчаке, который «сел на престол», уход мужиков в горы к партизанам, поиски чехами (у Иванова – польскими уланами) большевиков по деревням. Слова: «Енисейские ватаги / Павин собирает» – прямая отсылка к повести Шишкова «Ватага». Однако в поэме Петрова доля стихийности и случайности в партизанском движении сведена практически к нулю. В первой части поэмы партизанским вожаком становится вымышленный персонаж – бывший фельдфебель Первой мировой войны, член волостного Совета Иван Павин. У него конкретные задачи: «Павин кличет поселян, / Бороду разводит, / Про военные дела / Разговор заводит: / Не в помеху бы набрать / Тыщи три народу, / Да по городу наддать, / Тюрьмы б на свободу. / К пролетарии б поспеть / На подмогу впору ...»⁸²³. К мятежу примыкает 18 волостей, создается Степно-Баджейская партизанская республика, где есть исполком, трибунал и штабы. В конце 1 части Павин погибает, и во 2-й под именем Петрован Щетина появляется уже реальное историческое лицо – Петр Ефимович Щетинкин (1884–1927), крестьянин по происхождению, полный Георгиевский кавалер Первой мировой войны, член РКП(б) с 1918 г. Щетинкин организовал партизанский отряд в декабре 1918 г., с марта 1919 г. стал командующим Северо-Ачинской партизанской армии. Сам автор поэмы, Петров, вместе с армией партизан А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина совершил многодневный поход через отроги Саян в Урянхай.

⁸²² Цит. по: *Топоров А.* Крестьяне о писателях. Изд. 2-е. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1963. С. 248–249.

⁸²³ *Петров П.* Партизаны // Сибирские огни. 1927. № 6. С. 5–6.

С точки зрения современных историков Гражданской войны в Сибири, правы были как Яковенко и Петров, так и Шишков и Иванов. А.А. Штырбул отмечает: «Еще в период Временного Сибирского правительства и Директории, в конце лета и осенью 1918 г. по Сибири прокатилась первая волна восстаний... <...> В руководстве этих восстаний имелись отдельные коммунисты или даже небольшие их группы, но значительная часть восставших крестьян выступала стихийно. <...> Некоторые крестьяне в то время наивно верили, что, восстав, они помогают ВСП восстановить эсеровскую демократию, на местах поправленную офицерами-монархистами. <...> И только кое-где осенью 1918 г. крестьяне выступили с требованием восстановления советской власти. Таким образом, партизанская борьба в Сибири поначалу в своей значительной части развивалась стихийно. И только постепенно коммунисты Сибири смогли взять партизанское движение под свое идейное влияние и военнополитическое руководство, но и то – не везде»⁸²⁴. В качестве подтверждения историк приводит письмо члена Омского комитета РКП(б) А.А. Масленникова в Сиббюро ЦК РКП(б): «В крестьянской среде также настроения ломаются в пользу Советской власти. Прокатываются волной стихийные крестьянские восстания в Славгородском, Тюкалинском, Павлодарском [от] Исилькуля, Змеиногорском, Кузнецком, на всем Алтае, в Мариинском уездах. Восстают ряд волостей, образуют революционные комитеты, но подавляются со страшной жестокостью. К сожалению, восстания начинаются без нашего руководства. Поводы к ним – набор новобранцев, взыскания старых недоимок, ненависть к карательным отрядам и [бело]чехам, выселения и т. д.»⁸²⁵.

«Именно такую или, во всяком случае, похожую картину рисует Вс. Иванов в повести “Партизаны”, где, казалось бы, незначительный факт – уничтожение белогвардейской милицией самогонного аппарата в одном из сибирских сел становится, в условиях всеобщей наэлектризованности

⁸²⁴ Штырбул А. Всеволод Иванов в Сибири. С. 109–110.

⁸²⁵ Сибирское бюро ЦК РКП(б). 1918–1920 гг. Сб. документов / предисл. Л.М. Спирина. Ч. 1. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. С. 52.

общественной атмосферы, той искрой, из которой разгорается восстание»⁸²⁶, – отмечает Штырбул.

Ко второй половине 1920-х гг. отчасти в связи с укреплением и реорганизацией Красной армии и исключением из нее партизанского начала, литературная дискуссия перешла в плоскость политики. Изменилось отношение идеологов государства к произведениям, где в центре внимания были восстания крестьян, ставших партизанами, которые, как герои Иванова, хотят свою крестьянскую власть, и о которых Петров писал: «Нашей силы – мужикам – / Равной силы нету. / Дуй, ребята, по домам, / Гарнизуй Советы»⁸²⁷. Изменилось отношение и к прототипам этих литературных персонажей – красным партизанам. 23 ноября 1929 г. на заседании Бюро Сибкрайкома был принят документ «О работе среди бывших красных партизан», в котором отмечалось, что среди них имеются лица, разложившиеся и «обиженные» коммунистами. С целью устранения мятежных настроений и привлечения партизан-бедняков на свою сторону, партийным органам предлагалось прекратить созыв партизанских конференций и съездов, развернуть разъяснительную работу среди бывших партизан⁸²⁸. Как раз на одном из таких съездов – съезде партизан Манского фронта – 26 февраля 1928 г. была прочитана поэма Петрова «Партизаны». Бывшие участники партизанского движения записали в протоколе съезда: «Эта вещь является художественно правдивым произведением и памятником борьбы манских и минусинских партизан...»⁸²⁹.

В первой трети 1930-х гг., когда началось раскулачивание среди бывших красных партизан, мятежные настроения сменились настроениями активного протеста. С историческими и политическими событиями оказались тесно связаны судьбы партизанских вожakov Яковенко и Петрова. «Мужицкий нарком» В.Г. Яковенко был арестован 9 февраля 1937 г.,

⁸²⁶ Штырбул А.А. Всеволод Иванов в Сибири. С. 111.

⁸²⁷ Петров П. Партизаны. С. 6.

⁸²⁸ Шекшеев А. В.Г. Яковенко – сибирский партизан, народный комиссар // <https://istorija.ru/articles.html/russia/jakovenko> (дата обращения – 10 декабря 2020 г.).

⁸²⁹ Топоров А. Крестьяне о писателях. С. 249.

расстрелян. В апреле 1937 г. был арестован и П.П. Петров. 15 июля 1939 г. датируется обвинительное заключение, в котором названы оба партизана: «4-м Отделом УПР НКВД по Иркутской области в г. Красноярске была вскрыта и ликвидирована контрреволюционная организация правых среди бывших красных партизан, созданная и руководимая Яковенко В.Г., связанного через Бухарина с центром в Москве. / Указанная контрреволюционная организация по прямому указанию Бухарина, Рыкова и других, создала в г. Красноярске Краевой Повстанческий Центр контрреволюционной организации правых для подготовки вооруженного выступления против Советской власти. / Следствием было установлено, что одним из участников этой к/р организации являлся Петров Петр Поликарпович. <...> В 1931 г., вступив в контрреволюционную организацию правых среди бывших красных партизан, связался по к/р деятельности с руководителем этой организации Яковенко В.Г., от которого получал установки по развертыванию контрреволюционной работы...»⁸³⁰. Петров был расстрелян в 1941 г.

Однако все эти события гораздо произошли позднее, а тогда, в начале 1920-е гг., молодой советский писатель Вс. Иванов, еще не знающий, естественно, как сложатся судьбы красных партизан, продолжает работу над созданием «партизанских повестей»: в 1922 г. печатаются «Бронепоезд 14-69» и «Цветные ветра». Материалом для них служат впечатления, которые Иванов почерпнул в Сибири и которые отсылают к другим, тоже сибирским, историческим контекстам. Они дают возможность рассмотреть вопрос об исторической достоверности ивановских партизан с иной стороны.

Восстанавливая на основе недавно выявленных и систематизированных документальных источников сибирскую биографию Иванова 1917–1920 гг. и творческую историю «партизанских повестей», приходится признать, что слова Петрова о том, что «автор не знает настоящих партизан», недалеки от истины. Вспомним и признание самого Иванова в автобиографии 1925 г.,

⁸³⁰ <https://badgey.ru/och/petrovpppisatel>. Сообщено И.Г. Топоровым.

предусмотрительно вычеркнутое кем-то при ее редактировании: «Легенды о моей партизанской деятельности надо оставить. Партизан я видел мало, много записывал рассказов о них среди крестьян»⁸³¹.

В период с конца 1918 г. и весь 1919 г., когда по всей Сибири полыхают антиколчаковские партизанские восстания, в которых принимают участие Петров и Яковенко, Иванов находится в Омске – Третьей столице России. Сначала работает в типографии, публикует рассказы и очерки в омской периодике, посещает литературные кружки, сближается с омскими и приезжими поэтами. Весной или летом 1919 г. он попадает во фронтовую передвижную газету «Вперед» и оказывается на «белом» фронте. Здесь он не видит красных партизан, но общается, как мы можем теперь узнать из его корреспонденций «Очерки фронта. У черты», напечатанных в сентябре – ноябре 1919 г. в газете «Сибирский казак», с солдатами и офицерами Сибирского казачьего войска.

Встреча Иванова с реальными партизанами происходит только в конце декабря 1919 г. при отступлении колчаковской армии, когда молодой писатель уезжает вместе с вагоном-типографией «Вперед» на восток. Об общении с партизанами Иванов рассказывал в своей автобиографии, опубликованной, как и автобиографии других «серапионовых братьев» в журнале «Литературные записки» в 1922 г., а впоследствии – в «Истории моих книг». В двух источниках рассказы разные, что дает основание исследователю сомневаться в их достоверности. В автобиографии партизаны останавливают некий поезд, старика генерала убивают у вагона, добровольцев, человек тридцать, расстреливают, и Иванова, в офицерских погонах, тоже собираются. Останавливает их спор о Боге и принесенные Ивановым из вагона мешок муки и бочонок масла. В итоге партизан Селезнев (эту фамилию имеет руководитель партизанского отряда в повести «Партизаны») пьет с пленным Ивановым всю ночь, «спорит о Боге

⁸³¹ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 367.

и треперстом кресте» и отпускает его⁸³². В поздних воспоминаниях о встрече с партизанами Иванов напишет по-другому: «На станции Ояш мы наконец встретили партизан. Ночью я сидел среди мужиков в жарко натопленной избе, за столом... <...> ...на правом фланге крепко сопротивлялись колчаковцы. Время от времени скрипела дверь, мохнатая и узкая, вбегал мужик и, жалуясь на то, что никто никому не помогает, просил подкрепления у командира отряда. Командир вздыхал, ворчал, поворачивался ко мне и начинал, запинаясь на каждом слове и прикрывая рот рукой, диктовать приказ». Иванов пишет, что «прекрасно помнит эти дни»: «... рассказы партизан, длинные ночи в лесных избушках и бураны, угрюмые, ненасытные бураны за маленькими, забитыми снегом окнами»⁸³³.

Что было в реальности, сказать трудно, очевидно лишь то, что общение писателя с партизанами, не могло быть продолжительным. 11 декабря 1919 г. Реввоенсовет Республики издает специальный приказ о мерах борьбы с партизанщиной в Красной Армии, в соответствии с которым «категорически запрещено существование партизанских отрядов, оказавшихся на освобожденной от белых территории, как самостоятельных боевых единиц. Не подчинившиеся отряды предписывалось подвергать беспощадной каре, особенно их командный состав и кулацкие верхи»⁸³⁴.

Власти имели основание уже тогда опасаться красных партизан. Не прошло и нескольких месяцев после взятия красными Омска, как в разных уездах Сибири стали вспыхивать антибольшевистские восстания с их участием. Приведем фрагменты хроники событий 1920 г.:

«**Март** – волнения бывших красных партизан в Славгородском уезде, разгром коммунистических ячеек и ревкомов. <...>

3 мая – начало июля – анархистский мятеж части бывших партизан роговцев в Причерноморском крае (на стыке Барнаульского и Кузнецкого уездов

⁸³² Там же. С. 365–366.

⁸³³ Там же. С. 387, 390.

⁸³⁴ Цит. по: *Штырбул А.А.* Покушение на Колчака: историческое расследование. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. С. 352.

Алтайской и Томской губерний). До 2 тыс. участников. Подавлен при сочетании карательных мер и уговоров. <...>

Июль – антисоветское крестьянское восстание с участием некоторой части красных партизан в Степном Алтае. В ходе восстания возникла Народная повстанческая армия, до 18 тыс. участников.<...>

20-е числа сентября – «лубковщина» – антисоветское восстание бывшего красного, а теперь фактически «зеленого» партизанского командира П.К. Лубкова в союзе с отрядом бывшего колчаковского карателя Окунева в Мариинском уезде Томской губернии. Количество повстанцев – до 2, 5 тыс. Жестоко подавлено»⁸³⁵.

Именно в это время, летом 1920 г., Иванов работает в газетах «Рабочий путь» и «Советская Сибирь», по долгу службы разъезжает по разным уездам Сибири. Происходящие события ему хорошо известны.

Как видно, не случайно в повести «Партизаны» командиром отряда становится богатый мужик Селезнев, представляющий те самые «кулацкие верхи», упомянутые в приказе РВСР. Верными исторической правде, когда красные партизаны сражались сначала с Колчаком, а спустя немного времени – с Советской властью, задавившей их продразверсткой и не дававшей работать на земле, оказываются и ивановские герои, плохо разбирающиеся в политике. Вспомним разговор будущего партизана Кубди с женой подрядчика Емолина:

Женщина рассмеялась.

– Кучея их знат. Нонче все наоборот. Вон царя-то в Омске не русского посадили и икватером зовут.

Емолин рассмеялся жиденьким смехом.

– Необразовщина, прямо – тайга!.. Видмеди вы. Колчак-от старого роду, бают, и ни царь, – а диктатёр...

– Одна посуда-то, — сказал Кубдя⁸³⁶.

Не случайно и поведение партизан во время сражения. Для сравнения

⁸³⁵ Там же. С. 716–717.

⁸³⁶ *Иванов Вс.* Партизаны. С. 107.

приведем два фрагмента предпоследней главы повести из изданий разных лет – первоначальный текст и поздний, исправленный редакторами. В издании 1922 г. после крика атамановцев «Ура-а!» происходит следующее:

От этого слабого крика ли, или от чего другого, но все – и атамановцы, и мужики почувствовали, что кому-то нужно от кого-то бежать.

И партизанам захотелось кричать.

Они остановились и закричали не своим голосом:

– У-а-а-а...⁸³⁷

В издании 1958 г.:

От этого слабого крика ли, или от чего другого, но атамановцы почувствовали, что им плохо и что им нужно бежать.

Атамановцы остановились и закричали уже не своим голосом:

– У-а-а-а...⁸³⁸

Показательно, что в конце 1920-х гг., когда партией утверждалась новая концепция Гражданской войны и запрещались партизанские съезды, повесть Иванова «Партизаны», как и все его творчество, была объявлена реакционной. «Даже революция, – писал критик Г. Горбачев в 1928 г., анализируя «партизанские повести», – в этих условиях оказывается цепью диких случайностей, обусловленных метанием людей, потерявших равновесие и ставших игрушкой инстинктивных порывов. Так, в «Партизанах» случайно и ненужно нанимаются плотники к Емолину; благодаря пьяной драке из-за самогона становится вождем партизан богатый крестьянин Селезнев, бессмысленно ведут себя в бою атамановцы и еще бессмысленнее партизаны, и лишь через ряд немотивированных случаев совершается неизбежное течение событий: восстание крестьянства против Колчака и первоначальный разгром партизан регулярными войсками белых»⁸³⁹.

Выявленные исторические и литературные контексты многое проясняют в повести Иванова «Партизаны», способствуют пониманию

⁸³⁷ Там же. С. 171.

⁸³⁸ Иванов В. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. 1958. С. 171.

⁸³⁹ Горбачев Г. Современная русская литература. С. 225.

характеров ее героев и сюжетных коллизий. В свою очередь это произведение писателя, во многом очень верное исторической правде, способствует лучшему пониманию событий Гражданской войны в крупнейшем регионе России – Сибири.

3.3. «Бронепоезд14-69»: генетическое досье.

При осмыслении процесса работы Всеволода Иванова над текстом «Бронепоезда 14-69» – повестью, пьесой и сценарием – неизбежно встает вопрос о его истоках и источниках. Опубликованная в 1922 г. повесть «Бронепоезд 14-69», принеся славу Иванову, родилась не сразу. Генетическое досье этого произведения, то есть «совокупность всех черновых материалов и промежуточных печатных изданий, участвовавших в создании текста и классифицированных в соответствии с хронологическим, жанровым, содержательным, формальным и иными принципами»⁸⁴⁰, включает целый ряд текстов, написанных в течение 1919–1920 гг., в которых уже происходило творческое осмысление писателем событий Гражданской войны. Это «Фарфоровая избушка», речь о которой шла выше, очерки мирного времени Омской столицы, некоторые статьи из газеты «Вперед» и военные очерки.

В очерках молодой писатель и журналист, военный корреспондент, передает поведение во время Гражданской войны представителей разных социальных групп: интеллигенции, городских обывателей, «союзников», беженцев, крестьян, казаков, рабочих, – их рассказы, разговоры, оценки происходящих событий, иногда с короткими комментариями. Автор-повествователь – фигура в целом пассивная: он слушатель и наблюдатель, редко высказывающий свое мнение.

Из очерков Иванова, публиковавшихся в газетах «Заря», «Дело Сибири», «Земля и труд» в 1919 г., предстает картина жизни интеллигенции Третьей столицы. Больше всего описаний литераторов Омска, среди которых

⁸⁴⁰ Генетическая критика во Франции. Антология / под ред. А.Д. Михайлова. М.: ОГИ, 1999. С. 284.

можно выделить две группы. Первую составляют «Царевна Мечта» (А. Громов, печатавшийся под псевдонимом «Принцесса Греза») и другие безымянные сотрудники «Женского журнала» («Как я сотрудничал в “Женском журнале”»); поэт М., утверждающий, что «стихами ничего, кроме неврастении, не добьешься», а «поэт прежде всего должен быть богат»⁸⁴¹, («Моль»); беллетрист С. Ауслендер, который печатает «свой роман с оттенком саморекламы во вкусе Антона Сорокина»⁸⁴² («Письма из Омска»). Других – гораздо меньше. Среди них, например, «бежавший из центральной России талантливый писатель, после трехмесячных поисков нашедший свободную кухню» для жилья в переполненном жителями Омске, который «в чаду от кухонной плиты с увлечением читал мне свои тонкие и нежные стихи»⁸⁴³. Возможно, прототипом этого персонажа стал петербуржец Г. Маслов.

На улице сибирской столицы рассказчик, по имени Всеволод, встречает «талантливого поэта» М., с которым не виделся лет пять. Бывший знакомый получает прозвище «Моль», давшее заглавие очерку. Это один из тех «интеллигентов», которые ярче всего будут выведены в сценарии «Бронепоезд 14-69» как кадеты-крестоносцы Таль и Каменский – корыстные, алчные, беспринципные. Война изменила поэта: в новые времена, «когда жизнь человеческая оценивается в один ружейный патрон», он занимается спекуляцией, оправдывая себя тем, что ею сейчас занимаются все: «семеновцы» – армия генерал-лейтенанта Г.М. Семенова – «порют, пьянствуют», «торгуют железнодорожными билетами»; жители станции Маньчжурия за большие деньги предоставляют ночлег беженцам из России, у которых остались деньги: «В комнате спит, сколько влезет, спят на полу и на полатах». Не упускают своего и американские и японские коммерсанты: «деньги увозят за границу вагонами»⁸⁴⁴. В сценарии капитан Незеласов, не

⁸⁴¹ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 127.

⁸⁴² Там же. С. 130.

⁸⁴³ Там же. С. 129.

⁸⁴⁴ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 260.

принимающий бесчестного поведения крестоносцев, тщетно пытается пристыдить их. Автобиографический герой очерка, не закончив беседы, поворачивается и уходит.

Рукопись очерка «Письма из Омска» Иванов, вероятно, послал своему другу К.К. Худякову, секретарю курганской газеты «Земля и труд». Напечатали очерк с купюрой: от слов «...диктатура пролетариата» до «И временами кажется...» в газете пропуск текста. К статье давалось примечание: «Продолжение следует». Однако, скорее всего, редакция газеты не предполагала в дальнейшем сотрудничать с Ивановым: следующее «Письмо из Омска», подписанное «НИК», написано другим автором, и акценты в этом очерке расставлены иначе. «Вы выходите утром на Любинский проспект, главную улицу молодой сибирской столицы. Какое движение! Подняв воротники, спешат в свои департаменты и министерства чиновники. Проходят, отбивая, отряды солдат. Мчатся автомобили со “знатными иностранцами”»⁸⁴⁵, – это описание столичной жизни отличается от картины, представленной Ивановым: персонажи практически те же, а эпитеты другие. Канадцы, «с любопытными огоньками в глазах», спекулянты, с «хищнической, спокойной походкой», «холодные, неподвижные лица шоферов», «приезжий элемент», который «откровенно, до цинизма», «танцует, пьянствует, флиртует», – этот «кипящий жизнью Омск»⁸⁴⁶ во многом стал прообразом города, в котором происходит действие сценария «Бронепоезда», не случайно, кстати, в тексте упомянута Проломная улица – та, где жил в 1918 г. сам Иванов. Описание «квартирной нужды» в столице, где бежавший из центральной России писатель понимает «прелесть теплой кухни», становится реальной основой для рассказа Надежды Львовны, матери Незеласова, в пьесе «Бронепоезд 14-69»: «Дальше бежать некуда, а прибывают еще беженцы, теснота, а к городу еще, говорят, поезда идут и идут. И слава Богу, что мы в цветочном магазине поселились! Другие

⁸⁴⁵ Земля и труд. 1919. 13 апреля. С. 2.

⁸⁴⁶ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 263.

совершенно в неприличных местах живут» (102). С иронией охарактеризованы в очерке разнообразные омские газеты. Не вошедший в текст сценария диалог секретаря газеты «Белое знамя» и офицера Иванов, вероятно, писал, вспоминая и о них:

– Варя! Мне знакомы все официальные сводки, но у вас, наверное, есть сведения со стороны?

– Есть, – отвечает Варя, – наши на самом деле нанесли партизанам серьезное поражение. Первый и последний раз наша газета не соврала⁸⁴⁷.

Авторское отношение к упомянутой в очерке Советской России понять сложно (эпитетом «кошмарная» награждают ее беженцы), но, судя по отсутствию продолжения, редакции газеты «Земля и труд» оно близко не было.

Подобных Мартынову (очерк «Господин Мартынов») господ, красиво говорящих о «любви к родине», ее «возрождении», одновременно собирающихся в Японию, но представляющих свое бегство как некое самопожертвование («Что придется претерпеть – я не знаю»⁸⁴⁸), Иванов опишет в сценарии «Бронепоезд 14-69». В сравнении с ранее написанными вариантами и редакциями «Бронепоезда», в сценарии 1963 г. существенно расширена «городская» часть: выведены в качестве действующих лиц и генерал Спасский, и офицеры – товарищи капитана Незеласова, и молодые кадеты-крестоносцы. «Мы приняли крест», – воодушевленно говорит Спасский Незеласову, а затем, как и Мартынов, думая, что «все потеряно», собирается на пароходе союзников в Иокогаму. На вопрос: «А Россия?» – генерал цинично отвечает: «Что сделается России. Мы попутешествуем, она постоит, подумает, и мы вернемся» (202). В реальности, как гласил приказ Верховного Правителя адмирала Колчака от 25 июля, создателям и распространителям ложных слухов» грозили «полевой суд и смертная казнь, как за измену»⁸⁴⁹. Персонажи сценария, офицеры «белой гвардии», понимая,

⁸⁴⁷ ОР РГБ. Ф. 673. К. 21. Ед. хр. 7. Л. 39.

⁸⁴⁸ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 264.

⁸⁴⁹ Сибирская речь. 1919. 27 июля. С. 2.

что бесчестный поступок Спасского недостойн русского генерала, предлагают ему застрелиться: «Бежать с ними [союзниками. – *Е.П.*], покрывая нас несмываемым позором, мы не дадим» (204). В очерке Иванова ситуация решена в ироническом ключе: автор-повествователь, проводив Мартынова на вокзал, садится к столу и пишет следующее: «Предлагаю каждодневно извещать, что красные взяли Омск, Новониколаевск, Томск и т.д. Каждый день по одному городу. Желаящие пусть спасаются бегством. Отправить их всех во Владивосток и на особых плотках двинуть в море. Пусть собственными силами поучатся. Немедленно по проведению сей меры, результаты оздоровления будут налицо»⁸⁵⁰. Однако газета не печатает текст: то ли по причине того, что редактор носит ту же фамилию, то ли понимая, что желающих спастись бегством окажется слишком много.

Если следовать хронологии, то, видимо, тогда же, летом, был написан текст «Атаман Вершинин (Из Иртышских казачьих сказаний)». Композиционно «Атаман Вершинин» представляет собой, как и некоторые другие произведения Иванова 1916–1917 гг., например «Рао», «Золото», «Сны осени» и др., рассказ в рассказе. Повествование ведется, как это часто у Иванова сибирского периода, от первого лица. Романтически настроенный юноша, странник, слышит от своего собеседника, старого казака, историю об атаманах-разбойниках Селезне и Вершинине. В финале старик досказывает, что на том самом утесе «Вершинин бык», где атаман бросился в Иртыш, и его собственный сын, «сбитый с толку бергалами – ребятами молодыми и позарившийся на чужое добро», «покончил с собой, с тоски да с горя»⁸⁵¹. Рассказ идет неторопливо, широко используются диалектные слова и обороты речи, которые в тексте сразу же и разъясняются:

– Поезжайте сюда, гривой! – закричал рыбак. – Тут дорожка есть. Мы поехали гривой, т. е. самым гребнем хребта и действительно наткнулись на тропинку, которой осторожно спустились к берегу.

⁸⁵⁰ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 204.

⁸⁵¹ Там же. С. 270.

Рыбак стоял на корме, во весь рост, крепко упираясь шестом в речное дно и удерживая лодку, уткнувшуюся носом в прибрежные «гольцы», т. е. мелкие, отшлифованные течением камни, которыми покрыто все русло горной реки⁸⁵².

Рамочная часть текста достаточно объемна, в отличие от названных рассказов, напоминает путевые заметки или этнографический очерк и, возможно, имеет истоки в реальной биографии Иванова, много лет прошедшего в странствиях по Сибири. Выскажем предположение, что встреченный рассказчиком опытный рыбак, движения которого «обличали большую физическую силу», с уважением говорящий о хозяйстве и рассказывающий историю атамана Вершинина, послужил прообразом «рыбака больших поколений» (50), хозяйственного мужика Никиты Вершинина в повести «Бронепоезд 14-69». Описания сибирской природы, носящие в «Атамане Вершинине» подробный, достаточно традиционный характер, можно увидеть также в раннем варианте главы «Чужой земли» из повести «Бронепоезд 14-69», обнаруженной Минокиным в архиве Ф.В. Грошикова⁸⁵³. Сравним описание партизанского лагеря из этого текста:

...Крутые обнаженные скалы гранитов. В глубоких и узких падах темнели дубы, желтел орех и совсем по-осеннему прозрачно блестел листвою ясень.

Далеко, внизу, на узенькой, отсвечивающей почему-то плесенью тропе куча людей.

<...> Кругом сопки – горы, похожие на муравьиные кучи. На подолах их дикая яблонь, бархатное дерево, выше – береза, липа, а на вершинах – лиственница, сосна⁸⁵⁴.

Здесь представлен такой же, как в «Атамане Вершинине», принцип употребления диалектных слов – разъяснение их в самом тексте. В журнальном варианте повести и впоследствии в отдельных изданиях значения многочисленных диалектизмов даны в постраничных примечаниях.

Минокин писал, что «в ранней редакции картина партизанского лагеря была совершенно лишена динамики», и делал справедливый вывод: «В опубликованном варианте партизанская масса находится в движении»⁸⁵⁵. Это

⁸⁵² Там же. С. 266.

⁸⁵³ См. об этом: *Минокин М.В.* О раннем варианте повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». С. 153–157.

⁸⁵⁴ Цит. по: *Минокин М.В.* О раннем варианте повести Иванова «Бронепоезд 14-69». С. 154–155.

⁸⁵⁵ Там же. С. 155.

изменение повествовательной манеры Иванова становится еще более очевидным при сравнении рассказа «Атаман Вершинин» с повестью «Бронепоезд 14-69». Прежде всего изменятся ритм и интонация повествования: из эпически спокойной, воскрешающей старинное предание, она станет взвихренной, стремительной:

Мужик с перевязанной головой бешено выгнал обратно из переулка свою игренюю лошадь.

Тело его влипло в плоскую лошадиную спину, лицо танцевало, тряслись кулаки и радостно орала глотка (52).

Эксперименты Иванова в прозе и его «стилистические нововведения» Вяч.Вс. Иванов связывал с увлечением писателя в начале 1920-х гг. «авангардом, особенно футуристическим»⁸⁵⁶, к которому он был близок в Омске, общаясь с художниками группы «Червонная тройка», в частности В. Уфимцевым, на долгое время ставшим его другом.

Заканчивается «Атаман Вершинин» пейзажной зарисовкой:

Туман клубился и поднимался все выше и выше. Мы были еще на вершине горы, но ни острова, ни Иртыша, ни утеса атамана Вершинина уже не было видно. Все потонуло в молочно-белой мгле утреннего тумана⁸⁵⁷.

Смутное ощущение остается по прочтении у читателя. С одной стороны, автор-повествователь, подобно героям молодого Горького, восхищается гордой фигурой Вершинина, его мятежной душой, его стремлением к воле. Однако рыбак-рассказчик иначе трактует «вольное житье», вспоминая своего погибшего сына: «Захотелось ему тоже вольное житье испытать, да не те ноне времена. Не чаял я греха, чтобы мой сын на такое дело пошел. <...> Упокой Господь его душу грешную»⁸⁵⁸.

Символический образ тумана, в котором теряется истинная дорога, появляется и в повести «Бронепоезд 14-69» 1921 г. в словах Вершинина:

⁸⁵⁶ Иванов Вяч. Вс. Всеволод Иванов – неведомый, полузабытый и известный // Неизвестный Всеволод Иванов. С. 717.

⁸⁵⁷ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 270.

⁸⁵⁸ Там же. С. 270.

– Беспорядку много. Народу сколько тратится, а все в туман... У меня, Сенька, душа пищит, как котенка на морозе бросили... да-а... Мост вот взорвем, строить придется. <...> Ну вас к черту!.. Никто не знат, не понимает... Разбудили, побежали, а далее что?.. (63).

В пьесе реплика Вершинина немного отредактирована, но смысл ее сохранен:

– Шуму много, сколько народу тратится – и все в туман. У меня, Знобов, душа пищит. Как котенка на мороз бросили. Не понимает. Мост вот взорвали, новый строить придется, пошто так? С родителями вот своими я не простился (127).

Образ тумана переходит и в сценарий и вроде бы разъясняется в заключительной реплике Пеклеванова, но читателю по-прежнему есть о чем задуматься:

– Помните, Никита Егорыч, – шепчет Пеклеванов, закрыв глаза, – помните, мыплыли в тумане... и казалось, плохо видели, что впереди. А теперь? Глаза у меня закрываются, я вроде засыпаю от слабости, – и все-таки вижу восход солнца... восход, светозарный восход...(205).

Генетическое досье «Бронепоезда 14-69» также составят написанные Ивановым статьи из газеты «Вперед», поднимающие, помимо проблем, связанных с революцией, и другие политические вопросы, которые найдут отражение в повести, пьесе и сценарии.

Статья «Земское совещание» отражает надежды сибирской демократической интеллигенции на возможность какой-либо формы народного представительства во время диктатуры Верховного правителя. После длительного периода весны – лета 1919 г., когда центристские силы, поддерживавшие А.В. Колчака, ратовали за привлечение к власти представителей из народа и созыв государственного органа, который решил бы этот вопрос, центральные газеты омской столицы печатают Грамоту Верховного Правителя от 16 сентября, посвященную вопросу Земского совещания. Статья Иванова, опубликованная через несколько дней после этого, включает необходимую для военной газеты политическую риторику («...общество принимает в свои руки тяжелую секиру, которой вырубится

новая Россия и которой будет разможена голова большевизму»), и, думается, отражает надежды редактора газеты Янчевецкого и самого автора на возможную демократизацию диктатуры Колчака, неизбежной в условиях Гражданской войны. В статье высказано пожелание «мыслящей части общества», что созывом Земского Совещания будет решена «задача превратить интересы минуты, интересы личности в интересы государства», и тогда «широкая народная масса вздохнет свободно». Земское совещание, по словам автора статьи, «служит порукой» тому, что «русская армия борется не старый режим, а за Учредительное собрание»⁸⁵⁹.

Персонажи «Бронепоезда 14-69», русские интеллигенты, как известно, ни на какую демократическую власть уже не надеются, но речь об Учредительном собрании и двойственном отношении к нему заходит не раз:

Надежда Львовна. А все-таки можно обосноваться. Эсеры, говорят, Учредительное открыли. (*Тихо Семену Семенычу.*) Сашеньке не нравится, когда об Учредительном говорят... (101).

Статья «Узы дружбы» посвящена вопросам взаимоотношений России и союзных держав: Англии, Франции, Америки – в период Гражданской войны. Эти дружеские отношения, пишет Иванов, сложились «на полях Галиции и Польши в течение нескольких лет германской войны», еще сильнее скрепили их «коммунистические фокусы, разыгранные под германскую музыку». В статье, где представлена популярная в 1917–1919 гг. точка зрения, в соответствии с которой Ленин и Троцкий – германские шпионы, а октябрьская революция совершена на немецкие деньги, «большевистско-немецкие армии», воюющие во имя «материальных завоевательных интересов Германии», противопоставлены России и союзникам, защищающим «интересы закона, права и свободы»⁸⁶⁰. В целом дух статьи Вс.В. Иванова соответствовал первоначальному отношению русской интеллигенции к союзникам, о которых позднее вспоминал Вс.Ник. Иванов:

⁸⁵⁹ Вперед. 1919. 21 сент. С. 1. Подпись: *Вс. Тараканов.*

⁸⁶⁰ Там же. 26 сент. С. 1. Подпись: *Вс. Тараканов.*

...все тогда, особенно мы, прапорщики первой мировой войны, очень долго и очень крепко держались за лозунг: «Верность союзникам!» Нам <...> все «европейское» казалось сияющее светлым, необычайно честным и непоколебимым в деле отстаивания культурных принципов. <...> И вот в Омске мы вдруг увидели европейцев во всей их волчьей натуре. <...> Нам становилось смешно, досадно на самих себя за то, что мы думали, что эти «союзнички» будут нас почему-то спасать, помогать нам... <...> ...мы, белые офицеры, политики, культурные работники, деловые люди, верили в Европу, в европейцев тогда так, что просто счастье, что правящие группы европейских государств того времени не воспользовались этим нашим увлечением. <...> ...они взяли бы <...> всю нашу страну голыми руками. ...⁸⁶¹

Летом и осенью 1919 г., с горечью комментирует Вс.Н. Иванов, «развертывался исторический урок колоссальной впечатляющей силы»⁸⁶².

16 октября 1919 г. Иванов печатает на эту же тему под псевдонимом «Иван Лыков» памфлет «“Ходи” и “капитана”», заглавие которому дали слова одного китайца, прочитанные автором в газете: «– Раньше мы были – ходи, а вы – капитана. Теперь вы – ходи, мы – капитана». Об униженном положении России, ее позоре с горечью писала газета «Вперед»: «Русский народ самый многочисленный из всех славянских народов», – так начиналась статья с показательным заглавием «Наш позор», автор которой вспоминал о некогда «могучем государстве», «сохранившем свою независимость» от разного рода захватчиков, и сравнивал прошлое с настоящим: «Теперь не то. Не стало великого государства, не стало мощного русского народа. <...> Мы дали возможность одурачить себя шайке проходимцев – предателей Родины, которые прельстили народ сладкими речами о всеобщем братстве и достатке, а теперь режут русский народ и набивают свои карманы русским добром. <...> Мы все забыли: и наше великое славное прошлое, и тяжкий кровавый труд предков. Мы, как нищие, стоим и протягиваем теперь руки за подаванием ко всем народам: “Спасите нас! Придите к нам! Устройте нас!” – взываем мы... Стыд и позор»⁸⁶³.

⁸⁶¹ Иванов Вс.Н. Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 26.

⁸⁶² Там же.

⁸⁶³ Вперед. 1919. 16 окт. С. 1.

В памфлете Иванова раскрываются мотивы поведения союзников и трудности положения России, ставшей чем-то «вроде международной плевательницы»: «Прекрасная дама из Версаля» ухмыляется: «Ага, Россия! Да, была такая, но теперь в бегах и роптать <на> плевки Вильгельма и прочих [фрагмент утрачен. – *Е.П.*] не имеет права». Стране приходится в одиночку вести борьбу с двумя внешними противниками: большевиками, имеющими поддержку вненациональных сил и с криком «Да здравствует Интернационал!» «вспарывающими животы нашим солдатам и крестьянам», и союзниками, вопреки декларациям о дружбе, защищающими свои материальные интересы. Автор статьи утверждает необходимость консолидации национальных сил России, а в завершение обращается к «почтенным капитана, так любящим доллары и так не любящим бедных приятелей»: «Скоро придет наша очередь стать капитана, а может быть, и генерала. Поэтому приготовьтесь встретить Россию, которой не к лицу и не в привычку быть “ходей”! Мы поняли, что нужно не только доброе честное сердце, но и крепкие руки, способные отвоевать свое место на земле»⁸⁶⁴.

В повести, пьесе и сценарии «Бронепоезд 14-69» важная для периода Гражданской войны и для Иванова тема союзников Российского правительства раскрывается по-разному. Повесть представляла союзников скорее иронически. В начале текста, например, Незеласов читал телеграфное сообщение из Читы, где сообщалось, что «разыскивают няньку генерала Нокса»: «Награду обещали. Дипломатическая нянька, черт подери, и вдруг какой-нибудь партизан изнасилует» (46). Однако с течением времени авторская ирония уходит из текста, и, напротив, усиливается драматизм повествования. В тексте повести был лишь намечен сюжетный поворот, связанный с предательским поведением поручика Танака Муцци по отношению к капитану Незеласову, в пьесе он получает свое развитие. В сценарии «Бронепоезд 14-69» линия союзников трансформируется: Иванов убирает мотив предательского поведения японского и американского

⁸⁶⁴ Там же.

командования; неприятие поведения союзников проведено иными художественными средствами, но столь же последовательно.

В опубликованных в газете «Сибирский казак» «очерках фронта» «У черты», охватывающих период с середины сентября до начала ноября и также входящих в генетическое досье «Бронепоезда», описана заключительная, перед обороной столицы Верховного Правителя, военная операция, в советской историографии названная «Петропавловской», или «тобольской кадрилию». Весеннее наступление колчаковских армий в марте – апреле 1919 г., вселившее надежды на успех «белого дела» в целом, сменилось контрнаступлением красных: в начале августа войска Восточного советского фронта вступили в пределы Западной Сибири. 28 августа в «Правде» было опубликовано обращение В.И. Ленина «Письмо рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком». Период с 1 по 30 сентября – это последнее контрнаступление белых на Восточном фронте (3-й армии под командованием генерала К.В. Сахарова), после которого удача им изменила. «Войска Восточного советского фронта, в ходе упорных сентябрьских и октябрьских боев разгромив колчаковцев в междуречье Ишима и Тобола, перешли в наступление и 22 октября повторно взяли Тобольск, 1 ноября – Петропавловск и 4 ноября – Ишим. Двухмесячная “тобольская кадрили” закончилась в пользу красных. <...> К концу октября 1919 г. в Омске стало известно о разгроме армий Деникина под Орлом и Кромами. Рухнула надежда на успехи Вооруженных сил Юга России и их победу, а ведь во многом именно на этой надежде строились <...> дальнейшие перспективы Колчакии»,⁸⁶⁵ – так комментирует А.А. Штырбул ситуацию на фронте в то время, когда там находится будущий автор «Бронепоезда 14-69». 14 ноября Красная армия заняла Омск. Спустя несколько дней в одном из первых номеров «Известий Омского революционного комитета» командующий 5-й советской армией М.Н. Тухачевский писал: «В январе этого года, при ближайшей помощи Антанты, Колчак громадными силами обрушился на

⁸⁶⁵ Штырбул А.А. Дожить до сентября: судьба поэта Юрия Сопова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015. С. 220–221.

Красные Армии и оттеснил их почти до берегов Волги. Контрреволюция уже провозглашала себя победительницей, но дружное наступление войск Советской России нанесло решительное поражение Колчаку, не рассчитавшему вопросов тыла и истощившему на них свою армию. <...> После этого поражения армия Колчака, неотступно преследуемая нашими войсками, не могла оправиться. Напрасны были ее усилия на р. Белой, Каме, на подступах к Златоусту и Челябинску. Только между Курганом и Петропавловском и на подступах к Ишиму белая гвардия, получив подкрепления, временно принудила Красную Армию к отступлению. Но последняя, отойдя частью за р. Тобол, очень быстро оправилась, пополнилась сибиряками и наголову разбила временно торжествующего врага. Левый фланг его был обойден, его главные силы были отрезаны от пути отступления на Петропавловск и самый город был захвачен нашими доблестными войсками»⁸⁶⁶.

Иванов, хотя и упоминает в очерках Златоуст, Челябинск, Петропавловск, Ишим, дает свою, скорее художественную, чем публицистическую, версию событий на фронте. В отличие от военных и историков, его, как писателя, интересует не столько продвижение армий, сколько состояние и настроение людей.

Как это свойственно периоду военных действий, периодическая печать и красных, и белых, осенью 1919 г. освещая Петропавловскую операцию, допускала и неточности, и преувеличения, и откровенную ложь. Так, в середине сентября, когда Красная Армия находилась еще далеко от Петропавловска, газета «Беднота» – издание ЦК РКП (б), широко распространявшееся на территории Сибири, – сообщала: «Конец Колчака близок. <...> В районе Петропавловска Советскими войсками разбиты два полка колчаковцев, захвачено 7 орудий и масса пленных, число коих выясняется»⁸⁶⁷. Показательны заголовки статей и репортажей «Бедноты» и

⁸⁶⁶ Тухачевский М. Разгром // Известия Омского революционного комитета. Омск, 1919. № 2. 19 нояб. С. 1.

⁸⁶⁷ Беднота. 1919. 12 сент. С. 1.

«Правды»: «Колчак распродает Сибирь» (Беднота. 7 сент.); «Восстал весь тыл Колчака» (Там же. 11 сент.) и т. п. Столь же яркие заголовки имели публикации, отражающие «зверства казаков» (Правда. 10 окт.): «Деникинцы сжигают пленных» (Беднота. 11 сент.), «Неслыханная жестокость» (Там же. 16 сент.) и т.п. Сибирские газеты в этом отношении отличались немногим: «Мы все прекрасно знаем, что дни большевиков сочтены, это вопрос только во времени» (Русская армия. 24 окт.; это печатается после того, как 14–19 октября произошло поражение белых в Тобольском сражении и их отступление); «Кровавым ужасом веет от тех зверств, которые натворили большевики» (18 сент.). В этом смысле очерк Иванова о страшной расправе китайцев над казаком (27 сент.) был написан в общем русле текущей периодики. Можно отметить, однако, что народная газета «Сибирский казак», где печатались публикуемые очерки Иванова, несколько отличалась от правительственных газет. Например, после упомянутых «зверств большевиков» неизвестный корреспондент сообщал: «Участвовали и крестьяне» – и задавался вопросом: «Как они, православные, могли это сделать?»⁸⁶⁸. Как подтверждают опубликованные документы и воспоминания участников Гражданской войны, в отношении проявлений жестокости газеты обеих сторон вряд ли сильно преувеличивали. В повести «Возвращение Будды» (1922), во многом написанной Ивановым под впечатлением от увиденного на фронте, он не противопоставит белых и красных: «Генералы будут вешать, расстреливать, грабить коммунистов? Коммунисты будут восставать и расстреливать генералов, и колокола будут звонить все меньше и меньше, буфера вагонов занесет снег...»⁸⁶⁹.

Однако в очерках 1919 г., а впоследствии в прозе, написанной под впечатлением от увиденного, внимание Иванова приковывали отнюдь не «генералы», то есть не военные руководители. Только в первом очерке (от

⁸⁶⁸ Сибирский казак. 1919. 18 сент. С. 2.

⁸⁶⁹ Иванов Вс. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. С. 566.

13 сентября) названы «красные диктаторы Ленин и Троцкий»⁸⁷⁰, а в очерке от 23 сентября – философствующий о Ленине капитан. Показательно, что в текстах нет упоминаний ни о Верховном Правителе Колчаке, ни об известных казачьих атаманах (П.П. Иванове-Ринове, Б.А. Анненкове, И.Н. Красильникове и др.). Никакого отражения в очерках фронта не находят «притязания» сибирского (восточного) казачества «на особую роль в государственном управлении», столь мешавшие, по мнению генерала А.И. Деникина, как и требования южного казачества, необходимому объединению сил⁸⁷¹. Имя Деникина звучит в разговорах дважды: первый раз с надеждой, второй – с тоской о произошедшей победе (23 сент.). Персонажами очерков Иванова становятся труженики войны: казаки (главным образом, в первых очерках), «солдатики», крестьяне (коннице Сибирского казачьего войска помогала пехота, состоявшая из крестьян-добровольцев⁸⁷²); беженцы – русские и татары, раненые, учитель, священник, торгующие бабы. Больше всего внимания автор уделяет солдатам, что понятно, однако описания их отличаются от сибирской периодики того времени. Сравним: «Известный журналист Ауслендер с района военных действий сообщает: спокойно, твердо и бодро армия творит великое дело победы. <...> Труднейшее испытание отступления не подорвало ни физических сил, ни духа армии»⁸⁷³. И у Иванова: «Петропавловск. <...> ...нет хлеба. Плохой, недопеченный – торговцы продают по 2 ф. в руки <...>. Но и того нет. <...> ...шинели, гимнастерки, все поношенное, вытертое; на одежде и лицах – следы военной страды» (23 сент.). Еще более не похожи описания «красных товарищей». Типичными являлись очерки и заметки, подобные сообщению из села Аксениха Каменского уезда под заглавием «Кровавая драма: «В полдень появились “товарищи”, убит священник о.

⁸⁷⁰ Очерки фронта «У черты» републикованы в издании: Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 270–285. Далее цитируются в диссертации с указанием даты публикации в газете «Сибирский казак».

⁸⁷¹ Деникин А.И. Вооруженные силы Юга России. М.: Изд-во «Вече», 2013. С. 123.

⁸⁷² См.: Ключ сибирских казаков к сибирским крестьянам // Сибирский казак. 1919. 8 окт. С. 1.

⁸⁷³ Сибирский казак. 1919. 17 сент. С. 2.

Тетерин, над шестью его воспитанницами учинено насилие»⁸⁷⁴. В очерках «У черты» встречаются и похожие «товарищи», рвущиеся «в Сибирь за хлебом» (7 окт.), но есть и другие, «оборванные, грязные», вызывающие у белых солдат жалость (30 сент.).

В стремлении правдиво передать настроения казаков, крестьян и беженцев, Иванов старается услышать именно их голос, и это видно из сравнения первого очерка с последующими. В первом молодой корреспондент, глядя на кажущихся ему «беззаботных» людей, утверждает: «Если бы думали они о семье, об доме, хозяйстве, разве бы с легким сердцем и так охотно, как сейчас, пошли они против красных» – и заканчивает очерк на торжественной, приподнятой ноте: «Осень нынешнего года – это Весна Новой, Свободной России» (13 сент.). В очерке, опубликованном после недели пребывания автора на фронте, пожилой казак скажет о своих мечтах по-другому: « – У нас <...> степи-то, батенька мой – ух! Глядишь – и Бог знает почто – самого себя жалко становится. Такой ты, дескать, человек грешный и дикий и такая тебе благодать дарена Создателем. <...> Урождает земля, скажу тебе, никто и роптать не мыслит. Чисто манна небесная. <...> Вспомнишь – эх!.. када, думаешь, придет такое время, что работать без беспокойств можно? Без этой большевизии, которая на нашу землю прет. Захватить хочет, а мы – дудки, матушка, не получишь» (21 сент.).

О настоящем и будущем пореволюционной России не без риторики говорят капитан (23 сент.), молодой поэт Ч. (5 нояб.), но записанные корреспондентом слова простого солдата и проще, и – сложнее: «Я, говорю, товарищи, – в Сибири хлеба, верно, сколько хошь и никому не откажут – и крови лить не надо. Бросай винтовки и иди – али мы брата свою бить будем. Бери хлеба, ешь, а только коммунизму нам не надо...» (4 ноября). Автор как будто учится у своих героев подлинному, непартийному пониманию революции и Гражданской войны. Не случайно вслед за чьими-то словами о «манифестации ненависти к большевизму» следует замечание Иванова: «Да,

⁸⁷⁴ Там же. 2 ноября. С. 2.

манифестация. Вместо флагов – лохмотья, вместо музыки – слезы. Из теплушек вынимают больных и за неимением места спускают их на землю» (4 ноября).

В наибольшей степени увиденное и понятое Ивановым «у черты» воплотится в повести «Бронепоезд 14-69». На первый взгляд кажется парадоксальным, что Иванов использовал «белый» личный опыт для создания произведения о «красных» партизанах. Однако писатель нигде не «перекрашивал» белых в красных, как обвинял его в своих письмах-доносах 1920-х гг. Сорокин: «...все впечатления от бронепоезда получены в поезде газеты “Вперед”, субсидируемой французской миссией...»⁸⁷⁵; «Иванов не может забыть шоколада и вина за свои писания и мечтает о белогвардейцах, пишет повести “Фарфоровая избушка” и другие, из которых после перекрашивания получились “Партизаны” и “Бронепоезд”»⁸⁷⁶ и т.п. Отдельные зарисовки, портреты солдат и офицеров и их высказывания из «очерков фронта» действительно были использованы Ивановым при работе над «белыми» персонажами повести «Бронепоезд 14-69». Но не только это. При сопоставлении текстов нельзя не обратить внимания, что и символика, и мотивы, и характеры крестьян, и вся атмосфера Гражданской войны в «Бронепоезде» во многом также восходят к публицистическим опытам Иванова 1919 г., которые в процессе трансформации документальной прозы в художественную, естественно, претерпели существенные изменения.

«Очерки фронта» сгруппированы вокруг железной дороги: по ней идет поезд, где находится автор-повествователь. Железная дорога – символический центр повести «Бронепоезд 14-69»: по ней движется белый бронепоезд, на остановках около него теснятся беженцы, вокруг – в полях и лесах – скрываются партизаны, атамановцы, чехи, японцы. Описание железной дороги похоже в художественном и публицистических текстах и устойчиво связано со смертью. В «Бронепоезде»: «За камнем, <...> за

⁸⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 1785. Оп. 2. Ед. хр. 101. Л. 17.

⁸⁷⁶ ИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Ед. хр. 368. Л. 4.

кустарником – желтая насыпь железной дороги, похожая на одну бесконечную могилу без крестов» (73); герои «...смотрят на насыпь, похожую на могильный холм» (80). В очерках: «У полотна, в трех саженьях, в тощем березнячке новые сосновые крестики. – Наши могилы. А вон красные. <...> Не видите, вон две березки переплетены на холмике», – говорит солдат. «Креста нет», – комментирует повествователь. «...видны следы боев. Окопы, могилы, растормошенные стога сена» (4 нояб.). Усатый капитан, описанный в одном из очерков, говорит: «...умирать едем» (23 сент.), об этом же думает автор-повествователь: «...неужели, думаю, сюда едут люди со всей Сибири умирать» (30 сент.). В повести «Бронепоезд 14-69» о мужиках-партизанах Иванов напишет: «Их было много, много... И всем почему-то нужно было умирать и лежать вблизи бронепоезда...» (88).

Время действия в очерках четко обозначено. Это реальная осень – сентябрь–ноябрь 1919 г. «Осень» – озаглавлен первый из опубликованных в газете текстов. Прилагательное «осенний» присутствует в описаниях, например: «Пахло с логов запахом осенней земли – густо и бодро» (21 сент.). Казалось бы, в повести другое указание на время года: отчет Незеласова о том, что партизанские шайки рассеяны, датирован июлем 1919 г. Однако в самом тексте устойчиво проходит осень: в пейзажных зарисовках: «Между выкрашенных под золото и красную медь осенних деревьев натянулось грязное, пахнущее землей, полотно из мужицких тел» (74); в предсмертных мыслях капитана: «Осина... Осень...» (89); в лирических отступлениях: «Пахнет земля – из-за стали слышно, хоть и двери настезь, душа настезь. Пахнет она травами осенними, тонко, радостно и благословляюще» (93).

Характерные для прозы Иванова начала 1920-х гг. лирические отступления, в которых использовано местоимение «я», вводят в повесть мотивы, звучащие в очерках. Повесть: «Люди тоже идут. Может быть, туда же, может быть, еще дальше... Им надо идти дальше, на то они и люди... – Я говорю, я. Зверем мы рождаемся ночью, зверем! Знаю и радуюсь... Верю...» (93). Описание обоза беженцев включает те же образы: люди, напоминающие

зверей, радость, рождающаяся в страданиях. «Беженцы – крестьяне. Запыленные, в армяках и самодельных громадных сапогах. Все старики. – Откуда? – спрашиваю. <...> Эти беженцы напоминают удивительных зверей, которых гонит из лесу все уничтожающий пожар. Такие же тела, пахнувшие землей, и такие странно дикие взгляды на незнакомых. И даже от манеры держать чуть вниз голову – веет чем-то древним и радостно-дорогим» (4 окт.). Мужики-партизаны в повести тоже «пахнут скотом и травами» (62).

Общая атмосфера и очерков «У черты», и повести «Бронепоезд 14-69» – необычное сочетание тоски и радости. Тоской больны не только капитан Незеласов и беженцы, она в природе – «в жарких, наполненных тоской, запахах земли и деревьев» (49); о ней поет Васька Окорок: «Я рассею грусть-тоску по зеленому лужку. / Уродись, моя тоска, мелкой травкой-муравой» (56); партизанский вожак Вершинин чувствует «ослабление тела», говорит «тоскливо и не надеясь на ответ» (63). Очерки, как и положено корреспонденциям с фронта, которые должны вселять веру в победу читателям военной газеты, полны побасенок, шуток, однако и они насыщены горечью и тоской, звучащей и в настроениях казаков: «Солдат плюется и с тоской глядит на землю» (30 сент.), – и в размышлениях автора: «Опять беженцы. Угнетают душу невыносимо эти громадные, на версты, обозы» (7 окт.). А рядом с тоской и в очерках, и в повести – «шутки, хохот. Опасного положение словно не было» (19 сент.); «вдруг мужики густо, как пшено из мешка, высыпали хохот» (53).

Многие персонажи очерков перейдут в повесть «Бронепоезд 14-69». Так, образ прапорщика Обаба своими чертами восходит к реальному казаку – персонажу очерка от 7 октября. Корреспондент разговаривает с ним на пороге теплушки. «Пожилой, лет сорок, солдат» из Томской губернии Барнаульского уезда, попал в колчаковскую армию не добровольцем – мобилизован. В повести Обаб, хотя и назван добровольцем, но нигде не высказывает своей преданности Верховному Правителю. Со «вздохом медленным, крестьянским» он произносит: «У нас сейчас – в

Барнаульском... уезде – уборка. Рука по вожже зудится... <...> Не моя обязанность думать... я что... лента... обойма...» (43– 44). На коленях у солдата из очерка – котенок, «серенький, востроглазый», наученный подниматься на лапках. В повести серый котенок заменен на серого щенка – «меленький сверточек слабого тела». «Зачем вам? – спрашивает Незеласов. Обаб как-то не по-своему ухмыльнулся: – Живость. В деревне у нас скотина. Я уезда Барнаульского» (67).

Еще один персонаж, общий для очерков и повести, это старая женщина, жалеющая раненых мужиков. В «Бронепоезде» появляется «рябая, маленькая старуха с ковшом святой воды», которая ходит по опушке и «с уголька обрызгивает идущих» (84). В очерках дано увиденное Ивановым в реальной жизни, которое, возможно, и послужило основой для художественного текста: «Больные стонут. Какая-то старушка в дубленом полушубке подходит и стоит, крестя одного из беженцев. – Знакомый? – спрашиваю я. Старушка всматривается в подол фартука и отвечает: – Быдто бы знакомый, да кто знат – они, больны-то, все на одно лико» (7 окт.).

Внутренне близки персонажи очерков и «Бронепоезда» и своими речевыми оборотами, и отдельными словами («халепы», «парнята» и др.), и темами разговора, подчас неожиданными. Например, в очерках предметом разговора вдруг становится арбуз: «И думал я во все время этой перепалки о том, что хорошо бы поесть сейчас арбузов» (30 сент.), – который попадет и в повесть: «У нас в Семипалатинской губернии, брат китаеза, арбуз совсем особенный» (68), – говорит солдатик в голубых обмотках, наблюдающий за происходящим. Он же в другом разговоре произносит: «Дыня на Иртыше плохо родится... больше подсолнух или арбуз» (91).

То, о чем в очерках говорится прямо: и красные, и белые солдаты – это мужики, бывает, что из одной и той же деревни, оторванные от земли и в равной степени не желающие воевать, в повести «Бронепоезд 14-69» и в других произведениях Иванова 1920-х гг. (например, рассказе «Анрейша», повести «Гибель Железной», где по покосам будут тосковать «бандиты»),

подчеркнуто писателем описанием одной мечты, которой будут томиться все воюющие крестьяне. Это стремление вернуться домой, на землю. «– У меня в Сызрани-то земля, – скажет старик, персонаж «Бронепоезда». – А вот поди же ты – бросил. – Жалко? – Известно жалко. А бросил, придется обратно... Обратно идти далеко... очень...» (45). В очерках есть похожие слова солдата: «Устаешь только, а радости мало. Ведь это потом опять надо проходить. Вспомнишь, что такую даль идти – такая злость возьмет, на себя» (30 сент.). Он же дает оценку идущей Гражданской войне: «Гнилой мы народ, хилый. Разве так воевать можно. Наши к красным бегут, а красные к нам» (там же). Старик из Давьей деревни в повести практически повторит мысль персонажа очерков: «И то смотрю – тошнота с народом. Никогда такой никудышной войны не было. Сё царь скликал, а теперь, – на, чемёр тебя дери, сами промеж себя дерутся» (51).

И, возможно, главное, что понимает «у черты» молодой писатель, – это не находящие ответов сомнения мужиков-солдат в правильности того пути, по которому ведут страну различные партии и правительства. В очерках много сказано о неприятии «большевизии», но нигде нет и веры в «белое дело». Есть тоска, непонимание: «...бунтует народ. Окно ищет. <...> Темень одолела» (7 окт.). Это знание Иванов перенесет в свою, казалось бы, самую революционную повесть – «Бронепоезд 14-69». Рабочий Знобов в одном из наиболее известных эпизодов «упропагандирования» партизанами американского солдата будет говорить о Ленине, пролетариате и утверждать: «Империализм с буржуями – к чертям» (51). Но в словах крестьянского вожака Вершинина, который в споре со Знобовым жалеет, что «люди мрут», нет никакой уверенности: «Ну вас к черту!.. Никто не знат, не понимает... Разбудили, побежали, а далее что?.. <...> Кабы настоящие ключи были. А вдруг, паре, не теми ключьми двери-то открыть надо» (64). Вполне понятно, что в повести, предназначенной для издания в Советской России в начале 1920-х гг., эти сомнения были приглушены автором за счет введения образов рабочих и членов ревкома, во главе с председателем Пеклевановым. Однако

Иванов не откажется от важной для него мысли, но передаст ее персонажу, вызвавшему понятное противодействие критики, – «тщедушному солдатику в шинели, <...> голубых обмотках и английских ботсах» (44). Истоки образа «солдатика» также находим в очерках 1919 г.

Роль автора-рассказчика в разных очерках не одинакова. В первом очерке, жанр которого можно определить как «военный», «батальный», рассказчик, как и дядя его, и сводный брат, выступает в поход против «красных» (13 сент.). Кажется, что и он несется «обвалом злобы» вместе со знакомыми казаками. В очерке «Болтушка» автор также как будто находится среди казаков, переловивших красных, «как щенят» (19 сент.). Однако уже начиная с третьего очерка и до конца публикации автор выступает только как наблюдатель и слушатель, сам не участвующий в боевых действиях, а передающий рассказываемые ему истории об атаке на красный бронепоезд (21 сент.), о встрече двух солдат, белого и красного, из одной деревни (23 сент.), о жуткой расправе китайцев из интернациональных частей над пленным казаком (27 сент.) и другие. Практически везде автор только просит солдат или офицеров рассказать ему подробнее о том или ином событии, иногда задает вопросы, лишь изредка встречаются его реплики, передающие отношение к происходящему, например сомнения в победе («...слодим мы их к октябрю. – Я высказываю сомнение» – 30 сент.). Чувства его чаще всего двойственны. Так, от встречи с беженцами «веет чем-то древним и радостно-дорогим», но это чувство сразу сменяется другим. Садится солнце, «на серые лица беженцев ложатся красные пятна, и вскипевший котел бурлит алой, точно кровь, водой. “Россия – ты!” – мелькает мысль, и большой щипок хватает сердце» (4 окт.). Двойственное отношение повествователя передает и последний из опубликованных очерков, где описаны молодые офицеры сибирской армии, напоминающие «парней посмышленнее и храбрее» из солдат: «...с недоумением и почему-то жалостью, смотришь на эти в большинстве безбородые лица. Все они простые...» (5 нояб.).

«Очерки фронта», как и «Бронепоезд 14-69», демонстрируют размытость традиционной для военной документалистики оппозиции «свой / чужой». В очерках, открывающихся ярким противопоставлением «наших» и «красных», образы последних постепенно трансформируются. «...ранили, брат, ногу черт один рубанул. – Красный? – А то что? Да ведь наш, сызранский. Вот он» (23 сент.), – рассказывает автору «знакомый солдатик». «Оборванные, худые да сухие» красные при встрече на расстоянии десяти шагов вызывают жалость казаков: «Господи! Плюнули мы да и разъехались, так никого и не потрогав» (30 сент.). Автор замечает, что не все крестьяне настроены враждебно к красным: «Судя по с. Омутинскому, красные еще не смогли внушить здесь к себе ненависти населения. Говорят о них спокойно, и хотя не хвалят, но и не бранят» (4 нояб.). В повести, где оппозиция «свой / чужой» усилена: представлены партизаны, рабочие и ревком, с одной стороны, и команда белого бронепоезда, с другой, – неочевидность противопоставления подчеркивается другими художественными средствами.

Отметим еще моменты, демонстрирующие отличия повести от очерков. Критики 1920-х гг. на родине и за границей, хваля и порицая автора повести «Бронепоезд 14-69», сходились в одном: «...лучшие страницы Иванова – страницы о земле, от которой отрывает огонь восстаний. Вот эту-то тоску по земледельческой стихии Иванов звучнее всего передает» (Л.М. Клейнборт)⁸⁷⁷. Об этом же, но с осуждением писал В. Правдухин: «Мужик, земля и стихийная сила – вот где центр всех революционных событий, хочет нас уверить Иванов»⁸⁷⁸. Тема «власти земли» появляется у Иванова только в партизанских повестях, в очерках она отнюдь не ведущая и звучит лишь один раз: «Урождает земля, скажу тебе, никто и роптать не мыслит. Чисто манна небесная... <...> Эх!.. када, думаешь, придет такое время, что работать без беспокойств можно? Без этой большевизии... <...> На пакость землю жалко отдавать» (21 сент.). В «Бронепоезде» усиление

⁸⁷⁷ Всеволод Иванов. Критическая серия. Сб. С. 78–80.

⁸⁷⁸ Там же. С. 92.

звучания темы идет по нескольким направлениям. Кроме прямых авторских слов («Как спелые плоды от ветра, падали люди и целовали смертельным последним поцелуем землю. <...> ...мягко падало все тело и не ушибалось больше – земля жалела» – 86) и высказываний персонажей («А интернационал-то? <...> За таким мудреным словом никогда доброго не найдешь. Слово должно быть простое, скажем – пашня» – 65), отметим изменение художественной образности повести по сравнению с очерками.

Повесть «Бронепоезд 14-69», как и другие произведения Иванова начала 1920-х гг., насыщена образными средствами, что не раз отмечали критики. М. Слоним, характеризуя стиль раннего Иванова, писал: «Иванов больше всего любит яркость, все цветное и броское. Он хочет, чтоб и слово было таким же ударным и ослепительным, как и эта буйная жизнь, которую оно описывает. Он постоянно прибегает к ядреным, крепким сравнениям <...>. Его язык так же полнокровен, как и его герои. В нем дышит такое же изобилие, а порою и бьющий через край лирический восторг. <...> Его любимый прием – ослепить читателя красками, необыкновенным сюжетом, толчеей людей среди вещей. Порою даже в глазах рябило от этой живописной игры, соединенной с игрой словесной...»⁸⁷⁹. Не случайно, как уже было отмечено во второй главе, критики круга «серапионовых братьев» называли Иванова среди писателей-«орнаменталистов»⁸⁸⁰. Однако «очерки фронта», как и большая часть сибирских прозаических произведений раннего Иванова, в целом лишены этой орнаментальности. Сравнений, например, в очерках немного, они безыскусны и незамысловаты: «Озерко точно из синей бумазеи» (30 сент.); «Трава такая осенне-сочная, точно зеленый рипс» (4 окт.) и т.п., хотя сам автор указывает на близость ему именно этого тропа: «...вдруг тишину прорезал пулемет. <...> И мозг уже подыскивает сравнение. Но с чем можно сравнить машину, которая убивает людей» (30 сент.). Отметим, кстати, эту мысль и в повести: «Неустанно, несравнимо ни с

⁸⁷⁹ Слоним М. Портреты советских писателей. С. 66.

⁸⁸⁰ См., напр.: Шкловский В.Б. О теории прозы. С. 216.

чем, ни с кем – бил по кустарникам пулемет» (87). Повесть «Бронепоезд 14-69» изобилует яркими образными средствами, большая часть которых связана именно с землей, с крестьянским хозяйством: «народ-то, как урожай под дождем, гниет...» (52), «мужики густо, как просо из мешка, высыпали хохот» (53), «тело у меня, как земля, – неслухат человеческого говору» (60), «мужики, как на покосе, выстроились вдоль насыпи» (77), «патроны, как зерна» (94) и др. Эту особенность поэтики Иванова («ограниченность» сравнений «деревенским бытием») отметил Вяч. Полонский, выводя из нее «крестьянское, деревенское мироощущение нашего автора». «Земля является, собственно, главным героем его партизанских повестей, – резюмировал критик. – Из-за нее происходит борьба, она воодушевляет на борьбу»⁸⁸¹.

Сопоставляя сдержанную стилевую манеру ранних ивановских рассказов и очерков 1916–1919 гг. (кроме сибирских легенд и сказок) и орнаментализм его прозы начала 1920-х гг., мы выдвигали разные предположения о причинах изменения поэтики писателя (см. 2.4.). «Очерки фронта» дают возможность предложить еще одну. Живущие в Сибири крестьяне-переселенцы и казаки – персонажи очерков – в большинстве своем владели землей. Во многом поэтому для сибирского сознания борьба за землю, которую обещали крестьянам большевики, не была определяющей. Не случайно в очерках большевики лишь мешают вернуться на пашню, «работать без беспокойств» (21 сент.). Сибиряки готовы и хлебом делиться: «...в Сибири хлеба, верно, сколько хошь... <...> и крови лить не надо. Бросай винтовки и иди – али мы брата своо бить будем» (7 окт.). Однако в партизанских повестях, с которыми Иванов в Петрограде в 1921 г. вступает в большую русскую литературу, он стремится передать уже не региональное сознание, а чаяния мужиков всей России. Возможно, этим объясняется усиление в произведениях Иванова 1920-х гг. именно «земляных мотивов», давших возможность молодому писателю, в то время, как отмечал

⁸⁸¹ Полонский Вяч. Очерки современной литературы. О творчестве Всеволода Иванова // Новый мир. 1929. № 1. Цит. по: Папкова Е.А. Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных». С. 496, 501–502.

Полонский, «не имевшему конкурентов», «развернуть перед глазами читателя картины крестьянской революции», создать произведения, ставшие «образцовой крестьянской революционной прозой»⁸⁸².

Еще один очерк, «Из рабочих недр» (Советская Сибирь. 1921. 1 февр. Подпись: *В. Изюмов*), который также входит в генетическое досье «Бронепоезда», стал последним документальным произведением, написанным Ивановым в Сибири. На этот раз автор-повествователь передает свои впечатления от встречи с молодым рабочим Ванькой, с которым когда-то вместе служил в типографии, ныне – коммунистом. В этом тексте, как впоследствии во всех редакциях «Бронепоезда», революция представлена автором как «новая вера»:

Главное, вера! Как потеряет человек веру, крышка, пропал! Коли в себя не веруешь, так хоть в черта верь, а держись. А мы, Васька, веруем. И пусть мне теперь кишки по одной вытянут, а я, брат, пропал ни за што⁸⁸³.

За понимание революции как новой народной веры Иванову в 1922 г. досталось от критика П. Когана: «Иванов не знает и не хочет или не способен узнать, что этот уклад, что эти темные искания правды, что эти смутные представления о революции как о новой вере, <...> что все это будет рассеяно пролетариатом и его идеологией»⁸⁸⁴.

Назовем еще один символический образ, который перейдет из очерка в текст «Бронепоезда». «Есть такие дураки, которые обижаются: вот, мол, комиссары на автомобилях раскатывают да папиросы курят, – говорит Васька. – А, по-моему, плевать. Это ведь так – пришло, покипит – пена похлещет, да и в сторонку. А потом придут времена, что на автомобиле всякий катайся...»⁸⁸⁵.

В заключительной главе повести «Бронепоезд 14-69», названной «Пена», описана победа восстания в городе. Горячее, хмельное, ликующее

⁸⁸² Там же. С. 500.

⁸⁸³ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 288.

⁸⁸⁴ *Коган П.* Литературные заметки. О международной махновщине и Вс. Иванове // Красная газета. 1922. 7 окт. (Утр. вып.). С. 6.

⁸⁸⁵ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 288.

настроение охватывает всех. Председатель ревкома Пеклеванов, уже предвидя мировую революцию, «куда-то пытается прыгнуть и телом, и словами: – В Америке – со дня на день!» (92). Партизаны захватили огромный стальной бронепоезд – и теперь «вся линия знает, город знает, вся Россия... <...> Ага!» (93). По улицам идет манифестация, а на автомобиле впереди пастухов, рыбаков и крестьян, с «ровным, как у усталого стада шагом», едет Вершинин с женой: «Горело у жены под платьем сильное и большое тело, завернутое в яркие ткани. Кровянились потрескавшиеся губы и выпячивался, подымая платье, крепкий живот. Сидели они неподвижно, не оглядываясь по сторонам...» На шествие смотрит «чистый и гладкий» американский корреспондент. Вопреки общему радостному возбуждению, наблюдающий за всеми тщедушный солдатик испытывает странное чувство: «...И было ему непонятно стыдно не то за себя, не то за американца, не то за Россию, не то за Европу» (97). Финалу повести сложно дать однозначную трактовку. Слова Иванова о солдатике, который «устал и привык к манифестациям», парадоксально перекликаются с репликой капитана Незеласова: «Стекаем: гной из раны... на окраины... Мы! Все – и беженцы, и утонувшие в снегу правительства» (42) – в начале повести. На смену Временному правительству, первой Советской власти, Временному Сибирскому правительству, Всероссийскому Временному правительству (Директории), Российскому правительству адмирала Колчака, которые видели и персонажи повести, и ее автор, торжествуя, приходит еще одно. Какова будет его судьба? Станет ли оно истинно народным? Возможно, об этом заставляет задуматься финальная глава повести – «Пена».

3.4. Исторические и политические контексты повести, пьесы и сценария «Бронепоезд 14-69».

На протяжении практически всего XX века «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова трактовался исключительно как революционное произведение, а искаженные цензурной, редакторской, режиссерской

правкой тексты его представляли историю Гражданской войны в Сибири односторонне, только с точки зрения победившей, «красной», стороны.

Однако выявленные лишь в последние несколько лет факты сибирской биографии молодого Иванова 1917 – начала 1921 гг., нашедшие отражение в «Бронепоезде 14-69», разнородны и представляют его отнюдь не только как человека, безоговорочно стоявшего на стороне победившей революции. В течение нескольких лет в жизни начинающего писателя были «красный» и «белый» фронт, общение с мужиками-солдатами, казаками, интеллигенцией, представителями разных партий и политических направлений. Иванов не просто являлся свидетелем и участником Гражданской войны, он видел «правду» и заблуждения разных противостоящих друг другу сил и постарался передать их в «Бронепоезде 14-69».

В то же время «Бронепоезд 14-69» – это художественное произведение, хотя написанное на конкретном историческом материале, но включающее в себя, как любое литературное явление, творческий вымысел автора.

Вспоминая в «Истории моих книг» о работе над повестью «Бронепоезд 14-69», Иванов описывал момент своей биографии, послуживший творческим толчком для ее написания:

Однажды весной 1921 года я приехал на пригородную станцию, чтобы прочитать очередную лекцию о Льве Толстом команде бронепоезда. Не знаю, видел ли я прежде когда-либо бронепоезд. Во всяком случае эта громада, окрашенная в защитный цвет и стоявшая в тупике, поразила меня. <...> Когда лекция окончилась, командир завел речь <...> о том, как действовал на Украине бронепоезд во время гражданской войны. <...> Вспомнился номер сибирской дивизионной красноармейской газеты. <...> Здесь я впервые прочел о бронепоезде 14-69. <...> не помню, было ли в газете официальное сообщение о подвиге партизан, очерк или просто отчет о митинге – помню, было что-то короткое и вместе с тем потрясающе героическое! <...> Вдруг говорят: «Бронепоезд получил назначение на дальний Восток»⁸⁸⁶.

Из дальнейшего текста мемуаров следует, что все остальные события были придуманы автором:

⁸⁸⁶ *Иванов Вс.* История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 144.

Уход бронепоезда окрылил мою фантазию.

Ведь война с интервентами-белогвардейцами, оконченная в Западной Сибири, еще продолжалась на Дальнем Востоке. Вот туда-то и следует перенести действие!

Пусть оно задумано происходящим в Западной Сибири, где-то возле Красноярска, – не беда! Действие проиграет в точности, рождаемой личными наблюдениями, – я никогда не был на Дальнем Востоке, – зато выиграет, во-первых, в ширине и размахе: море, корабли интервентов, полный разгром белогвардейщины, во-вторых, в актуальности⁸⁸⁷.

Сейчас, когда в нашем распоряжении находятся материалы сибирских архивов и региональной периодики, прежде всего военная газета «Вперед», где сотрудничал в 1919 г. Иванов, очевидно, что, даже если эти факты соответствуют истине, не они стояли у истоков произведения. Можно с уверенностью утверждать, что в основе «Бронепоезда 14-69» лежит биографический опыт писателя. Находясь практически в эпицентре событий Гражданской войны в Сибири в период существования Российского правительства адмирала Колчака, Иванов отразил в своем «Бронепоезде» многие яркие события этого периода. Остановимся на некоторых исторических и политических контекстах повести, пьесы и сценария.

В центре внимания автора повести два события: первое, и главное, – захват партизанской армией Вершинина белого бронепоезда, второе – восстание в некоем городе. Исторические контексты этих событий сложнее, чем могут показаться на первый взгляд.

О количестве участников партизанской войны на дальнем Востоке современные историки приводят следующие данные: «В Приморской области образовалась партизанская армия Приморья (командующий – С. Лазо, состав – 5 тыс. бойцов); в Приамурье – партизанская армия (командующий Г.С. Дрогошевский, затем – И.Г. Безродный, состав – около 12 тыс.); партизанская армия Нижнего Амура (руководитель – Д.И. Бойко-Павлов, состав – более 20 отрядов); партизанская армия Восточного Забайкалья (командующий – П.И. Журавлев, состав – 13 полков);

⁸⁸⁷ Там же.

партизанская армия Западного Забайкалья (командующий – Е.К. Лебедев, численность – до 6 тыс. бойцов). На западе от Байкала действовали еще более мощные партизанские соединения: в Иркутской губернии – Восточно-Сибирская советская армия (командующий – Д.Е. Зверев, численность – около 16 тыс.); в Енисейской губернии – Южно-Енисейская армия (командующий – А.Д. Кравченко, помощник – П.Е. Щетинкин, состав – около 25 тыс.); Северо-Енисейская армия (руководитель – В.Г. Яковенко, состав – до 8 тыс. человек); в Томской губернии – 1-я Томская дивизия (начальник В.П. Шевелев-Лубков, состав – около 18 тыс.); на Алтае – Западно-Сибирская армия (командующий – Е.М. Мамонтов, численность – до 50 тыс.); 1-я Горно-Алтайская дивизия (начальник – И.Я. Третьяк, состав – около 18 тыс.); 1-я Чумышская дивизия (начальник – М.И. Ворожцов, состав – до 10 тыс. человек). В целом партизанские соединения в конце 1919 г. – начале 1920 г. насчитывали на Дальнем Востоке около 50 тыс.; в Сибири – до 140 тыс. бойцов»⁸⁸⁸.

«Факт штурма и захвата бронепоезда, ставший основой повести, не был единственным в Сибири, – комментирует А.А. Штырбул. – Известно несколько реальных случаев захвата партизанами (самостоятельно или при поддержке передовых частей Красной Армии) бронепоездов в Западной Сибири и примыкающих к ней местностях Восточной Сибири в декабре 1919 г.»⁸⁸⁹. Еще 28 ноября Реввоенсовет 5-й армии поставил перед партизанской армией Кравченко – Щетинкина задачу парализовать железнодорожное сообщение к востоку и западу от Красноярска. Выполняя эту директиву, партизанские полки двинулись к железнодорожной магистрали и вступили в бои с противником, в том числе и с его бронепоездами⁸⁹⁰. Юго-западнее, на железнодорожной линии между Новониколаевском и Барнаулом, где действовали партизаны соединений

⁸⁸⁸ Окрест Колчака: документы и материалы / сост. А.В. Кавкин. М.: Аграф, 2007. С. 18.

⁸⁸⁹ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 563.

⁸⁹⁰ *Стишов М.И.* Большевицкое подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. С. 325.

Е.М. Мамонтова и Г.Ф. Рогова, в начале декабря были захвачены два белогвардейских бронепоезда: «Степняк» и «Сокол»⁸⁹¹. 23 декабря под станцией Тайга, то есть недалеко от станции Ояш, где в это время находился Иванов, произошел бой партизан и подоспевших авангардных частей Красной Армии с белогвардейцами и интервентами (польскими легионерами). У белых здесь были значительные силы, в том числе более 20 орудий и два бронепоезда. В результате стремительной атаки партизан и красноармейцев белые были разбиты, а пушки и оба бронепоезда захвачены⁸⁹². И, в довершение всего, разгромив в конце декабря 1919 – начале января 1920 г. основные силы колчаковской армии под Красноярском, партизаны и красноармейцы, в числе прочих многочисленных трофеев, захватили еще четыре бронепоезда⁸⁹³. Эта сюжетная линия «Бронепоезда» полностью соответствует исторической правде.

Позволим себе усомниться лишь в том, что Иванов впервые увидел бронепоезд в 1921 г. в Петрограде на пригородной станции. Известно, что количество бронепоездов у белых в разные периоды войны различалось: примерно от 50 до 80. В 1919 г. в Сибири был сформирован бронепоезд «Адмирал Колчак». В 1919 г. сотрудники фронтовой газеты «Вперед», в том числе и Иванов, не раз видели бронепоезда, о чем свидетельствует его очерк «Уральцы»⁸⁹⁴, а также опубликованное в газете «Вперед» 4 июня 1919 г. стихотворение Б. Четверикова «Песни войны. Броневик», где как раз описывается бронепоезд: «Весь из железа, весь из стали, / Несущий смерть и разрушенье...»⁸⁹⁵

Отметим также одну неточность, рожденную временем публикации повести Иванова – 1922 год. В диалогах Незеласова и прапорщика Обаба, а также пассажиров белого бронепоезда часто встречается слово «партизаны»:

⁸⁹¹ *Спирин Л.М.* Разгром армии Колчака. М.: Госполитиздат, 1957. С. 258.

⁸⁹² Там же. С. 263–264.

⁸⁹³ Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС (1895–1980 гг.). Красноярск: Кн. изд-во, 1982. С. 216.

⁸⁹⁴ Сибирский казак. 1919. 21 сент. С. 2.

⁸⁹⁵ Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 626–627.

«Партизаны повесили» (43; о генерале Сахарове), «В коричневых теплушках зашевелились и зашептали: – Партизаны... партизаны...» (46). Реально в 1919 г. в сибирской периодике это слово никогда не применялось по отношению к красным. Напротив, партизанами назывались нерегулярные отряды, борющиеся с ними. См., напр., корреспонденции из Николаевского уезда Самарской обл.: «Деньги и одежда с убитых <...> давала возможность вместе с отобранным оружием не только формировать новые отряды, но и помогать живущим по чужим людям семьям партизанов»⁸⁹⁶; из Шадринского уезда: «На нашем фронте в тылу у красных начинают появляться партизанские отряды, нападающие на обозы противника»⁸⁹⁷. Отметим также, что «партизанской дивизией» именовалась армия атамана Б.В. Анненкова, созданная в 1918 г. Те, кто в «Бронепоезде 14-69» названы партизанами, в сибирской периодике именовались «большевистскими бандами», «красными бандами», разбойничьими бандами»: «В последнее время бродящие разбойничьи банды, подкупленные агитаторами и шпионами, в некоторых местах смущают крестьян нелепыми слухами о падении правительства, о взятии Омска и прочее. Пытаются насильем и угрозами вводить советскую власть, убивают священников, мировых судей, милицию и всех им не повинующихся, грабят и разоряя беззащитных и нарушая спокойную жизнь. <...> Большевистские вооруженные банды приказывают уничтожать беспощадно»⁸⁹⁸.

История восстания в городе, подготовка которого ведется в «Бронепоезде 14-69», представляется более сложной. В своих воспоминаниях Иванов рассказывал о восстании так: «Захват бронепоезда партизанами решал судьбу приморского города и порта, помогал восстанию рабочих, руководимых большевистской партией, восстанию, благодаря успеху которого свалилось белогвардейское правительство, а интервенты,

⁸⁹⁶ Андимиров В. Партизаны // Наша газета. 1919. 3 сент. С. 3.

⁸⁹⁷ Партизаны // Там же. 16 окт. С. 3. Б.п.

⁸⁹⁸ Командующий войсками генерал Малиновский. Приказ войскам Омского военного округа 24 сент. 1919 г. // Сибирский казак. 1919. 1 окт. С. 1.

поддерживающие это правительство, покинули пределы Советской страны!»⁸⁹⁹. В реальности названные писателем события происходили в разное время. Иностранные войска ушли из Советской России в октябре 1922 г. Какое именно правительство имел в виду Иванов, не совсем понятно: Российское правительство адмирала Колчака пало в январе 1920 г., а Временное Приамурское (меркуловское) правительство существовало до октября 1922 г.

Однако в повести и пьесе «Бронепоезд 14-69», написанных в 1920-е гг., названо иное время действия.

С первой публикации «Бронепоезда 14-69» в журнале «Красная новь» в тексте можно было заметить нарушение хронологии исторических событий, лежащих в его основе. В первых строках четко обозначалось историческое время повествования: отступление «остатков колчаковской армии» от Байкала могло проходить только после середины ноября 1919 г., когда Верховный Правитель России А.В. Колчак покинул Омск и началось отступление действительно «остатков» армии. Вместе с тем в тексте дано и другое указание на время. В подглавке XXIII главы шестой председатель ревкома Пеклеванов читает следующий текст: «По постановлению Совета народных Комиссаров Сибири восстание назначено на 12 часов дня 16 сентября 1919 года» (75). Реально в течение сентября 1919 г. происходит контрнаступление белых (как оказалось, последнее) на Восточном фронте, власть, армия и жители Третьей столицы полны мечтами о Москве, поэтому ни о каких «остатках» армии Колчака не может быть и речи. В тексте отдельного издания повести упоминание об «остатках колчаковской армии» автором снято и оставлена только дата 16 сентября 1919 г.

Можно, казалось бы, утверждать, что изначально хронология реальных событий не была нарушена Ивановым и все действие повести происходит осенью 1919 г. На это время года есть конкретные указания в тексте (см. 3.3.). Эту определенность ставит под сомнение место действия

⁸⁹⁹ *Иванов Вс.* История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 144.

произведения. В третьей главе «В городе» описан крупный приморский город-порт, где стоят иностранные корабли: «Опрятно одетые канадцы проходили с громким смехом. Молчаливо шли японцы... <...> В гранит устало упиралось море. <...> В бухте, как цветы, тканые на ситце, пестрели серо-лиловые корабли...» (57). В отредактированной повести, которая опубликована в 1932 г., город будет назван прямо – Владивосток⁹⁰⁰. Если это так, то победоносное антиколчаковское восстание не могло произойти в 1919 г.: реально это случилось лишь в конце января 1920 г.

В пьесе «Бронепоезд 14-69» временная разноголосица будет продолжаться: дата начала восстания 16 сентября 1919 г. сохранится, но появятся слова Пеклеванова о смерти в паровозной топке товарища С. Лазо (116), а это случится лишь в апреле 1920 г. Описанный же в тексте пьесы город станет некоторыми историческими деталями напоминать Омск, где в 1919 г. находился Иванов: будут, например, названы созданные в Омске дружины Святого Креста и Полумесяца, в одну из которых вступит юный Сережа – брат невесты Незеласова Вари.

Правда, в пьесе, в отличие от одноименной повести, есть четкое авторское указание на то, что восстание еще не завершено, и, строго говоря, неизвестно, станет ли оно победоносным. Картина вторая четвертого действия представляет «Предместье города. Костры», и матрос Знобов говорит Вершинину: «Никита Егорыч, генералы и юнкера вдоль моря пошли! Распорядись на Ольгинскую бухту. Подле бухты будет главный бой...» (138). Время действия «Эпилога» – «Ночь перед сражением в Ольгинской бухте» (139). Ольгинской бухтой (в действительности находится в Краснодарском крае), вероятно, назван здесь залив Святой Ольги в Японском море на юго-востоке Приморского края, на расстоянии около 300 км от Владивостока. Партизанская армия еще только направляется туда: «Артиллерии прикажи через горы выйти, а кавалеристам – в эшелоны» (138).

⁹⁰⁰ *Иванов Вс.* Бронепоезд 14,69 [Повесть переработана автором для юношества]. С. 65.

В 1932 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышел «Бронепоезд 14-69» Иванова с подзаголовком: «Повесть переработана автором для юношества». В этом издании из текста «Бронепоезда» уходит временная несогласованность: восстание во Владивостоке назначается на 16 апреля 1920 года⁹⁰¹. Отметим, что еще в издании 1931 г. дата начала восстания была – 16 сентября 1919 года⁹⁰², что дало основание Г.Ю. Феддерсу в сопроводительной статье датировать события следующим образом: «Действие повести “Бронепоезд 14-69” происходит в конце лета 1919 года, в приморской дальневосточной области. В это время вся Сибирь была под властью “верховного правителя России” адмирала Колчака и его приверженцев и помощников...»⁹⁰³

В тексте пьесы, отредактированном режиссерами К.С. Станиславским и И.Я. Судаковым (автор в это время находился за границей) летом и осенью 1927 г. по требованиям Главреперткома, дата восстания 16 сентября 1919 г. сохранена, но снят авторский «Эпилог» и события в последнем действии происходят в городе: «Ребята штаб захватили. Офицеры из штаба в крепость кинулись. Броневик, Никита Егорыч, необходимо к крепости катить»⁹⁰⁴. Слова Вершинина: «Ну, вали, мужики, к крепости. Хватай, пахота, беднота, все крепости на земле...»⁹⁰⁵ – и пение «Интернационала», которым завершался спектакль, не давали возможности усомниться в том, что восстание победило.

В «новой редакции» пьесы (1952) дата начала восстания и «Эпилог» отсутствуют и финал указывает четко на окончательную победу:

В т о р о й п о м о щ н и к (с окна). Товарищи, корабли интервентов от наших орудий в океан повернули!..

В е р ш и н и н. Ура-а!..

П а р т и з а н ы подхватывают.

⁹⁰¹ Там же. С. 67.

⁹⁰² Иванов Вс. Бронепоезд 14-69 / ред., примеч. и сопр. статья Г.Ю. Феддерса. М.;Л.: Госиздат, 1931. С. 68.

⁹⁰³ Там же. С. 104.

⁹⁰⁴ Иванов Вс. Бронепоезд 14-69: в 4 действиях. М.: Цедрам, 1934. С. 39.

⁹⁰⁵ Там же. С. 40.

Добивай врага! Бронепоезд, к бою, вперед!..

Музыка. Бронепоезд отходит.

Занавес⁹⁰⁶.

Написанный в 1963 г. для киностудии «Мосфильм» сценарий имеет сходный с пьесой 1952 г. финал: «Продолговатые, темно-серые, тускло поблескивающие суда интервентов медленно, один за другим, покидают порт. Почему покидают порт корабли интервентов? Советские войска и партизанские отряды так потрепали их, что им невольно стало на захваченной земле» (204). Писатель широко ввел в этот сценарий автобиографические моменты: сотрудничество во фронтовой газете, стихи известного ему по Омску 1919 г. поэта Г. Маслова и др. – и укрупнил исторические проблемы, звучавшие в повести и пьесе приглушенно. В частности, включил свои размышления о роли иностранных государств – «союзников» России в Гражданской войне, роли и вине интеллигенции в революционных событиях, религиозном факторе в ходе войны (создание дружин Святого Креста). Дата 16 сентября 1919 г. в сценарии отсутствует. Уход из порта иностранных кораблей окончательно проясняет вопрос датировки описанных событий и четко указывает на 1922 год.

Попытаемся ответить на вопросы: какова же реальная датировка событий, описанных в «Бронепоезде 14-69» Вс. Иванова? Были ли эти события в реальности? Откуда взялась дата 16 сентября 1919 г.?

Японские войска покинули Владивосток 24 октября 1922 г., на следующий день части Народной революционной армии (НРА) Дальневосточной республики (ДВР) вступили в город. 14 ноября Народное собрание ДВР приняло решение о самоликвидации республики, а 15 октября – ВЦИК РСФСР включил территорию Дальнего Востока в состав Советской России⁹⁰⁷. В пьесе Иванова 1952 г. и сценарии 1963 г. речь, казалось бы, идет именно о событиях осени 1922 года. При этом, как уже было отмечено, здесь нет исторических реалий этого времени за исключением упоминания о

⁹⁰⁶ *Иванов Вс.* Бронепоезд 14-69»: Пьеса в 4-х действиях. Новая редакция. С. 64.

⁹⁰⁷ *Штырбул А.А.* Покушение на Колчака. С. 367.

взрыве адских машин в порту, которым угрожает некий Комитет содействия американо-японских войск и в финале осуществляет свою угрозу. Действительно в октябре 1922 г. «перед эвакуацией японцы взорвали часть крепостных сооружений во Владивостоке...»⁹⁰⁸. Напротив, в фильме «И на Тихом океане...» (режиссер Ю. Чулюкин, авторы сценария А. Горохов, Т. Иванова, Ю. Чулюкин), снятом на киностудии «Мосфильм» по мотивам пьесы «Бронепоезд 14-69» уже после смерти писателя, в 1973 г., реалии этого времени присутствуют. Упоминаются «буферное» государство ДВР, низложенное правительство братьев Меркуловых, пришедший ему на смену правитель генерал М.К. Дитерихс, бои под Спасском и др.

Однако в конце 1921 – начале 1922 г., когда готовилась к публикации в «Красной нови» повесть «Бронепоезд 14-69», Иванов еще ничего об этом знать не мог. В феврале шли ожесточенные бои НРА ДВР и белых под Волочаевкой (западнее Хабаровска) – знаменитые «Волочаевские дни», в марте началось повстанческое восстание в Якутии⁹⁰⁹. Гражданская война продолжалась.

Писателю могли быть известны более ранние события истории Гражданской войны на Дальнем Востоке. В 1920 г., который назван временем действия в повести 1932 г., здесь произошло восстание против Верховного Правителя России адмирала Колчака. 26 января 1920 г. восстал егерский батальон, который охранял генерала С.Н. Розанова – командующего войсками и главного начальника Приамурского края. Однако Военно-революционный штаб во главе с большевиком С.Г. Лазо посчитал выступление преждевременным и не поддержал его. В ночь с 30 на 21 января 1920 г. власть во Владивостоке почти бескровно перешла в руки Приморской областной земской управы, которую поддержали большевики, чехи и американцы. Порядок обеспечивали революционные войска и международная милиция под американским контролем. Японцы объявили

⁹⁰⁸ *Ципкин Ю.Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке: формирование антибольшевистских режимов и их крушение. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2012. С. 233.

⁹⁰⁹ *Штырбул А.А.* Покушение на Колчака. С. 366.

нейтралитет, но не ушли из Приморья а новая власть – коалиция просоветских и земско-эсеровских сил – не имела возможности изгнать их⁹¹⁰. Эта победа была не окончательной.

На Учредительном съезде трудящихся и партизан Прибайкалья, который проходил с 28 марта по 8 апреля 1920 г., был образован «розовый буфер» – Дальневосточная буржуазно-демократическая республика. А 4–5 апреля произошло нападение японских интервентов на революционные войска и организации Приморья в разных городах, в том числе и во Владивостоке. В результате зверской расправы над советскими лидерами погибли С.Г. Лазо, А.Н. Луцкий и В.М. Сибирцев (сожжены живыми в паровозной топке)⁹¹¹.

На это восстание, казалось бы, указывают авторские характеристики его организаторов, сохранившиеся только в повести и пьесе «Бронепоезд 14-69» в редакциях 1920-х гг. В подглавке XXIII повести идет спор между ревкомом во главе с Пеклевановым и «бритым коротконогим человеком», который говорит от имени некоего «Совета Союзов», называет «выступление преждевременным», обвиняет Пеклеванова в том, что ревком «не считается с моментом» (75), но при этом выражает готовность действовать сообща: «Совет Союзов, товарищи, зла не желает, можно бы обождать...». В ответ Пеклеванов читает «Постановление Совета Народных Комиссаров Сибири» (75–76), этот же Совет присутствует и в одноименной пьесе 1927 г. Пеклеванов говорит о нем иронически, но является именно его членом: «Совет народных комиссаров Сибири! Что за декламация! Еще бы Верховный Совет! Пышнее бы получилось... А в Совете-то всего три человека, да к тому же один из них – я» (117). В реальной истории гражданской войны на Дальнем Востоке организации с такими названиями неизвестны, но Иванов вполне мог назвать «Советом Союзов» представителей земско-эсеровской оппозиции, действовавших вместе с

⁹¹⁰ Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. С. 144.

⁹¹¹ Штырбул А.А. Покушение на Колчака. С. 359–360.

большевиками, а «Советом народных комиссаров Сибири» – объединенный Совет социалистических партий.

Правда, во время реального восстания января 1920 г. все было наоборот, и как раз большевистский Военно-революционный штаб сначала не поддерживал восстание. Но вряд ли Иванов, готовя повесть к публикации в первом советском «толстом» литературном журнале в 1921 г., мог сделать такие акценты.

Думается, однако, что и об этом восстании Иванов мог знать очень немного. В декабре 1919 – январе 1920 г. он находился в одном из типографских вагонов поезда газеты «Вперед», отступавшего вслед за армией Колчака на восток. Болел тифом. После того как части Красной армии повернули поезд к Новониколаевску, служил в Уотнаробразе в небольшом городе Татарске. Мечтал уехать в Петроград, что и произошло в январе 1921 г. при помощи А.М. Горького.

Конечно, писатель не мог не слышать о создании ДВР, но в «Бронепоезде» это никак не отразилось. Во всех публикациях повести вплоть до 1932 г., а пьесы – до начала 1950-х гг. Иванов сохраняет дату 16 сентября 1919 г. Выскажем предположение, что писатель имел в виду еще одно восстание, о котором знал осенью 1919 г., будучи военным корреспондентом «Вперед». 17 сентября 1919 г. В.Н. Пепеляев, последний премьер правительства Колчака, записывал в дневнике: «В городе [Омске. – *Е.П.*] чешские и казачьи круги распространяют слухи о свершившемся будто бы во Владивостоке образовании нового Правительства. Слухи эти смакуются любителями. Я отправил ген[ералу] Розанову телеграмму с требованием [доклада] обстановки...»⁹¹². Попытка переворота была предпринята «в ночь на 19 сентября, но расстроена вводом во Владивосток верных войск» (запись от 23 сентября)⁹¹³.

⁹¹² Окрест Колчака. С. 103.

⁹¹³ Там же. С. 104.

Антиправительственному «заговору во Владивостоке» во 2-й половине сентября, организатором которого стала находящаяся в подполье партия социал-революционеров при поддержке «таинственных иностранных сил», посвящен практически весь номер газеты «Вперед» от 17 октября 1919 г. Как утверждалось в передовой статье, выдвинутая эсерами формула «против реакции большевиков и против реакции Колчака и Деникина» косвенно работала на большевиков, во власть которым, по плану заговорщиков, образованное «правительство эсеров» собиралось впоследствии «передать Сибирь». Газета писала о «заграничной агентуре» с центром в Париже, называла имена А.Ф. Керенского, Н.Д. Авксентьева – бывшего главы Директории и др. Упоминался «руководитель заговора – Сибирский комитет членов Учредительного Собрания», в июле выпустивший «воззвание, в котором заключался призыв к сооруженной борьбе с существующим законным Правительством». Сообщалось также, что «содействие иностранцев этой аванюре предполагалось купить путем отказа от прав России на Владивосток и превращения последнего в международный город». Восстание намечалось на 19 сентября, но планы заговорщиков «были опрокинуты командующим войсками Приамурского военного округа генералом С.Н. Розановым». В газете с возмущением описывались произошедшие «столкновения между военнослужащими союзными и нашими», которые «дали повод» 26 сентября общесоюзному Комитету военных представителей «в ультимативной форме потребовать» от Розанова, чтобы «русские войска были выведены из русской крепости Владивосток к 12 часам дня 28 сентября». Розанов отправил телеграмму Верховному Правителю, «приказавшему <...> сохранять честь и национальное достоинство России, не останавливаясь ни перед чем». «С глубокой печалью, – писал автор статьи, – мы слышали в числе особенно активно действующих в этом инциденте представителей родственного нам народа и американского командования»⁹¹⁴. Среди авторов безымянных заметок (с подписью «В.Я.»

⁹¹⁴ Заговор во Владивостоке // Вперед. 1919. 17 окт. С. 1. Б.п.

дана только передовая статья) в номере газеты вполне мог быть и сотрудник Иванов.

О заговоре много написано и в мемуарах участников белого движения и в трудах историков Гражданской войны. Современные исследователи подробно рассказывают о том, что не было названо в газете «Вперед». Эсеры делали ставку на чешского генерала Р. Гайду, летом 1919 г. из-за конфликта со ставкой отстраненного от командования Сибирской армией; собирались прекратить гражданскую войну, провозгласить автономию Сибири, вывести войска интервентов, создать буферное государство на принципах демократии с рыночной экономикой, ориентированное на США⁹¹⁵. Фоном восстания стало активизировавшееся в Приморье партизанское движение, которое заговорщики предполагали использовать. Большевики, Приморский областной комитет РКП (б), действительно поддержали готовящийся переворот, но с оговоркой: «Вместе бить – врозь идти»⁹¹⁶. К сожалению, как комментирует Ю.Н. Ципкин, большевики «не заняли четкой позиции по отношению к выступлению»: обком «не запретил» им принимать участие в восстании, «но и не предусматривал непосредственного участия рабочих в вооруженной борьбе». Со ссылкой на работу историка А.Х. Клеванского Ципкин указывает, что «воззвание Дальневосточного подпольного комитета РКП(б) с призывом способствовать успеху восстания было сфальсифицировано гайдовцами. Этим была введена в заблуждение часть рабочих»⁹¹⁷.

Реально восстание произошло не 19 сентября, а 17 ноября под бело-зеленым флагом автономной Сибири, «разделенным узкой красной полосой по диагонали, призванной символизировать не то участие большевиков, не то мир с Советской Россией», и успеха не имело. «Одну из решающих ролей в

⁹¹⁵ Бучко Н.П. Военная элита белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программа, политика. Хабаровск: Частная коллекция, 2009. С. 124–127.

⁹¹⁶ Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. С. 138.

⁹¹⁷ Там же. С. 140.

подавлении выступления» сыграл бронепоезд «Калмыковец»⁹¹⁸. «Согласно информации большевиков, при разгроме выступления было убито около 300 повстанцев, а вместе с расстрелянными контрразведкой число жертв составило почти 1 тыс. человек»⁹¹⁹.

Думается, отголоски именно этих событий многое определили в «Бронепоезде 14-69» Иванова. Прежде всего, время восстания – «12 часов 16 сентября 1919 года» и практически полное неучастие рабочих в событиях. Лишь начиная со спектакля во МХАТе 1927 г. и впоследствии число этих рабочих в списке персонажей пьесы будет увеличиваться, а роль их становиться значительнее. В подготовке реального восстания участвовали разные социальные силы, и в текстах «Бронепоезда» 1920-х гг. упоминалось о том, что у большевистского ревкома были союзники из других партий («Совет Союзов»). Наконец, подчеркнута незначительная роль большевика Пеклеванова, которую отметили читатели и критики 1920-х гг. После 1930-х гг. все эти реалии уйдут из «Бронепоезда», организаторами и деятельными участниками событий останутся только большевики во главе с Пеклевановым.

Исторические и политические реалии Сибири периода 1919 г., а также факты реальной биографии Иванова этого времени проясняют художественную биографию центрального «белого» героя «Бронепоезда» – капитана Незеласова, который по мере работы автора над текстом претерпел существенные изменения разного характера. В «Истории моих книг» Иванов писал, что командиром бронепоезда в повести «поставил <...> умного, влиятельного, волевого, хотя и измученного войной белогвардейца»⁹²⁰. Начиная с пьесы «Бронепоезд 14-69» этот образ укрупняется, приобретает символические черты.

С одной стороны, в речевой характеристике и поведении Незеласова и его близких подчеркнуты качества, сближающие их с теми представителями

⁹¹⁸ Там же. С. 139.

⁹¹⁹ Там же. С. 140.

⁹²⁰ *Иванов Вс.* История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 144.

русской интеллигенции, которых молодой Иванов мог встречать в Омске в 1919 г. Описывая «сибирский литературный круг Всеволода Иванова» исследователи Ю.П. Зародова и И.Е. Лоцилов, отмечают: «В пьесе “Бронепоезд 14-69” и в одноименном сценарии неоднократно звучит тема “вечного возвращения” исторической коллизии, заданной словарной статьей о “евганеях”, которую читает вслух капитан Незеласов: “Евганеи. Племя, обитавшее в северо-западной части Апеннинского полуострова и вытесненное отсюда венетами”. Такими “евганеями”, обреченными на вытеснение, ощущают себя интеллигенты – герои не дошедшей до нас повести “Фарфоровая избушка” и повести “Бронепоезда 14-69”. Тема военной и творческой интеллигенции, споры о революции, о будущем России, о роли и месте духовной и интеллектуальной элиты в острейшие моменты истории получили более тщательную разработку в одноименных пьесе и позднем киносценарии. Нет сомнений, что эта тема в творческой лаборатории Всеволода Иванова связана с памятью о самых близких литературно-художественных контекстах: о его участии в печати, литературных кругах, “кружках” и “салонах” Сибири времен власти Колчака, в первую очередь – Омска»⁹²¹.

Исследователи указывают, что среди приехавших в Белую столицу оказалось немало людей искусства и культуры. Возвращаются в родной город поэты А. Грызов (Ачаир), Г. Вяткин, с колчаковской армией прибывают С. Ауслендер, Г. Маслов, В. Язвицкий, приезжают в Омск В. Янчевецкий (Ян), П. Драверт, И. Малютин, Б. Четвериков, Н. Подгоричани, Т. Баженова, Н. Оболенская (Хабиас, Нибу), Н. Иванов (Анов), А. Воцакин, А. Громов и многие другие.

Показательно свидетельство проехавшего через Омск «отца русского футуризма» Давида Бурлюка, упомянувшего Иванова среди «молодых поэтов», связанных с кругом омской литературной знаменитости – Антона Сорокина: «Март месяц 1919 года я провел в Омске, являвшемся тогда

⁹²¹ Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 577.

столицей колчаковского государства. Там выходило несколько газет, были высшие учебные заведения, правда, постепенно превращавшиеся в женские, вследствие непрерывных призывов. Из литературных сил центральной фигурой являлся С. Ауслендер. Автор сборника “Золотые яблоки” не боялся применять свой изысканный стиль к описаниям трафаретных парадов и смотров того времени. С Ауслендером я виделся в “Литературном салоне” граф. Подг<о>ричани, поэтессы, известной в Москве под именем “Георгий Эрард”. В этом просвещенном осколке столичных салонов часто бывал молодой поэт Г. Маслов. Мне неизвестна судьба всех лиц, упомянутых здесь, но достоверно, что Г. Маслов умер в Красноярске от сыпняка в дни отступлений белых армий. Маслов был мелким чиновником одного из “министерств”, я застал его дома в жалкой квартирке. Георгий Вяткин был наиболее популярным поэтом в Сибири (автор книжки стихов, посвященных Алтаю). Поэт занимал крупный административный пост, и видеть мне его не удалось. <...> Но литературные порывы даже в Сибири не всегда укладывались в рамки чиновно-академического благополучия. В Омске я встретил “короля писательского” Антона Сорокина. В нем не только юродивость, но и несомненное крупное литературное дарование. В Антоне Сорокине природный футурист, в нем все особое, оригинальное. Он служил, и очень пунктуально, в управлении железной дороги, имел собственный дом, сдавал квартиры, но при “правильной жизни” все свободное время занимался или писательством, или же рисованием композиций фантастического характера. В Сорокине Сибирь имеет оригинального художника-графика, фантаста. Сорокин показывает мне интересные работы художника Эттеля, а через несколько дней в газете я читал, что в городе Тюмени Эттель посажен в тюрьму “за содействие советской власти”, выразившееся в изготовлении художником рисунков для бумажных денег. А. Сорокин был центральной фигурой кружка местных поэтов, среди которых были: Иван Тачалов,

Всеволод Иванов, Игорь Слав<н>ин, в описываемое время находившийся в тюрьме, и Петр Сидоров»⁹²².

Тема роли и судьбы интеллигенции в Гражданской войне намечается в повести «Бронепоезд 14-69» с первой главы. «Родина нас вышвырнула... Думали всё – нужны, очень нужны, до зарезу нужны, а вдруг ра-а-ссчет получайте. И не расчет даже, а в шею... в шею!.. в шею!!..» (42), – в этих словах Незеласова отражено настроение многих участников Белого движения, прежде всего представителей интеллигенции, считавших, что они спасали Россию от большевиков, и потрясенных тем, что большинство населения страны их спасителями не считает и отвергает. Сознание возможных «спасителей России» в них поддерживалось и поощрялось. Характерно воззвание «К русской интеллигенции», напечатанное в сибирской периодике в апреле 1919 г. от имени Главного управления по делам вероисповедания. В «годину тяжелого лихолетья», когда «Россия еще на одре тяжелой болезни», когда, кажется, «забыты и отброшены все высшие ценности жизни: религия и право, нация и государство», когда вокруг «голод, террор, гражданская война, потоки братской крови», интеллигенции предстоит «новая созидательная работа». «Священная обязанность перед государством, культурой настоящего и будущего» – это, как говорится в Воззвании, победить «болезнь духовную, нравственную», которая «захватила собой народные массы», поверившие в большевистскую материалистическую проповедь «земного рая как царства сытого самодовольства и мещанского благополучия», и «по мере сил содействовать народу удовлетворить <...> голод души, “взыскующей Града”, насущным “хлебом духовным”»⁹²³. Однако с течением времени все чаще в периодике звучали упреки в адрес не выполняющей своего долга интеллигенции, представители которой, «не испытывавшие страданий, не выпившие до дна

⁹²² Бурлюк Д.Д. Литература и искусство в Сибири и на Дальнем Востоке (1919–<19>22 г.) (Заметки и характеристики очевидца) // Новая русская книга (Берлин). 1922. № 2. С. 45. Цит. по: Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 578.

⁹²³ Наш долг. Петропавловск, 1919. 20 апреля. С. 3.

чаши большевистского гнета», «все еще не могут снять с своих глаз старой повязки». Раскрывая «религиозный характер борьбы, которую ведет наша армия», генерал М.К. Дитерихс именно интеллигенции адресовал негодующие слова: «Как будто не грянул гром, как будто ничего не случилось. Эта интеллигенция в ответ на религиозное толкование борьбы с большевиками, способна лишь сделать ироническую гримаску и бормотать затасканные интеллигентские слова <...>. Она бессильна вникнуть глубоко в смысл»⁹²⁴. Осенью 1919 г. сибирские газеты писали о роли интеллигенции в период революции и Гражданской войны: «Русская интеллигенция много виновата перед своим народом. Об этом много говорят и много пишут. Это она влила яд разложения в народную душу. <...> Казалось, через эту интеллигенцию должно прийти и выздоровление. Интеллигенция, прежде всех других классов населения, на собственной шкуре испытывавшая все прелести созданного естественным ходом нашей революции режима, первая бросилась искать новых выходов из создавшегося положения. Но народ быстро опередил свою интеллигенцию и в деле восстановления утраченной было целостности народного духа», – писал К. Ларский в газете «Сибирская речь», отмечая «подъем религиозных и патриотических чувств среди населения», большое число «добровольцев в дружинах Святого Креста», «от 18-летних юношей до 60–70-летних стариков». К сожалению, констатировал автор статьи, «число записавшихся интеллигентов-добровольцев не особенно велико». Интеллигенция «ведет “культурно-просветительную” работу “в кавычках”», которая выражается в печатании «плесневело-серых» брошюр для агитации на фронте, где вновь и вновь муссируются одни и те же понятия: «Учредительное собрание», «Национализация земли», «Программы политических партий». «Это ли нужно теперь России? На этих ли брошюрах воссоздастся здание единой и сильной национально-религиозной Руси? Неужели нашей интеллигенции это до сих пор не ясно? Неужели она не способна стать подлинным мозгом страны и будет плестись своей

⁹²⁴ Сибирская речь. Омск, 1919. 16 сент. С. 2.

спотыкающейся, жалкой походкой в хвосте родного народа? – вопрошал Ларский и отвечал: – Печально, но, кажется, это будет так»⁹²⁵.

В пьесе «Бронепоезд 14-69» тема роли интеллигенции в Гражданской войне представлена более развернуто, а место действия гораздо более начинает напоминать Омск 1919 г., а не Владивосток. В первом действии идет речь о дружинах Святого Креста – добровольных вооруженных формированиях с религиозной окраской. Зритель узнает о них из реплики невесты Незеласова Вари: «Господа, в городе идет сейчас сбор пожертвований на дружины “Святого креста”. Да, вы знаете? Поздравьте Сережу, он вступил в дружину к епископу Макарию» (104). Это реалия именно омской военной ситуации. Живя в Третьей столице, Иванов мог видеть формирование дружин Святого Креста летом 1919 г., начавшееся по инициативе профессора Д.В. Болдырева. Это нашло отражение, в частности, в воспоминаниях сибирского писателя К.Н. Урманова «Наша юность». «В город съехалось больше десяти архиереев, привезли откуда-то с Урала икону Абалакской Божией матери и поднимают дух верующих... – говорит Всеволод. – Видел дружину “Святого креста и полумесяца”?»⁹²⁶. Речь здесь идет об Абалацкой иконе «Знамение» Божией Матери – самой почитаемой в Сибири иконе Богоматери. Известно, что в сентябре 1919 г. икона была вывезена на теплоходе из Тобольска в Омск. Собеседник Иванова Урманов, близкий большевикам, весьма иронично высказывается о дружине Святого Креста: «Это сынки чиновников, глупые дети своих отцов. Вчера они дефилировали против управления дороги и пели: “Нас в поле двинули не силой, мы встали грозною толпой...”» Напомним, что в пьесе «Бронепоезд 14-69» Варя и Сережа поют: «Марш вперед! Россия ждет / Счастья и отрады. / Марш вперед, трубят в поход. / Красным нет пощады!» (104). В мемуарах в ответ на слова Урманова Иванов читает свои стихи: «По улицам пыль да ветер, / Да плач колокольного звона. / Никто почти не заметил, / Как

⁹²⁵ Ларский Конст. В хвосте народа // Там же. 7 сент. С. 4.

⁹²⁶ Урманов К.Н. Наша юность // Сибирские огни. 1965. № 2. Цит. по: Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 417.

пронесли чудотворную икону»⁹²⁷, – общая тональность которых дает возможность предположить, что Иванов не разделяет иронии друга.

Как комментирует А.А. Штырбул, «в основе литературного образа Владивостокского епископа Макария, вероятно, – Омский архиепископ Сильвестр (Ольшевский), неизменный сторонник и идейный вдохновитель всех контрреволюционных мероприятий в 1918–1919 гг., в том числе и дружин Святого Креста»⁹²⁸. Деятельность Сильвестра Иванов мог близко и подробно наблюдать в Омске, что нашло отражение в тексте пьесы. Слова Незеласова: «...молитесь с епископом Макарием о здравии христоролюбивого воинства» (104) – перекликаются с реальным воззванием, подписанным Председателем высшего Церковного Управления архиепископом Омским и Павлодарским Сильвестром «Слово к русским людям. От Высшего Временного Церковного Управления к Православным русским людям!»: «Одушевляемое верою в Бога, с оружием в руках двинулось христоролюбивое воинство наше против богохульников, убийц и предателей Родины, именуемых большевиками». Перечислив преступления против христианской веры, творимые большевиками: в Москве – расстрел Кремлевских храмов, в Петербурге – расстрел крестного хода и насилие над Лаврой, в Сибири – удаление священников из школ, запрещение обучения детей Закону Божию, архиепископ призывал: «...нам подобает мечом и всяким оружием устранить этих сквернителей земли свято-русской»⁹²⁹.

В реальности служба дружин Святого Креста проходила далеко не так романтично, как это представляли себе юные герои Иванова. Очевидец событий в Омске Вс.Н. Иванов вспоминал: «О, эти крестоносцы из православных! <...> Что с ними сделали! Во-первых, их разбрасывали по разным тыловым службам, в охрану, например, в конвой Колчака. На фронте их вливали в другие части, где над их обрядами, верой подтрунивали все, даже офицеры. И люди теряли уверенность в себе. Им выдавали новенькие

⁹²⁷ Там же. С. 418.

⁹²⁸ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 222.

⁹²⁹ Сибирская речь. 1919. 8 окт. С. 3.

американские винтовки, те самые, у которых затвор отказывал после нескольких выстрелов, не выбрасывая гильз. По линии снабжения этих верующих людей обрядили в широчайшие китайские ватные стеганые штаны, без прорех, без поясов... Словно кто-то умышленно издевался над святыми дружинами»⁹³⁰.

В сценарии 1963 г. описание дружин Святого Креста лишено иронии, которую привносит в пьесу оценка капитана Незеласова, характеристика их деятельности больше приближена к реальности. Показано и расслоение среди дружинников: корыстным кадетам-«крестоносцам» Талю, Каменскому и Гелию противопоставлен образ священника – отца Серафима, – который по своему желанию отправляется с Незеласовым в тайгу и до конца остается в бронепоезде. На примере погибшего на фронте юного Сережи показана судьба наивных мальчиков-крестоносцев, обреченных на гибель в условиях Гражданской войны.

В других мотивах сценария также нашли отражение реальные события и люди, с которыми Иванов общался в «белом» Омске в 1919 г. Газета «Белое знамя», очевидно, имеет свои прообразом фронтовую газету «Вперед». Секретарь редакции издания Варя в тексте дважды читает свои новые стихи: «Скорбно сдвинут ротик маленький, / Вы молчите, взор потупя, – / Не идут вам эти валенки / И не ловки вы в тулупе. // Да, теперь вы только беженка, / И вас путь измучил долгий. / А какой когда-то неженкой / Были вы на милой Волге!..» (146), – в которых узнаются строки петербургского, а затем омского поэта Г.В. Маслова, посвященные В.М. Кремковой и написанные на станции Краснощеково 1 декабря 1919 г.⁹³¹ Маслов был убежденным сторонником «белой» идеи, поступил рядовым в армию Верховного Правителя России А.В. Колчака, много печатался в омских газетах и журналах. Умер от тифа во время отступления белых на восток⁹³².

⁹³⁰ *Иванов В.Н.* Исход. Повествование о времени и о себе. С. 24–25.

⁹³¹ Третья столица. Омск 1918–1919. Изобразительное искусство. Литература / под ред. И.Г. Девятьяровой. Омск: Омскбланкиздат, 2011. С. 102.

⁹³² Там же. С. 99.

Иванов общался с Масловым, высоко ценил его поэзию. В воспоминаниях 1950-х гг. есть фрагмент о встрече с ним при отступлении: «Окликнули из теплушки беженцев. Перепуганные, впавшие большие глаза глядели на меня неподвижно. Я узнал поэта Георгия Маслова, автора “Авроры”. Без жалоб и уныния, а сказав только, что “кажется, у меня начался тиф”, он пригласил в теплушку и стал читать главы своего романа “Ангел без лица” <...> Поезд тронулся. Оставив Маслову мешок с углем, я выскочил из теплушки, а через месяц узнал, что тиф скопил Маслова...»⁹³³.

По свидетельству писателя Б.Д. Четверикова, стихи Маслова также читал художник Е.Д. Спасский, как и Иванов, и сам Четвериков, сотрудничавший в военной газете «Вперед»⁹³⁴.

Частично авторские раздумья о роли интеллигенции в происходящих событиях вложены Ивановым в уста невесты Незеласова Вари. Вначале она наделена легкомыслием, ее стремление послужить «белому делу», поймав жену Пеклеванова – бывшую соученицу по гимназии, – выглядит наивно. В то же время именно ей Иванов доверил и стихи близкого ему Маслова, и верность России (в ответ на слова Спасского, предлагающего ей бежать в Японию: «Что делается России? Мы попутешествуем, она постоит, подумает, и мы вернемся», – Варя дает ему пощечину и остается – 202), и муки совести: «Да. Вы правы, я убийца, и сама на себя гляжу теперь с ужасом. <...> Убийца, хотя прямо никого и не убила; но косвенно-то, косвенно, не на моей ли совести тысячи смертей, и среди них брат Сережа и жених мой Незеласов...» (203).

Мысль об ответственности интеллигенции за трагические события русской революции и Гражданской войны, высказанная Ивановым в сценарии «Бронепоезд 14-69» – одном из последних его произведений, прозвучала и в самых первых пореволюционных рассказах писателя. Так, в рассказе «Утро» (1921) капитан Шипов, готовясь к сражению с партизанами,

⁹³³ Иванов В. История моих книг// Наш современник. 1957. № 3. С. 140–141.

⁹³⁴ Четвериков Б. Навстречу солнцу. М.: Воениздат, 1967. С. 223.

размышляет вслух: «Я и японской войны хватил, и германскую всю вынес, а никак не могу привыкнуть убивать на своей земле». Возможную смерть он считает заслуженной: «Но раз вы, как я, заговорили о возмездии, то ведь за войну кто отвечает: те ли мужики, которые сидят сейчас в камнях, или же мы... остатки тех, которые сказали им: иди и убивай...»⁹³⁵. Это чувство вины за произошедшие в XX в. трагические события русской истории Иванов сохранил до конца жизни. В одном из последних рассказов, «Генералиссимус» (1963), действие которого происходит в 1943 г., Иванов доверит герою собственные тяжелые мысли: «После этих двух войн, двух величайших преступлений, в которых повинны все мы, нельзя людей радовать чудом. Они подумают – прощены. Между тем, за все, что они сделали – в том числе и я, и вы, – они должны перенести великие страдания, понять свою беду и тогда, может быть, могут быть прощены»⁹³⁶.

Вина за происходящее в стране, видимо, мучила писателя еще тогда, в 1919 г. Об этом шла речь и на заседаниях омского литературно-художественного кружка, который посещали и Иванов, и Маслов и где писатель А. Сорокин в сентябре 1919 г. произносил речь о «грехах русской интеллигенции»⁹³⁷. Об этом писали на страницах омской народной газеты «Сибирский казак», где Иванов печатал свои «очерки фронта». Сравнивая интеллигенцию с персонажем известной сказки «Голый король», некий автор, скрывшийся за инициалами «Е.Ф.Б.», комментировал:

Одеваясь в это модное платье интернационализма и космополитизма, прикрывая свою умственную наготу партийными лозунгами, мы не замечали, что ходим голыми среди людей, одетых в <...> одежды, которые мы признавали за стыд носить на себе, <...> забывая, в погоне за чужими идеалами, свой русский народ. <...> Мы стремились к революции и совершили ее. И опять пришли к народу и сказали ему: «Теперь твоя воля, строй государство через Учредительное собрание. Лучше этого ничего не выдумаешь». Но народ не пошел в Учредительное собрание. В него пришли все те же интернационалисты, социалисты, коммунисты, и одна часть разогнала другую именем

⁹³⁵ Иванов Вс. Утро // Красный журнал. 1925. № 8. С. 2.

⁹³⁶ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 659.

⁹³⁷ ИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Ед. хр. 429. Л. 1.

народа, а народ остался в стороне и продолжал жить своей жизнью, ибо видел, что перед ним вертятся только голые люди... <...> Революцию-то мы сделали, а дороги к сердцу народному не нашли и стоим теперь на развалинах старого здания, не умея ни делать кирпичей, ни класть их в стены⁹³⁸.

С другой стороны, образ Александра Николаевича Незеласова отсылает к разным персонажам русской истории и литературы, представляющим собой власть, которая пытается стать законной, опираясь на поддержку сил вне страны, и, возможно вследствие этого, терпит поражение, – от пушкинского Дмитрия Самозванца до Верховного Правителя России адмирала Колчака. Редактируя текст, Иванов придавал все большую значимость этому образу, вводя дополнительные детали и как бы укрупняя его. В первой редакции пьесы на высокий статус героя намекает реплика: «Я могу вскочить в город, объявить себя диктатором и спасти Россию» (124). Образ Незеласова в сценарии усложнен в сравнении с пьесой. Капитан не лишен стремления «поцарствовать»: «Снится ему Москва, Василий Блаженный, Красная площадь и он сам, Незеласов, увешанный орденами, на белом коне. <...> А на земле лежат ничком московские люди, – только затылки поблескивают» (156), что, как и в первой редакции пьесы намекало на его близость к реальному историческому лицу. Вс.Н. Иванов вспоминал, как сибирские газеты «писали в высокаторжественных тонах и предрекали в самом скором времени торжественный благовест во всех сорока сороках церквей, когда адмирал Колчак будет въезжать в Москву на белом коне»⁹³⁹. При этом Незеласов один из немногих, кто «не развращен» (155), как говорит о нем Варя, и, главное, наделен и мужеством, и любовью к России, за «освобождение» которой сражается и погибает (193). Это подчеркивают введенные Ивановым в сценарий новые эпизоды: разговор Незеласова с провинившимися «крестоносцами» («...я позволяю искупить свою вину, участвуя в атаке. Вперед!» – 193); награждение орденом Святого Георгия отца Серафима («Награждаю вас орденом, святой отец! Георгием третьей

⁹³⁸ Сибирский казак. 1919. 29 окт. С. 1. Подп.: Е.Ф.Б.

⁹³⁹ Иванов Вс.Н. Исход. Повествование о времени и о себе. С. 7–8.

степени. Почему, собственно, мне дали ордена третьей степени и не дали ни одного первой? Мы недостаточно героичны, что ли?» – 201) и др. При этом Незеласов понимает относительность самого понятия «героизм» во время Гражданской войны: «Варя, неужели ты и впрямь считаешь подвигом сжигать села беззащитных крестьян...» (145). В душе капитана Незеласова «непорядок», вызванный прежде всего необходимостью определить свое отношение к «союзникам» – представителям Англии, Франции, Америки и Японии, оказывавшим военную поддержку Российскому правительству. «Если даже я и вздумаю взять власть, я ничего не добьюсь без помощи союзников! Значит? Но...» (152) – этой реплике Незеласова противопоставлено его понимание реальной роли «союзников» в Гражданской войне: «Не союзники, Варя, а волки. Стадо оставлено пастухами. Волки и набежали, рвут» (146). Линия неприятия поведения «союзников» проведена в тексте последовательно благодаря введенным новым эпизодам, например описанию «Комитета содействия американо-японских войск», который угрожает населению взрывом адских машин в порту и в финале осуществляет эту угрозу.

Известно, что в военной интервенции на Дальнем Востоке в том или ином масштабе принимали участие японцы, американцы, британцы (англичане, канадцы), чехи и словаки, французы, итальянцы, китайцы. С осени 1918 г. весь Дальний Восток находился под контролем интервентов. Наиболее многочисленными были японцы: с августа 1918 по октябрь 1919 г. Япония использовала для оккупации края 120 тысяч военнослужащих. Общая численность интервентов на Дальнем Востоке в начале 1919 г. составляла более 150 тыс. человек⁹⁴⁰. Из реальных иностранных военных и политических деятелей в «Бронепоезде 14-69» упоминается британский генерал Нокс – в 1911–1918 гг. – военный атташе Великобритании в России, глава британской миссии на Востоке России во время Гражданской войны. В

⁹⁴⁰ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / гл. ред. С.С. Хромов. М.: Сов. энцикл., 1983. С. 229–231.

ноябре 1918 г. Нокс являлся одним из организаторов установления диктатуры адмирала А.В. Колчака, ведал поступающим из Великобритании снабжением для Восточного фронта Русской армии. Большую роль в первой редакции пьесы играл представитель японского командования, по имени Танака Муцци. Имя персонажа восходит к именам двух реальных политических деятелей. Танака Гиити (1863–1929) – японский военный и государственный деятель, барон, генерал. В 1918–1922 и 1923–1924 гг. военный атташе в России, один из организаторов японской интервенции на Дальнем Востоке. Котаро Танака (1868–1939) – японский адмирал, о прибытии которого в Омск в феврале 1919 г. сообщала газета «Сибирская речь»⁹⁴¹. Об адмирале Котаро Танака имеется запись в дневнике В.Н. Пепеляева от 28 января 1919 г.: «К Верховному Правителю едет из Японии адмирал [Танака], его личный знакомый. На этот визит смотрят как на начало нового периода в русско-японских отношениях»⁹⁴². Танака упоминается и в записи от 26 февраля: «Сегодня вместе с Министрами был на встрече Верховного Правителя, возвратившегося с фронта. Были французы, англичане и японцы. В числе последних и адмирал Танака. Адмирал Колчак его выделил большим вниманием»⁹⁴³.

В первой редакции пьесы «Бронепоезд 14-69» Танака обещает поддержку капитану Незеласову в его борьбе с партизанами, а в конце предаёт его и говорит об объявленном Японией нейтралитете. Этот сюжетный поворот, о котором шла речь в первой главе нашей работы, скорее всего, отсылает к политической биографии А.В. Колчака, опиравшегося в своих действиях на поддержку иностранных армий и в январе 1920 г. преданного союзниками, которые обещали ему поддержку и гарантировали проезд на восток, но, с санкции командующего войсками союзников в

⁹⁴¹ *Сорокин А.С.* Тридцать три скандала Колчаку. 2-е изд., дополн. / подг. текста, примеч. и предисловие И.Е. Лощилова и А.Г. Раппопорта. Омск: Дирижабль, 2014. С. 108–109.

⁹⁴² Дневник Виктора Николаевича Пепеляева // Окрест Колчака. С. 67.

⁹⁴³ Там же. С. 68.

Сибири генерала М. Жанена, передали его в руки представителей Политцентра.

Рядом с Незеласовым – его друзья, офицеры Блак, Кемизов и Пылеев, «кому не нравятся ни японцы, ни американцы», ни «генералы, которые не думают о России, а только подлизываются то к американцам, то к японцам» (156). «Белое знамя» для этих людей – знамя чести, не случайно, понимая, что восстание в городе победило, они стреляются сами и убивают генерала Спасского, не давая ему возможности бежать с «союзниками» в Японию, что покрыло бы русскую армию «несмываемым позором» (204).

Рассматривая финал сценария «Бронепоезд 14-69», можно дать ответ на вопрос, который в 1922 г. поставил А.К. Воронский в связи с повестью «Бронепоезд 14-69»: «...почему мы, большевики, оказались победителями в Гражданской войне?»⁹⁴⁴

«Исход противостояния в гражданской войне, – комментирует современный историк М.В. Шиловский, – был связан с факторами глобального характера, обусловленными геополитической ситуацией. <...> ...в начале 1919 г. Антанта не хотела участия России в послевоенном устройстве Европы, обсуждаемом на Парижской мирной конференции, как и выполнения обязательств в отношении ее, взятых во время Первой мировой войны. Другими словами, Европе не нужна была сильная Россия»⁹⁴⁵. Писатель Вс. Иванов в сценарии «Бронепоезд 14-69» предлагает свою версию победы народа в Гражданской войне, во многом связанную с темой роли союзников. Не случайно сценарий открывается сценой, где «алеют корабли союзников в порту» (144), и завершается тем, что «корабли союзников покидают порт» (204). Однако писатель расставляет акценты иначе, чем историк. По мысли Иванова, мужицкая армия Вершинина и городской ревком, который возглавляет Пеклеванов, побеждают, потому что сражаются за родную землю-страну, причем не столько с буржуями и

⁹⁴⁴ Воронский А.К. Всеволод Иванов // Всеволод Иванов. Сборник. С. 19.

⁹⁴⁵ Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. С. 344.

белыми генералами, сколько с интервентами: «Как-никак, нам ведь супротив двух держав идти – Америка и Япония. Им ведь войну объявлять» (166); «Две амперии – американская да японская накинудись на нас, да еще белый генерал впридачу» (183). В условия Сибири было особенно очевидно, что победа красных в Гражданской войне оказалась возможной потому, что сама война стала в большой степени войной за Родину, которую стремились захватить иностранные державы.

3.5. Автобиографические рассказы Иванова 1920-х гг.

Читатели и исследователи хорошо знакомы с автобиографическим романом Вс. Иванова «Похождения факира» (1935), действие которого охватывает период жизни Сиволода (Всеволода) до начала Первой мировой войны. Автобиографические рассказы писателя, где повествование также ведется от первого лица, известны гораздо меньше. Среди сибирских рассказов и очерков 1915–1919 гг. выделяется несколько групп, которые различаются по включенному в них автобиографическому материалу, относящемуся к годам детства Иванова, работы в цирке, бродячем театре, типографии, жизни в Омске, а также по роли в них автора-повествователя: активного участника событий или слушателя.

Имеется еще ряд автобиографических рассказов, написанных и опубликованных в 1921–1927 гг. и посвященных Гражданской войне. Критики и исследователи о них писали мало: они как-то совсем не вписывались в картину творческого пути автора «партизанских повестей» и певца революции, пусть даже и «мужицкой», как ее определил Л.Троцкий. В начале 1920-х гг. и самого Иванова считали «крестьянским» писателем, вышедшим из этой среды, что не соответствовало действительности. Сын сельского учителя, весьма образованного, мечтательный юноша, факир, бродячий актер, типографский рабочий, он еще в рассказе «Гривенник» (1919), повествуя о своей театральной жизни, признавался: «Хитроватые переселенцы <...> удивлялись, узнав, что мы и не имеем желания пахать

землю. Тут я услышал, как вкусно произносится некоторыми слово: “– Земля!..” Протяжно, любовно и с большим сердцем»⁹⁴⁶. В принесших Иванову славу повестях 1921–1922 гг.: «Партизаны», «Бронепоезд 14-69», «Цветные ветра» – писатель сумел представить именно крестьянский угол зрения на происходящее в пореволюционной России, чаяния мужиков-партизан о земле, о «хрестьянской власти». После выхода и разгрома книги Иванова «Тайное тайных», в 1927–1929 гг., советские критики обратили внимание на перемену взгляда Иванова: «Писатель, сумевший ярко и размашисто, по-крестьянски, по-мужицки, показать мир глазами партизана, перестает быть мужицким голосом»⁹⁴⁷. Однако пересматривая с позиций «Тайное тайных» все раннее творчество Иванова, критик Г. Горбачев справедливо отмечал: «Открытие у Вс. Иванова пессимизма по отношению к судьбе человеческой личности <...> должно было быть сделано при анализе первых же произведений... Но его <...> романтика революционной партизанщины, кажущаяся апология мужицкого восстания – слишком ослепили нашу критику»⁹⁴⁸. В рецензии на рассказы, вошедшие во 2-й том собрания сочинений (1928), Л. Белугина пришла к близким выводам: «Второй том <...> содержит ряд рассказов автобиографического характера – художественно отображенных эпизодов богатой событиями и приключениями жизни Вс. Иванова. Фоном служит <...> обстановка гражданской войны. <...> Нечеловеческие жестокости, кровь, насилие, трупы, сотни, тысячи трупов – вот основной результат великого побоища, показанного под углом зрения Вс. Иванова»⁹⁴⁹.

Попытаемся понять, каким был взгляд на революцию и последовавшую за ней Гражданскую войну не мужиков-партизан и не интеллигентов, вдохновленных «белой» идеей, как капитан Незеласов, а самого Иванова.

⁹⁴⁶ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 79.

⁹⁴⁷ Полонский Вяч. Очерки современной литературы. О творчестве Всеволода Иванова // Новый мир. 1929. № 1. С. 227.

⁹⁴⁸ Горбачев Г. Всеволод Иванов // Горбачев Г. Современная русская литература. Л.: Прибой, 1929. С. 231.

⁹⁴⁹ Книга и профсоюзы. 1928. № 5–6. С. 28.

В 1925–1927 гг. выходит несколько небольших книжек рассказов: «Рассказы о себе», «Как создаются курганы», «Пустыня Тууб-Коя», «Происшествие на реке Тун», куда Иванов включает и автобиографические тексты. В «Рассказах о себе», написанных в 1921 г., уже звучали мотивы, которые станут устойчивыми в середине 1920-х гг. На пороге родного дома летом 1918 г. Всеволода встречает отец: «А у меня в мозгу не он и нет радости. Помню последний день перед бегством из Омска: шли подводы по пыльным, душным улицам, я насчитал их семьдесят и ушел. <...> Расстреляли чехи... Может быть, расстреляны, не то убиты в боях под Куломзином <...>. Везли рано утром, торопливо, и на трупах оседала и сходила розоватая заиртышская пыль и такая же пыль была и на мне. Я тоже труп, но бежавший»⁹⁵⁰.

В 1924–1925 гг. написаны рассказы, автобиографический герой которых активный участник событий – красногвардеец, партиец. Недолгому пребыванию его в рядах партий и Красной гвардии посвящены рассказы «Денежный ящик», «Егорка Хвощ» (другое название – «Лощина Кара-Сор»), «Рассказы об Октябре». Это новеллы, с трагическим, но одновременно и абсурдным сюжетом, подчеркнута негероическими характерами и странными поступками персонажей. В рассказе «Егорка Хвощ» к отряду красногвардейцев около Тюмени присоединяется «стогоподобный человек» – мясник Егорка Хвощ. С февральской революции он безуспешно пытался прибиться хоть к какой-то партии, после наступления чехов, поняв, что «революции – конец», – решил стать осведомителем в Красной гвардии. Услышав предложение Егора, комиссар отряда латыш Гайдак показывает кукиш – и «происходит странная история»: «Детина наклонился и укусил его за кукиш». Тем не менее толстяка берут в осведомители, он приносит ценные сведения (которыми, замечает рассказчик, «нам так и не суждено было воспользоваться») и 40 тысяч керенками, половину которых хочет забрать себе. Между тем казаки продолжают теснить отряд, и вскоре он распадается.

⁹⁵⁰ *Иванов Вс.* Рассказы о себе. М.: Правда, 1925. С. 5–6.

Оказавшиеся одни в степи рассказчик и Егор становятся свидетелями жуткого побоища между белочехами и мадьярами: «...я помню этот огромный клубок человеческих тел <...>. Я видел разрезанные лица, странную бледность рук, опускающих нож»⁹⁵¹. Но сражаются противники не за классовые интересы, в основе взаимной ненависти, как понимает рассказчик, лежит давняя национальная вражда. Г. Горбачев комментировал: «...мадьяры и чехи <...> дерутся до полного уничтожения одной из сторон голыми руками, отбросив в ослеплении злобы оружие, сводя национальные вековые счеты под чуждыми знаменами мировой революции и русской реакции»⁹⁵².

Подчеркнуто абсурден и сюжет «Денежного ящика». Пятеро красногвардейцев, среди которых и рассказчик, получают приказ забрать денежный ящик у сибирского казачьего полка. Они становятся свидетелями выяснения отношений между машинисткой и казачьим офицером, который обещал ей ящик с деньгами, борются за ящик, нападают, обороняются, наконец, обнаруживают, что он пуст. В финале выясняется, что ящик изначально был пустой, о чем забыли сообщить красногвардейцам, отдавая приказ.

Один из персонажей «Денежного ящика», товарищ Заливин, фигурирует и в «Рассказах об Октябре». «Маленький плюгавый человечек», в «детской синей пуховой шапочке с красным шариком», сидящий в фургоне с тыквами, нелепо погибает на следующий день после вступления в партию большевиков. Убита и героиня другого рассказа цикла – девушка-террористка. Рассказчик встречает ее на «явке». У нее «жалкая синяя жакеточка», она штопает чулки, что кажется ему «величайшим кощунством»: «Мне хотелось видеть ее рыдающей над огромным красным знаменем...» При создании пейзажа употреблен постоянный для этой группы текстов

⁹⁵¹ *Иванов Вс.* Пустыня Тууб-Коя. Рассказы. М.;Л.: Московский рабочий, 1926. С. 24–30.

⁹⁵² *Горбачев Г.* Всеволод Иванов. С. 231.

эпитет (курсив наш): «...улица с *нелепыми*, словно занозы, деревянными тротуарам»⁹⁵³.

В «Рассказах об Октябре» отчетливо прослеживается мысль автора: крестьяне ценят землю, семью, дом, хозяйство. Только ради получения земли они готовы принять Советскую власть и воевать за нее. Показателен рассказ «Человек за бортом». На вопрос рассказчика: «За что деремса-то?» – красноармеец Павло, крестьянин из переселенцев Полтавской губернии, изучавший газету «Правда», отвечает: «...тут написано, что землю мы, как пробьет наш час, так и поделим». Словами «про землю» привлек Павло и казаков одной из семиреченских станиц, в итоге перешедших на сторону красных. Другие персонажи этих рассказов Иванова, не являющиеся крестьянами, включая самого автора-повествователя, ответа на вопрос о смысле борьбы не знают, а крестьянская мечта им внутренне чужда. Комиссар говорит в финале: «Рожу мне, что ли, землей вымазать: не земляная у меня рожа»⁹⁵⁴. Комиссар из рассказа «Егорка Хвощ», который постоянно читает Маркса, тоже не «земляной» человек, несмотря на свое происхождение: у его отца было огромное хозяйство, разоренное отрядом сына. В рассказе «Как создаются курганы» появляется преудисполкома: «...он был железнодорожный рабочий, сутулый и твердогубый – кровно ненавидевший деревню»⁹⁵⁵. Деревня отвечает «комиссарам» тем же. «Зачем лошадей-то пристрелили, черти? <...> Ни сердца, ни ума у вас нету, одни пули»⁹⁵⁶.

В повестях «Партизаны», «Бронепоезд 14-69», «Цветные ветра» ивановские мужики-партизаны тоже боролись и умирали не за «Кумынию», а за землю и «хрестьянскую власть». На вопрос же, во имя чего проливали кровь автобиографические герои писателя, сам он ответа не находил.

⁹⁵³ Иванов Вс. Пустыня Тууб-Коя. С. 76–78.

⁹⁵⁴ Там же. С. 19.

⁹⁵⁵ Иванов Вс. Как создаются курганы. Л.: Прибой, 1926. С. 18.

⁹⁵⁶ Иванов Вс. Пустыня Тууб-Коя. С. 71.

Непонимание смысла революционной борьбы накладывает отпечаток на мысли автобиографического героя. «Бей, товарищи, по коням! – кричал я, ибо я ничего не понимал в войне. Да едва ли когда и пойму. Я желал сдаться уже через час после пребывания на крыше, потому что чувствовал, что все равно замерзну»⁹⁵⁷. Воспоминание о погибших за Советскую власть людях: «Помню затем памятную битву нашу <...>, где много легло смешных и хороших людей, которым совсем не следовало бы умирать подле *нелепых* тополей и мельницы с шестью крыльями» (курсив наш),⁹⁵⁸ – у автора-повествователя не вызывает ни гордости (смерть за высокие идеалы!), ни веры в то, что эти смерти оправданы дальнейшей счастливой жизнью народа.

Из критиков 1920-х гг., вероятно, лучше всех понял настроение ивановских рассказов этих лет Вяч. Полонский. «Как весело хохотал бы Запус, – вспоминал он героя романа Иванова «Голубые пески», – услышав о непонятности мира. Ибо он знал твердо: мир – это борьба, а в борьбе надо победить или умереть. Автор ничего бы не нашел возразить своему герою. Но когда в “Лощине Кара-Сор” сподвижник по Гражданской войне спросил рассказчика, куда ему ехать, – старый боевой товарищ оказался в недоумении. <...> вышло так, будто ехать буквально некуда». Объясняя перемену взгляда Иванова, Полонский комментировал: «”Люду-то сколько перебито”, – говорит старик в рассказе “Долг”. Перебитый люд горой встает перед потрясенным взором нашего партизана. Трупы звенят “как металл или сухое дерево”»⁹⁵⁹.

Последний фрагмент взят из еще одного автобиографического рассказа, «Как создаются курганы» (1924), где речь идет о захоронении зимой 1919 г. на станции Татарка, между Омском и Новосибирском, восьми тысяч трупов погибших: «...приближается весна, и их нужно похоронить в трехнедельный срок, иначе начнется разложение, грозящее чумой или другой эпидемией». Весь материал, касающийся рассказчика, в целом соответствует

⁹⁵⁷ Там же. С. 63–64.

⁹⁵⁸ Иванов В. Как создаются курганы. С. 20.

⁹⁵⁹ Полонский Вяч. Очерки современной литературы. О творчестве Всеволода Иванова. С. 225.

реальным фактам биографии Иванова. Герой служит зав. Отделом внешкольного образования в Омске (в реальности – в Татарске), собирается ставить Шекспира, уговаривает актеров, которые боятся ЧК, ибо «все они играли в патриотических колчаковских спектаклях». Но довольно скоро Губисполком понимает, «что Шекспир необязателен, когда есть Луначарский» и что нужен «революционный репертуар». Тут выясняется, что новый заведующий, Иванов, не член РКП, и ему предписывают сдать дела и заняться захоронением трупов. Преудисполкома предлагает «разверстать трупы» по селам: «Воевали с Колчаком, пускай за ним и в землю идут руками родных». Возникает еще одна страшная идея: сбросить трупы в реку, которую комментирует подрядчик Глушкин: «Кто же в реку людей хоронит? Поди так – все крещеные. Хоронить надо в могилу, а если не умеешь, то и убивать не берись». Наконец трупы захоронены в огромной яме руками «приведенной из исправдома заключенной буржуазии». А через три недели «земля лопнула – и смрадное гниение облепило город». «...очень нелепо все и по-нелепому страшно»⁹⁶⁰, – замечает автобиографический герой, в словах его вновь употреблено слово «нелепо».

В фантастическом рассказе «Происшествие на реке Тун» повествование также ведется от первого лица, но назвать его автобиографическим можно только с некоторой долей условности. После первой публикации в журнале «30 дней» (1925. № 7) и издания в составе одноименной небольшой книги (М.:Л.: Гос. изд-во, 1926) текст в течение 90 лет не печатался. В преддверии 10-летнего юбилея революции откликов на рассказ Иванова не было, но, возможно, лишь потому, что начало 1927 г. ознаменовалось мощной критической кампанией против книги «Тайное тайных». Очевидно, что предложенная Ивановым в «Происшествии на реке Тун» картина Гражданской войны и фантастическое описание «последней революции» во вселенной в советское время не способствовали переизданию.

⁹⁶⁰ *Иванов Вс.* Как создаются курганы. С. 12.

Перед нами фантастический рассказ, с отчетливо выраженными элементами антиутопии и психологическим анализом, сближающим «Происшествие на реке Тун» с книгой «Тайное тайных». Иванов использует традиционный для фантастики прием – сон героя («Мне снилась, товарищ, последняя революция»⁹⁶¹), события которого странным образом переплетаются с событиями действительности. В реальности они происходят зимой 1919 г. в Сибири, во сне – во время некоей «последней революции», очевидно отдаленной во времени, и в условном пространстве – на неизвестном острове (показательно, что в утопических легендах на острове обычно помещается блаженная страна⁹⁶²).

С антиутопией повествование в рассказе сближает появляющийся в сне героя образ будущего, маркированный двумя признаками. Первый – это необычайный технический взлет. Обращает на себя внимание прежде всего образ «огромного экрана», на котором «солдаты читают последние новости вселенной». Действие сна происходит сначала «в каком-то громадном, в форме пирамиды, здании, в зале... Своды его были из светящегося металла»⁹⁶³. Вторая черта будущего в представлении Иванова – продолжающаяся борьба с «врагами», которые должны быть уничтожены, чему весьма способствуют технические достижения. Враги по-прежнему именуется «белыми», их противники – видимо, красные: это «солдаты в серых одеждах, на месте сердца у них были нашиты пурпурные красные звезды». Неуклюжие «слонообразные или, вернее, утюгообразные» аппараты, кончающиеся хоботом, сначала убивают «белых», а потом уничтожают трупы «узкой струей огня» из другой машины⁹⁶⁴.

Однако думается, что описание будущего для Иванова в этом рассказе не самоцель. Здесь его гораздо больше волнует психология героев – участников Гражданской войны.

⁹⁶¹ Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 302.

⁹⁶² См.: Чистов К.В. Русская народная утопия. С. 274, 334.

⁹⁶³ Там же. С. 302.

⁹⁶⁴ Там же.

В «Происшествии на реке Тун» два главных персонажа. Автобиографический герой зимой 1919 г. находится в отряде красных, комиссар которого и поэт Хабиев рассказывает ему свой фантастический сон. В событиях сна присутствуют оба героя, судьбы которых тесно переплетены, и можно предположить, что перед нами мысли и переживания одного человека, не способного принять отцеубийство и братоубийство Гражданской войны. «Односмутники», назовет их часовой (возможно, аллюзия к «Очеркам русской смуты» А.А. Деникина, 1921–1922).

Описанная в рассказе зима 1919 года имеет источники в биографии Иванова. Увиденное при эвакуации и отступлении нашло отражение в рассказе и передано Ивановым, реально находившимся в одном из отступающих эшелонов белой армии, как бы с позиции красноармейца: «Предо мною был беженский эшелон. Закаты снежных сибирских дней, чаще опирающиеся на трупы этих трусов, бросивших дома и думавших в сундуках унести свою короткую жизнь! Дорожные канавы, не глубже беженских сундуков, великодушно согласившиеся быть могилами! Тишина степных волков, уже забывшая стоны!»⁹⁶⁵. События этой страшной зимы Иванову запомнились надолго, отзвуки их слышны и в «Бронепоезде», и в «Возвращении Будды», и в ряде других произведений. В «Происшествии на реке Тун» автобиографический герой будет предельно краток: «Я молчу о зиме, все мое сердце давно привыкло молчать о зиме. Я неожиданно (как мне было б легко, если б я знал это тогда, зимой) весел, глуп...»⁹⁶⁶

Образ бредящего в тифу поэта Хабиева также отчасти автобиографический – в декабре сам Иванов заболевает тифом, но, скорее всего, имеет еще один, конкретный источник и навеян встречей Иванова в декабре 1919 г. на каком-то сибирском полустанке с петербургским поэтом, недолго жившим в «белой столице», – Г.В. Масловым. Об этой встрече Иванов вспоминал в «Истории моих книг» (см. 3.3).

⁹⁶⁵ Там же. С. 306.

⁹⁶⁶ Там же. С. 309.

По сюжету после уничтожения пленных белых на остров внезапно с юга нападают «неприятельские дирижабли», недавние победители, сразу потерявшие всякое величие, «мечутся среди обломков и щеп», а комиссар «предает революцию» – крадет аэроплан, пытается увезти двух спасенных им из жалости «детенышей» врага в неизвестную страну, где «чужое солнце необычайных размеров встает из-за моря», но погибает от руки «товарища»⁹⁶⁷.

Фантастические события сна Хабиева в рассказе «Происшествие на реке Тун» причудливо переплетаются с реальностью. Во сне Хабиева среди «врагов» находится странный человек, необыкновенно высокий, с «длинными трясущимися ревматическими пальцами» и шрамом на лице. Комиссар не узнает его, мелькает только смутное воспоминание: «...я был обязан ему жизнью». Во сне человек погибает, однако этот же персонаж странно появляется в реальности: рассказчик видит его в арестантской теплушке одного из эшелонов: «...должно быть, дурацкий рассказ Хабиева, его частые повторения, но эти трясущиеся по проволоке ревматические пальцы, эти казанки, похожие на бородавки, изогнутая кисть, похожая на мост. Эту руку словно мне положили на сердце». «Фу ты, черт, да, может, бред-то со мной»,⁹⁶⁸ – думает герой-рассказчик. При этом в тексте не раскрывается, знает ли об этом беженце Хабиев и навеян ли его фантастический сон реальной встречей. Позднее, уже после войны, рассказчик узнает по портретному сходству от Вари, бывшей невесты «товарища Хабиева», что описанный человек – отец комиссара. В фантастической реальности все члены семьи Хабиева погибают: отца, высокого человека, убивает «товарищ» (рассказчик-повествователь), он же, догнав самолет с беглецами, отдает приказ механику убить детей и самого

⁹⁶⁷ Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 302–309.

⁹⁶⁸ Там же. С. 306.

комиссара. Из финала читатель узнает, что все члены этой семьи погибают и в реальности: «...ведь детишки-то там и погибли, тоже в Сибири. С ним...»⁹⁶⁹

В тексте рассказа звучит устойчивый для Иванова мотив – смерть отца, пусть не напрямую, но от руки сына, который мы уже рассматривали применительно к рассказу «Одичавшие» (см. 3.1.). Символический смысл мотива проясняет также письмо Иванова Горькому от 25 сентября 1926 г. Комментируя разрешение к постановке пьесы М. Булгакова «Белая гвардия», Иванов пишет: «Естественно, что коммунисты Булгакова не любят. Да и то сказать – если я на войне убил отца и мне будут каждый день твердить об этом, приятно ли это?». Пьеса Булгакова, по мнению Иванова, «бередит совесть»⁹⁷⁰. В рассказе «Происшествие на реке Тун» больная совесть и у комиссара Хабиева, и у самого автора-повествователя, тема совести ярко раскрывается при помощи введения фантастики.

Подводя итоги, можно сказать, что в автобиографических рассказах 1920-х гг. Иванов представил взгляд на трагические события революции и Гражданской войны не крестьян, воюющих за землю и «христианскую власть», не офицеров, убежденных сторонников «белой» идеи, а, видимо, свой собственный. Критики того времени его в общем поняли. «Действия людей, жизнь вообще, мир в рассказах Иванова – нелепы и страшны, люди делают не то, что хотят, и не то, что целесообразно... <...> Даже революция в этих условиях оказывается цепью диких случайностей, обусловленных метанием людей, потерявших равновесие и ставших игрушкой инстинктивных порывов»⁹⁷¹, – писал в 1928 г. Г. Горбачев.

3.6. Трансформация темы Гражданской войны в повести «Гибель Железной».

Над «Гибелью Железной» Иванов работает в 1927 г. – в гуле критики «Тайного тайных», но от добытого в рассказах книги опыта он явно не

⁹⁶⁹ Там же. С. 310.

⁹⁷⁰ Иванов В. Тайное тайных. С. 332.

⁹⁷¹ Горбачев Г. Всеволод Иванов. С. 226.

собирается отказываться. «Почему-то нужно было показать триумфальное шествие революции, – почему, впрочем, вопрос праздный, понятно почему, но триумфальное шествие мнилось без потерь. Из-за этой ложной скромности редко показывались страдания народа во время гражданской войны, а они-то и подчеркнули бы героизм народа»⁹⁷², – так позже, в 1950-е гг., он откомментирует свою позицию.

Об истоках замысла «Гибели Железной» Иванов в разные годы писал по-разному. В 1928 г., готовя пятый том собрания сочинений, писатель сопроводил текст повести авторским предисловием:

В «Гибели Железной» частично использованы воспоминания тов. Дегтярева «Политотдел в отступлении», напечатанные в журнале «Пролетарская революция». Романтическая интрига и характеры частью выдуманы, частью сделаны по истории N-ского Сибирского полка из бывших алтайских партизан. Некоторые фамилии из воспоминаний тов. Дегтярева прельстили меня своим непонятным мне очарованием, владельцев их я не видал и не знаю, и мне было б больно, если б очерченные моим пером герои «Гибели Железной» своими поступками как-то огорчили однофамильцев из «Политотдела в отступлении» – заранее приношу им свои извинения⁹⁷³.

Спустя почти 30 лет, в «Истории моих книг» Иванов рассказывал об истории создания повести иначе: «На Украине красноармеец поведал мне о подвиге Железной дивизии – героическом штурме города, сильно укрепленного белыми. Эти воспоминания красноармейца я положил в основу повести “Гибель Железной”, использовав также 2–3 абзаца из мемуаров одного военного»⁹⁷⁴. Написано это, конечно, с учетом факта, что «один военный», Леонид Сергеевич Дегтярев (1894–1940), был в 1937 г. репрессирован, а в 1940 г. расстрелян.

В очерке Дегтярева, в 1920 г. начальника политотдела 58 стрелковой дивизии, описан один из завершающих эпизодов Гражданской войны – борьба с «белополяками» на Украине. Хронологические рамки – с 26 апреля (взятие Житомира поляками) до середины июня 1920 г. (описано взятие

⁹⁷² Архив Всеволода Иванова.

⁹⁷³ Иванов Вс. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. С. 5.

⁹⁷⁴ Иванов Вс. История моих книг // Наш современник. 1958. № 1. С. 170.

Красной Армией Киева в ночь с 11 на 12 июня). Дегтярев показывает длительное отступление политотдела, потерявшего связь с дивизией, отмечает «импровизацию, неорганизованность и т.д. – к сожалению, черты, свойственные частям того времени»⁹⁷⁵, обращает внимание на «часто встречающееся враждебное отношение крестьян к красноармейцам»⁹⁷⁶, панику, бестолковую суету, дезертирство, бунт пластунского полка, растерянность командиров и т.п. Документально точный, в целом правдивый рассказ о Гражданской войне, возможно, этим и привлек внимание Иванова к очерку Дегтярева.

«Повесть <...> назвали берсонианской и фрейдистской, а попытку использовать мемуары – плагиатом»⁹⁷⁷, – вспоминал Иванов в «Истории моих книг». Действительно, практически сразу после публикации «Гибели Железной» встал вопрос о плагиате. В марте 1928 г. возмущенный Дегтярев направил статью в «Красную новь», а затем в «На литературном посту», но не получил ответа. 14 июля в «Комсомольской правде» была напечатана статья И. Ломова «Изуродованная история», в которой автор, сопоставив «идентичные» эпизоды и фразы из очерка Дегтярева и повести Иванова, делал вывод: «Иванов взял весь исторический ряд боевых и бытовых эпизодов, со всеми живыми людьми из воспоминаний т. Дегтярева и только присочинил к ним психологию, эротику и романтику по готовым рецептам литературных традиций»⁹⁷⁸. Еще через месяц газета публикует письмо самого Дегтярева «Заговор молчания». Автор, во многом повторяя Ломова и указывая на ошибки, допущенные невоенным человеком Ивановым (разведка скачет с большим черным знаменем и т.п.), подчеркивает главное отличие своего очерка от повести: «Основной идеей очерка <...> было показать роль партийной организации и политической работы в войне 1920 г. <...> И вот

⁹⁷⁵ Дегтярев Л. Политотдел в отступлении // Пролетарская революция. 1924. № 12. С. 219.

⁹⁷⁶ Там же. С. 222.

⁹⁷⁷ Иванов В. История моих книг // Наш современник. 1958. № 1. С. 170.

⁹⁷⁸ Комсомольская правда. 1928. 14 июля. С. 3.

этой организующей роли партии <...> не понял Иванов. В этом главное искажение исторической правдивости»⁹⁷⁹.

Следующим этапом дискуссии о плагиате стала статья, подписанная «В. Е.», в журнале «На литературном посту» с характерным заглавием «Не плагиат, но хуже». Ее автор признает талант Иванова, создавшего «эмоционально сильное и действенное произведение», в отличие от «слабых и неярких записок Дегтярева». Однако далее следует, что Иванов не сумел правильно использовать свой талант. И если бы нашелся другой писатель, который сумел бы показать «исключительно интересный процесс <...>, как политработникам-коммунистам удалось восстановить дисциплину в бригаде и завоевать доверие крестьян», то использование документальных материалов «можно было бы только приветствовать». Но Иванов, заключает критик, пошел по иному, неверному пути, «распространив психологический метод “Тайное тайных” на социальный материал»⁹⁸⁰.

Использование документальных материалов – «литературу факта» – с 1927 г. широко пропагандировали прежде всего участники группы ЛЕФ: «...автор статей заготавливает факты, цифры, выражения, беллетрист больше заготавливает изобразительные средства, детали описания, удачные слова, но оба работают не сразу, а имея на руках какой-то полуфабрикат. Конечно, беллетрист тоже нуждается в фактах, и вещи Толстого основаны на большом историческом материале, и без него сделаны быть не могут»⁹⁸¹. Не удивительно, что напостовцы, не развивая дискуссию о плагиате, обратили внимание на главное – «враждебность позиции Иванова основным организующим силам современности – партии и пролетариату»⁹⁸².

Действительно, Иванов использовал большие фрагменты текста очерка Дегтярева: встреча бригады с красноармейцами, переодетыми в петлюровцев; бунт пластунского полка, диалог с начальником бронепоезда,

⁹⁷⁹ Там же. 12 авг. С. 2.

⁹⁸⁰ На литературном посту. 1928. № 17. С. 13.

⁹⁸¹ Шкловский В. Техника писательского ремесла. М.; Л.: Молодая гвардия, 1927. С. 26.

⁹⁸² На литературном посту. 1928. № 17. С. 14.

встреча с агентом ЧК и др. Совпадали также хронологические рамки событий, имена действующих лиц (Гавро, Кабардо), топонимы (Борисполь, Фастов, Коростышевские леса и др.). При этом писатель существенно менял исходный текст и создавал произведение, открыто полемичное по отношению и к очерку Дегтярева, и к тогдашней литературе о Гражданской войне в целом. Приведем некоторые примеры.

Половецкую республику, которая только упоминается в очерке («вошли в область знаменитой Половецкой волости, известной своими бандами и своей Половецкой республикой, “независимой” при всех властях»⁹⁸³), Иванов превращает в мощный символический образ, запечатлевший реальные попытки создания религиозных крестьянских правительств в послереволюционное время и в целом передающий народное, мужицкое понимание революции. Здесь мы видим возвращение писателя к едва ли не важнейшей для него теме – крестьянской власти и мужицкого рая (подробно см. главу 4 диссертации). Трудно дать однозначное истолкование названию «Половецкая республика». В 1918 г. происходило перераспределение земель Украины. Половецкая земля территориально распространялась на Старобельский, Славяносербский, Бахмутский уезды с центром в Славянске.⁹⁸⁴ Возможно, речь идет об одном из крестьянских независимых правительств, которое возникло на этой территории. Есть упоминание о бандах Половецкого уезда в Оперативной сводке штаба украинской группы войск о положении на фронтах от 13 июля 1919 г.: «В Половецком, 20 верст юго-западнее Фастова, <...> бандами выставлено сторожевое охранение, население беспокойно...»⁹⁸⁵

В то же время можно предположить, что в повести Иванова представлен собирательный образ, впитавший в себя реалии прошлой и настоящей жизни России. В 1840–1860-е гг. XIX в. в разных географических

⁹⁸³ Дегтярев Л. Политотдел в отступлении. С. 233.

⁹⁸⁴ См.: Прицак О. Що таке історія України // Вісник АН УРСР. Київ, 1991. № 3. С. 34, 37. Сообщено Л.А. Киселевой.

⁹⁸⁵ Гражданская война на Украине. 1918–1920. Сборник документов и материалов: в 4 т. / отв. ред. С.М. Короливский. Т. 2. Киев: Наукова думка, 1967. С. 226.

пунктах России возникали и функционировали крестьянские общежития на началах коллективной собственности на средства производства, кооперативных форм труда и быта. Таковы общежитие «Любовь Братства», основоположенное сельским дьяконом Николаем Поповым; общежитие, созданное Михаилом Поповым в качестве опыта претворения в жизнь своего учения об «Общем уповании»; общежитие «Союзное братство», устроенное последователем Михаила Попова, крестьянином Иваном Григорьевым, и другие. Известно, что создатель учения об «Общем Уповании» М. Попов, которого крестьяне называли «праведный царь Михаил Акинтъич», в конце 1830-х гг. был сослан в Сибирь, где в селе Обетованном продолжал дело создания крестьянского общежития. В том же селе продолжал свою деятельность также сосланный в Сибирь еще один защитник народного идеала Правды — Тимофей Бондарев (1820–1898)⁹⁸⁶. Ни одна из этих «утопий» не просуществовала долго, но память о них хранилась в народе, и теоретически Иванову, исходившему в 1910-е годы всю Сибирь, эти факты могли быть известны. Примечательно, что один из героев «Гибели Железной», крестьянин из Барнаульского уезда, носит имя Тимофей Болдырев.

Что касается более близких ко времени написания повести «Гибель Железной» попыток создания независимых крестьянских правительств, возникавших во время Гражданской войны и действительно часто имевших религиозную основу, то и здесь можно предположительно назвать некоторые факты, возможно также послужившие материалом для писателя. Несмотря на то, что действие повести происходит на Украине, корни Половецкой республики стоит поискать не только там, но и в Сибири. Из предисловия Иванова, предваряющего публикацию повести в пятом томе Собрания сочинений, следует, что в основу сюжета, помимо описания похода 58-ой дивизии, легла история одного из полков алтайских партизан. Повсеместно в 1919–1921-е гг. вспыхивали крестьянские восстания против всех властей с

⁹⁸⁶ См.: *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М.: Наука, 1977. С. 327.

попытками создания своей истинно народной власти и в Сибири. Среди них наиболее близко к описанному в «Гибели Железной» восстание на Алтае в мае – октябре 1920 г. под руководством Ф.Д. Плотникова, называвшего себя «Главкомандующим Сибири». Участники отстаивали идею автономной Сибири, требовали созыва Крестьянского союза и Всероссийского земского собора. Главные организаторы повстанческой армии происходили из села Волчиха, где в детстве жил Иванов; село Лебяжье и город Павлодар, родные места писателя, были затронуты восстанием. Известно, что Плотников объявлял себя защитником религии⁹⁸⁷. В ходе Западно-Сибирского восстания в феврале–апреле 1921 г. также выдвигался лозунг «крестьянской власти».

«Мужицкий царь» Бессонов в повести Иванова наделяется именем, биографией и трагической судьбой. В очерке Дегтярева глава Половецкой республики не упомянут. Скорее всего, фамилия ивановского героя вымышленная. Среди прототипов можно назвать многих руководителей крестьянских восстаний в Сибири и на Алтае. Так, судьба Плотникова завершилась не менее страшно и фантазмагорично, чем судьба крестьянского царя Бессонова в «Гибели Железной»: в октябре 1920 г. после убийства Плотникова командир отряда особого назначения приказал везти труп в центр восстания – село Боровское – для показа кулакам и эсерам. Труп не повезли, но отрубили голову и провезли ее через восставшие села на клинках шашек⁹⁸⁸. В повести Иванова выдержанное в поэтике жестокого абсурда описание поездки политотдела с трупом Бессонова по восставшим деревням подчеркивало страшное безумие происходящего.

Назовем еще ряд существенных отличий повести Иванова от очерка Дегтярева. 58 стрелковая дивизия, нигде в очерке не названная Железной, становится у Иванова воплощением мужицкой мечты о справедливости («Мужик мне говорит: “Ваша дивизия мужицкая, она всем мужикам счастье несет и освобождение. Ее одну поэтому вся земля прозвала Железной”». Я не

⁹⁸⁷ См.: Сибирская Вандея 1919–1920 гг. Документы: в 2 кн. / сост. В.И. Шишкин. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. С. 140–267.

⁹⁸⁸ Там же. С. 267.

возражал»⁹⁸⁹) и, в отличие от реальной, целиком погибает при штурме Киева. Автор очерка, уверенный в себе начальник политотдела 58-й дивизии, в повести представлен как бывший парикмахер Ипполит Плешко: он сомневается во всем (в частности, в бесспорных для 1920-х гг. понятиях «измена», «предательство» и т.п.), мечтает о любви, красивых, старых словах и не выносит крови и насилия.

Радикально изменен Ивановым финал очерка. У Дегтярева заключительная глава выполнена в мажорной, победной стилистике: политотдел в Борисполе соединяется с дивизией, воссоединение сопровождается детским праздником; перед красноармейцами открываются крестьянские амбары: «С этого момента начинается блестящее наступление на поляков от Днепра до Вислы, полное самых прекрасных страниц»⁹⁹⁰. У Иванова – иной финал. В главе 22 не без иронии описано, как «в полном составе <...> политотдел мчится к ней [дивизии. – *Е.П.*] по шоссе», само же воссоединение выполнено в стилистике мрачного гротеска. Несокрушимую дивизию представляют: красноармейцы, на лицах которых, «как у очень старых людей», написано нежелание «спать, есть, разговаривать»; хмурые начальники; солдаты, играющие в карты на фоне пыльного садика с деревянным обелиском «Памяти жертв белогвардейского террора» в сочетании с «бесстрашно» сушащимися синими подштанниками. К обозам с хлебом красноармейцы бегут, как «к убийце бежит толпа»⁹⁹¹. Финал повести перекликается с заключительной главой повести «Бронепоезд 14-69»:

...Проходили в широких плисовых шароварах и синих дабовых рубахах – приисковые. <...> Проходили длиннорукие, ниже колен – до икр, рыбаки с Зейских озер. <...> И еще – шли закаленным каменным шагом пастухи с хребта Сихоте-Алинь... (96).

Шествие победителей, представленное в «Бронепоезде», через шесть лет превращается в дорогу гибели и свидетельствует, что тяжелый путь «великих партизан», «стариков-сибиряков» оказался напрасным.

⁹⁸⁹ Иванов Вс. Гибель Железной // Красная новь. 1928. № 1. С. 20.

⁹⁹⁰ Дегтярев Л. Политотдел в отступлении. С. 245.

⁹⁹¹ Иванов Вс. Гибель Железной. С. 50–51.

Вот сейчас прошли мимо его, тяжело ступая старыми мужицкими ногами, партизаны с Алтая. Они поднялись для борьбы с генералами давно. Они шли по снегам Сибири в белых балахонах, на лыжах; а затем сели в теплушки и поехали встречать весну к Польше, на Украину... Плешко многих из них знал в лицо и по имени-отчеству. Тут есть и из Бийского уезда, и из Бухтарминской долины. У них великолепные хозяйства и раскрашенные, как пряники, дровни. Вот прошли охотники из-под Иркутска. Он увидел одного торговца пушниной – этого-то зачем потянуло на смерть? <...> Крепостная печь пышет все сильней и сильней! Они идут спокойные, покрытые сединой, как идут спокойные хлеба в печь. Снаряды рвут мужицкие тела и удивляются: как же мало нательных крестиков на этих телах, седых, старых.

Иванов в повести описывает гибель мужиков, символически переосмысляя, как в сибирских рассказах и в книге «Седьмой берег», образ хлеба: мужики идут на смерть, «как идут спокойные хлеба в печь»; «ветер – теплый, пахнувший хлебом»⁹⁹², наполняет голову умирающего Болдырева. Вместо руководящей роли партии Иванов показывает, как комиссар Плешко во время решающего сражения сидит в палатке политотдела, дожидаясь приказа, видит гибель всех своих солдат, которых автор на этих заключительных страницах повести называет только «мужики» (слово «мужицкий» повторено на двух страницах пять раз), «охотники», «рыбаки», но не «красноармейцы», а сам так и не вступает в бой.

Мужицкие роты приближаются к Васильковским казармам, и Болдырев сопровождает свои роты. Четыре ряда проволок рвут мужицкие тела, мужицкое полотно рубак и не могут изорвать.

Мать поднесла парню новую рубаху, на счастье. И, вместе со своим сердцем и с синими пуговками по воротнику, повис парень на проволоке. Маленькая синяя пуговочка трясется. Ее трясет грохот орудий. Огни взрывом целиком сияют на ней. Погиб паренек, и рубаха погибла⁹⁹³.

Завершая «Гибель Железной», писатель акцентирует отсутствующие у Дегтярева, но ключевые для своего творчества этих лет темы – матери, не сумевшей уберечь сына от гибели, духовной пустыни, богоотступничества человека.

⁹⁹² Там же. С. 56.

⁹⁹³ Там же. С. 55–56.

В первом же критическом отклике на «Гибель Железной» отмечалось, что повесть воспринята как ожидаемый от писателя «решительный ответ» на все вопросы, поставленные в связи с оценкой «опасностей пути, на который сознательно или бессознательно стал Вс. Иванов сборником “Тайное тайных”»⁹⁹⁴. То, что «автор взялся снова за тему гражданской войны, с первого взгляда могло бы послужить хорошим предзнаменованием, – писал критик Кремнев. – К сожалению, <...> ни в каком другом произведении Иванова “подсознательное” <...> не играло такой большой роли. <...> То обстоятельство, что действие повести происходит в обстановке гражданской войны, только резче подчеркнуло *всю трагичность сегодняшней позиции автора “Бронепоезда”*»⁹⁹⁵ (курсив наш). В обзоре периодики журнала «На литературном посту» за февраль 1928 г. повесть Иванова сопоставлялась с романом А. Фадеева «Разгром»: «Тема здесь взята очень схожая с “Разгромом” А. Фадеева. Но если “Разгром” – произведение, сделавшее в известном смысле “эпоху”, то “Гибель Железной” вызывает целый ряд тревожных сомнений»⁹⁹⁶. Сравнивая поведение Левинсона и Плешко в разных ситуациях, критик подчеркивал, что первый «всегда был спокойным организатором, не поддававшимся панике, хладнокровно ориентировавшимся и в наиболее неблагоприятно складывавшихся обстоятельствах», в то время как второй «барахтается в волнах событий, слепо идет на те или иные решения» и т.п.⁹⁹⁷.

Безусловно, создавая «Гибель Железной», Иванов вступал в полемику с «Разгромом», написанным за год до его повести и считавшимся образцом для пролетарского писателя в раскрытии темы Гражданской войны. Фабула повести Иванова близка фадеевской: путь политотдела (у Фадеева – партизанского отряда) и главное сражение, завершающееся гибелью всей дивизии (у Фадеева – большей части отряда). Но если применительно к

⁹⁹⁴ Читатель и писатель. 1928. 11 февр. С. 9.

⁹⁹⁵ Там же.

⁹⁹⁶ На литературном посту. 1928. № 4. С. 81. Подпись: Н.Н..

⁹⁹⁷ Там же.

произведению Фадеева критики имели полное право писать: «Озаглавленная “Разгром” <...> повесть А. Фадеева могла бы быть озаглавлена и иначе – поэма о рождении нового человека»⁹⁹⁸, – то повесть Вс. Иванова оснований для таких оптимистических выводов не давала, к тому же в ней не было ни Метелицы, ни Морозки. Ее финал, вводящий интонацию народного плача-причитания и образ пустыни, резко контрастировал с устремленной в будущее финальной, почти толстовской картиной мира «Разгрома»: «Левинсон обвел <...> взглядом – это просторное небо и землю, сулившую хлеб и отдых...»⁹⁹⁹

В центре художественного мира «Разгрома» – новый человек, призванный «изменять то, что есть, и управлять тем, что есть»¹⁰⁰⁰. В этой художественной логике Фадеев создает центральный образ командира Левинсона, с горящим факелом ведущего отряд через трясины, – сравним с бездействием ивановского Плешко во время сражения. Полемизируя с Фадеевым, Иванов наделяет своего центрального героя – командира боевой дивизии – практически всеми качествами, присущими «никчемному» Мечуку: постоянными сомнениями, склонностью к самоанализу, мечтой о любви, отвращением перед кровью и насилием, – но при этом не делает его ни эгоистом, ни предателем. «Способность жить не своей, а общей жизнью коллектива и есть основная черта “настоящего героя”»,¹⁰⁰¹ – писал В. Фриче о романе «Разгром». Образ «настоящего героя» в «Гибели Железной» иронически переосмыслен автором: слово «герой» часто употребляется в несвойственном ему сниженном контексте: «Пора ягод и героев»¹⁰⁰²; «Герои героями, а кто командовать массой будет»¹⁰⁰³ и т.п. Наконец, еще одна линия полемики с фадеевским романом проявляет себя в решении вопроса о мужике в 1920-е гг. Фадеевский пролетарий Морозка по-горьковски

⁹⁹⁸ Фриче В. Заметки о современной литературе. М.; Л.: Московский рабочий, 1928. С. 132.

⁹⁹⁹ Фадеев А. Разгром. Л.: Прибой, 1927. С. 213.

¹⁰⁰⁰ Там же. С. 148.

¹⁰⁰¹ Фриче В. Заметки о современной литературе. С. 137.

¹⁰⁰² Иванов Вс. Гибель Железной. С. 12.

¹⁰⁰³ Там же. С. 17.

формулирует крестьянский вопрос: «Не люблю я их, мужиков <...> кровь другая: скупая, хитрая, трусы они все...»¹⁰⁰⁴. В то время как у Иванова Железная дивизия – это прежде всего мужицкая дивизия.

Говоря о литературном контексте повести Иванова, нельзя не упомянуть поэму С. Есенина «Страна Негодяев» (1922–1924), в которой, как и в «Гибели Железной», речь идет о борьбе с бандитизмом – характерной примете времени. В 1920-е гг. бандитами чаще всего называли восставших против Советской власти зажиточных крестьян – «кулаков» и казаков, «защищавших свое имущество», образы которых в литературе рисовались, как правило, самими негативными красками. В поэме С. Есенина, напротив, вскрывались иные, подлинные истоки крестьянского бандитизма: «Банды! Банды! / По всей стране / Куда не взглянешь, куда не пойдешь ты – / Видишь, как в пространстве, / На конях / И без коней, / Скачут и идут заостенелые бандиты. / Это все такие же / Разуверившиеся, как я...»¹⁰⁰⁵. За год до начала работы Есенина над «Страной Негодяев» Вс. Иванов в «Лоскутном озере» (1921) показал мужика-дезертира Андрейшу, который, после того как не осуществилась мечта крестьян спастись от кровопролития красных и белых и найти «спокойные земли», «пашню понюхать»¹⁰⁰⁶, идет в «чернобандисты». В добавленной в рассказ предположительно в 1925 г. второй части – «Чернобандисты» – жестокие по отношению к «ячеешникам-большевикам» бандиты показаны мужиками, тоскующими по «избяным запахам», вспоминающими о покосах. Их по-прежнему «травя-земля зовет»¹⁰⁰⁷, но реальность толкает на другую дорогу жизни.

Авторская характеристика бандитов из переработанного рассказа, которому Иванов в новой книге «Пустыня Тууб-Коя» (1926) дает заглавие «Анрейша», переходит в повесть «Гибель Железной»: «...бандиты сами

¹⁰⁰⁴ *Фадеев А.* Разгром. С. 135.

¹⁰⁰⁵ *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: в 7 т. 9 кн. Т. 3. Поэмы / сост. и подгот. текстов Н.И. Шубниковой-Гусевой; коммент. Е.А. Самоделовой и Н.И. Шубниковой-Гусевой; науч. ред. Л.Д. Громова и С.П. Кошечкин. М.: «Наука» – «Голос», 1998. С. 103.

¹⁰⁰⁶ *Иванов Вс.* Седьмой берег. М.; Пг.: Круг, 1922. С. 117.

¹⁰⁰⁷ *Иванов Вс.* Пустыня Тууб-Коя. С. 107.

сенокосом занялись»¹⁰⁰⁸. Мужики-бандиты из Половецкой республики и мужики-красноармейцы Железной дивизии близки в своем желании работать на земле: «...давеча мужики дивизионные жалуются: к уборке не попасть»¹⁰⁰⁹.

Непохожий на бандита «обыкновенный мужик» из деревни Калитва в романе А.П. Платонов «Чевенгур» – еще один персонаж, родственный по духу ивановским бандитам из села Бессоновка. Внутренняя близость существовала и между произведениями Платонова и Иванова, время работы над которыми практически совпадало. В 1926–1927 гг., по свидетельству Т.В. Ивановой, на недолгое время произошло сближение двух писателей: А. Платонов бывал дома у Вс. Иванова на Тверском бульваре, 14, хорошо знал его жену А. Иванову-Веснину, дружеские отношения с которой сохранились у Платонова до конца жизни¹⁰¹⁰.

Иванов начала 1920-х, с его экзотичностью, яркостью красок, колоритными кряжистыми фигурами мужиков, безусловно, далек от Платонова. Но у Иванова периода «Тайное тайных» есть с Платоновым важные точки соприкосновения. Буйная природа в произведениях Иванова как будто тускнеет: «...бригада шла Половецкой республикой, проселочными скучными дорогами, среди полей. Изредка попадались болотца, серые какие-то топи, и небо над унылыми и тощими полями было серое и скучное»¹⁰¹¹ («Гибель Железной»). Сравним: «...там, где ночью было страшно, лежали освещенными и бедными простые пространства.<...> уже открывались воздушные виды на чевенгурские непаханные уголья, на сырость той уездной речки, на все печальные низкие места, где живут тамошние люди» («Чевенгур»)¹⁰¹². В этом покинутом Богом мире, под «серым», «реденьким», как плохой ситчик» (Иванов), «безвыходным»,

¹⁰⁰⁸ Иванов Вс. Гибель Железной. С. 12.

¹⁰⁰⁹ Там же. С. 53.

¹⁰¹⁰ Иванова Т.В. Вечности заложник. Архив Т. В. Ивановой. См. об этом: Папкова Е.А. Муза автора «Тайное тайных» // Текстологический временник. М., ИМЛИ РАН, 2012. С. 689–718.

¹⁰¹¹ Иванов Вс. Гибель Железной. С. 43.

¹⁰¹² Платонов А. Сочинения. Том третий. 1927–1929. Чевенгур. Роман / подг. текста и коммент. Н.В. Корниенко, Е.А. Папковой; гл. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 165.

«равнодушным» (Платонов) небом, люди маются, тоскуют и ищут правду. По пустынным дорогам этой России ходит мужик, называющий себя богом (Иванов «Бог Матвей», Платонов — «Чевенгур»), здесь в одиночестве поют неизвестные полоумные женщины (Иванов «Подвиг Алексея Чемоданова», Платонов — «Чевенгур»), а звуки Пасхальной заутрени и воспоминания о Пасхальной ночи (Иванов «Пустыня Тууб-Коя») не будят в душах людей света, зовут «к тревоге и желанию, а не к милости и миру»¹⁰¹³.

Простые люди – крестьяне и бывшие крестьяне, «прочие» – оказываются в пореволюционной реальности в роли «строителей страны»: идеологема 1920-х гг. обыгрывается в заглавии повести Платонова «Строители страны» и в тексте повести Иванова: «Мы все строители. <...> Раз живешь, значит строитель»¹⁰¹⁴. Но в отличие от предлагаемой официальными идеологами «картины будущего», также совпадающей в некоторых деталях у Иванова и Платонова («поезда с ситцем и сукном, едущие в кооперативные деревни»¹⁰¹⁵ – «Чевенгур»; «село будет освещено электричеством, и девки в шипящих новых ситцевых платьях, – грудастые и широкозадые, – в обнимку с парнями, горланя и смеясь, пойдут по улицам»¹⁰¹⁶ – «Гибель Железной»), которая не трогает душу, тоскующие, задумавшиеся герои обоих писателей начнут «строить» свой коммунизм, осуществлять свою мечту. «Повесть “Строители страны” переросла в конце 1927 года в широкое эпическое повествование об истоках и последствиях богозабвения в национальной истории, о страшных безднах и тупиках устройства мира на новых религиозных догмах»¹⁰¹⁷, – эта исследовательская формула пути Платонова к «Чевенгуру» помогает осмыслить и путь Иванова к повести «Гибель Железной», создававшейся, как и «Чевенгур», в 1927 г.

¹⁰¹³ Там же. С. 265.

¹⁰¹⁴ Иванов В. Гибель Железной. С. 11.

¹⁰¹⁵ Платонов А. Сочинения. Том третий. С. 227.

¹⁰¹⁶ Иванов В. Гибель Железной. С. 22–23.

¹⁰¹⁷ Корниенко Н.В. История текста и биография А.П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. С. 116.

Показательно, что критика конца 1920-х гг. указала на близость подхода к человеку у Иванова и Платонова. В рецензии на повесть «Сокровенный человек» Н. Замошкин отметил: «А. Платонов пишет всерьез, ищет новых точек зрения на предмет, копается в самых основаниях душевной и социальной жизни. <...> Все время кажется, что писатель изнемогает в попытках показать “тайное тайных” своих, не совсем обычных, героев»¹⁰¹⁸.

В № 2 журнала «Красная новь» за 1928 г. был напечатан рассказ Вс. Иванова «Подвиг Алексея Чемоданова», подтверждающий, что писатель по-прежнему стремится показать историю Гражданской войны в России с тех новых позиций, которые дала ему работа над книгой «Тайное тайных». Это прекрасно поняла критика 1920-х гг., что и вызвало однозначную реакцию – неприятие. «...последние произведения Вс. Иванова [«Подвиг Алексея Чемоданова» и «Гибель Железной». – *Е.П.*] не дают основания говорить о желаемом повороте»¹⁰¹⁹, – писал в одной из первых рецензий В. Ермилов, споря с критиками, которые в темах гражданской войны увидел возвращение Иванова к прежним, революционным мотивам его творчества. «Этот рассказ представляет собой блестящее достижение Вс. Иванова, – если предположить, что автор поставил своей задачей разоблачить бессилие “ratio” перед всемогущим господством подсознательного»¹⁰²⁰, – иронизировал Ермилов, при этом указывая на особенность творческой манеры писателя.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. критика на родине и за рубежом подводила итоги творческого пути Вс. Иванова, отмечая, в частности, трансформацию темы Гражданской войны. «В смысле социально-психологическом, путь Иванова – путь деградации, – резюмировал Вяч. Полонский. – Поэт революционной партизанщины, по мере того, как выветривалось его революционно-крестьянское мировоззрение – он превратился в поэта разлагающегося мещанства эпохи пролетаркой

¹⁰¹⁸ Новый мир. 1928. № 3. С. 269.

¹⁰¹⁹ Ермилов В. Еще о творческих путях пролетлитературы // На литературном посту. 1928. № 6. С. 17.

¹⁰²⁰ Там же

революции»¹⁰²¹. Апофеозом развенчания былой надежды новой русской литературы становится статья об Иванове в «Литературной энциклопедии» 1930 г.:

Образ асоциального, поработанного примитивными инстинктами человека стремительно заполняет все творчество Иванова, упрощаясь и обезличиваясь до пределов голой схемы. <...> Техника оскудевает до последней крайности. <...> Мотивы и образы сливаются почти целиком, исчерпываясь в огромном большинстве случаев бунтом и неизменной победой биологии, «подсознательного», над нормами социального общежития, над директивами общественного сознания. <...> Творчество позднейшего Иванова чуждо социалистической революции¹⁰²².

Критики русского зарубежья по-другому оценят путь Иванова. «В писателе наметился перелом: он идет в сторону большей художественной сжатости и сухости к какой-то сосредоточенности действия и характеристик героев. И все сильнее звучит в его вещах пессимистическая нота»,¹⁰²³ – писал М. Слоним. Он же спустя несколько лет так представил причины произошедшего «перелома»: «Точно тень упала на творчество Всеволода Иванова, и он заговорил о том, что жизнь, за которую шли умирать и убивать его могучие партизаны, не заслуживает ни восторгов, ни подвигов»¹⁰²⁴. Практически те же причины указывал П. Милюков, защищая Иванова от нападок советских критиков, конкретно – Полонского:

...в творчестве Всеволода Иванова после пережитого напряжения наступает моральный коллапс. <...> Ужасы уже рассказываются как ужасы, без ореола подвига и жертвы. «Народу-то сколько перебито», – говорит старик в одной из повестей. И место радости жизни занимает тоска и страх умирания. <...> «Исчезло оправдание борьбы», – тоскуют критики. И хотя они признают что изобразительная сила кисти Иванова «возросла необычайно» в произведениях второго периода, тем не менее они резко осуждают «разложение когда-то революционных настроений», особенно ясное в цикле

¹⁰²¹ Новый мир. 1929. № 1. С. 235.

¹⁰²² Литературная энциклопедия. Т. 4. М.: Изд-во Коммунист. акад., 1930. С. 402–403.

¹⁰²³ Воля России. 1928. № 2. С. 124.

¹⁰²⁴ Слоним М. Портреты советских писателей. С. 72.

«Гайное тайных» (1927), с его щемящей тоской с его подсознательными мотивами действий¹⁰²⁵.

Трансформация одной из главных тем не только творчества Всеволода Иванова, но и практически всей советской литературы 1920-х гг. – темы Гражданской войны – будет так представлена М. Слонимом:

Путь, проделанный Ивановым – от внешнего бытовизма к изображению внутренней драмы человека, от радостного опьянения борьбой и движением революции к невеселому взвешиванию ее ценностей, – соответствует всему развитию советской литературы, за пятнадцать лет своего существования сменившей натурализм героического стиля на психологизм и моральную тревогу¹⁰²⁶.

Подводя итоги, отметим, что Гражданская война в творчестве Иванова изначально была представлена противоречиво, показывала различие целей крестьянства, интеллигенции, отчасти рабочих и непонимание этих целей самим писателем, отразившееся в автобиографических рассказах. На протяжении конца 1910–1920-х гг. тема претерпела существенную трансформацию: от показа борьбы за разрушаемую большевиками Россию в первых «очерках фронта», борьбы крестьянства за землю в «Партизанских повестях» до сомнений в истинности этого пути и осознания бессмысленности и трагедии кровопролитной войны в произведениях середины 1920-х гг.

¹⁰²⁵ Милуков П. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Вера. Творчество. Образование. Ч. 1. Церковь и религия. Литература. Париж: Соврем. записки, 1931. С. 430.

¹⁰²⁶ Слоним М. Портреты советских писателей. С. 73.

ГЛАВА 4. Крестьянская Россия Всеволода Иванова на пути к социальному идеалу.

4.1. Странники и правдоискатели в книгах «Рассказы» и «Рогульки».

Горький опыт XX века – мучительное расставание с мыслью об осуществленном «светлом коммунистическом будущем» в пореволюционной России и кризис социально-утопических идей в Европе – стремятся в XXI веке осмыслить философы и социологи, историки и филологи. Необходимость целостного изучения социально-утопических идей и движений диктуется желанием не только понять прошлое, но и вновь попытаться найти ответ на «вечный» вопрос о возможности достижения в ходе истории идеала общественного устройства. Изучая природу утопизма на разных социальных уровнях, выдающийся исследователь К.В. Чистов показал, что человеческое мышление, веками бившееся над решением этого вопроса, рождало не только утопические системы философов, ученых и политиков, но и народные легенды и движения, которые «развивались задолго до появления ученого утопизма, параллельно с ним и независимо от него» и «были тем фундаментом, питательной почвой, без изучения которой история утопизма непредставима»¹⁰²⁷.

Еще в 1922 г. Л.Д. Троцкий в творчестве «мужиковствующих попутчиков», Вс. Иванова, С.А. Есенина и Н.А. Клюева находил черты «советского народничества», предъявляя упрек в том, что обещаемый ими через революцию рай – «только увеличенное и приукрашенное мужицкое царство; пшеничный, медвяный рай»¹⁰²⁸. Пшеничный рай – вольная земля, где человек может свободно трудиться на пашне, как показали исследователи русской народной утопии К.В. Чистов, А.И. Клибанов и другие, являлся почти всегда неотъемлемым компонентом русских утопических легенд «о далеких землях».

¹⁰²⁷ Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). С. 444.

¹⁰²⁸ Троцкий Л.Д. Литература и революция. С. 2.

Новый этап изучения творчества Иванова дает возможность говорить о нем как об оригинальном мыслителе своего времени, попытавшемся в своем художественном творчестве 1910–1920-х гг. осмыслить масштабные социально-политические движения в европейской и азиатской России в контексте народных утопических представлений разных культур Востока и Запада. Творчество Иванова никогда не рассматривалось с точки зрения трансформации народно-утопических легенд, создания на фольклорном материале авторских легенд и преданий и их реального контекста. На традиционные для жанра утопических легенд образы и топонимы в рассказе Иванова «Дите» (1921) обратила внимание в 1980-е гг. Л.А. Пудалова: «Когда автор пишет об Индии и Китае, он <...> не имеет в виду территории, обозначенные на карте, это не что иное, как “непознаваемые страны на семи берегах”. <...> “Непознаваемые страны” – это как раз то, что в фольклоре называется “тридевятым царством, тридесатым государством”, которое “высоким-высоко”, “далеким-далеко”»¹⁰²⁹, – но связала их появление с традициями сказки в творчестве писателя. Отметим также главу в монографии Е.А. Краснощековой «Художественный мир Всеволода Иванова», посвященную незавершенному роману писателя «Сокровища Александра Македонского, который относится к позднему периоду его творчества – 1940–1960-е гг. При подготовке к печати редакций и вариантов текста романа О.В. Быстрова также касалась этой проблематики¹⁰³⁰. Однако в данном случае речь шла о книжных источниках романа, а не о фольклорных.

В настоящем исследовании утопические легенды в творчестве Иванова впервые рассматриваются в историческом и политическом контекстах XX в. Выскажем предположение, что во всех случаях использованные или созданные Ивановым утопические легенды, помимо фольклорных источников, круг которых существенно шире, чем предполагали исследователи творчества писателя, имели истоки в общественно-

¹⁰²⁹ Пудалова Л.А. Проза Всеволода Иванова и фольклор. С. 62.

¹⁰³⁰ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 525–635.

политической реальности пореволюционной эпохи, богатой на утопии – начиная от «Сибирского Союза Вольных Штатов», предложенных в 1917 г. областниками, и заканчивая разными формами политического утопизма в СССР в 1920-е гг.

Утопические мотивы появятся в легендах Иванова уже в 1916 г. («Рао»), но наиболее ярко будут представлены в произведениях писателя, начиная с 1918 г. Видимо, пришло время осмыслить первые последствия для народной жизни произошедшей революции. Литература Сибири не сразу вступает на этот путь.

Хотя главные литературные журналы региона, «Сибирские записки» и «Сибирский рассвет», продолжают издаваться в 1919 г., публикуемые в них рассказы и повести вызывают недоумение у рецензентов. Г. Младов в обзоре «Сибирские журналы» отмечает «любопытный факт»: «...в журнале, издающемся в стране, в которой вот уже два года пылает до неба пламя революции, мы совершенно не встречаем в беллетристике отзвука совершающихся грозных событий»¹⁰³¹. А критик С. Жидиловский в статье «Литература и жизнь: Барабанная литература» объясняет, почему, по его мнению, отечественная литература играет в совершающихся событиях «поистине жалкую роль»: «Вы тут не найдете желания охватить переживаемую русским народом драму, вникнуть в смятение народной души, в страдания и муки народные. <...> нет живой боли за живую человеческую душу»¹⁰³². Возможно, предполагает критик, это происходит потому, что писатели-прозаики еще не сумели по-настоящему осмыслить происходящее.

Более живой и непосредственный отклик на современную жизнь давала поэзия. Приведем несколько примеров. Друг Иванова И.П. Малютин в стихотворении «Воспоминание», напечатанном 2 февраля 1919 г. в газете «Земля и труд», описывает родной край:

Грустны покинутые нивы,

¹⁰³¹ Земля и труд. 1919. 5 мая. С. 2.

¹⁰³² Сибирский рассвет. 1919. № 9. С. 145.

Печально смотрят васильки...
Не слышны песен переливы,
Ушли на битву мужики. <...>
И вот ужасная картина.
Сгубив духовной темнотой,
Враги терзают исполина...
Ох, тяжела твоя судьбина,
Залитый кровью край родной¹⁰³³.

Один из неизбежно возникающих вопросов, нашедших отражение в творчестве сибирских поэтов 1919 г., это вопрос о том, почему путь в обетованную землю свободы и справедливости, которая казалась такой близкой в феврале 1917 г., обернулся для России «днями години злой»¹⁰³⁴ (А. Филимонов «Песни народные»). Другой товарищ Иванова, Худяков, в стихотворении, опубликованном в газете «Земля и труд» в апреле 1919 г., противопоставляет надежды и реальность:

То не в край обетованный
Собрались идти племена –
На кровавый пир, бездомный –
Собрались на бранный бой!..
Над бездонностью туманной,
Кольхая их знамена,
Им грозит из бездны темной
Смерть костлявою рукой!..¹⁰³⁵

Ему вторит поэт А. Смарагдов в стихотворении «Под знаком зверя»:

Какою скорбною тропой
Идет народ мой к совершенству.
С глазами, полными мольбой,
К недостижимому блаженству.¹⁰³⁶

Подобный вопрос задаст себе и Иванов в книге 1919 г. «Рассказы», но за ответом обратится не к современности.

¹⁰³³ Земля и труд. 1919. 2 февр. С. 3.

¹⁰³⁴ Сибирские записки. 1919. № 4–5. С. 74.

¹⁰³⁵ Земля и труд. 1919. 5 апреля. С. 2.

¹⁰³⁶ Там же. 3 июля. С. 3.

Понимание того, что истоки происходящих страшных событий надо искать не в настоящем, приходило не сразу. Одна из статей, опубликованных летом 1919 г. в журнале «Сибирские записки», носила заглавие «Анамнез». Датирована она апрелем 1918 г., то есть до колчаковского переворота. Имени Колчака в ней еще нет, зато упомянуты Ленин, Троцкий, Чернов – «навязчивые маклера, которые из кожи вон лезут», пока «главного персонажа истории» – народ – «не видно и не слышно»¹⁰³⁷. «Будущий историк нашей эпохи все приведет в ясность, – пишет автор, указавший лишь буквы своего имени и фамилии, – «М.Л. Б–д.». – Но пока что и мы сами, и наша мысль беспомощно несетя по течению сумбурных и просто бурных событий. <...> Мы взываем, призываем, вразумляем... <...> В сущности же все это одно вымученное автоматическое действие. <...> А в действительности в сознании – одна смертельная усталость, а под нею притаились конфуз и растерянность»¹⁰³⁸. Сейчас можно, как считает автор, сделать только одно: попытаться «отбросить настоящее в даль минувшего и на отдалении искать смысл, происхождение и связь страшного настоящего с прошлым, в котором должны быть его корни»¹⁰³⁹. Этим путем пойдет Иванов, но пойдет по своему.

Книги Иванова 1919 г. «Рассказы» и «Рогульки» стали своеобразным итогом сибирского периода творчества писателя и обозначили его будущие основные направления. В сибирской литературе этого времени, в русле реалистической традиции, ориентированной на горьковское «Знание», развивалось творчество писателей, обращавшихся к жизни ссыльнопоселенцев Сибири: рассказы П. Н. Низового «Час девятый» (1919), И.Г. Гольдберга «Его путь» (1919), А.О. Никулина «Неуделов» (1919) и др. Тематика (быт, взаимоотношения и душевные переживания ссыльных революционеров-интеллигентов и т.п.) и стилистика этой прозы были совершенно чужды молодому Иванову. Напротив, внешняя и особенно

¹⁰³⁷ Сибирские записки. 1919. № 3. С. 44.

¹⁰³⁸ Там же. С. 41.

¹⁰³⁹ Там же. С. 44.

внутренняя жизнь людей из народа, прежде всего крестьян, реже – рабочих, уже в первых рассказах начинающего автора стоит на первом месте. Одной из главных тем обеих книг становится тема народного правдоискательства и странничества.

Книгу 1919 г. «Рассказы» открывает «Купоросный Федот», в начале текста дано указание на время:

Пришли с *войны* (здесь и далее курсив наш) солдаты. Стали рассказывать про пушки, автомобили да аэропланы. Казалась *война одной кровавой громовой ямой, где нет места душе.*

Подошел к солдатам Федот (лицом он был синий – потому и купоросным прозвали его) и с корчей какой-то просипел:

– Врите боле, стервы! У меня вон книжка есть – Миликтриса Кирьбитьевна. Там тебе и ковер-самолет и скатерть-самобранка. Так-то хвороба. У вас с голодухи мрут, а?... *В инакову пору-то, басче было...*¹⁰⁴⁰

Больше на страницах сборника война упомянута почти не будет, но отсвет ее лежит на душах героев, к которым приковано внимание автора. Как бы в ответ смерти и голоду рождается в сердце мужика Федота мечта о «мире што сказка».

Не так далеко от сибирской деревни, где Федот строит из жердей «ароплан», чтобы полететь, стоит другая, в которой живет Михаил, по прозвищу Анделушка – ангел («Анделушкино счастье»). Все его помыслы о «Миниар-Писании» – «доброй книге»: «...кто вникает в ее, матушку, весь мир переделать к добру сил возымет»¹⁰⁴¹. На пути к недостижимой мечте и приехавший в небольшой город Зейск молодой актер Подгорный-Савицкий («Дуэн-Хе – борец из Тибета»; Иванов использует девичью фамилию матери – Савицкая). От «родной стороны, на юго-запад, к Китаю» движется фургон с бродячими цирковыми артистами – героями рассказа «Американский трюк». В журнальной публикации (Возрождение. Омск, 1918. № 5–6) повествование в рассказе велось от третьего лица. В сборнике «Рассказы» герою дана

¹⁰⁴⁰ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 64.

¹⁰⁴¹ Там же. С. 68.

фамилия «Васильев», а в книге «Рогульки», куда вошел вариант текста, она заменена на имя «Василий», и от его лица идет повествование. Имя Василий (Васька) носят многие герои рассказов писателя 1918–1921 гг. Реально это еще одно имя самого Иванова, имевшего в 1919 г. фальшивые документы. В автобиографическом рассказе 1921 г. «В дни бегства» на вопрос матери: «Тебя как зовут-то теперь?» – сын отвечает: «Василий»¹⁰⁴². Завершает сборник рассказ «Гривенник», герои которого «я и моя жена». Рассказ открывается словами: «Произошло это еще до войны»¹⁰⁴³, – таким образом, тема войны, с одной стороны, обрамляет книгу, с другой – указывает на некоторую вневременность и событий, и настроений людей, ее героев. Война, как мощный реальный катализатор, усилила исконно присущее русскому человеку стремление к миру правды и справедливости, которое влечет его в странствие к далеким землям. Сам писатель, чьи помыслы так долго занимала мечта об Индии, прекрасно понимал это.

Поиски героев всех вошедших в книгу произведений оказываются безнадежными. Строки: «Ты ее никогда не догонишь, / И олени умрут на бегу. / В белом чуме схоронишь / Северную свою звезду. // Я не верил. И с собою споря, / Гнал оленей порывами гнева...»¹⁰⁴⁴ – из стихотворения Иванова «Говорили, в вечерних зорях...» можно было бы поставить эпитафией ко всему второму сборнику произведений писателя. Вера, тоска по ней, ее поиски, обретения и утраты – вот, наверное, что более всего интересует Иванова в «тайном тайных» души его странников и правдоискателей. Вера ведет ивановских героев на поиски обетованной земли, но слишком часто путь их – это «путь безумцев». Так называлась одна из статей в журнале «Сибирский рассвет» (1919. № 3–4. Подпись: П. Тупиков), открывавшаяся словами: «Колесница человеческого прогресса в наши дни несетя с головокружительной быстротой»¹⁰⁴⁵. Далее

¹⁰⁴² Грядущее. Пг. 1921. № 9–12. С. 49.

¹⁰⁴³ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 79.

¹⁰⁴⁴ Там же. С. 74.

¹⁰⁴⁵ Сибирский рассвет. 1919. № 3–4. С. 127.

перечислялись «достижения» человечества: «...десятки изобретений и открытий <...> сделаны за годы войны с целью разрушения и взаимоистребления. Стальные чудовища “танки”, аэропланы-истребители, струи горящего воздуха, смертоносные газы и пр., и пр.»¹⁰⁴⁶. Строительством «ароплана» занят и купоросный (о человеке: сердитый, упрямый, ворчливый¹⁰⁴⁷) Федот. У Иванова действия Федота представлены как своеобразное богоборчество. В начале рассказа Федот, задав солдату, упавшему во время войны с аэроплана и покалеченному, вопросы: «А Бог есть? А есь – так пошто он тебе крыльев не дал? Ты бы и полетел», – сам отвечает на них: «Значит нету надобы»¹⁰⁴⁸. Но мечта о «мире што сказка» побеждает в душе героя смирение перед Божьим промыслом. «А что – я хуже? <...> Дуракам Иванушкам ковры-самолеты да Жар-птицы доставались... Я не дурак, брат», – уверяет себя Федот. Крестьянин Федот Иванова – персонаж, характерный для русской жизни. Одним из источников сюжета рассказа могла стать статья В. Зибера «Sicituradastra (Так идут к звездам)», опубликованная в журнале «Сибирские записки» весной 1919 г., в которой рассказывалась история некоего П. К. из села Александровского под Петроградом, строившего в своей мастерской аэроплан:

Не видя поддержки, не находя ни в ком сочувствия своему изобретению, он упал духом, потерял интерес ко всему. <...> Неумытый, небрежно одетый, он целые дни метался по селу с сучковатой палкой, когда его останавливали вопросом: «Куда идешь?» – он отвечал: «Ищу». Бог вещь чего искал этот помутившийся ум: правды ли в людях, средств ли для своего «Экипажа XX века» или, быть может, тех, чья рука в одну минуту разрушила плоды долгих дум, расчетов и трудов¹⁰⁴⁹.

О человеке подобного душевного склада Иванов мог слышать от поэта Малютина, который вспоминал в автобиографии (март 1917 г.): «...отец мой ни в моленную [мать Малютина была из семьи старообрядцев. – *Е.П.*], ни в церковь не ходил, в нем шла какая-то упорная духовная борьба, он искал все

¹⁰⁴⁶ Там же. С. 131–132.

¹⁰⁴⁷ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 221.

¹⁰⁴⁸ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 64.

¹⁰⁴⁹ Сибирские записки. 1919. № 3–4. С. 84–86.

настоящую веру и не мог найти. <...> ...живя дома один, <...> целые ночи проводил за чертежами и планами моделей “вечного движения” <...> А иногда и запивал горькую...»¹⁰⁵⁰. Напивается и разрушает свою «взлелеянную работу» Федот, услышав от деревенского учителя простые и душевные слова: «Сердцем не вышел. Хлипок. Не полетишь». В описании происходящего в душе Федота уже чувствуется будущий автор «Тайное тайных». При включении рассказа в свой третий сборник, «Рогульки», автор будет работать над этой частью рассказа, проясняя, а иногда и скрывая душевные терзания героя. Сравним текст в двух книгах (курсивом отмечен текст в книге «Рассказы», полужирно выделены изменения в тексте в сборнике «Рогульки»):

И будто что вынули из груди Федота. Размяк сразу весь, словно угорел. Постоял, потоптался на месте.

Обедать пошел и не мог есть. Ослонила со всех сторон тоска, обдержания. Опять на стройку пошел.

Голову загнетала мысль: “хлипок, а?” **куричье сердце?** [*И точно на послухах у кого эта мысль была.*] **И точно спрятана где была эта мысль**, а теперь выскочила, заполнила все существо и сразу вера в себя и бодрость пропали.

Душно было – будто сердце – раскаленная каменка и брызнули на [*эту каменку*] **на нее** водой...

И остекленивши сказал Федот:

– Их, оглух.

<...> Вышел учитель – в белой рубашке и белой фуражке и тихо, грустно сказал:

– Коли горит голова, – лучше не кричать. **А коли болит душа.**

И попросил закурить¹⁰⁵¹.

Представляя в своих ранних произведениях странников-правдоискателей, Иванов обращается к сюжету и типам героев, знаковых для литературы Сибири. К.В. Анисимов в публицистике «старших областников», Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, выделяет два разных типа героев-странников. Первый – это близкий областному идеалу сибиряк-старообрядец,

¹⁰⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 1259. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 2.

¹⁰⁵¹ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 85.

который отправляется на поиски легендарного Беловодья. В 1880-е гг. Потанин и Ядринцев видели в замкнутых, обладающих невиданной для регулярного русского государства свободой поселений староверов основу для будущей независимой Сибири. По мнению Анисимова, «утопизм веры сибирского интеллигента-“патриота” в крестьянскую общину сибирских старожилов естественным образом гармонировал с сюжетом о Беловодье...»¹⁰⁵² Вторым типом странника, во многом выступающим антиподом первого, является «бергал», выразитель «темы неприкаянности и вечного бегства».¹⁰⁵³ Этот общественный тип сибирской жизни не нов для публицистики края: «О бергалах (бергайлерах, горных рабочих) писал <...> Ядринцев, например, в очерке “Сибирская Швейцария (Из путевых заметок об Алтае)” (1880)». Далее исследователь цитирует Н. Ядринцева: «Человек давно без собственности, без будущности, он беззаветен, беспечен, разгулен, дерзок; вечно с насмешкой на устах; он не привык к жалости, ибо он не видел ее; озлобленный, беспощадный, он гроза, куда появляется. Этот заводской пролетарий давно потерял облик мирного благодушного крестьянина»¹⁰⁵⁴. В начале XX в. образ «беграла» начинает пониматься шире. Анисимов указывает: «В своей позднейшей работе “Интернационалисты и областники” Потанин назвал этот тип характера “экстерриториальным человеком”. Он, конечно, далеко не нов для областников. В 1919 г. Потанин лишь подвел черту под этим типом, описав его происхождение и роль в политических конфликтах пореволюционных лет. <...> Ключевая черта этого героя – мобильность, “охота к перемене мест”, не подкрепленная желанием остаться где бы то ни было, предвзятость оценок, поверхностность... <...> Если героем, близким областному идеалу продолжает оставаться кержак-старообрядец, то выразителем темы неприкаянности и вечного бегства способен стать “бергал”...»¹⁰⁵⁵. В литературе первого десятилетия XX в., как

¹⁰⁵² Анисимов К. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков. С. 233.

¹⁰⁵³ Там же С. 248.

¹⁰⁵⁴ Цит. по: Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков. С. 245–246.

¹⁰⁵⁵ Там же. С. 248.

отмечает исследователь, в творчестве А. Новоселова и Г. Гребенщикова, «мировоззренческие схемы» 2-ой половины XIX в. преобразуются. Так, анализ повести Новоселова «Беловодье» дает возможность Анисимову прийти к выводу: «Исходная антитеза областнической культуры у Новоселова словно переворачивается с ног на голову: более или менее пассивные “беловодцы” приведены на край гибели героем, олицетворяющим “патриотическую” привязанность к пространству (как своей деревни, так и искомого рая), а спасены персонажем, нуждающимся в странствиях, как в воздухе. <...> Тяга к утопическому пространственному локусу не расценивается отныне как единственно возможный сценарий для героев, в то же время спасительным может стать как раз отсутствие “географического догматизма”, рациональное и в чем-то даже авантюрное отношение к путешествию в открытый, неизвестный мир. Похожим образом проходили творческие искания сибирских литераторов – современников Новоселова»¹⁰⁵⁶.

В своих рассказах 1918–1919 гг. Иванов представит персонажей, по своему воплощающих как сибирский идеал кержака-старообрядца, так и бродягу-«бергала».

Тема старообрядчества впервые появляется и наиболее ярко раскрывается в рассказе «Анделушкино счастье». Герой Михаил, по прозвищу Анделушка, происходит из рода Дерюгиных: «Старики древлей веры придерживались, двуперсто осенялись, так и дале уважение к древлему шло»¹⁰⁵⁷. В поселке, где он живет, старая вера утрачена, но и новая не сильна. Священник, отец Викентий, сосланный в этот приход за пьянство, обзывает прихожан двоеданами «за глупые рассказы», а в церкви казаки крестятся равнодушно, думают о своих делах, молодежь посмеивается над исступленной религиозностью Анделушки. Читая слова из древней книги, отец Викентий скажет о нынешней вере: «Да... штука... Красиво как

¹⁰⁵⁶ Там же. С. 249–250.

¹⁰⁵⁷ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 66.

переписано, лучше чем печатна... Как раньше болели об Боге-то... А теперь, ишь...»¹⁰⁵⁸

Мечта героя о дивной книге, в которой вмещается вся «правда» и с помощью которой можно «мир к добру переделать», рождена из родового предания о старце Пафнутии, истоки которого на сегодняшний день не выявлены. В соответствии с преданием, книга спасения, куда старец Пафнутий пишет свои грехи, создается им на пути покаяния и страдания: «А и черные грехи свои писал – в “Миниар-Писание” – кровью красной словеса окрашивались, молитвы чудные получились. А и красно-красные грехи свои писал – милостью божеской в синие-синие словеса молитв грехи окрашивались. Сорок дней и сорок ночей писал премудрый Пафнутий-старец причудную книгу толщиной восемь досок вершковых, книгу ту “Миниар-Писание”»¹⁰⁵⁹. Мечтающий о «Миниар-Пиании» как о «счастье», Анделушка вырывает лист из неизвестной ему древней книги, увиденной в церкви, и убегает с ним от преследований. Обратим внимание, как передает писатель душевное состояние героя, лишенного дара Слова:

Порывисто, как волк, наскочила мысль...

Мутная, палящая кровь ополоснула тело...

Знойным потоком прокатилась по лицу, рукам и туловищу...

А потом забило холодной дрожью...

Не ощущая ничего затвердевшими внезапно руками, грубо вырывает Анделушка из книги плотный, жирно хрустящий лист¹⁰⁶⁰.

Но никто не понимает, чего же хочет Анделушка, а объяснить свои добрые намерения он не может. Потому в глазах станичников он «вор», «преступник», «сволочь». В заключительном эпизоде рассказа герой показан окончательно утратившим разум: он сидит на полу на кухне, «грязный, обросший волосами», и тянет бессмысленные звуки.

Слова, которые в рассказе Иванова произносит священник: «Аще ли же образа, како бывает, ищещи...»¹⁰⁶¹, – представляют собой неполную цитату

¹⁰⁵⁸ Там же. С. 71.

¹⁰⁵⁹ Там же. С. 67–68.

¹⁰⁶⁰ Там же. С. 70.

из Поучений Преподобного Иоанна Дамаскина: «Тело есть воистину соединенное с Божеством, еже от Святыя Девы начало восприя, не яко вознесшееся Тело с Небесе нисходит, но яко самый хлеб и вино претворяются в Тело и Кровь Божию. Аще ли же образа, како бывает, ищещи, довольно ти есть услышати, яко Духом Святым: имже образом и от Богородицы Духом Святым Себе Самому и в Себе Самом плоть Господь состави: ниже более что вем, но токмо яко Божие Слово истинное, действительное и всемогущее есть, образ же неиспытанный»¹⁰⁶². В определенном смысле это ключ к пониманию и рассказа, и в целом ивановской оценки попытки человека «мир к добру переделать», привести людей к всеобщему спасению – варианту Беловодья – и слабыми человеческими силами и умом проникнуть в «тайное тайных» Божьего промысла. Авторская точка зрения определяет художественный образ центрального героя. «Мечтательный боголюбец» Анделушка показан слабоумным: «на работу по неразумию своему он не способен», «взгляд шальной, нездоровый». И хотя его «гнойные крошечные глазенки» видят красоту мира, душа способна слышать неясные волны звуков, хотя мечта его о «доброй книге» искренна, герой представлен лишенным разума и Слова.

Основу книги «Рогульки» составляют по-прежнему рассказы о правдоискателях и странниках. Повторение имен в ранних книгах Иванова, как, например, Буран в рассказах «По Иртышу» и «На горе Ыык», типографский наборщик Василий в рассказах «Шантрапа» и «Американский трюк», Семен в рассказах «Американский трюк», «Клуа-Лао» и повести «Партизаны», сближает и без того родственных друг другу персонажей писателя. Все они размышляют о жизни и смерти, о Боге и человеке, о своем пути и родном доме. Мучительным и неразрешимым для странников раннего Иванова станет вопрос о стремлении к взыскуемой обетованной земле и о покинутой на этом пути родине, который в 1930-е гг. станет центральным в

¹⁰⁶¹ Там же. С. 71.

¹⁰⁶² *Иоанн Дамаскин*. Точное изложение православной веры. Кн. 4. Гл. 13.

автобиографическом романе «Похождения факира» (1935). На протяжении всего творческого пути Иванова его автобиографические и неавтобиографические герои так и не смогут разрешить противоречия между стремлением в обетованную землю (Индию, Полую Арапию, город Верный, Коммунию или другую) и пониманием, что, отправляясь туда, человек неизбежно отдаляется от родины, дома, куда, как знает его душа, он непременно должен вернуться. Сможет это сделать только Каллистрат из повести Иванова «Цветные ветра».

В рассказе «Шантрапа», первая часть которого была напечатана в 1918 г. в газете «Согры», а вырезку из газеты Иванов вклеил в книгу «Зеленое пламя», актер Таежный и рабочий Арефий будут вести на тракте разговор о цели и смысле того пути, который они выбрали для себя.

Подожди, – актер вскакивает на ноги и машет руками, я ищу, однако ты-ы зачем бродишь? Ведь жена есть?

– Есть.

– И дети?

– Есть и дети.

– И дом?

– Дом тоже.

– Хозяйство?

– Честь честью

– Зачем ищешь, ведь сам предложил: “возьмите”, – ищешь?

– Чего же мне искать?

– Вро-ешь! Зачем же тогда? Почему все бросил?

– По-о-чему?!.. Так, взял и бросил¹⁰⁶³.

Включая рассказ в книгу «Рогульки», Иванов переработал его. От диалога о смысле пути осталось немного:

– Душа твоя – лист белый, что начерчут, то и тянешь...

– А ты что тянешь?

– Я, ничего. Самого себя за душу...

– Лжешь, лень тебя тянет, а не душа...

¹⁰⁶³ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 63.

Арефий пренебрежительно дмыхает носом.

– Лень...понял этот...¹⁰⁶⁴.

Голос родной земли слышит китаец Ван-Ли, один из плотогонщиков по Тэе-реке (рассказ «Клуа-Лао»). Вновь герои писателя ведут разговор о жизни и смерти, человеке и Боге. «Все умрем в свое, значит, время <...> Богу, конечно, видней»¹⁰⁶⁵, – отвечает Семен Беспалых на тоскливые слова Ван-Ли, измученного внутренней душевной болью. Бог Клуа-Лао сердится на покинувшего дом китайца: «Она, бога, шибко селдитай стала... меняхватила за ноги. Стой, говолила <...>. Дома халашо. Клуа-Лао пошла, лека Тэю пошла – плоха...». Крестьяне-плотогонщики понимают тоску чужого им человека. «Вон оно чо. А я думал, ты так маишься. По родине, значит...» – говорит Семен. Сомнения человека другой веры, но близкого по духу находят отклик в его «тайном тайных»: «Беспалых, согнувшись, опустив волосатую голову, стоял неподвижно, тупо глядя на воду. Видно было по его фигуре, по склоненной голове – какие-то мутные зовы слышала его душа...»¹⁰⁶⁶ Умершего китайца мужики хоронят «по-нашему»: поют «Вечную память», читают «Отче наш» и «Верую».

Пройдет два года, и партизан Семен Беспалых, один из героев повести Иванова «Партизаны», погибнет в сражении с колчаковцами за землю, за пашню, за «хрестьянскую власть». Но в 1919 г. странники из рассказов писателя еще очень близки к бездомным скитальцам-бергалам, бредущим как во сне. Иногда – в Индию или Китай. «Опять шли степью, но уже от родной стороны, на юго-запад, к Китаю»¹⁰⁶⁷, – заканчивался рассказ «Американский трюк». Можно увидеть в топонимах, упоминаемых писателем, аллюзию к Беловодью, которое, по преданиям, помещалось то на Опоньских островах, то в Индии, Тибете, Китае. В одной из своих автобиографий (предположительно 1930 г.) Клюев рассказывал: «Знаю Русь

¹⁰⁶⁴ Там же. С. 91.

¹⁰⁶⁵ Там же. С. 95.

¹⁰⁶⁶ Там же.

¹⁰⁶⁷ Там же. С. 74.

– от Карелы и Пинеги до сапфирных гор китайского Беловодья»¹⁰⁶⁸. Иногда – просто, куда душа ведет, как персонажи рассказа «Шантрапа». Эпиграф из «Шантрапы» предпослан рассказу «Американский трюк», в третьем варианте которого, названном автором «Алхимед», появится тот же герой – Василий. Связь, устанавливаемая автором между рассказами, не случайна: думается, слово «шантрапа» Иванов в эти годы имел все основания применить к себе, ушедшему из дома и скитающемуся без веры. Впоследствии рассказы о бродячих актерах (к упомянутым относится и «Шантрапа», 1918) Иванов называл набросками для своих будущих романов «Похождения факира» и «Мы идем в Индию», но ни в одном из произведений, созданных в 1919 г., Индия не упоминается.

Так по-своему представил Вс. Иванов в прозе 1919 г. знаковые для русской литературы и философии мотивы правдоискательства и странничества, дал свое непростое видение сибирского областного идеала и «экстерриториального человека». Его понимание оказалось внутренне полемичным по отношению и к традиционному восхищению искателем правды, странником – «самым свободным человеком на земле», в котором сосредоточилось «величие русского народа и призванность его к высшей жизни»¹⁰⁶⁹ (Н. Бердяев), и к горьковской мысли 1910-х гг. о вреде для России странничества, «отрицающего все формы социальной и политической организации»¹⁰⁷⁰. Рожденные политической реальностью 1917–1919 гг. большие вопросы, на которые не находили ответов ни ивановские герои, ни сам автор, перейдут в его рассказы и повести о новой – советской действительности.

4.2. Легенды о «далеких землях» и образ «пшеничного рая» в прозе Иванова 1921–1923 гг.

¹⁰⁶⁸ Клюев Н.А. Словесное древо. С. 47.

¹⁰⁶⁹ Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Сов. писатель, 1990. С. 19.

¹⁰⁷⁰ Горький М. Две души // Летопись. 1915. № 1. С. 124.

Петроградский период жизни Иванова с 1921 по 1923 гг., несмотря на большое количество исследовательских работ о группе «Серрапионовы братья», документирован недостаточно. Более всего настроения и стиль жизни молодого сибиряка в первые два года петроградской жизни передают обнаруженные И.Е. Лоциловым в 2013 г. в Городском Центре истории Новосибирской книги неизвестные письма Иванова сибирскому писателю и другу К.Н. Урманову. Первое письмо Иванова в Сибирь от 30 марта 1921 г. рисует образ чрезвычайно занятого литературой – «только читаю и пишу» – и весьма довольного собой молодого провинциала, которому явно покровительствует Горький: «пристраивает <...> рассказы в журналы и заботится», познакомил «с рядом умных и полезнейших людей»¹⁰⁷¹. В письме, датированном 28 декабря 1921 г., Иванов называет себя человеком, «пробивающим литературную скорлупу»¹⁰⁷², что, надо сказать, ему вполне удается. В 1921 г. он активно печатает рассказы в советской России и за границей: сотрудничает в пролеткультовском журнале «Грядущее» и в газете «Петроградская правда»; первый советский «толстый» литературный журнал «Красная новь» открывается повестью Иванова «Партизаны», в течение 1922 гг. публикуются другие партизанские повести; сочинения Иванова издаются в издательстве «Эпоха» наряду с прозой А. Белого, Е. Замятина, Ф. Сологуба, А. Ремизова, в Берлине готовятся к изданию повести и рассказы. «Воронский дурак большой, но есть дураки еще больше...» – откомментирует свои писательские успехи Иванов в письме другу и расскажет о том, как тратит полученные гонорары: «А здесь – пивные. А здесь – ресторан. Музыка играет...»¹⁰⁷³. Одновременно с этой похвальбой Иванов описывает, как меняется его душевное состояние, и заодно передает собственное видение политической ситуации в стране: «...пахнет войной и всякими гадостями. <...> ...в Генуэзскую я не верю, а если бы война – это очень плохо – при нашем поносе, именуемом НЭПом. Много не навоюешь.

¹⁰⁷¹ Иванов В. Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма. С. 303–304.

¹⁰⁷² Там же. С. 339.

¹⁰⁷³ Там же. С. 340–341.

Да и в голове понос, а идеи и жизнь вот так <—> в разные стороны. Спекулируют все, и коммунисты, и некоммунисты. <...> Читай Брет Гарта! <...> Я сейчас читаю и доволен необычайно: главное, все хорошо кончается. А в жизни все так плохо кончается. Даже социальные революции...»¹⁰⁷⁴ (6 марта 1922 г.); «...в Сибирь все-таки (в частности на Д<альний> В<осток>) поеду. Тому много причин, одна из важнейших – огромная душевная боль. Я всякую психологию из своих работ выкинул, – а в душе-то у меня образовалась – Достоевщина... Если я поеду, да в поездке буду пьянствовать месяца три, то, думаю, пройдет»¹⁰⁷⁵ (17 июля 1922 г.).

Несовпадение «идей» и «жизни» отразят произведения Иванова, созданные в этот период, причем не прославившие его «партизанские повести», а считавшиеся тогда менее художественно значимыми рассказы, которые вошли в книгу «Седьмой берег», а также роман «Голубые пески».

Книгу «Седьмой берег» составили рассказы, публиковавшиеся в периодике начала 1920-х гг. подчас с разными заглавиями. Так, рассказ, в книге озаглавленный «Вахада, ксара, гуютуи», печатался под названием «Авдокея» (Литературная неделя: приложение к газете «Петроградская правда». 1922. 21 мая); рассказ «Лоскутное озеро» – под названием «Набег» (Петроградская правда. 1922. 7 мая) и т.п. Отдельные рассказы книги выходили в изданиях русского зарубежья: «Дите» – в литературном приложении к газете «Накануне» (Литературная неделя. 1922 г. № 7); «Лога» – там же (№ 10). В 1922 г. в издательстве «Круг» (М.; Пг.) печатается 1-е издание сборника рассказов «Седьмой берег», в который входят: «Глиняная шуба», «Лоскутное озеро», «Лога», «Синий зверюшка», «Вахада, ксара, гуютуи», «История Чжень-Люня», «Бык времен», «Жаровня архангела Гавриила», «Амулет», «Глухие маки», «Дите». В 1923 г. выходит второе, дополненное издание книги. Помимо перечисленных рассказов, в нее

¹⁰⁷⁴ Там же. С. 365.

¹⁰⁷⁵ Там же. С. 379.

включены «Алтайские сказки», «Рассказы о себе», «Подкова», «Полая Арапия», «Берег желтых рыб».

В издании 1922 г. первым стоял рассказ «Глиняная шуба» – «серапионовский» по форме и чисто ивановский по «идеологии». За анекдотическим сюжетом (дьякон и сельский учитель сговариваются украсть старую шубу у Упродкомиссара, чтобы посмотреть, какие роскошные меха он приобретет вместо нее) стояли неанекдотические вопросы, которые деревенские жители задавали победившей революции. После неожиданных начальных строк рассказа: «Пальма в Сибири не водится», – так поразивших Шкловского при чтении рассказа у «Серапионовых братьев» весной 1921 г., и упоминания наркома Троцкого (в поздних переизданиях нарком становится безымянным), «роста колоссальнейшего и завсегда на белом коне»¹⁰⁷⁶, следует диалог дьякона и комиссара Савелия Скученных, в пародийной форме раскрывающий все тот же центральный для Иванова вопрос – о Боге и человеке, но уже применительно к новой, пореволюционной жизни. «Учитесь все объяснять сами!» – дает руководящую установку комиссар, на что дьякон возражает: «Мне объяснение нужно: не имеет права человек свет перестраивать без объяснения своей жизни. <...> Неизбежно туда идти надо, по какому праву, а?»¹⁰⁷⁷. Словам уставшего продкомиссара: «Раньше я по гончарному и по печному делу робил. <...> А теперь людей приходится кроить. <...> С одной разверстки ноги протянуть можно. Я так когда думаю: вот тут один уезд только... ну-ка! Коли не губерния, а вся Россия»¹⁰⁷⁸, – противопоставлены реплики дьякона: «Устал! <...> а только три годика прошло. Только! <...> Не берись! Бога не опровергай. Не умеешь, не знаешь, ну, не рушь! <...> И веровать в вас нечего, веровать в бога надо... А у вас и душа-то разграфленная. Никакой цены такой душе нету! У нас в Расее таких

¹⁰⁷⁶ *Иванов Вс.* Седьмой берег. С. 62.

¹⁰⁷⁷ Там же. С. 63.

¹⁰⁷⁸ Там же. С. 64.

правителей не было»¹⁰⁷⁹. На это следует ответ: «Я ведь правитель самодельный и человек жестокий»¹⁰⁸⁰.

Серьезные вопросы намеренно перебиваются в повествовании Иванова анекдотическими комментариями. Такими, например: «Будто кишки у меня в голове-то, а не мозги, – и в кишках тех понос»; «Дьякон с размаху бросил пчелу на столешник. Пчела дрогнула животиком и обмерла»¹⁰⁸¹ и т.п. По такому же принципу дана в рассказе «Глиняная шуба» оценка Коммунии: «Почему человек цветы любит нюхать? По-моему, много у него от пчелы и трудолюбства и всего прочего... даже, скажем, кумына эта самая... хоть, конечно, кумына к цветам как перец к шоколаду... а стерляжья уха с перцем стручком, не уха, а прямо двенадцать евангелий, Потапий, а?»¹⁰⁸²

Подобные стилистические «фокусы» Иванова вызывали у собратьев восхищение, а у критиков – недоумение и отторжение. Писали об антипсихологизме (А. Воронский), «элементарничающем примитивизме» (Я. Браун), «писателе без человека» (А. Свентицкий) и т.п. «...между интеллигентными и неинтеллигентными, сложными и простыми ивановскими типами, только и разница, что у первых “душа-то разграфленная”, а у вторых – просто, без графы, клякса, запятая. “муха”. “пыль”, “кедр”, “подвижная слизь”»,¹⁰⁸³ – посмеивался Я. Браун. Думается, все у Иванова обстояло не так просто. Вот, к примеру, описание митинга по поводу разверстки из того же рассказа:

На ларе сидел секретарь Исполкома, на коленях у него портфель с блестящим замком. Губы секретарь сжал, нос вытянул, пишет человек.

Упродкомиссар Скученный говорил плохо, бегал, топтался, махал руками, а лицо застывшее и как будто слегка напуганное: заметно что-то внутри есть, а наружу не выходит. <...> Лица у мужиков были обветренные, неподвижные и суровые, губы жадно

¹⁰⁷⁹ Там же.

¹⁰⁸⁰ Там же. С. 65.

¹⁰⁸¹ Там же. С. 62–64.

¹⁰⁸² Там же. С. 82.

¹⁰⁸³ Браун Я. У синего зверюшки в лапах. С. 174.

стиснуты, а в глазах у них плавала тупая ненависть, и пахли они давно немытым людским телом¹⁰⁸⁴.

И «Партизанские повести», и «Седьмой берег», персонажи которых были взяты Ивановым из мужицкой России, ставили советских критиков и критиков русского зарубежья перед необходимостью ответить на вопрос об отношении самого автора к русскому крестьянству. И здесь можно встретить суждения прямо противоположные. Критика тех лет выделяла два главных направления в литературе о деревне. Первое – от чеховских «Мужиков» и бунинской «Деревни». Продолжателем этого направления называли М. Горького, подчеркивающего прежде всего «идиотизм деревенской жизни» – невежество, дикость, косность, зверство. Второе – восходящее к произведениям Н. Златовратского и Л. Толстого, отличалось поэтическим изображением деревенского уклада. Это направление Л. Троцкий определил как «советское народничество» и «новое славянофильство»¹⁰⁸⁵. В книге «Литература и революция» (1923) Троцкий, характеризуя писателей-попутчиков, отмечал характерные черты «советского народничества». «Мужиковствующие интеллигенты, – писал идеолог новой власти, имея в виду Б. Пильняка, Вс. Иванова, С. Есенина, Н. Клюева, – сплошь загибают в сторону примитивного, тараканом отдающего национализма»¹⁰⁸⁶. Определения Троцкого были приняты и в советской критике тех лет, в том числе в оценке мужиков Вс. Иванова.

За пределами Советской России критик Р. Гуль, посвятивший творчеству «талантливейшего, чрезвычайно нового» писателя Вс. Иванова восторженную статью в литературном приложении к газете «Накануне» (1924. № 81), называл «громадную ивановскую тему», «жутко современнейшую общественную тему – русская деревня»¹⁰⁸⁷. Оценки ивановского «мужиковствования» в критике русского зарубежья начала 1920-х гг. условно можно представить как: «вслед за Горьким» и «против

¹⁰⁸⁴ Иванов Вс. Седьмой берег. С. 83–84.

¹⁰⁸⁵ Троцкий Л. Литература и революция. С. 54.

¹⁰⁸⁶ Там же. С. 80.

¹⁰⁸⁷ Литературная неделя. 1924. № 81. С. 6.

Горького». В 1922 г. в Берлине была напечатана книга Горького «О русском крестьянстве», где в числе авторов, давших «правильную» оценку жестокому, дикому, невеликодушному, нерелигиозному русскому мужику, автор называет А. Чехова, И. Бунина, из новейших – И. Вольнова, С. Подъячева и Вс. Иванова: «...в русской литературе текущего века есть более резкие и печальные свидетельства о жуткой деревенской темноте – это “Юность”, повесть, написанная талантливым крестьянином Орловской губернии Иваном Вольным, это рассказы московского крестьянина Семена Подъячева, а также рассказы сибирского крестьянина Всеволода Иванова, молодого писателя исключительной яркости и силы»¹⁰⁸⁸. В рецензии на книгу Горького критик русского зарубежья А. Яценко соглашается с писателем: «Прочтите наших молодых бытописателей, всех этих серапионовцев, прочтите Вс. Иванова, Пильняка, прочтите всю кровавую и кошмарную летопись нашей революции, и вы не удивитесь словам Горького»¹⁰⁸⁹. И хотя сам Яценко при этом отнюдь не поддерживает мнения Горького о русском народе («Это еще не вся правда. Она гораздо сложнее»¹⁰⁹⁰), но в статье, посвященной непосредственно Иванову, он характеризует его творчество как «сугубо реалистическое, натуралистическое», выполненное «в стиле Горького»: «От его произведений несет трупным смрадом. Темы всех их – кошмары революции и гражданской войны, ее жестокость и бессмысленность»¹⁰⁹¹.

В Советской России произведения Иванова 1921–1922 гг. скорее рассматривались как пограничное явление между двумя названными направлениями в изображении деревни. Но ближе к «народничеству». Со страниц главной советской газеты «Правда» имя Иванова названо Н.

¹⁰⁸⁸ Горький М. О русском крестьянстве. Берлин: Изд-во И.П. Ладыжникова, 1922. С. 25. Сам Иванов впоследствии предполагал, что Горький оценивал его рассказы о деревне в соответствии со своими собственными представлениями. Так, о понравившемся Горькому рассказе «Жаровня архангела Гавриила» (1921) Иванов писал в 1961 г.: «Этот рассказ читал Горький Серапионовым братьям, когда они впервые, в 1921 г., собрались у него. Что ему в нем понравилось, ни тогда, ни сейчас не понимаю. Он вкладывал в него какой-то свой смысл, о котором я постеснялся спросить» (ОР РГБ. Ф. 673. К. 2. Ед. хр. 8. Л. 1).

¹⁰⁸⁹ Яценко А. Горький о русском народе // Новая русская книга. 1922. № 8. С. 7.

¹⁰⁹⁰ Там же.

¹⁰⁹¹ Новая русская книга. 1922. № 11–12. С. 4.

Осинским среди имен новокрестьянских писателей. «Вс. Иванов не пролетарский, а крестьянский писатель, – констатирует критик, – но это настоящий крупный писатель»¹⁰⁹². Я. Браун подчеркивал в 1923 г.: «Нет в его бытописании деревни ни златовратского подслащивания, ни бунинского проклятия, ни горьковского презрения – только зоркая, беспощадная звериная любовь»¹⁰⁹³, – и также ставил имя Иванова в один ряд с «новокрестьянскими» писателями. Противопоставлял Иванова Горькому и В. Львов-Рогачевский. По его мнению, «вопрос о мужике далеко не ясен в современной литературе»: то, что «писал Горький о мужике, что пишут лучшие из пролетарских беллетристов о суевериях, о мелкобуржуазной сущности, о жадности мужиков, съедающих город, все это далеко не исчерпывает тему о мужике»¹⁰⁹⁴. Иванов, считал критик, показывает крестьянина «таким, каков он сложился исторически в определенных формах крестьянского труда и каким он рисуется ему в момент революционной борьбы, когда мужик прет против японца, киргиза, Колчака, против всякого, кто грозит его пашне»¹⁰⁹⁵. Воронский также отмечал в 1922 г. свойственное Иванову «единственно справедливое, верное отношение к мужику», имеющее истоки в том, что «Ивановы сами плоть от плоти этого мужицкого мира»¹⁰⁹⁶. Указав на общее с Чеховым, Буниным и Горьким, Воронский увидел у Иванова свою «собственную расценку мужиков»: «Каким-то особым теплом, человечностью и мягким ласкающим светом сумел писатель облить корявые, звериные мужичьи фигуры»¹⁰⁹⁷.

Место писателя в литературе о деревне будет еще уточняться критиками во 2-й половине 1920-х гг. – после выхода книги «Тайное тайных». А в 1923 г. В. Переверзев напишет о книге писателя «Седьмой берег» в статье «Всеволод Иванов»: «Здесь автор в своей сфере, и эта сфера –

¹⁰⁹² Правда. 1922. 30 апреля. С. 5.

¹⁰⁹³ Браун Я. У синего зверюшки в лапах. С. 179.

¹⁰⁹⁴ Львов-Рогачевский В. Новый Горький (Всеволод Иванов). С. 166.

¹⁰⁹⁵ Там же. С. 167–168.

¹⁰⁹⁶ Воронский А.К. Всеволод Иванов. С. 211.

¹⁰⁹⁷ Там же. С. 210.

сибирская деревенская Русь. Ее автор знает, любит ее нежной любовью сына, чувствует себя среди нее как рыба в воде»¹⁰⁹⁸. В целом пронизательная критика опознала и главную тему, и главный нерв сибирских рассказов Иванова: «...суতোлка дремучей жизни, возвращенной дремучими камышами и кедрами, в которую врезалась своими броневиками, аэропланами, автомобилями, вытаптывая камыши, вырубая кедры, горящая в огнях революционной и империалистической войны современная культура»¹⁰⁹⁹. Как видно из этих строк, в 1920-е гг. Иванов продолжает и развивает темы 1910-х гг.

Трагедия вторжения «железа» в «земляной» мир передана в первых строках рассказа «Лоскутное озеро»:

Багрововолосые деревья метались, рвали землю. Обливали кипящей смолой весенние травы. Черной зловещей смолью мазали небо.

Горели леса.

А деревни сгорели.

Мужиков которых убили, которые – в армии¹¹⁰⁰.

С зачином рассказа «Лоскутное озеро» перекликаются начальные строки рассказа «Подкова», во втором издании книги продолжающие тему «земли и железа»:

Перемеченные огнем снарядов – красные, кроваво-красные и тяжелые – низко обламывались облака над городом. Невнятные, червеобразные гулы шли по деревянным тротуарам – между досок их мокрая, седая осенняя трава¹¹⁰¹.

Эпиграф из былины о крестьянском богатыре Илье Муромце: «...И садился опять на бурушку косматого / И поехал во сторону во северну... Былина», – предпослан рассказу о том, как «пробудился народ-Святогор» (Н. Клюев). В кузнице на окраине города, где царит тьма, кузнец Василий и его подручный Ерошка ведут, как это обычно у Иванова, разговор о Боге:

– У нас, дяденька, парнишки порешили в бога не верить.

– Ишь!

¹⁰⁹⁸ Печать и революция. 1923. № 1. С. 220–224. Цит. по: Всеволод Иванов. Сб. С. 112.

¹⁰⁹⁹ Там же.

¹¹⁰⁰ Иванов В. Седьмой берег. С. 107.

¹¹⁰¹ Там же. С. 51.

– Бальшавики в бога не верют. Мы попова Митьку отдули, он в попы идти хочит, я ему по мусалу та-ак дал...¹¹⁰².

В кузнице холодно, темно и страшно. Подъехавший, невидимый в ночи человек узнается по запаху: «Тонко, прерывисто запахло кислым хлебом».

«Крестьянин, – подумал радостно Василий». Одну за другой таскал Ерошка из кузницы подковы, но не нашлось среди них такой, которая подошла бы для грузного богатырского коня, и тогда Василий делает новую, похожую на «темновато-алую ржаную булку». По контрасту с жалующимся на тяготы жизни кузнецом былинный мужик из «Муромской губернии» наделен исполинской силой, способной перевернуть землю. На слова кузнеца: «Город-то надо сюда перенести», следует апокалиптический ответ: «Из тьмы опять, как грузные пласты земли, последний раз упало:

Перенесем. Обожди»¹¹⁰³.

Такой рисовал русскую революцию, кажется, только один писатель Советской России – Николай Клюев. С нескрываемой неприязнью, но и с опаской трактовал Троцкий стихотворение «Се знамение: багряная корова...» (1917 или 1918): «И когда Клюев благосклонно предлагает кузнецу прилечь на минуту на узорчатой мужицкой лавке, кажется, будто богатый и кряжистый олончанин милостиво подает краюху голодному потомственному питерскому пролетарию “в городском обноске на панельных стоптанных каблуках”»¹¹⁰⁴. По Троцкому, поэт принял революцию «вместе со всем крестьянством, и принял ее по-крестьянски же»¹¹⁰⁵. Это далеко не та революция, идеологом которой являлся сам Троцкий, и различие проведено очень четко: «Для других – республика, а для Клюева – Русь; для иных социализм, а для него Китеж-град. И он обещает через революцию рай. Но рай этот только увеличенное и приукрашенное мужицкое царство; пшеничный, медвяный рай»¹¹⁰⁶.

¹¹⁰² Там же. С. 53.

¹¹⁰³ Там же. С. 57–58.

¹¹⁰⁴ *Троцкий Л.* Литература и революция. С. 60.

¹¹⁰⁵ Там же.

¹¹⁰⁶ Там же. С. 65.

«Мужицкое царство» обнаруживал в 1922 г. Воронский и у Иванова: писатель сумел понять истоки «мужицкой веры, мужицких исканий», показать «деревню, которая создала сказание о сокровенном граде Китеже, бродила по Руси из края в край в поисках праведной земли и жизни»¹¹⁰⁷. За характеристикой «Партизанских повестей» следовала оценка критиком тех же тенденций в книге «Седьмой берег»: «Такие искатели то и дело проходят перед читателем у Вс. Иванова: таков Ерма в “Синеем зверюшке”, об этом же говорится в “Жаровне архангела Гавриила”. Во всех этих вещах писатель вскрывает корни мужицкой веры, мужицких упований и исканий. Корни эти в земле»¹¹⁰⁸.

Заглавие «Седьмой берег» отсылает, как впоследствии объяснял писатель, к казахской легенде о седьмом берегу счастья, которого достигает герой-богатырь, пройдя «три неимоверно быстрых реки»: «реку рождения», «реку учения» и «реку работы»¹¹⁰⁹. В книге легенда нигде не называется, но большая часть рассказов содержит упоминания, то совсем небольшие, то достаточно развернутые, о неких благословенных городах и землях, куда мечтают добраться герои. При этом речь идет не об известных русских народных утопических легендах о «далеких землях», например о Беловодье¹¹¹⁰, возникавших в крестьянской среде в XVIII–XIX вв. Поэтические тексты о «непознаваемых странах» Иванов, как ранее «Легенды об ушедшей Сибири», создает сам, широко используя фольклор разных народов и вводя знаковые отсылки к топонимам, тесно связанным с бытовавшими в европейской и азиатской России народными утопическими представлениями. Чаще всего это Индия, Китай, но встречаются и другие.

В автобиографических «Рассказах о себе», открывавших второе издание книги, появляется ведущий для Иванова мотив «голубых песков», с которым будет связано три его утопических сюжета. По степи, где «голубые

¹¹⁰⁷ Всеволод Иванов. Сб. С. 28–29.

¹¹⁰⁸ Там же. С. 29.

¹¹⁰⁹ *Иванов Вс.* История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 146.

¹¹¹⁰ К этой легенде Иванов также обратится, но позднее – в 1925 г. в повести «Бегствующий остров».

запахи песков», движется караван: «Скрипят неподмазанные арбы, медленно шагают верблюды, и киргизы не глядят на нас, а упрямо на запад». На вопрос, куда они бегут, мать героя отвечает: «От мору бегут. <...> Може, в Китай. Може, в Индию... Они поди и сами не знают. Жрать нечего – и бегут»¹¹¹¹.

Через «голубые пески» земли и неба ищут пути в «далекие земли, полые земли Арапские»¹¹¹² жители голодающей русской деревни из рассказа «Полая Арапия», написанного Ивановым весной 1922 г. и вошедшего во второе издание книги «Седьмой берег». Появляется старица Ефимья со Святого ключа и велеречит: «Открылись на небольшие времена ворота Арапской полой земли. Идите все, кто дойдет песками, через сарту, оттедова по индейским горам. На тридцать семь лет отверзлись врата. Кто первой поспеет, тому *близко* землю вырежут. Трава там медовая, пчелиная. Хлебушко спеет на три недели»¹¹¹³.

Другие рассказы книги содержат свои утопические сюжеты, которые восходят к народным легендам о «далеких землях». В рассказе «Лоскутное озеро» жителям деревни, из которой «мужики были в красных и белых», и «над теми и над другими бабы плакали одинаково»¹¹¹⁴, некий человек рассказывает, что «исцеление наших мученьев» будет, если сорок раз обойти вокруг «подвижницкава Ласкутного озера»: «...читай молитвы, кто как умеет! Главно – сорок раз обойти, чтобы плоть блюсти, поститься, и толды на сороковой раз расступится, грит, камыш – и пойдет себе крещеный люд на спокойную землю». «Открылись, бают, в Расеи спокойные земли... где, грит, жи-и-иви...» – переговариваются мужики; отгоняя невольные сомнения: «А поди так брешет – нету их по всем царствам»¹¹¹⁵. Поселившимся в камышах отчаявшимся жителям сгоревших деревень разных сибирских губерний

¹¹¹¹ Иванов Вс. Седьмой берег. С. 40–41.

¹¹¹² Там же. С. 96.

¹¹¹³ Там же. С. 95.

¹¹¹⁴ Там же. С. 107.

¹¹¹⁵ Там же. С. 110–112.

«спокойные земли» представляются в общем одинаково: там есть дом и пашня.

Деревенская девушка Авдокея, секретарь «ичейки» из рассказа «Вахада, ксара, гуятуи», не может написать протокол заседания, где принято решение «воевать с японцем до смерти», и обращается за помощью к матери. Старинными словами старуха помогает ей передать «горе людей»: «...мужику дадена пашня – паши да корми, нам, бабам, скотину гонять. А над пашнями-то палы идут, скотину-то поедает красный волк да барс...» И вновь воскресает утопическая мечта о мужицком счастье: «Сказывают, счастье наше за девять морей, за девять земель, на девятом острове на Сарачинском. А как тебе пешком туда идти, в три года не дойти, орлом лететь тебе – в три года не долететь...»¹¹¹⁶

Представление о сокровенном месте – чудесном городе Верном в Туркестанских землях, который «ушел» – «сквозь землю провалился», «от мук скрывшись», помогает жить деревенскому портному Кузьме – герою рассказа «Жаровня архангела Гавриила»¹¹¹⁷.

Помимо рассказов, созданных на материале русской жизни начала 1920-х гг., в книгу «Седьмой берег» включены два восточных текста, в которых также появляются утопические мотивы (см. 2.4).

Завершает книгу рассказ «Дите» о русских мужиках из партизанского отряда Красной гвардии товарища Селезнева. Текст открывается описанием Монголии, где сражается отряд: «Монголия – зверь дикий и нерадостный. <...> А у человека монгольского сердце неизвестно какое – ходит он, говорят, в шкурах, похож на китайца и от русских далеко, через пустыню Нор-Кой стал жить. И говорят еще, уйдет он за Китай и Индию в синие непознаваемые страны»¹¹¹⁸.

Наконец, роман «Голубые пески», где речь идет об антибольшевистском восстании в Сибири, которое подавляет комиссар

¹¹¹⁶ Там же. С. 167–168.

¹¹¹⁷ Там же. С. 227.

¹¹¹⁸ Там же. С. 281.

Запус, также заканчивается одной из ивановских утопических легенд о том, как монгольская орда Бык-Буу, устав «от суровой окружающей ее природы, захотела воды, которая бы доставалась даром, – и заклубила дороги, ища счастья». Народ попадает в пустыню с голубыми песками, и юноша Зоршинкид рассказывает, что в скалах гор есть золотая дорога, «ведущая вверх, к счастью; там, вверху, кому нужно – будет хлеб, масло и сыр, женщины и кони, юрты и постели». Но когда люди увидели «лепящуюся по скалам над пропастью золотую дорогу не шире ладони, у немногих были силы подойти к началу ее»¹¹¹⁹.

Ведущие мотивы романа и рассказов Иванова 1921–1923 гг. так или иначе связаны с бытующими в народной культуре утопическими представлениями о некоей идеальной стране (городе). При этом в описание благословенного места писатель практически везде вводит прямые отсылки к современности – ситуации в пореволюционной России. Так, в «Полой Арапии» Ефимья начинает свой рассказ с призыва: «Собирайтесь, православные, со усех концов!»¹¹²⁰, представляющего собой ироническую аллюзию к лозунгу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (отмечено Р.М. Ханиновой). В «Лоскутном озере» старик Хрументил передает слух о том, как «пришли в Ерусалим большевики» и предложили «на место Христа-то Ленина», «а гропвосподен заколотить за ненадобностями!»¹¹²¹. О Китае, куда стремятся страдающие люди, в рассказе «Лога» сказано: «Китай-то, бают, весь от чумы вылез, голай! Как значит появился у них бальшавик-то, так и пошло»¹¹²². Над Кузьмой, верящим в сокровенный город Верный, народ в деревне посмеивается: «...большевицких неизвестных вер человек»¹¹²³. В другом благословенном городе – Великом городе – живет «самый большой русский Ле-и-но»¹¹²⁴. Время создания легенды о голубых песках из

¹¹¹⁹ *Иванов Вс.* Голубые пески. С. 317–318.

¹¹²⁰ *Иванов Вс.* Седьмой берег. С. 95.

¹¹²¹ Там же. С. 109.

¹¹²² Там же. С. 127.

¹¹²³ Там же. С. 228.

¹¹²⁴ Там же. С. 237.

одноименного романа датируется рассказчиком так: «Произошло это задолго до Карла Маркса...»¹¹²⁵

Названные отсылки указывают на политический контекст ивановских образов «далеких земель». Прежде всего, на наш взгляд, здесь прослеживается связь с активно обсуждавшейся в пореволюционные годы идеей мировой революции. «Ход развития революции в Германии и Австро-Венгрии, рост революционного движения во всех странах <...> – все это показало, что началась эра всемирной пролетарской коммунистической революции»,¹¹²⁶ – эти слова стояли в начале новой Программы РКП(б), принятой в марте 1919 г. В это же время в Москве совместно с представителями европейских стран был основан Третий Коммунистический Интернационал. Тогда же, в 1919 г., начинается подготовка элементов «азиатской ориентации» мировой революции. 20 февраля 1919 г. заместитель наркома по иностранным делам Л.М. Карахан направляет срочное секретное письмо В.И. Ленину о необходимости пропаганды коммунистических идей на Востоке и отчитывается: «В настоящее время Народный Комиссариат по Иностранным Делах оказывает финансовую помощь китайской рабочей организации и корейскому национальному союзу. <...> ...от времени до времени посылаются на Дальний Восток китайские и корейские агитаторы, задачей которых является установление связи с пролетарскими демократическими организациями на Дальнем Востоке. <...> Такие же командировки предполагаются в Персию и в Индию»¹¹²⁷. Августом 1919 г. датируется известное письмо Троцкого в ЦК РКП (б), где он не без оснований предполагает, что «инкубационный подготовительный период революций на Западе может длиться еще весьма значительное время». «Иначе представляется положение, если мы станем лицом к Востоку», – указывает Троцкий и предлагает «открыть довольно широкие ворота в

¹¹²⁵ Иванов В.с. Голубые пески. С. 317.

¹¹²⁶ Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма: Популярное объяснение программы РКП (б). Пб.: Гос. изд-во, 1920. С. 315.

¹¹²⁷ Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука, 1998. С. 130–131.

Азию». Показательно, что в перспективе у стратега мировой революции та же, что и в известных утопиях, манящая цель – «дорога на Индию»¹¹²⁸. Результаты советской «активности по азиатским линиям» сказываются скоро: 1 марта 1919 г. происходит революция в Корее, в апреле в Петрограде собирается Всероссийский съезд корейских национальных союзов, тогда же в Шанхае создается Временное Правительство Корейской республики, которое летом 1920 г. устанавливает связь с Советским правительством. Проходящий летом 1920 г. II Конгресс Коммунистического Интернационала принимает «Воззвание к народам Востока», вслед за тем в сентябре в Баку собирается Первый съезд народов Востока. «В Индии, в Персии, в Корее, в Китае растет движение, <...> остановить которое никому не дано, – говорилось в «Обращении к трудящимся всего мира». – Да здравствует международная Советская республика! Да здравствует коммунизм!»¹¹²⁹. Перспективы движения рисуются радужные: «...трудящиеся массы Востока при помощи европейских и американских товарищей, победив иноземных и отечественных поработителей, превратят Азию – страну религиозных достижений – в коммунистический оазис революционных достижений»¹¹³⁰.

Газета «Петроградская правда», в которой сотрудничает в 1921–1922 гг. молодой Иванов, широко печатает отклики на происходящие в Европе и Азии события, используя, кстати, отсылки к утопическим произведениям. Так, в редакционной статье «Коминтерн и Советская Россия», напечатанной в газете 22 ноября 1921 г., прямо заявляется: «400 лет тому назад Томас Мор изобразил под именем “Утопии” остров, на котором царит коммунистический строй и который окружен государствами, где сохраняется еще частная собственность. Своеобразное воплощение моровской “Утопии” представляет собой Советская Россия – этот пролетарский остров, уже пятый год отражающий набегающие на него волны капиталистического мира»¹¹³¹.

¹¹²⁸ Там же. С. 145–149.

¹¹²⁹ Коммунистический Интернационал. 1920. № 10. С. 1447.

¹¹³⁰ Там же. № 12. С. 2160.

¹¹³¹ Петроградская правда. 1921. 22 ноября. С. 1.

В каком-то смысле можно говорить о том, что книга Иванова «Седьмой берег» стала художественным откликом на идею мировой революции в народном ее понимании – на тот утопический образ, который представлялся не ее идеологам, а простым людям европейской и азиатской России. Русские, казахи, китайцы, корейцы в рассказах писателя по-своему соотносят обещанный коммунистический рай для всего человечества с утопическими традициями своей культуры. Иванов, владеющий несколькими восточными языками и хорошо знающий фольклор многонациональной Сибири, а в первый петроградский год изучавший его и по книжным источникам, дал в своей книге широкую картину различных утопических представлений. Прежде всего это русские народные легенды о «далеких землях», с которыми переплетаются мотивы восточных легенд и преданий, носящих типологически близкий характер.

Воронский обратил внимание на русские народные источники «упований и исканий» героев писателя: «Это – деревня, которая создала сказание о сокровенном граде Китеже»¹¹³². Действительно, больше всего в рассказах Иванова отсылка к русской традиции. Чудесный «город Верный, который под водой плывет»¹¹³³, из «Жаровни архангела Гавриила» в первую очередь напоминает о сокровенном граде Китеже. К китежской легенде восходят и мечты крестьян из рассказа «Лоскутное озеро»: чтобы попасть на спокойные хлебородные земли, люди должны сорок раз с молитвами обойти озеро. Как отмечает исследователь русской мифологии Н.А. Криничная, «возможность приблизиться к воротам сокровенного града <...> достигается посредством углубленной сосредоточенной молитвы. <...> Приближению к воротам сакрального града способствует <...> обход вокруг Светлояра, чем обеспечивается подключение человека к неким универсальным ритмам многосоставного мироздания»¹¹³⁴. Индия, упомянутая в «Рассказах о себе» и в «Дите», безусловно, имеет родство с Индийским царством из Сказания,

¹¹³² Воронский А.К. Всеволод Иванов. С. 209.

¹¹³³ Иванов Вс. Седьмой берег. С. 220.

¹¹³⁴ Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Акад. проект : Гаудеамус, 2004. С. 797.

широко распространенного на Руси. С Китаем связана напрямую русская народная утопическая легенда о Беловодье: в соответствии с «Путешественником» Марка Топозерского, дорога в обетованную землю идет через Китайское государство¹¹³⁵. Целый спектр мотивов русских утопических легенд отразился в рассказе Иванова «Полая Арапия». Название благословенной страны, давшее заглавие рассказу, принадлежит писателю и образовано от слов: полый – растворенный, распахнутый настежь, открытый; и «Арапия» или «Белая Арапия» – легендарная неведомая страна из народных фантастических рассказов. Старинные русские книжники отличали от «черных арапов», обозначавших негров, белокожих представителей Аравии. Рассказы о «белых арапах» и стране, где они живут, имели хождение в народе. По Иванову, пройти в Арапию можно «по индейским горам», а сама благословенная земля находится «за Сыр-Дарьей»¹¹³⁶. Еще один народный источник этой легенды писателя – русская утопическая легенда о «реке Дарье». Подтверждая популярность легенды, бытовавшей в некоторых приволжских губерниях (напомним, что рассказ написан после поездки в район Поволжья), Чистов приводит документы XIX в. о бегстве крестьян после неурожаев в 1820-е и в 1840-е гг. в «блаженные страны на Дарьереке», где «можно было занять сколько хочешь земли без податей, без помещиков, без начальства»¹¹³⁷.

В то же время истоки утопических мечтаний крестьян из «Лоскутного озера» и Кузьмы из «Жаровни архангела Гавриила» связаны с другой, восточной традицией.

Русская и казахская традиции соединены Ивановым и в «Лоскутном озере». «Спокойные земли», куда надеются попасть крестьяне разных сибирских деревень, с одной стороны, это земли с пашней, пойдет туда «крещеный люд». В то же время, судя по трудам К.В. Чистова и А.И. Клибанова, для русской народной утопии не характерно понятие

¹¹³⁵ См.: Чистов К.В. Русская народная утопия. С. 413.

¹¹³⁶ Иванов В. Седьмой берег. С. 95, 93.

¹¹³⁷ Чистов К.В. Русская народная утопия. С. 326–327.

«спокойная» земля, скорее – это земля «вольная». Напротив, идея «спокойной земли» присутствует в восточной, например в китайской традиции. Понятия «Датун» («Великое единение», или «Великая гармония») и «Тайпин» («Великое равновесие», или «Великое спокойствие»), с которыми «неразрывно связана вся история <...> утопической мысли Китая», как отмечают исследователи, были «выработаны уже в древнюю эпоху китайской истории»¹¹³⁸. Возможно, создавая в рассказе образ «спокойной земли», Иванов использовал казахскую легенду о том, как Асан-Кайгы (Асан Скорбящий) искал обетованную землю Жеруюк. «Название страны вымышленное, – указывает исследователь казахского фольклора С.А. Касбасов, – оно образовано из слов *жер* (земля) и *уйык* (спокойствие, покой, согласие, дружно)»¹¹³⁹. Главное действующее лицо легенды – реальный человек, поэт, живший в XIV–XV вв. при хане Джанибеке. Легенда могла быть известна Иванову и из книжных источников: текст опубликован Г.Н. Потаниным в издании «Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки» (Пг., 1917), и в устном фольклорном варианте: она бытовала и как народная сказка. Показательно, что перевод сказки «Как Асан-кайгы искал Жеруюк», вошедшей в издание «Казахские народные сказки» (М., 1952), выполнен одним из близких друзей Иванова с 1919 г. – писателем Ановым. Фольклористами были записаны разные варианты легенды. В одном Асан в поисках счастливой страны, где «много плодородной земли и многоводных рек», а «народ в ней живет, не зная нужды, горя, гнета и вражды», едет через крепость Сауран, город Туркестан, видит полуостров Мангышлак, Баянаульские горы и другие места, но нигде не останавливается. Посещает он земли на Сыр-Дарье, доезжает до Жидели-Байсын, но не находит спокойную землю и умирает¹¹⁴⁰. Записанный Потаниным вариант легенды завершается иначе: Асан-койды, «имевший способность предвидеть будущее», семь лет отыскивает земли, где люди (киргизы) «могли бы жить спокойно, не боясь,

¹¹³⁸ Китайские социальные утопии: сборник статей / под ред. Л.П. Делюсина. М.: Наука, 1987. С. 3–4.

¹¹³⁹ Касбасов С.А. Казахская несказочная проза. Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. С. 216.

¹¹⁴⁰ Казахские народные сказки / под ред. М. Ауэзова и Н. Анова. М.: Гослитиздат, 1952. С. 250–252.

что их потревожат». Финал легенды счастливый: «Он был и в Семиречье, и в Алтайских горах, и в других местах и, наконец, нашел такую местность где-то около Ирана. Эта местность называется Джидели Байсын. Она – в 15 днях езды за Бухарой. Потомки Асан-койды и теперь там. С собой Асан-койды увел много разных казак-киргизов, и потому там найдутся родичи и здешних акмолинских киргизов»¹¹⁴¹.

Земля Жидели Байсын, как пишет Касбасов, «существует реально и находится на территории Сурхандарьинской области» Узбекистана, «она как символ богатой земли вошла в легенду об Асане-Койгы позже, в XVIII веке, когда тема поисков обетованной страны возродилась снова в результате сложившихся трудных обстоятельств»¹¹⁴². Она же упоминается в легендах об Утегене Утегулове – персонаже казахского героического эпоса, который ищет обетованную землю не один, а со всею своей дружиной, с которой всегда выступает на защиту родных земель от чужеземных захватчиков». В соответствии с преданиями, причинами поисков счастливой земли были «его разногласия с ханом Аблаем и отсутствие хороших угодий и пастбищ для скота»¹¹⁴³. В отдельных легендах Утеген находит такую землю Жидели-Байсын, но разочаровывается в ней и возвращается обратно.

Комплекс казахских легенд о спокойной земле, возможно, нашел свое отражение в генезисе самой известной утопической легенды Иванова – о голубых песках, которая также представлена в романе в двух разных вариантах. В соответствии с первым, «мудрецы говорили речи; молодежь собрала силы и побежала вверх по дороге. Все они расшиблись, и на голубых песках было много крови». Зоршинкид пошел один: «голубые пески несли голубую пыль над ним», и всем казалось, что юноша «уходит в небо». Но он не возвратился. Народ подождал его и спустился к старым жилищам. По другим вариантам, комментирует рассказчик, «видно, что народ кидается

¹¹⁴¹ Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина (архивные материалы и публикации). Алма-Ата: Наука, 1972. С. 68–69.

¹¹⁴² Касбасов С.А. Казахская несказочная проза. С. 217.

¹¹⁴³ Там же. С. 221.

вслед Зоршинкиду. Горы удивляются их смелости, пропасти закрываются, и все они, за исключением мертвых, попали в круг счастья»¹¹⁴⁴.

Ведущие утопические мотивы книги «Седьмой берег» также напрямую связаны с другими событиями этого периода: 1921–1922 гг. – голод в Советской России. «Самыми лучшими рассказами в этой книге» назвал рецензент из «Рабочей газеты» те, «в которых автором описано Поволжье в период голода: “Синий зверюшка”, “Лога”»¹¹⁴⁵. На самом деле, действие в этих рассказах происходит в Сибири, а не в Поволжье, на это есть прямые указания в текстах, но ошибка рецензента далеко не случайна. Голод был главной болью Советской России тех лет. Готовя второе издание книги, Вс. Иванов усилит звучание темы голода, добавив в «Седьмой берег» рассказ «Полая Арапия».

Впервые рассказ «Полая Арапия» был опубликован в газете «Правда» 5 апреля 1921 г., переиздан несколько раз в 1920 гг. и после 1932 г. больше не печатался. Иванов оставил воспоминания об истории создания очень важного для него рассказа. Этот фрагмент из «Истории моих книг» полностью не был опубликован и приводится нами по правленным страницам машинописи, сохранившимся в архиве писателя: «В 1921 г. по предложению М.И. Ульяновой, работавшей тогда в “Правде”, я ездил в Поволжье, чтобы писать о голоде. Очерки у меня не получились. Я написал рассказ “Полая Арапия”, о голоде. Рассказ этот, даже после напечатания его в “Правде”, издатели [*печатали*] брали неохотно. Приукрашение действительности, столь свойственное редакторам и издателям, начинало действовать. Отдавая должное художественным достоинствам рассказа, они каждый раз считали печатание его “несвоевременным”, словно мы будем казаться сильнее от того, если будем [*утверждать*] замалчивать то, что после гражданской

¹¹⁴⁴ Иванов Вс. Голубые пески. С.318–319.

¹¹⁴⁵ Книжная полка рабочего // Рабочая газета. 1922. 17 дек. С. 3. Подпись: С.М.

войны у нас [*не было случаев людоедства*] не было ни голода, ни разрухи»¹¹⁴⁶.

Действие рассказа происходит в Советской России в 1921 г. В результате засухи и неурожая 1921 г., охвативших около 40% посевных площадей, особенно район Поволжья, голодало более 33% населения. Катастрофическое увеличение числа голодающих можно проследить по цифрам в центральных газетах того времени. По данным газеты «Известия», в октябре 1921 г. голодало 21 073 000 человек (из них 8 700 000 детей); в декабре 1921 г. – 23 227 000 человек. Весной 1922 г. количество голодающих достигло 30 миллионов человек. В июле 1921 г. организован Помгол – Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК (председатель – М.И. Калинин), которая занималась изысканием государственных, общественных, собранных за границей средств для борьбы с голодом.

В периодике 1921–1922 гг. тема голода не замалчивалась, однако рассказ Иванова существенно отличался от характерных для того времени газетных статей и публикуемых художественных произведений. Основная направленность заметок, очерков, рассказов, стихов постоянной рубрики «Правды» «На голодном фронте» была связана с помощью голодающим. Вот лишь несколько примеров характерных газетных заголовков, взятых нами из апрельских номеров газеты «Правда» за 1921 г.: «На помощь голодным», «Первое судно на Поволжье», «Семена для голодающих», «Продовольствие из Праги», «Закупка хлеба на изъятие», «Деятельность международного комитета помощи голодающим при Коминтерне» и т.п.

Рассказ Иванова стал одним из первых в советской прозе раскрывших тему голода; чуть позднее будут написаны «Третья столица» (1922) Б. Пильняка, рассказы и повести А. Неверова «Ташкент – город хлебный» (1923); роман-дневник С. Семенова «Голод» (1923) и рассказы «6.000», «Дело № 11»; «Повесть о муках голода и любви» (1922) и рассказы Л. Гумилевского и др. В «Третьей столице» имеется прямая отсылка к

¹¹⁴⁶ Архив Вс. Иванова.

ивановскому рассказу: «И последнее, о людоедстве в России. Это рассказал Всеволод Иванов – “Полой (почему – не белой?) Арапией”»¹¹⁴⁷.

Критика 1920-х гг. высоко оценила рассказ. В статье «Новый Горький» Львова-Рогачевского заглавие рассказа ассоциировалось с дореволюционной Россией, но не «окуровской», мещанской, а народной, эпической: «...этот стихийный поэт рассказывает нам о том, как преображается “Полая Арапия” с ее стихийными снами, богами, легендами, с ее разбойно-удалыми и детски нежными песнями, с ее метелями и ветрами»¹¹⁴⁸. Восторженно писал о рассказе Вяч. Полонский: «Я не знаю <...> другого произведения, которое с такой потрясающей, почти осязательной силой показало бы голодного человека. “Голод” Гамсуна по праву приобрел мировую известность. Но Гамсун показал мир глазами голодающего интеллигента <...>. Иванов, как и подобало крестьянскому писателю, дал облик голодающей массы, впавшей в первобытное, звериное состояние – на грани людоедства. Этот показ человека поистине страшен. Описания, сравнения, пейзаж даны в “Полой Арапии” так, как если бы мир изображали те самые люди, которые мясом ближнего пытались утолить голод»¹¹⁴⁹.

Отметила рассказ и критика русского зарубежья. В статье «Литературные рисовальщики» Вл. Тукалевский писал: «Скоро, по крайней мере, словесную картину Вс. Иванова забыть нельзя. А ведь у него и конца-то нет, чтобы “зачеркнуть” содержание. Так и не знаешь, разбили голову молотком и съели, или не разбили Миронову голову. А ведь у них-то, в Совдепии, не так уж страшно, если убивают и прочее, ко всяким ужасам привыкли. И может быть, в этой наивной стыдливости автора, остановившегося перед “убийством” своего “героя”, и сказался подлинный художник»¹¹⁵⁰.

¹¹⁴⁷ Пильняк Б. Третья столица. Повести и рассказы. М.: Рус. кн., 1992. С.128.

¹¹⁴⁸ Современник. 1922. № 1. С. 151.

¹¹⁴⁹ Полонский Вяч. Очерки современной литературы. О творчестве Всеволода Иванова. С. 228.

¹¹⁵⁰ Новая русская книга. 1922. № 4. С. 123.

В «Полой Арапии» перед читателем предстает одна из голодающих деревень Советской России, где председатель исполкома, не веря, что крысы отгрызли руку младенцу, подозревает, что крестьяне сами съели его. Появившаяся пророчица Ефимья зовет мужиков в благословенную землю – Полулю Арапию, где «хлебушко спеет на три недели»¹¹⁵¹, – «пшеничный рай».

Образ «пшеничного рая», занимающий важное место в творчестве и Иванова, и новокрестьянских писателей имеет глубокие корни в мировом фольклоре и тесно связан с символикой хлеба, зерна, колоса, пашни, земли, пахаря. Многочисленные мифологические сюжеты, восходящие прежде всего к мифам о земле, соотносимой с Богиней – Матерью, мифам об умирающем и воскресающем боге и солярным мифам, проясняют ряд общих символических значений этой группы образов – это цикл рождения, жизни и смерти; возрождение, основа жизни; плодородие, довольство, богатство, семейное благополучие¹¹⁵². Для земледельческих культур, к которым относится и славянская, трудно переоценить значение хлеба, колоса, пашни, ставших сакральными символами. А.Н. Афанасьев отмечал: «Все, что родит земля, есть дар небесных богов (Святовиды, Дажьбога, Перуна, Волоса, Лады), согреваемых ее солнцем и поющих леса, поля и нивы живительную влагу дождя. На Руси говорят о хлебе: “дар Божий” <...>, “святой хлеб”, “сноп святого жита”; <...> хлеб-соль принимается за эмблему плодородия, богатства и счастья, служит необходимою принадлежностью всякого семейного и общественного торжества, предохраняет от колдовства и нечистой силы; первая песнь при святочных гаданиях возглашается хлебу: “мы хлебу песнь поем, хлебу честь воздаем!”»¹¹⁵³

Названия обрядового хлеба имеют этимологические корни в глубокой древности. В связи с названной темой остановимся кратко на этимологии слова «каравай». Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров в книге «Исследования в

¹¹⁵¹ Иванов В.С. Седьмой берег. С. 95.

¹¹⁵² См.: Мифы народов мира. Энциклопедия / гл. ред. С.А. Токарев. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 179, 466. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 547.

¹¹⁵³ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. С. 761–763.

области славянских древностей» выявляют символику белорусского «коровая», игравшего особую роль в свадебных ритуалах. Рассматривая набор предметов, изображенных на коровае (солнце, луна, животные или части их, птички), ученые отмечают, что он «в точности совпадает с набором ритуальных символов, изображаемых у мирового древа, в частности на шаманском бубне у многих северных народов, а также на древних изображениях в Передней Азии и Индии»¹¹⁵⁴. Исходя из того, что «старым названием мирового древа, по мнению некоторых ученых, было слово “рай”», Иванов и Топоров высказывают предположение, что «“рай” в ряде текстов может, видимо, пониматься как обозначение возрастающей растительной силы, урожая хлеба и под. – вплоть до “раек” – последний сноп ржи, венок из последних колосьев»¹¹⁵⁵.

В христианстве хлеб используется в одном из главных таинств – причащении (евхаристии), в котором верующий под видом хлеба и вина, вкушая самого тела и крови Христовой, таинственно соединяется со Христом и получает залог вечной жизни. Сущность таинства состоит в том, что во время совершения Божественной литургии хлеб и вино, силою и действием Святого Духа, пресуществляются в истинное тело Христово и кровь Христову и служат для причащающихся духовною пищею и залогом вечного блаженства.

Сложное сочетание древних языческих и христианских традиций в образе хлебного, чаще всего – пшеничного рая нашло свое отражение в поэтическом мировоззрении новокрестьянских писателей. Как показала в своем исследовании С.Г. Семенова, уже в первой половине 1910-х гг. в лирике новокрестьянских поэтов чаемый «мужицкий рай» передавался в образах, имеющих глубокие традиции в русских утопических легендах, в которых также присутствовали символические образы земли, пашни,

¹¹⁵⁴ Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. С. 245.

¹¹⁵⁵ Там же. С. 247.

колосьев, хлеба¹¹⁵⁶. Вот лишь несколько примеров из лирики Клюева предреволюционных лет: «Он придет нерукотворный // Век колосьев золотых» («Наша радость, счастье наше...»; 1910)¹¹⁵⁷; «Пир мужицкий свят и мирен // В хлебном Спасовом раю...»¹¹⁵⁸ («Поддонный псалом», 1916) и т.п. Не удивительно, что в произошедшей в 1917 г. революции новокрестьянские поэты поначалу увидели осуществление народной мечты о «пшеничном рае»: «И выползет из колоса, // Как рой, пшеничный знак, // Чтобы пчелиным голосом // Озлатонивить мрак»¹¹⁵⁹ (С. Есенин «Преображение», 1917). К древнему мировому древу восходила в «Ключах Марии» Есенина картина «некоего вселенского вертограда, где люди блаженно и мудро будут хороводно отдыхать под тенью ветвей одного преогромнейшего дерева, имя которому социализм, или рай»¹¹⁶⁰. Так писал Есенин в ноябре 1918 г.

«В 1919 г. начиная с “Кобыльих кораблей” жизненная мелодия его творчества меняется и на смену восторженным пророчествам приходят разочарования и трагические вопросы»,¹¹⁶¹ – пишет исследователь творчества Есенина Н.И. Шубникова-Гусева. К концу 1919 г., и особенно ярко в 1921–1922 гг., пугающе преобразуются и образы «пшеничного рая» и хлеба.

Поэма «Кобыльи корабли» (сентябрь 1919) открывается строками, содержащими древний мифологический образ волка:

Если волк на звезду завыл,
Значит небо тучами изглодано¹¹⁶².

Далее «рожь» предстает в виде зловещей скачущей конницы:

Поле, поле, кого ты зовешь?
Или снится мне сон веселый –
Синей конницей скачет рожь,

¹¹⁵⁶ См.: Семенова С.Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х гг. С. 42–44.

¹¹⁵⁷ Клюев Н.А. Сердце единорога. С. 137.

¹¹⁵⁸ Там же. С. 29.

¹¹⁵⁹ Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. 9 кн. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы) / подгот. текстов и коммент. С.И. Субботина; науч. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: «Наука» – «Голос», 1997. С. 63.

¹¹⁶⁰ Там же. Т. 5. С. 202.

¹¹⁶¹ Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы С.А. Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН, 2001. С. 109.

¹¹⁶² Есенин С.А. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 77.

Обгоняя леса и села?

Нет, не рожь! Скачет по полю стужа,
Окна выбиты. Настежь двери...¹¹⁶³

В «Песни о хлебе» (январь – февраль 1921) с хлебом тесно связаны мотивы смерти: «сноп лежит, как желтый труп», «могильный склеп-овин», «людоедка-мельница», и сам хлеб не Божий дар, не воплощение довольства и благополучия, а хлеб-убийца, «яд белесый», который «отравляет жернова кишок»¹¹⁶⁴.

«Песнь о хлебе» Шубникова-Гусева определила как «стихотворение-спутник»¹¹⁶⁵ драматической поэмы «Пугачев», начало работы Есенина над которой приходится также на январь – февраль 1921 г. В диалоге сторожа и Пугачева намечается антитеза между чаемой счастливой жизнью мужика, который в полях «цедит молоко соломенное ржи», – «пшеничным раем» и реальной его жизнью:

Всех связали, всех вневолрили,
С голоду хоть жри железо...¹¹⁶⁶

Мечты о дороге «по водам ржи», по которой «избы на колесах» потянутся в «новый край», оборачиваются оголтелой скачкой «дикого табуна деревянных кобыл»¹¹⁶⁷. Идея предательства вызревает в главе «Ветер качает рожь». В этой же главе Есениным создан еще один потрясающий образ – оборотень, внутренне диалогичный: жертвы голода превращаются в мстителей – «...то ли зыбится рожь, / То ли желтые полчища пляшущих скелетов»¹¹⁶⁸.

Соотнесение: хлеб – убийца, хлеб – смерть, хлеб – разрушение и т. п. – в этих произведениях Есенина очень нетипично для фольклора, где за

¹¹⁶³ Там же. С. 78.

¹¹⁶⁴ Там же. Т. 1. Стихотворения / подгот. текстов и коммент. А.А. Козловского; науч. ред. А.М. Ушаков. М.: «Наука» – «Голос», 1995. С. 185.

¹¹⁶⁵ Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина. С. 174.

¹¹⁶⁶ Есенин С.А. Полное собрание сочинений. Т. 3. Поэмы / сост. и подгот. текстов Н.И. Шубниковой-Гусевой, коммент. Е.А. Самоделовой и Н.И. Шубниковой-Гусевой; науч. ред. Л.Д. Громова и С.П. Кошечкин. М.: «Наука» – «Голос», 1998. С. 9.

¹¹⁶⁷ Там же. С. 37.

¹¹⁶⁸ Там же. С. 39.

образами хлеба, колоса и пашни закреплены положительные коннотации. Вопросы об истоках такой зловещей образности встают как в связи с рассказом «Полая Арапия», так и с другими произведениями Иванова 1921 г., в которых образный ряд «хлеба», «колоса», «пашни» так же, как и у Есенина, часто связан со смертью. Действие рассказа «Лога» происходит в сибирском селе. Село «огромное. На версты в лесу, в хлебах». Из города в сытое село идут и идут тощие люди. «...сглазили, усю Росею антихрист сглазил! – объясняет бабка Фекла. – В городе-то заместо хлеба гриб жрут, провалиться им совсем»¹¹⁶⁹. Тема богооставленности человека, одна из ведущих в русской литературе XX в., в 1921 г. актуализируется в прозе Вс. Иванова. «Господи! Может и твой глаз спален, как эта вот степь-то, а?.. В городах-то, бают, землю гложут, камень сухой да твердый...»¹¹⁷⁰ – вопрошает крестьянка Аксинья. «Молчит Господь, онемел. Непонятно глух»¹¹⁷¹, – комментирует автор. Воплощением человеческого милосердия кажется героине рассказа курчавый парень, который режет толстые ломти хлеба и бросает их голодным киргизам. Но это обман! «С киргизами-то, Аксинья, потеха – а!.. Дай, маракую, покормлю их всласть, наголодались. Взял я у матери булки-то и давай их напекивать. Лопай! И верна, ведь трое подохли... Обожрались немаканы, а?..»¹¹⁷²

В отличие от выдержанного в реалистической традиции рассказа «Лога», в «Полой Арапии» Иванов представляет те же мотивы в символическом ключе. Поверив словам пророчицы Ефимьи о благословенной Арапии, крестьяне отправляются в путь. По дороге они едят палых лошадей, кору. Возникает угроза людоедства. Показательно описание сна крестьянина Мирона, в котором появляется образ колоса, несущего смерть: «Ночью Мирону пригрезился урожай. Желтый, густой колос бежал под рукой, не давался в пальцы. Но вдруг колос ошетинился розоватыми

¹¹⁶⁹ Иванов Вс. Седьмой берег. С. 124–125.

¹¹⁷⁰ Там же. С. 129.

¹¹⁷¹ Там же. С. 131.

¹¹⁷² Там же. С. 133.

усиками и пополз к горлу»¹¹⁷³. Финальные строки рассказа Иванова исполнены зловещей образности, близкой поэтике Есенина этого времени: «Перед глазами развернулось, извиваясь и трепеща, поле колосьев – багровых, зеленых, коричневых. Разбрасывая ногами колос, вышла и глянула на него тупая и жирная морда коровы. И вдруг – глаза у ней поблекли, осели и над ними всплыла острая волчья морда»¹¹⁷⁴. Мирон закрывает глаза. Рядом с ним сидят готовые убить и съесть его жители деревни.

Приведенный пример из рассказа Иванова дает основания предположить, что перед нами явление типологическое для творчества писателей, корни которого уходят в древнюю фольклорную традицию. Отмеченная образность присутствовала, правда, далеко не у всех новокрестьян, и относились они к ней по-разному. Известно, что Клюев не принял «Кобыльи корабли» Есенина, а на «Песнь о хлебе» ответил «Матерью Субботой»¹¹⁷⁵. Хотя позднее у самого Клюева в поэме «Погорельщина» (1928) появится древний хтонический образ змея и будет введен мотив пожирания человека.

Как показывают исследования в области славянского язычества, указанные образы и поэзии Есенина, и прозы Иванова имеют очень древние фольклорные источники. Афанасьев в работе «Поэтические воззрения славян на природу» упоминает о «житных духах»: «Растя хлебные злаки и торя урожаи, житные духи готовят запасы для своего собственного пропитания. <...> Человек питается плодами их творческой деятельности, но не должен забирать всего: часть хлеба он обязан оставить для житных духов, дабы они могли прозимовать без нужды и заботы. Следуя стародавнему обычаю, крестьяне оставляют на полях несколько несрезанных колосьев, <...> а на току несколько пригоршней обмолоченного зерна, и за все это

¹¹⁷³ Там же. С. 97.

¹¹⁷⁴ Там же. С. 103.

¹¹⁷⁵ Л.А. Киселева в статье «Есенин и Клюев: Скрытый диалог (попытка частичной реконструкции)» пишет о диалоге-споре двух поэтов, где Есенин, «отрицая красоту страдания и отвергая «путь зерна», занимает противоположную Н. Клюеву позицию // Николай Клюев. Исследования и материалы / ред.-сост С.И. Субботин. М.: «Наследие», 1997. С. 189.

ожидают на следующий год богатого урожая. Кто не исполняет этой обязанности, у того житные духи похищают хлеб из закромов. <...> Как существа стихийные, являющиеся в бурных грозах и дождевых ливнях, житные духи смешиваются с духами дикой охоты и неистового воинства»¹¹⁷⁶. Далее Афанасьев указывает на связь их с мифическими волками, которые в фольклорной традиции имеют символическое значение враждебных демонов, но при этом тесно связаны с верою в благодатные небесные стада, дарующие земле плодородие»¹¹⁷⁷. Названные стихийные силы принадлежат архаическому сознанию славян, предшествовавшему не только христианству, но и представлениям об языческих богах, воплощавших благодатную силу урожая, хлеба, колоса. Житные духи-пожиратели, духи дикой охоты, мифологические волки, житный дед, очень напоминающий древнего змея, – все эти воплощения первобытного хаоса, хтонических сил мира, разрушающих природный космос, в 1919–1922 гг. вторгаются в мир и С. Есенина, и Вс. Иванова.

Истоки воскрешения в новокрестьянской литературе архаической символики следует искать в исторической реальности – в жизни Советской России. Не случайно зловещее преобразование «пшеничного рая» приходится на голодные 1919–1922 гг. Центральные газеты в январе – феврале 1921 г. передавали далеко не полную картину происходящего в стране. Лишь при внимательном чтении можно отметить, что в газете «Известия» постоянный раздел «Продовольственный фронт» с 11 февраля 1921 г. сменяется разделом «Борьба с голодом», но и здесь печатаются, главным образом, статьи о помощи пострадавшим от неурожая, важности посевной кампании, планы, проценты, призывы и т.п. Примерно таково же содержание статей раздела «На бескровном фронте», ежедневно на протяжении января – февраля 1921 г. печатавшихся в газете «Правда» на четвертой странице.

¹¹⁷⁶ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. С. 772–773.

¹¹⁷⁷ Там же. Т. 1. С. 735.

Лишь к осени в газетах появятся сообщения о реальных фактах. Так, в «Красной газете» от 6 сентября 1921 г. в статье «По голодным местам» после примеров из жизни голодающего населения, которое в «настоящее время питается травой, “диким хлебом” (жирная глина) и мукой из костей павших животных», будет выделена жирным шрифтом фраза «Голодная смерть началась».¹¹⁷⁸ А к концу года в том же издании, несмотря на попытки представить происходящее в стране в несерьезном ключе (так, 1 января 1922 г. газета публикует «Новые частушки»: «Эй же, браво, Новый год // За плечами с горнами // Завтра выступишь вперед // Ножками проворными. <...> Жаль, в Поволжье страшный голод: // Глиною питаются, – // Страшный голод плуг и молот // Сократить стараются. // Новый год, цветут надежды, // Как весенние цветы...»¹¹⁷⁹), появится следующее сообщение: «Самара. В Бузулукском уезде, в селе Есиповке одна крестьянка изрубилла труп семилетней дочери и употребила его в пищу. В селе Андреевке голодающими съеден труп женщины. Трупы воруются из амбаров. В Любимовке съедено все живое. Ночью раскапываются могилы и вырываются трупы»¹¹⁸⁰.

В периодике начала 1921 г. слово «хлеб» звучит в сочетаниях, непривычных для русского сознания: «*Борьба за хлеб* была лозунгом Октябрьской революции. *Борьба за хлеб* идет сейчас <...> по всему миру. <...> На *хлебном фронте* должна идти *борьба*. <...> *Хлеб* сейчас то *оружие*, которое укрепит все завоевания»¹¹⁸¹ (курсив наш). И т.п. В крайне немногочисленных газетных сообщениях о крестьянских мятежах также фигурирует зловеще преображенный хлеб: «В Игуменском уезде шайки бандитов за короткий период времени разогнали Погорельский и якшинский волостные ревкомы, отбили у райпродкома 800 пудов ржи. Ежедневно

¹¹⁷⁸ Красная газета. 1921. 6 сент. С. 3.

¹¹⁷⁹ Там же. 1922. 1 янв. С. 0.

¹¹⁸⁰ Там же. 31 дек. С. 1.

¹¹⁸¹ Там же. 1 февр. С. 1.

отмечалось три – четыре случая разоружения и убийства представителей Советской власти»¹¹⁸².

Так один из основных мотивов русских народных утопических легенд в начале 1920-х гг. трансформировался в творчестве новокрестьянских писателей и близкого им Иванова. Ожидаемый «хлебный рай», «пшеничный рай» оборачивался адом – воцарением хаоса в мире и в душах людей.

В целом в книге рассказов «Седьмой берег» и в романе «Голубые пески» автор противопоставляет новый революционный утопический идеал, который должен, по мнению идеологов мировой революции, воплотиться во всех странах, и страшные последствия его осуществления: войну, смерть, сгоревшие деревни, голод, – утопическим представлениям народа об идеальном общественном устройстве. Ни в романе, ни в рассказах Иванова народный идеал, о котором мечтают крестьяне центральной России, а также казахи, китайцы и корейцы восточной России, не реализуется: финалы всех рассказов трагичны. Умирают от голода и ожидают смерти крестьяне из рассказа «Полая Арапия». Уходит к чернобандистам мужик Андрейша из рассказа «Лоскутное озеро», а другие жители этой сгоревшей деревни под угрозой смерти роют военные окопы. Убивает себя так и не доехавший до Шанхая китаец Чжень-Люнь, а веривший в город Верный Кузьма теряет веру: «...так, для утешения своего люди придумали»¹¹⁸³. Убит японцами русский из Великого города, и к фанзам корейцев приближается японское судно. Книгу завершают авторские слова: «Незнаемо куда бежала Монголия – зверь дикий и нерадостный»¹¹⁸⁴.

4.3. Борьба за «новый быт» и «Тайное тайных».

На первой странице книги «Тайное тайных» (рассказ «Жизнь Смокотинина») после указания на характерные приметы времени: «Когда впервые после долгих войн, пришли в деревню плотники...», «...топоры за

¹¹⁸² Известия. 1921. 4 янв. С. 3.

¹¹⁸³ Иванов Вс. Седьмой берег. С. 232.

¹¹⁸⁴ Там же. С. 296.

революцию иступились – голов много порубили ими, <...> осины им [мужикам.– *Е.П.*] теперь, разучившись, не отличить от сосны», упомянуто наступившее «стоящее время, когда можно и построиться и поработать не зря» (7), время, которое связано с надеждами на новую жизнь. Девять новелл, составивших «Тайное тайных», каждая по-своему становятся отражением этой «стоящей» жизни и показывают тот социальный идеал, который предлагала новая власть народу России.

В статьях 1923 г. «Странички из дневника» и «О кооперации» В.И. Ленин сформулировал главные задачи культурного строительства Советской России: «...раньше мы центр тяжести клали на политическую борьбу, революцию, завоевание власти. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную, организационную, “культурную” работу»¹¹⁸⁵. «Гигантская всемирно-историческая культурная задача»¹¹⁸⁶ заключалась в том, чтобы «сделать население <...> цивилизованным, избавиться от той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор»¹¹⁸⁷.

Главным стратегом и тактиком в осуществлении великой задачи перестройки «рабского прошлого России» стал Л.Б. Троцкий. Его книга «Вопросы быта. Эпоха “культурничества” и ее задачи» (1923) определила направления «пересоздания личного и семейного быта» рабочего класса и особенно крестьянства «сверху донизу в духе коллективизма»¹¹⁸⁸.

Едва ли не основным препятствием на пути «народных масс к социализму» оказалась традиционная русская семья. Принятый 9 февраля 1918 г. «Декрет о расторжении брака и о гражданском браке» был первым шагом на пути разрушения прежней семьи. В 1925 г. широко обсуждается новый проект закона о браке и семье, который, как предполагалось, должен быть построен «на полном признании свободных супружеских отношений,

¹¹⁸⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Изд. 5-е. Т. 45. М.: Госполитиздат, 1964. С. 376.

¹¹⁸⁶ Там же. С. 367.

¹¹⁸⁷ Там же. С. 364.

¹¹⁸⁸ Троцкий Л. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М.: Гос. изд-во, 1923. С. 35.

не стесненных условностями буржуазного строя»¹¹⁸⁹. С осени 1925 г. в печати развернулась дискуссия. Прежняя семья описывалась так:

Мы получили от старого строя позорнейшее законодательство по семейному и брачному праву. Мы получили законы о семье как о тюрьме, о тюремной клетке, в которую легко войти, но из которой трудно выбраться.

Мы получили законы о власти мужа и отца, о его правах, постановления о власти тюремщика перемежаются с лицемерными, ханжескими постановлениями о любви супругов, почтении родителей, добронравном образе жизни и воспитании детей в видах, угодных правительству. <...> Пролетарская революция немедленно ниспровергла эти законы и объявила беспощадную борьбу семейной эксплуатации. Еще в дыму революционных боев мы издали новые декреты о разводе, о браке, освобождающие супругов от невыносимых уз старого церковного брака¹¹⁹⁰.

С новыми представлениями о семье, сформировавшимися «в дыму революционных боев», могли ознакомиться в январе того же 1926 г. читатели одесского журнала «Шквал», где на странице 3 был опубликован рассказ Иванова «Про казачку Марфу» из книги «Тайное тайных», а на странице 5 печаталось письмо «сиротки Мани Волжанки» со следующим редакционным комментарием: «Сердце сиротки расцвело красивой, здоровой, жалостливой любовью, встретив ответное чувство в пылком Ванином сердце <...>. Маня Волжанка смела и готова пренебречь всеми правилами, имеет настолько широкие взгляды, что высказывается даже против регистрации в загсе, лишь бы вырвать любимого для себя из рук некрасивой жены»¹¹⁹¹. Продолжая тему, журналист Ал. Светлов дает свой комментарий к письму Мани: «А “законного брака” у нас нет. И “байстрюки”, – что это такое. – Мы не понимаем. Это у попа – кто без креста – тот “незаконнорожденный”. А у нас каждый ребенок – гражданин. Каждая мать – в правах»¹¹⁹².

Чтобы осуществить «культурную революцию» и воспитать «нового человека», необходимо было разрушить и традиционные в русской семье отношения между детьми и родителями. Теперь культивировалось

¹¹⁸⁹ Перед II Сессией ВЦИК: Кодекс законов о браке, семье и опеке // Известия. 1925. 11 сентября. С. 5.

¹¹⁹⁰ Вольфсон Ф.И. К дискуссии о проекте семейного кодекса // Красная новь. 1926. № 1. С. 178–179.

¹¹⁹¹ Шквал. 1926. № 1. С. 5.

¹¹⁹² Там же. № 12. С. 8.

неуважение к «темному» поколению «отцов». В новой семье, где, по замыслу Троцкого, «стирать белье должна хорошая общественная прачечная. Кормить – хороший общественный ресторан. Обшивать – швейная мастерская» и т.п., и воспитываться дети должны «хорошими общественными педагогами»¹¹⁹³, а не отсталыми родителями. Периодическая печать 1920-х гг. оперативно откликалась на новые инициативы. В массовом популярном журнале «Безбожник», выходившем с 1923 г., печатались вот такие милые стихи некоего Г. Градова, от лица нового советского ребенка передающие новые детские чувства к своим родителям: «Буду слушаться папу, / Если был он в партшколе, / Буду слушаться маму, / Если кончит рабфак»¹¹⁹⁴.

Столь же радикальному пересмотру подверглось отношение к земле, к хозяйству. Испокон веку сохранявшаяся в русском крестьянстве любовь к земле как источнику жизни, одной из основных духовных опор человека объявлялась вредным мелкобуржуазным чувством собственника. «Крестьянский журнал», наряду со стихами («Соху древнюю забросить нам пора. / Без меж поле. Пахать будут трактора. / Уже тогда-то мы не будем так страдать: / Труд машинушка наш будет облегчать. / В одну семью мы машинушку возьмем, / Попа с богом никогда не позовем»¹¹⁹⁵ – Ян. Горев), печатал и прозу, представляющую новое отношение к земле. Характерен рассказ А. Пучкова «Зовы», в котором традиционный метасюжет возвращения сына на родину отцов представлен в современном советском ключе. Крестьянский сын, красноармеец Николай, «отвык <...> от стариков, отвык и от отцовской жизни с землей и хозяйством». «...чего тебе там в степи делать. Работа да грязь!» – вспоминает он слова товарища и, вдохновленный мечтами о городе и рабфаке, радостно покидает ставшие скучными родные места, стремясь к «новому, неизведанному»¹¹⁹⁶.

¹¹⁹³ Троцкий Л. Вопросы быта: Эпоха «культурничества» и ее задачи. С. 54.

¹¹⁹⁴ Безбожник. 1926. № 1. С. 1.

¹¹⁹⁵ Крестьянский журнал. 1923. № 1. С. 3.

¹¹⁹⁶ Там же. № 2–3. С. 8–9.

Однако едва ли не главной идеологической задачей нэпа оставалась борьба с Церковью. В ход были брошены все средства – от репрессий по отношению к священнослужителям до научной пропаганды безбожия. В 1920-е гг. огромными тиражами выходят массовые журналы «Безбожник», «Деревенский безбожник», «Безбожник у станка», «Атеист», «Воинствующий безбожник», «Антирелигиозник», на страницах которых представлен весь спектр пропагандистского искусства: веселые рассказы, кощунственно трактующие Священную историю, загадки, ребусы, задачи, призванные разоблачать суеверия; предупреждения о возможности заражения сифилисом при прикладывании к кресту, иконам, мощам, рассуждения о причастии как одной из причин детской смертности. «Богослужения – инструмент массового убийства», «Микроб сифилиса – свидетель против Адама», «Зараза», «Из церкви – клуб» – эти заглавия статей «Безбожника» говорят сами за себя. Священники, странники – Божьи люди, монахи представлялись извергами, корыстолюбцами, врагами, а верующие – обманутой темной массой. Религиозные праздники заменялись новыми, вводилась новая обрядность: Красные Пасхи, Красные крестины (октябрины), Красное Рождество и Красные похороны.

Особую роль в борьбе с религией призвана была сыграть наука. Говоря о книге «Тайное тайных», уместно более подробно остановиться на одной из реалий первой половины 1920-х гг. – изучении и пропаганде идей психоанализа З. Фрейда. «С особой симпатией относится марксизм к биологической материалистической атаке на “душу”, в особенности к атаке, подкрепляемой точным объективным экспериментом»,¹¹⁹⁷ – писал в статье «Фрейдизм и марксизм» (1924), напечатанной в журнале «Красная новь», врач и психолог А.Б. Залкинд, автор ряда работ по психоанализу, в 1920-е гг. активно способствовавший распространению его в Советской России. На 1923–1925 гг. приходится наибольшее количество изданий и переизданий в

¹¹⁹⁷ Цит. по: Зигмунд Фрейд: психоанализ и русская мысль / сост. В.М. Лейбин. М.: Республика, 1994. С. 145.

стране работ Фрейда: «Лекции по введению в психоанализ» (1922, переиздание – 1923), «Методика и техника психоанализа» (1923), «Основные психологические теории в психоанализе» (1923), «Психоанализ и учение о характерах» (1923), «Психопатология обыденной жизни» (1923), «Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии» (1923), «Психология сна» (1924, переиздание – 1926), «Я и оно» (1924), «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1925), «Психология масс и анализ человеческого “я”» (1925), «Психоанализ детских неврозов» (1925). В 1922 г. в Москве было образовано Русское психоаналитическое общество, тогда же на базе детского дома «Международная солидарность» создан Государственный психоаналитический институт. В 1924 г. образован Московский государственный институт экспериментальной психологии. Группы сторонников психоанализа создаются в Москве, Одессе, Казани, Ростове-на-Дону. Печатаются книги и статьи, ведутся дискуссии. Одним из главных вопросов, бурно обсуждаемых психологами и политиками на протяжении первой половины 1920-х гг., стал вопрос о том, возможно ли соединение идей психоанализа с марксизмом¹¹⁹⁸.

Во вступительных статьях к работам австрийского ученого откровенно разьяснялись причины столь большого внимания к ним у идеологов новой власти. «Заслуги психоанализа очень важны, и надо сделать лишь один шаг, чтобы подойти к религии как к социальному неврозу. <...> Но, к сожалению, именно этого шага Фрейд не делает <...>, ибо с точки зрения фрейдизма, несмотря на свое колоссальное сходство с неврозом, религия есть социальное явление, следовательно, нечто нормальное, здоровое и полезное», – говорится во вступительной статье М.А. Рейснера к книге Ф. Виттельса

¹¹⁹⁸ См., напр.: *Залкинд А.* Очерки культуры революционного времени. М.: Работник просвещения, 1924. С. 56–61; *Лурия А.Р.* Психоанализ как система монистической психологии // Психология и марксизм. Сб. статей сотрудников Моск. гос. института экспериментальной психологии. Л.: М.: Гос. изд-во, 1925. С. 47–80; *Корнилов К. Н.* Психология и марксизм. Там же. С. 9–24; *Фридман Б. Д.* Основные психологические воззрения Фрейда и теория исторического материализма. Там же. С. 113–160; *Волошинов В.Н.* Фрейдизм. Критический очерк. М.: Л.: Гос. изд-во, 1927. Подробно об этом см.: *Эткинд А.* Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб.: АОЗТ : Изд. дом «Медуза», 1993. С. 228–268; *Лейбин В. М.* История психоанализа в России // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. С. 3–12.

«Фрейд. Его личность, учение и школа». Далее автор пишет: «Только участники классовой борьбы пролетариата могут выковать из теории Фрейда новое оружие для борьбы с общественным неврозом религии, которая до сих пор являлась одним из крупных фактов классового угнетения»¹¹⁹⁹.

Очевидно, что одной из главных причин усиленного «внедрения» в создание людей нового общества учения Фрейда и признания его важной роли в грядущей борьбе за новый мир была «атака на душу», на «веления совести, природу которых легко можно было выяснить с помощью психоанализа»¹²⁰⁰, – на все то, что составляло систему нравственных ценностей человека русской культуры. В ряду подмененных и трактуемых по Фрейду оказались базовые понятия национальной жизни и культуры: вера – «общественный невроз», совесть, чувства вины и ответственности – «инстинкты невротиков», любовь, семья – «половое влечение», любовь к Родине – «сублимированная любовь мужчины к матери» и т.п. Все это, как «бессознательные начала» психики, подлежало переработке через начала сознательные – разум, вооруженный новой (не «пахотной»!) идеологией, и должно было отмереть уже в ближайшие годы.

«Фрейдизм – так большевики называли психоаналитическое учение по аналогии с привычным марксизмом – воспринимался как научно обоснованное обещание действительной, а не литературной переделки человека, осуществляемой на основе изменения его сознания»,¹²⁰¹ – отмечал А. Эткин, рассматривая в своем исследовании «психоаналитические увлечения Льва Троцкого и других товарищей» и планы «мечтателя во френче наркомвоенмора». Реально, думается, проекты Троцкого отнюдь не были проявлением «юношеской романтики»¹²⁰². Подвергая жесткому критическому анализу «марксистские апологии фрейдизма», В. Волошинов

¹¹⁹⁹ Виттельс Ф. Фрейд, его личность, учение и школа. / пер. с нем. д-ра Г.Б. Гаубмана. Л.: Гос. изд-во, 1925. С. 31–32.

¹²⁰⁰ Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. С. 7.

¹²⁰¹ Эткин А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. С. 220.

¹²⁰² Там же. С. 282, 290.

предостерегал, что «в психологии упрощенно механистический материализм может сыграть прямо роковую роль»¹²⁰³.

Базовые для идеологов новой власти в первой половине 1920-х гг. основы переделки старой жизни и создания «улучшенного издания человека» отразили работы Троцкого 1922–1926 гг., составившие XXI том его собрания сочинений – «Культура переходного периода». В наброске 1922 г. «О культуре будущего» Троцкий формулирует программу для «рода человеческого»: «Повышаясь, человек производит чистку сверху вниз: сперва очищает небо от бога, затем основы хозяйства от хаоса и конкуренции, затем свой внутренний мир от бессознательности и темноты»¹²⁰⁴. Речь «Несколько слов о воспитании человека», произнесенная Троцким на торжественном заседании в Институте имени Карла Либкнехта и вошедшая в книгу «Вопросы быта. Эпоха “культурничества” и ее задачи», подробно разъясняла, как должно осуществляться «применение научной мысли» в построении социалистического общества. «Сознательной» перестройке должна быть подвергнута общественная жизнь, которая «слагалась стихийно»: «крестьянское производство, крестьянская семья, церковный быт, “патриархально” – монархические формы государства»¹²⁰⁵. «Научный подход к человеку» при социалистическом строе также потребует очищения его психики от «ненужных отростков», «всяких духовных аппендицитов»¹²⁰⁶, то есть все той же души. Позднее, в 1926 г., «кремлевский мечтатель» четко проведет различие между «идеалистическим» («Идеалисты учат, что психика самостоятельна, что “душа” есть колодезь без дна») и «материалистическим», научным подходом к человеку, в соответствии с которым «дном “души” является физиология»¹²⁰⁷, и выскажется об учении Фрейда: «Попытка объявить психоанализ несовместимым с марксизмом и

¹²⁰³ Волошинов В.Н. Фрейдизм. Критический очерк. С. 35.

¹²⁰⁴ Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. XXI. Культура переходного периода. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 448.

¹²⁰⁵ Там же. С. 110

¹²⁰⁶ Там же. С. 111.

¹²⁰⁷ Там же. С. 130.

попросту повернуться к фрейдизму спиной слишком проста или, вернее, простовата»¹²⁰⁸.

Безусловно, как работы Фрейда, так и полемика вокруг идей австрийского ученого, статьи, печатавшиеся, в том числе, в «Красной нови», были известны Иванову, находившемуся в то время отнюдь не на периферии литературной жизни. Издания З. Фрейда, К.Г. Юнга и других известных ученых, по свидетельству Вяч.Вс. Иванова, хранились в библиотеке Иванова и на протяжении всей жизни вызывали его пристальный интерес. Примечательно, однако, что в письмах Иванова периода работы над книгой «Тайное тайных», воссоздающих атмосферу духовных поисков писателя этих лет, нет упоминаний о Фрейде и психоанализе. В архиве писателя сохранилась запись 1947 г.: «З. Фрейд в двадцатых-тридцатых годах потому пользовался колоссальной известностью, что хотел сказать “правду” людских отношений, вскрывая “бессознательное”. Все тогда жаждали искренности, правды. Искали ее»¹²⁰⁹. Видимо, не случайно «правда» Фрейда взята Ивановым в кавычки. Иванов, воспитанный в религиозной семье, знавший религиозные искания сибирских крестьян, не мог не понимать односторонности популярных в 1920-е гг. «учений» в их стремлении раскрыть «тайное тайных» души человека.

По прогнозам идеологов «нового быта», уже ко 2-й половине 1920-х гг. вместо «азиатчины» в России должны были утвердиться «цивилизация», воплотиться новый общественный идеал.

На страницах центральных журналов подводились вполне оптимистические итоги кампании борьбы за «новый быт»: «Протест против церковного брака <...> все глубже и глубже проникает сейчас и в крестьянские отношения. Новая семья формируется там, где женщина освобождается все больше и больше от непосредственных обязанностей по питанию семьи и т.д. Здесь складывается такая семья, где мы имеем прежде

¹²⁰⁸ Там же. С. 430.

¹²⁰⁹ Архив Вс. Иванова.

всего двух товарищей, которые помогают друг другу делать большое общественное дело. <...> Мы имеем новый быт, который не нуждается ни в один из моментов своей жизни в каких-нибудь религиозных нормах»¹²¹⁰. Залкинд с воодушевлением сообщал о «неуклонно возрастающем» «колоссальном фонде нового нервно-психического здоровья»: «...ближайший исторический период будет характеризоваться неуклонным нарастанием этого вновь появившегося здорового нервно-психического фонда и постепенным рассасыванием болезненных издержек революции»¹²¹¹.

В реальности, однако, все складывалось далеко не так благополучно.

Так, наряду с выступлениями, приветствовавшими «новую бабью долю» (заглавие одной из статей в «Известиях»), среди которых громко звучал голос А. Коллонтай, обвинявшей в консерватизме «ратующих за крепкий и солидно обзаконенный брак» и предлагавшей заключать «брачно-хозяйственные договора для урегулирования имущественных отношений в деревне»¹²¹², высказывались трезвые соображения, основанные на реальных фактах судебного разбирательства: «...были предложены такие положения, которые совершенно не соответствуют настоящим условиям жизни, – <...> люди свободны, половая жизнь свободна, мы не вмешиваемся <...>. У нас получается, что суды завалены делами об этих самых “алиментах”, – так они, кажется, называются»¹²¹³.

Больше всего в новом брачном законодательстве сомневалась деревня. Об этом рассказывает периодика конца 1925 – начала 1926 г., где в разных подборках приводятся высказывания крестьян о современном состоянии семьи и брака. «Крестьянское население еще крепко держится за брак религиозный, – сообщает в газету крестьянин А. Платов. – Новый проект

¹²¹⁰ Ярославский Е. Мораль и быт пролетариата в переходный период // Молодая гвардия. 1926. № 5. С. 147, 152.

¹²¹¹ Залкинд А. Б. Очерки культуры революционного времени. С. 165.

¹²¹² Брак и быт. Доклад тов. Коллонтай 25.1. в Доме Союзов // Известия. 1926. 27 янв. С. 5.

¹²¹³ Сальц А. О революционной законности // Там же. 1925. 24 ноября. С. 5.

закона – проект многобрачия и многоженства – в деревне считается беззаконием»¹²¹⁴.

Не прививались в деревне и новые «красные» праздники. Вот показательный пример из Обзора политического состояния СССР за май 1926 г.:

В праздновании 1 мая крестьяне массового участия не принимали. <...> Характерный случай имел место в деревне Новая Када Черкасской губернии, где к председателю первомайской комиссии явился крестьянин с требованием от группы односельчан перенести празднование 1 Мая со Страстной субботы на Пасху (2 мая), заявляя, что в противном случае крестьяне не пожалеют Нардома и сожгут его вместе с участниками праздника¹²¹⁵.

Эти обзоры, как и другие опубликованные в последние десятилетия документы, передают реальное положение и настроение жителей Советской России. Приведем еще несколько заключений из обзоров.

Февраль 1925 г.: «В отчетном периоде выполнение последнего срока налога задевает весьма сильно маломощные хозяйства, составляющие 80–90% всех недоимщиков. Это часто совершенно разоренная беднота, не имеющая даже хлеба»¹²¹⁶.

Апрель 1925 г.: «Нарастание антисоветских тенденций определяется тем тяжелым экономическим положением, в котором очутилось крестьянство в связи с вздорожанием хлеба»¹²¹⁷.

Декабрь 1925 г.: «...население терроризировано бандитами. По вечерам крестьяне боятся ходить по селу и отказываются от ночных дежурств в Сельсовете. Выступивший на собрании крестьянин Мокачев заявил: “Если власть не в силах привлечь к ответственности воров, то пусть разрешит нам их убивать”»¹²¹⁸.

Май 1926 г.: «Усиливающееся в последнее время хулиганство начинает принимать в ряде районов Союза угрожающие размеры, особенно в некоторых губерниях, на Урале, в Поволжье и Сибири. Местами ни одна свадьба, ни один праздник не проходят без драки на почве пьянства, нередко кончающегося серьезными ранениями и даже убийствами»¹²¹⁹.

¹²¹⁴ Платов А. Брак не игрушка // Там же. 1926. 31 янв. С. 4.

¹²¹⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 4. Ч. 1. М.: Ин-т истории Рос. акад. наук [и др.], 2002. С. 312.

¹²¹⁶ Там же. Т. 3. Ч. 1. М.: Ин-т истории Рос. акад. наук [и др.], 2001. С. 122.

¹²¹⁷ Там же. С. 234

¹²¹⁸ Там же. Т. 3. Ч. 2. М.: Ин-т истории Рос. акад. наук [и др.], 2002. С. 764.

¹²¹⁹ Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 313.

Страницы отчетов представляли картину стремительного обнищания деревни, чему способствовал ряд обстоятельств: рост смертности, дороговизна, голод, полное отсутствие хлеба, безденежье, недоверие к городу, высокие налоги. Власть, за которую воевали, стремясь получить справедливую жизнь и, главное, – землю, оказалась ненародной, несправедливой. В сводке за май 1925 г. приводится письмо крестьянина Понаморенко: «Трудом нашим только кто не хочет, тот не пользуется, а то можно сказать – все, кто хочет, тот и обжирается нашим кровавым потом и пользуется только потому, что наше крестьянство темнее ночи, обманутое и никак <...> не может увидеть ту *правду* (курсив наш), которая должна уже появиться перед его глазами»¹²²⁰. Отсутствие Правды – едва ли не самой значимой ценности традиционной народной культуры, – Правды, которая в русском языке означала и истину, и справедливость, и праведность, приводило к недовольству, требованиям подлинной крестьянской власти, росту бандитизма. Отметим, что Сибирь – а именно в Сибири происходит действие практически всех рассказов «Тайное тайных» – в октябре 1925 г. была «объявлена неблагополучной по бандитизму на два месяца»¹²²¹.

Реально кампания борьбы за «новый быт» обернулась ростом беспризорности, хулиганства (не случайно в 1926 г. принимается закон о борьбе с хулиганством с введением смертной казни за изнасилование), широким распространением венерических и психических болезней.

Время от времени, прерывая жизнеутверждающую риторику о триумфальном шествии новых идеалов, газеты и журналы сообщали об истинном положении в деревне. Так, в мае-июне 1925 г. журнал «Печать и революция» констатировал: «Вся крестьянская масса в целом за эти три года стремительных достижений Союза на фронтах хозяйственном, культурном, политическом стала *чуть* (курсив наш) богаче. <...> Яд оскудения просачивается сквозь все поры деревенской жизни, как главная причина всех

¹²²⁰ Там же. Т. 3. Ч. 1. С. 333.

¹²²¹ Там же. Т. 3. Ч. 2. С. 592.

ее недугов»¹²²². Сами крестьяне, однако, эту главную причину видели иначе. В юбилейном октябрьском номере газеты «Известия» среди оптимистических писем читаем письмо крестьянина А.И. Свистунова:

До революции отношение крестьян к власти и религии было чисто механическим, по традиции: не нами начато – не нами кончится. Революция, *развенчав все кумиры* (здесь и далее курсив наш), заставила нас сознательно, критически проверить свое отношение к власти и религии и самим принять действенное участие в строительстве государства и выработке осмысленного взгляда на духовную жизнь человека. <...> Но наряду с этим она разнуздала *сидящего в нас зверя* с завистью, шкурничеством и утробничеством и *подорвала устои нравственности, семьи и общинных начал жизни*¹²²³.

Отношение к происходящему в стране автора книги «Тайное тайных» ясно звучит в письме Горькому от 25 сентября 1926 г. (до 2012 г. не печаталось), в котором он, кстати, сообщает о скором выходе книги:

Вот вы, Алексей Максимович, пишете, что спокойствие вредно для людей. Вредно ли оно для нас русских, сейчас. Очень не вредно. Несмотря на великую встряску, восторжество и прочая – мы все-таки не привыкли и по-прежнему не имеем жадности жить, накапливать; по-прежнему быстро устаем и скисаем – и право, если бы не эта превосходная еврейская закваска, бог знает, что осталось бы теперь от нашей революции. Спокойствие нации воспитывает волю и жадность к жизни отдельных людишек, чего у нас сейчас нет; люди исковерканы, все внутри их изломано, свершить преступление сейчас ничего не стоит – да вот, кстати, и в тюрьмах у нас перенаселение. <...> На Руси занято? Очень занято, Алексей Максимович. Пьют несусветно. Сегодня я ночевал у одних знакомых, вышел от них рано и видал, как из милиции человек один домой *без штанов*, т.е. совершенно, без ничего – в пиджаке и галстук (в руках, правда) [1 нрзб] домой. «Где ж, – я спрашиваю его, – штаны-то потерял?» «Ей-богу, не помню, голубчик», – отвечает. А пока вчера вечером – часов в девять так – шел по переулку, то на тротуаре встретил *четырёх* спящих пьяных, один спал головой на фотографическом аппарате, зажав между ног деревянный штатив. Переулок этот не на окраине, а в центре города, на Петровке. Меня уже видно и водка не веселит, и то, что происходит, столь противно видеть, что я вот уже четыре месяца как не пью совершенно и буду ли когда пить, бог весть¹²²⁴.

¹²²² Спасский И. На переломе // Печать и революция. 1925. № 5. С. 306.

¹²²³ Деревня об Октябре // Известия. 1925. 10 ноября. С. 4.

¹²²⁴ Иванов Вс. Тайное тайных. С. 331–332.

Борьба за «новый быт» первого периода нэпа, ставшая воплощением в жизнь нового социального идеала, нашла отражение на страницах книги «Тайное тайных».

Первым актом нэпа был переход от продразверстки к продналогу (введен декретом ВЦИК от 21 марта 1921 г.), который считался ведущим экономическим стимулом для подъема сельского хозяйства. Декретами Советской власти в марте-апреле 1921 г. устанавливался натуральный налог на хлеб, картофель, масло, семена, яйца, молочные продукты, шерсть, кожсырье, льняное и пеньковое полотно и т.д. Недовольство налогами обостряется в деревне в 1925–1926 гг. В опубликованных в последние десятилетия донесениях агентов ОГПУ И.В. Сталину неоднократно встречаются записи возмущенных высказываний крестьян в связи с очередным повышением налога: «Советская власть не может точно сказать, сколько платить крестьянину. <...> Пройдут еще две недели, и там подумают снова, как нас обобрать»¹²²⁵, – отчет за август 1926 г. по Иркутскому округу; «Налоги в настоящее время совсем задушили крестьян. <...> Власти народной нет, а есть лишь шайка какая-то, которая ни с чем не считается и положением крестьянина не интересуется»¹²²⁶.

В рассказе «Жизнь Смокотинина» показан деревенский подрядчик Евраф, который «запуган войной, голодом, непонятными налогами, а еще больше его запугали, когда вновь, после долгого перерыва, он начал подрядничать. Срубил в волости, на совесть, лавку для кооператива, деньги назавтра получать, а кооператив возьми и лопни. Суд да дело, и не поймешь, кто виноват, и взыскивать не с кого» (7). Напомним, что введение нэпа предоставило кооперации определенную свободу действий – декрет СНК от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации». В соответствии с ленинским планом нэпа (статья «О кооперации», 1923), кооперация была

¹²²⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 4. Ч. 1. С. 538.

¹²²⁶ Там же. С. 584.

призвана стать организацией, на основе которой крестьянство в союзе с рабочим классом и под его руководством придет к социализму.

Процесс руководства пролетариата крестьянством пародийно представлен в другом рассказе книги – «Плодородие», действие которого происходит после 1924 г. в старообрядческой алтайской деревне. Обнаружив угрозу затопления – тает лед в горах, и поток воды может затопить деревню в долине, – мужики хотят искать помощи в городе. «Что в город! – возражает один из стариков. – Богатеи, скажут, кулаки – тоните, ни дна вам, ни покрышки. В городе народ обнищал, на достатки зарится, за ситец вон по рушь двадцать дерет» (50). Выбирают делегацию – «которые побородатей да похудей», разучивают, «как вначале нужно хвалить советскую власть, как благодарить за благодеяния, за агрономов, за школы, за свободу религий, а позже добавить, что агрономы-то почти не заезжают, урожаи совсем плохи... Налогу не сможем заплатить...» (51). В городском Совете «необходимые люди» посылают мужиков от одного к другому, ничего решить не могут, и лишь хитрость, на которую идут крестьяне – объявляют об открытии в горах новых золотых приисков, – меняет ситуацию: «Необходимые люди взволновались, из соседних комнат высыпали стриженные барышнешки <...>. В городе <...> стали рассказывать легенды о новых приисках. <...> В газете появились объявления, призывающие не верить вздорным слухам, и оттого им поверили еще больше. <...> Хлеб и молоко в городе стали продавать вдвое дороже, и бабы завели себе шелковые московские платки. Затем приехали три инженера, и в первый же день напились, собрали девок со всего села и неумело плясали русскую» (52–53). В этом тексте практически каждое слово – аллюзия к реалиям «нового быта». Сатирически представлены газеты, по проекту Троцкого предназначенные для того, чтобы «связывать вместе» массовых советских читателей «свежей, обильной, интересной информацией»¹²²⁷. «Стриженные барышнешки» из совета отчетливо напоминают «стриженных девок с алиментами» из цитированного нами

¹²²⁷ *Троцкий Л.* Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. С. 7.

письма Иванова Горькому о романе «Казачи» и отсылают читателя к новому проекту закона о браке и семье, который, как предполагалось, должен быть построен «на полном признании свободных супружеских отношений, не стесненных условностями буржуазного строя»¹²²⁸.

В заключительной повести книги – «Бегствующий остров» – в «блудливом совете», куда приходит героиня – «кроткая старица Александра» – тоже сидят «стриженные девки; юбки в насмешку над верой колоколом сшиты, короче колен. <...> По лику – Русь, а по одеже чисто черти» (122–123), – откомментирует автор.

Символическим отражением новых отношений между городом и деревней и новых брачно-семейных отношений станет в «Плодородии» рассказ одного из мужиков, который представляет собой вариацию традиционного сказочного сюжета о трех сыновьях, двое из которых, в начале сказки названные умными, в результате оказываются дураками, а третий, дурак, обретает счастье: «Семь лет без партий жили, а тут на тебе. Вон в Артемовке младший у Глафириных в город ушел, в камсамольцы записался да и женился на жидовке. Пошел второй – на водке сгорел. Третьему только счастье: жена тихая, работающая, сам дома сидит, – пимокатное ремесло изучил» (48).

В ироническом ключе дается в «Тайное тайных» и пропитанная революционной символикой новая обрядность (красные свадьбы, красные похороны и т.п.). Красные знамена, революционный похоронный марш, прощальный ружейный залп», рассматривались идеологами «нового быта» как «могущественное орудие антицерковной и антирелигиозной пропаганды»¹²²⁹. В рассказе «Ночь» председатель совета, быстро записавший молодых, «необыкновенно диким и пронзительным голосом» орет, что, «если б ему волю, он бы перекричал любого попа» (21). А продкомиссар Василий Запус («Бегствующий остров») представляет, как в губпродкоме потерявшие

¹²²⁸ Перед II Сессией ВЦИК: Кодекс законов о браке, семье и опеке // Известия. 1925. 11 сент. С. 5.

¹²²⁹ Троцкий Л. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. С. 50.

его товарищи «сидят, место для <...> могилы выбирают – куда почетнее похоронить. Обязательно на площади зароят, а там грузовики мимо-то, черт бы их драл... да...» (115). Не забудет упомянуть Иванов на страницах книги и «новую сказку для нового советского ребенка», призванную заменить традиционные русские сказки, сохранившие духовный опыт народа: «Воронят ей и в сказку вставить нельзя, – ноне в сказках-то ароплан подавай, в кавер-то самолет не верят» (70) – «Яицкие притчи». И новый «удивительный способ воздействия на массы», который заключается в «объяснении предшествующего строя, демонстрируя вышеуказанные события и любовные драмы на мелком экране» (74) – аллюзия в рассказе «Пустыня Тууб-Коя» к «могущественному орудию театральности» – кинематографу – по Троцкому, «великому конкуренту не только кабака, но и церкви»¹²³⁰.

Пародийные примеры, ярко передающие авторское отношение к реалиям пролетарской «цивилизации», призванной сменить «азиатчину», можно приводить еще и еще. Не случайно пролетарский критик А. Зонин усмотрел в «Тайное тайных» «довольно отчетливое осуждение всего нового»¹²³¹ и верно уловил именно социальный аспект книги, ее связь с реальными историческими и духовными переменами в России.

И все же, если бы насмешливый пафос определял главную тональность «Тайное тайных», книга Иванова никогда не стала бы литературным памятником своего трагического времени. «Творческий путь писателей из крестьян в годы нэпа, – отмечает Н. В. Корниенко, – это отдельная и очень непростая тема, ибо она включает в себя не только эстетические, но и глубинные, неизменно связываемые уже в те годы именно с именем Есенина,

¹²³⁰ Там же. С. 37.

¹²³¹ Зонин А. На перепутье // На литературном посту. 1927. № 4. С. 13.

этические вопросы: отречения от своей родословной, предательства матери-отца, преступления и наказания, блудного сына, тему возвращения и т.п.»¹²³².

Все названные «крестьянские вопросы литературы эпохи нэпа» станут ведущими в книге «Тайное тайных», определяют ее композицию, сквозные темы и мотивы, тип героя.

Слова Иванова из письма Горькому от 25 сентября 1926 г.: «...люди исковерканы, все внутри их изломано, свершить преступление сейчас ничего не стоит...»¹²³³ – напрямую относятся к мужикам – героям книги «Тайное тайных». «Все внутри изломано» у «румяного и звонкоголосого» Тимофея Смокотинина, от непонятной любви и тоски покинувшего родительский дом, ставшего хулиганом, конокрадом, убийцей и лишь «под иконами умирать» (С. Есенин) вернувшегося домой. У красноармейца, который умирать собирается, «приложившись к кресту не по-отцовски» (63) – «Смерть Сапеги». Крестьянский сын Афонька («Ночь»), охваченный непонятной тоской, убивает старуху странницу, поняв внезапно, что в новом, «переклубившемся» мире не осталось «ласковых душ», и с сознанием своей вины низко кланяется судье, «как отцу не кланялся во всю жизнь» (30). Практически все персонажи «Тайное тайных» – блудные дети современности, совершив преступления, предстают перед людским и Божьим судом, но, как всякий русский человек, не принимая «греха за правду» (Ф. Достоевский), готовы нести наказание. Одно из ведущих мест занимает в книге тема возвращения, но, кроме Богдана («Полынья»), ни одному из ивановских крестьян не дано «вернуться домой». «Без креста» каждый из них отправляется в свой путь: создавать партию, воевать, резаться с другом, пытаться «доспеть до общества» и т.п., но неизбежно оказывается в духовной пустыне. Мотив утраченного пути завершает трагическую книгу Вс.

¹²³² Корниенко Н.В. Есенин и крестьянский вопрос в критике первой советской оттепели // Есенин и мировая культура. Материалы научной конференции, посвященной 112-летию со дня рождения С.А. Есенина. Москва-Константиново-Рязань: Пресса, 2008. С. 211.

¹²³³ Иванов Вс. Тайное тайных. С. 331.

Иванова, ставшую отражением «культурнической» переделки русской деревни в период нэпа – «труднейшему времени российской истории»¹²³⁴.

4.4. Всеволод Иванов и спор о мужике в литературе 1920-х гг.

«Это очень “мужицкая” книга, “черноземная” – как говорят в России, – с восточным азиатским привкусом. Но от “чернозема” и Азии она поднимается к такому прояснению и такой суровой простоте, что ее поймет как СВОЕ читатель самый городской, цивилизованный и “западный”. Даже самый рафинированный и брезгливый эстет поймет, лишь бы только он был человеком»,¹²³⁵ – так откликнулся Г. Адамович на выход книги «Тайное тайных».

Определяя место книги Иванова в литературном контексте эпохи, нельзя уйти от так называемого «вопроса о мужике», едва ли не главного в публицистике и литературе 1910–1920-х гг. В параграфе 4.2. нашего исследования рассматривались главные направления в изображении крестьянства в конце 1910-х – 1 половине 1920-х гг. и место произведений Иванова: «Партизанских повестей» и книги рассказов «Седьмой берег» – в литературе о деревне в оценках советских критиков и критиков русского зарубежья. Книга «Тайное тайных», материал для которой также дала деревня, заставила критиков пересмотреть свои прежние оценки. «Перевальцы» (А. Воронский, А. Лежнев, Д. Горбов, С. Пакентрейгер) отметили как положительный момент переход Иванова от изображения крестьян к «человеку вообще», к тем трагическим противоречиям, которые свойственны всем людям вне зависимости от их социального положения. Напостовцы разделились во мнениях. Одни (Я. Григорьев, Ж. Эльсберг) заговорили в целом о кризисе «старых» попутчиков (Б. Пильняка, К. Федина, Л. Сейфуллиной и др., в том числе и Вс. Иванова), которые «с изменением

¹²³⁴ О текстах Всеволода Иванова, вошедших в эту книгу: от составителей и авторов статей // *Иванов Вс. Тайное тайных: Рассказы и повести. Письма.* С. 9.

¹²³⁵ Звено. 1927. 27 февр. С. 2. Цит. по: *Адамович Г. Собрание сочинений. Литературные беседы.* Кн. 2. С. 123.

исторической ситуации в стране отошли от крестьянской стихии в революции», от «славянофильства и народничества», и в «эпоху мирного строительства социализма» ушли в «интеллигентский пессимизм», «литературный сенсуализм» и т.п. Деревенская тема в их произведениях была «временным и чисто внешним обстоятельством»¹²³⁶. Ж. Эльсберг писал о «Тайное тайных»: «Крестьянский быт для Иванова <...> второстепенный повод для конструкции своих сложных психологических новелл»¹²³⁷.

Другие критики поспешили вернуть «Тайное тайных» Иванова, а также «Трансвааль» (1927) Федина, «Необыкновенные рассказы о мужиках» (1928) Леонова, «Приключение» (отрывок из романа «Чевенгур», 1928) Платонова, в русло горьковской традиции: «...это реакционные уголки деревни, забитая, кулацкая и мещанская деревня, еще ждущая культурного воздействия революции, – темная, инертная сила страны, путы на ее великом революционном движении вперед...»¹²³⁸

Хронологически критика «Тайное тайных» совпала с антиесенинской критической кампанией, развернувшейся в печати после публикации в газете «Правда» 12 января 1927 г. «Злых заметок» Н. Бухарина. В духе бухаринского осуждения «есенищины» и «худших сторон национального характера»¹²³⁹, которые воплощали собой, по мнению партийного идеолога, С. Есенин и его поэзия, оценивалась и книга Иванова. Если до «Тайное тайных», в начале 1926 г., Воронский, выделяя «две струи внутри “мужиковствующих”», относил Иванова к писателям, которые «содружествуют Октябрю», «не ищут в седовласой патриархальности разрешения проклятых вопросов современности»¹²⁴⁰, и противопоставлял его Клюеву, Клычкову, Есенину, то после появления книги, в 1928–1929 гг., имя Иванова уже упоминалось им и другими критиками вместе с названными

¹²³⁶ Григорьев Я. Кризис «старых» попутчиков // На литературном посту. 1927. № 20. С. 30–34.

¹²³⁷ Эльсберг Ж. Настроения современной интеллигенции в отражении художественной литературы // Там же. 1929. № 2. С. 23.

¹²³⁸ Тальников Д. Литературные заметки // Красная новь. 1929. № 1. С. 250.

¹²³⁹ Цит. по: Бухарин Н. Злые заметки. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 9.

¹²⁴⁰ Воронский А. Искусство видеть мир. С. 230.

новокрестьянскими (теперь уже – «кулацкими») писателями. Вяч. Полонский писал: «Вс. Иванову, как и Есенину, пришлось иметь дело с “железным гостем”. Всей крестьянской литературе наших дней приходится либо вступать с ним в союз не на словах, а на деле, значит “сломать себя”, перестроить свой мир; либо вступать с ним в конфликт, как вступил Есенин, как находится с ним в конфликте С. Клычков. <...> Из столкновения мягкого крестьянского мироощущения с железным мировоззрением господствующей силы рождаются извилины, колебания и срывы, которыми богато творчество Вс. Иванова»¹²⁴¹. Последствия такого конфликта Полонский увидел в появлении в «Тайное тайных» нового героя – мужика, не уверенного в себе, охваченного тоской и тревогой, безуспешно ищущего правду, – словом, «человека, который погибает»¹²⁴².

Таким образом, суждения критиков 2-й половины 1920-х гг. по поводу «мужиковствования» в «Тайное тайных» полярно разошлись. Для одних Иванов оставался продолжателем традиции Чехова, Бунина и Горького, писателем, близким Федину и Леонову. Для других рассказы Иванова отражали конфликт уходящего старого мира и наступающего «железного гостя», свойственный творчеству Есенина и Клычкова, при очевидной симпатии к этому старому. Наконец, по мнению третьих, деревня в 1926 г. была для Иванова лишь случайным фоном для психологических исследований «человека вообще».

Как это часто бывает в подобных случаях, истина, видимо, находилась где-то между крайностями. С каждым из упомянутых направлений в изображении деревни и названных писателей, предшественников и современников, у Иванова в «Тайное тайных» велся свой непростой диалог.

Начнем с чеховского направления. Иванов часто вспоминал, как в 1917–1919 гг. в Омске он переписывал страницы прозы А.П. Чехова, учась литературному мастерству. Возможно, были среди переписанных чеховских

¹²⁴¹ Полонский Вяч. Очерки современной литературы. О творчестве Всеволода Иванова. С. 232.

¹²⁴² Там же. С. 231.

страниц и те, где рассказано, как носили по всему уезду, из деревни в деревню, Живоносную икону, и мужики, которые еще накануне страшно пили и дрались, тут «вдруг поняли, что между небом и землей не пусто»¹²⁴³ («Мужики»). Или страницы, рассказывающие о потерявшей ребенка Липе, которая говорит ночью с мужиками о своем горе, о душе человека и о России («В овраге»). Своеобразным эпиграфом к «Тайное тайных» могли бы послужить строки из «Мужиков»: «Да, жить с ними было страшно, но все же они люди, они страдают и плачут, как люди, и в их жизни нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдание»¹²⁴⁴. А это суждение героя «Мужиков»: «И душа есть, и совесть есть, да языка в нем нет»¹²⁴⁵, – возможно, дает ключ к феномену молчания не только в творчестве Иванова.

В «Тайное тайных», как ни в какой другой книге Иванова, чувствуется школа Чехова. Кажущаяся случайность, немотивированность поступков ивановских мужиков, так раздражавшая критиков 1920-х гг., во многом восходит к чеховской поэтике «невыразимости словом», создающей, как отмечал А. Чудаков, «впечатление неисчерпанности объяснения поступков и мыслей героя»¹²⁴⁶.

Среди своих учителей в литературе Иванов называл также И.А. Бунина. Рассказы из «Тайное тайных» и деревенскую прозу Бунина начали сопоставлять с момента выхода книги Иванова. Горький в письме молодому писателю поставил его мастерство едва ли не выше бунинского: «Сейчас Вы *изображаете* так, как это делал Ив. Бунин в годы лучших достижений своих – 905–12, – когда им были написаны такие вещи, как “Захар Воробьев”, “Господин из Сан-Франциско” и прочее. Но мне уже кажется, что в *пластике* письма Вы шагнули дальше Бунина, да и язык у Вас красочнее его, не говоря о том, что у Вас совершенно отсутствует бунинский

¹²⁴³ Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 8. М.: Гослитиздат, 1956. С. 107.

¹²⁴⁴ Там же. С. 373.

¹²⁴⁵ Там же.

¹²⁴⁶ Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. С. 231–237, 273.

холодок и нет намерения щегольнуть холодком этим»¹²⁴⁷ (письмо от 13 декабря 1926 г.). На связь творчества двух писателей указывала прижизненная критика самых разных направлений. О «влияниях» Ивана Бунина, «заметных не только в литье словесного орнамента, но и в тематике», – пишет «перевалец» Н. Смирнов, сравнивая рассказы «Жизнь Смокотинина» и «Ночь» с бунинскими «Я все молчу» и «Преступлением»¹²⁴⁸. На бунинскую «Деревню» указывает один из ведущих пролетарских критиков Г. Горбачев: «... вряд ли кто после “Деревни” Бунина изображал деревню прежде всего (а через нее и весь человеческий быт) в таких пессимистических тонах, как Иванов. Хищно-собственническая, животная, грубая, жестокая, слепая даже в своих лучших порывах – такова деревня Вс. Иванова»¹²⁴⁹. Справедливо отмечая внутреннюю связь между прозой Иванова и Бунина, критики не захотели увидеть едва ли не главную тему, роднившую двух писателей, – тему души народа. Вслед за Буниным передавал автор «Тайное тайных» внутреннее ощущение русским человеком поколебленности всех основ привычной жизни, какой-то катастрофической необратимости гибельного пути России. Соприкасалась эта тема и с вопросами национальной психологии, и с религиозно-философским вопросом о богооставленности человека. Практически на всех персонажах Бунина лежит печать предчувствия того времени, когда «Потрясется земля, небо, / Все камушки распадутся, / Престолы господни нарушатся, / Солнце с месяцем померкнет, / И пропустит господь огненную реку»¹²⁵⁰ («Я все молчу», 1913). Эти строки, исполненные мрачного ожидания страшного суда над людьми, которые «...жили-были / Своей вольной волей, / В церкви не бывали, / Заутреню просыпали»¹²⁵¹, завершают рассказ. Критика не случайно увидела связь между героями рассказов «Я все молчу» и «Жизнь Смокотинина». В обоих рассказах сыновья-наследники, отрекаясь от своих

¹²⁴⁷ Иванов Вс. Тайное тайных. С. 334–335.

¹²⁴⁸ Смирнов Ник Книжное обозрение // Новый мир. 1927. № 8. С. 199.

¹²⁴⁹ Горбачев Г. Современная русская литература. С. 225.

¹²⁵⁰ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1966. С. 232.

¹²⁵¹ Там же.

отцов, вступают на путь гибели. В бунинском Шаше и в ивановском Тимофее странно сочетаются беспричинная тоска и буйное веселье, страшное разрушительное начало, жаждущее драки, насилия, убийства, и поколебленная вера, принимающая у Шаши уродливую форму юродства и скоморошества, а у Тимофея проявляющаяся в так и не осуществившемся желании прийти с покаянием к отцу. Как и бунинский герой из рассказа «Я все молчу», несмотря на свое иступленное актерство, знает, что «придет время», так и ивановские Тимофей, Афонька («Ночь»), Мартын («Плодородие»), Сапега («Смерть Сапеги») и другие герои «Тайное тайных» смутно ощущают свою греховность. Афонька, ожидая наказания за убийство старухи, кланяется судье ниже, чем кланялся отцу; Мартын после насилия над Еленой принимает мирской суд как справедливое возмездие; Сапега предчувствует суд, на котором «товарищам» не сможет ничего объяснить.

Не менее сложной выглядит в середине 1920-х гг. привычная для советского литературоведения параллель Иванов – Горький. А.М. Горький напечатал ранние рассказы молодого сибирского писателя, помог переехать в Петроград и, по сути, ввел его в литературу. На протяжении всего периода общения двух писателей, вплоть до смерти Горького, Иванов оставался его верным и надежным помощником в литературных и общественных делах, был частым гостем в доме и вообще дорогим для Горького человеком. По свидетельству Федина, «к кому другому, <...> а ко Всеволоду чувство Горького было не менее отцовского»¹²⁵². Однако, как уже отмечалось в главе 1, в разные периоды общения Горького и Иванова их отношения были различными и подчас весьма непростыми.

В октябре 1921 г. Горький уезжает за границу, в период создания «Тайное тайных» между учителем и учеником идет интенсивная переписка, в которой так или иначе затрагивается тема деревни. В письме от 20 декабря 1925 г. Иванов делится с Горьким замыслом показать в романе «Казачьи»

¹²⁵² Всеволод Иванов – писатель и человек. С. 5.

«мужицкую тоску по семье, по дому, по спокойному хозяйству»¹²⁵³. Вместе с письмом посылает ему рассказ «Плодородие» о раскольничьей деревне на Алтае, герои которого, мужики, написаны словно бы в подтверждение главной идеи нового романа. В письме от 7 октября 1925 г. звучит нескрываемая тревога за Есенина – в то время близкого Иванову человека. Примечательно, что, отвечая на вопросы и мысли Иванова, не связанные с деревней, Горький внимателен и подробен, но ивановские замыслы и произведения о мужиках никак им не комментируются. Между тем современникам было хорошо известно отношение Горького к деревне, к «мужикопоклонникам и деревнелюбам» (слова Горького из письма к Н.И. Бухарину от 13 июня 1925 г.). Возникает закономерный вопрос: почему Горький не спорит с Ивановым о деревне? Недоумение Горького по поводу «идеализации» Ивановым крестьянства встречается только в письме от 8 ноября 1927 г.: «Очень удивлен Вашими словами: “мучительно тяжело понять и поверить, что русский мужик не христианин, не кроткий богов слуга, а мечтательный бандит”. Не ожидал, что Вы можете так думать и что для Вас приемлема литературная идеализация народниками крестьянства»¹²⁵⁴. Показательна оговорка Горького: у Иванова в письме от 28 октября 1927 г. не «богов слуга», а «богов воин»¹²⁵⁵. И неужели действительно не ожидал? В таком случае, может быть, прав Федин, который вспоминал об одной из первых встреч Иванова с Горьким в 1921 г. и невероятных, жутких рассказах Иванова о гражданской войне в Сибири: «Но главное – какую убедительную опору находят горьковские представления о российском человеке в рассказах этого подлинного свидетеля гражданской войны! Все подтверждается: страшен человек...»¹²⁵⁶. Но если Горький находил в рассказах Иванова лишь подтверждение своего видения русской деревни, то почему не откликнулся, как, например, на роман Леонова

¹²⁵³ *Иванов В.* Тайное тайных. С. 328.

¹²⁵⁴ Там же. С. 341.

¹²⁵⁵ Там же. С. 340.

¹²⁵⁶ *Федин К.* Горький среди нас. С. 61.

«Барсуки» (письмо от 8 сентября 1925 г.). А если не находил, почему не захотел «немножко поспорить»? Ведь спорил же в это время с Фединым и именно об отношении к крестьянской культуре, утверждая, что «все мои симпатии на стороне “понукающих” и мне органически враждебно постоянное противодействие мужика неотразимым требованиям истории»¹²⁵⁷. Или все дело в том, что Иванов, в отличие от Федина, в диалог не вступал и свою точку зрения не отстаивал, а просто в следующий раз писал совершенно о другом?

Так или иначе, ни «Тайное тайных», ни замысел «Казаков» никак не будут откомментированы Горьким. Назовет и похвалит он два рассказа: «На покой» (1926), сюжетная коллизия которого – мотив «снохачества – близка рассказу самого Горького «Птичий грех» (1915) из цикла «По Руси», и «Блаженный Ананий» (1927), в котором встречается мотивы «Отшельника» (1922). При этом похвала относится к сфере литературного мастерства. Проблематики и героев ивановских рассказов Горький не касается вовсе, как бы их не замечает.

Тем не менее, в произведениях писателей этих лет – «Тайном тайных» и горьковских «Рассказах 1922–1924 годов», «Заметках из дневника» – наблюдаются явные переключки. Несмотря на отчетливо выявившуюся в письмах внутреннюю полемичность мировоззренческих концепций писателей, как это ни парадоксально, именно в 1924–1925 гг. наиболее ярко обозначился в их творчестве общий контекст идей, героев, образов.

В центре рассказов Иванова этого периода – «тайное тайных» человеческой души, глубинные пласты человеческой психики. В статье «Призвание писателя и русская литература нашего времени» (1923) об этой задаче литературы пишет и Горький: «...цель эта – показать миру, что человек и в пороках, и в добродетелях его неизмеримо сложнее, чем он

¹²⁵⁷ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка / ред. И.С. Зильберштейн и Е.Б. Тагер. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 497.

кажется нам. Художник знает, что в человеке несоединимо спутано множество противоречивых начал»¹²⁵⁸.

Основной замысел «Тайное тайных» – изображение трагического перелома национального сознания русского человека периода войн и революций. Вопросами национального характера «болеет» и Горький в 1-й половине 1920-х гг. В августе 1923 г. он пишет Р. Роллану, комментируя замысел рассказа «Карамора»: «Мучает меня эта загадка – человеческая русская душа. За четыре года революции она так страшно и широко развернулась, так ярко вспыхнула. Что же – сгорит и останется только пепел – или?»¹²⁵⁹

Тема богооставленности человека становится едва ли не центральной в литературе XX в. Сравним звучание ее в рассказах Горького и Иванова.

У Горького: «Ночью сяду на койке, суну руки в колени и думаю: “Как же это так, господин Бог? Стало быть, Вам все равно, как я живу. Ведь вот собираюсь я человека убить, подобного мне, и очень просто могу убить. Как же это?” Молчит господин Бог»¹²⁶⁰ («Заметки из дневника», 1923–1924). «Выдал я его и ждал, что теперь в душе моей что-то взвояет. Ничего не взвояло. <...> Говорят, есть в глазу какой-то “хрусталик” и от него именно зависит правильность зрения. В душу человека тоже надо бы вложить такой хрусталик. А его – нет. Нет его, вот в чем суть дела»¹²⁶¹ («Карамора», 1923).

У Иванова: «Господи! Может, и твой глаз спален. Не видишь!.. Где они, очи твои, Господи! <...> Молчит господь, онемел... Непонятно глух»¹²⁶² («Лога»). «Мартын в Бога не верил, и ему казалось, что все верующие притворяются, но сейчас он обидчиво сказал: – Видно, и Бог-то тоже спит. У одного меня, што ли, сердце ныть обязано» («Плодородие», 43).

¹²⁵⁸ Горький и его эпоха. Исследования и материалы: вып. 1–15 / отв. ред. Л.А. Спиридонова. Вып. 2. М.: Наука, 1989. С. 4.

¹²⁵⁹ Архив А.М. Горького / под общ. ред. акад. И.К. Луппола. Т. VIII. Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. М.: Художественная литература, 1960. С. 337.

¹²⁶⁰ Горький А.М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения: в 25 т. Т. 17. М.: Наука, 1973. С. 136.

¹²⁶¹ Там же. С. 399, 402.

¹²⁶² Иванов Вс. Седьмой берег. С. 130–131.

Сопоставимыми в произведениях учителя и ученика оказываются мотивы «сокровенного слова» (Горький – «Отшельник», Иванов – «Полынья»), мирского и Божьего суда (Горький – «Карамора», «Заметки из дневника», Иванов – «Ночь», «Жизнь Смокотинина», «Смерть Сапеги», «Плодородие»).

Критики-современники, вне зависимости от того, хвалили или порицали они писателей, четко уловили близкое направление их художественных поисков. В произведениях Горького 1920-х гг. Воронский увидел «фантазии писателя о непрочности мира», «восприятие природы как ненадежного и коварного хаоса», «неосмысленной стихии», где «прочным и надежным является только человек»¹²⁶³. В том же 1926 г. критик писал о новых произведениях Иванова: «Между творческим началом человека и косной, огромной, космической, неорганизованной, слепой стихией жизни есть глубокое неизжитое противоречие. <...> Всеволод Иванов ощутил, нащупал, осязал это противоречие».¹²⁶⁴ Почти в одних и тех же негативных выражениях оценивали рассказы Горького и Иванова критики журнала «На литературном посту». О Горьком: «В явно безумных, патологически – ненормальных Горький видит только странности здорового человека. <...> Галерея человеческих фигур разворачивается непрерывно, все фатальнее и уродливее и превращается в непостижимый, душный кошмар бредовых галлюцинаций»¹²⁶⁵. Об Иванове: писатель «погружен в омут бессознательных и кроваво-грязных страстей. <...> ...мания и бред, возведенные в категорию необходимости, – вот подпочва творчества Вс. Иванова»¹²⁶⁶.

Все это ни в коем случае не означает, что решали писатели «больные» вопросы одинаково – скорее, наоборот. Но ведь ставили оба.

Книга Горького «Рассказы 1922–1924 гг.» вышла в Берлине в 1924 г., до этого рассказы «Отшельник», «Карамора» и другие публиковались в

¹²⁶³ Воронский А.К. О Горьком // Воронский А.К. Искусство видеть мир. С. 41–42.

¹²⁶⁴ Воронский А.К. О книге Всеволода Иванова «Тайное тайных» // Ленинградская правда. 1926. 5 декабря. С. 2.

¹²⁶⁵ Вешнев В. Горькое лакомство // На литературном посту 1927. № 20. С. 43–45.

¹²⁶⁶ Гроссман-Роцин И.С. Без мотивов и без цели. «Ночь» и «Особняк» Вс. Иванова. С. 46–48.

берлинском журнале «Беседа». О том, что Иванов эти рассказы читал, свидетельствует его письмо к Горькому от 4 декабря 1924 г.: «Я и Пильняк работаем сейчас в “Круге”, редактируем. И вот у нас к Вам просьба: если б нам издать в “Круге”, книгу последних Ваших рассказов? Может быть, сообщите условия и как и где собрать оную книжку»¹²⁶⁷. Что касается «Заметок из дневника», то большая часть их в течение 1923–1924 гг. печаталась в журналах «Красная новь», «Прожектор», а также в «Русском современнике» и «Беседе» и тоже вряд ли была неизвестна Вс. Иванову. При этом в письмах Иванова, в отличие, скажем, от других серапионов, нет никаких суждений на тему «нового» Горького. Возникает вопрос: если читал, почему не откликнулся? Смеем думать, что отсутствие прямых суждений ученика как раз и связано с его ответами на общие философские вопросы, которые отнюдь не вписываются в горьковское направление.

Разное понимание человека, которое обозначилась уже в самом начале встречи двух писателей, также представлено в рассказах Горького и Иванова 1920-х гг. «...всем нам, знающим жизнь, кроме человека верить не во что»¹²⁶⁸, – писал Горький Иванову в 1916 г. Ни тогда, ни позднее в спор Иванов не вступит, но, судя по всему, принятия главная горьковская идея у него не найдет. И все же именно книга «Тайное тайных» показала, что Иванов по-своему, не как Горький, верил в человека, верил, что в сокровенных глубинах его души, изломанной трагическими переломами эпохи, все же живет и вера в Божье слово, которое вспоминается в момент близкой смерти Богдану из рассказа «Полынья» и не является, как у Горького в рассказе «Отшельник», «цветистым словом», прикрывающим «грязную преступную ложь»¹²⁶⁹. Верит горьковский ученик и в покаяние после преступления – вновь вспомним отношение к суду персонажей «Тайного тайных». И в Божью правду – «хрусталик», сохранившийся в душе человека.

¹²⁶⁷ *Иванов Вс.* Переписка с А.М. Горьким. С. 10.

¹²⁶⁸ Там же. С. 10

¹²⁶⁹ *Горький А.М.* Полное собрание сочинений: Художественные произведения: в 25 т. Т. 17. С. 239.

Сложность внутреннего мира ивановских мужиков – героев «Тайное тайных» – немало удивляла критиков. С недоумением Ж. Эльсберг отмечал, что для «некультурности деревни» необычна «точность психологических ассоциаций Иванова, <...> она требует если не умственной, то эмоциональной, и притом очень высокой культуры»¹²⁷⁰. Сам, вероятно, того не подозревая, критик назвал одну из отличительных черт, определивших особое место книги «Тайное тайных» в «спорах о мужике» первого советского десятилетия. Отмечая влияние «Тайного тайных» на книгу рассказов о деревне другого попутчика, Л.М. Леонова, «Необыкновенные рассказы о мужиках» (1928), критики указывали на существенное различие: «По основному настроению рассказы эти очень близко подходят к “Тайному тайных”, отличаясь вместе с тем меньшей психологической углубленностью, большим и очень ярким показом внешних ситуаций, действий...»¹²⁷¹

Леонова и Иванова в эти годы связывали дружеские отношения. В 1925 г. оба писателя еще близко общались с Есениным, а в январе 1926 г вместе стояли у его гроба. В период написания Ивановым книги «Тайное тайных» Леонов работал над романом «Вор», публикация которого началась практически одновременно с выходом «Тайное тайных» (Красная новь. 1927. № 1–7). Оба писателя опять-таки в это время переписывались с Горьким. Оба в 1927 г., судя по письмам к Горькому, решали непростой вопрос о выборе своего пути в литературе. Декабрем 1927 г. датируется письмо Леонова Горькому: «Работать надо, делать вещи, пирамиды, мосты <...>. России пора перестать страдать и ныть, а нужно жить, дышать и работать много и четко. И это неспроста, что история выставила на арену людей грубых, трезвых, сильных, разбивших вдреизг вековую нашу дребедень (я говорю об мятущейся от века русской душе) <...>. Мучительно, страшно, но как необходимо нам такое вот исцеление от “мечты напрасной” <...> и

¹²⁷⁰ Эльсберг Ж. Творчество Всеволода Иванова // На литературном посту. 1927. № 19. С. 48.

¹²⁷¹ Библиография // На литературном посту. 1928. № 5. С. 93. Подпись: Н.Н.

прозрение для того, чтоб увидеть мир реальный, жесткий, земной...»¹²⁷². У Иванова: «Волею истории мы развиваемся позднее, чем наши учителя и наши отцы, ибо то, что нам суждено выучить и понять, превышает знания, понятия – и даже чувства наших отцов – во много раз. <...> ...мучительно тяжело понять и поверить, что русский мужик не христианин, не кроткий Богов воин, а мечтательный бандит»¹²⁷³ (письмо от 28 октября 1927 г.).

Но в 1925–1926 гг., когда писались «Тайное тайных» и «Вор», для обоих писателей «мятущаяся русская душа» еще оставалась предметом пристального художественного внимания.

В романе «Вор» имеются поразительные переключки с «Тайное тайных». Практически совпадают эпизоды в поезде, когда Митя Векшин («Вор») и Афонька («Ночь») пугаются робкого и осторожного прикосновения незнакомой старухи. Митя, в отличие от Афоньки, понимает, что «это мысль его сидит рядом и издевается»¹²⁷⁴, но и для героя Иванова все дальнейшее, что происходит между ним и странницей, сродни бреду или галлюцинации. Авторское заключение о герое романа Мите Векшине: «Он не имел силы ни просить, ни требовать, – он только звал на помощь теми последними словами, которые лежат у всякого про последний случай на тайном доньшке души»¹²⁷⁵, – переключается с обращением Богдана к Господу из рассказа Иванова «Полюнья»: «Идти вперед по уброду было до обиды страшно...<...> “Господи!” – прокричал он...» (16–17).

Характерно, что после публикации первых частей романа «Вор» напостовский критик В. Ермилов противопоставил роман Леонова и «Тайное тайных»: «...нет никаких тайн в мире, кроме человека, и нет никакого смысла в мире без человека, ибо этот мир заново творит сам человек. Так подходит к миру Леонов, и в этом существенное и ценное его отличие не только от Пильняка, но и от ряда других крупнейших писателей-попутчиков.

¹²⁷² Литературное наследство. Т. 70. С. 252.

¹²⁷³ Иванов В. Тайное тайных. С. 370.

¹²⁷⁴ Красная новь. 1927. № 7. С. 52.

¹²⁷⁵ Там же.

Вс. Иванов, например, в своей последней книжке “Тайное тайных” называет две части, на которые разделяется для него мир: благостная, спокойно-мудрая природа – и беспокойный, пачкающий ее мерзкими своими проявлениями, запутанный, жестокий, завязший в своих липких испражнениях человечиска»¹²⁷⁶.

Дождись критик публикации последней части романа «Вор», он смог бы прочитать леоновское опровержение его умозаключений: «Деревья, трава, луна... все это сытое, довольное. Ни в чем нет мучения. Мучится от неустроенности только один человек»¹²⁷⁷. Дочитавший роман до конца напостовец Эльсберг проведет в 1929 г. параллель между «Тайное тайных» и «Вором», указав на «уход от народнических настроений» обоих авторов и необязательность для них «крестьянского фона». «Разве напряженный интерес к сложнейшим ассоциативным сцеплениям, происходящим в человеческом сознании, разве утонченно–сенсуалистическое <...> восприятие мира не может быть скорее связано с психо-идеологией ушедшего в самоанализ индивидуалиста-интеллекта, чем крестьянина, занятого тяжелым физическим трудом»¹²⁷⁸, – напишет критик о «Тайное тайных» и в этом же ключе выскажется о леоновском герое: Сам Митька <...> больше всего напоминает, несмотря на свое “рабоче-крестьянское” происхождение, мятущегося городского интеллигента»¹²⁷⁹.

То, что Эльсберг отказал «темным» крестьянам в сложности чувств и ассоциаций, допустив, что «смятенная душа» может быть только у интеллигента, не удивительно для 1920-х гг. Удивительно, насколько, несмотря ни на что, оказались точны критики в своем понимании истоков этой смятенной души. Тот же Ермилов писал: «На войне “преклонился разум” не одного Агейки [персонаж романа «Вор». – *Е.П.*], а сотен тысяч Агеек, Петров, Васильев, Иванов. <...> И если в отношении с о ц и а л ь н о й

¹²⁷⁶ Ермилов В. За живого человека в литературе. М.: Федерация, 1928. С. 53.

¹²⁷⁷ Красная новь. 1927. № 7. С. 31.

¹²⁷⁸ Эльсберг Ж. . Настроение современной интеллигенции в отражении художественной литературы // На литературном посту. 1929. № 2. С. 23.

¹²⁷⁹ Там же.

психики война явилась огромным революционизирующим фактором, то в отношении индивидуальной психики тех сотен тысяч людей, которые были оторваны от привычных условий жизни, война не могла не явиться причиной самых разнообразных и причудливых изменений и отклонений. Она опустошила многих и многих»¹²⁸⁰.

Тема опустошенной души и мотив духовной пустыни – ведущие в «Тайное тайных». В рассказе «Пустыня Тууб-Коя» есть внесюжетный фрагмент, отделенный Ивановым звездочкой (*) от основного описания событий и в некотором смысле представляющий прямое авторское слово:

...Все мы не доходим. Было другое лето в Петербурге, где нет гор и где море за ровными скалами, построенными людьми. Все же и там дует ветер пустыни, свивает наши полы и сушит, без того сухие, губы. Птица у меня на родине, в Лебяжье, выводила из камышей к чистой воде желтых птенцов. Я не видал их. Об этом напомнили мне книги. Петербургские тропы ровные и прямые, а я все-таки недалеко ушел со своей тоской (80).

Пустыня, в которой человек напрасно ищет свой путь, – лейтмотив в творчестве Иванова этих лет. Сборник рассказов Иванова, вышедший практически одновременно с «Тайное тайных», имел символическое название – «Дыхание пустыни», и первый же рассказ «Шестнадцатое наслаждение эмира» представлял героя – «великого инструктора и странника» Ершова, на пути в никуда: «Опять горестно и одиноко запахла разлагающиеся отбросы, и Ершов тронул своего коня и сказал грустно: “Ну, что же, качай дальше, браток”»¹²⁸¹. Зоркая критика образ пустыни связывала с содержанием обеих книг Иванова. В 1927 г. Н. Смирнов писал:

Художественная сила рассказов (не всегда равномерная) только резче отделяет их внутреннюю мрачность и скорбь. Конечно, мрачная их глубина – не беспросветна: в них можно отыскать и ощутить теплую и грустную боль за человека, прошедшего раскаленно–кровавый путь жесточайших войн, – но, все-таки, общее впечатление от книг талантливого писателя – впечатление духоты, напряженной безысходности и неразрешенности загадок человеческого бытия на земле <...>. Перед художником нашего времени, особенно перед художником крупным, стоит великая задача – соединение

¹²⁸⁰ Ермилов В. За живого человека в литературе. С. 67–68.

¹²⁸¹ Иванов Вс. Дыхание пустыни. Л.: Прибой, 1927. С. 17.

“вечных”, непреходящих тем с современностью, с ее благотворным дыханием, – отнюдь не «дыханием пустыни», – с ее необъятными творческими силами, которыми движет величайшая энергия и жизнерадостность¹²⁸².

Глубинный поиск Иванова и направление его преодоления горьковского канона выявляются и при сопоставлении «Тайное тайных» с книгой о деревне К. Федина «Трансвааль» (1927). В 1927 г. один из ведущих деятелей РАПП Л. Авербах остановился на спорах, возникших вокруг произведений Булгакова, «Трансваалья» Федина, сдвига в творчестве Вс. Иванова и – шире – на вопросе «о росте новобуржуазной литературы»¹²⁸³. «Трансвааль» и «Пастух» К. Федина «обязывают нас со всей серьезностью поставить вопрос о тех путях, по которым идет сейчас этот талантливый и значительный писатель», – сигнализировал критик. «Со всей резкостью и категоричностью» Авербах утверждал, что Вс. Иванов «о т х о д и т о т р е в о л ю ц и и»: «Иванов “Тайного тайных” и “Дыхания пустыни” – не Вс. Иванов “Партизанов” и “Бронепоезда” <...> ...мимо подобных недостатков мы, как организация, проходить не можем»¹²⁸⁴.

Не один Авербах в 1927 г. ставил рядом книги рассказов двух «серапионовых братьев – «Трансвааль» Федина и «Тайное тайных» Иванова, вышедшие в Госиздате в самом начале года и создававшиеся практически в одно время – 1925 – начало 1926 гг. О реакционности, пессимизме, физиологизме, упадничестве писателей написали центральные газеты, журналы «На литературном посту», «Молодая гвардия» и др. Истребительная критика не утихнет ни в 1928, ни в 1929 гг. 14 декабря 1928 г. Федин записывал в дневнике: «В частности обо мне: Керженцев в газете “Читатель и писатель” как о “правой опасности”; некто Исбах в фельетоне “Лицо классового врага” в “Комсомольской правде” <...>. Вместе со мной во врагах ходят Всеволод, Сергеев-Ценский, Леонов, Пильняк...»¹²⁸⁵. «Врагами» оба писателя входят и в 1929 г.: «В № 10 “Нового Лефа”:

¹²⁸² Смирнов Ник. Книжное обозрение // Новый мир. 1927. № 8. С. 199.

¹²⁸³ Авербах Л. О литературных дискуссиях текущего года // На литературном посту. 1927. № 14. С. 10–11.

¹²⁸⁴ Там же.

¹²⁸⁵ Федин К.А. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 12. М.: Художественная литература, 1986. С. 31.

“...Иванов и Федин нам ярые литературные враги...” – это в передовой статье. Я польщен» (запись от 11 января)¹²⁸⁶.

С деревней Федин, как и Иванов, связан с первых лет творчества. В 1919 г., когда Иванов в Сибири работает над рассказами о мужиках-правдоискателях, Федин в письме к сестре, перечисляя города Европы, по которым он «ездит мысленно», роняет знаменательную фразу: «И мне чудится, что без деревни мне не обойтись. Ты знаешь ведь мою страсть к экспериментам – хочу поучиться и у мужика»¹²⁸⁷. В первые петроградские «серапионовские» годы оба писателя получают имя «народников». Едкое замечание Эренбурга 1922 г. о «неблагополучии по части милого мужичка»¹²⁸⁸ у некоторых серапионов относится именно к ним. Однако русская деревня – отнюдь не серапионовская тема, и, наверное, не случайно в биографии двух братьев появляется человек и писатель, для которого серапионы, особенно младшие – Каверин и Лунц, «чужие», – И.С. Соколов-Микитов. «Вот – люблю тебя и Иванова <...>, стариков. Вы оба искренние»,¹²⁸⁹ – писал Федину Соколов-Микитов в октябре 1922 г. В его письмах обозначено и принципиальное несовпадение с серапионовскими «учителями» – Горьким, Замятиным, Ремизовым: «Отчего они так сильны в описании отрицательного? А ведь Каратаев – Россия, Россия, Россия – в тысячу раз больше, чем горьковские Челкаши <...>. Душа моя тянется к другой России – к добру! к Пушкинскому»¹²⁹⁰. Обоих писателей Соколов-Микитов зовет к себе в гости, в деревню Кочаны. «Много диковинного увидишь у нас: в Питере не приснится. Это не пильняковская Россия. Это русская (деревенская) Россия»,¹²⁹¹ – объясняет он Федину (письмо от 3 ноября 1922 г.). С августа по октябрь 1923 г. Федин гостит у друга впервые,

¹²⁸⁶ Там же. С. 35.

¹²⁸⁷ Там же. Т. 11. С. 19.

¹²⁸⁸ Эренбург И. Новая проза. Цит. по: Фрезинский Б. Судьбы серапионов. Портреты и сюжеты. М.: Акад. проект, 2003. С. 538.

¹²⁸⁹ «Свела нас Россия...» Переписка К.А.Федина и И.С. Соколова-Микитова. 1922–1974 / сост. и вступ. статья И.Э. Кабановой; подгот. текста и коммент. И.Э. Кабановой, И.В. Ткачевой, Т.И. Сыромятниковой. М.: Наука, 2008. С. 16–17.

¹²⁹⁰ Там же. С. 17.

¹²⁹¹ Там же. С. 18.

затем не раз приезжает вновь. Можно с уверенностью сказать, что его деревенские рассказы середины 1920-х гг. берут свое начало именно здесь.

Иванов, несмотря на приглашения: «Зимой я ожидаю тебя и Федина в наши Дорогобужские болота. Постараюсь угостить волчьей облавой и первачом»¹²⁹² (письмо от 8 декабря 1926 г. из Кислова), к Соколову-Микитову так и не собрался. Корни его деревни – в родной Сибири.

Помимо биографических, личных источников деревенских рассказов писателей, существовали внешние, общественные. Имя пастуха Прокопа, ставшего героем рассказа Федина «Мужики», впервые появится в письме Соколова-Микитова от 23 декабря 1922 г.: «Ты или меня не понял, или наврал я. Я знаю лишь наше всегдашнее русское, что было и будет: Алексей и Петр. <...> Когда станет “их” царство – “нас” упразднят за бесполезность <...> – будет сыто и безбольно, не станет горячей жажды. “Жизнь – организованная борьба” (употребляешь ты их слово) – пулемет, газ, государство, революции, Америка <...>? Или Венера Милосская? И как сличить: культура и цивилизация? <...> С нами живет наш деревенский пастух Прокоп, с великою легкостью могущий отдать прохожему побирушке свою последнюю корку. Я, может быть, путаю, но для себя надо решить твердо: Прокоп ли, англичанин ли? Горьковский “цыпленок” (помнишь, рассказывал Анненков) или мужичий “бздех”?»¹²⁹³. Федин ответит в письме от 14 ноября 1923 г., предназначенном для неосуществившегося совместного литературного предприятия 1923–1924 гг. «Переписка» – очерков в виде писем, «от города» и «от деревни»¹²⁹⁴. «...во мне растет неприязнь к окопавшейся старой деревне. <...> ...меня переполняет гордость от того, что мы – горожане – не сдаем попыток пробить эту толщу, – признается Федин и тут же себе возражает: – Странно, я пишу о неприязни к деревне и в то же время не могу оторвать своего воображения от ее образа. <...> То

¹²⁹² НИОР РГБ. Ф. 673. К. 46. Ед. хр. 41. Л. 1.

¹²⁹³ «Свела нас Россия». С. 28. В комментарии к письму приводятся слова Горького: «Ты-то цыпленка не станешь хряпать».

¹²⁹⁴ Подробнее см.: «Свела нас Россия». С. 35.

мягкосердечная, то жестокая, то надрывающая силы, то бездельная, она в то же время всегда одна и та же. Какая? Благословляющая землю, благословляющая труд на земле – только на земле»¹²⁹⁵. Строки горожанина о благословляющей земле, думается, появились здесь не без влияния Иванова, который в повести «Цветные ветра» слагал песни: «Рождение твое празднуем, земля, рождение! <...> Обнимите, дожди, поля и радуйтесь!»¹²⁹⁶.

В 1925 г. Федин и Иванов обмениваются письмами о работе над рассказами, составившими книги «Трансвааль» и «Тайное тайных». Одновременно оба писателя переписываются с Горьким и делятся с ним своими замыслам о деревне. Хотя авторитет Горького для Федина очень высок: «...вы какой-то стороной суждений ваших о крестьянине очень правы», – он в письмах 1925 – начала 1926 г. все же отстаивает свою мысль: «Мне кажется, что будущая-то культура обопрется именно на крестьянина, и никак не на его “понукальщиков”. <...> Пресловутая крестьянская “темнота”, “косность” и пр. – жалкие слова. <...> ...дело-то тут кое в чем другом: мужики-то для нас – заграница, и понукание наше – простое незнание грамоты, непонимание основ культуры». По его мнению, надо лишь «дать возможность и время свободно развиваться этой культуре»¹²⁹⁷. Зная, что Горькому его рассуждения не понравятся, Федин оправдывается: «мысль моя не “народническая” и не эсеровская», – и в ответ на категоричное утверждение Горького: «Нет ли здесь ошибки у вас? Ведь “понукающие” несут в жизнь именно живую, новую истину, и поэтому именно они являются творцами культуры. Именно – они, так всегда было, и будет»¹²⁹⁸, – отвечает: «...я решил, что “философию и пророчество” можно оставить в стороне. Мне кажется, что рассказы о деревне, над которыми я работаю, будут достаточно неуместны в наши дни, в них начисто будет отсутствовать объяснение

¹²⁹⁵ Новый мир. 1987. № 2. С. 238–239.

¹²⁹⁶ Иванов В. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. С. 330.

¹²⁹⁷ Литературное наследство. Т. 70. С. 495.

¹²⁹⁸ Там же. С. 496.

фактов...»¹²⁹⁹. Итог этого диалога сформулировал исследователь В.П. Скобелев: «...М. Горький и К. Федин остались каждый при своем мнении, ни в чем не уступив друг другу»¹³⁰⁰.

В это время идет работа Фебина над книгой «Трансвааль», о которой он пишет Горькому 4 ноября 1926 г.: «...повесть нашли зловредной и еретической. <...> Я же проявил никак не похвальное упрямство, не согласившись ни на купюры, ни на перемену заглавия книги. Так она и будет называться “Трансваалем”, обобщая этим именем все мои рассказы о русской деревне наших дней»¹³⁰¹.

В книге «Трансвааль» фебинское понимание народной крестьянской культуры откровенно противоречит горьковскому. Песня «Хороша наша деревня – Кочаны!» поставлена эпиграфом к рассказу «Мужики». О ней Соколов-Микитов писал Фебину: «Помнишь простецкие деревенские песни <...>. Для тебя и для меня это была подлинная, не показная, не выдуманная Россия. Россия полей и лесов, народных песен и сказок, живых пословиц и поговорок»¹³⁰². Плясунья и песенница Проска в «Мужиках» «нарубает скороговорку девичьей песни»¹³⁰³. Песни сопровождают любовь Проски. Через песню описывается подготовка к свадьбе и свадебный обряд: «В эту ночь [канун венчанья. – *Е.П.*] по старинке – в жениховой избе девкам быть не положено, приходят только бабы – плясать, обхаживать гостей. <...> Изба кружилась в вихре песен, топота и свиста, в вихре красных, голубых, малиновых повязок и лент, в блеске стеклянных бус, серебра кокошников, в пламени кумача»¹³⁰⁴. Восхищение вызывают у писателя танцы Аксюши и Тани («Тишина»), Христи («Утро в Вяжном»). Народный поэтический космос представляет фебинское описание гуляния в Вяжном на заговенье перед Петровками – «обычай давний и прочный»: «Белая береста стволов и

¹²⁹⁹ Там же. С. 499–500.

¹³⁰⁰ Скобелев В.П. Масса и личность в русской советской прозе 20-х годов (К проблеме народного характера). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. С. 70.

¹³⁰¹ Серапионовы братья в зеркалах переписки. С. 428.

¹³⁰² Воспоминания о Константине Фебине / сост. Н.К. Фебина. М.: Сов. писатель, 1988. С. 77.

¹³⁰³ Фебин К.А. Трансвааль. Рассказы. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 54.

¹³⁰⁴ Там же. С. 62.

белые девичьи платки кучились в изумруде зелени, точно облака в небе, так что не было конца земле и начала небу»¹³⁰⁵.

Этой поэтичной народной культуре противостоит культура, принесенная городом. В начале 1927 г. о своеобразном видении Фединым современной деревни газета «Правда» напечатала возмущенную статью критика-марксиста В. Фриче: «Что же увидел автор книги “Города и годы” в современной деревне? <...> появление нового типа – мужика, побывавшего в городе, красноармейца, вернувшегося в деревню. Мы привыкли думать, что он <...> является в деревне проводником советских начинаний». У Федина не так. Это «насадители новой культуры, однако культуры только в смысле новых плясок, новых половых отношений и в конце концов хулиганской психологии»¹³⁰⁶. Таковы, по наблюдениям критика, красноармеец Максим («Тишина»), Алексей («Утро в Вяжном»), Ларион («Мужики»).

Близкое фединскому противопоставление деревни и города критики обнаружили и в книге Иванова «Тайное тайных».

В 1925 г. Федин, как еще раньше крестьянские поэты Есенин и Клюев, уловил страшную угрозу живой народной культуре, идущую от «понукальщиков», угрозу расчеловечивания национальной жизни. Об этом же он напишет в письме М. Зощенко 10 февраля 1925 г., посвященном повести «Страшная ночь», герой которой с ужасом предчувствует изобретение «электрического треугольника»: «Мне кажется, что никто не сумел до сих пор так потрясающе зло и так грустно сказать об ужасе нашего времени, как ты в своем Борисе Ивановиче Котофееве. Конечно, нам ничего не осталось, как только бежать на колокольню и бить в набат»¹³⁰⁷.

Отдельная и самостоятельная тема – внутренняя связь книги «Тайное тайных» с творчеством новокрестьянских писателей, прежде всего Есенина.

В «Заметках к автобиографии» (конец 1950-х гг.) Иванов писал: «Смерть Есенина и Ларисы Рейснер. Запад Есенина, тогда как он Восток, и

¹³⁰⁵ Там же. С. 175.

¹³⁰⁶ Правда. 1927. 22 апреля. С. 3.

¹³⁰⁷ Серапионовы братья в зеркалах переписки. С. 341.

Восток Л. Рейснер, тогда как она – Запад. Памятник Пушкину, легенда о Есенине – Здесь – “Тайное тайных”»¹³⁰⁸. Откомментировать эту запись можно по-разному, но несомненно одно: в сознании самого писателя книга «Тайное тайных» соединялась с именем и судьбой («легенда») С. Есенина.

С творчеством поэта Иванов познакомился задолго до личной встречи в Москве в 1923 г. Как показано во второй главе настоящего исследования, в среде сибирских литераторов, с которыми Иванов общался в 1916–1919 гг., были поэты, близкие Есенину и по тематике – крестьянская Русь, и по образной системе, во многом опирающейся на фольклорные традиции: К. Худяков, И. Ерошин, А. Оленич-Гнененко и др. Добавим к названным фактам литературной жизни, что вопрос: «Кому земля достанется?» – был предметом широкого обсуждения в той общественно-политической ситуации, в которой оказались в 1917–1920-е гг. сибирские литераторы. Какими бы ни были политические воззрения молодого Иванова, вопросы о судьбе деревни при меняющихся властях оставались всегда актуальными.

Переезд в Петербург в 1921 г. и общение с «серапионовыми братьями» на какое-то время изменили литературные пристрастия Иванова в сторону, если так можно сказать, большей «литературности». В 1920 г. умирает от тифа Худяков, прерывается переписка с Сибирью и ненадолго отходит в сторону «есенинская» лирическая тональность произведений Иванова. Переезд в Москву в 1923 г. стал для писателя во многом возвращением к темам сибирского периода, а общение с Есениным и другими «новокрестьянами» дало возможность по-новому прочесть, казалось, уже освоенные им темы.

С художественным миром Есенина связано в «Тайное тайных» многое: сюжеты, мотивы, характеры, типы героев и т.п. Так, сюжетная линия рассказа Иванова «Плодородие» – обман мужиками, якобы обнаружившими золотые россыпи, городских властей – возможно, восходит к одному из эпизодов поэмы Есенина «Страна Негодяев» (1922–1923), где Рассветов во

¹³⁰⁸ Архив Вс. Иванова.

время спора в поезде, восхищаясь богатствами Сибири, в частности золотоносными жилами, рассказывает, как в Америке, на Клондайкских золотых приисках, какой-то «прощальга» «в богачи пролез»: купив немного золотого песка, он и несколько мошенников расстреляли его из ружей в горах и выдали за открытую ими золотоносную жилу¹³⁰⁹. Заключительная сцена рассказа «Жизнь Смокотинина» содержит почти прямые переключки со знаменитыми строками Есенина: «Чтоб за все грехи мои тяжкие, / За неверие в благодать, / Положили меня в русской рубашке / Под иконами умирать»¹³¹⁰ («Мне осталась одна забава...», 1923). В обоих произведениях отчетливо прослеживается мотив блудного сына, который по-разному развивается в разные периоды творчества Есенина («Возвращение на родину», 1924; «Не вернусь я в отчий дом...», 1925 и др.) и Иванова (рассказы о странниках 1918 – 1919 гг., «Тайное тайных», «Дыхание пустыни», 1927; «Похождения факира», 1935 и др.). Есенинская лирическая маета, с «отчаянным хулиганством», отказом от веры отцов и тоской без нее, присуща героям рассказов книги. Слова Номаха из поэмы «Страна Негодяев»: «Я потерял равновесие... / Я знаю сам. – / Конечно, меня подвесят / Когда-нибудь к небесам...»¹³¹¹ – мог бы, наверное, повторить любой из них.

С Есениным и шире – с новокрестьянской поэзией – связана и одна из ключевых тем книги «Тайное тайных» – тема матери. Один из первых рецензентов «Тайное тайных» писал, что в «Яицких притчах» и «Бегствующем острове» Иванов решился на «интересную и героическую постановку»¹³¹² темы матери. Природу «героизма» критик не уточнял и ограничился просто констатацией. «Художник подошел к хаосу не затем, чтобы его оправдать, а чтобы его преодолеть, как преодолевает мрак в своей душе необыкновенная казачка Марфа (“Яицкие притчи”), идущая солдатом в красные ряды, вопреки казни пятерых сыновей для спасения шестого, –

¹³⁰⁹ Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. 9 кн. Т. 3. Поэмы. С. 69–71.

¹³¹⁰ Там же. Т. 1. Стихотворения. С. 185.

¹³¹¹ Там же. Т. 3. Поэмы. С. 62–63.

¹³¹² Литературные новинки. Вс. Иванов «Тайное тайных» // Смена. 1927. № 3. С. 7. Подпись: Б.Л.

отметил еще один критик, С. Пакентрейгер, рассмотревший тему матери у Иванова в горьковском ключе: – Эта притча, несмотря на грустный конец (шестой сын оказался недостоин подвига матери), дышит, как море, освежающими ветрами революции, переродившими не только мать-казачку, но и того безымянного сказочника, от имени которого Иванов и передает легенду революции»¹³¹³. Однако тема взаимоотношений матери и сына решена Ивановым в «Тайное тайных» скорее полемично по отношению к его учителю Горькому, для которого «правда» была связана с детьми и дорогой, выбранной ими. В этом смысле тяжелым раздумьям Иванова гораздо более близки поэмы и стихи С. Есенина и Н. Клюева, проза А. Платонова и М. Шолохова, которые, как отметила Н.В. Корниенко, «в 20-е годы <...> внесут в развитие вечной для литературы темы “отцов и детей” и “блудного сына” как центральный ее эстетический и этический центр образ матери»¹³¹⁴.

Образ матери, с горечью видящей неверный путь, на который вступили дети, оформляет своеобразный цикл «материнских» мотивов и сюжетов лирики Есенина, начиная от знаменитого «Письма матери» (1924); стихотворений и целой поэмы Клюева («Песнь о Великой Матери», 1932). Совсем не в горьковском ключе написан диалог матери и сына в романе Леонова «Вор»: «...Митька стал рассказывать матери, как это случилось. Склонив голову в черной косынке, она слушала Митьку, и губы ее шевелились. Митька даже различил слова: вас Бог накажет!..»¹³¹⁵

В «Тайное тайных» голос матери, глубже других чувствующей гибельность того пути, на который вступили дети, начинает звучать с рассказа «Ночь», где Марья Егоровна, обращаясь к сыну, нарушившему традиционные основы крестьянской жизни, «громко и внятно, будто на целый мир», произносит: «О, Господи, жисть-то как перекубилась! И ты туда же!» (23). Молитва матери включена Ивановым в притчу «Про двух

¹³¹³ Пакентрейгер С. По следам зверя // Печать и революция. 1927. № 3. Цит. по: Иванов Всеволод. Сб. С. 166.

¹³¹⁴ Корниенко Н. В. «Сказано русским языком...». С. 227.

¹³¹⁵ Красная новь. 1927. № 4. С. 43.

аргамаков»: «Я поплачу, поплачу, свечку перед образом зажгу: “Утиши, Господи, их сердца”, – молю» (68). В финальных строках рассказа появляется образ плачущего месяца, перекликающийся с есенинским: «Как прежде ходя на пригорок, / Костыль свой сжимая в руке, / Ты смотришь на лунный опорок, / Плывущий по сонной реке»¹³¹⁶ («Заря окликает другую...»).

Говоря о есенинском контексте «Яицких притчей», следует назвать также поэму Есенина «Пугачев». Рассказы Иванова и по месту действия – Урал (Яик), и по упомянутым историческим событиям («наши степи уральские – еройские степи. Разин тут и Пугач гуляли...» – «Про казачку Марфу». 70), и по соотношенности времен («...пришла намеднись воля. <...> по городу ходят, на манер пугачевского бунта, солдаты» – «Про двух аргамаков». 68) непосредственно связаны с поэмой Есенина о Пугачеве, имя которого для автора ассоциировалось с послереволюционной эпохой. Разор в деревне, и в целом в России, осмыслялся в поэме в библейских символах: «И теперь по всем окраинам / Стонет Русь от цепких лапищ. / Воском жалоб сердце Каин / К состраданию не окапишь»¹³¹⁷. К библейской истории Каина и Авеля восходит история братьев Егора и Митьши из притчи Иванова «Про двух аргамаков».

На новокрестьянский поэтический космос идеологически и стилистически ориентирован рассказ «Поле»: «Солнце стояло в теплом красном круге – смотрело, как ровно и грузно падают в землю большие желтые зерна», «пашня походила на зеленую коломенскую скатерть» (34).

Для критиков 1920-х гг. была очевидна близость поэтики и миропонимания Иванова и Есенина. Воронский писал в 1924 г.: «У Есенина есть немало поэтических последователей, подражателей. Достаточно сказать, что проза Всеволода Иванова очень сродни “неизреченной животности” и образности Есенина»¹³¹⁸. Как и в ранних стихах Есенина, в ивановском «Поле», если воспользоваться словами критика, «деревенский уклад и

¹³¹⁶ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. 9 кн. Т. 1. Стихотворения. С. 219.

¹³¹⁷ Там же. Т. 3. Поэмы. С. 9.

¹³¹⁸ Воронский А.К. Литературные силуэты: Сергей Есенин. // Красная новь. 1924. № 1. С. 289.

деревенский быт взяты <...> исключительно с идиллической стороны. <...> В поле “вяжут девки косицы до пят”, <...> сохнет рожь, не всходят овсы: нужен молебен. Все тихо грезит, все издревле отстоялось, прочно осело. <...> От этой неподвижности хаты, овины, поле, речки, люди, животные кажутся погруженными в полусон, в полуявь»¹³¹⁹. Описание посева в рассказе «Поле»: «Когда расцвела черемуха, начали сеять...» (34) – отчасти перекликается со строками Есенина: «Сыплет черемуха снегом, / Зелень в цвету и росе. / В поле, склоняясь к побегам, / Ходят грачи в полосе»¹³²⁰. Отзвуки «стальной конницы» слышны в рассказе Иванова, как и в лирике Есенина: «черные обгорелые лесины» по краям поля, напоминающие «стаканы с кирпичным чаем», возвращают читателя к поезду, где Милехин пил чай с товарищем, и к другому поезду, в котором тоже пили чай, а Милехин, возвращаясь в деревню, прятался два дня под лавкой. «Идиллический» мир в конце рассказа разрушен: возвращение героя домой в «святое время» не состоялось – его арестовывают как дезертира.

Несмотря на отсутствие «висельных» мотивов, сцен убийства и насилия, рассказ «Поле» вызвал у критики столь же злобное негодование, как и книга в целом. Уничижительные сентенции Ермилова о «завязшем в своих липких испражнениях человечешке» относятся именно к мирному «Полю».

Возмущение критиков понятно: уже опубликованы «Злые заметки» Н. Бухарина, где осуждена «есенинщина»; праведный гнев «бодрых людей, в гуще жизни идущих храбрых строителей» обрушился на «внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни»¹³²¹. Строки Клюева «Маета – змея одолела / Без сохи, без милого дела»¹³²² (поэма «Деревня», 1927) в это время расценивались как проявление «темного биологического инстинкта». Что касается работы крестьянина в поле, то о ней предлагалось, видимо, писать примерно так:

¹³¹⁹ Там же. С. 271–272.

¹³²⁰ Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. 9 кн. Т. 1. Стихотворения. С. 192.

¹³²¹ Бухарин Н. Злые заметки. С. 9.

¹³²² Звезда. 1927. № 1. С. 129.

«Хорошо в лучах на сенокосе, / Если ветер по полю разносит / Крепкий запах кулеша и хлеба... / Мы неделю на поемах жили, / И тюремной клеткой были / Нам земля и голубое небо»¹³²³.

Назовем еще один важный мотив книги Иванова «Тайное тайных», – мотив сокровенного слова.

К слову, «как к средоточию, сходятся все тончайшие нити родной старины, все великое и святое, все, чем крепится нравственная жизнь народа»¹³²⁴, – писал выдающийся русский филолог Ф.И. Буслаев. Люди, пришедшие к власти в России после революции, это хорошо понимали. Поставленная грандиозная задача – оторвать «нового человека» от прошлого – определила и сущность процессов, происходящих в советской языковой культуре. «Языковые переживания» (А. Селищев) 1920-х гг. отразились в дискуссиях о русском языке первого советского десятилетия¹³²⁵. «...в этих новых словах нет ощущения так называемой внутренней формы, – писал последователь А. Потебни филолог и критик А. Горнфельд о языковой ситуации в современной России. – Наши слова обозначают нечто потому, что нечто значат; иногда их этимология <...> нам ясна, иногда темна; но мы знаем, что она есть, что слово имеет корень, из которого выросло. У ЦИКа же нет корня»¹³²⁶.

К вопросу утрат в языке и в сознании человека не раз обращался А. Селищев: «Характерной особенностью социально-языковой жизни последних лет является быстрота и интенсивность распространения различных языковых черт, исходящих от авторитетных коммунистических и советских деятелей. Но вместе с этим распространением происходит неизменно ослабление и утрата их эмоциональной значимости»¹³²⁷. Частое

¹³²³ Кустов П. На сенокосе. // Красная нива. 1927. № 30. С. 1.

¹³²⁴ Буслаев Ф. И. Народный эпос и мифология. М.: Высш. школа, 2003. С. 20.

¹³²⁵ См.: Горнфельд А. Новые словечки и старые слова. Речь на Съезде препод. рус. яз. и словесности в Петербурге 5 сент. 1921 г. Пб.: Колос, 1922; Винокур Г. Культура языка. Очерки лингвистической технологии. М.: Работник просвещения, 1925; Селищев А. Язык революционной эпохи: Из наблюдений за русским языком последних лет. М.: Работник просвещения, 1928 и др.

¹³²⁶ Горнфельд А. Новые словечки и старые слова. С. 15.

¹³²⁷ Селищев А. Язык революционной эпохи. С. 127.

использование форм превосходной степени («широчайшие массы, самым решительным образом, колоссальнейший сдвиг, ценой величайшей и величайшей экономии, самые гнусные и фантастические инсинуации), эпитетов со значением колоссальности («спекуляция достигла неслыханных размеров, чудовищный вздор, титаническая воля» и т.п.)¹³²⁸, призванное подчеркнуть масштаб эпохи и происходящих перемен, приводит к обратному результату: слова утрачивают образность, эмоциональную силу, становятся пустыми речевыми штампами.

Отношение к новым словам передано во многих произведениях 1920-х гг.: «В мозгу по букве вылезло и кривой лестницей вытянулось иностранное слово (они за последнее время вязались к нему) а-с-с-е-н-и-за-то-р. Срубов даже усмехнулся. Ассенизатор революции»¹³²⁹ (В. Зазубрин «Щепка»); «“Промысел – это, брат, надлежащее мероприятие”, – ответил Шариков не своей речью. – “И этот, должно, на курсах обтесался, – подумал Пухов. – Не своим умом живет: скоро все на свете организовывать начнет – беда!”»¹³³⁰ (А. Платонов «Сокровенный человек»); «Самая гнусавая шарманка / Этот мир идейных дел и слов»¹³³¹ (С. Есенин «Страна Негодяев»).

Хранителями народного русского слова в литературе 1920-х гг. оставались новокрестьянские писатели. Еще в 1918 г. в статьях «Отчее слово» и «Ключи Марии» Есенин отмечал, что «современное поколение писателей уже не имеет представления о тайне словесных образов», хранителем которой, пусть «расточительным и неряшливым», была «полуразбитая отхожим промыслом и заводами деревня»¹³³². Иванов вспоминал, с каким восхищением поэт говорил о том или ином народном слове:

– А ты знаешь, как называется гладкая лента воды в море или реке, освещенная солнцем?

¹³²⁸ Там же. С. 127–130.

¹³²⁹ Зазубрин В. Щепка // Зазубрин В. Бледная правда. М.: Рус. кн, 1992. С. 27.

¹³³⁰ Платонов А. Сокровенный человек. С. 133.

¹³³¹ Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. 9 кн. Т. 3. Поэмы. С. 66.

¹³³² Есенин С.А. Ключи Марии // Там же. Т. 5. Проза. С. 201–206.

– Нет.

– Лоса: «Лоса», соз[вездие] Б. Медведицы, которое в воде – полосе воды отражается. <...> Есть очень красивое слово – водомоина. А есть еще красивой – водороина, вода роет!¹³³³

О «тайном слове» в середине 1920-х гг. напоминал новым читателям С. Клычков в романе «Чертухинский балакирь» (1926): «Покорил, де, Спиридон страшного зверя, больше тайным словом и звериным псалмом из книги “Златые уста”. В этой самой книге на каждый случай жизни и на всякого зверя, и гада, и на лихого человека, и на всякую какая ни на есть лихота и болесь – было свое утешение и оговор! Вот оно слово какую силу имеет... От слова весь мир пошел»¹³³⁴.

Мотив сокровенного тайного слова появляется уже в ранних рассказах Иванова («Рао», «Сын человеческий»). В 1921–1923 гг. среди «серапионовых братьев» Иванов занимал устойчивую позицию одного из лидеров «восточной» группы, ориентированной не на фабулу, динамическую интригу, а именно на слово – народную речь, с ее оригинальностью, своеобразием звучания, интонации. Критики увидели в этом школу Е. Замятина и А. Ремизова. Безусловно, путь изучения Ремизовым народного сознания, его обращение, в частности, к отреченным книгам, древним апокрифам, космогоническим и антропогоническим легендам, его мысль о Слове, которое «выше носителя слов»¹³³⁵, – все это было близко молодому Иванову. Но очевидно, что дело было не только в конкретном литературном влиянии, а в том реальном знании русской жизни, которым обладали серапионы-«народники». Поиск истинного Слова организует сюжет рассказа «Вахада, ксара, гутьуи» (1921) и отражен в заглавии, которое сам Вс. Иванов комментировал следующим образом: «Чародейные песни шабаша ведьм (записано в Чиликтинской долине)»¹³³⁶. Герой рассказа мужик Трофим

¹³³³ Иванов Вс. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. С. 300.

¹³³⁴ Клычков С. Два брата. Отрывок из романа «Чертухинский балакирь» // Альманах «Круг». № 5. 1925. С. 148.

¹³³⁵ См. об этом: Грачева А.М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 5–165.

¹³³⁶ Иванов Вс. Седьмой берег. С. 94.

Михалыч сетует, что это «не те слова, <...> не те. Где бы мне те слова найти?... Владычица?... А?»¹³³⁷. Грамотная деревенская девушка Авдокея, вступившая в «ичейку», не может подобрать слов для протокола заседания, и нужные слова ей подсказывает мать, обращаясь к древнерусскому плачу-причитанию. По мнению «темной, неграмотной старухи», истинные слова призваны передать «горе человеческое», слова же руководителя «ичейки» вызывают у крестьянина Трофима (и автора) большие сомнения: «Заворожил он всех словами... а я-то... обожду. А ты не отрекайся, будет Христом-богом просить, от родни не отрекайся. Держись. Не бери греха, греха не бери. Как же... Ага?... Ты немного подожди, я найду слова... Как же...»¹³³⁸.

Поиск сокровенного Слова простым мало- или необразованным человеком – а именно таков герой Иванова 1920-х гг. – характеризуется безошибочным чутьем на слова истинные и ложные, причем ложные слова практически всегда связаны с революционными переменами в жизни. Так, один из героев «Бронепоезда 14-69» заявляет: «А интерна-ционал-то? <...> Я ведь знаю – там ничего нету, за таким словом никогда доброго не найдешь. Слово должно быть простое, скажем – пашня...» (65).

Огромное значение придает Иванов песням, пословицам, сказкам, запечатлевшим духовную жизнь народа. Народную словесность писатель знал хорошо, но в его творчестве редко можно встретить прямые заимствования, чаще встречаются отмеченные нами ранее стилизации. Во время работы над книгой «Тайное тайных» в письме Федину от 9 октября 1925 г. Иванов сетовал: «Такая моя мрачная жизнь – бумаги нету. Последнюю сейчас потратил, написав 40 пословиц»¹³³⁹. Возможно, написал для «Тайное тайных».

В книге Иванов нередко ставит рядом устойчивые в фольклоре темы и мотивы, определяющие опорные вехи народной жизни: любовь, разлука, тоска, смерть, судьба и др. – и реалии новой жизни: пролитая в сражениях

¹³³⁷ Там же. С. 95.

¹³³⁸ Там же. С. 93.

¹³³⁹ *Иванов Вс.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. С. 591.

кровь, революция, законы, аэроплан, практически всегда поданные автором с отрицательной коннотацией. Вот лишь некоторые примеры ивановских пословиц: «На ком этот вздох, тот бы в щепку иссох» («Жизнь Смокотинина»; 10); «Законы нонче что редька, – всякий за хвост держит» («Ночь»; 24) и др. Старая сказка о воронятах противопоставлена новой – об аэроплане в «Яицких притчах». Эта же оппозиция появляется в «Бегствующем острове»: «Ты бы <...> хоть... про кота бессмертного рассказал. Про эту самую революцию – все страшно да скучно, будто болеть...» (94). В тексте повести встречается и заговор: «...будете вы ровнять снег, чтобы не было ни следов, ни колеи, ни памяти людей, не было ни дороги, ни троп, один снеговой сугроб! Замокните ворота таежные. Спустите засовы болотные, – и заклятье положу я на ту дорогу» (96). К концу книги «Тайное тайных» усиливаются песенные мотивы: «песенная любовь»; «шелковый платок песенного синего цвета»; «Вода мутнеет от крови только в песнях» («Пустыня Тууб-Коя»); «Как от Камы-реки...», «Горе-то материнское в песнях все перепето, а лучше песни как расскажешь» («Бегствующий остров»).

Фольклористы отмечали основную эмоциональную тональность народных песен: «Они [песни. – *Е.П.*] заново передумывают, под какой-либо напев, житейское коротание человека, живой человеческой личности, переживающей особенности своего положения, и упорно останавливают на них все внимание. И так как мало веселого дает жизнь вообще, и так как нет основания для торжества, то грустно звучит это раздумье о своей доле, и плачет песня горьким причитанием»¹³⁴⁰, – писал Е. Аничков. Невеселы были и размышления Иванова над человеческой судьбой, отсюда, возможно, и пронзительная, тоскливая интонация книги, имеющая истоки в народной словесности.

На фоне фольклорной образности пустыми и лживыми выглядят в «Тайное тайных» слова революционной эпохи. «Не могу такое слово на

¹³⁴⁰ Народная словесность / под ред. Е.В. Аничкова. М.: Крафт+, 2002. С. 188.

морозе говорить, не русское слово» (114), – рассуждает по поводу слова «пролетариат» комиссар Запус («Бегствующий остров»). Практически все герои «Тайное тайных» – люди переходного времени – утратили дар истинного Слова. И лишь в рассказе «Полынья» намечается автором путь восстановления духовной вертикали: Богдан вспоминает сокровенное Слово, обращенное к Богу.

Еще один мотив, сближающий книгу «Тайное тайных» с творчеством новокрестьянских писателей, – это мотив праведной земли, народного крестьянского идеала. Подробно речь о нем пойдет в следующем разделе. Здесь лишь вспомним слова о нем Н. Клюева из статьи «С родного берега» (1908): «”Все будет да нескоро”, – скажет любой мужик из нашей местности. Но это простое все – с бесконечным, как небо, смыслом. Это значит, что не будет “греха”, что золотой рычаг вселенной повернется к солнцу правды...»¹³⁴¹. Клюев так объяснял крестьянское понимание власти: «Большинство <...> держится за царя не как за власть карающую и убивающую, а как за воплощение мудрости, способной разрешить запросы народного духа. <...> Царь должен быть умом всей русской земли, быть высшей добродетелью и правдой»¹³⁴². В стихотворении Клюева «Мирская дума» (1915) о народном идеале рассказывает «Лазарь всечудный»: «Точит верба восковые слезы, / И ведет зеленый тайный причит / Про мужицкий рай, про пир вселенский, / Про душевный град, где “Свете тихий”»¹³⁴³. В «Песни о великом походе» (1924) Есенин сопоставлял представление о мужицком рае: «За один удел / Бьется эта рать, / Чтоб владеть землей / Да весь век пахать, / Чтоб шумела рожь / И овес звенел, / Чтобы каждый калачи / С пирогами ел»¹³⁴⁴, – с «пейзажами» середины 1920-х гг.: «Опустели огороды, / Хаты

¹³⁴¹ *Клюев Н.А.* Письма к Александру Блоку / публ., ввод. ст. и коммент. К.М. Азадовского. М.: Прогресс-Плеяда, 2003. С. 295.

¹³⁴² Там же. С. 296.

¹³⁴³ *Клюев Н.А.* Сердце единорога. С. 265.

¹³⁴⁴ *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: в 7 т. 9 кн. Т. 3. С. 126.

брошены. / Заливные луга / Не покошены. / И примят овес, / И прибита рожь.
/ Где ж теперь, мужик, / Ты приют найдешь»¹³⁴⁵.

Вводя близкую тематику, Иванов по-своему решает вопрос о социальном идеале. И если, скажем, для Клюева грядущая судьба его единоверцев однозначно безысходна, «индустриальные небеса» новой Советской России, под которыми «нет ни святых, ни злодеев», однозначно неприемлемы и им противопоставлены «Мать–Русь» и «Китеж родной» как поруганные, но все же незабываемые ценности, то у Иванова, судя по всему, позиция иная. Новая вера и новая, замешенная на крови утопия были для него сомнительными с самого начала. Но принимать за «золотой век» «Избяную Русь» и ратовать за создание на прежних основах крестьянского царства он тоже не готов, хотя 1925–1926 гг. – это время, когда писатель больше чем когда-либо искал основания для возвращения и возрождения национальных традиций правды, справедливости и праведности. Искал, но видимо, не находил – ни в самой реальности... ни в самом себе.

Какое же место занимала книга Вс. Иванова «Тайное тайных» в литературных «спорах о мужике», являвшихся, по сути, спорами об истории и культуре России, ее дальнейшем пути и судьбе?

Более всего, кажется, писателю было чуждо поверхностно-снисходительное отношение к деревне и крестьянской жизни, которое утверждалось в массовых крестьянских журналах («Крестьянка», «Красная нива», «Жизнь крестьянской молодежи»), призванных воспитать нового крестьянского писателя: «Что у них? От хлева и до хаты / Скучен путь: горшки да кувшины. / Ну а мы с тобой теперь богаты / Всем богатствам молодой страны»¹³⁴⁶. Столь же чуждым было представление о крестьянине как о биологическом существе, обуреваемом инстинктами и понятием по Фрейду. Избежал автор «Тайное тайных» и других крайностей, выявившихся в подходах к вопросу о мужике в литературе 1920-х гг.: крестьянин в его

¹³⁴⁵ Там же. С. 130–131.

¹³⁴⁶ Василевский В. Другу // Красная нива. 1927. № 27. С. 13.

рассказах не был ни пробуждающимся к новой жизни безбожным борцом за социалистический идеал, ни невежественным, тупым мелким собственником.

Вс. Иванов не только «веру мужицкую», но и жизнь, и душу народную знал «крепко»¹³⁴⁷. Потому и прозвучало его Слово о русском мужике – и шире, о русской жизни – так своеобразно и значимо, сделав книгу «Тайное тайных» событием в литературе 1920-х гг. Сложность и многообразие народной жизни и духовной культуры – традиции, вера, поэтическая словесность, идеалы и сомнения – все это нашло отражение в рассказах «Тайное тайных». Но эта народная жизнь предстала в книге в состоянии глубокого духовного кризиса. Не случайно такое важное место в «Тайное тайных» занимают сквозные темы бездорожья, пустыни, утраты Слова. В этой духовной пустыне тоскует, мается, безумствует и ищет свой путь герой Иванова – человек с «мутным сердцем». В эпоху войн, революций и нового строительства под угрозой тотального уничтожения оказалась сама народная душа, которая все еще хочет верить в Бога и любить человека. Но как Мартын из рассказа «Плодородие», так и другие обуреваемые тоской и отчаянием герои книги «Тайное тайных», в образах которых запечатлел Иванов реальность 1920-х гг. XX в., – оказались заплутавшими, сбившимися с пути и утратившими истинную дорогу.

4.5. Историко-культурные и литературные контексты повести «Бегствующий остров».

Философским метатекстом завершающей «Тайное тайных» повести «Бегствующий остров» стала русская народная утопическая легенда о Беловодье. Она была известна Иванову не только из литературных или фольклорных источников – сама биография писателя тесно связана с местами создания и бытования легенды. Писатель родился там, где поиски Беловодья были реальностью, с 1912 по 1915 гг. он исходил пешком почти всю Сибирь. Именно эти годы описаны в очерках современника Иванова сибирского

¹³⁴⁷ Всеволод Иванов [Автобиография] // Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 365.

писателя А. Новоселова «У старообрядцев Алтая» (1913): «В поисках “беловодья” поднимались целые деревни, бросая полное хозяйство. С удивительным упорством, с безграничной верой в возможность существования этой, непременно зарубежной, Аркадии, люди годами бродили по безводным китайским степям, гибли в них от голода, питаясь обувью и ремнями, умирали под рукой кочевников. <...> Поиски “беловодья” продолжались вплоть до XX столетия»¹³⁴⁸. Для стремящихся в Беловодье определяющими являлись сохраненная древлеправославная вера, возможность свободно трудиться на земле и отсутствие всех светских властей: «В том месте татьбы не бывает и других пакостей не делают... <...> светского суда у них нет, а управляют народом духовные власти»¹³⁴⁹. Приведенная цитата взята из текста знаменитого «Путешественника» (опубликован в 1826 г.), авторство которого приписывается Марку Топозерскому (или иноку Михаилу) – своего рода листовки, призывающей идти в Беловодье, с указанием дороги. Опубликованный в монографии К.В. Чистова текст «Путешественника» имеет три редакции, две из которых северно-русские (в северной Карелии в Топозерском скиту жили праведный старец Ефимий, его соратник Иона Топозерский и поддерживавшая их Ирина Федотова), а третья – сибирская. Для Сибири беловодская легенда особенно важна: дорога, описанная в «Путешественнике», идет от Москвы (в одной из редакций – от Керженца) через реальные пункты средней России и Урала до горного Алтая – названы Бухтарминская и Уймонская долины. Далее топонимика становится фантастической. Местонахождение Беловодья названо где-то «за Китаем» и около «Опоньского царства»¹³⁵⁰.

По мнению исследователей, «легенда о Беловодье имела общерусский характер и распространение, и в то же время была особенно популярна среди старообрядцев-беспоповцев, причем сыграла определенную роль в развитии

¹³⁴⁸ Новоселов А.Е. Беловодье. Повести, рассказы, очерки. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. С. 403.

¹³⁴⁹ Цит. по: Чистов К.В. Русская народная утопия. С. 404.

¹³⁵⁰ Там же. С. 404–413.

“бегунства” – крайне радикального его ответвления»¹³⁵¹. Выявляя истоки легенды, в которой «мечта о вольной земле сочетается <...> со старообрядческой мечтой о земле, сохранившей древнее благочестие»¹³⁵², Чистов отмечает также ее типологическую связь с другими народными утопическими представлениями о «далеких землях», в частности об Индии: «В начале 1920-х гг. на Алтае побывал известный художник Н.К. Рерих. Он тоже слышал рассказы о Беловодье и его поисках на этот раз в сторону Гималаев, что дало ему повод отождествить легендарную страну, созданную воображениями русских крестьян, с буддийской обетованной страной Шамбала (буквально “Белый остров”)...»¹³⁵³.

К Индии были устремлены помыслы молодого Иванова. Спустя 40 лет, в воспоминаниях «История моих книг» писатель указывал вполне реальную причину своих странствий – стремление изучить гипнотизм и йогу в той стране, где они возникли, – в Индии. Трудно сказать, действительно ли эту Индию он искал несколько лет, странствуя по бескрайним просторам Сибири и Алтайского края. Не стояли ли у истоков этой географической Индии народные мистические представления, о которых в 1919 г. писал Н. Клюев в статье «Порванный невод»: «...иконописные миры, где живет последний трепет серафимских воскрылий... внутренний гром слова былинного, мысленного, моленного, заклинательного, радельного и еще особого человеческого состояния, которое мужики-хлысты зовут Рожеством ангелов – вот тайные, незримые для гордых взоров вежи, ведущие Россию – в Белую Индию, в страну высочайшего и сейчас немислимого духовного могущества и духовной культуры»¹³⁵⁴.

Круг близких знакомых Иванова в Кургане и Омске составляли люди, происходившие из старообрядческих семей: К. Худяков, И. Малютин, А. Сорокин, И. Ерошин. В творчестве Сорокина этих лет широко

¹³⁵¹ Там же. С. 330.

¹³⁵² Там же. С. 297.

¹³⁵³ Там же. С. 283.

¹³⁵⁴ Цит. по.: *Клюев Н.А.* Сердце единорога. С. 883.

представлены «легенды алтайских староверов», в частности – легенда о «Стратинар земле» (вошла в книгу «Тюун-Боот», предисловие к которой написал Иванов). В Омске в 1918 г. жил Новоселов, напечатавший в 1917 г. повесть «Беловодье», высоко оцененную Ивановым. Критики 1920-х гг. отмечали связь образа Каллистрата Ефимыча – крестьянина-старовера из повести Иванова «Цветные ветра» – с героем Новоселова: «По замыслу, по конечному положению, по той силе, которую в нем писатель постоянно подчеркивает, это должен бы стать цельный, крепкий мужик, <...> крепчайший дуб,¹³⁵⁵ – характеризовал его В. Правдухин. – У хорошего сибирского писателя Новоселова в повести “Беловодье” есть подобный мужик – Панфил. В сущности, герой Иванова и является этим Панфилом, только перенесенным в революционную обстановку»¹³⁵⁶.

Иванов хорошо знал быт и веру раскольников и из книжных источников. В архиве писателя сохранились документы, связанные с историей раскола: «Объявление правительствующего Всероссийского Синода о покаявшемся раскольнике Иване Михайлове» (1726), отрывок исследования неустановленного автора «О распространении веры в период Синодального управления Русской церкви» (не ранее 1850) и др.¹³⁵⁷. О глубоком знании писателем истории раскола свидетельствуют факты и реалии, упомянутые в повести «Бегствующий остров»: публичный диспут о старой и новой вере 5 июля 1685 г. в Грановитой палате Кремля в присутствии царевен Софии и Татьяны и царицы Натальи Кирилловны, матери Петра I; правительственные распоряжения эпохи Петра I по преследованию раскольников: указ 1716 г., по которому раскольникам было разрешено открыто жить в селениях и городах, но под условием платежа двойного налога, «Духовный Регламент» от 25 января 1721 г. и др.

Во время работы над «Тайное тайных» интерес писателя к старообрядчеству не угасает, подтверждением чему может служить письмо

¹³⁵⁵ Всеволод Иванов. Сб. С. 90.

¹³⁵⁶ Там же. С. 91.

¹³⁵⁷ НИОР РГБ. Ф. 673. К. 62. Ед. хр. 1 и 7.

его от 20 декабря 1925 г. Горькому. Иванов рассказывает ему о мечте на лошадях проехать «по Семиреченскому тракту, мимо Иссык-Куля полторы тысячи верст <...> казачьими станицами среди раскольников и киргиз»¹³⁵⁸.

«Бегствующий остров» Иванова – одно из немногих среди известных на сегодняшний день произведений с беловодским сюжетом, где автор соединяет легенду с современностью. Работа над повестью шла в течение 1925 г. Годом раньше, весной 1924 г., писатель благодаря Есенину, дружеские отношения с которым уже сложились, лично знакомится с Н. Клюевым¹³⁵⁹. К стихотворению Клюева «Республика» (1918): «Керженец в городском обноске, / На панельных стоптанных каблуках...»¹³⁶⁰ – возможно, отсылает портрет «произрастающего из раскольников» рассказчика Галкина, у которого, по описанию, «исчерна-желтые зубы пьяницы и курильщика, а выше <...> бледные десна кокаиниста» (91). Беловодскую легенду Галкин рассказывает вору и «тихому убийце», по имени Иванушка, и его «возможной подруге по мастерству» – Аленушке. Здесь вновь можно увидеть «пугающее искажение» русских традиционных ценностей. Позднее, в 1928 г., Клюев напишет: «Наша русская правда загибла, / Как Аленушка в чарой сказке... / Забодало железное быдло / Коляду, душегрейку, салазки»¹³⁶¹ («Наша русская правда загибла...», 1928).

В первой половине 1926 г. несколько глав из новой повести Иванова напечатали в журналах «Молодая гвардия» (1926. № 5. Под заглавием: «Раскольниковый гость»), «Шквал» (Одесса. 1926. № 13; № 14. Под заглавием: «Раскольники в городе»), «Красная панорама» (1926. № 16. Под заглавием: «Галкин рассказывает»). В публикации журнала «Шквал» проставлена дата завершения работы над повестью: февраль 1926.

¹³⁵⁸ *Иванов Вс.* Переписка с А.М. Горьким. С. 32.

¹³⁵⁹ О взаимоотношениях Вс. Иванова и Н. Клюева см.: *Папкова Е.А.* Неизвестный источник поэмы Н. Клюева «Погорельщина» // Николай Клюев: образ мира и судьба. Науч. сб. Вып. 3. Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. С. 138–148.

¹³⁶⁰ *Клюев Н.* Сердце единорога. С. 384.

¹³⁶¹ Там же. С. 543.

При публикации в текст вносились редакторские исправления. Начало 12 главы в публикации «Шквала» отличает не свойственная Иванову ирония по отношению к старице Александре: «...в моленьи **ей** первое место, и в раю, **надо думать рядом с Марией Египетской** место уже уготовано» (120)¹³⁶². В публикации четвертой главы в «Красной панораме» отмеченная тенденция сохраняется: создается отношение к раскольникам как к невежественным и жестоким людям. Ни о какой святости у них не может быть и речи, а потому исчезают рассказ о схимнике Платоне: *«Молился Платон в пещерах неустанно. Большим почетом пользовался, ходили многие за советами, — сам он двадцатый год в поляны не спускался. В день съедал сухарь, малую чашку воды выпивал»* (98) и т.п.

Сличение журнальных публикаций и текста повести, вошедшего в книгу, позволяет увидеть, что общий характер вносимой правки соотносился с тем представлением о религиозной жизни человека вообще, и о старообрядчестве в частности, которое утверждалось в обществе в 1920-е годы. Примерами могут послужить статьи, очерки и рассказы, которые печатались в 1926–1927 гг. в журнале «Безбожник», представляющие старообрядцев виновниками расстрела Иваново-Вознесенских ткачей в 1905 г.¹³⁶³, «бедовыми людьми», которые славились «поножовщиной» и после молитв «стенка на стенку шли»¹³⁶⁴. В рассказе «В лесах» и в очерке «В лесах и на болотах», заимствовавших заглавие знаменитого романа П. Мельникова (А. Печерского) «В лесах», читателя пугали либо зверским нравом женщин из скитов (рассказ старика Власа о том, как многих женщин, приходивших из деревни рожать в леса, «погубили» староверы¹³⁶⁵); либо их тяжелой судьбой: «Еще печальнее, бледнее, беспросветнее, в вечном недоедании, изнурении постом и молитвой и в возне с горшками и печкой

¹³⁶² Шквал. 1926. № 13. С. 4.

¹³⁶³ Путинцев Ф. Факты о старообрядцах // Безбожник. 1926. № 3. С. 5.

¹³⁶⁴ Горный А. В лесах // Безбожник. 1927. № 1. С. 17.

¹³⁶⁵ Там же.

проходит жизнь женщины-староверки»¹³⁶⁶. Радостно приветствовали авторы статей «молодняк, порывающей с богом» и идущий на смену «старческой дряхлости»¹³⁶⁷.

Анализ литературного контекста повести Иванова позволяет сделать ряд умозаключений о типологической общности произведений с беловодским сюжетом в русской литературе первой трети XX в. Обнаруженная нами в РГАЛИ авторизованная машинопись повести сибирского писателя М.П. Плотникова «Беловодье» была впервые напечатана в журнале «Сибирские огни» (2011. № 4). В предисловии к публикации нами была предпринята попытка выявить в литературе 1920-х гг. типологически близкие произведения, включающие мотивы поиска Беловодья. Таковыми оказались повести М. Плотникова «Беловодье» (конец 1924 – начало 1925 гг.), А. Караваевой «Золотой клюв» (1925), В. Шишкова «Алые сугробы» (1925), Вс. Иванова «Бегствующий остров» (1926), рассказ А. Платонова «Иван Жох» (начало 1927 г.)¹³⁶⁸. В работах второй половины 2010-х гг., посвященных теме Беловодья, современные исследователи, с опорой на названные нами художественные тексты 1920-х гг., выстраивают новые концепции, посвященные уже прозе 2-й половины XX в. – начала XXI в., выделяя, в частности, «беловодский метатекст» или «мифологему» в русской литературе¹³⁶⁹.

Появление произведений с беловодским сюжетом в литературе первой трети XX в. было вызвано к жизни определенными историческими и политическими реалиями.

Исследователями неоднократно отмечалось, что в предреволюционные и первые пореволюционные годы в русской литературе наблюдается

¹³⁶⁶ Там же. 1927. № 18. С. 11.

¹³⁶⁷ Там же.

¹³⁶⁸ *Панкова Е.А.* «Беловодье» Михаила Плотникова: Русская литература 1 трети XX века в поисках крестьянского рая // Сибирские огни. 2011. № 4. С. 133–139.

¹³⁶⁹ *Ковтун Н.В.* Беловодский метатекст в современной русской прозе (К постановке проблемы) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста. Тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX веков. М.: Флинта : Наука, 2015. С. 153–189; *Богумил Т.А.* Беловодье: легенда, мифологема, бренд // Культура и текст. 2018. № 3 (34). С. 89–101.

возвращение к народным представлениям о сокровенном Китеже-граде. То же можно сказать и о Беловодье. Однако при всей близости этих легендарных топосов, между ними имеются существенные различия. «Китежская легенда фиксирует момент “исхода”, – указывал А.И. Клибанов. – Беловодская легенда естественно дополнила Китежскую, как и “исход” должен быть дополнен “обетованной землей”. Ею и явилось Беловодье»¹³⁷⁰. В отличие от сокровенного града-Китежа, Беловодье представляет «земное царство с идеальным строем общественных отношений»¹³⁷¹. В 1910-е гг. печатаются романы уроженца Олонецкой губернии А. Чапыгина «Белый скит» (1913), сибиряков А. Новоселова «Беловодье» (1917), Г. Гребенщикова «Чураевы» (1 часть – 1917), а кроме того, очерки А. Новоселова «У старообрядцев Алтая» (1913), Г. Гребенщикова «Алтайская Русь» (1914) и др., включающие мотив поисков Беловодья¹³⁷². В середине 1920-х гг. в русской литературе вновь наблюдается обращение к названной теме. Отметим некоторые существенные отличия текстов 1910-х и 1920-х гг. Роман «Белый скит» и повесть «Беловодье» завершаются на том этапе странствия героев, когда после долгой и трудной дороги, тайными путями и неведомыми тропами, перед ними только открываются вдаль, реально или в предсмертном видении, церкви и белые колокольни праведной земли. Можно сказать, что главное в этих текстах – именно путь в Беловодье. Герои произведений, написанных в период нэпа, блудные дети своего времени, также отправляются в путь, в результате которого приходят в некое место, название которого прямо или косвенно указывает на Беловодье: Белый остров у Иванова, Бухтарминская долина у Плотникова и Каравасовой, Вечный Град-на-Дальней реке у Платонова – и начинают там строить новую жизнь. В каждом из данных произведений беловодская легенда представлена

¹³⁷⁰ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. С. 220.

¹³⁷¹ Там же. С. 221.

¹³⁷² Подробно о теме поиска Беловодья в повести А.Е. Новоселова и романе Г.Д. Гребенщикова см.: Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века. С. 238–250.

по-своему, но все они имеют близкую проблематику, а центральным является вопрос о «крестьянском царстве».

Завершающие повесть Плотникова слова: «Скоро умрет наивная вера в старую Беловодскую землю, ибо человечество на пути к новому Беловодью, более прекрасному и более реальному и близкому»¹³⁷³ – указывают, что появление в литературе 1920-х гг. образа Беловодья, было вызвано прежде всего произошедшей в 1917 г. революцией, результатом которой в России, да и, как ожидали тогда, в мире в целом, явится новое справедливое общество – коммунизм. Это идеальное общественное устройство идеологами новой власти описывалось во вполне конкретных экономических и социальных категориях «1) Это должно быть общество организованное, оно не должно иметь анархии производства, конкуренции частных предпринимателей, войн, кризисов. 2) Это должно быть общество бесклассовое, оно не должно состоять из вечно враждующих друг с другом половин, оно не может быть обществом, где один класс эксплуатируется другим классом. А таким обществом, в котором нет классов и где все производство организовано, может быть только товарищеское, трудовое коммунистическое общество»¹³⁷⁴. В то же время периодика пореволюционных лет и литература, отразившая этот период, показывают, что большая часть населения России, которое на 80% было крестьянским, понимала идеальное общество по-своему. Вспомним, например, разговор чевенгурских большевиков в романе Платонова «Чевенгур». «А что такое коммунизм, товарищ Чепурный? – спросил Жеев. – Кирей говорил мне – коммунизм был на одном острове в море, а Кеша – что будто коммунизм умные люди выдумали». Председатель ревкома Чепурный, который тоже плохо представляет себе коммунизм, отвечает: «Когда пролетариат живет себе один, то коммунизм у него сам выходит»¹³⁷⁵. Выскажем предположение, что Плотников, Шишков, Иванов и Платонов (о повести Каравасовой речь пойдет отдельно), создававшие свои

¹³⁷³ Плотников М. Беловодье // Сибирские огни. 2011. № 4. С. 154.

¹³⁷⁴ Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. С. 56.

¹³⁷⁵ Платонов А. Сочинения. Том третий. 1927–1929. С. 232.

произведения в середине 1920-х гг. и включавшие в них утопические легенды, не только отражали социальный идеал народа, но и обращались к новой власти с неким наказом скорректировать два идеальных образа.

Определенным рубежом на пути к новому обществу стал 1924 год – смерть В.И. Ленина. Намек на это содержится в повести Плотникова, где в начале пути в Беловодье умирает старец Кирилла, знающий дорогу, и «вождем» избирается инок Иосаф, которому она неведома. Предваряя «Обзоры политического состояния СССР» за первые месяцы 1924 г., редакторы издания «“Совершенно секретно”»: Лубянка – Сталину о положении в стране», отмечали, что этот «поворотный» год «занимает особое место в истории страны». 21 января ушел из жизни В.И. Ленин, и, как показывает «Обзор политического состояния СССР за январь», первые сообщения об этом «были ошеломляющими, вызвали плач, истерики и стихийные демонстрации, <...> чувствовалось опасение за судьбу РКП(б) и Советскую власть. <...> В связи со смертью Ленина возникли вопросы, в каком направлении будут развиваться государство, общество и экономика страны, какова будет судьба России и многонационального Союза республик, кто возглавит правящую партию»¹³⁷⁶. Обзоры за 1924 г. передают настроения крестьянства в различных районах страны: «выражается беспокойство, что положение крестьянства со смертью Ленина ухудшится» (январь)¹³⁷⁷; в связи с угрозой неурожая отмечаются «паника среди крестьян» и «рост религиозных настроений», «появление разного рода чудес», например «чудесного колодца», «чудес исцеления» (июнь)¹³⁷⁸; «слухи о гибели Советской власти, о скором приходе Николая Николаевича» (Романова) (август)¹³⁷⁹, агитация за «Советы без коммунистов» (сентябрь)¹³⁸⁰. О проблемах переходного времени в первые месяцы после смерти Ленина сообщала печать. Так, журнал «Красная новь» в номере 3 за 1924 г.

¹³⁷⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 2. 1924 год. С. 11.

¹³⁷⁷ Там же. С. 31.

¹³⁷⁸ Там же. С. 123, 144–145.

¹³⁷⁹ Там же. С. 174.

¹³⁸⁰ Там же. С. 202.

публикует очерк Макса Адлера «Владимир Ильич Ленин» (перепечатка из № 3 журнала «Der Kampf», перевод проф. Б.Ф. Адлера), где передается «впечатление стихийной катастрофы» в мире: «Ленин мертв! Ленин – на вершине своей исторически-мировой работы – скончался. Это казалось как бы крушением некой могучей стихии, разрушительной силы которой боялись одни и ей противодействовали, другие же с восторгом познали в ней силу, которая могла освободить жизнь для новых путей»¹³⁸¹. Автор признавал ряд «тяжелых ошибок» на этом пути, но подчеркивал, что Ленин «мог бы их преодолеть». После его ухода «большая задача выпала <...> наследникам Ленина. Да будет она им под силу!»¹³⁸². Краткий исторический обзор настроений начала 1924 г. завершим словами редактора «Красной нови» Воронского, напрямую связанными с нашей темой: «Товарищ Ленин оставил нас в сложных, противоречивых условиях общественной жизни <...>. Ленин сделал коммунизм вопросом дня, сделал его практической и тактической проблемой. Далекое стало близким, осязаемым, зримым, идеально-реальным. <...> Много грозных опасностей каждодневно, ежечасно, на каждом шагу подстерегают *палладинов новой земли обетованной* (курсив наш). Но мы уже в пути... <...> Возврата нам нет...»¹³⁸³.

В целом 1924 и 1925 гг. ознаменовалось усилением недовольства крестьянства по отношению к существующей в стране власти. В «Докладной записке секретного и информационного отделов ОГПУ [О политическом состоянии СССР]» от 17 февраля 1925 г. указывалось: «Рост политической активности и сознательности крестьянства и его способности к сопротивлению советской политике, <...> стихийное стремление к организационной защите своих интересов; обострение классовой борьбы, принявшее определенную форму террористических выступлений против советской общественности в деревне, <...> – вот те основные процессы, которые определяют современное крестьянское движение и которые при

¹³⁸¹ Адлер М. Владимир Ильич Ленин // Красная новь. 1924. № 2. С. 193.

¹³⁸² Там же. С. 200.

¹³⁸³ Воронский А.К. У склепа // Красная новь. 1924. № 1. С. 143.

дальнейшем развитии приведут в ряде районов к повстанческому движению. <...> Идея создания крестьянских союзов имеет тенденцию к установлению контроля над советским аппаратом и, как логическое завершение, к захвату власти»¹³⁸⁴. В докладе на собрании актива Ленинградской организации ВКП (б) в октябре 1927 г. Н.И. Бухарин вспоминал ситуацию в стране рубежа 1924–1925 гг.: «...у нас складывалось такое положение, что среди основной середняцкой *массы* крестьянства мы могли с полной несомненностью констатировать довольно широкое *недовольство*, которое выражалось в целом ряде иногда довольно острых политических фактов. <...> В то время среди середняцких слоев крестьянства в отдельных районах стала крепнуть идея самостоятельных “крестьянских союзов” в качестве политической партии крестьянства, противопоставлявшейся господствующей в нашей стране Коммунистической партии революционного рабочего класса. И, наконец, несколько ранее этого был целый ряд волнений среди крестьянства»¹³⁸⁵. Показательно, что именно в конце 1924 г. ОГПУ было начато следственное дело «Ордена русских фашистов», по которому арестовано 13 человек; 7 из них расстреляно 13 марта 1925 г. Главой Ордена был объявлен крестьянский поэт А. Ганин, автор тезисов «Мир и свой труд народам». «Всюду дикий, ничем не оправданный произвол и дикое издевательство над жизнью и трудом народа, над его духовно-историческими святынями, – говорится в тезисах. – Вот он – коммунистический рай!»¹³⁸⁶. И хотя в тезисах выдвигалась идея «великого земского собора», в заключении по следственному делу участникам Ордена было инкриминировано: «уничтожение в государстве российском марксизма», возвращение «владельцам всей конфискованной собственности», «террор над членами советского правительства» и т.п.¹³⁸⁷

¹³⁸⁴ «Совершенно секретно...»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 4. С. 318–319.

¹³⁸⁵ Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 317–318.

¹³⁸⁶ Цит. по: Куняев Ст., Куняев С. Растерзанные тени: Избранные страницы из «дел» 20–30 гг. ВЧК-ОГПУ-НКВД, заведенные на друзей, родных, литературных соратников, а также на литературных и политических врагов С. Есенина. М.: Голос, 1995. С. 27.

¹³⁸⁷ Там же. С. 54.

Чистов отмечал, что «социально-утопические идеи, настроения и движения возникают особенно активно и играют наиболее значительную роль в периоды кризисов общественных систем, на сломе исторических формаций»¹³⁸⁸. Созданная в XVIII в. народная легенда о Беловодье, по словам ученого, явилась соединением «энергии отчаяния и энергии надежд»¹³⁸⁹. В аналогичной ситуации в XX в. она вновь оказалось востребована.

Выделенные нами тексты 1920-х гг. с беловодской тематикой имеют сходную композицию, показывающую их связь с реалиями времени.

1. В первой части повествования у Плотникова, Шишкова и Платонова появляется возвышенный образ праведной земли: «А там, за высокими алмазными хребтами для незримых очей духовидцев горела куполами многих церквей земля древляя, земля правой веры, земля Беловодская и колокольным звоном многих звонниц звала к себе»¹³⁹⁰. Повесть «Алые сугробы» начинается со своего рода вступления – описания «диковинной страны» – Беловодья: «И в песнях про нее поется, и в сказках сказывается. В Сибири она, за Сибирью ли, или еще где-то. Сквозь надо пройти степи, горы, вековечную тайгу, все на восток, к солнцу, путь свой править». Не надо там «ни пахать, ни сеять», и «в цветистом большетравьи без конца, без счету стада пасутся – бери, владей». Кроме изобилия материальных благ, в этой стране сохраняется истинная вера и «вся воля, вся правда искони живет». Никакому царю эта страна не принадлежит: «Беловодье – ничье, Беловодье – божье»¹³⁹¹. Тема Беловодья заявлена в начале рассказа Платонова «Иван Жох»: «Благочестия ж нету в Москве – горит оно где-то в опоньской стране на Беловодье»¹³⁹². В образе Беловодья авторы подчеркивают не столько его богатство, сколько духовные составляющие: «благочестие», свободу, справедливость.

¹³⁸⁸ Чистов К.В. Русская народная утопия. С. 34.

¹³⁸⁹ Там же. С. 337.

¹³⁹⁰ Плотников М. Беловодье. С. 142.

¹³⁹¹ Шишков В. Алые сугробы. Харьков: Пролетарий, 1927. С. 23–24.

¹³⁹² Платонов А.П. Иван Жох // Платонов А.П. Сочинения. Том первый. 1918–1927. Книга первая. Рассказы. Стихотворения / гл. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 29.

Несколько особняком стоит повесть Караваяевой «Золотой клюв», сравнение ее с другими текстами проясняет своеобразие постановки проблемы разными писателями. В центре внимания Караваяевой не крестьянский мир, а представители рабочих, поэтому, представляя мировоззрение своих героев, писательница исключает религиозную составляющую образа Беловодья. Бергалы (рабочие) в повести «Золотой клюв» стремятся собственно не в Беловодье, а в вольный и богатый Бухтарминский край: «В Бухтарме все-е есть, чохошь. И лес, и пашня, и зверь, и золото... и... и... токмо рук не жалеи... <...> В Бухтарме все как все одно хозяева. <...> Горяча и приветна земля, певучи, обильны рыбой реки на Бухтарме...»¹³⁹³.

Действительно, Бухтарминская и Уймонская долины, как убедительно показал Чистов, «оказались между государственными границами России и Китая на нейтральной территории, интереса к которой не проявляло ни одно, ни другое правительство. <...> Несколько позже, возможно к концу XVIII в., слухи о существующей мужицкой земле, без чиновников и попов, достигли и европейских губерний. Есть сведения о том, что во второй половине XVIII в. эти две долины и назывались Беловодьем»¹³⁹⁴. В примечании к заглавию своей повести Плотников также указывает: «Таким Беловодьем оказался в XVIII столетии Бухтарминский край, где долгое время как старообрядцы, так и другие беглые, жили “сами по себе”, т.е. автономной республикой»¹³⁹⁵.

Иванов в повести «Бегствующий остров» тоже не называет Беловодье, но с опорой на известную легенду создает свою «сказку» о праведном Белом Острове (в повести использована и форма «Белоостровье») – тайном раскольничьем поселении. И слово «белый», и слово «остров» в ивановском топониме связаны с Беловодьем. На основе анализа сочинения Топозерского «Путешественник» Чистов указывал, что Беловодье имело островное

¹³⁹³ Караваяева А.А. Золотой клюв // Караваяева А.А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 74–75.

¹³⁹⁴ Чистов К.В. Русская народная утопия. С. 288.

¹³⁹⁵ Плотников М. Беловодье. С. 140.

положение. Слово «белый» в названии «Белый Остров» включает в себя тот же цветовой компонент, что и в «Беловодье», причем «часть “бело” <...> несомненно воспринималась не как название цвета, а связывалась с древним значением прилагательного белый <...> – “чистый, свободный от чего-либо, вольный”»¹³⁹⁶. Путь к Белому острову труден и уже сам по себе является испытанием. На Белый Остров раскольников, спасая их от самосожжения, готов вести из Ярославля некий работник Оглобля: «Есть дальше крепости Тюмень да ближе крепости Тобольск, середь топей, середь болот – Белый Остров... <...> Проход туда три недели в году по редким кочкам, да зимой по снежным вершинам кедров...» (95).

2) Вторым важным композиционным элементом становится дорога в Беловодье. Все авторы описывают сложность этого пути: «Неизведанными путями, нетореными дорогами пошел народ в землю Беловодскую из лесов Уральских, с заводов царских, от гонений за правую веру, минуя заставы крепкие и хитрость воеводскую»¹³⁹⁷. Путь в Беловодье становится основным содержанием повести Шишкова: два друга Афоня и Степан едут сначала на лошадях, потом на пароходе по Волге, потом на чугунке до Сибири и гор Алтая. Более других писателей Шишков подчеркивает, что путь в праведную землю – прежде всего нравственный путь души, «путь к идеальной общности через умаление “я” и выход к “другому”», путь «очищения» и «преображения»¹³⁹⁸. На этом фоне повесть Караваевой также выделяется: и во время пути, и в целом в произведении, акцент сделан на внешних, социальных препятствиях, затрудняющих путь в Бухтарму и не позволяющих достигшим ее людям остаться там. Подробно описано разнообразное начальство Колыванских заводов, которое объявляет розыск беглецов; в главе «Дело о девках» рассказана трагическая судьба семьи беглеца Маррея, в

¹³⁹⁶ Чистов К.В. Русская народная утопия. С. 292.

¹³⁹⁷ Плотников М. Беловодье. С. 142.

¹³⁹⁸ Кнорре (Константинова) Е.Ю. Китежане 1920-х: М. Пришвин, А. Мейер, М. Бахтин, А. Горский, Н. Сетницкий. «Творчество идеала» как модель самоопределения в социокультурной среде // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма / отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. М.: Индрик, 2016. С. 229–231.

страшной истории которой немалую роль играют жадные попы. Они же разрушают жизнь старообрядческой деревни Поздеевки.

В повести Иванова нравственная доминанта пути также не акцентируется, что, впрочем, можно объяснить личностью рассказчика – карманного вора, пьяницы и мечтателя Галкина. Десять лет идут раскольники, пока не добираются до заповедного места: «...на восток видно через речушку безназванную – топи, кочки, камыши, болота да скалы. <...> Поляны снежные за березовыми дубравами, чьи стволы блее снега» (96). В поэтический рассказ о пути к Белому Острову Иванов вводит элементы фольклорной образности: песню – «Как от Камы-реки...», заговор – «...будете вы ровнять снег, чтобы не было ни следов, ни полей, ни памяти людей...» (96), который закрывает дорогу на Белоостровье.

3) Рассматривая следующий элемент композиции беловодских текстов, можно увидеть, что авторы описывают некое преобразование идеала: образ праведной земли принимает обличье богатой земли, где и остаются странники. Наиболее ярко это подмена вечного временным представлена у Плотникова: после долгого пути «тридцать душ пришло на землю новую». Самый старый из них объявляет народу: «...теперь нам надо наше житье временное обсудить. Шли мы сотовариществом, как одна семья, людно. Земля здесь большая и свободная, места много. <...> Жить мы будем сотовариществом, дела наши решать миром. <...> Кто жаждет пустынного житья, пусть идет с Богом за наши грехи молиться»¹³⁹⁹. Люди селятся по рекам Бухтарме, Белой, Ясной, радостно встречают живущих на реке Ульбе староверов; добывают соболей, пахут земли. Только инок Иосаф не устает напоминать об истинной цели – пути в «настоящее Беловодье», предостерегает, что «народ на здешней земле обживется и о земле Беловодской забудет»¹⁴⁰⁰. Действительно, начинается «волчья жизнь,

¹³⁹⁹ Плотников М. Беловодье. С. 144.

¹⁴⁰⁰ Там же.

тяжелая, но вольная», и народ забывает о Беловодье¹⁴⁰¹. Постепенно на новой земле появляются старые потребности: нет соли, и старые страсти: нужны бабы. С приходом других людей, новая земля приобретает все больше черт старой: «Множились люди за Камнем, но не множилась вера истинная в людях... <...> Множились люди худые, заводились ссоры да распри, доходило дело до схваток и ножей. Заводские крестьяне, беглые солдаты, тати, воры, разбойники-душегубцы верх взяли и мутили народ»¹⁴⁰². Господь посылает неурожай и голод. Попытка просить помощи в земле китайской остается безуспешной. В главе «Конец Бухтарминской вольницы» показано, как под ударами и извне – приходит партия горных рабочих с начальством, и изнутри – побеждает «злой, буйный и неартельный народ»¹⁴⁰³, гибнет свободная Бухтарма.

По-другому строится повесть Шишкова «Алые сугробы», но и здесь присутствует антитеза «вечное – временное». Так же, как в других беловодских текстах 1920-х гг., герой ее не доходит до настоящего Беловодья, а попадает в некое место, о котором рассказывает спасший его татарин: «Земля шибко якши тут... Ай-яй, какой земля, самый хорош. Работать мало-мало можна, денга колотить можна»¹⁴⁰⁴. «...Афоня почти находит райскую землю лишь в больном бреду, – отмечает Т.А. Богумил, – а в реальности – пусть и хорошую землю, но не Беловодье»¹⁴⁰⁵. Однако Шишков не дает читателю увидеть «конец» этой земли: «волна ликующей радости» охватывает спасенного Афоню, о дальнейшем писатель умалчивает. Намеком на судьбу благословенной земли, на губительное вмешательство земных страстей и грехов звучат слова Афоня в середине повести: «Я все думаю. Деда-прадеды эту землю-то праведную спокон веку, сказывают, искали – не нашли. Вот уж, кажись, тут и есть, уж звоны слышны

¹⁴⁰¹ Там же. С. 145.

¹⁴⁰² Там же. С. 149.

¹⁴⁰³ Там же. С. 153.

¹⁴⁰⁴ Шишков В. *Алые сугробы*. С. 95.

¹⁴⁰⁵ Богумил Т.А. *Алтай в биографии В.Я. Шишкова // Имагология и компаративистика*. 2020. № 13. С. 134.

колокольные. Только бы выйти – ан нет, лукавый сомутил: грех вышел, перегрызлись деды, и – прощай, земля святая!»¹⁴⁰⁶.

Такое противопоставление временного и вечного отсутствует в повести Караваевой. В главе «Бухтарма показано, как беглецы строят себе избы, шьют теплую одежду из пушнины, строгают лыжи для охоты, приносят жирную медвежатину. Но начинаются раздоры: «Думы пошли в разные стороны, стали искать себе разных троп и извилин, идя каждая по своему пути». Одни «ладят себе жизнь по-крестьянски, крепко, истово, рассчитывая на года». Однако рудничные рабочие и ссыльные «отвыкли от тихого ладу»: они не хотят работать «на каменном лоне земли», «забавы было мало», и прежде всего баб¹⁴⁰⁷. И в повести Караваевой появляются те, кто предлагает идти дальше, но это дальнее место представлено не как истинное и праведное («Беловодье»), а лишь как более надежное, защищенное от внешних врагов и, конечно, богатое. Один из рабочих, Аким, рассказывает «про город Аблайкит»: «Жило тамо племя како-то богатеющее... И пришла к им болеть злая... Померли от ее все, а богачества оставили в погребах глубоких... Богачеств на всю жисть хватит...»¹⁴⁰⁸ Ему вторит главный герой повести Степан: «Надо на дальние места уйти, ежели здесь воля обманная, в Аблайкит, што ль, и надо там совсем внове жисть строить, а то ничевошеньки не выйdet»¹⁴⁰⁹.

Повествователь в рассказе Платонова, по сути, говорит о том же процессе превращения вечного во временное. В последней части текста появляется образ «преуспевающего раскольничьего скита»: «У сибирских староверов он известен под именем Вечного Града-на-Дальней реке». Созданный в XVIII в., он и в 1919 г. живет в большом «достатке и благополучии»¹⁴¹⁰. Был в Вечном Граде игумен Георгий, обладавший «одиноким восторженным и свежим сердцем», который написал

¹⁴⁰⁶ Шишков В. Алые сутробы. С. 60.

¹⁴⁰⁷ Караваева А.А. Золотой клюв. С. 254–254.

¹⁴⁰⁸ Там же. С. 264.

¹⁴⁰⁹ Там же. С. 265–266.

¹⁴¹⁰ Платонов А. Иван Жох. С. 39–40.

философскую книгу о «ненарушимом покое тайги», но в целом раскольничья столица тоже живет по законам старой жизни: «Наверное, богатство и было настоящей силой, что влекла сюда исконных раскольничьих людей? <...> Все прочее – вера в правильность двуперстного сложения руки, осьмиконечный крест, борода и другое – было так лишь для признака дружной хозяйственной жизни. А этот Георгий – случайность, так сказать, жемчужина мечты в том царстве покойного богатства и сытой жизни, что вы прозвали Вечным Градом-на-Дальней реке?»¹⁴¹¹.

Герои повести Иванова достигают Белого Острова и тоже создают там свое «земное царство». Несмотря на «изобилие благ земных»¹⁴¹², как указывает Клибанов, Беловодье «не являлось царством веселия и безделия»: жизнь в Беловодье проходила в молитвах и служении вере. Так и у Иванова: на «недоступных холодных водах» селятся раскольники, ставят молитвенный дом, кто-то рубит дома и поднимает пашни, праведники живут на горе Благодати схимниками-пустынниками (97). Но – нужны ружья и порох, и начинается торговля с зырянами села Черно-Ореховое. Постепенно возрастают земные страсти: появляется честолюбие у Гавриила-юноши, мечтающего о киновиаршестве; от радости, что «в Руси царя нет» и старая вера воротилась, среди схимников начинается «блуд неудержимый»; молодые, в том числе и дочь кроткой старицы Александры-киновиарх, хотят в «мир» уйти (95–117). Как и Плотников, Иванов вводит мотив утраты веры: в новой России «религию отделили, так сказать, как гнилой ломоть» (126); «...старую веру покрушили», (128) – горюет старица Александра. Очевидно, что слова «старая» и «новая» вера имели для писателей 1920-х гг. символический смысл и связаны были не столько с расколом XVII века, сколько с наблюдаемым в XX веке «расколом» традиционной русской жизни.

Однако Иванов, в отличие от других авторов, показывает еще один социальный идеал, в сравнении с которым народный, пусть и искаженный

¹⁴¹¹ Там же. С. 40.

¹⁴¹² Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. С. 221.

человеческими страстями, выглядит неизмеримо привлекательнее. В главе 13 описано новое общественное устройство – пореволюционный Тобольск: «По лику – Русь, а по одеже – чисто черти <...>. А девки стриженные, юбки в насмешку над верой колоколом сшиты» (122–123); «Нет, матушка, в этом городе епископов. Был один, да пристрелили. <...> И игумны, матушка, все сбежали, и то и пристрелены. <...> В церквах-то попы не знают, что и служить» (124). В повести Иванова Беловодье (Белый Остров) по-прежнему остается образом недостижимой мечты: в тайге бушует пожар, погибают Три Сосны – Три Святителя, но часть раскольников возвращается из Тобольска в свою обитель: «А через недельку и топи открылись. Ну, теперь и попробуй, попади на Белый Остров» (129).

4) Финалы всех названных произведений различны, каждый автор акцентирует свое понимание проблемы достижения социального идеала.

Несмотря на победу «временного», «настоящее» Беловодье, народный крестьянский идеал, не уходит из поля зрения персонажей повести Плотникова. В финале инок Иосаф обвиняет «маломощных» людей, которые «самое великое продали за чечевичную похлебку», и призывает не покоряться ни царице, ни собственной слабости: «Слышите, как бухает тысячный колокол. Это в Беловодье, а оно недалече. Вижу я незримыми очами эту страну... <...> Братья, кто не боится трудов великих, пойдем со мной в ту землю свободную. Мы найдем ее»¹⁴¹³. Многие, «отринув «земное», «снарядились в дальний путь»¹⁴¹⁴. Троекратно повторенное слово «дальний» сменяется антитезой: «...человечество на путях к новому Беловодью, более прекрасному и реальному и близкому»¹⁴¹⁵, что, как нам представляется, вновь возвращает к противопоставлению «вечное – временное» и подчеркивает, что если новый социальный идеал – коммунизм – все же, по мнению, автора, воплотится в жизнь в недалеком будущем, то долгий путь к подлинному идеалу справедливой, праведной и чистой жизни еще впереди.

¹⁴¹³ Плотников М. Беловодье. С. 153.

¹⁴¹⁴ Там же. С. 153.

¹⁴¹⁵ Там же.

Шишков в повести «Алые сугробы», не вводя образа нового пути, дает свой финал рассказу о поисках Беловодской земли. Настоящее Беловодье здесь, среди людей, которые открывают другим свою добрую душу: «Двух коней тебе дам: все равно зверь, все равно ветер... Вот какой... На! Денга не надо... Помогать надо»¹⁴¹⁶.

Еще один вариант понимания символического образа Беловодья предлагает Платонов в рассказе «Иван Жох». Правнук Ивана Жоха в 1919 г. отправляется к генералу Деникину «драться с красными». Избранный им путь тоже лежит к настоящему идеалу, и на вопрос «за что драться?» Кузьма Сорокин отвечает: «За веру, за Вечный Град, за тишину истории». Однако этот путь ведет в тупик: Сорокина убивает «таманский командир в камере армавирской тюрьмы в 1920 г.»¹⁴¹⁷. Путем насилия и убийства, как показывает автор, прийти к обетованной земле невозможно.

Далеко не случайно, как нам представляется, и Иванов вводит в повесть с беловодским сюжетом тему пролитой крови. Эта тема всегда сопровождает в его произведениях 1920-х гг. появление образа обетованной земли. В «Цветных ветрах» мужик Каллистрат поведет с комиссаром Никитиным разговор о ненужности кровопролития. Легенда, завершающая роман «Голубые пески», о золотой дороге, ведущей к счастью, заканчивается словами: «Все они расшиблись, и на голубых песках было много крови»¹⁴¹⁸. Еще в романе Чапыгина, написанном в предвоенном, 1913 г., герой, Афонька Крень, проливший кровь родного брата, отправляясь в Белый скит «к Божьему берегу», задается вопросом: «Раб Афанасий! Ушел ты, а муки за кровь человеческую не приял?...»¹⁴¹⁹. Страшный вопрос, достигнет ли праведной земли человек, проливший кровь, в той или иной форме зададут в 1920-е гг. многие современники Иванова.

¹⁴¹⁶ Шишков Вяч. *Алые сугробы*. С. 95.

¹⁴¹⁷ Платонов А. *Иван Жох*. С. 41.

¹⁴¹⁸ Иванов Вс. *Голубые пески*. М.-Пг., 1923. С. 318.

¹⁴¹⁹ Чапыгин А. *Белый скит*. Л.; М.: Ленгихл, 1932. С. 157.

Новому идеалу, жизни, отмеченной насилием и безверием, и уходящему идеалу праведной жизни, так и не осуществившемуся, Иванов противопоставляет, на первый взгляд, частную историю о губпродкомиссаре Василии Запусе и раскольничьей девушке Саше. Вначале Запус – лихой матрос, который, узнав о Белом острове, прикидывает, сколько можно продналогу собрать с раскольников, да и матросы не случайно говорят об «индивидуальном терроре» (108, 110). Переломным моментом оказывается встреча с Сашей, после которой Иванов рисует преображенную, как в сказке, жизнь Запуса. Вернувшись в Тобольск и узнав о пришедших раскольниках, продкомиссар едет им навстречу: «...раньше бы Запус к раскольникам на автомобиле шарахнул, надымил бы, языком наvertsел, а тут сел он на своего голубого коня и не спеша – шапку на брови – отправился» (126).

Финал повести Иванова «Бегствующий остров» и всей книги «Тайное тайных» сложен и требует внимательного прочтения. Глава XIV, которая, исходя из хронологии описанных событий, должна бы стать заключительной в повести, начинается так: «Я не манерничаю, переставляя главу: она должна быть последней. Но мне не хочется кончать нашу повесть мелкой встречей моей с шулером, болтуном и карманным воришкой Галкиным» (125). Три последующие главы, XV–XVII, вновь обращают внимание читателя к судьбе обитатели Белый остров. В результате такого композиционного приема книга «Тайное тайных» завершается не описанием безрадостных реалий преображенной нэповской России, а рассказом о Белом острове. В XVI главу автором введено несколько антиномичных символических образов, которые могут быть прочитаны по-разному. Глава открывается словами мужиков о разверстке и восстании, далее следует рассказ о срубленных Трех Святителях и мертвом раскольнике Гаврииле, которого везут из Тобольска хоронить на Белый остров. Драматизм повествования смягчается описанием наступившей весны и пробуждающейся жизни: «По утрам-то подтаивало, в полдни-то пар голубой над полянами курился. Береза – самое теплое дерево – стволами, как огнем, прожигала снега. Листья прошлогодние на снегу показались, скоро до

земли дойдет солнышко-то. <...> Подале, влево в камышах прошел, легко ломая льдистую траву, какой-то зверь. В пустыне у него свое логово и свои детеныши – вот и спешит туда» (128). По контрасту с весенним пробуждением к жизни в природном мире, мир людей прежней веры находится во власти смерти: «Тоска-то на ней, на старице, как тень на воде – лежит, да не тонет. Вернулась она опять в избенку, пристальнее пригляделась к спящим-то. А ведь верно сказали мужики-то на постоялом: сплошь старики остались; который хоть и молодой, да дряблее старика. Лица строгие, будто у мертвецов, щеки провалились, и будто бороды-то чужие. Еще тяжелей ей стало» (128). И здесь же выстраивается другой символический ряд: страшный пожар в тайге, уничтожающий все живое, и сохранившийся в целостности Белый благословенный остров, до которого теперь вовек не добраться чужим людям. В завершающей главе повести соединены реалии, относящиеся к двум разным мирам – прежнему и новому: комиссар Запус сидит в «светелке», рядом с ним Саша в сарафане, они пьют чай; в этот обретенный дом приходит мать девушки, тихая старица Александра, киновиарх раскольничьей обители Белого острова, и заводит речь о детях.

Открывавшая книгу «Тайное тайных» тема блудного сына (рассказ «Жизнь Смокотинина») вроде бы находит свое завершение: герои обретают Дом. Кажется, и автор, Вс. Иванов, верит в возможность соединения двух социальных идеалов и сохранения традиционных основ национальной жизни. В то же время заканчивается книга словами о мучительном и долгом пути, ожидающем впереди: «Мука-то не оттуда начинается, мука начинается с другого... Поживешь поездишь, посвистит тебе ветер в уши, ну, глядишь, и поймешь» (130). Открытым финалом своей главной книги Иванов как бы приглашал современников к размышлению над сложными проблемами пореволюционной русской жизни: об истинной народной власти, о крестьянской жизни, о вере.

Возвращаясь к сопоставлению произведений 1920-х гг. с беловодской тематикой, отметим их важную черту: причины того, что герои не достигают

истинного Беловодья, писатели Плотников, Шишков, Платонов и Иванов склонны искать в людях, не умеющих жить праведно, сохраняющих в душах старые страсти и помыслы, не останавливающихся перед пролитием крови. Лишь в повести «Золотой клюв» помимо внутренних причин: «А жить умели, скажешь? Лад, скажешь, был крепкой? По пруту каждой тянул... Жить не умели...»¹⁴²⁰ – огромное значение имеют внешние обстоятельства (не удается похищение Степаном дорогой ему Вериньки: ставшая замужней обеспеченной женщиной, она предает своего бывшего возлюбленного) и внешние враги – все то же начальство Колыванских заводов, богатые люди, «дворяне, купцы, попы», которые «на горстку людскую чисто как войной пошли»¹⁴²¹. В последней главе повести Караваевой, «Предтечи будущих веков», проводится параллель между прежними, неудачными попытками народа обрести счастливую жизнь и новым, пореволюционным временем. Караваева убеждена, что когда «тучей пойдет народушко», когда «лиходеи» «дворяне, купцы и попы» будут разбиты «страшной силой»¹⁴²², когда «будем все хозяева», «и жисть тогда будет правдишна-а»¹⁴²³. Плотников, Иванов и Шишков, как нам представляется, видели, что все гораздо сложнее, что достижение подлинного, праведного общественного идеала больше зависит от внутренних, чем от внешних обстоятельств, что ему предшествует долгий духовный путь нравственного совершенствования.

Должно быть, поэтому так по-разному сложились и судьбы произведений этих разных писателей. Повесть Караваевой в советский период издавалась и переиздавалась, не вызывая нареканий. В то время как отказ журнала «Красная новь» в конце 1925 г, в публикации повести Плотникова и категоричная резолюция тогдашнего главного редактора Ф. Раскольникова: «Не подходит»¹⁴²⁴; оценка советскими критиками повести

¹⁴²⁰ Караваева А. Золотой клюв. С. 323.

¹⁴²¹ Там же.

¹⁴²² Там же.

¹⁴²³ Там же. С. 254.

¹⁴²⁴ Цит. по: Папкова Е.А. «Беловодье» Михаила Плотникова. Русская литература 1-й трети XX в. в поисках крестьянского рая. С. 134.

Шишкова как далекой от «марксистской мысли»; слова критика Б. Брайниной о творчестве Иванова: «...он воспеваает в революции только анархо-стихийное, глубинное, подсознательное, какое-то хрестьянско-крестьянское смутное искание правды, искание пресловутого града Китежа, легендарного мужицкого рая»¹⁴²⁵, показывают, что идеи писателей были абсолютно чужды идеологам новой «обетованной земли».

Подводя итоги, отметим, что историко-политические, культурно-философские и биографические контексты во многом определили типологическое сходство героев, проблематику и поэтику ряда произведений Иванова. На протяжении всего рассматриваемого периода творчества персонажами их часто становились странники и правдоискатели, мечтавшие о спасении мира, о далеких «спокойных» и хлебородных землях, утопические легенды о которых писались с опорой на фольклорные источники. В 1920-е гг. русскими писателями, в том числе и Ивановым, был создан комплекс произведений с близкой поэтикой, опирающихся на народную утопическую легенду о Беловодье, которые были вызваны к жизни как непосредственно революцией, так и пореволюционными событиями, в частности – сомнениями в правильности реальной власти в стране и стремлениями к народной, прежде всего крестьянской власти. В завершающей «Тайное тайных» повести «Бегствующий остров» Всеволод Иванов предпринял попытку скорректировать два социальных идеала: утверждаемые новой властью социализм и коммунизм и русский народный утопический идеал праведной и справедливой земли.

¹⁴²⁵ Брайнина Б.Я. На перевале: Всеволод Иванов за 1930 год // Литература и искусство. 1931. № 2–3. С. 118.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение новых фактов биографии Всеволода Иванова и неизвестных ранее произведений писателя, прежде всего относящихся к сибирскому периоду, которые недавно введены в научный оборот, а также исторических, политических, философских, культурных, литературных и реальных контекстов его известных прозаических и драматургических текстов, освобожденных от цензурной правки 1930–1950-х гг., таких, как особенно значимые для 1920-х гг. повесть и пьеса «Бронепоезд 14-69» и книга «Тайное тайных», дали возможность прийти к следующим выводам.

Путь Иванова в большую русскую литературу начался задолго до его приезда в 1921 г. в Петроград и публикации повести «Партизаны». Мироззрение и творческие принципы писателя формировались в период с конца 1915 до начала 1921 гг., ознаменованный крупнейшими событиями в истории России, такими, как Первая мировая война, революция 1917 г., Гражданская война, сопровождавшаяся в Сибири сменой разных правительств. Неизвестные ранее факты биографии писателя, связанные с этими событиями, во многом определили ключевые темы и направления творчества Иванова 1910–1920-х гг.

Близкое знакомство Иванова с движением сибирского областничества, непростой диалог с А.М. Горьким, который писатель вел с середины 1910-х гг., влияние новокрестьянских писателей, проявившееся в разработке тем и мотивов земли и железа, сокровенного слова, материнской правды, народного утопического идеала, нашли отражение и в первых книгах писателя – «Зеленое пламя. Рассказы и сказки», «Рассказы» и «Рогульки», и в книге 1926 г. «Тайное тайных». Интерес Иванова к политическим и философским спорам о Востоке и Западе как направлениях сначала пути развития Сибири, а затем и пути развития страны, – спорам, которые начались в предреволюционные годы и активно продолжились после революции, прослеживается в 1910-е гг. в сибирских легендах, а в 1920-е – в романе «Голубые пески» и повести «Возвращение Будды».

Целая группа произведений Иванова: политические статьи, очерки и памфлеты из газеты «Вперед», «очерки фронта» «У черты», фрагменты неоконченной повести «Фарфоровая избушка», повести «Партизаны» и «Гибель Железной», повесть, пьеса и сценарий «Бронепоезд 14-69», а также автобиографические рассказы 1920-х гг. – передают его впечатления от непосредственного участия в Гражданской войне сначала на стороне «красных», а потом на стороне «белых», общения с партийной и творческой интеллигенцией Кургана и Омска, а на «белом» фронте – с казаками и крестьянами Сибирского казачьего войска. Все это дало возможность писателю увидеть правду и заблуждения разных противостоящих друг другу сил, понять трагизм и бессмысленность Гражданской войны и одновременно ее высший смысл, проявившийся в защите родной земли от интервентов.

В книге «Тайное тайных» Ивановым сделана попытка изобразить глубокий духовный кризис народной жизни и народной души, вызванный революцией, Гражданской войной и нэпом, наметить сложный и мучительный поиск истинного исторического пути крестьянской страны. Глубокое знание народных утопических легенд и изучение дискуссий политиков и идеологов об идеальном общественном устройстве, о вопросах духовной опоры человека в период исторических катаклизмов нашло отражение в завершающей книгу повести «Бегствующий остров», где Иванов, как и другие писатели-современники, рассматривал возможность скорректировать два социальных идеала: утверждаемые новой властью социализм и коммунизм и русский народный утопический идеал праведной и справедливой земли, воплотившийся в легенде о Беловодье.

Проанализированные в диссертации контексты творчества Иванова определили разработку важнейших тем, проблематику, выбор героев, сюжетов и приемов поэтики в произведениях 1910–1920-х гг. Представляется перспективным распространить предложенную методологию анализа на более поздние периоды творчества писателя.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные источники

1. *Иванов Вс.* Автобиография. Автограф (Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2118. Оп. 1. Ед. хр. 92).
2. *Иванов Вс.* Анкета. Автограф на бланке (Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 293).
3. *Иванов Вс.* Бронепоезд 14-69. Пьеса. Машинопись с правкой и пометами разных лиц (РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 1264).
4. *Иванов Вс.* Бронепоезд 14-69. Пьеса. Машинопись (Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 93. Ед. хр. 1179).
5. *Иванов Вс.* Бронепоезд 14-69. Литературный сценарий. Машинопись (РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 1086).
6. *Иванов Вс.* Бронепоезд 14-69. Литературный сценарий. Машинопись (РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 4. Ед. хр. 2509).
7. <*Иванов Вс.*> Вагон № 203125. Машинопись (ИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 270).
8. *Иванов Вс.* Гордость Сибири Антон Сорокин. Лирическая потрясающая трагедия, а может быть, и памфлет в вольных стихах Всеволода Иванова (по секрету, только для умных, трагедия написана по заказу Антона Сорокина в 1918 г.). Машинопись (ИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 365).
9. *Иванов Вс.* Жаурын-кора. Автограф (Омский музей краеведения. Архив П.Л. Драверта. 8513/3436).
10. *Иванов Вс.* Защитник и подсудимый // День служащих. Курган, 1916. 19 февр. С. 5. Печатное издание (Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 4251к/4365)
11. *Иванов Вс.* История моих книг. Автографы и машинописи (Архив Вс. Иванова, Москва).
12. *Иванов Вс.* Письма К.Н. Урманову. Автографы (Городской центр истории Новосибирской книги имени Н.П. Литвинова. ПФ – КУ. Оп. 11. Ед. хр. 3–16).
13. *Иванов Вс.* Письмо И.В. Сталину. Авторизованная машинопись (Архив Вс. Иванова, Москва).
14. *Иванов Вс.* Письмо К.А. Федину. Автограф (Государственный музей К.А. Федина. № 35853).
15. *Иванов Вс.* По тропинке бедствий. 25 лет. Воспоминания. Машинопись (Архив Вс. Иванова, Москва).

16. <Иванов Вс.> По-прежнему стоял поезд. Автограф и машинопись с правкой (ИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 205).
17. *Иванов Вс.* Сумерки жизни (Отрывок из повести «Мертвые петли») // День служащих. Курган, 1916. 19 февр. С. 2. Печатное издание (ГАКО. Ф. 4251к/4365).
18. *Иванов-Тараканов Вс.* Зеленое пламя. Рассказы и сказки. 1916–1917. Курган-Омск. Самодельная книга (Архив Вс. Иванова, Москва).
19. *Тараканов Вс.* Рассказы. Омск, 1919. Самодельная книга (Архив Вс. Иванова, Москва).
20. *Тараканов Вс.* Рогульки. Печатное издание (Архив Вс. Иванова, Москва).
21. Согры. Омск, 1918. 5 апреля. Печатное издание (Государственный архив Новосибирской области (ГАНО) Ф. Р-272. Оп. 1. Ед. хр. 212).
22. Переписка Вс. Иванова и А.М. Горького. Автографы (Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. КГ-п-30-1-12 – КГ-п-30-1-24; ПГ-рл-17-3-8 – ПГ-рл-17-3-10; ПГ-рл-17-3-22 – ПГ-рл-17-3-24; ПГ-рл-17-3-27).
23. *Анов Н.* Сколько было Всеволодов Ивановых. Авторизованная машинопись (ГАНО. Ф. Р-272. Оп. 1. Ед. хр. 210).
24. *Блейман М.Ю.* Бронепоезд 14-69. Сценарий. Машинопись (РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 4. Ед. хр. 2500).
25. *Иванова Т.В.* Вечности заложник. Машинопись с авторской правкой (Архив Т.В. Ивановой, Москва).
26. *Оленич-Гнененко А.П.* Всеволод Иванов и Антон Сорокин (Воспоминания). Машинопись (ГАНО. Ф. Р-272. Оп. 1. Ед. хр. 197).
27. *Файнциммер А.М.* Бронепоезд 14-69. Режиссерский сценарий. Машинопись (РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 4. Ед. хр. 2501).
28. *Четвериков Б.* Стежки-дорожки. Воспоминания. Машинопись (Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 847. Не разобран).
29. Документы газеты «Вперед» (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 952. Оп. 1. Ед. хр. 245).
30. Омский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы и резолюции. 1917 г. (ИАОО. Ф. Р-622. Оп. 1. Ед. хр. 1).

Печатные источники

І. Произведения Вс. Иванова

31. *Иванов Вс.* В святую ночь // Народная газета (Курган). 1915. 26 дек. С. 681.

32. <Иванов Вс.> По краю. Курган // Приишимье (Петропавловск). 1916. 5, 30 янв., 5 мая, 30 июля, 26 авг. С. 2. Подпись: *Вс. Савицкий*; 1916. 2, 8 сент. С. 2. Подпись: *Вс.-ов.*; 1916. 18, 21 сент. С. 2. Подпись: *Всеволод-ов*; 1916. 19, 26 нояб. С. 3. Подпись: *Вс. Шатун.*
33. *Иванов Вс.* Вертельщик Семен // Народная газета (Курган). 1916. 20 окт. С. 845–848.
34. *Иванов Вс.* В зареве пожара // Там же. 1916. 25 дек. С. 1039–1043.
35. *Иванов Вс.* Библиография. «СИБИРСКИЕ ЗАПИСКИ». Январь 1917 г. // Степная речь (Петропавловск). 1917. 15 февр. С. 3.
36. *Иванов Вс.* Война и отражение ее в частушках // Там же. 1917. 23 февр. С. 3.
37. *Иванов Вс.* О кооперативном издательстве писателей-рабочих // Дело Сибири (Омск). 1918. 26 сент. С. 1.
38. <Иванов Вс.>. Отверни лицо твое // Заря (Омск). 1919. 7 янв. С. 1. Подпись: *Вс. Иванов-Тараканов.*
39. <Иванов Вс.> Моль // Там же. 23 февр. С. 4. Подпись: *Всеv. Тараканов.*
40. <Иванов Вс.> В деревне // Там же. 1 марта. С. 4. Подпись: *Вс. Иванов-Тараканов.*
41. <Иванов Вс.> Письма из Омска // Земля и труд (Курган). 1919. 22 марта. С. 3. Подпись: *Вс. Тараканов.*
42. <Иванов Вс.> Атаман Вершинин (Из сибирских казачьих сказаний) // Единая Россия (Омск). 1919. № 6. С. 1–5. Подпись: *Г. Тасин.*
43. <Иванов Вс.> Спичка // Земля и труд. 23 июля. С. 2. Подпись: *Вс. Тараканов.*
44. <Иванов Вс.> Джатаки // Друг кооператора (Курган). 1919. № 5–6. С. 14–31. Подпись: *Вс. Тараканов.*
45. <Иванов Вс.> Господин Мартынов // Вперед (Омск). 1919. 27 июля. С. 2. Подпись: *Иван Лыков.*
46. *Иванов Вс.* Петропавловск (Стихотворение в прозе) // Там же. 22 авг. С. 1.
47. <Иванов Вс.> Живая легенда (Разговор в вагоне) // Там же. 24 авг. С. 2. Подпись: *Вс. Тараканов.*
48. *Иванов Всеv.* Жизнь и смерть // Там же. 27 авг. С. 1.
49. *Иванов Всеv.* Глухомань // Там же. 3 сент. С. 1.
50. <Иванов Вс.> Четыре подвига. Живые картины // Там же. 6 сент. С. 2. Подпись: *Лыков Иван.*
51. <Иванов Вс.> Как они коммуны устроили: Сказка // Там же. 7 сент. С. 2. Подпись: *Лыков Иван.*

52. <Иванов Вс.> Одичавшие: Рассказ // Там же. 9 сент. С. 2; 10 сент. С. 2.
Подпись: *Всеv. Тараканов.*
53. <Иванов Вс.> Ждут // Там же. 13 сент. С. 1. Подпись: *Всеv. Тараканов.*
54. <Иванов Вс.> Осень // Сибирский казак (Омск). 1919. 13 сент. С. 2–3. Подпись:
Вс. Тараканов.
55. <Иванов Вс.> Однажды осенью... // Вперед. 1919. 14 сент. С. 2. Подпись:
Лыков Иван.
56. <Иванов Вс.> Накануне // Там же. 17 сент. С. 1. Подпись: *Всеv. Тараканов.*
57. <Иванов Вс.> Царь-Голод // Там же. 19 сент. С. 1. Подпись: *Всеv. Тараканов.*
58. <Иванов Вс.> Болтушка // Сибирский казак. 1919. 19 сент. С. 1. Подпись: *В.
Тараканов.*
59. <Иванов Вс.> Цепи страдания // Вперед. 1919. 20 сент. С. 1. Подпись: *Всеv.
Тараканов.*
60. <Иванов Вс.> Антипка (Сказка) // Там же. 20 сент. С. 2. Подпись: *Лыков Иван.*
61. *Иванов Вс.* Земское совещание // Там же. 21 сент. С. 1.
62. <Иванов Вс.> Уральцы // Сибирский казак. 1919. 21 сент. С. 2. Подпись: *Вс.
Тараканов.*
63. <Иванов Вс.> У черты (Очерки фронта) // Сибирский казак. 1919. 23 сент. С. 2–
3. Подпись: *В. Тараканов.*
64. <Иванов Вс.> Узы дружбы // Вперед. 1919. 26 сент. С. 1. Подпись: *Всеv.
Тараканов.*
65. <Иванов Вс.> У черты (Очерки фронта) // Сибирский казак. 1919. 27 сент. С. 2–
3. Подпись: *Вс. Тараканов.*
66. <Иванов Вс.> У черты (Очерки фронта) // Там же. 30 сент. С. 2–3. Подпись: *Вс.
Тараканов.*
67. <Иванов Вс.> У черты (Очерки фронта) // Там же. 4 окт. С. 2. Подпись: *В.
Тараканов.*
68. <Иванов Вс.> У черты (Очерки с фронта) // Там же. 7 окт. С. 2–3. Подпись:
Всеv. Тараканов.
69. <Иванов Вс.> Они же // Вперед. 1919. 14 окт. С. 2. Подпись: *Лыков Иван.*
70. <Иванов Вс.> «Ходи» и «капитана» // Там же. 16 окт. С. 2. Подпись: *Иван
Лыков.*
71. <Иванов Вс.> У черты (Очерк фронта) // Сибирский казак. 1919. 4 ноября. С. 3.
Подпись: *Всеv. Тараканов.*

72. <Иванов Вс.> У черты (Очерки фронта) // Там же. 5 ноября. С. 2. Подпись: В. Тараканов.
73. <Иванов Вс.> Из рабочих недр // Советская Сибирь. 1921. 1 февр. С. 2. Подпись: В. Изюмов.
74. Иванов Вс. Партизаны. М.: Космист, 1921. 92 с.
75. Иванов Вс. Бронепоезд 14-69 // Красная новь. 1922. № 1 (5). С. 75–124.
76. Иванов Вс. Бронепоезд 14-69. М.: Гос. изд-во, 1922. 80 с.
77. Иванов Вс. Цветные ветра. Пг.: Эпоха, 1922. 185 с.
78. Иванов Вс. Седьмой берег. М.; Пг.: Круг, 1922. 229 с.
79. Иванов Вс. Седьмой берег. Изд. 2-е., доп. М.; Пг.: Круг, 1923. 297 с.
80. Иванов Вс. Сопки. Партизанские повести. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 339 с.
81. Иванов Вс. Голубые пески. М.; Пг.: Круг, 1923. 321 с.
82. Иванов Вс. Возвращение Будды. Рассказы. М.: Мосполиграф, 1924. 160 с.
83. Иванов Вс. Рассказы о себе. М.: Правда, 1925. 63 с.
84. Иванов Вс. Как создаются курганы. [Рассказы.] Л.: Прибой, 1926. 62 с.
85. Иванов Вс. Пустыня Тууб-Коя. [Рассказы.] М.; Л.: Московский рабочий, 1926. 135 с.
86. Иванов Вс. Происшествие на реке Тун. [Рассказы.] М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 64 с.
87. Иванов Вс. Тайное тайных. [Рассказы.] М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 192 с.
88. Иванов Вс. Дыхание пустыни. [Рассказы.] Л.: Прибой, 1927. 170 с.
89. Иванов Вс. Гибель Железной // Красная новь. 1928. № 1. С. 3–57.
90. Иванов Вс. Собрание сочинений: в 7 т. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928–1931.
91. Иванов Вс. Бронепоезд 14,69. [Повесть переработана автором для юношества]. М.; Л.: Молодая гвардия, 1932. 102 с.
92. Иванов Вс. Почему и как появился «Бронепоезд 14-69» // Театр и драматургия. 1934. № 3. С. 27–29.
93. Иванов Вс. Бронепоезд 14-69. [Пьеса. В 4 действиях.] М.: Цедрам, 1934. 40 с.
94. Иванов Вс. Бронепоезд 14-69. Пьеса в 4-х д. 8-ми карт.: Новая редакция. М.: Искусство, 1952. 88 с.
95. Иванов Вс. История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 120–150; 1958. № 1. 155–194.
96. Иванов Вс. Собрание сочинений: в 8 т. / примеч. М.В. Минокина. М.: Гослитиздат, 1958–1960.

97. *Иванов Вс.* Собрание сочинений: в 8 т. / под ред. Т.В. Ивановой, А.И. Пузикова, С.В. Сартакова; подгот. текста и коммент. Л.А. Гладковской, Е.А. Краснощековой. М.: Художественная литература, 1973–1978.

98. *Иванов Вс.* Переписка с А.М. Горьким. Из дневников и записных книжек. Изд. 2-е, дополн. М.: Советский писатель, 1985. 480 с.

99. *Иванов Вс.* Дневники / сост. М.В. Иванов, Е.А. Папкова; ред. А.М. Ушаков. М.: Наследие, 2001. 492 с.

100. Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества / отв. ред. Е.А. Папкова. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.

101. *Иванов Вс.* Бронепоезд 14-69. М.: Изд-во «Вече», 2012. 352 с.

102. *Иванов Вс.* Тайное тайных / изд. подготовлено Е.А. Папковой, отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: Наука, 2012. (Серия «Литературные памятники»). 566 с.

103. *Иванов Вс.* Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма / сост. Вяч.Вс. Иванов, Е.А. Папкова; науч. ред. Н.В. Корниенко. Новосибирск: ИД «Свиньин и сыновья», 2015. 400 с.

104. Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты истории / сост. Е.А. Папкова, отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 736 с.

II. Документы, эго-документы

105. Большая цензура: писатели и журналисты в Стране Советов, 1917–1956 / сост. Л.В. Максименков. М.: Материк : Демократия, 2005. 750 с.

106. Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 / сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: Демократия, 1999. 868 с.

107. Воспоминания о Константине Федине / сост. Н.К. Федина. М.: Советский писатель, 1988. 510 с.

108. Всеволод Иванов – писатель и человек. Воспоминания современников / сост. Т.В. Иванова. Изд. 2-е, доп. М.: Советский писатель, 1975. 448 с.

109. Гражданская война на Украине. 1918–1920. Сборник документов и материалов: в 4 т. / отв. ред. С.М. Короливский. Т. 2. Киев: Наукова думка, 1967. 918 с.

110. *Иванова Т.В.* Мои современники, какими я их знала. Очерки. М.: Советский писатель, 1987. 576 с.

111. К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. М.: Красная новь, 1924. 109 с.

112. Коминтерн и идея мировой революции. Документы / сост. и автор коммент. Я.С. Драбкин и др. М.: Наука, 1998. 947 с.
113. Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 680 с.
114. Окрест Колчака: документы и материалы / сост. А.В. Квакин. М.: Аграф, 2007. 511 с.
115. *Пильняк Б.А.* Письма: в 2 т. / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. К.Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. М.: ИМЛИ РАН, 2010.
116. Письма Вс.В. Иванова / публ. Ю.П. Зародовой // Омский литературный музей. Тексты. Материалы. Исследования. Вып. 2. Омск: Издатель-полиграфист, 2015. С. 133–136.
117. С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. М.: Художественная литература, 1986.
118. «Свела нас Россия...» Переписка К.А. Федина и И.С. Соколова-Микитова. 1922–1974. М.: Наука, 2008. 482 с.
119. Сибирская Вандея 1919–1920 гг. Документы: в 2 кн. / сост. В.И. Шишкин. М.: Международный фонд «Демократия», 2000.
120. Сибирское бюро ЦК РКП(б). 1918–1920 гг. Сб. документов: в 2 ч. / предисл. Л.М. Спирина. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978.
121. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. док.: в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М.: ИРИ РАН, 2001–2017.
122. «Я глубоко верю в Россию...» (Письма Всеволода Иванова Алексею Толстому) / вступ. заметка, публ. и коммент. Е.И. Погорельской // Вопросы литературы. 2002. № 2. С. 337–347.

Литература

123. *Адамович Г.* Собрание сочинений. Литературные беседы: в 2 кн. / редкол.: О.А. Коростелев и др. СПб.: Алетейя, 1998.
124. *Авербах Л.* О литературных дискуссиях текущего года // На литературном посту. 1927. № 14. С. 5–11.
125. *Алейников О.Ю.* «Старый» и «новый» восток в пропагандистском дискурсе большевистской печати и в творчестве Вс. Иванова и А. Платонова // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 347–355.

126. *Алексеев В.М.* Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908): перевод и исследование с приложением китайских текстов. М.: Восточная литература, 2008. 701 с.
127. Алтайские героические сказания / сказитель А. Калкин; пер. с алт. А. Плитченко. М.: Современник, 1983. 288 с.
128. Алтайский альманах / под ред. Г.Д. Гребенщикова. СПб.: Жизнь Алтая, 1914. 202 с.
129. *Анисимов К.В.* Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. 304 с.
130. *Антилова Л.Н.* Между вечностью и бренностью: образ матери в рассказах о революции // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 339–348.
131. Архив А.М. Горького: в 11 т. / под общ. ред. акад. И.П. Луппола. М.: Художественная литература, 1939–1965.
132. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. М.: Индрик, 1994.
133. *Банерджи Р.* Мир воображения в романе Всеволода Иванова «Похождения факира» // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 382–389.
134. *Банерджи Р.* Повесть Всеволода Иванова «Возвращение Будды»: символика названия // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 63–72.
135. *Белая Г.А.* Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений: синкретическое исследование русской литературной критики и эстетики 1920-х годов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. 621 с.
136. *Беленький Е.* Из сибирской тетради. Очерки и портреты. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. 288 с.
137. *Беленький Е.* На всю жизнь // Судьбы, связанные с Омском: Кн. 2 / сост. И.Ф. Петров. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1979. С. 173–210.
138. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.
139. *Богумил Т.А.* Алтай в биографии и творчестве В.Я. Шишкова («Алые сугробы») // Имагология и компаративистика. 2020. № 13. С. 128–140.
140. *Богумил Т.А.* Беловодье: легенда, мифологема, бренд // Культура и текст. 2018. № 3 (34). С. 89–101.

141. *Брайнина Б.Я.* На перевале: Всеволод Иванов за 1930 год // Литература и искусство. 1931. № 2–3. С. 118–127.
142. *Браун Я.* У синего зверюшки в лапах // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 168–180.
143. *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 9 т. / под. общ. ред. А.С. Мясникова. М.: Художественная литература, 1965–1967.
144. *Бухарин Н.* Злые заметки. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 19 с.
145. *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. 497 с.
146. *Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука коммунизма: Популярное объяснение программы РКП(б). Пб.: Госиздат, 1920. 321 с.
147. *Бучко Н.П.* Военная элита белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программа, политика. Хабаровск: Частная коллекция, 2009. 253 с.
148. *Быстрова О.В.* Участие Всеволода Иванова в горьковском проекте «История Гражданской войны» (По материалам Российского государственного архива социально-политической истории) // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 390–397.
149. *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований. Издан Этнографическим отделом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М.: Скоропеч. А.А. Левенсон, 1883. 221 с.
150. *Виноградская И.Н.* Жизнь и творчество К.С. Станиславского. Летопись: в 4 т. 1863–1938. М.: Всерос. театр. о-во, 1971.
151. *Винокур Г.* Культура языка. Очерки лингвистической технологии. М.: Работник просвещения, 1925. 216 с.
152. *Виттельс Ф.* Фрейд, его личность, учение и школа / пер. с нем. д-ра Г.Б. Гаубмана. Л.: Гос. изд-во, 1925. 198 с.
153. *Волошинов В.Н.* Фрейдизм. Критический очерк. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 164 с.
154. *Воронский А.К.* Искусство видеть мир. М.: Советский писатель, 1987. 700 с.
155. *Воронский А.К.* О книге Всеволода Иванова «Тайное тайных» // Ленинградская правда. 1926. 5 дек. С. 3.
156. *Воронский А.К.* У склепа // Красная новь. 1924. № 1. С. 135–143.
157. Всеволод Иванов. [Сборник]. М.: Кооп. изд-во писателей «Никитинские субботники», 1927 (Библиотека современных писателей для школы и юношества / под ред. Е.Ф. Никитиной. Критическая серия, 3). 194 с.
158. *Волков Н.* «Бронепоезд 14,69» в МХАТе // Новый мир. 1928. № 1. С. 269–270.

159. Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / сост. Т.Г. Черняева (при участии В.К. Корниенко и К.В. Анисимова). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2008. 210 с.
160. Генетическая критика во Франции. Антология / под ред. А.Д. Михайлова. М.: ОГИ, 1999. 286 с.
161. *Гладковская Л.А.* Всеволод Иванов: очерк жизни и творчества. М.: Просвещение, 1972. 144 с.
162. *Гладковская Л.А.* Жизнелюбивый талант. Л.: Художественная литература, 1988. 302 с.
163. *Головинов А.В.* Идеология сибирского областничества: социокультурные ценности и политические смыслы. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2011. 89 с.
164. *Горбачев Г.* Современная русская литература: Обзор литературно-идеологических течений современности и критические портреты. Л.: Прибой, 1929. 393 с.
165. *Горнфельд А.* Новые словечки и старые слова. Речь на Съезде препод. рус. яз. и словесности в Петербурге 5 сент. 1921 г. Пб.: Колос, 1922. 64 с.
166. Горький и его эпоха. Вып. 1–15 / отв. ред. Л.А. Спиридонова. М.: Наука, 1989–2020.
167. *Горький М.* Две души // *Летопись*. 1915. № 1. С. 123–135.
168. *Горький М.* О русском крестьянстве. Берлин: Изд-во И.П. Ладыжникова, 1922. 45 с.
169. *Горький М.* Полное собрание сочинений: Письма: в 24 т. / гл. ред. Ф.Ф. Кузнецов, В.В. Полонский. М.: Наука, 1997–
170. *Горький М.* Полное собрание сочинений: Художественные произведения: в 25 т. / гл. ред. Л.М. Леонов. М.: Наука, 1968–1976.
171. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / гл. ред. С.С. Хромов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 703 с.
172. *Грачева А.М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 369 с.
173. *Гребенщиков Г.* Змей Горыныч. Повести, рассказы. Пг.: Огни, 1916. 154 с.
174. *Громова А.В.* Революция и «русский мир» в прозе Вс.В. Иванова и Л.Ф. Зурова («Цветные ветра» – «Поле») // *Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах* / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 374–381.
175. *Гроссман-Роцин И.* Без мотивов и без цели («Ночь» и «Особняк» Всеволода Иванова) // *На литературном посту*. 1928. № 20–21. С. 44–48.

176. *Гуль Ром.* Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». Повесть [Рецензия.] // Новая русская книга. 1922. № 11–12. С. 11.
177. *Девятьярова И.Г.* Здесь мечтали о Единой России // Вечерний Омск. 1992. 3 марта. С. 3.
178. Движение ак-jang [белая вера] – бурханизм на Алтае: взгляд через столетие: материалы научной конференции, посвященной 100-летию событий в долине Теренг / редкол.: Н.В. Екеев и др. Горно-Алтайск: [б.и.], 2004. 282 с.
179. *Дегтярев Л.* Политотдел в отступлении // Пролетарская революция. 1924. № 12. С. 212–247.
180. *Деникин А.И.* Вооруженные силы Юга России. М.: Изд-во «Вече», 2013. 320 с.
181. *Динерштейн Е.А.* А.К. Воронский: В поисках живой воды. М.: РОССПЭН, 2001. 357 с.
182. *Друзин В.* Задачи пролетарского поэтического молодняка (К вопросу об усвоении культуры прошлого) // На литературном посту. 1928. № 8. С. 40–44.
183. *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: в 7 т., 9 кн. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: «Наука» – «Голос», 1995–2002.
184. *Ермилов В.* За живого человека в литературе. М.: Федерация, 1928. 311 с.
185. *Журбина Е.И.* Теория и практика художественных публицистических жанров. М.: Мысль, 1969. 399 с.
186. *Зазубрин В.* Бледная правда. М.: Рус. кн., 1992. 446 с.
187. *Зазубрин В.* Литературная пушнина // Сибирские огни. 1927. № 1. С. 198–213.
188. *Залкинд А.Б.* Половой вопрос в условиях советской общественности. Л.: [б.и.], 1926. 128 с.
189. *Залкинд А.Б.* Очерки культуры революционного времени. Сборник статей. М.: Работник просвещения, 1924. 196 с.
190. *Зародова Ю.П., Лоцилов И.Е.* Сибирский литературный круг Всеволода Иванова // Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / отв. ред Н.В. Корниенко, сост. Е.А. Папкина. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 577–617.
191. Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / сост. В.М. Лейбин. М.: Республика, 1994. 382 с.
192. *Зонин А.* На перепутье // На литературном посту. 1927. № 4. С. 7–15.
193. *Иванов Вс.Н.* Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 3–81.

194. *Иванов Вяч.Вс.* Всеволод Иванов – неведомый, полузабытый и известный // *Неизвестный Всеволод Иванова: Материалы биографии и творчества / отв. ред. Е.А. Папкова. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 715–732.*
195. *Иванов Вяч.Вс.* «И мир опять предстанет странным...» (К 100-летию со дня рождения Всеволода Иванова, 24 февраля 1895 г) // *Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II. Статьи о русской литературе. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 504–512.*
196. *Иванов Вяч.Вс.* О «Тайном тайных» Всеволода Иванова // Там же. С. 513–519.
197. *Иванов Вяч.Вс.* Проблема отношения к партиям и другим объединениям в биографиях начинающих писателей революционного времени (Пример Всеволода Иванова) // *Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 311–321.*
198. *Иванов Вяч.Вс.* Серапионовы братья: взгляд из 2011 года // *Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты. К 90-летию со дня образования литературной группы. Саратов: Изд-во «Орион», 2011. С. 8–9.*
199. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текста. М.: Наука, 1974. 342 с.
200. *История русской литературы XX века (20–50-е гг.). Литературный процесс / под ред. А.П. Авраменко и др. М.: Изд-во Московского ун-та, 2006. 773 с.*
201. *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев / П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, кн. Н.С. Трубецкой, Г. Флоровский. София: Рос.-Болг. книгоизд-во, 1921. 125 с.*
202. К истории «артели» писателей «Круг» / публ. К.М. Поливанова // *De visu. 1993. № 10. С. 5–15.*
203. *Казахские народные сказки / под ред. М. Ауэзова и Н. Анова. М.: Гослитиздат, 1952. 315 с.*
204. *Казахские сказки: в 3 т. / сост. В.М. Сидельников. Алма-Ата: Казахское гос. изд-во худож. лит., 1964.*
205. *Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина (архивные материалы и публикации) / сост. и коммент. С.А. Касбасова, Н.С. Смирновой, Е.Д. Турсунова. Алма-Ата: Наука, 1972. 382 с.*
206. *Караваева А.А.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. М.; Л.: Госиздат, 1930. 386 с.
207. *Карский Е.Ф.* Белорусы: в 3 т. Пг.: 12-я Гос. тип., 1921.
208. *Касбасов С.А.* Казахская несказочная проза. Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. 238 с.

209. *Киселева Л.А.* Есенин и Клюев: скрытый диалог (попытка частичной реконструкции) // Николай Клюев: Исследования и материалы / ред.-сост. С.И. Субботин. М.: «Наследие», 1997. С. 181–192.
210. Китайские социальные утопии: сборник статей / под ред. Л.П. Делюсина. М.: Наука, 1987. 308 с.
211. *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М.: Наука, 1977. 335 с.
212. *Клюев Н.А.* Письма к Александру Блоку / публ., введ. ст. и коммент. К.М. Азадовского. М.: Прогресс-Плеяда, 2003. 366 с.
213. *Клюев Н.А.* Сердце единорога. Стихотворения и поэмы / предисл. Н.Н. Скатова, вступ. статья А.И. Михайлова, сост., подгот. текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 1999. 1072 с.
214. *Клюев Н.А.* Словесное древо. Проза / вступ. статья. А.И. Михайлова, сост., подгот. текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. 684 с.
215. *Кнорре (Константинова) Е.Ю.* Китежане 1920-х.: М. Пришвин, А. Мейер, М. Бахтин, А. Горский, Н. Сетницкий. «Творчество идеала» как модель самоопределения в социокультурной среде // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма / отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. М.: Индрик, 2016. С. 228–241.
216. *Ковтун Н.В.* Беловодский метатекст в современной русской прозе (К постановке проблемы) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста. Тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX веков / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта : Наука, 2015. С. 153–189.
217. *Коган П.* Литературные заметки. О международной махновщине и Вс. Иванове // Красная газета. 1922. 7 окт. (Утр. вып.). С. 6.
218. *Кондаков Г.В.* Стилизация и алтайский фольклор // Ученые записки Горноалтайского НИИ истории, языка и литературы, 1971. Вып. 10. С. 105–114.
219. *Корниенко Н.В.* «...Ах, как рассказать, как рассказать...» Революционная эпоха в литературе первых советских десятилетий // Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / сост. Е.А. Папкова; отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 676–703.
220. *Корниенко Н.В.* Есенин и крестьянский вопрос в критике первой советской оттепели // Есенин и мировая культура. Материалы научной конференции, посвященной 112-летию со дня рождения С.А. Есенина / отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева. Москва-Константиново-Рязань: Пресса, 2008. С. 211–244.

221. *Корниенко Н.В.* История текста и биография А.П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. 320 с.
222. *Корниенко Н.В.* «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 504 с.
223. *Корниенко Н.В.* «Сказано русским языком...» Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 536 с.
224. *Краснощечкова Е.А.* Художественный мир Всеволода Иванова. М.: Сов. писатель, 1980. 351 с.
225. *Криничная Н.А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Акад. проект : Гаудеамус, 2004. 1005 с.
226. *Куняев Ст., Куняев С.* Растерзанные тени: Избранные страницы из «дел» 20 – 30 гг. ВЧК-ОГПУ-НКВД, заведенных на друзей, родных, литературных соратников, а также на литературных и политических врагов С. Есенина. М.: Голос, 1995. 477 с.
227. *Левченко Н.И.* Леонид Степанович Ушаков – редактор газеты «Приишимье» // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 277–301.
228. Легенды и мифы седого Алтая / сост. В.Ф. Хохолков. Горно-Алтайск: Горноалтайская респ. тип., 2008. 91 с.
229. *Лежнев А.* Путь к человеку: О последних произведениях Вс. Иванова // Прожектор. 1927. № 3. С. 22.
230. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Госполитиздат, 1958–1965.
231. *Леонтьев Я.В.* «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М.: АИРО-XXI, 2007. 326 с.
232. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. 7 кн. / гл. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2003–2018.
233. Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: Изд-во Коммунист. акад., 1929–1939.
234. Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка / ред. И.С. Зильберштейн и Е.Б. Тагер. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 736 с.
235. *Лоцилов И.Е.* К «сорокинаде» Всеволода Иванова // Литературно-краеведческие Ивановские чтения: статьи, материалы, сообщения / сост. Н.И. Левченко. Новосибирск: Изд-во НГОНБ, 2015. С. 75–80.
236. *Лоцилов И.Е.* Николай Анов об Андрее Платонове и Всеволодах Ивановых // III–IV Литературно-краеведческие Ивановские чтения. 2015–2016. Статьи, материалы, сообщения / сост. Н.И. Левченко. Новосибирск: Издательство «Наука», 2017. С. 28–53.

237. *Лоцилов И.Е.* «Пальма в Сибири не водится...»: К сибирским контекстам первой фразы рассказа Всеволода Иванова «Глиняная шуба» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 58–68.
238. *Лоцилов И.Е., Раппопорт А.Г.* «Это не литература, это вне литературы. Тем хуже для нее...» // *Сорокин А.* Тридцать три скандала Колчаку / подгот. текста, примеч. и предисл. И.Е. Лоцилова, А.Г. Раппопорта. 2-е изд., доп. Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2014. С. 7–28.
239. *Львов-Рогачевский В.* Новый Горький (Всеволод Иванов) // *Современник*. 1922. № 1. С. 155–169.
240. *Лысов А.* Березовый меридиан: Леонид Леонов и Сергей Есенин. Ульяновск: УлГТУ, 2005. 139 с.
241. *Мажара П.Ю.* Мемуары и дневники участников Белого движения как источник по истории Гражданской войны на Северо-Западе России (1918–1920). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: Институт истории РАН, 2013. 26 с.
242. *Милюков П.* Очерки по истории русской культуры: в 2 т. Париж: Современные записки, 1930–1931.
243. *Миокин М.* К предыстории повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» // *Русская литература*. 1966. № 1. С. 192–196.
244. *Миокин М.* О раннем варианте повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» // *Русская литература*. 1970. № 1. С. 153–156.
245. *Миокин М.В.* Путь Всеволода Иванова к роману (20-е годы). Орел: Орловский гос. пед. институт, 1966. 153 с.
246. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1987–1989.
247. *Михайлов А.И.* Пути развития новокрестьянской поэзии. Л.: Наука : Ленинградское отд-ние, 1990. 275 с.
248. *Московская Д.С.* Всеволод Иванов: отношение к революции (В оценках зарубежной критики) // *Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах* / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 365–373.
249. *Московская Д.С.* Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 431 с.
250. Народная словесность / под ред. Е.В. Аничкова. М.: Крафт+, 2002. 438 с.
251. *Наседкин В.Ф.* Последний год Есенина. М.: Никитинские субботники, 1927. 46 с.

252. *Неверов А.* В кругу заколдованном // *Корабль*. 1923. № 7–8. С. 3.
253. *Николаев Д.Д.* Русская проза 1920–1930-х гг.: авантюрная, фантастическая и историческая проза. М.: Наука, 2006. 688 с.
254. *Новоселов А.Е.* Беловодье. Повести, рассказы, очерки. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. 445 с.
255. *Орлицкий Ю.Б.* Прозаическая миниатюра в творчестве Всеволода Иванова // *Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах* / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 412–420.
256. Освальд Шпенглер и «Закат Европы» / Н.А. Бердяев, Я.М. Букшпан, Ф.А. Степун, С.Л. Франк. М.: Берег, 1922. 95 с.
257. Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС (1895–1980). Красноярск: Кн. изд-во, 1982. 599 с.
258. *Павлов В.А.* Два поколения («Бронепоезд 14-69» в МХАТ-1 и «Разлом» в театре им. Вахтангова) // *Новый зритель*. 1927. № 47 (202). С. 4–6.
259. *Пакентрейгер С.* По следам зверя (Всеволод Иванов) // *Печать и революция*. 1927. № 3. С. 65–69.
260. Памятники литературы Древней Руси: в 12 вып. / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева; вступ. ст. Д.С. Лихачева; подбор ил. О.А. Белобровой. М.: Художественная литература, 1978–1994.
261. *Папкина Е.А.* Золотой век Сибири в легендах Всеволода Иванова 1916–1917 гг. // *Литературно-краеведческие Ивановские чтения: статьи, материалы, сообщения* / сост. Н.И. Левченко. Новосибирск: Изд-во НГОНБ, 2015. С. 25–32.
262. *Папкина Е.А.* Из литературного наследия Всеволода Иванова 1919–1925 гг. // Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / сост. Папкина Е.А.; отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 251–258.
263. *Папкина Е.А.* Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных»: На перекрестке советской идеологии и национальной традиции / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 622 с.
264. *Папкина Е.А.* Материалы к биографии Всеволода Иванова 1917–1921 // Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / сост. Е.А. Папкина / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 340–361.
265. *Папкина Е.А.* Пьеса Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69»: тексты и источники // *Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах* / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 330–338.

266. Папкива Е.А. «Беловодье» Михаила Плотникова: русская литература 1 трети XX века в поисках крестьянского рая // Сибирские огни. 2011. № 4. С. 133–139.
267. Папкива Е.А. Сибирские источники прозы Вс. Иванова начала 1920-х гг. // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 17–26.
268. Папкива Е.А. «Странна твоя дорога, бронепоезд 14-69...» // Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / сост. Е.А. Папкива; отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 7–40.
269. Папкива Е.А. Эстетика и идеология серапионов «восточной группы» // Серапионовы братья: Философско-эстетические и культурно-исторические аспекты: К 90-летию образования литературной группы / сост., ред. Л.Ю. Коновалова, И.В. Ткачева. Саратов: Изд-во «Орион», 2011. С. 15–23.
270. Папкива Е.А., Лоцилов И.Е. Всеволод Иванов. Корреспонденции из газеты «Вперед» (август – сентябрь 1919 года) // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 7–38.
271. Петров П. Партизаны // Сибирские огни. 1927. № 6. С. 3–12.
272. Пильняк Б. Третья столица. Повести и рассказы / сост. и вступ. статья Б.Б. Андроникашвили-Пильняк, примеч. К.Б. Андроникашвили-Пильняк. М.: Рус. кн., 1992. 443 с.
273. Пильский П. Пегая новь // Сегодня. 1922. 10 авг. С. 2.
274. Платонов А.П. Иван Жох // Платонов А.П. Сочинения. Том первый. 1918–1927. Рассказы. Стихотворения / гл. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 26–41.
275. Платонов А.П. Сокровенный человек. Повести. М.: Молодая гвардия, 1928. 225 с.
276. Платонов А.П. Сочинения. Том третий. 1927–1929. Чевенгур. Роман / подгот. текста и коммент. Н.В. Корниенко, Е.А. Папкивой; гл. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 720 с.
277. Плотников М. Беловодье // Сибирские огни. 2011. № 4. С. 140–154.
278. Поварцов С.Н. Биография, автобиография, жизнь (К портрету Всеволода Иванова) // Вопросы литературы. 2008. № 6. С. 168–189.
279. Погорельская Е.И. «На краю Сибири с Ивановым». Статья в газете «Юманите» // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 53–62.
280. Полонский Вяч. Очерки современной литературы. О творчестве Всеволода Иванова // Новый мир. 1929. № 1. С. 220–235.

281. *Пономарева Т.А.* Новокрестьянская проза 1920-х гг.: в 2 ч. Череповец: ГОУ ВПО Череповецкий гос. ун-т, 2005.
282. *Потанин Г.Н.* Избранные сочинения: в 3 т. / гл. ред. Е.М. Арын, сост. А.Л. Захаренко. Павлодар: ЭКО, 2005.
283. *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению Императорского русского географического общества. Вып. 4. Материалы этнографические. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. 1064 с.
284. *Примочкина Н.Н.* Антиномия «Восток – Запад» в мировоззрении и творчестве М. Горького // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького: Материалы и исследования. Вып. 9 / отв. ред. Л.А. Спиридонова. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 41–81.
285. *Пржевальский Н.М.* Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869. Владивосток: Дальне-Вост. кн. изд-во, 1990. 328 с.
286. *Просветов И.В.* Десять жизней Василия Яна. Белогвардеец, которого наградили Сталин. [Б.м.]: Изд. решения, 2016. 417 с.
287. *Пудалова Л.А.* Проза Всеволода Иванова и фольклор. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. 135 с.
288. Русские писатели 20 века: Биографический словарь / гл. ред. и сост. П.А. Николаев. М.: Большая Рос. энцикл. : Рандеву-АМ, 2000. 806 с.
289. *Сагалаев А.М.* Урало-алтайская мифология: Символы и архетипы. Новосибирск: Наука : Сиб. отд-ние, 1991. 152 с.
290. *Сагалаев А.М., Крюков В.М.* Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск: «Наука» : Сиб. отд-ние. 1991. 228 с.
291. *Садофьев И.* Пролетарская литература в обстановке нэпа // Красная газета. 1922. 9 сент. С. 3.
292. Сборник к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск: Типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1915. 115 с.
293. *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / сост., подгот. текстов, примеч. и вступ. статья В.В. Перхина. М.: Алетейя, 2002. 366 с.
294. *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. М.: Работник просвещения, 1928. 248 с.
295. *Семенова С.Г.* Русская поэзия и проза 1920–1930 годов: Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. 588 с.

296. Серапионовы братья в зеркалах переписки / вст. ст., сост., коммент. Е. Лемминга. М.: Аграф, 2004. 539 с.
297. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / под ред. К.В. Анисимова. Красноярск: СФУ, 2010. 234 с.
298. Сибирский текст в русской культуре: К 400-летию Томска и 125-летию первого университета Сибири / под ред. А.П. Казаркина. Томск: Сибирика, 2002. 270 с.
299. Сказания бурят, записанные разными собирателями. Записки Восточно-Сибирского отделения Императорского русского географического общества. Т. 162. Иркутск: на средства Д.Г. Гамбоева, 1899. 160 с.
300. *Скобелев В.П.* Масса и личность в русской советской прозе 20-х годов (К проблеме народного характера). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. 341 с.
301. Словарь книжников и книжности Древней Руси 2-й половины XIV–XVI вв.: в 2 ч. / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука : Ленингр. отд-ние, 1989.
302. *Слоним М.* Портреты советских писателей. Париж: Парабола, 1933. 170 с.
303. *Солнцева Н.М.* Китежский павлин. М.: Скифы, 1992. 431 с.
304. *Солнцева Н.М.* «Песнь Солнценосца» Н. Клюева как скифская поэма // Сергей Есенин в контексте эпохи: Коллективная монография / отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2001. С. 311 – 324.
305. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / под ред. Н.И. Веселовского. СПб.: Типография главного управления уделов, 1904. 533 с.
306. *Сперанский М.Н.* «Аристотелевы врата» и «Тайная тайных» // Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 15–18.
307. *Спиридонова Л.А.* Концепция личности в системе философско-эстетических взглядов М. Горького // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького: Материалы и исследования. Вып. 9 / отв. ред. Л.А. Спиридонова. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 9–40.
308. *Спирин Л.М.* Разгром армии Колчака. М.: Госполитиздат, 1957. 296 с.
309. *Стишов М.И.* Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. 420 с.
310. *Суматохина Л.В.* М. Горький и писатели Сибири. М: ИНФРА-М, 2013. 237 с.
311. *Тальников Д.* Литературные заметки // Красная новь. 1929. № 1. С. 234–250.
312. *Толстых Н.Ю.* Курганские корреспонденции Всеволода Иванова // Тобол. 2015. № 2 (26). С. 125–137.
313. *Топоров А.* Крестьяне о писателях. Изд. 2-е. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1963. 259 с.

314. Третья столица. Омск, 1918 – 1919. Изобразительное искусство. Литература / отв. ред. И.Г. Девятьярова. Омск: Омский обл. музей изобразительных искусств, 2011. 114 с.
315. *Троцкий Л.* Вопросы быта: Эпоха «культурничества» и ее задачи. М.: Гос. изд-во, 1923. 115 с.
316. *Троцкий Л.* Литература и революция. М.: Красная новь: Главполитпросвет, 1923. 392 с.
317. *Троцкий Л.Д.* Сочинения: в 21 т. М.; Л.: Госиздат, 1925–1927.
318. *Фадеев А.А.* Разгром. Л.: Прибой, 1927. 214 с.
319. *Федин К.А.* Горький среди нас. Картины литературной жизни. М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1967. 352 с.
320. *Федин К.А.* Собрание сочинений: в 12 т. / гл. ред. Г.М. Марков. М.: Художественная литература, 1982–1986.
321. *Федин К.А.* Трансвааль. Рассказы. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 206 с.
322. *Флоренский П.* Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). Философское наследие. Т. 133. М.: Изд-во «Мысль», 2004. 684 с.
323. *Фрезинский Б.* Судьбы серапионов. Портреты и сюжеты. М.: Акад. проект, 2003. 590 с.
324. *Фрейд З.* Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 170 с.
325. *Фриче В.* Заметки о современной литературе. М.; Л.: Московский рабочий, 1928. 165 с.
326. *Ханинова Р.М.* Поэтика малой прозы Всеволода Иванова: психологический аспект. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2006. 329 с.
327. *Хоффман С.* Есть ли место «скифским» мотивам в современном идеологическом спектре // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Публикации и исследования. Вып. 1. СПб.: «Глаголь», 1996. С. 129–137.
328. *Цейтлин Е.Л.* Сколько дорог у «Бронепоезда 14-69». М.: Книга, 1982. 127 с.
329. *Ципкин Ю.Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922). Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2012. 245 с.
330. *Чапъгин А.* Белый скит. Л.; М.: Ленгиз, 1932. 163 с.
331. *Черняк М.А.* Литературный юбилей как форма культурной памяти в современной России: случай Всеволода Иванова // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 27–36.

332. *Четвериков Б.* Навстречу солнцу. М.: Воениздат, 1967. 624 с.
333. *Чехов А.П.* Собрание сочинений: в 12 т. М.: Гослитиздат, 1954–1957.
334. *Чистов К.В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 523 с.
335. *Чудаков А.П.* Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 291 с.
336. *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 427 с.
337. *Широков О.С.* Проблема этнолингвистических обоснований евразийства // Исход к Востоку. Философия евразийства. М.: Добросвет ; КДУ, 2008. С. 3–30.
338. *Шишкин В.И.* Дальневосточный регион как геополитический фактор в начале 1920-х гг. // Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции «Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему». Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии Дальнего Востока ДВО РАН, 1996. С. 29–30.
339. *Шишков В.* Алые сугробы. Харьков: Пролетарий, 1927. 191 с.
340. *Шкловский В.* О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 268 с.
341. *Шкловский В.* Современники и синхронисты // Русский современник. 1924. № 3. С. 232–237.
342. *Шкловский В.* Техника писательского ремесла. М. ; Л.: Молодая гвардия, 1927. 72 с.
343. *Штырбул А.А.* Время, отраженное в творчестве // Всеволод Иванов. «Броенпоезд 14-69»: Контексты эпохи / сост. Е.А. Папкина; отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 514–576.
344. *Штырбул А.А.* Всеволод Иванов в Сибири: Страницы творческой биографии в контексте истории (1917–1921). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2020. 152 с.
345. *Штырбул А.А.* Дожить до сентября: судьба поэта Юрия Сопова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015. 281 с.
346. *Штырбул А.А.* Из омских лет Всеволода Иванова: к вопросу об авторстве статьи «Под чужим флагом» // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 322–329.
347. *Штырбул А.А.* Покушение на Колчака: историческое расследование. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. 392 с.
348. *Штырбул А.А.* Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX века). Омск: Омск. гос. пед. ун-т, 2003. 243 с.

349. *Шубникова-Гусева Н.И.* Поэмы С.А. Есенина: от «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 684 с.
350. *Шулдяков В.А.* Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920: в 2 кн. М.: Центрполиграф, 2004.
351. *Эльсберг Ж.* Творчество Всеволода Иванова // На литературном посту. 1927. № 19. С. 39–51.
352. Энциклопедический словарь / сост. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.: в 86 т. Репринтное воспроизведение издания 1890 г. М.: Терра, 1993.
353. *Эткинд А.* Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб.: АОЗТ : Изд. дом «Медуза», 1993. 463 с.
354. *Якимова Л.П.* Всеволод Иванов: вехи на творческом пути. От повести «Возвращение Будды» к книге «Тайное тайных» // Литературно-краеведческие Ивановские чтения: статьи, материалы, сообщения / сост. Н.И. Левченко. Новосибирск: Изд-во НГОНБ, 2015. С. 2–24.
355. *Якимова Л.П.* «Жизнь Смокотинина» как заглавный рассказ книги Всеволода // Вестник НГУ. 2015. Т. 14. Вып. 9. С. 261–266.
356. *Якимова Л.П.* Повесть Всеволода Иванова «Возвращение Будды» в мотивном контексте 20-х годов // Сюжетология и сюжетография. 2014. № 2. С. 82–92.
357. *Якимова Л.П.* «При жизни произведен в классики». Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20–30-х годов XX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. 256 с.
358. *Якимова С.И.* Всеволод Никанорович Иванов: писатель, мыслитель, журналист. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2013. 2016 с.
359. *Якубовский Г.* Литературные блуждания. Психологические приключения трех писателей // Журнал для всех. 1929. № 3. С. 116–121.
360. *Яновский Н.Н.* Всеволод Иванов. Новосибирск: Кн. изд-во, 1956. 174 с.
361. *Янчевецкий М.В.* Писатель-историк В. Ян: Очерк творчества. М.: Дет. лит., 1977. 191 с.
362. *Яранцев В.Н.* Роман «Иприт» как феномен творческой биографии Всеволода Иванова // Литературно-краеведческие Ивановские чтения: статьи, материалы, сообщения / сост. Н.И. Левченко. Новосибирск: Изд-во НГОНБ, 2015. С. 33–45.